РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

НЕМЦЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
XVIII–XX вв.

Выпуск 12

Санкт-Петербург
2019

ББК 63.3(2)
УДК 94(470.23-25):929(=112.2)"17/21"
Н50

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:
канд. ист. наук, старший научный сотрудник
отдела европеистики МАЭ РАН Ю.В. Бучатская,
канд. культурологии, доцент кафедры теории
и истории культуры РГПУ им. А.И. Герцена В.Л. Соловьева

Н50 **Немцы в Санкт-Петербурге**: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 12 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. — СПб.: МАЭ РАН, 2019. — 524 с.

ISBN 978-5-88431-368-2

В научном сборнике «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект» (вып. 12) представлены статьи о жителях многонационального города Санкт-Петербурга — о немцах, их жизни, научной деятельности, достижениях в искусстве, промышленной сфере и др. в XVIII–XX вв. Интересен раздел о судьбах немецких семей и родов в столице России. Читатели познакомятся как с жизнью отдельных личностей, так и с организациями на фоне исторических описаний города.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Издание осуществлено
при поддержке Генерального консульства
Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге
в рамках программы по поддержке немецкого меньшинства
под патронажем Фонда поддержки и развития русско-немецких
отношений «Русско-немецкий центр встреч при Петрикирхе
в Санкт-Петербурге».

ISBN 978-5-88431-368-2

© МАЭ РАН, 2019
© А.Ю. Харитонова, обложка, 2019

К ЧИТАТЕЛЮ

Развитие истории всегда конкретно. Контакты между людьми разных национальностей на протяжении многих лет носили социально-культурный и жизненный характер. При исследовании многообразных связей достаточно плодотворным стало сочетание общеисторического подхода с этнографическим и этнологическим, с одной стороны, и с биографическим — с другой. Именно биографический аспект был взят за основу научных исследований при проведении ежегодных научных конференций и публикации сборников «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект». Всего с 1999 по 2018 г. состоялось двадцать конференций.

В период разнообразных внешних контактов, начиная с новгородско-киевского времени, в нашей стране активно взаимодействовали славяне и германцы. Двусторонние этнические контакты не ограничивались международными и политическими связями правящих кругов, на протяжении столетий развивалось общение между людьми, принадлежавшими к названным группам народов с различной этнокультурой. В основе общения лежало взаимное тяготение и соприкосновение культур, во многом не похожих, но дополнявших друг друга: это были профессиональные, деловые, просто человеческие контакты.

Германия и Россия играли и продолжают играть в Европе не последнюю роль. Пока между этими странами существуют мирные, партнерские отношения — в Европе царит мир. Но когда внешние и внутренние силы оказывали негативное воздействие на эти отношения, начинались войны, жертвами которых становились и россияне, и немцы.

В 2014 г. исполнилось сто лет с начала Первой мировой войны. В 2015 г. отмечалось 70-летие со дня Победы над страшным злом человечества — фашизмом. В отношениях между людьми и в памяти сохранились добрые связи между нациями, которые ведут свою историю с ранних времен до нашего времени.

Санкт-Петербург всегда был центром изучения русско-немецких контактов, здесь издавались книги об истории российских немцев. Изучение темы, раскрывающей историю контактов русских и немцев, получило продолжение в отделе европеистики Музея антропологии

и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Сотрудники отдела привлекали к изучению быта, культуры, разносторонней трехсотлетней деятельности немцев различных специалистов не только из Петербурга, но и из других городов России. К работе подключились историки, краеведы, потомки немецких семей и родов, проживающие в Петербурге. Этот город всегда был многонациональным, большую группу иноверцев в нем составляли немцы. Они проживали в Петербурге — в Немецкой слободе и других районах столицы России — начиная с XVIII в. (Не случайно организаторы научных конференций в программу первым разделом включили «XVIII век».)

С 1999 по 2018 г. Музей провел 20 ежегодных научных конференций, в которых приняли участие специалисты различных научных учреждений и музеев города (Эрмитаж, Русский музей, Консерватория и др.), а также исследователи из многих городов России (Москва, Новосибирск, Барнаул, Баку, Пермь и др.) и Германии.

На конференциях было заслушано 494 доклада. Конечно, перечислить все темы и всех личностей, о которых шла речь, не представляется возможным. Доклады, представленные на конференциях, можно подразделить на четыре группы в соответствии с тематикой.

Первая группа: общественные и государственные деятели; представители императорской семьи; немцы — врачи, художники, скульпторы, музыканты; учителя в немецких школах; немецкие ученые в Петербурге; немецкие инженеры и промышленники.

Вторая группа: различные немецкие общества, группы, связанные с преподавательской и общественной деятельностью.

Третья группа: история немецких родов и семей в городе.

Четвертая группа: история и культура немецких колонистов в Петербургской губернии.

Начиная с 2002 г. МАЭ РАН публикует научные сборники «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект». Всего до настоящего времени выпущено 11 сборников, в которых опубликовано 286 статей.

Все участники научных конференций и авторы статей пользуются богатым научным материалом о жизни и деятельности как известных, так и малоизвестных жителей Петербурга немецкой национальности. Во всех докладах и статьях описывается история нашего города и значимость каждого человека, проживавшего или проживающего в нем.

Т.А. Шрадер

XVIII век

Н.И. Иванова

ОДНА СЕМЕЙНАЯ ЛЕТОПИСЬ. АВЕНАРИУСЫ

Род теолога Авенариуса из Германии в шведской Финляндии. Дальнейшая работа Авенариусов в России. Служение лютеранской церкви, затем переход к светским специальностям (писатели, инженеры, преподаватели).

Ключевые слова: Авенариусы, Санкт-Петербург, лютеранство.

N.I. Ivanova

ONE FAMILY CHRONICLE. AVENARIUS

The kind of theologian Avenarius moved (emigrated) from Germany in swedish of Finnland. Further to work of Avenarius in Russia of the Lutheran church. The specialties (writers, engineers, teachers).

Keywords: Avenarius, St. Petersburg, Lutheranism.

10 августа 2016 г. в Германии праздновалось 500-летие со дня рождения теолога Иоганна Хабермана, получившего после принятия лютеранства имя Авенариус[1]. Из Германии один из Авенариусов переселился сначала в Швецию, которая первой из Северных стран приняла лютеранство. Русская ветвь германского рода Хабермана-Авенариуса сложилась в шведской провинции Финляндии, ее представители являлись служителями лютеранской церкви.

В шведском городе Або (сейчас финский г. Турку) из существовавшей гимназии в 1640 г. стараниями генерал-губернатора графа Браге был создан Университет (по-фински Åbo Academy, in Finnish: Turun Akatemia) с теологическим факультетом, сюда же был приглашен пастор Авенариус. Лютеранское церковное управление Швеции было разделено на два епископства. Одно находилось в Або, другое — в Выборге (фин. Выпури)[2].

После поражения России в войне со Швецией и заключения Столбовского мира 27 февраля 1617 г. шведы стали населять территорию Озерного края (названного ими Ингерманландия) финнами из округов Выборгской Карелии — суомайсет и савакот, получивших наименование «ингерманландские финны». В Ингерманландии укореняется лютеранство, сменившее язычество финнов. В 1641 г. Ингерманландская церковь выделилась в отдельный епископат с центром в Нарве[3]. Православие вначале преследовалось, но в 1684 г. князь В.В. Голицын договорился со шведским посланником в Москве о свободе вероисповедания на Ижорской земле[4]. С этого времени здесь жили, помимо финнов-саамов и русских, финны (ингерманландские). Как указывает С.Б. Горбатенко, проводилась раздача земель шведским и немецким дворянам. Это привело к появлению здесь новых лютеранских приходов[5].

Рис. 1. Иоганн Хаберман-Авенариус

После присоединения Выборга по Нюстадтскому (Ништадтскому) миру к России Выборгское епископство

перевели в Борго (сейчас фин. Порвоо). В 1710 г. северо-западные территории России переименовали из Ингерманландии в Санкт-Петербургскую губернию.

В материалах финского архива хранятся документы об Авенариусах, учившихся в Университете Або[6]. После завершения образования Авенариусы начинали служить в приходах Северной Ингерманландии. Первым из представителей рода упоминается пастор в Кивенаппа Иоганн Матиас Авенариус (1630–1681). В списке священников Кивеннапа также указан служивший здесь в 1665–1680 гг. Георг Маттиас Авенариус (Georgius Matthiæ Avenarius), родившийся в Выпори (Viipuri Виипури)[7]. Затем все обучавшиеся в Або пасторы служили: Кристиан Иоганн Авенариус (1675–1727) в Тайпалсаари (Taipalsaari, сейчас территория Финляндии) и его брат Георг Матиас Авенариус (1656?–1736) в Савитайпале (сейчас территория Финляндии, Savitaipaleella)[8].

В церкви св. Генриха старейшего в Ингерманландии прихода Лемпаала (основан в 1611 г., фин. Lempaala, сейчас — территория России, пос. Лемболово) в 1685–1723 гг., служил капелланом, в 1723–1743 гг. — пастором Маттиас Авенариус (?–1743). Вначале приход именовался Куйвайзи (Kuivaisi) и являлся «коронным», то есть священник назначался непосредственно монархом. Стараниями пастора здесь в 1728 г. была построена деревянная церковь.

В приходе Рауту (сейчас территория России, пос. Сосново) в 1733–1741 гг. настоятелем был Георг Авенариус (1709–1787). Георг Авенариус родился 17 февраля 1709 г. в Финляндии, возможно, в Тайпалсаари (?), где в это время его отец Кристер (Krister) Авенариус (1675–1727) служил приходским викарием. Мать — дочь пастора Швиндта Гескен Швиндт. Крестным Георга являлся викарий и выпускник Университета Або Хенрик Шуттениус (Schyttenius) (1705–1752). 4 октября 1729 г. Георг Авенариус окончил гимназию в Порвоо и спустя три года поступил в Университет Або. 14 декабря 1733 г. он был рукоположен священником в Выборге Выборгского епископства. С 1733 г. Г. Авенариус — капеллан в Рауту (Rautu)[9].

Деревня Вуоле до сих пор сохранила свое наименование. Община Вуоле (другие названия — Вуола, Вуолы, Волес, Вуолес, Vuole, Wuoles) образовалась в 1714 г. В период шведского владычества Вуоле входила в капеланный приход Лемпаала Куйвошского (Куйвозовского) погоста[10]. Деревянную церковь св. Иоанна, рассчитанную на 585 мест, построили в 1730 г. на средства графа Рагузинского[11]. В начале XVIII в.

приход Вуоле имел своего священника. В приходе в 1741–1787 гг. настоятелем, затем викарием являлся Георг Авенариус. По данным архива Турку, у Георга Авенариуса были сын и две дочери. Он умер 1 мая 1787 г. в Вуоле. Несколько последующих поколений Авенариусов служили в Вуоле: в 1779–1816 гг. адъюнкт, пастор Александр Авенариус; в 1806–1826 гг. адъюнкт, пастор Георг Авенариус; в 1816 г. Петер Густав Авенариус; в 1850–1854 гг. настоятель Петер Густав Авенариус (?–1854).

Сын Георга Авенариуса Александр (1759–1834) родился 31 августа 1759 г. в Вуоле, где служил в то время его отец. Окончив гимназию в Выборге 8 марта 1775 г., Александр Егорович (Георгиевич) Авенариус изучал теологию в Або. Он женился на Анне Грисилии Штрельман (*Anna Grisilia Ståhlman)* (1781–1841). Александр Авенариус с 1779 г. по 1816 г. являлся старшим пастором Вуоле, в 1816–1817 гг. — пробстом там же. Последним местом службы Александра Авенариуса стал приход в Восточной Ингерманландии Веньйоки (Venjoki) под Царским Селом, где он был в 1819–1821 гг. настоятелем. Александр Авенариус являлся также советником консистории в Славянке, пробст-сеньором Ингерманландии, получил право на наследное дворянство. В Веньйоки он скончался 16 ноября 1834 г.[12]

В церкви св. Михаила прихода Миккулайнен (также Никулясы), находящегося на близком расстоянии от Лемпаала, в 1741–1787 гг. служил Георг Кристиан Авенариус, в 1817–1834 гг. настоятелем являлся Александр Авенариус, в 1850–1854 гг. — Петер Густав Авенариус.

В Восточной Ингерманландии также служил целый ряд пасторов Авенариусов. В самом крупном ингерманландском приходе Венйоки (фин. Venjoki, рус. Славянка), помимо Александра Авенариуса, служили: в 1816–1819 гг. адъюнкт, пастор Петер Густав Авенариус, в 1818–1865 гг. адъюнкт, пастор Кристиан Вильгельм Авенариус. Приход Венйоки основан в 1641 г. во время шведского владычества, он расположен в 30 км от Санкт-Петербурга, рядом с Царским Селом. Первую деревянную церковь, построенную в 1803 г., в 1885 г. сменила новая каменная с двойными хорами, рассчитанная на 1100 сидячих мест, которая была освящена 1 ноября 1885 г.

В приходе Келтто (Колтуши) в церкви св. Георгия исполнял обязанности пастора, а затем являлся пастором в 1810–1816 гг. Георг Авенариус[13]. Точное время основания прихода неизвестно, так как в 1771 г. в пожаре сгорели все церковные архивы. Однако имеются сведения, что в 1628 г. приход уже существовал, но постоянного

пастора церковь получила в 1724 г. В 1768 г. возвели последнюю деревянную церковь св. Георгия, средства на строительство которой выделил владелец — князь Г.А. Потёмкин.

В приходе Новые Скворицы (дер. Петрово) в 1819–1821 гг. адъюнктом, капелланом, затем и.о. пастора был Петер Густав Авенариус. Приход Новая Скворица являлся «коронным», его основали в 1624 г. по приказу шведского короля Густава II Адольфа на месте прежнего погоста Тякели (Тяглино). Здесь построили деревянную церковь и пасторат. В 1834 г. по соизволению императора Николая I главный архитектор Гатчины А.М. Байков начал строительство новой каменной церкви во имя св. Екатерины на 1400 человек.

В приходе Малые Горки (дер. Ропша) в 1819–1821 гг. адъюнктом, затем капелланом, и.о. пастора являлся Петер Густав Авенариус. Церковь св. Петра и Павла была построена в небольшой деревне Малые Горки в 1798 г. на пожертвования графа И.Л. Лазарева. В 1827 г. ее отремонтировали на средства императрицы Александры Федоровны.

Лютеранский приход в Царском Селе был основан в 1811 г., он не имел своего здания. Через шесть лет по инициативе директора Лицея Е.Л. Энгельгардта и лицейского пастора К.-Ф. Гнитхеля началось возведение храма. Император Александр I пожаловал на строительство 20 тыс. рублей. К февралю 1818 г. на месте казармы Гусарского полка выстроили первое деревянное здание лютеранской церкви Преображения Господня. К.-Ф. Гнитхель стал первым пастором церкви, следующим — П. Авенариус. В приходе Саари (Царское Село) в 1824–1850 гг. пастором церкви Воскресения Христова и законоучителем Лицея являлся Петер Густав Авенариус. 14 августа 1860 г. началось строительство новой кирхи по проекту архитектора А.Ф. Видова. В 1864 г. император Александр II пожертвовал приходу 7 тыс. рублей на завершение работ. 17 апреля 1865 г. церковь освятили. (В 1931 г. церковь закрыли, здание передали Ремонтно-механическому заводу, и оно использовалось под общежитие, столовую и красный уголок. Затем здесь размещались автомастерская и автошкола. В 1977 г. церковь реставрировали. В том же году передали финской общине и освятили во имя Воскресения Христова, начали проводиться богослужения на финском языке, а с 1988 г. — на русском и немецком.)

Сын Александра Авенариуса, Яков Александрович Авенариус (1788–1859), родился 6 апреля 1788 г. В 1809 г. окончил Дерптский университет, врач. С 1811 г. на государственной службе, с 1828 г. действительный статский советник, главный врач Почтового ведомства.

Рис. 2. Елизавета Эвелина Линдестрем

Умер 7 августа 1859 г. Его сын, Александр Яковлевич Авенариус (1839–1888), учился в Михайловском артиллерийском училище, но курса не закончил, поступил на государственную службу. С 1884 г. действительный статский советник, на службе в Министерстве финансов. Умер 1 февраля 1888 г.[14]

Сын Александра Авенариуса, Александр Александрович Авенариус (1797–1892), выбрал светскую специальность и стал врачом. Он родился 19 декабря 1797 г., окончил в 1820 г. Медико-хирургическую академию. 12 января 1823 г. был определен лекарем «к Стреляной мызе и вотчинам Его Высочества» Великого князя Константина Павловича. Являлся действительным статским советником. Умер 14 декабря 1892 г.

Женившись в 1824 г. на дочери лейб-медика Петра Ивановича Линдестрема Елизавете Эвелине (Elisabeth Eveline) (1803–1881), Авенариус жил с ней в деревянном доме в Стрельне[15].

У Александра Александровича и Елизаветы Петровны было девять детей: сыновья Константин (1826), Александр (1831), Георгий (Егор, 1835), Николай (1838), Петр (1843) и четыре дочери: Софья (1824), Аделаида (1827), Паулина (1829), Наталья (1833).

Константин Александрович Авенариус (1826–1888) родился 21 февраля 1826 г. На государственной службе с 1848 г., офицер Министерства путей сообщения. С 1880 г. действительный статский советник, с 1 июня 1886 г. в отставке. Умер 20 марта 1888 г.[16]

Петр Александрович Авенариус стал основателем знаменитого «Сестрорецкого курорта», подвел сюда железную дорогу, работающую до настоящего времени. Петр (Peter Eugen) Александрович Авенариус родился 23 мая 1843 г. в Петергофе. Он окончил 5-ю петербургскую гимназию и поступил в Технологический институт. Но, оставив учебу в Технологическом институте, Петр Александрович начал работать в корпусе корабельных механиков Военно-морского флота в Кронштадте.

Несколько лет он ходил на военных кораблях — мониторе «Первенец» и фрегате «Александр Невский»[17]. При очередном походе фрегат «Александр Невский» в ночь с 12 на 13 сентября 1868 г., следуя

Рис. 3. Георгий Александрович Авенариус

Рис. 4. Петр Александрович Авенариус

Ютландским проливом, потерпел крушение, при этом погибло несколько офицеров и матросов. Вернувшись в Кронштадт, Авенариус получил звание инженера-механика, распрощался с морскими походами и устроился на Путиловский завод.

В 1871 г. Петр Александрович перешел на работу на частную Московско-Брестскую железную дорогу, открытую 19 сентября 1870 г. Желание иметь собственное дело не оставляло Петра Александровича Авенариуса, и этим делом стала прокладка железной дороги к ближнему для петербуржцев курортному месту. Видя значительные перспективы железнодорожного сообщения, он решил основать собственную железную дорогу. Железная дорога была им проложена к месту нахождения источников целебных вод и грязей, с особым климатом, к местам купания в Финском заливе. Был открыт существующий и сейчас санаторий «Сестрорецкий курорт». П.А. Авенариус скончался 1 декабря 1909 г. в Петербурге. Его похоронили возле церкви в Дюнах, в строительстве которой он принимал участие. Эпитафия на надгробном камне гласила: «Созидателю сего храма, преобразователю глухой местности в Сестрорецкий курорт П.А. Авенариусу» (не сохранилась).

Семьи Авенариусов — пасторов Василия Александровича (в Славянке), Петра Александровича (в Царском Селе и Вуоле) и главного

Рис. 5. Василий Петрович Авенариус

врача Калинкинской больницы Александра Александровича — были тесно связаны между собой.

«Листки из детских воспоминаний» писателя Василия Петровича Авенариуса дают яркое представление о повседневной жизни и взаимоотношениях семей. Дома между собой они разговаривали по-немецки, с «молодым поколением племянников и племянниц — по-русски». Будущий известный писатель Василий Петрович Авенариус родился 28 сентября 1839 г., воспитывался в семье своего бездетного дяди, пастора в Славянке Василия Александровича и его жены Констанции Ивановны. Как писал автор: «Старик-дядя — лютеранский пастор, по призванию садовод и пчеловод». Около пастората он рассадил фруктовый сад, «в летние дни отправляли в Санкт-Петербург фуру, а то и две с клубникой, малиной, крыжовником, смородиной красной, белой и черной, вишнями и “шпанскими морелями”. “Пасторский крыжовник” и “пасторская малина” славились на всем столичном ягодном рынке <...> У дяди было 70–80 ульев. Ульи были новейшей конструкции, разборные, со стеклянными окошечками»[18]. В пруду за огородом Василий Александрович Авенариус разводил карасей для домашнего потребления.

Василий Петрович Авенариус находился на государственной службе с 1862 г., действительный статский советник с 1884 г., с 1896 г. — тайный советник. Председатель Ученого комитета Ведомства императрицы Марии. В отставке с 1 марта 1908 г. Умер 9 ноября 1923 г.[19]

Братья Василия Петровича — Михаил и Николай Петровичи. Михаил Петрович Авенариус (1835–1895) родился 7 сентября 1835 г. После окончания гимназии начал государственную службу. С 1884 г. действительный статский советник, профессор Киевского университета, член-корреспондент Академии наук. Умер 4 сентября 1895 г. Николай Петрович Авенариус (1834–1895) родился 31 августа 1834 г. После получения высшего образования начал службу в Главном педагогическом институте в 1857 г. С 1875 г. служил по Ведомству императрицы Марии. Умер 1 июня 1900 г.[20]

Петр Александрович Авенариус родился в Вуоле (автор упоминает «Волес») в семье пастора. Его отец, затем старший брат были пасторами этого прихода. Волес в конце XIX в. находился на финской

границе. Учился Петр Александрович на теологическом факультете Дерптского университета. У него и его жены Генриетты Андреевны было четыре сына и четыре дочери. Служа одновременно в Царскосельском лицее, корпусе и кирхе, он содержал приходскую школу, в которой преподавал сам, его жена и взрослые дочери. Школа размещалась в доме пастората и занимала самую большую комнату, разделенную на две половины: в одной занимались девочки, в другой — мальчики. С раннего утра до обеда Петр Александрович исполнял пасторские обязанности и проводил уроки в церковной школе. Вечерние часы и часть ночи он посвящал «чтению и особенно письменной работе по географии». Авенариус являлся действительным членом Императорского Географического общества. Охотно играл на фортепиано. П.А. Авенариуса хорошо знал император, так как пастор часто крестил в Царскосельском дворце[21]. Жизнь пасторской семьи из Царского Села была скромной: на завтрак полагался чай (кипяток с молоком) и пара сухарей, тогда как в Славянке — «настоящий кофе с сахаром и густыми деревенскими сливками»[22]. Старший сын Петра Александровича Анатолий учился в Педагогическом институте, другой сын — Алексей — окончил юнкерское училище.

После революции 1917 г. некоторые из Авенариусов эмигрировали и обосновались в разных частях света. Ольга Евгеньевна Авенариус, оказавшаяся волею судьбы сначала в Австралии, затем в Канаде, поддерживала связь со всеми Авенариусами. Ее сын стал православным священником.

Имена потомков Авенариуса неразрывно связаны с Россией. Сложилась «русская ветвь» Авенариусов, сначала служителей лютеранской церкви, а затем работавших в России людей светских специальностей. В настоящее время в разных городах России (Санкт-Петербург, Москва, Нижний Новгород), в Белоруссии (Минск), Германии, США, Канаде, Австралии проживают потомки Авенариусов. Каждый год Общество Авенариусов (Германия) организует встречи в Германии или Нидерландах. 12 февраля 2017 г. Русско-Немецким центром встреч был проведен первый в России «Семейный вечер Авенариусов», организованный руководителем Музея немцев в С.-Петербурге и Немецкой секции Ассоциации исследователей города Н.И. Ивановой.

Рис. 6. Ольга Евгеньевна Авенариус-Чемодакова, Лев Николаевич Чемодаков с дочерью Татьяной

В «Семейном вечере Авенариусов» принимали участие потомки Авенариусов. Из Москвы прибыли И.А. Авенариус и Е.К. Рыбинская, Санкт-Петербург представляли Д.Ю. Убогович и Н.В. Благово.

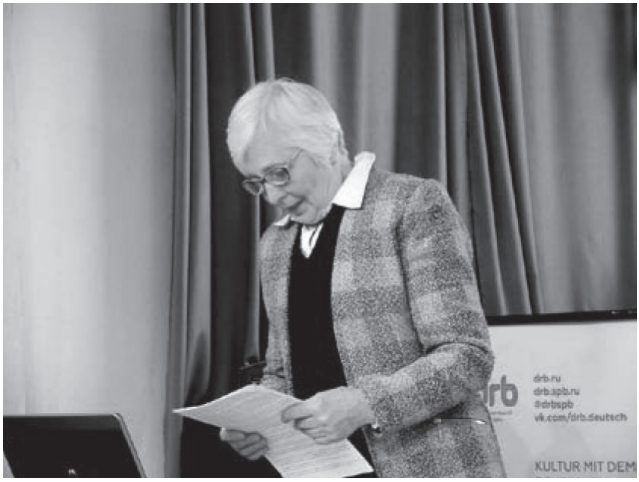

Рис. 7. Ирина Александровна Авенариус. Санкт-Петербург, Русско-Немецкий центр встреч. 12 февраля 2017 г. Фото С. Васильева

Рис. 8. Елена Кирилловна Рыбинская. Санкт-Петербург, Русско-Немецкий центр встреч. 12 февраля 2017 г. Фото С. Васильева

Рис. 9. Дмитрий Юрьевич Убогович. Санкт-Петербург,
Русско-Немецкий центр встреч. 12 февраля 2017 г.
Фото С. Васильева

Рис. 10. Никита Владимирович Благово и Наталья Ивановна Иванова.
Санкт-Петербург, Русско-Немецкий центр встреч. 12 февраля 2017 г.
Фото С. Васильева

* * *

[1] Иоганн Хаберман также Авенариус (Habermann (Avenarius)) (1516–1590). Родился 10 августа 1516 г. в семье торговца кожей в Эгере (Eger, Boehmen — Богемия, в XVI в. входила в состав Священной Римской империи германской нации). Окончил Карлов (Пражский) университет. Служил проповедником в саксонских городах Эльстерберге, Плауене, Шёнфельсе, Фрейберге, Фалькенау, Лихтенштейне, в тюрингском Гёснице. В 1573 г. профессор теологии в Университете Йены, в 1574 г. — в Виттенберге. С 1576 г. суперинтендант в Наумбурге, затем в Цейтце. Написал 30 теологических произведений, в том числе грамматику по древнееврейскому языку. Большинство вступительных статей написано Ф. Меланхтоном. Умер 5 декабря 1590 г. в Цейтце (Zeitz).

[2] В 1526 г. на шведском языке издали Новый Завет, в 1529 г. — краткое описание всех церковных служб, в 1531 г. — шведскую мессу, в 1541 г. — Библию (*Курило О.* Лютеране в России XVI–XX вв. М.: Фонд «Лютеранское наследие», 2002. 126 с.).

[3] *Курило О.* Указ. соч.

[4] *Иванова Н.И.* Логика дороги // Петербургские чтения: науч. конф., посвящ. 290-летию Санкт-Петербурга, 24–28 мая 1993 г. СПб., 1993. Вып. 1. С. 223–224.

[5] *Горбатенко С.Б.* Исторические ландшафты допетровской Ингерманландии // Из истории С.-Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 109 с.

[6] За предоставленные возможности ознакомиться с материалами Национального архива Финляндии благодарю господина Тайна Партанен (Taina Partanen, Kansallisarkisto/Riksarkivet/NationalArchives).

[7] Данные сообщены потомком Авенариуса — Дмитрием Юрьевичем Убоговичем, выражаю ему благодарность.

[8] В настоящее время Кивенаппа (Первомайское) находится на границе России с Финляндией, Тайпальсаари и Савитайпале — в Финляндии. Савитайпале — село и община на юго-востоке Финляндии, в области Южная Карелия. Первое упоминание в источниках о самостоятельном приходе в 1540 г., до этого община относилась к Тайпальсаари.

[9] Сайт: Kansallisarkisto/Riksarkivet/NationalArchives.

[10] Впервые упоминается на карте А. Ростовцева в 1727 г. На «Этнографической карте Европейской России» П. Кеппена 1851 г. значится как деревня «Wuoles». В своей книге «Листки из детских воспоминаний» В.П. Авенариус называет населенный пункт «Волес».

[11] Рагузинский-Владиславич, Савва Лукич, граф (1669–1738). Серб из Рагузской республики, состоял на русской дипломатической службе. В 1703 г. впервые посетил Москву, с 1708 г. поселился в России. С 1725 г. возглавлял русское Посольство в Китае. Владел мызой Матокса с 9 деревнями, в том числе Вуоле, в Санкт-Петербургской губернии, подарена императором Петром I в 1710 г. Умер на мызе Матокса, похоронен в Александро-Невской лавре.

В 1783 г. мызу Матокса купила жена вице-канцлера Ивана Андреевича Остермана Александра Ивановна (1745–1793). В 1796 г. перешла к Александру Остерману-Толстому.

[12] Сайт: Kansallisarkisto/Riksarkivet/National Archives.

[13] *Александрова Е.Л., Браудзе М.М., Высоцкая В.А., Петрова Е.А.* История финской евангелическо-лютеранской церкви Ингерманландии. СПб.: Изд. Гйоль, 2012. с. 143–144.

[14] *Волков С.В.* Высшее чиновничество Российской империи. М.: изд. Университета Дмитрия Пожарского, 2016. 16 с.

[15] Видимо, лекарь Авенариус приглянулся Великому Князю Константину Павловичу, в чьем ведении тогда находилась Стрельна, так как уже с 16 февраля 1824 года он имел звание доктора Высочайшего двора. В 1832 году Александра Александровича назначили старшим врачом петергофского лазарета и он перебрался жить в Петергоф, сохранив дом и в Стрельне. Но уже начиная с 1826 г. он брал в аренду земельные участки на территории вдоль Почтовой дороги до Ольгинской улицы, а также участок в Егерской слободе Старого Петергофа, застраивал их домами, а затем продавал. Таким образом, он получал дополнительный заработок. В 1847 г. Александр Александрович подал прошение и перешел в Калинкинскую больницу, Петербург. Действительный статский советник Авенариус работал старшим врачом в Калинкинской б-це с 1847 г. по 1866 г. Умер в 1892 г. и похоронен на Свято-Троицком кладбище Петергофа // *Гущин В.А.* История Петергофа и его жителей. Кн. 3. СПб., изд. Нестор-История, 2005. 124 с.

[16] *Волков С.В.* Высшее чиновничество Российской империи. М.: изд. Университета Дмитрия Пожарского, 2016. 16 с.

[17] Фрегат «Александр Невский» был спущен на воду 21 сентября 1861 г. и в составе российской эскадры 18 июля 1863 г. вышел из Кронштадта к берегам Северной Америки. Это должно было сыграть значительную роль в утверждении мощи России после поражения в Крымской войне. 21 мая 1865 г. «Александр Невский» благополучно вернулся в Кронштадт.

[18] Авенариус В.П. Листки из детских воспоминаний. — СПб., изд. книж. маг. П.В. Луковникова, 1897. 20 с.

[19] *Волков С.В.* Высшее чиновничество Российской империи. М.: изд. Университета Дмитрия Пожарского, 2016. 16 с.

[20] *Волков С.В.* Высшее чиновничество Российской империи. М.: изд. Университета Дмитрия Пожарского, 2016. 16 с.

[21] *Авенариус В.П.* Листки из детских воспоминаний. СПб.: изд. книж. маг. П.В. Луковникова, 1897. 56 с.

[22] *Авенариус В.П.* Листки из детских воспоминаний. СПб.: изд. книж. маг. П.В. Луковникова, 1897. 61 с.

О.В. Иодко

ПЕТЕРБУРГСКИЙ СЛЕД ГОТЛИБА (ТЕОФИЛА) ЗИГФРИДА БАЙЕРА (1694–1738)

Статья содержит сведения о жизни в Петербурге востоковеда, филолога, педагога, профессора греко-римских древностей АН Готлиба Зигфрида Байера (1694–1738) и его труде «Музеум синикум». Высказывается предположение о месте его захоронения.

Ключевые слова: Академия наук, востоковедение, гимназия, захоронение, китайский язык.

O.V. Iodko

PETERSBURG TRACK OF GOTTLIEB (THEOPHILUS) SIEGFRIED BAYER (1694–1738)

The article contains information about the life in Petersburg of an orientalist, philologist, teacher, professor of the greco-roman antiquities of the Academy of Sciences Gotlib Siegfried Bayer (1694–1738), about his work “Museum sinikum”. It is suggested about the place of his burial.

Keywords: Academy of Sciences, oriental studies, gymnasium, burial, chinese.

Историк, востоковед, филолог, знаток древних и восточных языков, педагог Готлиб (Теофил) Зигфрид Байер родился в Кёнигсберге 6 января (н.ст.) 1694 г. в семье бедного живописца, был земляком Региомонтана[1], Канта[2], Гофмана[3], современником Генделя[4] и Вивальди[5].

Прусский период его жизни хорошо описан, и стоит назвать только основные его вехи: в 1715 г. он закончил Кёнигсбергский университет, где изучал восточные языки и защитил диссертацию о значении слов Христа на кресте: «Eli, Eli! Lama Asabthani»[6], два года путешествовал по Европе, в 1717 г. стал магистром в Лейпцигском университете, по возвращении читал лекции в Кёнигсбергском университете, с 1718 г. работал библиотекарем городской «альтштадтской» библиотеки, с 1720 г. он — конректор, а с декабря 1721 г. — проректор школы при кафедральном соборе[7]. «Из внешних событий в жизни Байера было то, что 27 июня 1720 г., вскоре после того, как он приступил к должности в школе, он смог обвенчаться с дочерью покойного коммерсанта Иоганна Болнера, Анной Доротеей, в Домской церкви, брак был, как говорят источники, чрезвычайно счастливым»[8].

По рекомендации земляка и с недавнего времени профессора молодой Петербургской академии наук Христиана Гольдбаха[9] он получил приглашение в Академию на место профессора греко-римских древностей и 4 декабря 1725 г. с ним был заключен контракт[10].

В Россию он прибыл в феврале 1726 г. и провел здесь последние 12 лет жизни.

В первые годы существования Академии занимаемое ею пространство отличалось от современного. Известные нам академические здания на Васильевском острове тогда только строились. В конце 1725 г. академический городок создается в частных домах на Петербургском острове. Здесь, в доме Строева[11], разместилась Канцелярия. Заседания Академии проходили в доме опального вице-канцлера Шафирова[12], недалеко от «домика Петра». Кунсткамера и Библиотека располагались в Кикиных палатах[13] вверх по течению Невы, на противоположном берегу. Сотрудники Кунсткамеры жили рядом, в нанятом Академией доме войскового казначея М.М. Самарина, а в декабре 1725 г. неподалеку был арендован дом генерал-лейтенанта М.А. Матюшкина. Дом был достроен, и в нем поселились приехавшие в феврале 1726 г. астрономы Ж.-Н. Делиль[14] с семьей, его брат Людовик Делиль де ла Кройер[15], а позднее Байер с семьей. Поскольку дома на Петербургском острове от Кикиных палат и дома Матюшкина отделяла Нева, Академия купила ялбот и наняла четырех гребцов. Позд-

нее, с перебазированием Академии на Васильевский остров, ее сотрудники расселились на 1-й, 2-й, 5-й и 8-й линиях. Как сказано в ведомости: «Всякому профессору надлежит на последнею меру четыре камеры, одну поварню с кладовою камерою, одну люцкую избу, один ледник и погреб, такожде ежели возможно дабы сделаны были конюшни, а оных профессоров имеется семнатцеть человек»[16]. Байера поселили на 2-й линии «в доме купецкого человека Дмитрия Брусалина», на этой же линии жили И.Д. Шумахер[17], Х. Гольдбах, Дювернуа[18], граверы[19] Вортман, Унферцахт и Эллигер[20].

Ожидая приезда ученых, большей частью холостых, президент Блюментрост[21] позаботился, чтобы три недели или месяц их обеспечивали всем и кормили даром, а потом наняли экономa, «дабы, ходя в трактиры и с непотребными общаючись, не обучились их непотребных обычаев и в других забавах времени не теряли бездельно»[22].

Первые впечатления Байера красочно иллюстрирует его письмо на родину, посланное сразу по приезде: «Когда я прибыл в Петербург, то чуть не поверил, что попал в другой мир. Трудно представить себе, что такой великолепный город мог быть построен в столь короткое время. Здание Академии еще не готово, но это — настоящий княжеский дворец. Камера раритетов, Библиотека и анатомический театр вместе с аудиториями расположены в ряд вдоль реки <...>. Я живу во дворце генерала Машуфа (генерал-лейтенанта М.А. Матюшкина. — *Прим. Ю.Х. Копелевич*). Одну половину занимает г-н Делиль, другую — я. Мне не пришлось заботиться о домашней утвари, столах, постелях, стульях и т.д. Академия предоставляет все это каждому. Мне выдали провианта на 4 недели — всего, чего я пожелал. Моя кухня еще никогда не была так богато обеспечена, и мне нужно было бы иметь изрядную компанию, чтобы распить за 4 недели столько вина <...>. В камере натуралиев (Кунсткамера. — *О.И*) пока приведены в порядок только 8 комнат, и есть еще такой огромный запас неразобранных вещей, что понадобится еще 30 или больше комнат, чтобы все это расставить. Оборудованные комнаты благодаря своему убранству сразу приятно поражают глаз, но когда разглядываешь обилие и редкость предметов, то можно совсем потерять голову. Я в своей жизни не видел ничего прекраснее <...>. Чтобы дать вам представление о Библиотеке <...> я получал все, что мне могло понадобиться. Установлен такой порядок, что если кому-нибудь из нас что-нибудь требуется, он может об этом заявить, и тотчас дается приказ это достать <...>. Г-н президент Блюментрост — человек большой учености,

большого ума и большой обходительности. Каждое воскресенье мы собираемся все вместе, ибо ему так угодно <...>. Г-н библиотекарь Шумахер имеет в своих руках финансы и все дела по строительству. Это довольно образованный и любезный человек»[23].

Однако вскоре отношения с Шумахером испортятся настолько, что 11 февраля 1733 г. Байер подаст президенту прошение об увольнении (по болезни) и сообщит о желании вернуться на родину уже этой зимой. В ответе Канцелярии от 24 марта говорилось о необходимости «высочайшей резолюции», и 14 апреля Байер подал прошение на имя императрицы[24]. Считается, что кроме несовпадения характеров между Байером и Шумахером было соперничество двух библиотекарей с разными методами работы. В то время отставка не состоялась.

А пока Байер находится в начале пути. Еще в декабре 1725 г. Гольдбах писал ему в Кёнигсберг: «Работа не более двух часов в день (имеются в виду лекции. — *Примеч. Ю.Х. Копелевич*), но она, вероятно, начнется только через несколько месяцев. Между тем проводятся дважды в неделю конференции Академии, в которых я тоже имел честь быть несколько раз. Там каждый докладывает, что сам изберет, из своей науки. Вы можете, например, доложить о старых монетах или надписях (особенно если они имеют какое-то отношение к России), о Каспийском море или о сотне подобных материй — подготовьте их наперед, чтобы вы могли что-нибудь представить на первой или второй конференции. Доклады эти пишутся на двух или более листах, как тому угодно, и заранее, за несколько дней, передаются тем членам, которые сведущи в той же науке, чтобы те, если это понадобится, могли делать свои замечания»[25]. И вот уже в мае 1726 г. Байер читает доклад «О начатке и древних пребывалищах скифов», а в августе на публичном собрании в присутствии императрицы произносит похвальную речь в ее честь, которая была отмечена как образец красноречия[26].

Список основных трудов Байера насчитывает 60 наименований[27]. Как востоковед он известен двухтомным сочинением «Музеум синикум», первый том которого был посвящен особенностям китайского языка и литературы (обширное предисловие к нему было написано Делилем). Второй содержал составленные Байером грамматику и словарь китайского языка. Работы о России, в том числе «Русская география по Константину Багрянородному», «География Руси по данным северных писателей», «О варягах» были написаны на основании западных источников. Последняя работа способствовала тому, что

за ним закрепилась слава основателя «лженаучной норманнской теории»[28]. Некоторые положения из этой статьи использовал Г.-Ф. Миллер[29], когда готовил для публичного заседания Академии свою речь «О происхождении имени и народа Российского». Речь Миллера обсуждалась на заседаниях Академии в 1749–1750 гг. Несколько работ Байера, в том числе «О варягах», включил в свою «Историю Российскую» В.Н. Татищев, по просьбе которого Ломоносов написал к ней «Посвящение». Татищев умер в 1750 г. Речь Миллера привлекла к трудам Байера внимание Ломоносова. Как сказал Э.П. Карпеев на конференции к 300-летию ученого, «именно яростные нападки Ломоносова сделали Байера “родоначальником лженаучной норманнской теории”, а Ломоносова — “главным борцом против нее”»[30]. Страсть Ломоносова в этом вопросе иллюстрирует сделанное им в январе 1761 г. представление президенту АН о неправильных действиях Г.Ф. Миллера и И.И. Тауберта[31]: «Всего доказательнее его (Миллера. — *О.И.*) злоба, что он в разных своих сочинениях вмещает свою [зачеркнуто — закляту/ю/] скаредную диссертацию о российском народе по частям и, забыв свое наказание, хвастает, что он ту диссертацию, за кою штрафован, напечатает золотыми литерами. Причем хвалит [зачеркнуто — глупого ученого пру/ссака?/] превеликого педанта Бейера превеликие в “Комментариях” и нам прикрые[32] ошибки, для того что Миллер в помянутую заклятую диссертацию все выкрал из Бейера; и ту ложь, что за много лет напечатана в “Комментариях”, хотел возобновить в ученом свете»[33].

Вскоре началась та «работа», о которой в 1725 г. писал Байеру Гольдбах. 14 января 1726 г. было дано объявление о начале лекций: «Академия наук российская. Читателю здравие! <...> профессоры сея академии, сего 1726 году, в будущий 24 день месяца генваря, чтениями учение свое публичное начнут, во дни: понедельник, среду, четверток и субботу, и впредь таким определением добрых наук, а наипаче рачителям к учению, сим для известия объявляется. <...> Феофил Сигфрид Баер, антиквитетов профессор, древностей, греческие монеты и достопамятные вещи ветхого Рима изъяснит. Перед обедом от часа 7 до 8»[34].

Согласно первому уставу Академии, при ней должны были быть образованы университет и гимназия. Байер оставил след в истории и как педагог. «По указу ея императорского величества, сего сентября 1726 года сентября 1 дня, велено быть профессору Беэру в гимназиях инспектором, и за его труды выдать на нынешний, 1726 год денег

сто рублев»[35]. А 3 сентября была составлена инструкция о его обязанностях как инспектора гимназии[36]. Как писал Миллер, «по отъезде Коля[37] Байер принял на себя надзор над учрежденною при Академии школою, которая называлась гимназиею, и надобно сознаться, что при нем она находилась в хорошем состоянии. За это было увеличено ему жалованье, в чем он, как имеющий семейство, очень нуждался»[38]. 27 августа 1727 г. был предложен лекционный гимназический репертуар для третьего класса гимназии: «Феофил Зигефрид Баэр, древних историй профессор, в собраниях академических предложил диссертации: 1) О монете эегенской на монете филакийской императорской, чрез которую хронология истории греческой исправлена. 2) Описует початки скифов, аки основание истории российской. 3) О Скифии Геродотовой, в которой содержится география древнейших времен. 4) О стене кавказской близ Дербента, о которой сказуется, якобы от Александра Великого сделана. 5) История Эдеская с монет, недавно с востока принесенных. 6) Сказывал похвальное слово в публичном собрании Екатерине-Августе. 7) Панегирик Петру Второму императору, стихами латинскими.

В лекциях слушателем своим толкует митологию, историю древнюю, язык греческий и латинский.

В употребление императорскому величеству написал краткое изложение древния истории и митологии.

И понеже вручено ему надзирание над гимназиум, или училищем отроческим, написал для оного инструкции; потом початки скифов, гуннов, аланов, гетов, фейнов, эстионов, литванов, пруссов, множае и множае изъяснит»[39]. Читал он в третьем классе гимназии «Греческие и римские древности» в 1726–1735 гг. и «Восточные древности» в 1735–1737 гг.[40] Возглавлял гимназию Байер до конца жизни и дважды принимал участие в усовершенствовании ее работы.

Параллельно он преподавал в школе для бедных сирот, которую организовал на Аптекарском острове епископ Феофан Прокопович, и заодно имел возможность пользоваться богатой библиотекой усадьбы епископа.

Как уже говорилось, Байер из-за конфликтов с Шумахером уже в 1733 г. хотел вернуться в Кёнигсберг. «Наконец, не зная сам, что станется с ним в Пруссии, выхлопотал себе увольнение из Петербурга в 1737 г. Отослав в Кёнигсберг свою библиотеку, состоявшую из превосходных и редких книг, он решился следующею зимою уехать с семейством из Петербурга»[41]. Но уже 25 и 30 января он «из-за болезни»

пропустил заседания Академии, а 10 февраля «около двух часов пополудни»[42] умер от горячки. 15 февраля президентом «было предписано нотариусу — фрау Байер для помощи при похоронах пригласить сопровождающими проректора М. Мерлина и конректора М. Геллерта»[43]. Удивительно, что газета «Санкт-Петербургские ведомости» на это событие никак не отреагировала, зато почти через полгода дала следующее объявление: «Недавно умершего здесь академии наук профессора, господина Бейера жена, оставшая вдова госпожа Анна Доротеа, отсюда в Кенигсберг отъезжает, о чем через сие объявляется, дабы всяк, кто на ней или на покойном муже и служителях ея какой долг, или какое другое на них требование имеет, те б до отъезду явились в дом ея»[44].

В июне 1738 г. вдова подала императрице Анне Иоанновне челобитную о выдаче паспорта, чтобы она могла с детьми и служителем вернуться в Кёнигсберг[45]. Однако только в конце июля, вернув по требованию Академии служебную переписку мужа и получив удостоверение об отсутствии долгов перед Академией, вдова с дочерьми Рахилью, Ревеккой, Доротеей, Анной-Софией и служившим у нее Иоганном Бетманом были отпущены из Санкт-Петербурга «в Пруссию, в город Кёнигсберг сухим путем»[46]. Один из биографов Байера, Франц Бабингер[47], нашел в книге погребений Кёнигсбергского Домского собора, что Анна Доротея скончалась 7 апреля 1754 г. в возрасте 64 и $^{1}/_{4}$ лет[48], пережив мужа на 20 лет.

Где же был похоронен Байер? Вопрос об эпитафии обсуждался Конференцией АН 15 мая и 11 июля 1738 г. и 14 февраля 1739 г.[49] (рис. 1, 2). Написана она была на латыни, вот ее содержание: «Теофилу Зигфриду Байеру, происходившему из знатной семьи в Венгрии, родившемуся в 8-е иды января[50] 1694 года в прусском Кёнигсберге, который с ранней юности был предан наукам, изучению языков, которыми в древности пользовались народы Востока, а также того, которым пользуются китайцы; в особенности овладел познаниями в древней истории; приглашенный на благоприятных условиях в 1726 г. в Петербург, составил большую честь Академии скромностью и выдающимся талантом; в счастливом браке с Анной Доротеей Болнериа он имел 2 сыновей и 6 дочерей, из которых выжили четверо; в последние годы здоровье его было не вполне благополучным, но все же сносным до тех пор, пока он не решил вернуться на родину и посетить дорогих родителей, которые все еще были живы; через несколько дней болезнь его обострилась и в 4-е иды февраля[51] 1738 г. он был призван Богом»[52].

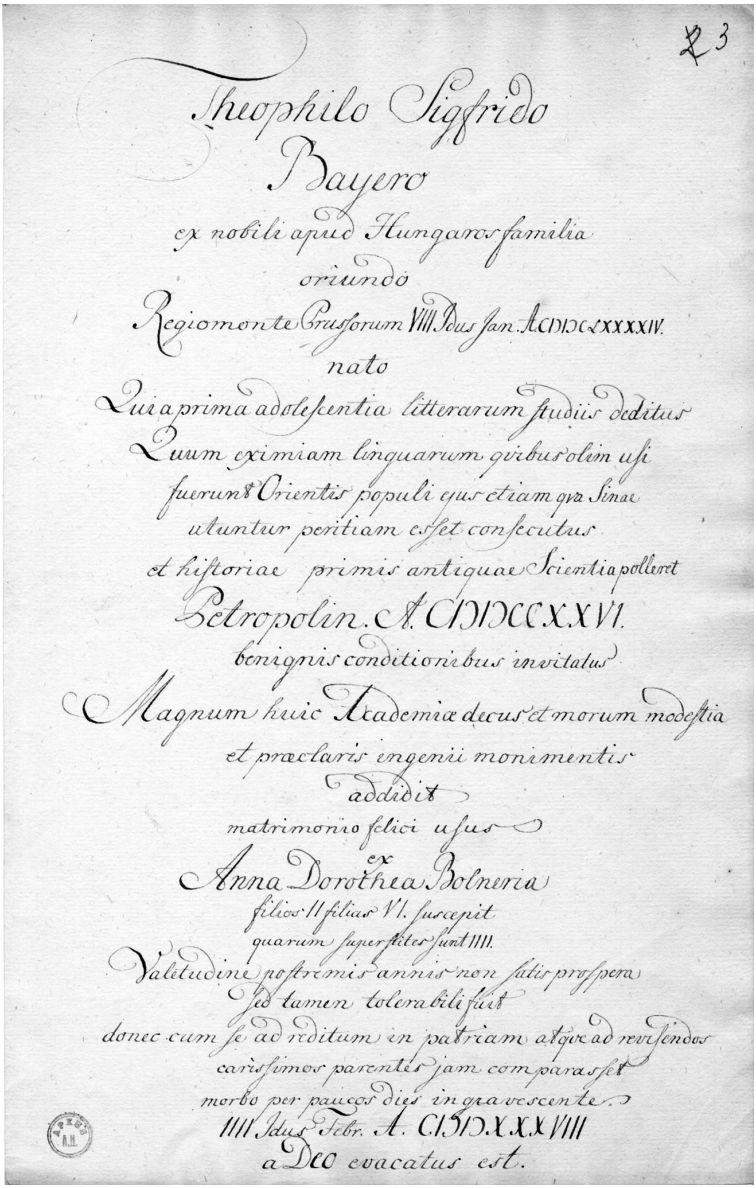
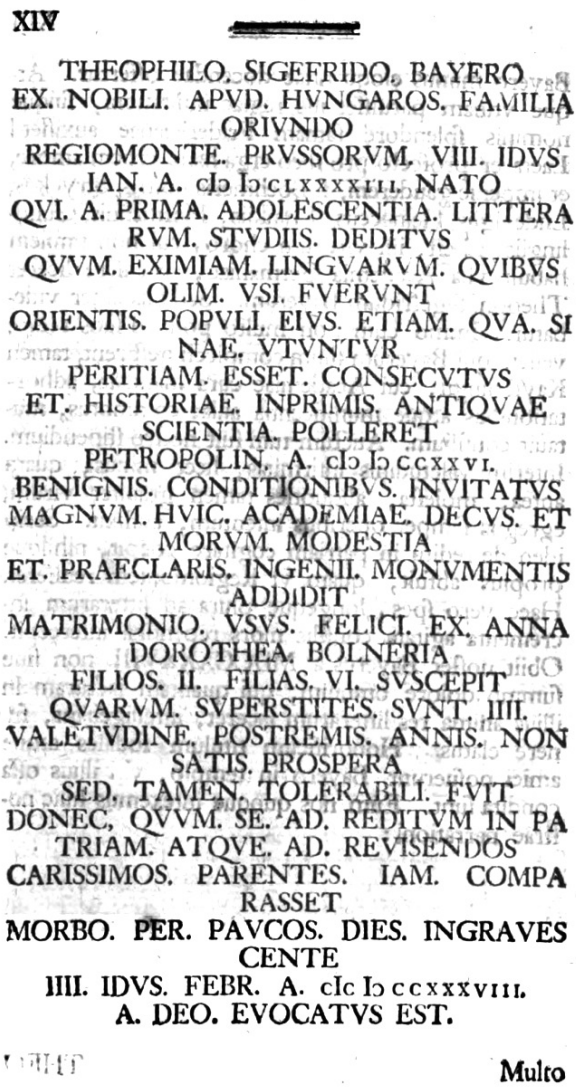

Рис. 1. Эпитафия Готлиба (Теофила) Зигфрида Байера
(СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 1. Д. 52. Л. 3)

XIV

THEOPHILO. SIGEFRIDO. BAYERO
EX. NOBILI. APVD. HVNGAROS. FAMILIA
ORIVNDO
REGIOMONTE. PRVSSORVM. VIII. IDVS
IAN. A. cIↃ IↃ CLXXXXIII. NATO
QVI. A. PRIMA. ADOLESCENTIA. LITTERA
RVM. STVDIIS. DEDITVS
QVVM. EXIMIAM. LINGVARVM. QVIBVS
OLIM. VSI. FVERVNT
ORIENTIS. POPVLI. EIVS. ETIAM. QVA. SI
NAE. VTVNTVR
PERITIAM. ESSET. CONSECVTVS
ET. HISTORIAE. INPRIMIS. ANTIQVAE
SCIENTIA. POLLERET
PETROPOLIN. A. cIↃ IↃ CCXXVI.
BENIGNIS. CONDITIONIBVS. INVITATVS
MAGNVM. HVIC. ACADEMIAE. DECVS. ET
MORVM. MODESTIA
ET. PRAECLARIS. INGENII. MONVMENTIS
ADDIDIT
MATRIMONIO. VSVS. FELICI. EX. ANNA
DOROTHEA. BOLNERIA
FILIOS. II. FILIAS. VI. SVSCEPIT
QVARVM. SVPERSTITES. SVNT. IIII.
VALETVDINE. POSTREMIS. ANNIS. NON
SATIS. PROSPERA
SED. TAMEN. TOLERABILI. FVIT
DONEC, QVVM. SE. AD. REDITVM IN PA
TRIAM. ATQVE. AD. REVISENDOS
CARISSIMOS. PARENTES. IAM. COMPA
RASSET
MORBO. PER. PAVCOS. DIES. INGRAVES
CENTE
IIII. IDVS. FEBR. A. cIↃ IↃ CCXXXVIII.
A. DEO. EVOCATVS EST.

Multo

Рис. 2. Эпитафия Готлиба (Теофила) Зигфрида Байера
(Klotzius Ch.A. Theophili Sigefridi Bayeri, opuscula ad historiam antiquam, chronologiam, geographiam, et rem numariam spectantia. Halle, 1770. P. XIV)

Текст эпитафии был опубликован Х.А. Клотцем[53] (1770) в «Материалах для истории Академии»[54] (1890) и Ф. Бабингером[55] (1915). Комментарии авторов намекают на место захоронения, но окончательного ответа не дают. Так, у Клотца читаем: «Соратники и друзья оставили Байеру почетную надгробную надпись в храме, где были захоронены его кости»[56], а у Бабингера: «10 февраля он умер и оставил после себя вдову с 4 детьми в бедственнейшем положении. Несколько дней спустя состоялось его погребение в церкви, название которой не удалось определить, и друзьями установлен памятник с надписью, отмечающий место его упокоения»[57].

В то время в Петербурге была «кирка лютерская на Васильевском острову, во второй линии»[58], скорее всего, там его отпевали, потому что жил он рядом. Из подходящих кладбищ: «Кладбище на Васильевском острову, в Чухонской деревне, так называемом месте, где обще с российскими и иностранные хоронятся; кладбище при Александроневском монастыре, где погребаются знатные особы, а притом и иностранные; кладбище собственное всех иностранных народов христианских на Выборгской стороне, близ церкви Сампсона Странноприимца, которое и огорожено особым двором»[59]. Из этих трех возможностей самой реальной представляется Чухонская деревня в районе нынешней Гавани, если не предположить, что при лютеранской церкви на 2-й линии тоже было кладбище, к тому времени не сильно заселенное.

5 февраля 1865 г. на заседании Отделения русского языка и словесности АН академик П.П. Пекарский просил разрешения «поместить в Записках Академии наук в виде приложения к отчету о занятиях его по составлению истории <...> 3) Автобиографию Байера на немецком языке»[60]. Инициатива была одобрена, но замысел не реализовался. Несколько позднее Пекарский опубликовал свое исследование о биографии ученого[61].

Специальное исследование датского ученого Кнуда Лундбека было посвящено вкладу Байера в синологию[62].

К сожалению, жизнь стерла земные следы Байера. Вторая мировая война разрушила здания Кёнигсбергского и Лейпцигского университетов, были снесены дома на Петербургском и Васильевском островах, в которых жил Байер в Петербурге, застроено пространство школы Феофана Прокоповича на Карповке, где он преподавал; не осталось следов Академической гимназии (а во времена Байера она не имела собственного здания и часто перемещалась из одного временно предоставленного здания в другое).

Все труднее становится изучение его рукописного наследия, потому что жил он в эпоху господства латыни (даже русские ученые писали письма Байеру на этом языке). И хотя впоследствии А. Шлёцер сказал: «Даже великий знаток языков Байер, которого не испугал даже китайский язык, занимаясь древнейшей русской историей, в двенадцать лет своего пребывания в Академии не научился по-русски»[63], видимо, большой необходимости в этом не было.

Жаль, что специалистов в «гуманитарной латыни» становится все меньше. Пользуясь случаем, надо отдать должное ученым дамам — Ю.Х. Копелевич[64] и Н.И. Невской[65], которые писали свои труды, легко читая латинский текст.

К сожалению, не удалось обнаружить ни одного изображения Байера, несмотря на то что он был сыном живописца.

* * *

[1] Региомонтан (лат. *Regiomontanus* — кёнигсбергский, наст. имя Иоганн Мюллер) (1436–1476), астроном и математик, основатель Нюрнбергской обсерватории, одной из первых в Европе, автор первых печатных астрономических таблиц, которыми пользовались мореплаватели, в том числе Васко да Гама и Х. Колумб.

[2] Кант Иммануил (1724–1804), философ, родоначальник немецкой классической философии, профессор Кёнигсбергского университета, иностранный почетный член Петербургской академии наук (1794).

[3] Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776–1822), писатель-романтик, композитор, художник.

[4] Гендель Георг Фридрих (1685–1759), немецкий композитор и органист.

[5] Вивальди Антонио (1678–1741), итальянский композитор, скрипач-виртуоз.

[6] Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. II. С. 419. «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46; Мк. 15:34) и «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (Лк. 23:46).

[7] *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук. Т. I. Жизнеописания президентов и членов Императорской Академии наук, вступивших в нее в 1725–1742 годах. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1870. С. 187.

[8] *Babinger F.* Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738). Ein Beitrag zur Geschichte der morgenländischen Studien im 18. Jahrhundert. München: Druck von J. Schon, 1915. S. 25.

[9] Гольдбах Христиан (1690–1764), математик, профессор математики с 1 сентября 1725 г.; конференц-секретарь с ноября 1725 г. по 1728 г. и с 11 ноября 1734 г. по июль 1742 г.; почетный член не ранее 18 марта 1742 г.

[10] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1 (1716–1730). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885. С. 163.

[11] Строев И.П., петербургский воевода.

[12] Шафиров Петр Павлович (1669–1739), дипломат, вице-канцлер, сподвижник Петра I, в 1723 г. по обвинению в злоупотреблениях приговорен к смертной казни, после смерти царя вернулся на дипломатическое поприще.

[13] Кикины палаты — один из старейших памятников гражданской архитектуры XVIII в. в Санкт-Петербурге, получил свое название по имени первого владельца — начальника Петербургского Адмиралтейства Александра Васильевича Кикина (1670–1718), казненного по делу царевича Алексея.

[14] Делиль Жозеф Никола (1688–1768), астроном, географ, профессор астрономии с 8 июля 1725 г. по 23 января 1747 г., иностранный почетный член с 24 марта 1747 г. по 25 июня 1748 г.

[15] Делиль де ла Кройер Луи (Людовик) (1690–1741), астроном, экстраординарный профессор астрономии с начала 1727 г.

[16] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 61.

[17] Шумахер Иоганн Даниэль (1690–1761), секретарь медицинской канцелярии, директор библиотеки Петербургской академии наук.

[18] Дювернуа Иоганн Георг (1691–1759), медик, анатом, зоолог; профессор анатомии, хирургии и зоологии с 3 ноября 1725 г., иностранный почетный член с 1 июня 1741 г.

[19] Граверы Вортман Христиан Альбрехт (1680–1760), Унферцагт Георг-Иоганн (1701–1767), Эллигер Оттомар (1703–1735).

[20] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д.14. Л. 618 об.

[21] Блюментрост Лаврентий Лаврентьевич (1692–1755), медик, президент Императорской АН с 7 декабря 1725 г. по 6 июля 1733 г.

[22] *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. С. 81.

[23] Цит. по: *Копелевич Ю.Х.* В дни основания Академии наук и художеств // Вестник Академии наук СССР. 1973. № 10. С. 129–130.

[24] Летопись Российской АН. Т. I: 1724–1802. СПб., 2000. С. 125–126.

[25] Цит. по: *Копелевич Ю.Х.* В дни основания Академии наук и художеств // Вестник Академии наук СССР. 1973. № 10. С. 129.

[26] Летопись Российской АН. Т. I: 1724–1802. СПб. 2000. С. 49, 52.

[27] *Сыщиков А.Д.* Список основных трудов Г.-З. Байера // Готлиб Зигфрид Байер. Из истории Петербургской академии наук. СПб.: Европейский Дом, 1996. С. 67–71.

[28] В указателе к т. 6 последнего, полного собрания сочинений Ломоносова о нем сказано: «ориенталист, академик, ошибочно представляемый в качестве родоначальника норманнской теории» (*Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1741–1765. М.; СПб., 2011. С. 618).

[29] Миллер Герард Фридрих (1705–1783), историк, археограф, профессор с июля 1730 г., конференц-секретарь в 1728–1730 гг.; 2 марта 1754 – 21 февраля 1765 г.

[30] *Карпеев Э.П.* Г.З. Байер у истоков норманнской теории // Готлиб Зигфрид Байер. Из истории Петербургской академии наук. СПб.: Европейский Дом, 1996. С. 47–48.

[31] Тауберт Иоганн Каспар (в России Иван Иванович) (1717–1771), историк, адъюнкт по истории с 29 мая 1738 г.

[32] Так в беловом варианте документа это слово изображено писарем и прочитано издателями, в черновике можно прочитать «преждые» вместо зачеркнутого «поносные» (СПбФ АРАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 об.).

[33] *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765. М.; СПб.: Наука, 2012. С. 191.

[34] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1 (1716–1730). СПб., 1885. С. 170.

[35] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1 (1716–1730). СПб., 1885. С. 210.

[36] Летопись Российской АН. Т. I: 1724–1802. СПб., 2000. С. 52.

[37] Коль Иоганн Петер (1698–1778), литератор, историк церкви, профессор красноречия (элоквенции) и церковной истории с 7 февраля 1725 г. по 27 августа 1727 г.

[38] Цит по: *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук. Т. I: Жизнеописания президентов и членов Императорской Академии наук, вступивших в нее в 1725–1742 годах. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1870. С. 191.

[39] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1 (1716–1730). СПб.: Типография императорской Академии наук, 1885. С. 282, 283.

[40] *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. С. 142.

[41] *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук. Т. I: Жизнеописания президентов и членов Императорской Академии наук, вступивших в нее в 1725–1742 годах. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1870. С. 192.

[42] Летопись Российской АН. Т. I: 1724–1802. СПб.: Наука, 2000. С. 208, 209.

[43] Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. I (1725–1748). СПб.: Типография императорской Академии наук, 1897. С. 458.

[44] Санкт-Петербургские ведомости. 27 июля 1738. № 60. С. 478.

[45] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 34, 34 об.

[46] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 61.

[47] Бабингер Франц (1891–1967), востоковед, выпускник Мюнхенского университета, защитивший там в 1914 г. диссертацию о Г.-З. Байере и в Бер-

линском университете в 1921 г. — вторую докторскую диссертацию, специалист по истории Османской империи, до 1933 г. профессор Берлинского университета, после прихода к власти нацистов работал в Румынии, с 1948 г. до выхода на пенсию в 1958 г. преподавал в Мюнхенском университете. Утонул в результате несчастного случая в Албании.

[48] *Babinger F.* Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738). Ein Beitrag zur Geschichte der morgenländischen Studien im 18. Jahrhundert. München: Druck von J. Schon, 1915. S. 38.

[49] Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. I (1725–1748). С. 481, 494, 534. В первом чтении рассматривался «набросок эпитафии, присланный советником юстиции Гольдбахом», что дает основание предположить, что он, коллега, земляк и ходатай, был и автором текста.

[50] В древнеримском исчислении идами назывались 15-е число марта, мая, июля, октября и **13-е число января**, февраля, апреля, июня, августа, сентября, ноября и **декабря** (выделено мною для дат Байера. — *О.И.*). Остальные дни обозначались путем отсчета от них, включая этот день и день обозначаемой даты. Таким образом, 8-е иды января соответствуют 6 января.

[51] 10 февраля.

[52] СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–3.

[53] *Klotzius Ch.A.* Theophili Sigefridi Bayeri, opuscula ad historiam antiquam, chronologiam, geographiam, et rem numariam spectantia. Halae: Tupis et sumtibus, 1770. P. XIV. Клотц Христиан Адольф (1738–1771), филолог-классик, автор латинских стихотворений и сатир, литературный противник Лессинга и Гердера.

[54] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6 (1725–1743). История Академии наук Г.Ф. Миллера с продолжениями И.Г. Штриттера. СПб., 1890. С. 466–467.

[55] *Babinger F.* Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738). Ein Beitrag zur Geschichte der morgenländischen Studien im 18. Jahrhundert. München: Druck von J. Schon, 1915. S. 36.

[56] *Klotzius Ch.A.* Theophili Sigefridi Bayeri, opuscula ad historiam antiquam, chronologiam, geographiam, et rem numariam spectantia. Halae: Tupis et sumtibus, 1770. P. XIII.

[57] *Babinger F.* Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738). Ein Beitrag zur Geschichte der morgenländischen Studien im 18. Jahrhundert. München: Druck von J. Schon, 1915. S. 35.

[58] *Богданов А.И.* Описание Санктпетербурга. 1749–1751. СПб.: Северо-Западная Библейская Комиссия, 1997. С. 316.

[59] *Богданов А.И.* Описание Санктпетербурга. 1749–1751. СПб.: Северо-Западная Библейская Комиссия, 1997. С. 321.

[60] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д.140. Л. 12, 12 об., 13.

[61] *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук. Т. I: Жизнеописания президентов и членов Императорской Академии наук, вступивших

в нее в 1725–1742 годах. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1870. С. 180–196. Здесь автор перечисляет работы предшественников о Байере и особенно отмечает автографы трех его автобиографических статей.

[62] *Knud Lundbaek*. T.S. Bayer (1694–1738). Pioneer Sinologist., London/Malmö.: Curzon Press, 1986.

[63] *Шлёцер А.* Общественая и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная / пер. с нем., с примеч. и прилож. В. Кеневича // Сборник ОРЯС Императорской АН. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1875. Т. 13. С. 4.

[64] Копелевич Юдифь Хаймовна (1921–2009), к.филол.н., автор книг по истории Академии наук и биографий ученых XVIII в.

[65] Невская Нина Ивановна (1931–2006), к.ф.-м.н., д.ф.н., специалист и автор книг по истории астрономии.

М.М. Сафонов

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВО ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ «ЗАПИСОК» ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

В статье анализируется презентация образа великой княгини Екатерины Алексеевны во второй редакции «Записок» императрицы Екатерины II, созданной в первой половине 1790 г. Автор сопоставляет этот образ с ее образом в первой редакции, написанной в начале 1770-х годов, показывает, какие изменения мемуаристка внесла в свой автопортрет спустя двадцать лет, и старается определить, чем они были вызваны.

Ключевые слова: мемуары императрицы Екатерины II, первая редакция, вторая редакция, императрица Елизавета Петровна, великая княгиня Екатерина Алексеевна, великий князь Петр Федорович.

M.M. Safonov

PRESENTATION OF THE IMAGE OF GRAND DUCHESS CATHERINE ALEKSEEVNA IN THE SECOND VERSION OF THE "MEMOIRS" OF EMPRESS CATHERINE II

The article analyzes the presentation of the image of the Grand Duchess Catherine Alekseevna in the second version of the "Memoirs" of Empress Catherine II, created in the first half of 1790. The Author compares this image with her image in the first version, written in the early 1770s, shows what changes the memoirist made in her self-portrait after twenty years, and tries to determine what they were caused.

Keywords: memoirs of Empress Catherine II, first version, second version, Empress Elizabeth Petrovna, Grand Duchess Catherine Alekseevna, Grand Duke Peter Fedorovich.

В первой половине 1790-х годов императрица Екатерина II создала вторую редакцию своих «Записок». По всей видимости, рукопись осталась незаконченной. Текст обрывается внезапно. Во всяком случае точка в последнем предложении, которым завершается текст, в рукописи отсутствует. Трудно сказать, таков был замысел автора либо мемуаристка просто-напросто не успела продолжить свою работу. Эта заключительная редакция охватывает время начиная с 1744 г., момента приезда принцессы Софии Августы Фредерики Ангальт-Цербстской в Петербург, и завершается описанием ночного разговора с императрицей Елизаветой Петровной, имевшего место в 1758 г. Вторая редакция состоит из двух частей. Первая часть доведена до начала 1751 г., вторая охватывает период с этого времени до 1758 г.

Первая редакция мемуаров императрицы, созданная в первой половине 1770-х годов, содержит описание событий с момента рождения немецкой принцессы в 1729 г. до начала 1751 г., когда великой княгине Екатерине предстояло сделать первый шаг на политическом поприще: принять участие в переговорах с Данией об обмене Гольштейн-Готторпского герцогства на графства Ольденбургское и Дельменхорстское. Таким образом, период с 1744 по 1750 г. описан мемуаристкой дважды, и оба раза по-разному. Это дает возможность сопоставить между собой эти два описания и путем сопоставления правильно понять, как был создан образ великой княгини Екатерины, презентованный в заключительной редакции. Сразу отмечу, что в заключительном тексте перед нами предстает совсем другая, незнакомая нам раньше женщина.

Тексту второй редакции предпослан эпиграф:

«Счастье не так слепо, как его себе представляют. Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, не замеченных толпою и предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения. Чтобы сделать это более осязательным, я построю следующий силлогизм:

Качества и характер будут большей посылкой;

Поведение — меньшей;

Счастье или несчастье — заключением. Вот два разительных примера:

Екатерина II

Петр III»[1].

Другими словами, мемуаристка утверждает довольно банальную вещь: человек сам является творцом собственного счастья. Однако в этом «акте творения» она выделяет две составляющие и ранжирует их по значению. Да, конечно, длинный ряд верных и точных мер, предпринятых самим человеком и для толпы невидимых, является непременным условием «удачи». Принимать эти меры необходимо, если хочешь добиться счастья, но не это главное. Главное состоит в том, что залог успеха заключается прежде всего в индивидуальных качествах человека, характере самого индивида, то есть в его личности.

Сформулировав таким образом свое кредо, Екатерина в первых же строках нового текста как бы отрекается от главной идеи предшествующей редакции: российская корона была предназначена ей самим провидением[2], она же, ангальт-цербстская принцесса, просто верила в свое предназначение, иными словами, доверяла судьбе. И действительно, во второй редакции ни слова не говорится о судьбе и ее предсказаниях.

Не абстрактный fatum привел ее на российский трон, а осязаемые, вполне конкретные личные качества неординарной личности, которая противопоставлена толпе. Впрочем, одно упоминание о предчувствии своей будущей роли в этом тексте все-таки есть, но оно вовсе не является объяснением своей судьбы ролью провидения, как это имело место в первой редакции[3]. Как раз напротив. Рассказывая о том, что предстоящая свадьба не предвещала ей «большого счастья», мемуаристка мимоходом бросила замечание: «Одно честолюбие меня поддерживало; в глубине души у меня было что-то, что не позволяло мне сомневаться ни минуты в том, что рано или поздно мне самой по себе удастся стать самодержавной Русской императрицей»[4]. Выражение «самой по себе» является ключевым в этом предложении и не оставляет сомнения в том, кому именно считала себя обязанной императрица Всероссийская — «самой себе». И эпиграф ко второй редакции говорит сам за себя. Он апеллирует не к чувствам и сантиментам, то есть к сердцу читателя, а прежде всего к его логическому мышлению. Чтобы убедить читателя в том, что мемуаристка собирается рассказать, она строит силлогизм. Пробежав его глазами, читатель убеждается: в этом сочинении он столкнется с железной логикой автора.

Сама формулировка эпиграфа уже предвещала читателю, что последующий текст будет состоять из цепи связанных между собой хронологическим принципом биографических эпизодов, в которых отразятся черты личности и качества характера мемуаристки, сделавшие

ее в конце концов Екатериной Великой. То есть перед глазами читателя последовательно будут развертываться сцены из повседневной жизни великой княгини, запечатлевшие ее личные качества, являвшиеся, по сути дела, главными демиургами ее будущего величия. Но не следует думать, что среди этих сменяющих одна другую сцен найдутся и те эпизоды, в которых раскрывались бы точные и верные незамеченные толпой меры, подготовившие в конечном счете ее успех. Хотя мемуаристка признавала, что они, как обязательные условия удачи, не могли не иметь места, но описывать их не стала. Более того, «точные и верные» меры, «предшествовавшие событию», должны были быть «не замечены» не только толпой, но и внимательнейшим читателем. И для этого они совершенно заслонялись презентацией «качеств» и «характера» главной героини, поглощались тем и другим, абсолютно растворялись в них.

Для читателя, который был бы не в состоянии, ознакомившись с текстом мемуаров, самостоятельно воссоздать образ автора, Екатерина в виде подсказки в самом конце поместила дифирамбическую характеристику самой себя: «...одарена очень большой чувствительностью и внешностью, по меньшей мере очень интересною, которая без помощи искусственных средств и прикрас нравилась с первого взгляда; ум мой по природе был настолько примирительного свойства, что никогда никто не мог пробыть со мною и четверть часа, чтобы не почувствовать себя в разговоре непринужденным и не беседовать со мною так, как будто он уже давно со мною знаком. (При этом надо иметь в виду, что императрица Елизавета Петровна не могла пробыть с Петром и четверти часа, «чтобы не почувствовать отвращения». Напротив же, Екатерине же четверти часа достаточно, чтобы все, в том числе и императрица, почувствовали симпатию к ней. — *М.С.*) По природе снисходительная, я без труда привлекала к себе доверие всех имевших со мною дело, потому что всякий чувствовал, что побуждениями, которым я охотнее всего следовала, была *самая строгая честность и добрая воля* (курсив мой. — *М.С.*). Я осмелюсь утверждать относительно себя, если только мне будет позволено употребить это выражение, что я была *честным и благородным рыцарем* (курсив мой. — *М.С.*), с умом несравненно более мужским, нежели женским; но в то же время внешним образом я ничем не походила на мужчину; в соединении с мужским умом и характером во мне находили все приятные качества женщины, достойной любви; да простят мне это выражение, во имя искренности признания, к которому побуждает меня мое само-

любие, не прикрываясь ложной скромностью. Впрочем, это сочинение должно само по себе доказать, что я говорю о своем уме, сердце и характере»[5].

В этой триаде — ум, сердце, характер — не случайно на первое место поставлен ум.

Достаточно пробежать глазами начальные строки этого сочинения, излагавшие силлогизм, чтобы сразу понять: автор обладает аналитическими способностями, которые и будут демонстрироваться. Последующий текст построен так, что не возникает сомнений: пишущий — человек «с умом несравненно более мужским, нежели женским». Причем не только «более мужским, чем женским», но «несравненно более»!

В самом деле, свой рассказ о приезде в Россию в феврале 1744 г. Екатерина начинает с анализа положения враждующих партий при российском дворе. Снабжает каждого члена противостоящих друг другу группировок обстоятельными характеристиками, взвешивая их сильные и слабые стороны и отмечая скрытые пружины, которыми пользовались эти политиканы[6].

Как это не похоже на описание туалетов и причесок, украшений и драгоценностей придворных дам, которыми пестрит первая редакция[7]. Естественно, ведь мемуаристка пишет свои «Записки» не от лица пятнадцатилетней девушки, думающей только о «parure et danses», то есть о нарядах и танцах, она вещает от имени существа «с умом несравненно более мужским...»

В отличие от первой редакции, во второй нет описания приезда Екатерины в Россию, встречи с императрицей и великим князем, дворцовых церемоний и времяпрепровождения в первые дни в Москве. Мемуаристка, не мешкая и не размениваясь на мелочи, тотчас «переходит к делу». Сразу же после первой демонстрации своих интеллектуальных способностей в описании противоборства придворных партий мемуаристка помещает пассаж об умственной убогости своего будущего супруга — великого князя Петра Федоровича[8]. При этом мемуаристка не забывает упомянуть, что ей не было тогда еще и пятнадцати лет, но в течение десяти дней, то есть в очень короткий срок, она все «увидела и поняла».

Читатель ни на минуту не забывает о том, что этому «убожеству» предстоит еще надеть российскую корону, которую Петр Федорович так и не надел, хотя воссел на трон. Читатель, столкнувшись с такими откровениями его жены, должен был бы сказать про себя: «И слава

богу, что не надел». Демонстрация же умственного превосходства вначале невесты, а потом и жены Петра, построенная на контрасте интеллектуальных возможностей супругов, не могла не привести доверчивого читателя к мысли: ничего не было более естественного, чем переход престола не к Петру, а к Екатерине. Это больше соответствовало бы законам природы, не наделившей Петра необходимыми для его высокого сана качествами, и согласовывалось бы с законами справедливости. Для того чтобы читатель сам пришел к такому выводу, мемуаристке было совершенно необходимо опустить личность и умственные способности Петра до возможных пределов[9], образно говоря, до земли, собственные же вознести на такую заоблачную высоту, что само сопоставление их между собой могло бы показаться никчемным и даже нелепым. Для этого Екатерине пришлось переписать свой автопортрет, то есть существенно переработать представленный в первой редакции образ, усилить, насколько возможно, его интеллектуальную составляющую. И убрать из нового автобиографического полотна все, что вступало в противоречие с интеллектуальной доминантой героини.

В то время как Петр заставлял краснеть свою невесту родственными откровениями о том, что хотел бы жениться на фрейлине А.С. Лопухиной, в которую влюблен, но вынужден жениться на Екатерине, потому что так хочет его тетка Елизавета, мемуаристка стремилась как можно быстрее натурализоваться и для этого прилежно изучала русский язык. Это похвальное стремление привело ее к тому, что она заболела и чуть не умерла. В первой редакции рассказывается о болезни принцессы, но о причине, ее вызвавшей, не говорится ни слова. Упоминаются озноб и плеврит. И читатель может подумать: более суровый русский климат стал причиной этой болезни[10]. Теперь же, во второй редакции, названа, а точнее выражаясь, придумана интеллектуальная причина этого несчастья, едва не стоившего прилежной девочке жизни. «Чтобы сделать более быстрые успехи в русском языке, я вставала ночью с постели и, пока все спали, заучивала наизусть тетради, которые оставлял мне В.Е. Ададуров (учитель русского языка. — *М.С.*); так как комната моя была теплая и я вовсе не освоилась с климатом, то я не обувалась — как вставала с постели, так и училась. На тринадцатый день я схватила плеврит, от которого чуть не умерла»[11]. Если сравнить описание болезни в обеих редакциях, то нельзя не заметить, что в позднем тексте описание болезни представлено в более трагических тонах. «Я оставалась между жизнью и смертью в течение

двадцати семи дней, в продолжение которых мне пускали кровь шестнадцать раз и иногда по четыре раза в день»[12]. Это и понятно — во второй редакции ужасная болезнь — это расплата за рвение к русскому языку. Чем ужаснее болезнь, тем выигрышней выглядит босая девочка, вставшая по ночам, чтобы выучить наизусть задания по русскому языку.

В описание болезни во второй редакции мемуаристка ввела еще одни выигрышный для себя эпизод. Его не было в первой редакции. Нет никакого сомнения в том, что он, так же как и ночное лингвистическое усердие, сочинен автором второй редакции. Речь идет о том, что девочке стало настолько плохо, что решили пригласить священника. Мать Екатерины хотела позвать пастора, но девочка, находившаяся между жизнью и смертью, категорически воспротивилась этому. «Зачем же? Пошлите лучше за Симеоном Теодорским (наставником в православной вере. — *М.С.*), я охотно с ним поговорю». Разговором девочки с православным священником «все были довольны»[13]. Становится очевидным, что во второй редакции болезнь «усугублена» еще и для того, чтобы мемуаристка могла оказаться при смерти и ей понадобилась бы исповедь. В первой же редакции больная находилась без сознания и не помнила «почти ничего из происходившего в течение двадцати семи дней, пока продолжалась эта ужасная болезнь»[14]. «Вспомнила» же об этом мемуаристка спустя почти пятьдесят лет! Заслуживает быть отмеченным и то, что согласно первой редакции С. Теодорский как наставник стал посещать ее только после 21 апреля 1744 г., когда ей исполнилось 15 лет, а это произошло уже после того, как девочка поправилась[15]. Если это верно, то он не мог беседовать со своей подопечной в то время, когда она болела, так как тогда не был ее наставником.

По всей видимости, успехи Екатерины в изучении русского языка, несмотря на проявленное на страницах мемуаров рвение, были не столь значительными, как она старается показать. Еще в феврале 1745 г., то есть спустя год после начала обучения русскому, Екатерине дали восемь горничных, из которых семь были русскими. Это было сделано для того, чтобы «облегчить» ей «усвоение русского языка»[16].

Скороговоркой мемуаристка сообщает дату исповедания новой веры и обручения. Но в отличие от первой редакции не описывает этих церемоний. И это понятно: ни к чему привлекать читательское внимание к тому факту, что она, как и ее суженый, первоначально

была лютеранкой. Об обручении говорится, чтобы еще раз подчеркнуть ничтожность жениха: воспитатель не мог его «образумить» и пытался просить Екатерину, разумеется, ведущую себя отменно, помочь ему сделать это[17].

Рассказывая о поездке в Малороссию, мемуаристка опустила все подробности, касающиеся самого путешествия и времяпрепровождения вначале в Киеве, а потом в Москве. Упомянута только восьмиместная повозка с постелями, куда не допускались «старики». Это упоминание сделано лишь для того, чтобы можно было объяснить гнев императрицы Елизаветы по возвращении вследствие наговоров М.А. Румянцевой, приставленной опекать Екатерину. Если в первой редакции именно в этом месте мемуаров Екатерина рассказывала, как она танцевала с утра до вечера, и описывала, смакуя подробности, московский бал, на котором мужчины танцевали в женских одеждах, а женщины — в мужских, то в тексте второй редакции упоминается лишь о том, что «осень прошла в комедиях, придворных балах и маскарадах»[18]. Но их описания нет.

Естественно, умной Екатерине такие развлечения не к лицу. Она — существо другого порядка. Не упоминается во второй редакции о том, что в Москве, когда заболевший Петр занимался военными экзерциями со своими лакеями, Екатерина тоже имела чин и была поверенной его ребячеств[19]. Но какие же экзерциции, Екатерина — ума палата. Во второй редакции при возвращении из Москвы она предпочла отдельные от матери палаты во дворце по той причине, что у ее родительницы собиралась компания, которая «ни кому не была по душе», и прежде всего императрице[20]. Какая проницательность в пятнадцать лет! А чему удивляться: все время, за исключением того, которое она проводила у матери, девочка «употребляла, чтобы изучить русский язык, играть на клавесине да покупать себе книги». Так что в пятнадцать лет она жила «одиноко» в своей комнате и была «довольно прилежна для своего возраста»[21].

Этот пассаж особенно интересно сопоставить с описанием времяпрепровождения Екатерины в аналогичный период в тексте первой редакции. Там она всецело отдавалась «причудам двора»: «игра и туалет наполняли весь день», думала «только о нарядах». У нее «не было и книги в руках» с тех пор, когда она приехала в Россию[22]. Взяв в руки по рекомендации шведского дипломата Г.-А. Гюлленборга «Жизнь Цицерона» Плутарха, девочка не смогла читать последовательно, начала зевать и бросила ее, чтобы вернуться к нарядам.

Естественно, книга — важнейший атрибут интеллектуального создания, отношение к ней — существеннейшая характеристика личности. Во второй редакции молодая Екатерина — особа с высоким интеллектом. Поэтому книга для нее — важнейшая ценность, оттого она не танцует в пятнадцать лет, а читает. Наряды заменяются книгой. Гюлленборгу в этом контексте отводится иная роль, нежели в первой редакции. Там он введен для того, чтобы показать: несмотря на интеллектуальные задатки, которые он рассмотрел в девочке-подростке, она является порождением придворной жизни со всеми ее светскими ценностями. Ее попытка наставить подростка на путь истинный, обратить его на стезю интеллектуальной жизни терпит неудачу. «Философ в пятнадцать лет» снова окунается в омут светских развлечений. Во второй редакции Гюлленборг появляется на страницах «Записок» для того, чтобы засвидетельствовать, что Екатерина — «ребенок гораздо старше своих лет», что у нее «философский склад ума»[23]. Гюлленборг появляется в тексте сразу после того, как мемуаристка описала свои занятия в Петербурге зимой 1745 г. То есть жила «одиноко» в своей комнате, изучала русский язык, играла на клавесине, покупала книги. И на вопрос дипломата, как обстоят дела с ее «философией» при том вихре, в котором она живет, Екатерина рассказала ему, что делает «у себя в комнате». Гюлленборг заявил девочке, что «пятнадцатилетний философ» не может себя знать. Он окружен подводными камнями, о которые может разбиться, если только его душа «не исключительного закала», ее надо питать «самым лучшим чтением», и он рекомендовал ей список сочинений Плутарха и Монтескье. Екатерина «тотчас» послала за ними. Их с трудом нашли в Петербурге. Заметим, в первой редакции книгу Плутарха «Жизнь замечательных людей» Екатерина найти не смогла. Таким образом, мемуаристка устами авторитетного дипломата теперь давала понять читателю, что в пятнадцать лет у нее была душа «исключительного закала». Несмотря на окружавшие ее подводные камни, она о них не разбилась. Она питала свою душу «самым лучшим чтением», то есть такими книгами, которые еще не читали в российской столице, ведь их еще почти невозможно было здесь достать. Вопреки утверждению шведа-интеллектуала, что пятнадцатилетний философ не может еще себя знать и поэтому подвержен опасности, развитая не погодам девочка доказала ему обратное. Она представила ему сочинение о себе, которое озаглавила: «Портрет философа в пятнадцать лет». Нельзя не отметить, согласно первой редакции, это сочинение называлось иначе: «Набросок начерно

характера философа в пятнадцать лет»[24]. Немаловажно и то, что в первой редакции говорится о том, что в этом сочинении Екатерина обнаружила знание «всех изгибов и тайников» своей души, так что и по прошествии тринадцати лет она не смогла бы ничего добавить к этому. Другими словами, в опусе речь шла прежде всего о качествах характера героини, а не о ее уме. Гюлленборг же сопроводил сочинение Екатерины своей запиской. В ней швед представил все опасности, которым она подвергалась ввиду ее характера.

Из контекста же второй редакции явствует, что самохарактеристика Екатерины представляла собой сочинение иного рода. Здесь речь шла не столько об «изгибах и тайниках» души, сколько о качествах ее ума. О записке самого Гюлленборга здесь сказано, что он не предостерегал ее об опасностях, ее поджидавших, как это было в раннем тексте, а старался укрепить в ней «как возвышенность и твердость духа, так и другие качества сердца и ума». То есть эти качества уже изначально были у «философа в пятнадцать лет». Гюлленборг же подавал советы, как их развить и укрепить. Другими словами, шведский дипломат выступает здесь важным свидетелем выдающихся качеств пятнадцатилетней Екатерины, прежде всего ее умственных задатков. Именно он, согласно второй редакции, сыграл важную роль в их дальнейшем развитии. Екатерина читала и перечитывала несколько раз его сочинение и прониклась намерениями следовать ее советам. Она это обещала себе. А раз она себе обещала, то не помнит случая, чтобы не исполнила. Записка шведского наставника «послужила к образованию и укреплению» склада ее ума и сердца[25].

Во второй редакции эпизод с Гюлленборгом несет очень важную смысловую нагрузку в процессе создании образа главной героини. В первой редакции в описании встречи с Гюлленборгом есть серьезное противоречие, в котором отразилась противоречивость самого образа Екатерины, там презентованного. Великая княгиня интересуется только «parure», танцует, наряжается и думает лишь о светских удовольствиях. Но в то же время она, согласно Гюлленборгу, «философ в пятнадцать лет». Автору первой редакции очень важно показать: Екатерина — непосредственное детское создание, которого не интересует ничего более того, что интересно девочкам ее возраста. Но к моменту воцарения в 1762 г. она должна уже быть «философом на троне». Для этого уже в пятнадцатилетнем возрасте у нее должны быть такие качества, которые станут залогом того, что в будущем она может быть уподоблена Минерве или Семирамиде. Однако из описания

детства и воспитания в первой редакции совершенно не ясно, откуда у нее могли появиться качества «философа». Поэтому образ пятнадцатилетнего мыслителя, думающего только о балах и нарядах, неубедителен, недостоверен, можно сказать, даже неудачен. Видимо, Екатерина чувствовала это противоречие и сознавала, насколько он неправдоподобен. Поэтому во второй редакции она решила устранить это противоречие. Екатерина в пятнадцать лет — философ, а не ветреная модница со всеми присущими качествами. Как она стала философом, не рассказывается. Описания детства и воспитания во второй редакции нет вовсе. В Россию она приехала уже философом, и встреча с Гюлленборгом, его наставления стали определенным этапом в этом интеллектуальном развитии будущего философа на троне. Эта метаморфоза — одна из самых важных в тексте второй редакции.

После пассажа о Гюлленборге и «философе в пятнадцать лет» мемуаристка делает комплимент себе устами императрицы Елизаветы за изучение русского языка. В день рождения Петра императрица обедала на троне с его невестой (сам же именинник не показывался публике из-за перенесенной оспы). Елизавета сказала, что русские письма, которые ей писала Екатерина, «доставили ей большое удовольствие». Императрица сообщила, что она знает, как будущая невестка старается «изучить местный язык». Она заговорила с Екатериной на русском языке и захотела, чтобы та отвечала ей тоже по-русски. Екатерина успешно справилась с этим испытанием. Елизавета осталась очень довольной и похвалила ее «хорошее произношение»[26]. Хотя мемуаристка призналась, что письма императрице сочинял ее учитель русского языка В.Е. Ададуров, а она их только переписывала, тем не менее это были плоды той работы над собой, которую она обещала проделать Гюлленборгу и самой себе. Устами императрицы мемуаристка дала понять читателю, что она трудилась успешно. Но эта похвала самой себе и своему интеллекту была «изобретена» автором второй редакции, потому что в первой об этом эпизоде не говорилось ни слова. Его тогда еще не «вспомнили».

Как и подобает человеку с мужским сладом ума, мемуаристка упоминает о свадьбе и переменах, последовавших при дворе после этого рубежа, лишь мимоходом. Ее это мало интересует, и не следует на этом сосредоточивать читательское внимание. В первой же редакции, напротив, свадебные торжества описаны подробнейшим образом, так же как и дни, им предшествовавшие, со всеми сопутствующими мелочами обыденной жизни[27].

Рассказывая о своем несчастном супружестве, Екатерина сообщает, что муж мучил всех своими военными учениями в Ораниенбауме летом 1746 г. Она же «прибегла к книгам, которые привезла с собой». «С тех пор, как я была замужем, — утверждала мемуаристка, — я только и делала, что читала; первая книга, которую я прочла после замужества, был роман под заглавием “Tiran le blanc”, и целый год я читала одни романы; но когда они стали мне надоедать, я случайно напала на письма г-жи де Севинье: это чтение очень меня заинтересовало. Когда я их проглотила, мне попались под руку произведения Вольтера; после этого чтения я искала книг с большим разбором»[28].

Интересно, что в ранней редакции о “Tiran le blanc”, который был первой книгой, прочитанной Екатериной «по своей воле от начала до конца» в сентябре 1745 г., говорится следующее: «Мне очень нравилась принцесса, у которой кожа была так тонка, что когда она пила красное вино, видно было, как оно течет у нее в горле»[29]. Эта читательская оценка вполне соответствовала интересам девушки, кружившейся в вихре светских развлечений, у которой чтение Монтескье не могло вызвать ничего, кроме зевоты. Во второй же редакции после наставлений Гюлленборга, полученных зимой 1745 г., до лета 1746 г. Екатерина вроде должна была бы читать Плутарха и Монтескье, как обещала шведскому наставнику. Но, оказывается, за это время она ничего не читала, кроме романов. Хорошее же занятие для «философа в пятнадцать лет». Очевидно, приукрашая свой интеллектуальный портрет, мемуаристка по неосторожности проговорилась и не заметила, как это случилось. Поэтому следует с большой осторожностью отнестись к утверждению автора второй редакции о чтении Вольтера, который якобы в этом возрасте уже произвел переворот в ее читательских интересах. Спустя почти тридцать лет Екатерина помнила название книги “Tiran le blanc”, теперь никому неизвестной, но первый опус Вольтера, перевернувший ее читательские представления, вспомнить никак не могла.

В первой редакции сообщалось: когда муж предавался своим военным пристрастиям в Ораниенбауме летом 1746 г., Екатерина «весь день с ружьем на плече... охотилась или сидела у себя в комнате с книгой в руках». Она читала только романы. Они «не преминули разжечь» ее воображение. Но великая княгиня в этом вовсе не нуждалась[30]. Надо понимать, что читала она романы о любви. Это было некой компенсацией за неудачный брак. В таком контексте вынужденное чтение книг выглядит как попытка уйти от скуки и тоски одиночества,

а вовсе не как приобретение необходимых знаний с целью образовать себя. Ничего не меняет фраза, помещенная в тексте, где рассказывалось об ужесточении содержания Малого двора весной 1747 г.: «Я любила чтение». Эта фраза брошена здесь для того, чтобы подчеркнуть различие в характерах Петра и Екатерины. Петр «тоже читал», но, в отличие от жены, он читал «плохие» книги: «Рассказы о разбойниках или романы», которые его супруге были «не по вкусу»[31]. Надо думать, романы не про принцессу с чрезвычайно тонкой кожей. Весной 1747 г. Екатерина читала в то время, когда Петр «пиликал на скрипке»[32].

Согласно второй редакции, летом 1747 г., когда Чоглоковы, курировавшие Малый двор, сделали все, чтобы изолировать великокняжескую чету от остального мира, Екатерина от скуки пристрастилась к верховой езде, остальное время она читала «у себя все, что попадалось под руку»[33]. Однако, согласно первой редакции, в это время она заменяла удаленных от великого князя «военных» из прислуги и членов Малого двора: изучила все оружейные приемы не хуже «самого опытного гренадера», стояла на часах с мушкетом в руке. Остальное же время читала. «Никогда не бывала без книги и никогда без горя, но всегда без развлечений»[34]. Здесь книга — вынужденный заменитель развлечений скучающей девушке, обожавшей светское времяпрепровождение, но вынужденной сидеть в одиночестве взаперти. Впрочем, мемуаристка утверждала, что она выделила И.И. Шувалова из сонма придворных и способствовала его карьере именно потому, что находила его в передней с книгой в руках. Сама же она «любила читать»[35]. Когда осенью 1747 г. великокняжеская чета решила переоборудовать кабинет в своих покоях, то Екатерина намеревалась здесь «читать книгу или заниматься рукоделием»[36]. Книга в этом контексте — времяпрепровождение под стать рукоделию.

Согласно второй редакции, летом 1748 г. Екатерина читала «Записки Брантома», которые ее очень забавляли. Но еще ранее она прочла «Жизнь Генриха VI» Перифакса[37]. В тексте первой редакции летом 1749 г. в селе Раеве, когда Петр устроил бал, Екатерина взяла книгу и принялась читать в углу[38]. Во второй редакции в описании этого эпизода упоминание о книге опущено[39]. В этой редакции книга не является орудием противостояния мужу.

В первой редакции книга — лекарство от одиночества. «Я была как бы одинока среди всей этой толпы; однако я к этому привыкла благодаря чтению хороших книг», — писала мемуаристка[40]. В Монплезире летом 1750 г. Екатерина устраивалась у окна спальни и там читала[41].

Ее чтением был “L’espion Turk”. Книга эта едва не повергла ее в меланхолию. У Екатерины была привычка всегда иметь книгу в кармане, чтобы избавиться от скуки. Когда предоставлялась свободная минута, она принималась за чтение, чтобы избавиться «от скучных минут». Но в меланхолию ее повергал тот образ жизни, который ее заставляли вести. Одной из составляющих этого образа, столь осуждаемого Екатериной, как раз и было вынужденное чтение. Обожающей светскую жизнь особе приходится лечиться от скуки чтением. Она вставала между восьмью и девятью часами и «садилась читать до тех пор, пока не наступало время одеваться». Когда Петр приходил в комнату Екатерины, она предпочитала ему свою книгу; когда ее причесывали, она продолжала читать[42].

Во второй редакции рассказывается, что в Москве в 1749 г. Екатерина «от скуки» начала читать «историю Германии отца Бара, каноника собора св. Женевьевы, 8 или 9 томов в четверку». В неделю она прочитывала по книге. После чего мемуаристка «прочла произведения Платона»[43]. Это уже не про «принцессу с тонкой кожей». Несмотря на то что летом 1750 г. Екатерина очень много времени проводила верхом, при этом она не расставалась с книгой. «В это время, — пишет мемуаристка о лете 1750 г., — у меня также всегда была с собою в кармане книга, и если я находила свободную минутку, я употребляла ее на чтение»[44].

Читающая Платона на охоте наездница, оказывается, была женщиной верующей. И не просто верующей, но верующей глубоко и искренне. Раскрывая перед читателем все изгибы своего сердца, мемуаристка в новом тексте «вспомнила» еще целый ряд эпизодов, раскрывающих ее с этой стороны. «На первой неделе Великого поста, — рассказывает мемуаристка о событиях 1745 г., — у меня была очень странная сцена с великим князем. Утром, когда я была в своей комнате со своими женщинами, которые все были очень набожны, и слушала заутреню, которую служили у меня в передней, ко мне явилось посольство от великого князя; он прислал мне своего карлу с поручением спросить у меня, как мое здоровье, и сказать, что ввиду поста он не придет в этот день ко мне. Карла застал нас всех слушающими молитвы и исполняющими предписания поста по нашему обряду. Я ответила великому князю через карлу обычным приветствием, и он ушел. Карла, вернувшись в комнату своего хозяина, потому ли, что он действительно проникся уважением к тому, что он видел, или потому, что он хотел посоветовать своему дорогому владыке и хо-

зяину, который был менее всего набожен, делать то же, или просто по легкомыслию, стал расхваливать набожность, царившую у меня в комнатах. И этим вызвал в нем дурное против меня расположение духа. В первый раз, как я увидела великого князя, он начал с того, что надулся на меня; когда я спросила, какая тому причина, он стал очень меня бранить за излишнюю набожность, в которую, по его мнению, я впала. Я спросила, кто ему это сказал. Тогда он мне назвал своего карлу как свидетеля-очевидца. Я сказала ему, что не делала больше того, что требовалось и чему все подчинялись и от чего нельзя было уклониться без скандала; он был противного мнения. Этот спор кончился, как и большинство споров кончаются, то есть тем, что каждый остался при своем мнении...»[45]

Это фрагмент интересен тем, что из него читатель должен уяснить: великая княгиня не просто религиозна. Она, по словам его неразумного мужа, набожна «излишне». И хотя кощунствующий супруг упрекал ее «за излишества», а она оправдывалась перед мужем, мол, делала не более того, чего требовал обычай, читатель должен уразуметь: в действительности будущая Екатерина Великая делала гораздо больше, чем просто соблюдала религиозные ритуалы, чем и вызвала восхищение «карлы», слуги ее неверующего супруга. Чтобы еще раз убедиться в этом, читателю нужно было перевернуть всего лишь несколько страниц. Тут рассказывалось о том, как мемуаристка в том же году соблюдала пост: « Я постилась в первую неделю Великого поста; императрица велела мне сказать в субботу, что я доставлю ей удовольствие, если буду поститься и вторую неделю; я велела ответить Ее Величеству, что прошу ее разрешить мне поститься весь пост. Гофмаршал императрицы Сиверс... который передал эти слова, сказал мне, что императрица получила от этой просьбы истинное удовольствие и что она мне это разрешает. Когда великий князь узнал, что я все постничаю, он стал меня очень сильно бранить; я сказала ему, что не могу поступить иначе...»[46] Примечательно, великая княгиня не просто усердно следует обрядам, предписанным церковью, выбирая самый изматывающий ритуал, но еще становится в некотором роде мученицей, претерпевая гонения мужа за свою религиозность.

Характерно, что в первой редакции «постный» эпизод представлен иначе. К.Е. Сиверс передал Екатерине слова императрицы: она доставит ей удовольствие, если будет говеть. Екатерина ответила, что государыня ее опередила, потому что она сама была намерена просить у нее разрешения. Эти слова понравились Елизавете Петровне[47].

Нетрудно заметить, как мемуаристка «удлинила» свое говение и «ужесточила» свой пост. Так и создавался образ истинно православной великой княгини. Следует отметить и то, что, несмотря на недовольство Петра Федоровича религиозностью своей второй половины, Екатерина почти фанатично молилась за его здоровье, когда он сильно занемог зимой 1746 г. Мемуаристка «придумала» этот эпизод, когда составляла вторую редакцию мемуаров. («Придумала», потому что раньше его не было.) В ней он представлен так: «Однажды, когда я читала вечерние молитвы в маленькой молельне, находившейся возле мой уборной, ко мне вошла госпожа Измайлова... Она мне сказала, что императрица, зная, как я опечалена болезнью великого князя, прислала ее мне сказать, чтоб я надеялась на Бога, не огорчалась и что она ни в коем случае меня не оставит. Измайлова спросила, что я читаю, я ей сказала: вечерние молитвы; она взяла мою книгу и сказала, что я испорчу глаза, читая при свечке такой мелкий шрифт». Екатерина попросила поблагодарить императрицу за ее милости. «На следующий день императрица прислала мне молитвенник, напечатанный крупными буквами, чтобы сберечь мне глаза, как она говорила»[48]. Как видно, мемуаристка была неистощима на выдумки. Какое благочестие и какая трогательная забота истинной христианки о больном муже!

То же сочетание характеристик — нерадивого мужа и его благочестивейшей жены — запечатлелось во фрагменте, рассказывающем о Пасхе 1750 г.: «Так как в ночь на Пасху надо было не спать, я легла в Великую субботу около пяти часов дня, чтобы поспать до того часу, как надо будет одеваться. Как только я легла, великий князь прибежал со всех ног сказать мне, чтобы я немедленно вставала и шла есть только что привезенные из Голштинии совсем свежие устрицы. Для него было большим и двойным праздником, когда они приходили... Не встать значило бы разобидеть его и подвергнуться очень большой ссоре; итак, я встала и пошла к нему, *хотя и была измучена исполнением всех обрядов говения в течение Страстной недели*» (курсив мой. — *М.С.*). Вынужденная съесть дюжину устриц, Екатерина вернулась в постель. «В двенадцать часов я встала и оделась, чтобы идти к пасхальной заутрене и обедне, но не могла оставаться до конца службы из-за сильных колик, которые со мною случились; не помню, чтобы когда-либо в жизни у меня были такие сильные боли; я вернулась к себе в комнату только с княжной Гагариной... Она помогла мне раздеться, лечь, послала за докторами; мне дали лекарство; я провела первые два дня праздника в постели»[49].

Рассказ о поедании устриц и последующем расстройстве желудка во время Пасхи в первой редакции есть. Но здесь он описан по-иному: с юмором и даже сарказмом. Чего стоит реплика Екатерины, что она не могла не рассмеяться, услышав, как укладывавшая ее в постель «трусливая по природе» княжна Гагарина сказала: «Я умираю от страха, как бы вы не умерли, пока я с вами одна». При этом она ежеминутно спрашивала: «Не хотите ли, чтоб я послала за вашим духовником?»[50] Про измученность «исполнением всех обрядов говения в течение Страстной недели», разумеется, здесь еще нет ни слова. Да она была бы неуместна в этом юмористическом контексте. Естественно, авторские установки тут другие.

То, что мемуаристка во второй редакции изобразила себя намного более религиозной особой, нежели она была представлена на страницах первой, легко объяснимо. В одном из фрагментов раннего текста рассказывается о набожности ее камер-фрау П.Н. Владиславовой, женщины «большого ума», строгой «на всякие мелочи». Екатерина видела, как тщательно она избегала возможности «привести в негодование большую часть народа» тем, что не строго следовала предписанным религиозным обрядам. Мемуаристка сообщала читателям о тех выводах, которые она сделала из этих наблюдений. «Вследствие этого я стала особенно стараться избегать во всем и повсюду, вплоть до малейшей безделицы, того, что могло бы оскорбить это расположение народного духа, господствовавшее тогда еще над толпой; я приложила тем больше стараний сообразоваться с этим, что я знала правило, которое гласит, что часто более вредит в общей сложности пренебрежение такого рода безделицами, чем предметами существенными, потому что умов, склонных к мелочам, гораздо больше, чем людей разумных, которые их презирают»[51]. Сделанные выводы она практически реализовывала при написании текста второй редакции, значительно усилив религиозную составляющую своего образа. Она прекрасно понимала, что среди ее будущих читателей разумных умов будет значительно меньше, чем склонных к мелочам. Но было и другое. Читатель знал: императрица Елизавета была глубоко верующим человеком. Поэтому мемуаристке было важно показать, что она, в отличие от своего супруга, была под стать государыне и даже кое в чем превосходила ее в этом отношении. Во всяком случае на религиозной почве между императрицей и ее невесткой никакого конфликта быть не могло.

Описание собственно характера мемуаристки занимает во второй редакции немного места. Отдельные реплики по поводу личных

свойств главной героини разбросаны по всему тексту. Как уже говорилось выше, в конце своего сочинения Екатерина, резюмируя написанное, поместила характеристику самой себя. В ней она отметила примирительные свойства своего ума, которые позволяли ей устанавливать непринужденные отношения даже с незнакомыми людьми, вызывать их симпатии и доверие. Первым человеком в России, почувствовавшим это на себе, был ее жених великий князь Петр. Средство, с помощью которого Екатерина добивалась этого эффекта, заключалось в ее снисходительности. Несмотря на глупейшие откровения ее будущего мужа, способные с порога оттолкнуть любую девушку, мемуаристка сумела сразу «снискать его доверие»[52]. «Поначалу великий князь, — пишет Екатерина, — был со мной откровеннее, чем с кем-либо». Она же старалась повиноваться матери и угождать Петру Федоровичу, хотя они были почти постоянно в ссоре[53]. Матери оказывала «величайшее уважение и наивозможную почтительность»[54]. Не разглашала того, что ей мог поведать великий князь. «Я решила очень бережно относиться к доверию великого князя, чтобы он мог, по крайней мере, считать меня надежным для него человеком и он мог все говорить, безо всяких для себя последствий. Это мне долго удавалось», — констатировала Екатерина. Это замечание в высшей степени интересно. Правильно оценить его позволяет один из фрагментов первой редакции. Там Екатерина рассказывала, что «приобрела себе... в отношении сдержанности не только между своими приближенными, но даже в обществе такую славу, что каждый мне свободно высказывал свои мнения и никто никогда не раскаялся в том, что сказал: со мной всякий разговор оставался без последствий. Этот способ приобрел мне доверие и уважение многих людей, и этим я научилась многим вещам, какие знать полезно; многие характеры обнаруживались на моих глазах, которые иначе я бы никогда не узнала»[55]. Другими словами, Екатерина целенаправленно создала себе репутацию надежного человека, который никогда не подведет, и благодаря созданному имиджу получала возможность изучать окружающих и получать нужные ей сведения, что называется, «из первых рук», прежде всего от своего мужа. Но рисовала себя истинной христианкой, с искренней заботой радевшей о своем супруге. Она не могла сдерживать слез, когда Петр опасно болел. Увлажнялись ее глаза при виде того, как супруг пьянел во время застолий. В обоих случаях императрица по достоинству оценила ее переживания и была ей за это благодарна. Екатерина выручила мужа, когда он случайно рассек себе щеку кнутом.

Старалась, как могла, уменьшить его тревоги, когда разыгралось так называемое «дело егерей». Пыталась удержать его от необдуманных шагов в ходе переговоров об обмене Голштинии[56]. Одним словом, образцовая жена. Еще более образцовая, чем в первой редакции.

Очевидно, описывая свои отношения с Петром Федоровичем, мемуаристка значительно увеличила в тексте второй редакции «порцию» своей сердечности и искренней заботы о больном муже, несмотря на то что теперь портрет супруга был представлен в более неприглядном виде. Если раньше она «интересовалась его состоянием по своей природной отзывчивости, но была очень застенчива и сдержанна в отношении нему»[57], то теперь ни о какой «сдержанности» речь не идет. Напротив, ее искренняя жертвенность, угрожающая даже собственному здоровью, заслуживает одобрения императрицы. В первой редакции, рассказывая о том, что старалась уступать странным причудам мужа, Екатерина всегда подчеркивала, насколько она во всех отношениях была «выше» своего супруга и что необходимость идти на «уступки» заставляла ее терпеть массу неприятностей[58]. Во второй же редакции Екатерина — жена, искренне переживающая за мужа, существо, которое пытается сделать все для его блага, но не может успеть в этом. Не следует думать, что мемуаристка так поступала лишь потому, что этого требовал супружеский долг. Просто она была добрым и отзывчивым человеком, который никогда не оставлял в беде преданных ей людей. Так, она помогла попавшей в опалу камер-юнгфере М.П. Жуковой. Не оставила в беде удаленного от двора за преданность великокняжеской семье камер-лакея А.Г. Чернышева[59]. Но, отдавая всю себя заботам о ближнем, она никогда не хотела быть кому-либо в тягость. «Нет ничего, — писала мемуаристка, — чего бы я так избегала в моей жизни, как быть в тягость. И всегда удалялась в ту минуту, когда в уме рождалось подозрение, что я могу быть в тягость и, следовательно, нагонять тоску. Но знаю по опыту, что не все держатся этого правила, потому что мое терпение часто подвергали испытанию те, кто не умеет уйти прежде, чем сделаться в тягость или нагонять тоску»[60]. Хотя тема «не быть в тягость» присутствовала и в первой редакции, но там она трактовалась по-другому. Стремление не быть в тягость служило оправданием ее недостаточного участия в судьбе мужа. При этом оно часто оборачивалось против мемуаристки, ухудшая ее позиции при дворе. «Принцип совсем не быть в тягость часто мне вредил. Так как из-за него я часто держалась в стороне от того, что по моему предположению, могло создать такой случай; при

большей дерзости и меньшем количестве чувства часто я пошла бы много дальше, но моя природная услужливость часто заставляла меня уступать место, между тем как без нее я бы его удержала»[61]. Во второй редакции стремление «не быть в тягость» представлено без всяких отрицательных последствий и выглядит как великое достоинство мемуаристки.

Но более же всего она опасалась быть в тягость самой императрице[62]. Отношения с Елизаветой Петровной — это отдельная тема, причем особо важная. Их можно охарактеризовать одни словом «покорность», точнее говоря, «покорность абсолютная». Она выражала готовность «в угоду императрице причесываться на все фасоны, какие могут ей понравиться»[63]. Когда же ее бранили, она могла «лишь слушать и молчать»[64]. Весной 1746 г. камер-фрау М. Крузе подала Екатерине совет: когда императрица Елизавета начнет ее бранить, надо произнести: «Виновата, матушка» — и тем самым сразу же обезоружить ее. Именно так мемуаристка и поступала в дальнейшем[65]. Когда же эта мантра не произносилась, мемуаристка обезоруживала государыню своей совершенной покорностью, хотя были ситуации, в которых промолчать стоило большого труда[66].

Однако, несмотря на абсолютную покорность покладистой по природе мемуаристки, в тексте второй редакции описано, как с каждым годом Елизавета Петровна ужесточала содержание Малого двора, так что в конце концов он превратился в род «политической тюрьмы»[67]. Неужели Екатерина, обладавшая таким бесконфликтным характером, в совершенстве владевшая искусством располагать в свою пользу самых разных людей и даже владевшая секретом превращать недоброжелателей в своих союзников, не могла подобрать ключи к благоволившей ей как женщине императрице? Почему же это происходило?

Разумеется, взбалмошное, нелепое, граничащее с хулиганством поведение супруга мемуаристки, чьим мудрым советам он не хотел следовать, было основной тому причиной. Но репрессии против великокняжеской четы со временем все увеличивались не только из-за него, но и из-за великой княгини. В первой редакции, написанной от лица как бы наивной девушки, которую интересует прежде всего светская жизнь, этим преследованиям есть логическое объяснение. Хотя оно не сформулировано прямо, но даже не очень внимательный читатель легко понимает, что дело тут в ревности стареющей императрицы. Эта красивейшая женщина, красота которой начинает увядать, не может спокойно смотреть на светские успехи молодой и свежей

невестки[68]. Во второй редакции, составленной женщиной, демонстрирующей прежде всего силу своего ума, введены фрагменты, призванные развеять подозрение в том, что чисто женская ревность императрицы имела место и могла вызвать преследование Екатерины. Эти фрагменты примечательны тем, что их автор, вопреки заданному на первых же страницах своего сочинения образу существа высокоинтеллектуального, в конце текста снова выступает в роли светской модницы. Она делает это для того, чтобы показать читателю: никакого конфликта на почве «женских страстей» между ней и государыней не было.

Так, описывая светскую жизнь начала зимы 1750/51 г., мемуаристка вдруг вводит в текст пассаж о бале в Москве, имевшем место осенью 1744 г., когда по приказу императрицы мужчины были вынуждены быть в женских платьях, а женщины — в мужских костюмах. То есть это был «куртаг навыворот». В своем месте, то есть в описании событий 1744 г., этот нелепый бал отсутствует. Зачем же мемуаристка вдруг о нем вспомнила? А затем, чтобы иметь случай продемонстрировать читателю, какие буколические отношения существовали между ней и ее теткой. Отношения, в которых не могло быть места женской ревности и зависти. Упомянув, насколько нелепо смотрелись мужчины в женских платьях, Екатерина пишет: «Действительно и безусловно хороша в мужском наряде была только сама императрица, так как она была очень высока и немного полна; мужской костюм ей чудесно шел; вся нога у нее была такая красивая, какой я никогда не видела ни у одного мужчины, и удивительно изящная ножка. Она танцевала в совершенстве и отличалась особой грацией во всем, что делала одинаково в мужском и в женском наряде. Хотелось бы все смотреть, не сводя с нее глаз, и только с сожалением их можно было оторвать от нее, так как не находилось никакого предмета, который бы с ней сравнялся. Как-то на одном из таких балов я смотрела, как она танцует минуэт; когда она кончила, она подошла ко мне; я позволила себе сказать ей, что счастье женщин, что она не мужчина и что один ее портрет, написанный в таком виде, мог бы вскружить голову многим женщинам. Она очень хорошо приняла то, что я ей сказала от полноты чувств, и ответила мне в том же духе самым милостивым образом, сказав, что если бы она была мужчиной, то я была бы той, которой она дала бы яблоко. Я наклонилась, чтобы поцеловать ей руку за такой неожиданный комплимент; она меня поцеловала, и все общество старалось отгадать, что произошло между императрицей и мною.

Я не утаила этого от Чоглоковой, которая пересказала на ухо двум-трем лицам, и из уст в уста через четверть часа почти все это узнали»[69].

Полная идиллия! А вот ее продолжение. Речь идет о зиме 1750 г. «Я тогда очень любила танцы: в публичных балах я обыкновенно до трех раз меняла платья; наряд мой был всегда очень изысканный, и если надетый мною маскарадный костюм вызывал всеобщее одобрение, то я, наверное, ни разу больше его не надевала, потому что поставила себе за правило: раз платье произвело однажды большой эффект, то вторично оно может произвести уже меньший. На придворных балах, где публика не присутствовала, я зато одевалась так просто, как могла, и в этом немало угождала императрице, которая не очень-то любила, чтобы на этих балах появлялись в слишком шикарных туалетах. Однако, когда дамам было приказано являться в мужских платьях, я являлась в роскошных платьях, расшитых по всем швам, или в платьях очень изысканного вкуса. И это сходило без всякой критики. Наоборот, это нравилось императрице, но я не знаю хорошенько, почему. Надо сознаться, что ухищрения кокетства были тогда очень велики при дворе и что всякий старался отличиться в наряде. Помню, что как-то раз, на одном из этих публичных маскарадов, узнав, что все делают себе новые прекраснейшие платья и потеряв надежду превзойти всех женщин, я придумала надеть гродетуровый белый корсаж (у меня тогда была очень тонкая талия) и такую же юбку на очень маленьких фижмах; я велела убрать волосы спереди как можно лучше, а назади сделать локоны из волос, которые были у меня очень длинные, очень густые и очень красивые; я велела их завязать белой лентой сзади в виде лисьего хвоста и приколола к ним одну только розу с бутонами и листьями, которые до неузнаваемости походили на настоящие; другую я приколола к корсажу: я надела на шею брызжи из очень белого газу, рукавички и маленький передник из того же газу и отправилась на бал. В эту минуту, как я вошла, я легко заметила, что обращаю на себя все взоры. Я прошла, не останавливаясь, через всю галерею и вошла в покои, которые составляли другую половину; я встретила императрицу, которая мне сказала: “Боже мой, какая простота! как! Даже ни одной мушки?” Я засмеялась и ответила, что это для того, чтобы быть легче. Она вынула из своего кармана коробочку с мушками и выбрала из них одну средней величины, которую прилепила мне на лицо. Оставив ее, я вскоре вернулась в галерею, где показала мушку самым близким, а также фавориткам императрицы, и так как мне было очень весело, то в этот вечер я танце-

вала больше обыкновенного. Не помню, чтобы когда-либо в жизни я получала столько от всех похвал, как в тот день. Говорили, что я прекрасна, как день, и поразительно хороша; правду сказать, я никогда не считала себя чрезвычайно красивой, но я нравилась и полагаю, что в этом и была моя сила. Я вернулась домой очень довольная тем, чем придумала такую простоту, в то время как остальные наряды были редкой изысканности. В таких развлечениях кончился 1750 г.»[70]

Я не случайно привел эту длинную цитату. Надо отдать должное умению мемуаристки владеть пером. Она, существо «с умом несравненно более мужским, нежели женским», как бы спохватившись в конце первой части своего сочинения, решила наконец-то показать, что в ней находили и «все приятные качества женщины, достойной любви». Но главное не в этом. Самое существенное состоит в том, что Екатерина мастерски построила этот фрагмент: императрица не только не раздражена красотой ее костюма, но и собственными руками берется усовершенствовать его, то есть сделать еще красивее. Да разве может возникнуть хоть малейшее подозрение, что Елизавета могла преследовать невестку за красоту ее туалетов. Да ни за что на свете!

Так ловко мемуаристка дезавуировала то, о чем почти исповедально рассказывала в первой редакции. Другие времена, другие нравы. Но, может быть, причина преследования императрицей невестки заключалось в необыкновенной живости молодой великой княгини, так раздражавшей стареющую Елизавету, как об этом недвусмысленно давалось понять в раннем тексте?[71]

В первой редакции Екатерина — непосредственная девочка, почти ребенок, обожает балы, наряды, драгоценности. Во второй — это не по годам развитая девушка, интересы которой лежат в умственной сфере, превосходящая своим интеллектом не только Петра, но и императрицу Елизавету, не говоря уже о собственной матери Иоганне Елизавете[72]. Поэтому из образа главной героини мемуаристка тщательно удаляет все черты, присущие непосредственному ребенку. В первой редакции Екатерина накануне замужества еще не знает, в чем состоит «разница обоих полов»[73]. И остается таковой и после свадьбы. Она — почти еще ребенок. Недаром врач уверял, что у семнадцатилетней Екатерины голова шестилетнего ребенка, так как «головные кости еще не срослись»[74]. Ничего подобного нет во второй редакции. Девушка, с первого взгляда увидевшая в Петре неспособного правителя («не ценит народ, над которым ему суждено царствовать», «держался лютеранства», «не любил своих приближенных», «был очень

ребячлив»[75]), должна была быть достаточно взрослой, чтобы сделать такие выводы.

В первой редакции Екатерина все время находится в движении: прыгает, скачет, обожает возню, ребяческие проказы, детские игры[76]. Из этого набора качеств во второй редакции осталась только живость. Но о ней упоминается очень редко, вскользь, как бы мимоходом. Во всяком случае эта природная живость не подается как важнейшая составляющая ее образа. «Философу в пятнадцать лет» не к чему быть perpetuum mobile.

Рассказывая о предстоящем обручении и о том, что в это время ее мать, Иоганна Елизавета, образовала кружок, не нравившийся императрице, мемуаристка старается подчеркнуть, что была абсолютно чужда настроениям родительницы. Когда в комнате матери в ее интимном кружке интриговали, «мы с великим князем, — пишет мемуаристка, — возились в передней, и она была в полном нашем распоряжении; у нас обоих не было недостатка в ребяческой живости»[77]. В данном случае упоминание о живости сделано для того, чтобы противопоставить детский мир миру взрослых и подчеркнуть тем самым полную непричастность Екатерины к тому, что делала ее мать.

Повествуя о том, как Екатерина «проявила полную власть, не испрашивая советы ни у единой души», то есть самостоятельно распределила обязанности среди своих горничных, мемуаристка стремилась подчеркнуть, что все эти девушки были совершенно невинны и никакой опасности ни для кого не представляли. Чтобы убедить читателя в этом, мемуаристка перед рассказом о том, как она получила выговор за самовольство, поместила такой пассаж: «Все эти девушки были очень веселые, так что с этой минуты я то и дело пела, танцевала и резвилась в моей комнате с минуты пробуждения и до самого сна. Вечером, после ужина, я впускала своих фрейлин, двух княжен Гагариных и девицу Кошелеву, и мы играли в жмурки и в разные другие соответствующие нашему возрасту игры... Среди всех наших забот мне вздумалось распределить уход за моими вещам между моими женщинами...»[78] То есть невиннейшее времяпрепровождение. Никакой политики. Наивные существа резвятся.

Рассказывая о том, как Екатерина страдала из-за того, что накануне свадьбы жених не проявлял к ней никакого интереса, мемуаристка заметила: она потихоньку утирала слезы «и шла резвиться» со своими женщинами[79]. Резвость здесь представлена как некое лекарство от душевных страданий.

Говоря о зиме 1746/47 г., мемуаристка заметила, что «эта зима была одной из самых веселых и наиболее удачных в моей жизни. Мы буквально целый день смеялись и резвились»[80]. В Гостилицах зимой 1747 г. «танцевали и порядком веселились»[81].

Представляется существенным, что ни в одном случае веселья и резвости, упомянутых во второй редакции, эта природная живость Екатерины не влечет за собой конфликтных ситуаций между Малым и Большим дворами, как это было в первой редакции. Важно и то, что когда Петр проявляет свою живость, то это обязательно оборачивается скандалом. Так, во время путешествия в Киев жених мемуаристки «стал прыгать по комнате» ее матери и опрокинул шкатулку, что положило начало непримиримой вражде между будущей тещей и ее зятем[82]. Весной 1746 г., когда великий князь готовился к спектаклю театра марионеток, он услышал разговор в соседней комнате, где были личные покои императрицы. «И так как он обладал легкомысленной живостью, взял от своего театра плотничий инструмент, которым обыкновенно просверливают дыры в досках, и понаделал дыр в заколоченной двери, так что увидел все, что там происходило...» Узнав об этом, Елизавета устроила форменный разнос племяннику, в результате чего режим содержания Малого двора чрезвычайно ужесточился. Хотя мемуаристка отказалась участвовать в забавах мужа и даже была ими возмущена, страдать из-за «легкомысленной живости» супруга пришлось и ей, причем гораздо сильнее, нежели ему самому[83]. В начале зимы 1748 г. великий князь придумал устраивать маскарады» в комнате жены. Он заставлял рядиться своих и ее слуг, плясать в спальне, а сам играл на скрипке «и тоже подплясывал». Екатерина же под предлогом головной боли или усталости, вся разряженная ложилась на канапе «и до смерти скучала от нелепости этих маскарадов, которые его чрезвычайно потешали»[84]. Да разве умная девушка может развлекаться таким образом? Конечно же, нет. Итогом ночных забав с переодеванием, которые длились «до поздней ночи», стали новые репрессии против Малого двора. Сама же мемуаристка никоим образом не могла быть им причиною. Ведь побуждениями, которым чаще всего следовал «честный и благородный рыцарь», всегда были «самая строгая честность и добрая воля».

Хотя во второй редакции Екатерина вовсе не perpetuum mobile, каковой она предстает на страницах первой, это вовсе не значит, что в позднем тексте она лишена движения. Напротив, ее подвижность представлена здесь в таком же контексте, как и описание потрясающих

нарядов. То есть как веское доказательство гармонии в отношениях императрицы и великой княгини, точнее говоря, в качестве опровержения развернутой в первой редакции мысли, что чрезвычайная природная живость девочки-подростка провоцировала стареющий Большой двор ограничить свободу двора Малого[85]. В самом деле, согласно второй редакции, более всего физической энергии Екатерина проявляла во время верховой езды, которая стала для нее господствующей страстью. Правда, в первой редакции эта страсть проявилась у нее еще на родине в глубоком детстве, когда она впервые села на лошадь[86]. Во второй редакции у Екатерины детства как такового нет. И, возможно, именно поэтому она взяла первый урок верховой езды только весной 1746 г. на даче М.А. Румянцевой[87]. Значительно позже это стало ее любимым занятием, но это не вызывало раздражения у Елизаветы. Напротив, мемуаристка с большим мастерством рассказала, как она состязалась в верховой езде с женой саксонского посланника госпожой Арним и мастерство великой княгини вызвало восторг у императрицы. «Как я была тогда очень ловка и очень привычна к верховой езде, то как только я подошла к лошади, так на нее и вскочила; юбку, которая у меня была разрезная, я спустила по бокам лошади. Мне передали, что императрица, видя, с каким проворством и ловкостью я вскочила на лошадь, изумилась и сказала, что нельзя быть лучше меня на лошади; она спросила, на каком я седле, и, узнав, что на дамском, сказала: “Можно поклясться, что она на мужском седле”». Арним, конечно же, проиграла в сравнении с великой княгиней. А Елизавета Петровна «очень смеялась и не осталась довольна верховой ездой Арним»[88]. Хотя Арним танцевала лучше, чем ездила верхом, состязание в танцах до измора она также проиграла Екатерине. «Усевшись на стул, она призналась, что изнемогает, между тем как я еще танцевала», — закончила свой рассказ мемуаристка[89]. И хотя о реакции императрицы на то, что и здесь ее невестка одержала верх, не говорится ни слова, нет никакого сомнения в том, что эта победа подвижной и выносливой жены ее племянника не могла вызвать гнев у императрицы. Таким образом, мемуаристка и здесь дает понять, что ее конфликты с императрицей лежали не в области физических и возрастных кондиций обеих. Тогда же в чем они заключались?

Рассказывая об очередной смене лиц Малого двора зимой 1747 г. и последующем за этим усилением надзора за Малым двором, превратившего великокняжескую чету чуть ли не в политических заключенных — настолько суров стал надзор за ней, мемуаристка описала

такой многозначительный эпизод. «Во время... поста... я вышла в комнату, где были кавалеры и дамы... разговаривая с теми и другими, я подошла к двери, где стоял камергер Овцын. Он, понизив голос, заговорил о скучной жизни, какую мы ведем, и сказал, что притом нас чернят в глазах императрицы; так несколько дней тому назад ее императорское величество сказала за столом, что я чересчур обременяю себя долгами, что все, что я ни делаю, глупо, что при этом воображаю, что я очень умна, но что я одна так думаю о себе, что я никого не обману и что моя совершенная глупость всеми признана, и что поэтому меньше надо обращать внимания на то, что делает великий князь, нежели на то, что я делаю, и Овцын прибавил со слезами на глазах, что он получил приказание императрицы передать мне это, но он меня просил не подавать вида, что он мне сказал, что именно таково было ее приказание. Я ему ответила относительно моей глупости, что нельзя меня за это винить, потому что каждый таков, каким его создал Бог». Затем Екатерина объяснилась насчет происхождения ее долгов и в заключение заявила: «Мне очень неприятно, что против меня возбуждают императрицу, по отношению к которой я никогда не была неуважительной, непокорной и непочтительной, и что чем больше будут за мной наблюдать, тем больше в этом убедятся»[90].

Так вот где собака зарыта! Оказывается, Елизавета не могла простить Екатерине ее интеллектуального превосходства над ней, императрицей, ее племянником, мужем великой княгини. В этом было все дело. Не великий князь провоцировал усиление надзора за Малым двором, а великая княгиня. Именно она, считавшая себя слишком умной, стояла за возмутительными поступками великого князя. Поэтому в глазах ревнивой императрицы, женщины вообще-то доброй, но не слишком умной, великая княгиня, демонстрировавшая свой интеллект, была кругом виновата.

Это и было главной новацией второй редакции. Интеллектуальное превосходство Екатерины над окружающими — вот ключ к ее жизненному успеху и объяснение всех конфликтов между Большим и Малым дворами.

Немаловажно и то, что Елизавета пришла к таким умозаключениям не сама по себе. Но это была интрига безвестных недоброжелателей. Екатерину чернили в глазах слишком доверчивой государыни. Но великая княгиня никогда не выставляла свой ум напоказ, как утверждали ее «доброжелатели»: для того чтобы так поступать, она была слишком умна. Екатерина в совершенстве владела искусством нейтрализации

недоброхотов и обращения их чуть не в своих сторонников. «Вообще, все люди, которых ставило вокруг меня самое отъявленное недоброжелательство, в очень короткое время становились ко мне невольно благосклонными и, когда их не настраивали и не возбуждали снова, они действовали вопреки расчетам тех, кто ими пользовался, и часто поддавались склонности, которая влекла их ко мне, или, по крайней мере, интересу, который я им внушала; они никогда не видели меня надутой или нахмуренной, но всегда готовой пойти навстречу малейшему шагу с их стороны. Во всем этом помогал мне мой веселый нрав, потому что все эти Аргусы часто забавлялись речами, с которыми я к ним обращалась, и мало-помалу невольно переставали хмуриться»[91].

Главное же ее достоинство, утверждала Екатерина, заключалось в бесконфликтности характера и природной веселости. «Впрочем, я обходилась со всеми как могла лучше и прилагала старание приобретать дружбу или, по крайней мере, уменьшать недружелюбие тех, которых могла только заподозрить в недоброжелательном ко мне отношении; я не высказывала склонности ни к одной из сторон, ни во что не вмешивалась, имела всегда спокойный вид, была очень предупредительна, внимательна и вежлива со всеми и так как от природы была весела, то замечала с удовольствием, что с каждым днем я все больше приобретала расположение общества, которое считало меня ребенком интересным и не лишенным ума. Высказывала большое почтение матери, отменное уважение великому князю и изыскивала со всем старанием средства приобрести расположение общества»[92]. Добавим от себя: «И императрицы прежде всего».

Как уже отмечалось, доказывая тезис о том, что личные качества и характер человека ведут его к успеху, мемуаристка не стала описывать свои скрытые от толпы верные и точные меры, которые также являются слагаемыми удачи. Это особенно отчетливо видно при составлении текстов первой и второй редакций. В первой редакции мемуаристка рассказывает о том, что, твердо обосновавшись в России, она составила себе план действий, который «не теряла из виду ни на минуту». Он заключался в следующем: 1) нравиться великому князю; 2) нравиться императрице; 3) нравиться народу. Описывая, насколько успешно ей удалось реализовать каждую из частей этого плана, мемуаристка утверждает: «Этот план в конце концов сложился в моей голове в пятнадцатилетнем возрасте, без чьего-либо участия, и самое большее, что я могу сказать, так это то, что он был следствием моего воспитания; но если я должна сказать искренне, что я думаю, то я смотрю на него

как на плод моего ума и моей души и приписываю его лишь себе одной; я никогда не теряла его из виду; все, что я когда-либо делала, всегда к этому клонилось, и вся моя жизнь была изысканием средств, как этого достигнуть»[93]. При этом мемуаристка рассказала, что щедро раздавала подарки тем людям, которые ей были нужны. Само наличие «плана», который был «плодом» ее ума, резко контрастировало с образом невинной девушки — попрыгуньи и хохотушки, интересы которой замыкались в сфере светской жизни. Во второй редакции об этом сознательно выбранном плане нет ни слова. Но не потому, что мемуаристка решила снять вышеотмеченное противоречие в созданном ею образе. Как раз наоборот, вроде бы умной героине составлять планы и проводить их в жизнь вполне к лицу. Но мемуаристка не желает рассказывать о том, какие ее интеллект подсказывал действия и что она делала на самом деле. Поэтому о подарках здесь уже ни слова.

Вообще во второй редакции, точнее говоря, в первой ее части, политикой даже не пахнет. В первой редакции мемуаров Екатерина — политически девственное создание. Непосредственная девушка, очень живая и энергичная, а главное — от политики бесконечно далекая. Она не борется ни за престол, ни за власть, совершенно чужда каким-либо интригам, заговорам, тайным козням. Но сколь ни аполитична там главная героиня, мемуаристка все же постаралась во второй редакции подчистить и этот образ: удалить из него малейшие намеки на то, что у этой девочки-подростка могли быть какие-либо честолюбивые амбиции. Так она не включила в свой новый текст упоминание о том, что, когда Елизавета тяжело заболела в Москве, у нее, великой княгини, в голове уже был план дальнейших действий на случай смерти императрицы и она располагала военной силой, которая не позволила бы ущемить наследственные права ее мужа[94]. Не нашла нужным рассказать теперь, как и посредством кого она добывала сведения о состоянии здоровья государыни, находившейся при смерти[95]. Ни словом не обмолвилась здесь мемуаристка, каким образом с помощью своего камердинера Т. Евреинова она узнавала о каждом шаге приставленной следить за ней камер-фрау П.Н. Владиславовой[96].

Это и понятно. Не скрытые от толпы действия, направленные на обретение трона, привели ее на престол, а ее острый ум, доброе сердце и мирный характер. Доказательству этого тезиса и было посвящено ее предсмертное сочинение. Главная же цель его заключалась в том, чтобы скрыть от потомства, как это было на самом деле[97].

* * *

[1] Собственноручные записки императрицы Екатерины II // Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 203.

[2] *Сафонов М.М.* Презентация образа великой княгини Екатерины Алексеевны в первой редакции «Записок» Екатерины II // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4. С. 26–27.

[3] Записки, начатые 21 апреля 1771 года // Записки императрицы Екатерины Второй. С. 58.

[4] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 236.

[5] Там же. С. 444–445.

[6] Там же. С. 207–209. Эти же качества демонстрирует мемуаристка, когда описывает борьбу вокруг вопроса о будущем штатгальтере Голштинии и приезда в Петербург младшего брата ее матери Августа Фридриха. (Он приехал 5 февраля 1745 г.) В первой редакции об этом не сказано ни слова. Рассказывается лишь об обмороке Иоганны Елизаветы в первую неделю Великого поста 1745 г., который, как можно догадываться, был вызван приездом в Петербург ее младшего брата, претендующего на штатгальтерство (Там же. С. 209–210). Именно с такими качествами предстает автор мемуаров, когда рассказывает о разговоре императрицы Елизаветы с Иоганной Елизаветой о будущем направлении внешней политики России и выборе союзников после смерти Карла VII, главы Священной Римской империи (Там же. С. 232–233).

[7] *Сафонов М.М.* Презентация образа великой княгини Екатерины Алексеевны в первой редакции «Записок» Екатерины II. С. 27–32.

[8] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 209–210.

[9] См. подробно: *Сафонов М.М.* Презентация образа Петра III во второй редакции «Записок» Екатерины II // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 10. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 36–75.

[10] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 41–42.

[11] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 210.

[12] Там же. С. 211.

[13] Там же.

[14] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 41–42.

[15] Там же. С. 45.

[16] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 229.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 218.

[19] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 59.

[20] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 222.

[21] Там же. С. 223.

[22] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 61.

[23] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 223.

[24] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 62.

[25] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 224.

[26] Там же. С. 225.
[27] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 68–74.
[28] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 255.
[29] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 75.
[30] Там же. С. 94.
[31] Там же. С. 104.
[32] Там же. С. 106.
[33] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 260.
[34] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 108.
[35] Там же. С. 109–110.
[36] Там же. С. 112.
[37] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 272.
[38] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 157.
[39] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 284.
[40] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 179.
[41] Там же. С. 188. Когда К.Г. Разумовский и П.И. Репнин пытались заговорить с Екатериной через открытое окно, за что чуть не получили нагоняй от Чоглоковой, великая княгиня по обыкновению «читала у своего окна» (Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 190).
[42] Там же. С. 189.
[43] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 280.
[44] Там же. С. 307.
[45] Там же. С. 231.
[46] Там же. С. 241.
[47] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 83.
[48] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 240.
[49] Там же. С. 299–300.
[50] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 186–187.
[51] Там же. С. 153.
[52] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 209–210.
[53] Там же. С. 217–218.
[54] Там же. С. 220.
[55] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 102.
[56] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 240, 286, 291, 299, 302–303.
[57] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 82.
[58] Там же. С. 104, 106, 108, 113–114.
[59] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 238, 281. Об этих благотворительных поступках упоминается и в первой редакции (Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 82, 142, 151).
[60] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 232.
[61] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 82.
[62] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 245.

[63] Там же. С. 215.
[64] Там же. С. 244–245.
[65] Там же. С. 246.
[66] Там же. С. 285, 296.
[67] Там же. С. 263.
[68] *Сафонов М.М.* Презентация образа великой княгини Екатерины Алексеевны в первой редакции «Записок» Екатерины II. С. 39–41.
[69] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 310.
[70] Там же. С. 314–316.
[71] *Сафонов М.М.* Презентация образа великой княгини Екатерины Алексеевны в первой редакции «Записок» Екатерины II. С. 39.
[72] *Сафонов М.М.* Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская по «Запискам» Екатерины II // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XIX вв. Вып. 5. СПб., 2009. С. 92–112.
[73] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 68.
[74] Там же. С. 96.
[75] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 209.
[76] *Сафонов М.М.* Презентация образа великой княгини Екатерины Алексеевны в первой редакции «Записок» Екатерины II. С. 32–39.
[77] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 215.
[78] Там же. С. 229.
[79] Там же. С. 233.
[80] Там же. С. 255.
[81] Там же. С. 257.
[82] Там же. С. 217.
[83] Там же. С. 241–245.
[84] Там же. С. 262.
[85] *Сафонов М.М.* Большой двор против Малого // Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур. Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVI. СПб., 2007. С. 95–101.
[86] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 24.
[87] Собственноручные записки императрицы Екатерины II. С. 233.
[88] Там же. С. 305.
[89] Там же. С. 316.
[90] Там же. С. 263–264.
[91] Там же. С. 282.
[92] Там же. С. 228–229.
[93] Записки, начатые 21 апреля 1771 года. С. 58–59.
[94] Там же. С. 146.
[95] Там же.
[96] Там же. С. 149.
[97] *Сафонов М.М.*: 1) Ангальт-Цербстская девственница // Технология власти. Нестор. СПб., 2005. № 7. С. 208–242; 2) Екатерина II и дело камер-юнг-

феры М. Жуковой // Проблемы истории России и стран Северной Европы от Средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И.П. Шаскольского). СПб., 2009. С. 154–162; 3) Великий князь Петр Федорович и полк его высочества // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 7. СПб., 2013. С. 7–16; 4) «Записки...» Екатерины II о себе и Романовых // Четыре века дома Романовых: материалы Междунар. науч. конф. «Четыре века Дома Романовых в мировом социокультурном пространстве: исторический, источниковедческий, биографический дискурсы». Москва, 6 марта 2013 г. М., 2013. С. 621–636; 5) Екатерина II — солдат Петра III // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 41–59; 6) «Молодая Екатерина» в отечественной историографии // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 113–128.

Архимандрит Августин (Никитин)

ИГНАТИЙ ФЕССЛЕР (1756–1839) — ФИЛОЛОГ, ФИЛОСОФ, БОГОСЛОВ

В статье рассматривается биография немецкого философа и богослова Игнатия Аврелия Фесслера, преподававшего в Санкт-Петербургской духовной академии философию и восточные языки. Фесслер ввел в перечень предметов курс несхоластической философии, он впервые познакомил студентов с философской системой Канта и других немецких философов. Последователи Фесслера — Горн, Кутневич, Голубинский и др. — ввели эту методологию в систему преподавания в Московской, Киевской и Казанской духовных академиях. Таким образом, в определенной степени благодаря Фесслеру русская философия берет свое начало в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: А.И. Введенский, А.Н. Голицын, фон Горн, Эдуард Губер, иеромонах Евгений (Казанцев), Кант, Матьяш Корвин, М. Корф, Лемберг, Львовский университет, Д.П. Миртов, Э.Л. Радлов, М.М. Сперанский, Феофилакт, архиепископ Рязанский, Фесслер, И.А. Чистович, А.С. Шишков, Г.Г. Шпет.

Archimandrite Augustine (Nikitin)

IGNATIUS FESSLER (1756–1839) — THE PHILOLOGIST, PHILOSOPHER, THEOLOGIST

The article considers the biography of the German philosopher and theologist Ignatius Aurelius Fessler, who taught philosophy and oriental languages at the St. Petersburg Theological Academy. Fessler added the course of non-scholastic philosophy to the list of subjects, he was the first to introduce students to the philosophical system of Kant and other German philosophers. Fessler's followers: Gorn, Kutnevich, Golubinsky, and others introduced this methodology into the teaching system at the Moscow, Kiev and Kazan Theological Academies. Thus, to a certain extent, Russian philosophy originated in St. Petersburg due to Fessler.

Keywords: A.I. Vvedensky, A.N. Golitsyn, (fon) Horn, Huber Edward, Evgeny (Kazantsev), hieromonk, Kant, Korvin Matyash, M. Korf, Lemberg, Lviv University, D.P. Mirtov, E.L. Radlov, M.M. Speransky, Pheophylact, Archbishop of Ryazan, Fessler, I.A. Chistovich, A.S. Shishkov, G.G. Shpet.

Игнатий Аврелий Фесслер, единственный сын отставного австрийского драгуна и дочери фабриканта, родился 18 мая 1756 г. в городке Цурндорфе (венг. Цурани), в так называемом Бургенланде, расположенном на границе австрийских и венгерских владений Габсбургов. При крещении сына мать дала ему имя Игнатий, так как особенно почитала образ жизни и деяния Игнатия Лойолы (1491–1556), основателя «Общества Иисуса» (иезуитов) (1540 г.)[1]. Отец оказал мало влияния на формирование мировоззрения сына, в отличие от матери, набожной католички. В 1759 г. семья Фесслеров переехала в Пресбург[2].

Неудивительно, что в детстве Игнатий Аврелий читал в основном религиозно-нравоучительную литературу. Первоначальное образование он получил в Раабской гимназии, Пресбургской латинской школе, в Раабском иезуитском коллегиуме[3]. В коллегиуме Фесслер прочел книги Фомы Кемпийского “De imitatione Christi”[4] и Роберто Беллармино “De ascensione mentis in Deum per scolas rerum creatorum” (P., 1606)[5].

Уже в те годы для него имели большее значение апостолы и мученики древней Церкви, а также церковные учители: блаж. Августин (354–430), блаж. Иероним (ок. 347–419/20) и св. Бернард Клервоский (1090–1153), нежели позднее канонизированные монахи, которых он ценил менее и считал принадлежащими к «низшим рядам святости»[6].

В ордене капуцинов

В 1773 г. Фесслер поступил послушником в принадлежащий ордену капуцинов Морской монастырь у Штульвайсенбурга (венг. Секешфехервар). В эту обитель 17-летний Фесслер приехал со своей матерью на богомолье, и там он ей заявил, что решил остаться здесь навсегда[7]. 9 июля 1774 г. Фесслер произнес перед алтарем торжественный обет монашеской жизни[8] и принял свое новое имя, ставшее на многие годы основным, — Иннокентий. Именно в монастыре Фесслер ознакомился с трудами религиозных мыслителей, не разделявших ортодоксальной католической точки зрения, сперва — с работой К. Флёри[9], а позднее — с сочинениями И.К. Эдельмана[10] и М. Тиндала[11]. Под влиянием этих авторов у Фесслера исчезло его прежнее доверие к Римско-католической церкви и институту монашества, что стало для него причиной серьезного духовного кризиса[12].

Между тем после странствований по различным монастырям и обстоятельного изучения классических и философских наук 29 мая 1779 г. Игнатий Фесслер принял священный сан[13].

Переведенный в Медлингский монастырь около Вены, Фесслер столкнулся с существованием монастырских темниц. (Монастырские тюрьмы были запрещены светскими властями с 1771 г., но на деле продолжали существовать тайно.) Фесслер подробно сообщил об увиденном в рапорте Иосифу II от 25 февраля 1782 г. Сообщение Фесслера повлекло за собой осенью 1782 г. инспекцию императорской комиссии, обследовавшей по всей стране монастыри и закрывшей обнаруженные в них тюрьмы[14]. Вскоре Фесслер пишет проект «О преобразовании и улучшении церковного устройства», предусматривавший введение религиозной свободы мысли и свободы отправления культов, а за ним и свой первый политический трактат «Что такое император?»[15].

Благодаря данному императором 1 июля 1783 г. разрешению монахам капуцинского ордена учиться в университетах Фесслер в том же году поступил в Венский университет, где первым из австрийских капуцинов 11 ноября 1784 г. получил степень доктора теологии. В том же 1784 г. Фесслер по повелению императора уволен из ордена капуцинов, назначен лектором, а затем профессором восточных языков и ветхозаветной герменевтики в Лемберге (Львовском университете). В Лемберге Фесслер написал учебники по еврейскому и восточным языкам (“Anthologia hebraica, e sacris Hebraeorum libris depromta”, 1787, и “Institutiones linguarum orientalium, hebraeae, chaldaicae, syriacae, arabicae”, 1787)[16].

В 1788 г. увидел свет первый крупный художественный опыт Фесслера — драма «Сидней»[17], рассказывавшая о судьбе английского мыслителя XVII в. Алджернона Сиднея. Это было яркое изображение фанатизма папистов в Англии, что дало врагам Фесслера повод начать против него процесс. Не дождавшись его окончания, Фесслер покинул Лемберг (Львов) 2 февраля 1788 г. и направился во владения прусского короля.

Прусская Силезия

6 февраля 1788 г. Фесслер прибыл в Бреслау (ныне — Вроцлав, Польша), центр Прусской Силезии. Здесь Фесслер нашел приют при дворе наследного принца Генриха Эрдмана фон Шёнайх-Каролат, который дал ему работу — должность воспитателя своего сына. Необременительная, но хорошо оплачиваемая должность, устроенный быт, свободный доступ к большой и хорошо подобранной библиотеке

принца и масса свободного времени давали Игнатию Аврелию возможность заняться литературными опытами.

В период пребывания в Пруссии Фесслер работал на литераторской ниве очень плодотворно: за это время было напечатано 32 его произведения, из которых наибольшую популярность и признание снискал роман-диалог «Марк Аврелий» (1790–1792).

В 1791 г. Фесслер перешел в лютеранство, что, впрочем, носило формальный характер — фактически Фесслер уже давно отдалился от Римско-католической церкви[18]. Как пишет один из его биографов, «он алкал правды и увидел в Лютеранской церкви бóльшую в то время ширь и гуманность сравнительно с католической»[19]. Перейдя из католичества в лютеранство, Фесслер продолжал литературную деятельность. Так, он написал исторический роман «Аристид и Фемистокл» (1792), ряд монографий по истории Венгрии («Матьяш Корвин, король венгров и великий герцог Силезский» (1793–1794), «Аттила, король гуннов» (1794), «Картины из древневенгерской жизни», 3 части, 1800)[20]. Еще 13 произведений остались в рукописи. Эти сочинения сделали Фесслера известным, узнаваемым не только в узком кругу специалистов, но и у широкой публики.

К силезскому периоду (1788–1796) относится начало увлечения Фесслера философией Канта, которая уже вскоре станет доминирующим элементом в его мировоззрении. По собственному признанию Фесслера, его привлекало сочетание у Канта рационально-критического подхода к философским вопросам с весьма ригористскими взглядами на мораль. Воспитателю при дворе наследного принца также импонировали стремление кёнигсбергского философа вывести универсальные нравственные нормы, опираясь на «категорический императив морали», его взгляд на человека как самоценный объект, обладающий свободой воли и несущий полную ответственность за свои поступки[21].

В 1796 г. Фесслер переселился в Берлин, где был соиздателем двух повременных изданий: “Aichiv der Zeit” и “Eunemia”[22]. Так как литературный труд не обеспечивал Фесслера, он в 1798–1807 гг. занимал пост правового консультанта по духовным и учебным делам при прусском правительстве. В 1803 г. Фесслер покинул Берлин и поселился в своем новоприобретенном бранденбургском имении Кляйнваль (Kleinwall), где снова обратился к писательской деятельности и вел здесь уединенную жизнь кабинетного труженика, пока война 1806 г. не лишила его всего состояния[23].

14 октября 1806 г. в окрестностях Иены произошло сражение между армией Наполеона и прусской армией под командованием герцога Брауншвейгского; французы разбили прусские войска. В следующем году Пруссия была вынуждена подписать унизительный Тильзитский мир. По Тильзитскому миру Пруссия потеряла все свои владения к западу от Эльбы и часть принадлежавших ей польских земель, обязалась уплатить контрибуцию, сократить армию[24].

С.-Петербург. Духовная академия

«Ряд жизненных перипетий привел Фесслера к горькому положению и нищете, когда ему было уже 53 года, — пишет П.А. Висковатов. — На этот раз из безвыходного положения он был вырван неожиданным предложением от русского правительства занять во вновь открываемой Духовной академии при Александро-Невской лавре в Петербурге место профессора восточных языков и философии»[25].

По докладу князя А.Н. Голицына (синодальный обер-прокурор с 1803 по 1817 г.), указом от 29 ноября 1807 г. было предписано составить особый комитет для усовершенствования духовных училищ[26]. 26 июня 1808 г. была учреждена особая комиссия духовных училищ, в число ее членов был назначен М.М. Сперанский[27]. Затем, по открытии Санкт-Петербургской духовной академии в обновленном ее виде, М.М. Сперанский был избран в *протекторы философии*[28].

Приглашение приехать в Россию Фесслеру было сделано по рекомендации его ученика по Лембергскому университету Петра Лодия[29], в то время занимавшему видный пост в С.-Петербурге. Приглашение прибыть в С.-Петербург было послано Фесслеру в феврале 1809 г.; он приехал сюда в январе 1810 г. П.Д. Лодий и встречал немецкого профессора в С.-Петербурге вместе с другим воспитанником Фесслера — Иваном Орляем, будущим учителем Гоголя. «Сперанскому представил меня Лоди, — вспоминал Фесслер. — Необыкновенно ласковый прием, благородные черты лица, обличавшие и высокий разум, и глубокое чувство; одушевленная беседа на латинском языке, которым он владел в совершенстве, — все это тотчас внушило мне неограниченное к нему доверие, в котором я и не имел никогда случая раскаиваться»[30].

Вот как российский поэт Эдуард Губер (1814–1847) характеризует Фесслера под именем Сильвио в своей автобиографической поэме «Антоний»:

В то время старец знаменитый,
Суровым жребием гоним,
В чужой стране ища защиты,
И слаб, и хил приехал к ним[31].

Еще до приезда Фесслера в Россию бакалавром философских наук и инспектором Санкт-Петербургской духовной академии был назначен иеромонах Евгений (Казанцев), префект и учитель философии в Спасо-Вифанской семинарии[32]. Однако не прошло и года, как комиссия духовных училищ постановила (12 января 1810 г.) заменить иеромонаха Евгения «в последство времени другим способнейшим». Мотивом к такому постановлению служила «малоуспешность студентов по философии, обнаруженная ими, вопреки ожиданиям комиссии, на экзамене, который в то время производился в конце гражданского года, то есть в декабре»[33]. Как отмечал проф. СПбДА Д.П. Миртов (1867–1941), «когда Сперанский, беседуя с Фесслером, открыл в нем отличные сведения в философских науках, то, ввиду решения комиссии приискивать кого-либо другого на место иеромонаха Евгения, предложил ей предоставить и кафедру философии Фесслеру. Комиссия согласилась (19 января 1810 г.), без дальнейшего увеличения, однако, жалованья, обнадежив только Фесслера, что труды его не останутся без внимания»[34]. Что касается иеромонаха Евгения, то он «впредь до определения на другую должность оставлен был при Фесслере в качестве бакалавра, — продолжает Д.П. Миртов. — В настоящем случае новая Академия приобрела действительно большую ученую силу: Фесслер был широко и глубоко образованный человек своего времени, знаток философии и древних языков (восточных и классических)»[35].

В столице России Фесслер преподавал философию и восточные языки в Санкт-Петербургской духовной академии, где одним из первых в России с университетской кафедры познакомил студентов с философией Канта[36]. «Фесслер горячо принялся за исполнение принятых на себя обязанностей, — пишет П.А. Висковатов. — Он должен был читать по-латыни. Слушатели его плохо понимали. “Если, вспоминал он, студенты и понимали по-латыни, то говорить на этом языке не могли”. Объясняться с ними было ему, не знавшему русского языка, нелегко. Весь день проводил он в стенах Академии в отведенном ему для занятий помещении, обучая молодежь, пополняя пробелы их знания, подготовляя их к уразумению лекций своих»[37].

Философские взгляды Фесслера кратко были изложены историографом Санкт-Петербургской духовной академии И.А. Чистовичем (1828–1893) на основании собственных конспектов немецкого ученого и сообщений о своем преподавании[38]. Фесслер определял философию как «очевидное знание разума и деятельную жизнь духа», религию — как «свет сей жизни и живописное начало», совершенство духа — «во внутреннем гармоническом согласии между разумом, рассудком, воображением и внутренним чувством», совершенство философии — «в ее полном единении и сообразности с единой, всеобщей, вечной, божественной религией, которая открыта миру в Иисусе Христе». Формально это согласовывалось с заданием философской кафедры в Духовной академии, и Фесслер был призван соответственно настроить будущих наставников православной паствы[39].

«Фесслер резко отличает разум (ratio) и идею (idea) от рассудка (intellectus) и понятия (conceptus), — пишет Г.Г. Шпет. — Разум есть способность идей; созерцая себя, разум созерцает врожденную ему идею Бога, бесконечного и необходимого Всецелого; из этой первоначальной идеи разум порождает свои общие идеи и отражает их в рассудок. Рассудок постигает в сознании, объемлет и преображает в понятия как отражение идей разума, так и представления чувственности; неопределенные идеи разума рассудок ограничивает, определяет и оформливает, а разнообразие и множественность представлений чувственности он слагает в единство; о том и о другом он судит. Врожденной идее о Боге бесконечном и всецелом Фесслер приписывает объективную реальность и истину, а понятиям рассудка — лишь условную реальность и условную истину. Соответственно созерцающий разум может обладать независимым знанием идей, а рассудок — только условным и символическим. Вопросы, которые Фесслер задает философии, — обычные вопросы формальной онтологии о бытии, существовании, сущности, модусах, цели и пр.»[40]

Однако Комиссия духовных училищ нашла изъяснение философии в конспекте Фесслера темным и постановила (23 апреля 1810 г.) истребовать от него другой конспект, где бы он «изложил философию яснее и по методе и терминологии вольфианской», но два члена комиссии, архиепископ Феофилакт и М.М. Сперанский, остались при особых мнениях. Мнение Феофилакта было роковым для профессорства Фесслера. Архиепископ начинает заявлением, что для него философские начала в конспекте Фесслера не темны, но довольно понятны,

и признать их следует началами «вредными для Церкви и Отечества и пагубными для студентов»[41].

По словам Д.П. Миртова, «в критических замечаниях на систему Фесслера Феофилакт пытается доказать еще большее, именно, что “разрушительные, а не созидательные” начала фесслеровой философии не только “подрывают религию”, но что всего удивительнее, “совершенно ниспровергают самую философию”. Свидетельствуя о некоторой осведомленности архиепископа в философии, критика эта характерна по своей тенденциозности и той смелости, для которой не страшна опасность рискованных утверждений»[42].

Архиепископ Феофилакт сформулировал свои обвинения в пяти тезисах: «1) Фесслер превращает натуральный ход познаний человеческих, производя начало оных от разума, независимо от чувств; 2) допускает ложные и несовместные со здравым смыслом начала познания человеческих, приписывая им только условную и подлежательную вещественность и истину; 3) подрывает религию, приняв в основание философии своей пагубные мнения иллюминатов; 4) вводит Платонову философию, которая в первые три века христианства столько породила ересей, сколько вольнодумцев во Франции произвела Локкова метафизика, старанием Вольтера допущенная в училища и через происки его восторжествовавшая над философией Декарта; 5) кроме платоновской философии, [Фесслер] более 25 лет руководствуется учением Плотина, которое в особенном было покровительстве у языческих императоров, потому что совращенные этим учением никогда не могли уже быть христианами»[43].

Вот как оценивал тезисы архиепископа Феофилакта отечественный философ Г.Г. Шпет (1879–1937): «Замечания Феофилакта на конспект Фесслера — яркий показатель того философского *невегласия*, в котором пребывало даже высшее русское духовенство. Во-первых, он упрекает Фесслера в *рационализме*, решительно апеллируя к *опыту* и *сенсуализму*, авторитетами которого он почитает не только Аристотеля и Бэкона, но также Декарта; учение о врожденности идей для него — произвол и ложь. И в то же время, во-вторых, он ставит на вид Фесслеру его *идеализм* — цель философии, по его мнению, «предметная вещественность [реальность] и истина». Фесслер же, по его характеристике, «приписывает началам человеческих познаний только условную и подлежательную субъективную вещественность и истину». Как это ни забавно, но наши материалистические нигилисты позднейшего времени могли бы считать архиепископа Феофилакта своим предтечей.

И только в 3-м пункте он становится на единственно подобающую ему позицию: Фесслер, по его замечанию, не удовлетворяет требованию проекта устава духовных академий, согласно которому преподавание философии должно быть «в постоянном подчинении высшему авторитету»[44].

В защиту Фесслера выступил М.М. Сперанский; в своем особом мнении он отмечает, что конспект Фесслера совершенно соответствует смыслу статей академического устава, касающихся философских наук, статьи же эти «всеми членами комиссии в свое время были выслушаны, единогласно утверждены и подписаны». На упрек, что Фесслер не руководствуется указанными комиссией учебниками, Сперанский отвечает, что цель нового (то есть академического) образования не в том, чтобы только переменить имена (семинаристов на студентов, учителей на профессоров), а все прочее оставить по-прежнему, например, в философии «все ограничить Баумейстером и Винклером, коих имена и сочинения, знаменитые в наших семинариях, никогда в ученом свете не были приметны»[45].

Наконец, критические выступления Феофилакта по части гносеологии находят у Сперанского такую отповедь: «...цель философского образования в точном разуме устава Академии не в том состоит, чтобы продолжать мрачную систему материализма, на коей вся чувственная философия основана, но, чтобы отвергнув все сии суесловные блуждания разума, призвать его и приготовить к христианской философии, к той философии, которая, по слову св. Павла, не по стихиям мира, но по началам вечной истины, которая есть едина и коей источников тщетно будем мы искать в ушах, в руках и в прочих чувствах»[46].

Однако мнение архиепископа Феофилакта взяло перевес, Фесслер был обвинен в «идеализме и пантеизме» и 21 июля 1810 г. был вынужден оставить кафедру[47]. Вот что пишет сам Фесслер по этому поводу: «Вскоре я увидел, что имею сильного врага в лице архиепископа (Калужского) Феофилакта. Неприязненный ко всем вообще иностранцам, он еще прежде, в Комиссии духовных училищ, сопротивлялся вызову моему из-за границы и наконец покорился только сильным настояниям князя Александра Николаевича Голицына и Сперанского. Ему не удалось также помешать им и в поручении мне, через несколько дней моего приезда, сверх еврейского языка, кафедры философии <...> Он потребовал конспект моих академических курсов и представил его в комиссию со своими замечаниями. Сперанский

предлагал сообщить последние мне, для объяснения. Но Феофилакт счел ниже своего достоинства вступать в полемику с немецким профессором и прямо требовал моего удаления. Тогда Сперанский взялся сам защищать мое учение, для чего поручил мне подкрепить все статьи моего конспекта приличными местами из творений святых отцов. И это, однако же, не пособило, так что в мае 1810 г. мне стали внушать, под рукою, проситься прочь из Академии, чтобы предварить увольнение оттуда без просьбы. Сперанский по сообщению моему о том тотчас защитил меня от таких самовластных действий, советуя между тем потерпеть, пока он приищет средство вывести меня с честью из этих дрязгов»[48].

Подтверждение этого рассказа барон М. Корф слышал впоследствии от двух духовных сановников, в то время студентов Санкт-Петербургской духовной академии. «От Фесслера, — говорили они, — студенты были в восхищении, особенно тогда, когда вместо устарелых систем и сухих схоластических формул, которыми дотоле их мучили, новый преподаватель стал посвящать своих слушателей в таинства современной немецкой философии; но Феофилакту, по дошедшим до него из Германии вестям о прежней жизни и прежних верованиях Фесслера, учение последнего показалось подозрительным. Кончилось тем, что новый профессор был вытеснен из Академии. Это рассорило Феофилакта не только со Сперанским, прежним его учеником и другом, но и с князем Голицыным»[49].

Впоследствии и сам Фесслер, и его немецкие биографы приписывали неудовольствие духовного начальства на систему, введенную Фесслером в преподавание философии, влиянию бакалавра словесных наук, иеромонаха Леонида (Зарецкого) на тогдашнего ректора Академии, архимандрита Сергия (Крылова-Платонова). О. Леонид преподавал эстетику под руководством преосвященного Феофилакта; он был близок к Феофилакту, который оказывал ему постоянное покровительство.

В «Воспоминаниях» митрополита Филарета (Дроздова) есть такие строки: «К партии Феофилактовой принадлежал товарищ мой Леонид, бывший бакалавром в Академии по классу словесности[50]. Это тот самый Леонид, которого Фесслер называет своим врагом. Причина неудовольствия между ними была вот какая: Леонид был на классе словесности; читал он Бутервека[51], которого перевод достал, кажется, из университета. Но встречающиеся там понятия из кантовой философии для него оказались непостижимы. Студенты были недовольны,

когда им не объясняли непонятных выражений. Он старался объяснить, но неудовлетворительно; ходил к своему покровителю Феофилакту. Тот спрашивал: “как он объяснял?”, и, получив ответ, говорил: “и мне так кажется”. Но студенты все-таки этим не удовлетворялись. Когда прибыл Фесслер, студенты через него познакомились с новой терминологией философской; им стали понятны и лекции Бутервека, и они чаще стали ходить к Фесслеру. Вот причина зависти со стороны Леонида. Он позавидовал и мне»[52].

Тогдашнюю атмосферу, царившую в Академии, описывает А.И. Введенский (1856–1925): «Профессор, назначаемый и сменяемый независимо от преподавательского совета, никогда не чувствовал себя огражденным от произвола не только своего прямого начальства, но даже и своих равных сослуживцев, принявших монашество. А когда последнее принимали из-за служебных расчетов, то оно, конечно, не ограждало от тщеславия, раздутого самолюбия, зависти и т.п., а, напротив, еще усиливало их. Поэтому талантливые профессора иногда подвергались преследованиям именно за свой талант, за умение приобрести влияние на студентов. Так было с Фесслером, первым насадителем нашей духовной философии. Доходило до того, что один профессор философии боялся хорошо читать (хотя на деле доказал свое умение) и умышленно читал прямо по книге, без всяких пояснений к ней, монотонным голосом, делая перерывы даже на средине слова, а не только фразы»[53].

Сходное мнение выражает Г.Г. Шпет (1879–1937): «Профессора, и в особенности профессора философии, подвергались самой глупой цензуре, и их жалкое преподавание должно было протекать в атмосфере доносов, преследований и нелепых указаний на истинное направление, которого они должны держаться. Среди немцев, приглашенных для преподавания философии, были профессора, склонные к кантианству, но что и как они могли излагать, когда у руководителей просвещением страны влияние имели такие суждения, как, например, суждение архиепископа Феофилакта (способствовавшего удалению Фесслера), который утверждал, что философия Канта заключает в себе двоякую цель: “ниспровержение христианства и замещение оного не деизмом, а совершенным безбожием”. Кого могло утешить или чему могло помочь, что этот обличитель обличался другим (митр. Филаретом) в “пантеизме и натурализме”?»[54]

22 июня 1810 г. Фесслер был назначен членом комиссии по составлению законов по части уголовного права; комиссию возглавил

М.М. Сперанский. «Еще до того я поднес Сперанскому несколько юридических мнений, написанных мною в Берлине, по тогдашнему моему званию *консулента*, — вспоминал Фесслер. — Он почтил эти бумаги своим вниманием, и они дали ему повод представить о помещении меня в состоявшую под его начальством комиссию составления законов. Когда же государь соизволил на определение меня в нее со званием корреспондента по части уголовного права, то новый мой начальник сам уже велел мне бросить Академию, из которой я, по моей просьбе, и был уволен 21 июля (1810 г.)»[55].

Что же касается самого М.М. Сперанского, то он, бывший до тех пор самым деятельным членом комиссии духовных училищ, вовсе перестал приходить на заседания и даже просил его уволить[56]. В отчете, представленном 11 февраля 1811 г., М.М. Сперанский изъявил желание сложить с себя звание члена Комиссии духовных училищ. «Комиссия, — писал он, — занимается теперь приложением общих правил к подробностям. Журналы ее составляют целые стопы бумаг, к коим, без пользы и с потерей времени, я должен только прикладывать руку. Новые учреждения по училищной духовной части должны входить или в совет, или в комитет (министров), и, следовательно, если бы некоторое участие мое в делах сего рода и могло быть полезно, то оно всегда может быть употреблено в своем месте. Вообще часть сия требует терпения и не может идти с успехом в настоящем образе ее управления»[57]. Но увольнения М.М. Сперанского не последовало. Он оставался членом Комиссии духовных училищ до тех пор, пока не велено было совсем исключить его из «гражданского списка».

Как отмечал Э.Л. Радлов (1854–1928), «Голицын стал изгонять из университетов шеллингианцев; так, например, был изгнан из России профессор Харьковского университета Шад, устранен от преподавания Фесслер, и взято под подозрение преподавание естественного права. Три попечителя, Корнеев, Магницкий[58] и Рунич, произвели разгром трех университетов: Харьковского, Казанского и Петербургского; из подвергшихся опале профессоров отметим Солнцева в Казани, шеллингианца Галича в Петербурге, ректора Осиповского, противника Канта, и Шада в Харькове. Шишкову принадлежит знаменитая фраза относительно преподавания философии: «Польза сомнительна, а вред возможен»[59].

Сходные взгляды отчасти бытовали и в литературной среде: подобным образом И.И. Панаев (1812–1862) отзывался об одном из своих собратьев по перу: «Иные из молодых петербургских литерато-

ров пользовались некоторым, довольно сомнительным, впрочем, успехом. К числу таковых принадлежал Э.И. Губер[60], человек, владевший до некоторой степени литературным даром, но, к сожалению, имевший претензию на какую-то философию, полученную им в наследство от своего наставника[61]. Философия эта нисколько не служила к просветлению взгляда Губера на жизнь и искусство, а напротив, затемняла ему голову и придавала ему мрачный характер, что-то таинственное»[62].

Поволжье

В 1811 г., в период свертывания реформ, Фесслеру пришлось переехать в Вольск Саратовской губернии, где он получил должность надзирателя в Злобинском приюте. С 1813 г. он жил в Саратове, а с 1815 г. — в Сарепте. В те годы в немецких общинах остро ощущалась нехватка духовной литературы. В Сарепте открылась типография под руководством Фесслера и Губера; была составлена *Книга церковных песен* для поволжских общин. Первое издание сборника церковных песнопений вышло в 1815 г. (второе — в 1840 г.)[63].

В Поволжье Фесслер создает бóльшую часть своего главного исторического труда — «Истории венгров», которая по крайней мере до 1960-х годов оставалась самым подробным сочинением по венгерской истории на немецком языке[64]. Еще будучи в Петербурге, Фесслер сблизился с Карамзиным, Жуковским, Вяземским, Тургеневыми[65], внимательно наблюдавшими за его литературной деятельностью в области истории.

Письмо Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу в Петербург. С. Остафьево, 9 сентября 1815 г.: «Желал бы я взглянуть на *Венгерскую историю* Фесслера, удивляясь, как он мог писать ее в Саратовской губернии?»[66]

Вскоре А.И. Тургенев переслал этот труд по назначению, о чем он сообщил в своем письме от 20 октября 1815 г.: «*История Венгрии* была издана в Лейпциге в 8 и 10 томах; я доставил ее Карамзину, который в следующем письме произнес суд над ней»[67].

Знаменитый русский историк с некоторой ревностью отнесся к фундаментальному труду немецкого коллеги, что следует из его письма А.И. Тургеневу: «Сердечно благодарю Вас, Александр Иванович, за *фесслерову Историю*, которую еще читаю и возвращу Вам из Москвы <...> Фесслер пишет складно, умно, но только выписывает из других, без разбора, без критики, не имеет источников перед глазами; внес свой мистицизм в *Историю* и неприятно подражает Иоганну

Миллеру в описаниях. Это компиляция, а не творение; нет единства, характера, души»[68].

Со временем в С.-Петербурге стали смягчаться ограничительные меры в отношении Фесслера. Так, еще в 1815 г. он был лишен профессорского содержания, оно было возвращено в 1817 г.[69]

Н.И. Тургенев[70]. Письмо Сергею Тургеневу. С.-Петербург, 2 сентября 1817 г.: «Ты, я думаю, уже знаешь, что Фесслеру повелено вновь производить жалование из комиссии составления законов (2500 руб.), и сие со дня прекращения оного»[71].

В 1819 г. была учреждена Саратовская евангелическая консистория[72] (хотя реально она была образована в 1823 г.). А 20 октября 1819 г. Фесслер императорским указом был назначен ее суперинтендентом и духовным президентом. Епархия Фесслера включала протестантские приходы Саратовской, Астраханской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Симбирской, Казанской, Оренбургской и Пермской губерний и являлась крупнейшим лютеранским диоцезом в мире. В немецкой историографии имя Фесслера часто появляется в работах, посвященных истории немцев Поволжья[73].

На своем посту Фесслер большое внимание уделял инспекционным поездкам по волжским степям и реформированию различных сторон жизни немецких колонистов. В своей деятельности он порой прибегал к авторитарным методам, вызывавшим протесты со стороны протестантских общин. Так, он настаивал на восстановлении института публичного покаяния, отмененного еще при Лютере, что многие протестанты восприняли как попытку возврата к католицизму[74]. В то же время Фесслер выступал за принудительное объединение лютеранских и кальвинистских приходов, таким образом проводя в жизнь политику прусского короля Вильгельма III.

В 1817 г. прусское правительство решило ознаменовать 300-летний юбилей Реформации (1517–1817) объединением раздробленного протестантизма. 27 сентября 1817 г. прусский король Вильгельм III особым указом запретил употреблять в официальных документах названия «лютеранская» и «реформатская» церковь, предписав заменять их одним общим для всех названием «Евангелическая церковь». Желая ввести единообразные богослужебные формы, прусское правительство издало в 1821 г. особый служебник, составленный при участии короля. В самом начале существования уния была встречена в целом сочувственно, и многие приняли ее. Но затем послышались протесты со стороны лютеранских богословов. Начались споры о литургиях, сим-

волах, исповеданиях. Причиной раздора оказалась литургия, которую король пытался ввести в 1822 г., хотя ее одобрила лишь 1/6 часть духовенства.

Вместе с тем Фесслер понимал, что его планы по преобразованию жизни колонистов неосуществимы без поддержки местных церковных общин, и был готов в случае необходимости идти им навстречу. Особое внимание Фесслер уделил улучшению положения приходских священников, уже в 1820 г. добившись увеличения числа приходов и повышения казенного жалования для пасторов с 350 до 600 руб.[75]

В 1820 г. председатель Саратовской евангелическо-лютеранской консистории, суперинтендент Фесслер вновь поднял вопрос о настоятельности решительных мер к улучшению сельской школы в колониях вообще. Он требовал расширения учительских прав и училищных помещений и учреждения особой учительской семинарии, «дабы можно было иметь способных учителей для школ». По его расчету, на устройство семинарии требовалось установление особого общественного сбора с колонистов — «по 54 коп. с души». Но Министерство внутренних дел, ведавшее в то время колониями, отозвалось на предположение Фесслера, что «сбор с колонистов денег на семинарию, при отбывании ими других общественных повинностей, будет для них обременителен; что в учреждении семинарии особенной надобности не предвидится; что лучше бы поискать двух или трех хороших учителей и, назначив им с согласия колонистов достаточное жалование, употребить их для сформирования нужного числа сельских учителей, что учение для колонистов должно быть ограничено преподаванием догматов веры, чтением, письмом и простой арифметикой; желающие же из богатых колонистов, по уважению дарований детей своих, расширить круг их познаний, могут отдавать оных учиться в народные училища, гимназии и университеты»[76].

Адмирал А.С. Шишков[77] так отозвался в Комитете министров 24 мая 1824 г. о деятельности Фесслера в Саратове: «Обширные поручения иностранным проповедникам и учителям, изгнанным из их Отечества или, по крайней мере, признаваемым за людей худых правил, и, может быть, нарочно посылаемым к нам для разрушения мира и тишины, необходимо долженствовали, как и слышно, произвесть немалые плоды посеянием в простом народе всяких ересей и буйства»[78].

В том же 1824 г. были опубликованы мемуары Фесслера[79]. Будучи в опале, Фесслер сохранял добрые воспоминания о тех литераторах, которые морально поддерживали его на протяжении ряда лет.

А.И. Тургенев К.С. Сербиновичу[80]*. Дрезден, 26 декабря 1826 г. (7 января 1827 г.)*: «Прошу уведомить Фесслера, что я здесь прочел и последнюю его книгу: *Завет его потомству*. Много умного и глубокого <...> Благодарю Фесслера и за слова обо мне, в биографии его сказанные, в них видно более дружбы ко мне, нежели справедливости»[81].

В истории Евангелическо-лютеранской церкви Фесслер остался не только как саратовский суперинтендент. Опыт управления консисторией позволил ему составить и представить в С.-Петербург проект Устава Евангелическо-лютеранской церкви России. В 1828 г. Николай I указом от 22 мая 1828 г. создал Комитет для начертания проектов общего Устава Евангелическо-лютеранской церкви в России. На основании уже имевшихся проектов епископов Сигнеуса и Фесслера необходимо было составить проект основного закона Евангелическо-лютеранской церкви. 28 декабря 1832 г. выработанный Устав получил высочайшее утверждение[82]. Этот Устав действовал с незначительными изменениями и дополнениями до 1924 г.

С.-Петербург. Кончина

Саратовская евангелическая консистория просуществовала несколько лет и в 1834 г. была преобразована в Московскую консисторию[83], Фесслер был освобожден от обязанностей епископа и суперинтендента консистории. Фесслер доживал свой век в Петербурге в чине церковного советника лютеранской общины. Он скончался в один год со М.М. Сперанским — 3 (15) декабря 1839 г. — и был похоронен на Волковом лютеранском кладбище. Могила Фесслера не сохранилась; в современном перечне захоронений его имя не значится[84].

* * *

Подводя итог сказанному, можно привести слова А.И. Введенского по поводу вклада Игнатия Фесслера в отечественную философию.

«Первым сеятелем несхоластической философии в С.-Петербургской духовной академии был Фесслер <...> Фесслер преподавал только один год первому курсу. Но первый курс был в значительной части составлен из преподавателей семинарий; и Фесслер уже в один год успел в нем пробудить любовь к философии. А заменен он был человеком знающим и уже опытным в университетском преподавании, профессором богословия в Дерптском университете (фон) Горном[85], который продержался в Петербургской академии четыре года и сумел

поддержать в ней философское движение, начатое Фесслером. Ученик же Фесслера, Кутневич, перенес философию в Московскую духовную академию, в которой он был первым профессором этого предмета. И известный Голубинский[86], вероятно, был еще его учеником. Ученик же Горна Скворцов, магистр второго, то есть ближайшего к Фесслеру, выпуска Петербургской академии, перенес философию в Киевскую академию и насадил там философскую школу, из которой вышли Новицкий[87] (в Киевский университет), Гогоцкий[88] (туда же), Михневич (в Одесский Ришельевский лицей), Авсенев (которому студенты Киевской академии после Скворцова больше всех были обязаны своим философским развитием). Казанская академия получила своих первых профессоров философии из Москвы — учеников Голубинского. **Таким образом, русская духовная философия пошла из Петербурга, подобно тому как и философия Шеллинга впервые стала распространяться тоже из Петербурга**»[89].

* * *

[1] *Попов Нил.* Игнатий-Аврелий Феслер. Биографический очерк // Вестник Европы. 1879. № 12. С. 587.

[2] Пресбург — немецкое название города Братислава (венг. Пожонь) в Словакии, на границе с Венгрией, на р. Дунай. В XVI–XVIII вв. — столица Венгрии.

[3] *Серков А.И.* Русское масонство: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 832.

[4] Фома Кемпийский (1379–1471), автор книги «О подражании Христу» (не позднее 1427 г.). Эта книга издавалась более двух тысяч раз и переведена на все европейские языки. На русский язык она была переведена К.П. Победоносцевым (7-е изд. СПб., 1898); есть целый ряд других переводов на русский язык.

[5] Беллармино (Bellarmino) Роберто Франческо Ромоло (1542–1621), знаменитый католический богослов. В русском переводе: «Лествица умственного восхождения к Богу по степеням созданных вещей». М., 1786. (2-е изд. М., 1845).

[6] *Попов Нил.* Указ. соч. С. 588.

[7] *Висковатов П.А.* Эдуард Губер и Фесслер. СПб., 1897. С. 8.

[8] *Попов Нил.* Указ. соч. С. 593.

[9] Флёри Клод (1640–1723) — французский историк Церкви. Основной труд Флёри «История Церкви» представляет собой попытку рассмотреть историю христианской Церкви с «беспартийных» позиций, поднявшись над противоречиями между христианскими конфессиями.

[10] Эдельман Иоганн Кристиан (1698–1767) — немецкий религиозный философ. Для воззрений Эдельмана было характерно представление о «божественности разума» и соединение критики официальной церковной доктрины с критикой феодальных порядков.

[11] Тиндал Мэтью (1657–1738) — английский деист, отстаивал идеи «вечной и неизменной религии», видел сущность христианства в повиновении нравственному чувству.

[12] *Горбачев Д.В.* И.А. Фесслер — немецкий мыслитель и общественный деятель // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 218.

[13] Русский биографический словарь. Фабер — Цявловский. СПб., 1901. С. 59.

[14] *Горбачев Д.В.* Указ. соч. С. 219.

[15] [*Fessler I.A.*] Was ist der Keiser? Wien, 1782. Bd. 1–4.

[16] Русский биографический словарь. Фабер — Цявловский. СПб., 1901. С. 59.

[17] [*Fessler I.A.*] Sydney. Ein Trauerspiel in funf Aufzugen. “Colin” (Breslau), 1788 [1789].

[18] *Горбачев Д.В.* Указ. соч. С. 221.

[19] *Висковатов П.А.* Указ. соч. С. 9.

[20] Русский биографический словарь. Фабер — Цявловский. СПб., 1901. С. 59.

[21] *Горбачев Д.В.* Указ. соч. С. 221.

[22] Русский биографический словарь. Фабер — Цявловский. СПб., 1901. С. 59.

[23] Там же. С. 60.

[24] Малая советская энциклопедия. М., 1931. Т. 8. С. 794.

[25] *Висковатов П.А.* Указ. соч. С. 12.

[26] *Корф М., барон.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1, ч. 2. С. 253.

[27] Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — знаменитый государственный деятель. Сын священника, он окончил Александро-Невскую семинарию и недолгое время там преподавал. В апреле 1797 г. Сперанский был зачислен на службу при генерал-прокуроре князе Куракине с чином титулярного советника; с 1801 г. — статс-секретарь; в 1803 г. перешел в Министерство внутренних дел. С 1806 г. Сперанский был лично известен Александру I; он стал постоянным его помощником. С 1811 г. вследствие доносов влияние Сперанского падает. В 1812 г. Александр I отправил его в ссылку. Лишь в 1821 г. Сперанский вернулся в С.-Петербург и стал членом Государственного совета.

[28] *Корф М.* Указ. соч. С. 255.

[29] П.Д. Лодий был карпаторосс, родился в венгерском городе Мункачи (ныне — Мукачев, Украина); в течение нескольких месяцев был профессором логики и метафизики в Лембергском университете, где в то время преподавал и Фесслер (*Попов Нил.* Указ. соч. С. 631).

[30] *Корф М., барон.* Указ. соч. С. 257.

[31] Цит. по: *Висковатов П.А.* Указ. соч. С. 7.

[32] Определение Комиссии духовных училищ от 23 февраля 1809 г. См.: *Миртов Д.П.* Первые профессоры философии в нашей Академии // Церковный вестник. 1908. № 50–51. С. 1601.

[33] Там же. С. 1601.

[34] *Миртов Д.П.* Первые профессоры философии в нашей Академии // Церковный вестник. 1908. № 52. С. 1628.

[35] Там же. С. 1628.

11 февраля 1810 г. иеромонах Евгений был назначен ректором Троицкой семинарии в Москве. Впоследствии иером. Евгений около полувека послужил Церкви в разных церковно-административных должностях. В 1853 г., в бытность уже архиепископом Ярославским, он по слабости зрения уволился на покой и более 17 лет затем управлял, со званием члена Св. Синода, Донским монастырем; скончался в глубокой старости (1871 г.) (*Миртов Д.П.* Первые профессоры философии в нашей Академии // Церковный вестник. 1908. № 50–51. С. 1602).

[36] *Горбачев Д.В.* Указ. соч. С. 222.

Первыми профессорами первого академического курса были: 1) по классу богословских наук ректор архим. Евграф, утвержденный комиссией в звании профессора; 2) философских — Фесслер; 3) словесных — архиепископ Феофилакт; 4) исторических — Я.В. Орлов; 5) математических — академик С.Е. Гурьев и 6) языков — еврейского Фесслер, греческаго Скинас, немецкого Отто Смольяно и французского де Бое (*Чистович Иларион.* История С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 183).

[37] *Висковатов П.А.* Указ. соч. С. 13.

[38] *Чистович Иларион.* Указ. соч. С. 193–198.

[39] См.: *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: очерки истории русской философии / Сост. К.Н. Любутина, Б.В. Емельянова. Свердловск, 1991. С. 386.

[40] Там же. С. 387.

[41] *Миртов Д.П.* Первые профессоры философии в нашей Академии // Церковный вестник. 1908. № 52. С. 1630.

[42] Там же.

[43] См.: Замечания члена комиссии духовных училищ, преосвященного Феофилакта, архиепископа Рязанского, на конспект философских наук, представленный г. Фесслером // Чтения Московского общества истории и древностей российских. 1859. Кн. II, смесь. С. 115–123.

[44] *Шпет Г.Г.* Указ. соч. С. 387–388.

[45] *Миртов Д.П.* Первые профессоры философии в нашей Академии // Церковный вестник, 1908. № 52. С. 1631–1632.

[46] Там же. С. 1632.

[47] *Серков А.И.* Русское масонство: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 832.

[48] *Корф М., барон.* Указ. соч. С. 258.

[49] Там же. С. 259.

[50] «Что касается до бакалавров, то комиссия по сему предмету приняла предположение преосвященных митр. Амвросия и архиепископа Феофилакта об истребовании из других семинарий некоторых учителей, известных со стороны способности, именно: из Свято-Троицкой — учителя риторики иеродиакона Филарета Дроздова (ныне преосв. митрополит Московский), <...> из

Калужской — учителя философии и префекта Зарецкого» (*Чистович Иларион*. Указ. соч. С. 183).

[51] Фридрих *Бутервек* (Friedrich Ludewig Bouterwek) (1766–1828) — немецкий философ и историк литературы.

[52] Из воспоминаний покойного митрополита Филарета (Дроздова) // Православное обозрение. М., 1868. Т. 26. С. 512.

[53] *Введенский А.И.* Судьбы философии в России // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: очерки истории русской философии / Сост. К.Н. Любутина, Б.В. Емельянова. Свердловск, 1991. С. 36.

[54] *Шпет Г.Г.* Указ. соч. С. 249.

[55] *Корф М., барон*. Указ. соч. С. 258.

[56] *Флоровский Георгий, прот.* Пути русского богословия. Париж, 1988. С. 141.

[57] *Пыпин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. 2-е изд. СПб., 1885. С. 262.

[58] Магницкий М.Л. (1778–1835), в 1819–1826 гг. — попечитель Казанского учебного округа; был отставлен за развал Казанского университета и растрату казенных денег (Малый энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз–Ефрон. 2-е изд. СПб., 1907. Т. 2. Вып. 3. С. 432–433). Отзыв М.Л. Магницкого о Фесслере см.: Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю. Два доноса в 1831 г. // Русская старина. 1899. Т. 97. С. 297–298.

[59] *Радлов Э.Л.* Очерки истории русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: очерки истории русской философии / Сост. К.Н. Любутина, Б.В. Емельянова. Свердловск, 1991. С. 100.

[60] Губер Эдуард Иванович (1814–1847) — поэт, переводчик. «Фесслер имел для судьбы Эдуарда Губера решающее значение» (*Висковатов П.А.* Указ. соч. С. 6).

[61] Речь идет о философе, богослове и филологе И.А. Фесслере.

[62] *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 306.

[63] *Лиценбергер О.А.* Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.). М., 2003. С. 126.

[64] *Fessler I.A.* Die Geschichte der Ungern und ihrer Landsassen. Leipzig, 1815–1825. Bd. 1–10.

[65] Тургенев Александр Иванович (1784–1845) — историк и археолог; Тургенев Николай Иванович, брат (1789–1871) — публицист.

[66] Письма Н.М. Карамзина к А. И. Тургеневу в Петербург // Москвитянин. 1855. Т. 1. С. 99.

[67] Там же. С. 99, примеч. 44.

[68] Там же. С. 100.

[69] В 1820–1824 гг. Фесслер числился чиновником по особым поручениям Комиссии составления законов.

[70] Тургенев Николай Иванович (1789–1871) — декабрист, основатель «Союза благоденствия». Сергей Иванович Тургенев — брат.

[71] Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М., 1936. С. 231–232.

[72] См. об учреждении Евангелической консистории в Саратове: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1, т. 36. № 27953 от 25 октября 1819 г. С. 362.

[73] *Beratz G.* Die deutschen Kolonien an der unteren Wolga in ihrer Entstehung und ersten Entwicklung. 1764–1914. Saratov, 1915; *Bonwetsch G.* Geschichte der deutschen Kolonien an der Volga. Stuttgart, 1919; *Schmal P.* Beitrage zur Geschichte der Wolksbildung in der Wolgakolonien // Wolgadeutsches Schulblatt. 1929. № 7/8. S. 768–776; *Schmidt D.* Studien uber die Geschichte der Volgadeutschen. Pokrovsk; Moskau; Kharkov, 1930. См. также: *Дитц Я.* История поволжских немцев-колонистов. М., 1997.

[74] *Дитц Я.* История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С. 296–297.

[75] *Горбачев Д.В.* Указ. соч. С. 224.

[76] *Клаус А.* Духовенство и школы в наших немецких колониях // Вестник Европы. 1869. Май. С. 246.

[77] Шишков Александр Семенович (1754–1841) — писатель, государственный деятель, адмирал флота, президент Российской академии, министр народного просвещения (1824–1828).

[78] Записки. Берлин. II. С. 204–205. Цит. по: Барсуков Н. П. // Русская старина. 1881. Т. 31. С. 193, примеч. 20.

[79] *Fessler I.A.* Ruckblicke auf seine siebzigjharige Pilgerschaft. Breslau, 1824. См. также: *Горбачев Д.В.* И.А. Фесслер в Поволжье: о чем «забыл» автор мемуаров // Известия Саратовского университета. 2010. Сер. История. Международные отношения. Т. 10. Вып. 2. С. 88–91.

[80] Сербинович Константин Степанович (1797–1874) — писатель, редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (1833–1856).

[81] Александр Иванович Тургенев в его письмах // Русская старина. 1881. Т. 31. С. 190.

[82] *Лиценбергер О.А.* Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.). М., 2003. С. 81–82.

[83] Там же. С. 80.

[84] См.: Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993.

[85] Фон Горн был воспитанником Галльского университета и доктором философии Иенского университета. В С.-Петербургской духовной академии он преподавал с 1810 по 1814 г.

[86] Голубинский Ф.А. (1797–1854) — профессор кафедры философии Московской духовной академии с 1827 по 1854 г.

[87] Новицкий О.М. (1806—1884) — профессор кафедры философии Киевского университета св. Владимира (в 1834–1850).

[88] Гогоцкий С.С. (1813–1889) — профессор кафедры философии в Киевской духовной академии, позже — в Киевском университете св. Владимира.

[89] *Введенский А.И.* Судьбы философии в России // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: очерки истории русской философии / Сост. К.Н. Любутина, Б.В. Емельянова. С. 44–45 (примеч.)

XIX век

М.Ф. Хартанович

ИОГАННЕС АЛЬБРЕХТ БЕРНГАРД (БОРИС АНДРЕЕВИЧ) ДОРН И ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Статья посвящена жизни и деятельности известного европейского ученого И.А. Дорна, большую часть своей творческой жизни отдавшего России и русской науке. Талантливый историк, филолог, географ, иранист, тюрколог, кавказовед окончил Лейпцигский университет и в 1829 г. оказался на службе в России. Он возглавил кафедру восточных языков в Харьковском университете. В 1835 г. Б.А. Дорн был переведен в Петербург для преподавания истории и географии Востока в Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента Министерства иностранных дел.

Самостоятельный научный востоковедческий центр в Академии появился 11 ноября 1818 г. С.С. Уваров подписал распоряжение по устройству при Кунсткамере особого отделения для медалей, рукописей и книг восточных под названием «Восточный кабинет» или «Азиатский музей» и назначил хранителем музея Х.Д. Френа. В Восточный кабинет вошли библиотека, рукописи на арабском, персидском и турецком языках и на языках народов Средней Азии и Кавказа, а также китайские, маньчжурские, тибетские, монгольские, японские и другие восточные документы, монеты и достопримечательности народов Востока, древности из сибирских могильников, одежда и утварь айнов, археологические предметы и пр.

В 1835 г. Б.А. Дорн был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук. С 1842 по 1881 г. Б.А. Дорн — директор Азиатского музея — первого специального востоковедного учреждения в системе Императорской Академии наук.

Ключевые слова: Императорская Академия наук, Азиатский музей, Б.А. Дорн, восточные языки, Харьковский университет, кафедра восточных языков, библиотека, рукописи, книги.

M.F. Hartanovich

JOHANNES ALBRECHT BERNHARD (BORIS ANDREEVICH) DORN AND IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES

The article is devoted to the life and work of the famous European scientist I.A. Dorn, who devoted most of his creative life to Russia and Russian science. A talented historian, philologist, geographer, expert in Iranian and Caucasian studies, turkologist graduated from the University of Leipzig and in 1829 found himself in the service in Russia. He headed the Department of Oriental Languages at Kharkov University. In 1835, B.A. Dorn was transferred to Petersburg to teach Oriental history and geography in the Educational Department of Oriental Languages of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs.

The independent Oriental Scientific Center at the Academy was established on November 11, 1818. S.S. Uvarov signed a decree on organizing a special department at the Kunstkamera for medals, manuscripts and oriental books — the Eastern Cabinet or the Asian Museum and appointed H.D. Fren as the keeper of the museum. The Eastern Cabinet comprised the library; manuscripts in Arabic, Persian, and Turkish and in the languages of the peoples of Central Asia and the Caucasus, as well as Chinese, Manchu, Tibetan, Mongolian, Japanese, and other Oriental documents, coins and sights of the peoples of the East, antiquities from Siberian burial grounds, Ainu clothing and utensils, archaeological items, etc.

In 1835, B.A. Dorn was elected a corresponding member of the Imperial Academy of Sciences. From 1842 to 1881 B.A. Dorn becomes director of the Asian Museum — the first special oriental institution in the Imperial Academy of Sciences.

Keywords: Imperial Academy of Sciences, Asian Museum, B.A. Dorn, Oriental languages, University of Kharkov, faculty of Oriental languages, library, manuscripts, books.

Б.А. Дорн, востоковед, историк, филолог, географ, иранист, арабист, тюрколог, кавказовед, родился 11 мая 1805 г. в Шейерфельде (Саксен-Кобург). Окончил Лейпцигский университет, а с 1829 г. оказался в России. Уже в молодые годы Б.А. Дорн опубликовал ряд работ, посвященных Саади, арабскому куфическому письму, осуществил перевод с персидского на английский язык первой части «Истории афганцев» Нийаметуллага. Дорн по рекомендации известного петербургского арабиста, директора Азиатского музея Х.Д. Френа в 1829 г. возглавил кафедру восточных языков в Харьковском университете.

В 1829–1833 гг. Дорн вел курсы арабского и персидского языков, причем чтение восточных текстов проводилось по арабской и персидской хрестоматиям известного ориенталиста, профессора Московского университета А.В. Болдырева. Дорн также преподавал санскрит, древнееврейский и — впервые в России — эфиопский языки.

В Харькове Дорн завершил перевод «Истории афганцев» и опубликовал статью с текстами и переводами популярного афганского поэта XVII в. Абдуррахмана. В 1833 г. в Харькове увидела свет его первая большая работа «О родственности языков славянских и санскритских». Кроме того, он осуществлял руководство Нумизматическим кабинетом.

В Харькове он выучил и русский язык. Поначалу ему пришлось читать лекции по латыни, что было крайне неудобно.

В 1835 г. Б.А. Дорн был переведен в Петербург для преподавания истории и географии Востока в Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента Министерства иностранных дел. С уходом Дорна кафедра восточных языков в Харькове прекратила свое существование.

В этом же году Б.А. Дорн был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук[1]. С 1842 по 1881 г. Б.А. Дорн становится директором Азиатского музея — первого специального востоковедного учреждения в системе Императорской Академии наук. Азиатский музей был создан в 1818 г. Однако уже устав Академии 1803 г. разрешал «ей принять в число ординарных членов какого-либо известного ученого, упражняющегося в науке, в § 3 не означенной, есть ли найдет она выгодным присоединение сей науки к предметам обыкновенных ее занятий»[2]. Это позволило создать в Академии наук кафедру по восточным языкам и словесности, на которую в 1804 г. был избран адъюнктом Г.-Ю. Клапрот. Именно с 1803 г. и до при-

нятия нового академического устава в 1836 г. в состав действительных членов Академии наук были избраны Х.Д. Френ, Я.И. Шмидт, Ф.Ф. Шармуа, Г.-Л. Флейшер, М.И. Броссе.

Самостоятельный научный востоковедческий центр в Академии появился 11 ноября 1818 г.[3] С.С. Уваров подписал распоряжение по устройству при Кунсткамере особого отделения для медалей, рукописей и книг восточных под названием «Восточный кабинет» или «Азиатский музей» и назначил хранителем музея Х.Д. Френа. В Восточный кабинет вошли библиотека, рукописи на арабском, персидском и турецком языках и на языках народов Средней Азии и Кавказа, а также китайские, маньчжурские, тибетские, монгольские, японские и другие восточные документы, монеты и достопримечательности народов Востока, древности из сибирских могильников, одежда и утварь айнов, археологические предметы и пр. К созданию Азиатского музея имелась значительная предрасположенность — соседство России со странами Востока, разнообразные культурные, торговые связи[4].

Профиль Азиатского музея в первые десятилетия его существования только складывался. Первоначально он задумывался именно как музей, получая регулярно из Кунсткамеры различные коллекции с Востока, Дальнего Востока, Поволжья, из Сибири. Это были коллекции промысловой и нарядной одежды якутов, хантов, юкагиров, коряков, чукчей, эвенов, эвенков, татар и мордвы и пр. Поступали комплекты по принадлежностям культа: «колдовская» одежда народов Сибири, уникальное собрание шаманских бубнов, идолы и пр[5].

3 мая 1866 г. на заседании Историко-филологического отделения Б.А. Дорн предложил меры по приобретению для России в Средней Азии не только восточных рукописей, но и восточных астрономических инструментов, астролябий, глобусов и пр.[6]

В середине XIX в. уже стало ясно, что Азиатский музей сложился в научно-исследовательское учреждение, близкое по профилю к архиву, и превратился в богатейшее собрание книг и рукописей по народам Кавказа, Средней и Передней Азии, Египта, Дальнего Востока и Африки, на базе которого в советское время был создан Институт востоковедения Академии наук СССР, а ныне Институт восточных рукописей РАН.

Создание Азиатского музея непосредственно связано с двумя именами: президента Академии наук, автора «Проекта Азиатской академии» С.С. Уварова и приглашенного из Казанского университета арабиста, тюрколога и нумизмата Х.Д. Френа. Ученые-востоковеды

Петербурга принимали посильное участие в сборе коллекций Азиатского музея. Большую коллекцию китайских, монгольских и других рукописей и ксилографов коллекции описал Н.Я. Бичурин. К аналогичной работе привлекался и другой крупный востоковед — Дорджи Банзаров. Велика роль академика М.И. Броссе в собирании и составлении рукописной и печатной коллекции на кавказских, особенно грузинском, языках, а член-корреспондент К.П. Патканов, профессора Петербургского университета Д.И. Чубинов и А.А. Цагарели внесли значительный вклад в составление и описание кавказского фонда.

В 1842 г. на посту директора Азиатского музея Френа сменил академик Б.А. Дорн. Его карьера в Академии наук развивалась стремительно: в 1835 г. он становится членом-корреспондентом, в 1839 г. избран адъюнктом по восточным языкам, в 1842 г. — экстраординарный академик Историко-филологического отделения, в 1852 г. избран ординарным академиком по тому же Отделению, а в 1869 г. стал почетным доктором восточной словесности Императорского Санкт-Петербургского университета[7].

С 1835 г. в Санкт-Петербурге Б.А. Дорн преподавал историю и географию Востока на Учебном отделении при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Дорн заложил основы научных исследований афганского языка (пашто), явился автором первых в Европе его грамматических описаний и хрестоматии. Особое внимание уделял также истории и этнографии народов Прикаспия. Он описал восточные рукописи в разделах русских и зарубежных хранилищах, изучал восточную нумизматику и эпиграфику, в частности надписи на арабских астролябиях. Так, 14 мая 1841 г. Б.А. Дорн сделал сообщение «О третьей находящейся в России астролябии с восточными надписями»[8]. В мае 1842 г. по распоряжению президента С.С. Уварова М.И. Броссе и Б.А. Дорн должны были разработать инструкции для магистров Казанского университета В.Ф. Диттеля и И.Н. Березина, отправлявшихся в научную экспедицию по Востоку[9]. Экспедиция в 1846 г. увенчалась работой аспирантов «Обозрение грамматики языков курдов и тюрко-татарского и их различных диалектов»[10].

Итак, областью собственных научных интересов Дорна были иранистика, афганистика и нумизматика. В 1840-х годах в его поле зрения попал малоизученный сасанидский и арабо-сасанидский нумизматический материал. Основательное знакомство Дорна с богатыми кол-

лекциями Азиатского музея сделало его одним из ведущих экспертов по восточной нумизматике. Вместе с Френом Дорн некоторое время участвовал в описании новых поступлений в Азиатский музей. Его первый нумизматический отчет о пополнении музейной коллекции мусульманскими монетами с легендами пехлевийским и арабским письмом относятся к 1844 г.

В 1848 г. Б.А. Дорн опубликовал статью с поправками к чтению имен правителей на табаристанских монетах в книге А. Лонперье о сасанидской нумизматике (*Dorn B.* Bemerkungen zur Sasaniden-Munzkunde — Extrait du Bulletin de l"Academie des sciences de St.-Petersbourg. 1848. Т. 5. № 15).

Значительным вкладом Б.А. Дорна является написание им истории Азиатского музея со времени основания до 1844 г.[11] Книга состоит из двух частей: первая представляет собой хронику формирования коллекций музея, вторая включает разного рода документацию, отчеты и обзоры, связанные с приобретением восточных древностей. Во второй части был напечатан доклад Дорна от 30 сентября 1842 г. о поступлении в Азиатский музей пяти персидских рукописей исторического содержания. Это были сочинения Абу-л-Фазла ал-Бейхаки (XI в.), Йфхйи б. Мухаммада ал-Казвини (XVI в.), Закарии б. Мухамада ал-Казвини (XIII в.), Ахмада б. Мухаммада ал- Казвини и др.[12]

Наряду с исполнением административных функций директора Азиатского музея и связанных с ними обязанностей по хранению и пополнению восточных коллекций в 40–50-е годы основной задачей Дорн считал издание сочинений по средневековой истории Прикаспийских областей Ирана. Так, 17 января 1845 г. Б.А. Дорн на заседании Историко-филологического отделения Академии наук представил перевод с немецкого языка «Истории Мазандерана и Табаристана» Шехир-Эддина и предложил опубликовать персидский подлинник вместе с переводом. Предложение было одобрено Отделением[13].

Преподаватели, стоявшие у истоков университетского востоковедения в России (Х.Д. Френ, Шармуа, А.В. Болдырев, О.И. Сенковский, Казем-Бек, Б.А. Дорн), в числе других восточных языков читали курсы классического персидского и арабского, столь необходимые для изучения средневековой истории и культуры Ирана. Дорн свободно владел классическими и древними восточными языками. 1 марта 1844 г. он представил подготовленную им «Афганскую хрестоматию» со словарем. Историко-филологическое отделение решило опубликовать ее в количестве 300 экземпляров[14].

Интерес отечественных историков к Прикаспийским областям обусловливался тем, что эти области граничили с Россией и играли немаловажную роль в ее политических и торговых отношениях с Ираном, а также тем, что в первой половине XIX в. эти земли оставались еще Terra incognita, ибо мусульманские авторы всеобщих историй сообщали о южных Прикаспийских областях лишь отрывочные сведения. Ценный материал для исследователей давали сочинения писателей — уроженцев Табаристана и Мазендерана. В рукописном собрании Азиатского музея табаристанских хроник было несколько. Первым этапом на пути решения важной научной задачи стало издание части сочинения «Хабиб ас-сийар» Хондемира, повествующей об истории Табаристана и движении сербедаров. Издание содержит небольшое введение, обосновывающее публикацию исторических фактов о Табаристане и сербедарах, персидский наборный текст части сочинения Хондемира и его немецкий перевод с подстрочным комментарием. Новым этапом в издательской деятельности Дорна стала публикация целой группы памятников, объединенных в серию «Мусульманские источники по истории земель южного побережья Каспийского моря». Первый том серии — издание текста сочинения Захир ад-дина — появился в конце 1850 г. Подготовка и издание четырех последующих томов продолжались в течение 50-х годов XIX в.

27 апреля 1860 г. Б.А. Дорн получил высочайшее разрешение на путешествие по Кавказу, в Гилян и Мазандаран для изучения иранских языков[15]. А уже 13 сентября Академия наук заслушала отчет Дорна о путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря[16].

Обращает на себя внимание интерес ученого к этнической истории населения Афганистана. Он подверг научной критике различные теории происхождения афганцев, следуя в этом за Клапротом, и пришел к выводу об автохтонности современных афганцев в районе Сулеймановых гор.

Итак, среди исследователей Ближнего Востока и Западной Азии первой половины XIX в. следует выделить трех ученых: Х.Д. Френа, Б.А. Дорна и В.В. Григорьева. Дорн, отдавший российскому востоковедению все силы и знания, стоял у истоков академического востоковедения. Самоотверженная работа Б.А. Дорна по формированию и пополнению фонда Азиатского музея, описанию истории музея внесла неоценимый вклад в развитие отечественного востоковедения. К сожалению, научной литературы по истории деятельности Дорна почти нет. Отрывочные сведения содержатся на страницах «Летописи

Российской Академии наук», но тем важнее воссоздать жизнь и творчество ведущего ученого-востоковеда XIX в.

* * *

[1] Летопись Российской академии наук / отв. ред. М.Ф. Хартанович. Т. II. СПб.: Наука, 2002. С. 256.

[2] История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990. С. 140; Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1975. С. 68–69.

[3] *Станюкович Т.В.* Музей антропологии и этнографии за 250 лет // 250 лет Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. М.; Л.: Наука, 1964. С. 44.

[4] Там же.

[5] Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 / авт.-сост. М.Ф. Хартанович, М.В. Хартанович. СПб., 2014. С. 490–491.

[6] Летопись Российской академии наук. Т. III. СПб.: Наука, 2003. С. 106.

[7] *Васильков Я.В.* Дорн Иоганнес Альбрехт Бернгард // Научное сообщество Санкт-Петербурга. XVIII — начало XIX в.: энциклопед. справ. / отв. ред. М.Ф. Хартанович. СПб.: Наука, 2013. С. 153–154.

[8] Летопись Российской академии наук / отв. ред. М.Ф. Хартанович. Т. II. СПб.: Наука, 2002. С. 303.

[9] Там же. С. 312.

[10] Там же. С. 343.

[11] Там же. С. 329.

[12] *Dorn B.* Ueber eine neue Bereicherung... Прилож. 141. С. 668–679.

[13] Журнал Министерства народного просвещения. (ЖМНП). 1845. Ч. 46. Апр. Отд. III. С. 46–47.

[14] ЖМНП. 1844. Ч. 43. Июль. Отд. III. С. 35–36.

[15] Летопись Российской академии наук. Т. II. С. 530.

[16] Летопись Российской академии наук. Т. III. С. 22.

О.В. Иодко

ВКЛАД АКАДЕМИКА КАРЛА ЮЛИЯ ФРИЦШЕ (1808–1871) В РУССКУЮ НАУКУ И ПРАКТИКУ

Статья содержит сведения о жизни в Петербурге академика Юлия Федоровича Фрицше (1808–1871), о его трудах в области химии и их применении в исследовании минеральных вод, криминалистике, фотоделе.

Ключевые слова: Академия наук, лаборатория химическая, минеральные воды, фотография, химия.

O.V. Iodko

THE CONTRIBUTION OF ACADEMICIAN CARL JULIUS FRITZSCHE (1808–1871) TO RUSSIAN SCIENCE AND PRACTICE

The article contains information about the life in St. Petersburg of Academician Yuli Fritzshe (1808–1871), about his works in the field of chemistry and their application in the study of mineral waters, forensic science, and photography.

Keywords: Academy of sciences, chemistry, laboratory of chemical, mineral water, photo.

Рис. 1. Юлий Федорович Фрицше (СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Ф. Д. 13. Л. 1) Опубл.: Pfrepper Regine. Carl Julius Fritzsche (1808–1871) — Pharmazeut und Chemiker in Dresden, Berlin und St. Petersburg // "Wissenschaftsbeziehungen im 19. Jahrhundert zwischen Deutscland und Rußland auf den Gebieten Chemie, Pharmazie und Medicin" bei der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Bd. 1. Studien zu Carl Julius Fritzsche (1808–1871) und Il'ja Il'ič Mečnicov (1845–1916). Aachen, 2008

Рис. 2. Юлий Федорович Фрицше (СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-Ф. Д. 68. Л. 1)

Химик Карл Юлий Фрицше (в России Юлий Федорович) из 63 лет своей жизни 37 прожил в России, здесь он стал академиком, тайным советником, опубликовал большинство своих работ, за два года до смерти принял русское подданство[1], дважды женился и дважды овдовел, здесь родились его дети.

Его интересы в области как неорганической, так и органической химии были чрезвычайно широки, удивительные провокации природных веществ температурой и взаимодействием — это недоступный мир волшебства и алхимии. Чего сто́ят такие описания химиков: «Фрицше выделил уроксин не только разложением мочевой кислоты азо́тной, но и при обработке азотной кислотой змеиного помета <...>. При экстрагировании раствором буры птичьего помета Фрицше выделил, кроме мочевой кислоты, также и ее гидрат»[2]. То есть исследовалось все, а не только то, что было обезличено порошками и жидкостями.

Многие его открытия имели прикладное применение, причем при его жизни и по его инициативе. Забегая вперед, надо сказать, что в газете «Северная почта» была опубликована «Записка о трудах действительных членов Императорской Академии наук в 1865 г.», в которой было сказано: «Академик Фрицше, исследуя свойства твердых углеводородов, образующихся при сухой перегонке каменного угля, находящихся в каменноугольном дегте, открыл новое тело оранжевого цвета, названное им хризогеном, могущее служить красильным веществом. Он получил также другое новое вещество, происходящее при действии азотной кислоты на антрацен и дающее разноцветные соединения с разными углеводородами»[3]. Можно сказать, что для публичного отчета Академия выбрала те работы, которые в советское время назвали бы имеющими народно-хозяйственное значение.

Литературы о Фрицше, к сожалению, немного[4]. Это обширный некролог, написанный в год смерти его младшим коллегой, акад. А.М. Бутлеровым, статья К.Ц. Елагиной к 150-летию ученого, с очень подробной оценкой его химических работ, и статья немецкого химика и историка науки Регины Пфреппер к его 200-летию, одним из достоинств которой была публикация десяти хранящихся в Мюнхене писем Фрицше к его учителю Е. Митчерлиху[5], в которых он рассказывает о приезде и обустройстве в России и некоторых моментах личной жизни.

Кратко о начале жизни. Фрицше родился 17/29 октября 1808 г.[6] в Нойштадте, в Саксонии, в семье врача, начальника местного физиката Христиана Фердинанда Фрицше и Юлианы Христианы Струве[7].

Начальное образование получил дома, а с 13 лет работал в Дрездене в аптеке Фридриха Адольфа Августа Струве, дяди по линии матери. Через пять лет, получив основательную подготовку, он переезжает в Берлин и два с половиной года руководит лабораторией в аптеке Гельминга[8]. Ему в это время было всего 18 лет. Поскольку лекарства в то время были преимущественно растительного происхождения, ему пришлось вникать в ботанику и химию. Через четыре года он переходит в лабораторию знаменитого берлинского химика, проф. Е. Митчерлиха в качестве его ассистента и одновременно посещает лекции в Берлинском университете. В 1833 г. он защищает докторскую диссертацию[9] о цветне — оплодотворяющей цветочной пыльце (pollen), а затем отправляется в Россию налаживать дело производства искусственных минеральных вод. Дело в том, что его дядя, Фридрих Адольф Август Струве, уже открыл такие заведения в Дрездене, Берлине и Лейпциге и с помощью учеников расширял их сеть в Европе.

Идея приблизить целебные воды к страждущим в районах, удаленных от природных источников, бытовала давно, в том числе и в России. Например, еще в 1810 г. армейский врач И.Г. Кашинский[10] напечатал в Академической типографии 610 экземпляров[11] брошюры «Способ изготовлять минеральные целительные воды». А в 1829 г. акад. Г.-Ф. Паррот[12] и адъюнкт Г.И. Гесс[13] задумали организовать заведение для приготовления таких вод, но когда С.-Петербургский физикат пригласил их для дачи сведений об этом заведении, они передумали, заплатили 8 рублей за производство дела и получили назад свое описание с рисунком (которое, к сожалению, не обнаружено)[14].

А тем временем в конце декабря по старому стилю Фрицше отплывает из Любека и через четыре дня, претерпев шторм и туман, сменив в Кронштадте большой корабль на маленький, прибывает в Петербург. В это время в районе нынешней Новой деревни завершается строительство заведения (как пишет Фрицше Митчерлиху) «в грандиозном стиле», с залами для питья, для купаний и для жилья персонала. 29 декабря 1833 / 10 января 1834 г. Фрицше пишет: «Моя квартира будет состоять из 5 комнат, в том числе одна — для химических работ»[15]. Заведение процветало, обрастало аттракционами и нравилось публике, в середине XIX в. оно перебазировалось на территорию Александровского парка, в район нынешней станции метро Горьковская.

Кроме того, Фрицше занимался массой других дел: с 1842 г. он — член Комиссии при МВД для исследования кавказских минеральных

вод; химик при Медицинском департаменте МВД (1843–1856), совещательный член Медицинского совета МВД (1845). В 1848 г. за особые труды по этому званию он был произведен в статские советники. От МВД он был назначен членом Петербургского комитета производства опытов уличного освещения спиртом (1848) и членом особой комиссии для опытов введения в России электрического освещения (1849–1850), членом временной комиссии о построении Исаакиевского собора по части химии (1852). Три года был членом Комитета Правления АН, членом-корреспондентом Ученого комитета Министерства государственных имуществ (1850) и Ученого комитета Морского министерства (1857)[16].

Успешно строилась и академическая карьера Фрицше. После кончины в конце 1836 г. академика Я.Д. Захарова вакансия была предложена четверым немецким ученым, но они отказались, и так как Академия «не признает удобным место **ординарного** академика предложить кому-либо из второклассных химиков», то она посчитала возможным «впредь до благоприятнейшего случая ограничиться избранием адъюнкта», далее, продолжает свое письмо в Министерство народного просвещения непременный секретарь П.Н. Фус: «Состоящий при здешнем заведении искусственных минеральных вод химик из иностранцев доктор Юлий Фрицше, известный уже Академии многими хорошими исследованиями по части аналитической химии и одним превосходным сочинением по части ботанической физиологии, напечатанным иждивением Академии, в марте минувшего года просил о принятии его в число адъюнктов Академии по части химии, но так как тогда Академия не имела еще сведения о целях действий своей комиссии, то г-ну Фрицше было ответствовано, что насчет просьбы его Академия не может дать ему решительного ответа и приглашает его заняться исследованием какого-либо из трудных вопросов аналитической химии, дабы удостоверить Академию в основательности своих знаний и способностей. Представленное за сим (в апреле сего года) сочинение г-на Фрицше “Ueber das Uroxin ein neues Zersetzungsproduct der Harnsäure durch Salpetersäure” («Об уроксине — новом продукте разложения мочевой кислоты азотной») как по важности предмета, так и по способу исследования обратило на себя внимание Академии, и, быв напечатано в журнале “Bulletin scientifique”, удостоилось одобрения и иностранных химиков, а по сему в уважение ходатайства Комиссии Конференция в заседании своем, бывшем 24 сего августа, единодушно избрала г-на Фрицше в звание адъюнкта по части

химии»[17]. В 1844 г. он был единогласно избран в экстраординарные академики[18], а в 1852 г. — 26 голосами против 6 — в ординарные[19].

В Академии наук Фрицше представлял и рецензировал свои и чужие работы. Имеются документы 1850 и 1861 гг. о его участии в химической экспертизе подписей на документах по запросам С.-Петербургской управы благочиния и С.-Петербургской палаты уголовного суда. Процесс исследования иллюстрирует следующая записка Фрицше от 14 августа 1850 г.: «Вообще подписи могут быть выправлены химическими средствами; следовательно, на месте, где теперь находится подпись заседателя Долгова, могла быть прежде другая подпись. Нельзя, однако же, химическими средствами доказать, что в настоящем случае действительно выправлена другая подпись, а утвердительно можно только сказать, что бумага на месте подписи не находится в нормальном состоянии. Этот доказывается тем, что раствор железисто-синеродистого калия производит на месте, обозначенном буквою "В", синий цвет, между тем как на месте "А" никакой перемены в цвете бумаги не оказывается, и что настойка чернильных орешков, подающих бумаге на месте "Б" только собственный ее цвет, производит на месте "Г" черноватый цвет. Оба эти явления свидетельствуют в присутствии следов какой-либо железной соли на месте подписи, а как железо есть непременная составная часть обыкновенных чернил, то с вероятностью можно полагать, что означенные следы железа произошли от чернильной подписи, подвергнутой действию химических средств в цели выправлять оную. Удалось ли уничтожить подпись, нельзя определить, потому что тогда, когда в состав чернил входило кроме железного купороса и чернильных орешков еще какое-либо красильное дерево, опыты к выправливанию оного посредством кислот и хлорной воды (единственных для сей цели годных средств), могли бы быть тщетными, и в таком случае можно полагать, что не совершенно уничтоженная подпись вновь перечеркнута новыми чернилами»[20].

В 1854 г. у него была блиц-идея в компании с отставным полковником Аничковым и коллежским асессором Илимовым организовать в Новгородской губернии близ Боровичей завод по обработке серных колчеданов для получения из них серы, но в 1856 г. «неокончательно устроенный» завод был «по миновании надобности» закрыт[21].

Вписал свое имя Фрицше и в историю фотографии. 23 мая 1839 г. он прочитал в заседании АН доклад, в котором предложил подкорректировать способ англичанина Ф. Талбота, заменив при проявлении снимков гипосульфит аммиаком, отчего изображение получалось

более ярким[22]. Это была первая научная работа по фотографии, выполненная в России. С фотографией связана одна интересная недавняя история. Месяц назад в наш Архив обратилось Грузинское генеалогическое общество с просьбой подтвердить, что в 1842 г. по просьбе акад. Броссе[23] состоялась встреча Фрицше и фотографа С.Л. Левицкого с грузинским поэтом Николозом Бараташвили[24], во время которой был сделан дагерротипный портрет поэта. В Архиве нашелся документ о взаимодействии этих людей, но совсем по другому поводу[25], а в литературе — упоминание о том, что портрет не сохранился: «Подлинного портрета Николоза Бараташвили у нас нет. И в этом судьба оказалась безжалостной к человеку, рожденному гением. Последний — дагерротипный портрет много позже кончины поэта передали на размножение фотографу Дубелиру. И надо же было случиться пожару в его лаборатории — дагерротип пропал»[26].

На протяжении всей жизни Фрицше был связан с академической химической лабораторией. Возможности этого учреждения со времен Ломоносова то расцветали, то приходили в упадок. 16 февраля 1859 г. в ее помещении случился пожар. Вот как это выглядело согласно акту, составленному на следующий день комиссией в составе вице-президента Академии С.И. Давыдова и четверых членов Комитета Правления: «Заведение это помещается в главном доме Академии, что на Университетской улице, в нижнем этаже на сводах, в трех комнатах окнами против Университета. Оно состоит под непосредственным ведением и управлением ординарного академика по части химии Фрицше. Означенный случай произошел в 4 часа пополудни, во время ученых занятий г-на Фрицше, при обращении по обыкновению с огнем и легковоспламеняющимися веществами, причем один из сосудов лопнул и разлившаяся из него жидкость, воспламенившись, быстро распространилась по столам, сообщив пламя и всем прочим веществам и снарядам. Усмотрев всю опасность своего положения, г. Фрицше тотчас же дал знать экзекутору Академии, а сам между тем с находящимся при нем постоянным по найму работником старался было потушить пламя, но при этом сильно обжег себе правую руку <...>. Из упомянутого помещения одна комната со всем обзаведением сгорела, а в общих двух комнатах обгорели только две переборки, в сих последних комнатах спасена вся библиотека по части химии; остался невредимым большой шкап с коллекцией химических препаратов, сверх того вынесены некоторые вещи, но с большими или меньшими повреждениями. Потеря при сем случае, сверх хозяйственных пред-

метов, была двоякого рода: во 1-х, в химических снарядах, которые могут быть приведены в известность лишь только по некотором времени и, во 2-х, в многоважных в ученом отношении материалах и препаратах, накопившихся в продолжение 20-летней службы г. Фрицше при Академии, большею частью личными его работами, которые вовсе оценены быть не могут»[27]. В недавно вышедших воспоминаниях одного из составителей приведенного акта, академика К.С. Веселовского, событию дана эмоциональная оценка[28].

Пожар вызвал к жизни наболевший вопрос гуманитарного сообщества о судьбе соседствовавших с лабораторией Азиатского и Этнографического музеев. 19 февраля 1859 г. академики Б.А. Дорн, М.И. Броссе, О.Н. Бётлингк, А.А. Шифнер и В.В. Вельяминов-Зернов привели Академии свои аргументы: «Еще в 1843 г. покойный Френ[29] в видах пользы вверенного ему Азиатского музея и других ученых коллекций Академии указывал на опасность от помещения в здании Академии механической мастерской и химической лаборатории, но представления его были приняты в соображение только отчасти, и Химическая лаборатория осталась до сего времени на своем прежнем месте. Пожар, бывший 16 числа сего месяца, вполне подтвердил справедливость высказанного Френом опасения и убедительно доказал, какая опасность угрожает Азиатскому музею и смежному с ним Этнографическому кабинету, в котором также хранится часть драгоценных восточных коллекций. Когда я (Б.А. Дорн. — *О.И.*) и хранитель Азиатского музея в самом начале пожара отправились в Музей для принятия необходимых мер предосторожности, передняя комната оного мгновенно наполнилась таким густым и удушливым дымом, что мы, подием задохнуться, не могли ни оставаться в Музее, ни спуститься по обыкновенной лестнице, ни даже выйти через смежные комнаты, двери коих были заперты; только один ход через длинный коридор, который еще не наполнился дымом, способствовал нам выйти и остался единственным возможным сообщением с Музеем; но если б возрастающее пламя проникло через окна или лестницу в Музей, то не известно, какая участь постигла бы хранящиеся в нем редкости, которые положительно можно сказать, незаменимы, как, например, азиатские монеты и ревности, мухаммеданские и грузинские рукописи и китайские и тибетские ксилографы. От истребления этих ученых сокровищ наука понесла бы невознаградимую потерю, и Академия лишилась бы одного из своих лучших украшений»[30]. Несколько архитекторов, в том числе и А.П. Брюллов, рассматривали возможность ремонта и рекон-

струкции лаборатории[31]. В 1864 г. архитектор А.С. Кириллов спроектировал трехэтажное здание лаборатории с квартирами для ученых на 8-й линии В.О. В этом здании (д. 17) последние годы работал и жил Фрицше. На фасаде здания с 1962 г. установлена мемориальная доска памяти А.М. Бутлерова.

Количество опубликованных трудов Фрицше колеблется у исследователей в пределах 69 (Елагина), 71 (Бутлеров) 81 (Пфреппер).

Деятельность Фрицше была отмечена избранием его

— в действительные члены Императорской Леопольдино-Каролинской академии естествоиспытателей (1833), Московского о-ва испытателей природы (1837), Русского отделения Копенгагенского о-ва северных древностей (1843), Русского географического о-ва (1847), Вольного экономического о-ва (1856);
— в члены-корреспонденты Шербургского о-ва естественных наук (1866);
— в почетные члены О-ва естественных наук в Гамбурге (1838), Северо-Германского о-ва аптекарей (1839), Фармацевтического о-ва (1852), Физического о-ва во Франкфурте (1856), Химического о-ва в Лондоне (1860), Свободного немецкого о-ва во Франкфурте-на-Майне (1864);
— в иностранные члены немецкого химического о-ва в Берлине (1868).

Он был кавалером орденов Св. Станислава II степени «в воздаяние особенных трудов при исследовании КМВ» (1844), Св. Анны II степени по званию совещательного члена Медицинского совета МВД (1853), Св. Анны II степени с императорской короной «за отличную усердную службу» (1855), кавалерского креста Саксонского ордена Альбрехта (1858), Св. Владимира III степени «за отлично усердную службу» (1862), Св. Станислава I степени по службе в Министерстве внутренних дел (1865) ордена Св. Анны I степени за службу по ИАН (1867).

Был награжден Большой серебряной медалью за труды по званию эксперта С.-Петербургской выставки сельских производителей, проходившей 4–16 сентября 1850 г., и 2000 руб. по докладу министра финансов за участие в составлении положения о питейном сборе (1864)[32].

Несколько слов о частной жизни. 30 сентября 1838 г. Фрицше пишет Митчерлиху из Петербурга: «Моя возлюбленная невеста — дочь местного книготорговца Вильгельма Греффа, к сожалению, она сейчас не здесь, а в Карлсруэ, куда она последовала весной этого года за родителями»[33]; 9 июня 1839 г. он пишет о ней уже как о супруге[34];

24 марта 1840 г.: «Я рад сообщить вам, что две недели назад моя жена подарила мне маленькую девочку»[35]. Больше об этой девочке нигде не упоминается, а в 1846 г. он женится на Эмме, дочери юриста Министерства внутренних дел Густава Лехе. Она уходит из жизни в 1848 г.[36], оставив Фрицше сына Теодора и дочь Марию. В 1862 г. в письме Митчерлиху Фрицше пишет, что планирует в августе приехать в Дрезден, чтобы повидаться с сыном, а потом в Кройцнах, где жила его дочь[37].

В июле 1869 г. Фрицше перенес апоплексический удар, после которого, как пишет Бутлеров, он превратился в «хилого старика». Врачи советуют ему перебраться в теплый климат, он получает отпуск и уезжает в Дрезден, 8 июня 1871 г. умирает в кругу близких, похоронен на местном кладбище.

В январе 1870 г. он составил завещание[38], где душеприказчиком и распорядителем недвижимости определил сына. Сын в 1875 г. попросил уволить его из русского подданства, которое он принял вместе с отцом в 1867 г. В последние годы жизни был директором фабрики минеральных вод во Франкфурте-на-Майне[39]. Умер в 1917 г. Скорее всего, он и увез архив отца на родину. Дочь Мария в 1870 г. была замужем за инженером Александром Феттером и жила в Нордгаузене в Граце[40]. Но, судя по исследованию Регины Пфреппер, архив Фрицше либо утрачен, либо еще не обнаружен.

* * *

[1] Фрицше «был приведен к присяге на это подданство 28 февраля 1867 г. по месту служения, в Комитете Правления АН» (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 624. Л. 188).

[2] *Елагина К.Ц.* Юлий Федорович Фрицше (1808–1871) // Труды ИИЕТ. М.: Наука, 1958. Т. 18. С. 249.

[3] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1865. Д. 11. Л. 10 об.

[4] *Бутлеров А.М.* Юлий Федорович Фрицше. Некролог, читанный в годовом публичном заседании Императорской академии наук 29 декабря 1871 г. Отд. отт. СПб.: Типография императорской Академии наук. 1872. С. 1–13; ПСС. Т. 3. М., 1958. С. 85–88; *Елагина К.Ц.* Юлий Федорович Фрицше (1808–1871) // Труды ИИЕТ. М.: Наука, 1958. Т. 18. С. 236–260; *Pfrepper Regine*. Carl Julius Fritzsche (1808–1871) — Pharmazeut und Chemiker in Dresden, Berlin und St. Petersburg // “Wissenschaftsbeziehungen im 19. Jahrhundert zwischen Deutscland und Rußland auf den Gebieten Chemie, Pharmazie und Medicin” bei der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Bd. 1. Studien zu Carl Julius Fritzsche (1808–1871) und Il’ja Il’ič Mečnicov (1845–1916). Aachen: Shaker, 2008. S. 11–40; Anhänge: S. 41–75; Bibliographie: S. 76–87.

[5] Митчерлих Эйльхард (1794–1863), немецкий химик, профессор Берлинского университета (с 1822 г.), иностранный чл.-корр. Петербургской АН (с 1829 г.).

[6] Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. Действительные члены, члены-корреспонденты, почетные члены, иностранные члены. М., 2009. С. 48.

[7] *Pfrepper Regine*. Carl Julius Fritzsche (1808–1871) — Pharmazeut und Chemiker in Dresden, Berlin und St. Petersburg // "Wissenschaftsbeziehungen im 19. Jahrhundert zwischen Deutscland und Rußland auf den Gebieten Chemie, Pharmazie und Medicin" bei der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Bd. 1. Studien zu Carl Julius Fritzsche (1808–1871) und Il'ja Il'ič Mečnicov (1845–1916). Aachen: Shaker, 2008. S. 11.

[8] Иоганн Готфрид Август Гельминг (1770–1830).

[9] De plantarum polline. Berolini, 1833.

[10] Кашинский Иван Григорьевич (1772–1846). Способ составлять минеральные целительные воды, основанный на новейших химических открытиях и врачебных наблюдениях. С присовокуплением 4-х гравированных чертежей, изображающих 8 простейших машин или приборов, служащих для составления разнородных российских и чужестранных минеральных вод, коих врачебная польза, употребление и нужные предосторожности, из опытов почерпнутые, здесь подробно излагаются. Сочинил и собственным иждивением для пользы соотчичей издал лейб-гвардии Преображенского полка штаб-лекарь, коллежский асессор Иван Кашинский. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1808.

[11] СПбФ РАН. Ф. 4. Оп. 2–1808. Кн. 19. Л. 292.

[12] Паррот Георг Фридрих (Егор Иванович) (1767–1852), физик, чл.-корр. С 4 декабря 1811 г., ординарный академик по прикладной математике (1826), по физике (1830), почетный член (1840); профессор и первый ректор Дерптского университета.

[13] Гесс Жермен Анри [Герман Генрих] (Герман Иванович) (1802–1850), химик, один из основоположников термохимии, адъюнкт (1828), экстраординарный (1830), ординарный академик (1834).

[14] СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2–1829. Д. 114.

[15] *Pfrepper Regine*. Op. cit. S.43.

[16] Формулярный список о службе — СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 76.

[17] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2–1838. Д. 22. Л. 12, 12 об.

[18] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2–1844. Д. 4. Л. 13.

[19] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 113. Л. 31, 31 об.

[20] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2–1850. Д. 24. Л. 5, 5 об.

[21] РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 872. Л. 1, 11.

[22] Документы по истории изобретения фотографии. М.; Л.: Наука, 1948. С. 484–486 (на нем. яз), 486–487 (рус. перевод).

[23] Броссе Мари-Фелисите (Марий Иванович) (1802–1880), востоковед-кавказовед, адъюнкт по словесности и древностям азиатских народов (1836),

экстраординарный (1838), ординарный академик (1847); сотрудник Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, инспектор частных школ и пансионов (1842–1843); член восточного отдела Русского археологического общества (с 1851 г.), управляющий отделом (1859–1867), хранитель монет и медалей Императорского Эрмитажа (1851–1879). Совершил путешествие по Кавказу с целью подтверждения фактов грузинских летописей археологическими данными (1847–1848).

[24] Бараташвили Николоз Мелитонович (1817–1845), грузинский поэт-романтик, автор поэмы «Судьба Грузии» (1839), стихотворений «Мерани», «Могила царя Ираклия» (1842).

[25] Протокол заседания Историко-филологического отделения ИАН № 1, § 5 от 13 января 1843 г.; «Господин Фрицше отправил в Тифлис три печатных брошюры на грузинском и армянском языках и объявил в своем докладе, что он не смог приобрести рукописи, как ему поручил господин Броссе, но молодой грузинский поэт князь Баратов, с которым он познакомился, предложил составить для Академии список самых важных рукописей, а затем скопировать эти рукописи, в том числе те, которые Академия, возможно, пожелает приобрести. Господин Броссе попросил Отделение принять это предложение и попросить господина Фрицше напомнить князю Баратову об его обещании» (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 163 об., 164).

[26] *Натрошвили Г.К.* Слово о Бараташвили. Тбилиси: Ганатлеба, 1968. С. 26.

[27] СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2–1859. Д. 41. Л. 5, 5 об.

[28] *Веселовский К.С.* Отголоски старой памяти. Воспоминания и записки непременного секретаря Императорской Академии наук / Сост. Е.Ю. Басаргина. СПб.: Реноме, 2018. С. 180–181.

[29] Френ Христиан Мартин (Христиан Данилович) (1782–1851), востоковед-арабист, тюрколог, нумизмат, академик Петербургской академии наук (с 1817); родился, учился и трудился в Ростоке. В 1808 г. его, как видного специалиста, пригласили в недавно открывшийся Казанский университет. Через 10 лет он захотел вернуться на родину, путь лежал через Петербург, здесь его соблазнили академическими востоковедными богатствами, он остался и возглавил Азиатский музей (до 1842 г.).

[30] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1859. Д. 16. Л. 3, 4.

[31] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1859. Д. 16. Л. 29–54 об.

[32] Формулярный список о службе — СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 76.

[33] *Pfrepper Regine.* Op. cit. S. 53–54.

[34] *Pfrepper Regine.* Op. cit. S. 59.

[35] *Pfrepper Regine.* Op. cit. S. 60.

[36] *Pfrepper Regine.* Op. cit. S. 23.

[37] *Pfrepper Regine.* Op. cit. S. 74.

[38] СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 624. Л. 173, 174. Копия.

[39] *Pfrepper Regine.* Op. cit. S. 23

[40] СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 624. Л. 173.

В.А. Уланов

А. ШТЕЙНГАУЗ И ЕГО «КУПЕЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА»

В статье представлены некоторые данные из жизни А. Штейнгауза. Кратко описывается эволюция понятия купеческая (коммерческая) арифметика и истоки купеческой арифметики в исторической ретроспективе. Достаточно подробно рассмотрено сочинение А. Штейнгауза «Купеческая арифметика». Приводится ряд отзывов современников об этой книге. Автор статьи впервые обсуждает главу книги о сложных процентах (интересы на интересы), отмечая определенную полноту сведений о них. В статье упоминается и задача Клаусберга в теории простых процентов, на которую редко обращают внимание. Приводится несколько малоизвестных фактов, связанных с написанием руководства Штейнгауза.

Ключевые слова: купеческая арифметика, коммерческая арифметика, коммерческое образование, интерес, процент, простые проценты, сложные проценты.

V.A. Ulanov

A. SHTEINGAUZ AND ITS “MERCHANT ARITHMETIC”

The article presents some data from the life of A. Shteingaus. The evolution of the concept of merchant (commercial) arithmetic and the origins of merchant arithmetic in historical retrospect are briefly described. The book by Shteingaus “Merchant arithmetic” was considered in sufficient detail. A number of reviews by contemporaries about this book are given. The author of the article for the first time discusses the chapter of the book on compound interest (interests on interests), noting a certain completeness of information about them. The article also mentions the problem of Clausberg in the theory of simple interest, which is rarely paid attention to. There are several obscure facts related to the writing of the Shteingaus manual.

Keywords: merchant arithmetic, commercial arithmetic, business education, interest, percent, simple interest, compound interest.

Нетрудно найти те или иные юбилейные даты для каждого человека. Они дают нам повод и возможность оценить его жизнь и деятельность. В 2019 г. исполняется 125 лет со дня смерти Александра Александровича Штейнгауза. Не очень долго он преподавал в России, оставив о себе благодарную память учеников. К сожалению, неизвестно, посещал ли он Санкт-Петербург, особенно учитывая возможности путешествия из Москвы в то время. Но его вклад в становление коммерческого образования в России существен. А как сказала с мягкой иронией Татьяна Алексеевна Шрадер, не важно, ходил ли он по Петербургу, но очевидно, что дух его витал в нашем городе, где, кстати, многие немцы, как будет показано дальше, преподавали в коммерческих училищах и издавали свои сочинения. Этим она чрезвычайно поддержала автора в написании следующих строк. Кроме того, хочется в какой-то степени защитить Штейнгауза от необоснованных нападок и снисходительного отношения некоторых авторов XX и XXI вв.

По существу, впервые имя Штейнгауза в российской финансовой литературе XX в. было упомянуто в монографии по финансовым вычислениям в 1999 г.[1] Как нередко это бывает, к сожалению, у нас очень мало сведений относительно биографии А. Штейнгауза. Мы не имеем возможности увидеть его портрет. Неясно и то, почему его называют по отчеству Александровичем, неизвестно написание латинскими буквами его фамилии[2]. Известно, что родился он (по косвенным данным) в 1810 г. в Лейпциге[3]. Предположительно, он работал в достаточной крупной фирме, отсюда его великолепное знание задач делопроизводства и учета, и вообще, «как заметно из книги г. Штейнгауза, он сам человек, знакомый с конторным делом»[4]. Позже, с 1842 г., преподавал в России, в Петропавловском коммерческом училище в Москве[5]. Штейнгауз проводил занятия на немецком языке по разным предметам: технической механике, бухгалтерии, купеческой арифметике с конторскими знаниями, географии с сообщением сведений, входящих в состав коммерческой географии. Кстати, как писал Н.А. Найденов, Штейнгауз, кроме английского, знал еще несколько языков, в частности итальянский, испанский[6].

Через полвека Найденов писал о Штейнгаузе, что он был хорошим преподавателем, «вел преподавание в духе, свойственном потребностям торговой практики; он требовал от учеников строгой аккуратности в ведении письменной части, приучая к порядкам, которые существовали в заграничных торговых учреждениях <...> знакомил

учеников со всеми торговыми приемами, ведением торговой корреспонденции, общими положениями из торгового законодательства»[7]. Видимо, Штейнгауз старался максимально знакомить своих учеников со всеми вопросами торгового дела в том объеме, в котором только было возможно это осуществить в Петропавловском училище.

Но в середине 1850-х годов Штейнгауз уехал из России в Лейпциг, где поступил на работу в должности директора коммерческого училища и стал доктором наук. Затем он занимал такую же должность в коммерческом училище в Бреславле. Позже, в 1888 г., даже в газетах сообщалось о праздновании 25-летия его директорства, что, очевидно, являлось признанием плодотворной деятельности на этом посту[8]. Вот, в общем-то, и всё. Известна точная дата смерти А. Штейнгауза — 4 марта 1894 г. Однако отдельные даты биографии человека не так важны, как то, что он сделал. В России для коммерческого образования Штейнгаузом было сделано, как показывает история, немало.

Вначале необходимо сказать несколько слов о терминологии, поскольку предмет сочинения Штейнгауза в разное время носил различные названия. Понятно, что коммерческие расчеты всегда сопровождали и обусловливали торговые операции. Такого рода расчеты составили основу коммерческой арифметики, некоторые элементы которой встречаются даже в древнейших египетских манускриптах. С течением времени материал, доставляемый практикой, систематизируется, разрабатываются и выделяются целесообразные методы, используемые в коммерческих расчетах.

Происходит эволюция названия области науки (и соответствующей дисциплины), представляющей и обосновывающей коммерческие расчеты. Вплоть до 50-х годов XIX в. на русском языке использовалось в основном название «купеческая арифметика», реже — «торговая арифметика». Начиная с 1850-х годов в обиход начинает входить название «коммерческая арифметика», существовавшее параллельно с термином «купеческая арифметика»[9]. К концу XIX в. в России прочно утверждается название «коммерческая арифметика» или «коммерческие вычисления»[10].

Конечно, необходимо упомянуть и предшественников А. Штейнгауза на поприще коммерческой арифметики, которым, впрочем, не удалось создать полноценного курса (заметим, что многие из них работали и издавали свои сочинения в Санкт-Петербурге). Авторы в своих трудах излагали либо начальные сведения, либо отдельные темы, касающиеся коммерческой арифметики. Это В.С. Кряжев

(1771–1832)[11], И. Детенгоф (1781–1831)[12], К. Кларк[13], И. Ванье (1805–1857)[14], И. Петерс[15]. Купец И.С. Вавилов (?–1856) намеревался (более того, написал об этом в одной из своих книг в 1846 г.) опубликовать книгу по купеческой арифметике, но ему не удалось выполнить свое обещание. Всем известные рукописные труды по купеческой арифметике профессора Московского университета А.П. Рогова (1742–1811) так и не были изданы, поскольку погибли в пожаре 1812 г. в Москве[16].

В первой половине XIX в. в России ощущалась необходимость в появлении сочинений по коммерческой арифметике (заметим, что и не только в ней). Историк и литературовед В.В. Кожинов (1930–2001) утверждал: «В течение 1820–1850-х годов в России совершается стремительное и поистине колоссальное развитие <...> зрелой философии, литературы, науки, публицистики и т.п.»[17] Однако В.П. Бурнашев (1809/12?–1888) писал, что «на русском языке нет ни одного сочинения, которое служило бы руководством к изучению торговли от первых шагов ученика в этой важной отрасли промышленности до зрелой деятельности купца-хозяина»[18]. В своей книге в разделе «Бухгалтерия, или книговедение в купеческих делах» Бурнашев пишет, что необходимо знать купеческую арифметику и перечисляет, по его словам, «правила исчислений», которые необходимо изучить: тройное правило, правило пропорций, исчисление процентов и проценты на проценты, правило товарищества, курсовые и вексельные вычисления, метрология и т.д.[19] Фактически он перечисляет разделы, составляющие купеческую арифметику[20]. Интересно, что Бурнашев пишет о важности знания иностранных языков, так как многие полезные книги написаны не на русском языке[21].

Рассмотрим подробнее сочинение Штейнгауза по купеческой арифметике. Для того чтобы оценить широту круга рассматриваемых вопросов и представить, что автор понимал под термином «купеческая арифметика», перечислим кратко темы, составляющие содержание книги. Почти на 91 странице (при общем объеме книги 212 страниц) излагаются действия над простыми и именованными числами и дробями (обыкновенными и десятичными), тройное правило (простое и сложное). Далее начинается собственно купеческая арифметика[22]. Автор последовательно рассматривает темы: правило смешения, цепное правило, правило товарищества, исчисление процентов (со «100», на «100», во «100», расчеты прибыли и убытка), исчисление интересов (простых и интересов на интересы), исчисление дисконта, особенные случаи при исчислении интересов и нахождение среднего срока,

вексельное исчисление (прямое, непрямое и арбитражное), товарное исчисление. И в качестве краткого «прибавления» — обозрение главнейших монет, мер и весов.

Видим, что много места в книге посвящено обычной арифметике. В общем это соответствует и логике изложения. Представляется, что Штейнгауз стремился сделать свой учебник довольно полным по материалу. Несмотря на то что в то время в России было достаточно учебников по арифметике, эта часть книги выделялась по богатству и хорошему выбору задач, которые могли быть использованы при изучении обычной арифметики.

Изучение разделов, непосредственно касающихся купеческой арифметики, позволяет сделать вывод, что достаточно подробно излагаются ситуации, связанные напрямую с торговым делом. Полно и подробно представлены исчисления процента, дисконта и вексельное исчисление. Вычисления, которые не имеют собственно торгово-практического значения (например, расчеты пробы монет, их вещественной и нарицательной ценности и т.д.), в сочинении Штейнгауза опущены. В будущем во многих книгах по коммерческой арифметике появится целый раздел под названием «монетные вычисления». Совсем немного уделено внимания вычислениям интересов на интересы (то, что мы называем сейчас сложными процентами). Автор говорит, что такого рода вычисления редко употребляются в торговых делах. Поэтому он только показывает, во что обратится капитал через год, два, три и т.д., но не дает общего правила нахождения «возросшего капитала» (в современной терминологии — наращенной суммы). Впрочем, о других приведенных им примерах с решениями скажем подробнее в дальнейшем. Поскольку метрологическая часть книги Штейнгауза также кратка, то в качестве дополнения к его «Купеческой арифметике» рекомендовалась известная тогда «общая метрология» Ф.И. Петрушевского (1785–1848)[23]. Все это мы говорим не для того, чтобы выявить недостатки работы А. Штейнгауза, а чтобы несколько отметить ее отличие как, по существу, первого издания по коммерческой арифметике от книг будущих авторов.

Появление книги Штейнгауза не осталось незамеченным в российском обществе. Ведь как писали, например, в журнале «Сын Отечества», эта работа заслуживала во многих отношениях внимания и одобрения, поскольку она «у нас единственное и для первоначального употребления весьма хорошее руководство к изучению торговой арифметики», желающие ознакомиться с основами торговых расчетов

найдут в книге «указания верные, отчетливые, примененные к значительному числу случаев и, за немногими исключениями, изложенные ясно, просто и для каждого понятно»[24].

К сожалению, Штейнгауз не указал источники, которыми он пользовался при написании книги[25]. Однако его современники полагали, что за образец был взят изданный в 1842 г. очень популярный в Германии учебник Феллера и Одерманна «Полный курс купеческой арифметики», который был составлен для коммерческого училища в Лейпциге[26]. Об этом свидетельствовали и метод изложения, и порядок расположения статей, и ряд приведенных примеров. Сама же книга Феллера и Одерманна спустя три четверти века после опубликования (а в 1928 г. было осуществлено 23-е издание сочинения)[27] не затерялась среди учебной литературы по коммерческой арифметике[28]. Их сочинение, ставшее классическим, оказало большое влияние на многих авторов последующих учебников[29].

Хотя значительная часть «Купеческой арифметики» Штейнгауза была посвящена обычной арифметике, все-таки предварительное и неплохое знакомство с ней содержание книги предполагало. Автор не приводит подробных доказательств различных предложений и правил, он просто указывает, как нужно поступать в конкретном случае, не объясняя, почему нужно делать так, а не иначе. Чтобы убедиться в законности используемого метода, оценить его значение и эффективность применения, безусловно, необходимо знание обычной арифметики, владение ее приемами и доказательствами. Однако к каждому правилу в книге прилагается большое количество хорошо подобранных задач, и под руководством преподавателя изучение «Купеческой арифметики» могло быть весьма успешным. Таким образом, сочинение Штейнгауза вполне соответствовало качеству учебной книги для коммерческих и реальных училищ, что отвечало одной из целей автора. Тем не менее книга не являлась своего рода самоучителем (судя по всему, автор и не пытался сделать это) и как руководство для купцов, видимо, была не очень полезна. В России середины XIX столетия было не так много купцов, хорошо знающих обычную арифметику, то есть знакомых не только с первыми четырьмя действиями над числами, но и с теорией отношений и пропорций и т.п. Так же вряд ли большинство представителей купеческого сословия хорошо владело разнообразными методами решения арифметических задач.

Безусловно, интересно подробно разобрать примеры, приведенные Штейнгаузом, причем касающиеся не только области купеческой

арифметики; понять, чем занимались люди в коммерческой деятельности («торгующее сословие»), и что было актуально в то время. Выяснить, что означают те или иные понятия и операции: правила смешения и товарищества, «исчисление пари» и «арбитражное исчисление» и т.д. Многие из понятий стали историческими, а некоторые (например, арбитраж) в настоящее время имеют иной смысл. Незначительные недостатки работы подробно обсуждаются в периодике 1850 г. Там же мы находим и оценку «Купеческой арифметики». Приведем некоторые суждения. «Внутренним своим содержанием “Купеческая арифметика” г. Штейнгауза — книга безукоризненная и дельная <...> должна обратить на себя особенное внимание»[30]. «Вообще можно похвалить автора за то, что он не написал книги в роде самоучителей, к которым публика давно потеряла доверие, а прекрасно и практически верно понял значение руководства. “Купеческая арифметика” г. Штейнгауза довольно полна»[31]. «Мы считаем долгом изъявить г. Штейнгаузу благодарность за его труд, который хотя и не может служить руководством для купцов и вообще не вполне удовлетворяет всем требованиям; но как учебная книга для училищ, мы уверены, не останется без пользы»[32].

Критики того времени отмечали, что «все статьи купеческой арифметики изложены не более, как только в виде элементарном, для первоначального школьного обучения»[33]. Однако необходимо отдать должное автору. Видимо, он преследовал такую же цель, как и его коллега И. Ванье, который при написании своей книги «не имел в виду сочинения ученого, а желая только составить книжку, полезную для коммерции. Вот почему он уклоняется от строгого языка арифметических доказательств и предпочитает ему простой способ изложения, понятный для всех читателей известного класса»[34].

Обратим внимание, что отклики на обсуждаемое сочинение содержат не просто перечисление глав и краткое изложение их содержания, но и критический разбор материала, причем нередко достаточно дотошный. Видимо, авторы отзывов (даже и безымянные) неплохо разбирались в вопросах коммерческой арифметики. Указывая на недостатки сочинения, современники все же отмечали его уникальную значимость. «Не забудем к тому же, что это в нашей литературе первый опыт учебного курса коммерческой арифметики, имеющий достоинство, и что уже по этому обстоятельству книга г. Штейнгауза должна обратить на себя внимание»[35]. Первый шаг всегда невероятно трудно сделать в любое время и при любых обстоятельствах.

С некоторыми замечаниями хочется поспорить. Так читаем, что можно «изъявить сожаление, что г. Штейнгауз не изложил подробно вычисление интересов на интересы (процентов на проценты), ибо он описывает только один последовательный способ исчисления <...> не дает общего правила для вычисления капитала через несколько лет»[36]. В современной терминологии речь идет о сложных процентах. Во-первых, Штейнгауз объясняет небольшое количество сведений по этой тематике следующим образом: поскольку «во многих государствах запрещено законами считать интересы от интересов, то подобные исчисления случаются в торговых делах очень редко, а даже иногда и совсем не бывают; часто же встречаются они при сберегательных кассах, в страховых домах и вообще в государственных экономических исчислениях»[37]. Во-вторых, он изложил по существу большее количество сведений. Приведем условия решенных примеров так, как они представлены в книге, и кратко обсудим их.

Так, при решении примера «Как велик будет капитал в 1200 руб. по 5 % чрез 4 года?» на с. 144 фактически выводится формула наращения сложными процентами при ежегодном начислении. В решении примера «Как велик возрастет капитал в 2000 руб. чрез $2\frac{3}{4}$ в год, когда интересы интересов считаются по 4 % в год при полугодичном причислении их?» на с. 144–145 используется формула начисления сложных процентов за дробное число лет и одновременно смешанная схема начисления. При решении примера «Как велик был начальный капитал, если он через 6 лет получен с интересами по 5 %, считая интересы на интересы, суммою в 1340 руб. 10 коп.?» на с. 145–146 применяется формула математического дисконтирования (правда, последовательно по простому тройному правилу).

Таким образом, правда без формул и обоснования, как и вообще делается в книге, на трех страницах излагается достаточно много сведений по теории сложных процентов, которые, конечно, можно усвоить только при помощи преподавателя. Надо отметить, что все эти сведения (и немалое количество других) с обилием формул и их выводом можно найти в книге Г.К. Бруна, опубликованной в 1845 г. Однако в этом сочинении нет теории простых процентов[38].

Может быть, при использовании простых процентов, в частности в главе XIII «Особенные случаи при вычислении интересов, и нахождение среднего срока», имело смысл обратить внимание читателя на ту ситуацию, что выбор момента приведения в условиях простых процентов влияет на результат. Тем более можно было привести пример

из старинного (даже для того времени) сочинения по арифметике, автором которого являлся немецкий математик Христлиб Клаусберг (Christlieb von Clausberg) (1689–1751)[39]. В России этот пример был известен (правда, не очень широко) как «задача Клаусберга». Использование сложных процентов, очевидно, не приводит к противоречиям. Однако, как правило, в современных работах по финансовым и коммерческим вычислениям (финансовой математике) не обращают внимания читателя на ситуацию, связанную с простыми процентами. В последнее время положение стало несколько меняться[40].

Вызывает изумление и следующий факт, не отмеченный современниками Штейнгауза. Ко всем задачам для самостоятельного решения в сочинении даны ответы. При этом с большой точностью, например, если ответ в рублях, то с точностью до одной сотой копейки! И это в то время, когда под рукой не было не только разнообразных счетных устройств, но и даже достаточного количества таблиц[41]. А задачи без ответа — просто некий набор текста, который можно осуществить в любом количестве, ведь тебя никто не проверит. К сожалению, в наше время так авторы поступают сплошь и рядом, иногда лукаво приводя указания к решению каких-то задач. А как же быть учащемуся? Как ему узнать правильность своего решения, если рядом нет преподавателя? Автор настоящей статьи проверял несколько задач с точностью до шести знаков после запятой (сейчас это сделать легко даже с помощью мобильного телефона) и, округляя, получал такой же ответ, как у Штейнгауза.

Отметим еще и такой любопытный курьезный момент. Во введении А. Штейнгауз утверждает, что «из всех познаний, которые купец может требовать от юноши, посвящающего себя его званию <...> первое место занимают основательные сведения в арифметике (что бесспорно. — *В.У.*) и хороший (! — *В.У.*) почерк». Более того, Штейнгауз утверждает: «...из опыта известно, что те, которые хорошо писали, были большею частью и лучшие счетчики», и поэтому «должно стараться с умением считать — соединять искусство писать цифры чисто и ясно»[42]. Жаль, что такая довольно странная зависимость между арифметикой и хорошим почерком не была подробно объяснена. Однако на необходимость для делового человека иметь хороший почерк указывали в своих работах И. Детенгоф, В.П. Бурнашев.

Изложим некоторые малоизвестные и, представляется, интересные факты, связанные с написанием руководства А. Штейнгауза. Наш знаменитый соотечественник Н.А. Найденов имел непосредственное отношение к выходу в свет сочинения. По окончании училища пят-

надцатилетний Найденов (практически мальчик!) перевел с немецкого языка на русский «Купеческую арифметику», которую написал А. Штейнгауз. Интересно, что переводы рукописных материалов осуществлялись в качестве платы за обучение у Штейнгауза английскому языку. Вместо того, чтобы платить за часовой урок 2 руб. 50 коп. асс., Найденов за эти деньги переводил с написанного листа купеческую арифметику. Кстати, его имя как переводчика не было указано на титульном листе книги.

Найденов был высокого мнения о «Купеческой арифметике» Штейнгауза. Будучи уже пожилым человеком, достигнув высокого положения в различных сферах, он писал в 1903 г. об этой книге, что «она может быть признана и сейчас образцовой»[43]. Найденов сохранил доброе отношение к Штейнгаузу, вспоминая, что он был хорошим наставником, «вел преподавание в духе, свойственном потребностям торговой практики; он требовал от учеников строгой аккуратности в ведении письменной части, приучая к порядкам, которые существовали в заграничных торговых учреждениях <...> знакомил учеников со всеми торговыми приемами, ведением торговой корреспонденции, общими положениями из торгового законодательства»[44].

К сожалению, в 20-х годах XX в. некто И.А. Лебедев написал явную неправду: «С почтением относясь к Штейнгаузу, переводчик впоследствии не упоминает никогда о пользе этого учебника»[45]. Найденов не смог ответить на эту ложь — уже как 10 лет его не было в живых. Штейнгауз пишет во введении (заметим, очень кратком): «Наконец, навык свободно считать в уме есть также важное пособие при письменных вычислениях. Прилежание и упражнение много способствуют и здесь к преодолению первых трудностей, а сбережение времени и материалов, необходимых для письма, то же, что капитал, приносящий хорошие интересы»[46]. Лебедев, конечно, не может сдержать иронию: «Мысль изложена правильно, по-русски (а как еще надо было излагать, по-немецки?! — *В.У.*), но едва ли сбережения «материалов» в торговой книге, то есть при писании, — чернил, бумаги и т.д. — можно приравнять к капиталу, приносящему хорошие проценты»[47]. Надо же понимать, кому адресована «Купеческая арифметика». Нетрудно представить, какие были бы у Лебедева язвительные замечания о сочинении В.С. Кряжева, в котором он иногда отвлекается от арифметики и приводит суждения назидательного характера, очевидно, рассчитанные на воспитанников. Например: «При немногом размышлении можно избежать много труда <...> Вообще во всяком деле человече-

ском размышление и суждение доставляет великие пользы <...> Один рубль, трудом и прилежанием приобретенный, доставляет гораздо более истинного удовольствия, нежели многие сотни, полученные таким образом, что и похвалиться стыдно»[48]. Живой язык написания учебников Лебедеву, видимо, неподвластен.

Еще заявление критика: «Как учебник (заметим: первый учебник! — *В.У.*), книга тяжела и не имела распространения в реальных училищах (интересно, откуда такие сведения? — *В.У.*) <...> а для "купцов", то есть для торгового сословия, она была неприемлема и недоступна по своему немецкому (замечательно! — *В.У.*) характеру»[49]. Но как же мнения Н.А. Найденова, А. Скачкова и других современников, действительно разбирающихся в коммерческой арифметике? К 1915 г. уже было написано большое количество учебников и задачников по этому материалу незаурядными авторами. Так ведь сочинение Штейнгауза было опубликовано более 60 лет назад! Правда, Лебедев все же обнаружил что-то положительное в книге: «опечаток очень мало»[50]. Но тут же подчеркивает, что это заслуга переводчика. Вот так, как говорится, легким движением руки, на двух (!) страницах без разговоров по существу содержания уничтожается уникальный труд. И в XXI в. появилась, к сожалению, снисходительно-ироничная статья о «Купеческой арифметике» Штейнгауза историка Н.Ю. Забелиной, видимо слабо знающей коммерческую арифметику, но с претензионным названием своей статьи «Уроки коммерческой арифметики: что и зачем считали 150 лет назад». Но об этом надо писать отдельную работу.

В заключение укажем на любопытный факт. Две первые фундаментальные работы в России по коммерческой арифметике (А. Штейнгауз) и по политической арифметике (Г.К. Брун) были написаны немцами. Как это объяснить, не представляется возможным. Видимо, научные связи, начиная с Петра I, в течение столетий не прерывались. Возможно и такое объяснение. Из 111 членов Академии наук в XVIII в. 67 были немцами (60 %). Начиная с XVIII в. многие предметы в российской школе изучались по немецким учебникам. А ведь тогда закладывались основы системы образования.

* * *

[1] *Ковалев В.В., Уланов В.А.* Курс финансовых вычислений. М.: Финансы и статистика, 1999. С. 248. Воспоминания Н.А. Найденова (1834–1905), опубликованные в 1903 г., специалисты по финансовой математике, особенно советского периода, как показало время, обошли своим вниманием.

[2] Видимо, это выглядит таким образом: либо Alexander Shteingauz, либо Alexander Steinhaus, либо Schteinhaus. Автор статьи уже сталкивался с тем фактом, что, например, фамилию Г.К. Бруна (1806–1854), работавшего плодотворно и в области финансовой математики, и в области так называемой чистой математики, часто писали как Brun, хотя он подписывал свои труды, многие из которых опубликованы в журналах Академии наук на немецком языке, как Bruun.

[3] Год рождения Штейнгауза можно установить из воспоминаний Н.А. Найденова, в которых он пишет, что от Штейнгауза получил, видимо, в 1888 г. «письмо с его портретом, внешний вид его мало переменился (он и в прежнее время носил парик), но почерк его, вместо бойкого коммерческого, стал старческий, дрожащий; ему было, как из письма видно, 78 лет» (см.: *Найденов Н.А.* Воспоминания о Московском Петропавловском евангелическо-лютеранском мужском училище из сороковых годов прошлого столетия. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1903. С. 20). Любопытно, что на титульном листе воспоминаний указано: «напечатаны в количестве 98 экземпляров» — весьма редкая отметка на книгах тех лет.

[4] *Скачков А.* Купеческая арифметика // Сын Отечества. 1850. Кн. 11, т. 6. Отд. 6. С. 9.

[5] Было известно о высоком качестве преподавания и обширной программе школы, поэтому многие русские родители стремились обучать там своих детей (мальчики и девочки учились отдельно), поскольку знали, что ее выпускники получат основательные знания и свободное владение немецким языком, необходимым в то время для успешной предпринимательской деятельности. В результате среди учащихся Петропавловской школы стали преобладать русские (в 1840 г. из 104 учеников было только 38 немцев, то есть чуть больше 36 %). Любопытно, что содержание преподавания и состав предметов Министерством народного просвещения практически не регламентировались. То есть практически все зависело от конкретного преподавателя.

[6] *Найденов Н.А.* Указ. соч. С. 19. Отметим, что Найденов свободно владел пятью языками. По словам Найденова, изучение им итальянского и испанского языков стимулировало знание этих языков Штейнгаузом.

[7] Там же. С. 17.

[8] Заметим, что это достаточно знаменательный и удивительный факт. В России из педагогов в области финансовых и коммерческих вычислений известен лишь А.Н. Глаголев (1853–1906), 25 лет общественной и педагогической деятельности которого действительно широко отмечалось в 1902 г. Среди многочисленных телеграмм и адресов было даже письмо министра финансов С.Ю. Витте (1849–1915). В частности, в одном коммерческом училище в Москве был создан физический кабинет имени Глаголева. В наше время, увы, вряд ли такое чествование преподавателя возможно.

[9] Термин «коммерческая арифметика» был еще настолько необщепринятым, что даже в одной статье (критической!) автор мог употребить (одновременно!) выражения и «торговая арифметика», и «купеческая арифметика».

См.: *Скачков А.* Указ. соч. С. 1–4. Тот же автор утверждал: «В состав коммерческой арифметики входят только те расчетные случаи, которые исключительно свойственны торговому делу» (Там же. С. 2).

[10] В них, как правило, в конце XIX в. выделялись три отдела: *элементарные коммерческие вычисления* (сокращенные приемы вычислений, метрология как раздел арифметики, посвященный соотношению и пересчетам мер, принятых в различных государствах, вычисление процентов и интересов и др.); *товарные вычисления* (калькуляционные расчеты, вычисление сметных и продажных цен, расчет доходности, паритеты, арбитражи, то есть методы вычислений, позволяющие «определить наивыгоднейший способ совершения той или иной операции»); *банковые вычисления* (учет векселей, ссудные операции, покупка и продажа ценных бумаг, операции с девизами и др.). Однако здесь следует отметить, что некоторые специалисты начала XX в. считали, что коммерческая арифметика (коммерческие вычисления) является лишь приложением простой арифметики (кстати, в то время зарубежные издания по коммерческой арифметике нередко носили название «практическая арифметика»).

[11] *Кряжев В.* Купеческая арифметика для банкиров, купцов, заводчиков, фабрикантов и воспитанников их, изданная для употребления в Московском коммерческом училище. Первый курс в двух частях. М.: Типография Н.С. Всеволожского, 1811. 611 с. Этот курс был, как, видимо, предполагал автор, вводным в заявленную тематику. Второй курс, в котором автор намеревался изложить бóльшую часть разделов купеческой (коммерческой) арифметики, так и не был издан. Любопытно (конечно, это случайное совпадение), что в своей книге, в первой части на с. 122, Кряжев приводит задачу (не коммерческого плана) о Петербургском училище, в котором работал Детенгоф: «Демидовское, ныне в С.-Петербурге находящееся Коммерческое училище основано в Москве 6 декабря 1772 г. Давно ли оно существует?».

[12] *Детенгоф И.* Общий состав торговли, или Теоретико-практическое руководство к познанию торговых наук. СПб.: Типография III Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1833. 359 с. Детенгоф (Johann William Detengoff) преподавал 14 лет в Санкт-Петербургском коммерческом училище. Примечательно, что его «Общий состав торговли...» был переведен с немецкого Б.Ю. Корфом через два года после кончины автора, что, безусловно, говорит о качестве сочинения. При написании работы Детенгоф испытывал «многие затруднения», поскольку «поныне мы не имеем удовлетворительной ручной и учебной книги для преподавания науки о торговле» (Там же. С. VI). Автор ставил себе целью «расположить ясно и без лишних подробностей основания науки о торговле» (Там же. С. VI). В книге можно найти некоторые коммерческие расчеты; есть, например, статьи о вычислении цены золота и серебра, вексельного пари, аварии. Кстати, редкий для того времени случай, когда автор в предисловии указывает источники, которые использовал при написании своего сочинения.

[13] *Кларк К.* Биржевые расчеты для сравнения С.-Петербургских цен с английскими на привозные товары по всякому вексельному курсу. СПб.: Типогра-

фия Императорской Академии наук, 1840. 179 с. Это сочинение было среди пяти книг «по части коммерческих наук», которые отмечались как «более и менее (замечательно! — *В.У.*) могут быть полезны для купеческого класса» (см.: Журнал Министерства народного просвещения. 1841. Ч. XXXII, отд. VI. С. 260–261).

[14] *Ванье И.* Уроки коммерческой арифметики, или простые способы вычисления процентов и барышей для знающих четыре правила арифметики: пер. с фр. Одесса: Типография Т. Неймана и К°, 1848. 33 с. Это небольшая брошюра, которая по объему материала и уровню его подачи, безусловно, не могла претендовать на полноценный курс коммерческой арифметики. Кстати, в то время существовало «правило Ванье» — принцип, выдвинутый в 1840 г. Ипполитом Ванье, предложившим вести бухгалтерский учет от имени фирмы, а не собственника, поскольку собственник отвечает по долгам фирмы только в пределах своего вклада.

[15] *Петерс И.* О вексельных оборотах. СПб.: Типография Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1849. 63 с. Современники полагали, что по существу это сочинение было переводом (причем с большими пропусками из оригинального текста) одной из книг Ж. Гарнье, французского ученого XIX в. в области политической экономии.

[16] Об изданных ранее работах, имеющих отношение к купеческой арифметике, см.: *Ковалев В.В., Уланов В.А.* Курс финансовых вычислений. 4-е изд. М.: Проспект, 2017. Гл. «Финансовые и коммерческие вычисления в исторической ретроспективе». С. 421–480.

[17] *Кожинов В.В.* История Руси и русского Слова. (Опыт беспристрастного исследования). М.: Алгоритм, 1999. С. 303. Интересно мнение Кожинова, что в обсуждаемое время «люди обретают возможность выразить, запечатлеть в слове свой духовный мир во всей его полноте и глубине» (Там же. С. 303). Пусть это впрямую не относится к коммерческой арифметике, но факт сам по себе примечательный.

[18] *Бурнашев В.П.* Руководство для молодых людей, назначающих себя к торговым делам. СПб.: Типография К.И. Жернакова, 1847. С. I. Автору при написании книги пришлось преодолеть «бесчисленные трудности», поскольку «надлежало объяснить предмет с разных сторон, никем еще не указанных на русском языке», и он надеется, что «оценят скромный труд наш (объемом в 306 с. — *В.У.*) друзья истины и ревнители просвещения» (Там же. С. VIII).

[19] Например, тройное правило — арифметический прием, позволяющий решать разнообразные задачи, касающиеся пропорциональных величин. В немецких средневековых учебниках оно представлялось как «ключ купцов». Простое тройное правило записывается в виде схемы, с помощью которой по трем известным величинам находят четвертую неизвестную. В немецком руководстве по арифметике И. Бёшенштейна 1514 г. (*Böshensteyn J.* Ain New geordnet Rechen blechin mit den zyffern... Augsburg) тройное правило называлось магистерским или золотым (*regula magistralis* или *regula aurea*), с помощью которого совершаются все торговые расчеты всех ремесленников и купцов.

[20] По мнению Бурнашева, глубокие знания в математике необязательны, но необходимо твердо знать арифметику во всех ее применениях к купеческим делам.

[21] В частности, он считает, что наиболее полезен для русского купца немецкий язык, поскольку в России чаще общаются с немцами, да и торговые отношения с Германией ближе, чем с другими государствами.

[22] Здесь необходимо уточнить. В то время по-разному толковали содержание коммерческой арифметики (впрочем, как и сейчас содержание финансовой математики). Поэтому некоторые авторы, обсуждая работу Штейнгауза, считали, что по существу изложение коммерческой арифметики начинается со страницы 85, другие — со страницы 114.

[23] *Петрушевский Ф.И.* Общая метрология. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1849. Ч. 1, 2. 819 с. Работа была удостоена Демидовской премии Императорской Академии наук. Книга, изданная в 1849 г. после кончины автора, представляет собой первый полный для своего времени сборник мер на русском языке. Это собрание сведений о мере, весе и монетах, находящихся или бывших в употреблении у различных народов. При этом обсуждается взаимная зависимость единиц мер разного рода и сравниваются различные меры одного рода между собой.

[24] *Скачков А.* Указ. соч. С. 7, 10.

[25] Отсутствие ссылок в книгах тех времен, по-видимому, было характерно для многих сочинений. Однако ряд авторов, как упомянутый ранее И. Детенгоф, Г.К. Брун, в предисловии перечисляли авторов, сочинениями которых пользовались. Критик А. Скачков по этому поводу писал: «Г. Штейнгауз умолчал о своем источнике, и, по нашему мнению, очень напрасно ...» и тут же дает оценку работы: «напрасно тоже и следовал он своему образцу слишком безусловно» (Там же. С. 7).

[26] Интересно, что А. Скачков считал доказательством «достоинства книги г. Штейнгауза» тот факт, что «он принял в образец весьма уважаемый в Германии учебник» (Там же. С. 7). Название книги на немецком языке: *Feller F.E., Odermann C.G.* Das Ganze der kaufmännischen Arithmetik. Liepzig, 1842.

[27] Переиздание книги не было формальным актом. Объем материала от издания к изданию неуклонно рос. Например, 1855 г. (474 с.), 1857 г. (510 с.), а в 1906 г. (18-е издание) книга вообще значительно возросла в количественном (объем страниц) и качественном отношении.

[28] Немецкий экономист А.Б. Пенндорф (Albert Balduin Penndorf, 1873–1941) в своей книге приводит слова современника Штейнгауза, произнесенные и опубликованные в конце 80-х годов XIX столетия: «Несмотря на многочисленные подражания со стороны других сочинителей, несмотря на самые бесцеремонные заимствования некоторыми авторами, эта превосходная книга остается до сих пор непревзойденной и пользуется вполне заслуженным распространением». См.: *Пенндорф А.Б.* Методика коммерческой арифметики / Пер. И.В. Яшунский. СПб.: Физика, 1914. С. 40.

[29] Может быть, и стоит при написании учебников брать за основу хорошо известные и апробированные сочинения и к тому же руководствоваться словами, написанными в начале XX в. известным педагогом, автором неоднократно переиздаваемых книг по коммерческой арифметике Е.В. Сиверс (1875–?): «Тенденция издавать и преподавать по своим книгам так расширяется, что авторы часто даже не стараются поискать между существующими уже книгами наиболее пригодные, между тем <...> на эти поиски не пришлось бы употребить ни много времени, ни труда» (см.: Коммерческое образование. 1906. № 2. С. 142). Фундаментальные работы всегда фундаментальны, а все остальное — их удачный или менее удачный пересказ, что, конечно, не умаляет с педагогической точки зрения усилия авторов.

[30] Северная пчела. 1850. № 54. С. 215.

[31] Отечественные записки. 1850. № 3. Т. 69, отд. 6. С. 11.

[32] *Скачков А.* Указ. соч. С. 11.

[33] Там же. С. 10.

[34] *Ванье И.* Указ. соч. С. 5.

[35] *Скачков А.* Указ. соч. С. 11.

[36] Отечественные записки. 1850. № 3. Т. 69, отд. 6. С. 12.

[37] *Штейнгауз А.* Купеческая арифметика. Руководство для купцов и учебная книга для коммерческих и реальных училищ. М.: Университетская типография, 1850. С. 144.

[38] *Брун Г.* Руководство к политической арифметике. Одесса: Городская типография, 1845. 162 с. Необходимая для понимания теория, используемая Штейнгаузом при решении примеров, касающихся сложных процентов, изложена в книге Бруна на с. 1–24.

[39] Christlieb von Clausberg. Demonstrative Rechenkunst. 3. Aufl. Leipzig, 1732. S. 1301–1303.

[40] *Уланов В.А.* Об определении срока при замене платежей и их консолидации // Финансы и бизнес. 2016. № 4. С. 61–68.

[41] *Уланов В.А.* О первых российских таблицах, используемых в коммерческих расчетах // Личность, образование и общество в России в начале XXI в.: межвуз. сб. науч. тр. СПб.: ЛОИРО, 2001. С. 149–154.

[42] *Штейнгауз А.* Указ. соч. С. 1.

[43] *Найденов Н.А.* Указ. соч. С. 19.

[44] Там же. С. 19. Добавим, что Найденов перевел еще и сочинение по бухгалтерии Штейнгауза. Однако автор эту книгу не смог опубликовать, оказавшись в убытке при распространении «Купеческой арифметики».

[45] *Лебедев И.А.* Николай Александрович Найденов. Очерк жизни и деятельности. Вып. 1. М.: Тип. «Русская печатня» Б.В. Назаревского, 1915. С. 66–67.

[46] *Штейнгауз А.* Указ. соч. С. 1.

[47] *Лебедев И.А.* Указ. соч. С. 67.

[48] *Кряжев В.* Указ. соч. Ч. II. С. 23.

[49] *Лебедев И.А.* Указ. соч. С. 68.

[50] Там же.

Г.А. Фафурин

ПРОФЕССОРСКИЙ ДЕСАНТ ИЗ ГЕРМАНИИ В ПЕТЕРБУРГ

В статье речь идет о приглашении в 1831 г. в Петербург из Германии докторов К.Ф. Лоренца, Г.Р. Штекгардта и К.М. Бессера для преподавания в Главном педагогическом институте следующих дисциплин: всеобщей истории, права, политической экономии и статистики. Доктор Лоренц приобрел много книг для учебной библиотеки института. Кроме того, он составил «Руководство по всеобщей истории» (1841), которое выдержало множество переизданий. При написании статьи были использованы архивные документы.

Ключевые слова: приглашение иностранных преподавателей, немецкие профессора в Петербурге XIX в., Главный педагогический институт, учебная библиотека, Карл Фридрих Лоренц, Конрад Мориц Бессер, Генрих Роберт Штекгардт.

G.A. Fafurin

PROFESSOR'S TRIO FROM GERMANY IN PETERSBURG

The article deals with the invitation in 1831 to St. Petersburg from Germany of doctors Karl Fr. Lorenz, Heinrich R. Stöckhardt, and Konrad M. Besser for teaching in the Main Pedagogical Institute the following disciplines: general history, law, political economy and statistics. Dr. Lorenz made extensive book acquisitions for the institute's educational library. In addition, he compiled the textbook "A Guide to Universal History" (1841), which was published in numerous editions. Archival documents were used in writing the article.

Keywords: invitation of foreign professors, German professors in Petersburg in the 19th century, Main Pedagogical Institute, educational library, Dr. Karl Friedrich Lorenz, Dr. Konrad Moritz Besser, Dr. Heinrich Robert Schtoeckhardt.

В 1828 г. в Санкт-Петербурге был восстановлен и через год вновь открыт Главный педагогический институт. По уставу, утвержденному 30 сентября (12 октября по н.ст.) 1828 г., в нем были определены три курса: предварительный, окончательный и педагогии, из которых первый продолжался два года, второй — три, третий курс длился один год. По мере того как первый курс близился к окончанию, необходимость подбора профессоров для преподавания на втором курсе становилась все более актуальной. Вот как об этом писал в отчете министр народного просвещения князь К.А. Ливен[1]: «...я озаботился приисканием надежных во всех отношениях профессоров, но не нашел по: Всеобщей истории, Римского права и Политической экономии и статистике отлично ученых и надежных преподавателей. Сие заставило меня обратиться в Германию и поручить директору института написать к известному мне давно как по учености своей, так и в особенности по истинно религиозным правилам почтенному суперинтенданту в Альштедте д-ру Кете[2], которому Дерптский университет обязан лучшими профессорами. Ему удалось приискать и согласить для занятия 3-х сказанных кафедр 1) для всеобщей истории доктора Лоренца, экстраординарного проф. истории при Галльском университете; 2) для римского права доктора Штекгардта[3], бывшего прежде преподавателем прав в Лейпцигском университете, а ныне адвокатом Верхнего земского суда в Бауцене; 3) для политической экономии — доктора Бессера[4], частно преподающего философию в Галльском университете»[5].

Около полугода ушло на поиски подходящих кандидатур, уточнение условий и переговоры с соискателями профессорского звания, наконец летом 1831 г. от доктора Кете был получен ответ: «...удалось найти отличных ученостию и образом мыслей соискателей, столь же достойных призвания, сколько и желающих последовать оному»[6].

Переговоры шли по каждой кандидатуре особо, и в Петербурге старались учесть пожелания каждого максимально полно. Например, в конце письма д-р Кете пишет: «Он (речь идет о К.Ф. Лоренце. — *Г.Ф.*) желает только, чтобы ему, хотя он и не женат, назначена была высшая сумма на путевые издержки, дабы он мог исполнить свои обязательства в отечестве и был совершенно обеспечен в путешествии и в первом обзаведении в чужой земле»[7]. Доктор Штекгардт, поскольку был человеком женатым и имел двух малолетних детей, выдвинул условия, чтобы оплатили проезд всей семьи, включая одного слугу, чтобы дочь и сына определили на учебу в пансион и жалованье было 200 талеров, как ранее приглашенным в Дерптский университет

профессорам. Вопрос был рассмотрен императором Николаем I в Царском Селе 5 сентября 1831 г. Относительно приема детей в пансионы было условлено, что этого нельзя обещать, поскольку он часто бывает по жребию. Векселя на суммы должны быть доставлены доктору Кете, который, в свою очередь, передал бы их профессорам Штекгардту, Лоренцу и Бессеру[8].

Согласно архивным документам, им были переведены деньги на проезд и устройство на новом месте, К.Ф. Лоренцу и Г.Р. Штекгардту — по 150 червонцев, К.М. Бессеру — 120, кроме того, первым двум выдано по 200 рейхсталеров для закупки в Германии книг для пополнения институтской учебной библиотеки[9]. Ордера директора института на берлинских банкиров Ангальта и Вагнера на указанные суммы сохранились в архивном деле[10]. Жалованье всем троим положено было выплачивать со дня отправления в путь. Лоренц выехал из Галле 22 октября 1831 г., по-видимому, какое-то время было потрачено в Берлине на приобретение книг у книготорговцев и букинистов, Палангенскую таможню все трое проехали 2 января 1832 г.[11]

Вскоре после приезда в столицу, 18 января 1832 г., они явились на прием к директору института Ф.И. Миддендорфу[12], а затем были представлены министру народного просвещения князю Ливену, после чего появилось распоряжение «О звании ординарных профессоров», в котором профессором римского права назначался доктор Штекгардт, профессором всеобщей истории — доктор Лоренц, профессором политической экономии — доктор Бессер[13]. Каждому профессору выдали по 3500 руб. подъемных денег плюс по 1000 руб. квартирных, а Штекгардту сверх того 1500 из хозяйственных сумм института. Рассмотрим биографии каждого из приглашенных профессоров подробнее.

Генрих Роберт Штекгардт (в России он стал Робертом Андреевичем) родился в 1802 г. в городе Глаухау в Саксонии в семье протестантского теолога Христиана Готлиба Штекгардта (1773–1831), которая в 1804 г. переехала в Бауцен. Здесь наш герой окончил гимназию, увлекался музыкой, а в 1820 г. уехал в Лейпциг, поступил в университет, где изучал юриспруденцию и философию, в 1824 г. закончил его, получив докторскую степень, и с 1826 г. стал преподавать в университете. Вскоре, однако, по семейным обстоятельствам он вынужден был вернуться в Бауцен, где стал служить юрисконсультом, не переставая заниматься исследованиями по истории права. В 1831 г. он был приглашен на должность профессора римского права в Главный педагогический институт в Петербурге, а с 1835 г. стал занимать подобную же должность в толь-

ко что учрежденном Училище правоведения. Написал и издал несколько книг по юриспруденции на латинском и немецком языках, в частности являлся автором учебника «Юридическая пропедевтика: Курс лекций, читанных в 1836 г. в Училище правоведения» (пер. с нем. Ф.Г. Толль. СПб.: тип. Ю.А. Юнгмейстера, 1843). Профессор Штекгардт за свою преподавательскую деятельность был удостоен нескольких наград, в частности в 1842 г. был награжден орденом Станислава II степени, за заслуги в области становления юридического образования в России получил личное дворянство, ему покровительствовали министры народного просвещения князь К.А. Ливен, а затем С.С. Уваров. Так, последний назначил профессора Штекгардта, а также профессоров Гесса[14], Ленца[15] и Фишера[16] инспекторами частных пансионов в столице, положив каждому внушительное жалованье[17].

Для институтской учебной библиотеки доктор Штекгардт привез из Германии заказанные ему книги по юриспруденции (табл. 1).

Как видно из табл. 1, из трех, судя по архивным документам, привезенных им книг в печатном каталоге 1849 г. значится лишь одна. Вполне вероятно, что отсутствующие книги были переданы в библиотеку учрежденного в 1835 г. Училища правоведения или другое учреждение.

В 1840-е годы в Министерстве народного просвещения была сделана ставка, выражаясь современным языком, на национальные преподавательские кадры, поскольку по подавляющему большинству дисциплин были к тому времени подготовлены специалисты из числа подданных Российской империи. Это было особенно важно в области подготовки правоведов, ведь они вскоре должны были заполнить места в государственном аппарате Российской империи. В связи с неизбежными отсюда интригами в последние годы жизни д-р Штекгардт был вынужден фактически отойти от дел. Он умер в 1848 г. и был похоронен в Санкт-Петербурге на Смоленском лютеранском кладбище, однако его сердце, согласно завещанию, было захоронено в Наумбурге (Саксония-Анхальт).

Конрад Мориц Бессер родился в городе Цейц (совр. земля Саксония-Анхальт в Германии) в 1806 г. К моменту приглашения в Петербург он читал в университете в Галле курс естественного и государственного права, имел степень доктора философии и опубликовал книгу «Система естественного права»[19], «коею мы убеждаемся в его правилах», как выразился в представлении его, посланном в Петербург, доктор Кете[20]. Нам мало известно о преподавательской деятельности

Таблица 1

ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3561. Л. 20 об.	**Идентификация издания с полным библиографическим описанием**	**Наличие в «Каталоге библиотеки Главного педагогического института / сост. Ф.Ф. Шмальгаузен. СПб., в типографии военно-учебных заведений, 1849» (стр. + № записи)**
Institutions politiques par Bielfeld. P., 1762. 1–4 t.	Bielfeld, Jakob Friedrich (1717–1770). Institutions politiques; ouvrage où l'on traite de la société civile. Paris: chez Duchesne, 1762. 4 vol., 12°	С. 51, № 28
Untersuchungen von dem Ursprung der Gesetze etc. von Goguet. Lemgo, 1760	Goguet, Antoine-Yyes (1716–1758). Untersuchungen von dem Ursprung der Gesezze, Künste und Wissenschaften wie auch ihrem Wachsthum bei den alten Völkern. 1. [Von der Sündfluth bis auf den Tod Jacobs]: Mit Kupfern. Aus dem französischen des Hrn. Anton Yves Goguet übersezzet von Georg Christoph Hamberger. Lemgo: Meyer, 1760. XXII, 398 S., [1] gef. Tab. , [3] gef. Taf.: Ill. (Frontisp., Kupferst.), Ill. (Kupferst.). 4°	Отсутствует в каталоге
De l'origine des loix etc. Paris, 1759. 1–6 t.	Goguet, Antoine-Yyes (1716–1758). De l'origine des loix, des arts et des sciences, et de leurs progrès chez les anciens peuples. Paris: Desaint & Saillant, 1759. Vol. 1–6. 8[18]	отсутствует в каталоге
Верно: письмоводитель Данилевский.		

Бессера в Главном педагогическом институте, кроме распоряжения о назначении профессором политической экономии[21]. В архивных документах сохранился послужной формуляр Бессера, составленный 4 апреля 1857 г., по истечении 25 лет службы и увольнении на пенсию:

Бессер К.М. (род. 1806) 51 года
Получает жалованья 1000-72
да квартирных 282-90
Всего: 1286-62
6 декабря 1835 г. — получил годовой оклад в награду.
20 ноября 1835 г. — произведен в чин колл[ежского] советника.
11 августа 1839 г. награжден орденом Св. Владимира IV степени.
6 декабря 1845 г. награжден орденом Св. Анны II степени
10 декабря 1846 г. награжден знаками ордена Св. Анны II степени с императорскою короною.
3 декабря 1854 г. награжден орденом Св. Владимира III степени[22].

4 октября 1856 г. Конференция профессоров... избрала преемником... профессору Бессеру по кафедре политической экономии и статистики — бывшего профессора Московского университета статского советника Ивана Вернадского[23]. В последний раз на испытаниях студентов профессор Бессер был 23 мая 1857 г. После увольнения профессор выехал на родину в Германию, где написал и издал две книги — «Новые принципы политической экономии» (1868) и «Космос и вечные идеи» (1887)[24]. Умер в Дрездене в 1892 г.

Карл Фридрих Лоренц (рис. 1) был приглашен преподавать всеобщую историю. Вот как характеризовал его проводивший переговоры посредник в письме к князю Ливену:

«Доктор Лоренц — издатель многих одобрения заслуживших сочинений, каковы суть: *Leben Alcuins*[25] und *Handbuch der deutschen Geschichte*[26] и разбор в *Иенской литературной газете*, апреля 1831 г. (разбор *Новой истории* Менцеля)[27], [где] изложил он удовлетворительным образом свои политические правила. Его ученость, отличное искусство в преподавании и основательный образ мыслей снискали ему благосклонность Прусского правительства и он не оставил бы своего места, если бы не представилась ему надежда вступить в пространнейший круг деятельности и живя в таком городе, каков Петербург, пользоваться учеными сношениями его со всеми частями света, равно и найти там бóльшие выгоды, нежели какие могут предложить ему в отечестве... Он был [принят] несколько лет в доме тайного советника Верховного правления д-ра Шульце[28] в Берлине, и как оный находится в дружбе со статским советником Грефе[29], то сей легко может получить все желаемые о г-не Лоренце сведения»[30].

Следует сказать, что к моменту приезда в Петербург доктор Лоренц был уже вполне состоявшимся ученым. Он был отмечен Фридрихом

Рис. 1. Портрет Карла Фридриха Лоренца. 1840 г.

Шлоссером[31], по рекомендации которого стал домашним учителем в английской семье, что побудило его к тщательному изучению английского языка и чтению литературы на нем. В Берлине он получил докторскую степень (1826), защитив диссертацию об упадке Сицилии при норманнах[32]. Он же перевел «Историю короля Альфреда», написанную Ш. Тернером[33]. В 1828 г. защитил в Галле диссертацию о жизни при дворе Карла Великого "De Carolo Magno litterarum fautore"[34]. В 1829 г. Лоренц опубликовал книгу об Алкуине, которая должна была положить начало большой исследовательской работе по Каролингскому периоду; в 1832 г. в «Карманном справочнике по истории» Раумера[35] было опубликовано его эссе о частной и придворной жизни Карла Великого, однако он вынужден был отказаться от продолжения этих исследований, поскольку в 1831 г. последовало приглашение занять место профессора всеобщей истории в Главном педагогическом институте в Петербурге. Лоренц привез с собой в российскую столицу книги по истории для университетской библиотеки. Он получил из Петербурга 200 талеров на их приобретение и список необходимых изданий, который сохранился среди архивных документов (табл. 2):

Таблица 2

ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3561.	**Идентификация издания с полным библиографическим описанием**	**Наличие в «Каталоге библиотеки Главного педагогического института / сост. Ф.Ф. Шмальгаузен. СПб., в типографии военно-учебных заведений, 1849» (стр. + № записи)**
1	**2**	**3**
Лист 19		
Histoire universelle traduité de l'anglais d'une Société des gens de lettres. Amsterdam, 1743; 1–20 Tom	Histoire universelle depuis le commencement du monde jusqu'à présent. Contenant l'histoire de Perse suivant les auteurs orientaux, des Scythes, Gomerites ... Amsterdam u.a., 1743. Vol. 1–20. 4°	С. 70, № 120
Histoire ancienne, par Rollin. Paris, 1740. 1–6 Tom	Rollin, Charles (1661–1741). Histoire ancienne des Egyptiens, des Carthaginois, des Assyriens, des Babyloniens, des Medes et des...Paris, 1740. Vol. 1–6. 4°	С. 75, № 229

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Les vies des hommes illustres de Plutarque. Paris, 1778. 1–12 Tom	Plutarque . Diogène Laërce. Dacier, André (1651–1722). Le Fèvre, Tanneguy (1615–1672). Les vies des hommes illustres de Plutarque, traduites en françois, avec des Remarques historiques & critiques, par M. Dacier, de l'Académie Royale des Inscriptions & Belles-Lettres.../Ed. scient. A. Dacier. Nouv. ed., revue et corr. A Paris: chez la Veuve Desaint, Libraire, rue du Foin-Saint-Jacques. M.DCC. LXXVIII., de l'Imprimerie de Chardon, rue Galande. 1778. Vol. 1–12. 8°	С. 70, № 120
Histoire de Suède par Puffendorf. Amsterdam, 1778, 1–3 tom	Pufendorf, Samuel von (1632–1694). Histoire de Suède, avant et depuis la fondation de la monarchie / Par Mr. Le Baron de Pufendorff. A Amsterdam: chez Zacharie Chatelain, 1748. 3 vol. 8°	С. 75, № 214
Histoire de la République de Venise Paris,1759. 1–7 tom	Laugier, Marc Antoine (1711–1769). Histoire de la République de Venise depuis sa fondation jusqu'a present. Paris: Duchesne, 1758–1765. Vol. 1–7. 12°	с.72, № 153
Muratori's Geschichte von Italien, Leipzig, 1745. 1–9 t.	Muratori, Lodovico Antonio (1672–1750).Geschichte von Italien nach Ordnung der Jahre vom Anfange der christlichen Zeit-Rechnung bis auf das Jahr 1500. Leipzig: Verlegts J. Schuster, 1745–1750. 9 Bds. 4°	с.74, № 197

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Histoire du Japon, Paris, 1736. 1–9 tom	Charlevoix, Pierre-Francois-Xavier de (1682–1761). Histoire et description generale du Japon ... avec les fastes chronologiques de la decouverte du nouveau monde. Paris: Julien-Michel Gandouin, 1736. Vol. 1–9. 8°	Отсутствует в каталоге
Histoire de la conquête de Mexique. Paris, 1730. 1–2 t.	Solís y Rivadeneira, Antonio de (1610–1686). Histoire de la conqueste du Mexique, ou de la Nouvelle Espagne, par Fernand Cortez / Traduite de l'Espagnol de Dom Antoine de Solis, par l'auteur du Triumvirat. Cinquième Edition. A Paris, par la Compagnie des Libraires, 1730. T. 1. [16] Bl., 606 S., [13] Bl., [9] gef. Bl.: Ill. (Kupferst.); T. 2. [6] Bl., 560 S., [11] Bl: Ill. 8°	С. 76, № 247
Histoire de la découverte et de la conquête du Pérou. 1–2 t.	Zarate, Augustin de (1514–1560). Histoire de la découverte et de la conqueste du Pérou. Seconde édition revûë et corrigée. Amsterdam, 1717. Vol. 1–2. 12°	С. 78, № 287
Histoire de la Jamaïque. Londres, 1751. 1–2 t.	Charles Leslie (of Jamaica.), Joseph Raulin. Histoire de la Jamaïque. Londres: Ches Nourse, 1751. T. 1–2. 6 plats. 12°	С. 70, № 122

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Histoire naturelle, civile et geographique de l'Orenoque. Avignon, 1758. 1–3 T.	Gumilla, Joseph (1686–1750). Histoire naturelle, civile et geographique de l'Orenoque, et des principales riviéres qui s'y jette.Trad. de l'espagnol par Eidous. Avignon [u.a.]; (1758); [1] Bl., XVIII S., [4] Bl., 388 S., [2] Bl., [1] gef. Bl. T. 1–3. 8°	Отсутствует в каталоге
Histoire de la conquête des isles Moluques. Amsterdam, 1706. 1–3 T.	Leonardo de Argensola, Bartolomé (1562–1631). Histoire de la conquête des isles Moluques par les Espagnols, par les Portugais & par les Hollandai. À Amsterdam, chez Jaques Desbordes, Libraire vis à vis la grande porte de la Bourse, 1706. Vol. 1–3. 12°	С. 65, № 31
Histoire générale de L'empire du Mogol. Paris, 1715. 1–4 t.	Catrou François (1659–1737); Manucci, Niccolao (1638–1717). Histoire generale de L'empire du Mogol depuis sa fondation jusquá present: Sur les mémoires Portugais de M. Manouchi [Nicerlao Manucei] / Le R. P. François Catrou. Paris, 1715. Vol. 1–4. 8°	С. 67, № 62
Histoire naturelle, civile et politique de Tonquin, par l'abbé Richard. Paris, 1778. 1–2 t.	Richard, Jérôme. (1720–?). Histoire naturelle, civile et politique de Tonquin. Paris: Moutard, 1778. Vol. 1– 2. 12°	отсутствует в каталоге

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Histoire des Revolutions de Hongrie. La Haye, 1739. 1–6 t.	Ferenc II. Siebenbürgen, Fürst (1676–1735); Marchand, Prosper (–1756); Brenner, Domokos Antal Ignácz (–1721). Histoire des Revolutions de Hongrie, où l'on donne une idée juste de son legitime gouvernement: qui contient les Memoires du Prince François Rakoczy sur la guerre de Hongrie, Depuis 1703 jusqu'à la fin. La Haye: Neaulme, 1739. Vol. 1–6. 12°	С. 70, № 123
Histoire de la conquête de la Floride. Leiden, 1731. 1–2 t.	Vega, Garcilaso de la (1539–1616). Histoire de la conquête de la Floride: ou relation de ce qui s'est passé dans la découverte de ce pais par Ferdinand de Soto / composée en espagnol par l'Inca Garcillasso de la Vega, et traduite en françois par sr. Pierre Richelet. Nouv. éd. ..., corr. & augm., avec tresbelles [!] cartes et figures en taille douce et d'un indice. Leide: van der Aa, 1731–1735. Vol. 1–2. 8°	С. 78, № 269
Лист 19 об.		
Histoire du royaume d'Alger, par Tassy, Amsterdam, 1725	Laugier de Tassy[36]. Histoire du royaume d'Alger: avec l'etat présent de son gouvernement, de ses forces de terre & de mer, de ses revenus, police, justice, politique & commerce / par Mr. Laugier de Tassy ... Amsterdam: Chez Henri du Sauzet, 1725. [16], 348, [32] p., [2] folded leaves of plates: 1 map (engraving), 1 plan (etching). 12°	С. 71, № 152

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Histoire de Constantinople, Paris, 1685. 1–8 t.	Histoire de Constantinople depuis le régne de L'Ancien Justin, jusqu'à la fin de l'Empire / Traduite sur les originaux grecs par Mr. Cousin, Président en la Cour des Monnoies. [S.l.], 1685. Vol. 1–8. 12°	С. 70, № 121
Natürliche und bürgerliche Geschichte von Californien von Adelung, 1769	Venegas, Miguel (1680–1764). Natürliche und bürgerliche Geschichte von Californien: nebst einer neuen Charte dieses Landes und der benachbarten Meere / [Miguel Venegas]. Aus dem Englischen übersetzt und herausgegeben von Johan Christoph Adelung, Sächsisch-Gothaischen Rath und der Churfürstl. Mainzischen Academie zu Erfurt Beysitzer. Lemgo, in der Meyerschen Buchhandlung, 1769. 184 S., Karten.	Отсутствует в каталоге
Memoires de Comines, par M.Godefroy. Paris, 1747. 1–4 pt.	Commynes, Philippe de (1447–1511). Memoires de 'Messire Philippe de Comines, Seigneur d'Argenton, où l'on trouve l'histoire des rois de France Louis XI. & Charles VIII. Londres [i.e. Paris]; et se trouve à Paris, chez Rollin, 1747. 4 partie en 2 vols., plates. 4°	С. 67, №70
Histoire de St. Domingue par Charleroix. Paris, 1736. 1–2 t.	Charleroix, Pierre-François-Xavier de (1682–1761). Histoire de l'Isle espagnole ou de S. Domingue écrite particulièrement sur des mémoires manuscrits du P. Jean-Baptiste Le Pers, jésuite, missionnaire à Saint Domingue, et sur les pièces originales, qui se conservent au dépôt de la Marine. A Paris, chez François Barois, 1730. 2 vols.: ill., cartes; 15 pl. 4°	С. 67, № 63

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Histoire générale des Huns, par Deguignes. Paris, 1756	Guignes, Joseph de (1721–1800). Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux, etc. avant et depuis Jésus-Christ et jusqu'à present précédée d'une introduction contenant des tables chronol. & historiques des princes qui ont régné dans l'Asie: Ouvrage tiré des livres chinois, & des manuscrits orientaux de la bibliothèque du roi: Suite des mémoires de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Paris; 1756–1758. 4 vols. 4°	С. 67, № 72 La 2e partie de 1-er vol. en 2 exempl.
Pohlnische Chronike von Lauterbach. Franfurt, 1727	Lauterbach Samuel Friedrich (1662–1727). Pohlnische Chronicke, oder, Historische Nachricht von dem Leben und Thaten aller Hertzoge und Könige in Pohlen, von Lecho an bis auf jetzt glorwürdigst-regierende königliche Majestät Augustum II nebst ihren eigentlichen Bildnüssen, aus sehr vielen fleissig-nachgeschlagenen Geschicht-Büchern, bey einer noch nicht habenden angenehmen Ordnung, und in acht unterschiedene Alter eingetheilet. Frankfurth, Leipzig: bey George Marcus Knochen, 1727. [24], 796, [24] S., Ill. 4°	с. 72, № 155
Histoire de la décadence et de la chute de l'Empire romain par Gibbon. P., 1807. 1–3 T.	Gibbon, Edward (1737–1794). Histoire de la décadence et de la chute de l'Empire romain, abregée par Adam et traduite de l'anglais par P.C. Briand. Paris, 1807. 3 vols. 8°	С. 69, № 100

Tacite, nouvelle traduction par Dureau de Lamalle. Paris, 1808. 1–5 T.	Tacitus, Cornelius (55–120). Tacite/nouvelle traduction par J.B.J.R. Dureau de Lamalle / 2 éd. revue, corrigée et augmentée. Paris, 1808. 5 vols. 8°	С. 207, № 135
Le grand dictionnaire historique par Louis Moréri, Amsterdam, 1740. 1–8 T.	Moréri, Louis (1643–1680). Le Grand Dictionnaire Historique Ou Le Mélange Curieux De L'Histoire Sacrée Et Profane. 18. et dernière éd. rev., corr. et augm. très considerablement. A Amsterdam chez P. Brunel, R. Wetstein, ... A Leyden chez S. Luchtmans & C. Haak A La Haye chez P. Gosse, ... À Utrecht chez E. Neaulme, 1740. 2°	С. 74, № 190
Geschichte des osmanischen Reichs von Demetri Kantemir, Hamburg, 1745	Kantemir [Dimitrie Moldau, Woiwode]; Schmidt, Johann Lorenz; Maria Theresia Römisch-Deutsches Reich, Kaiserin; [et al.]. Geschichte des osmanischen Reichs nach seinem Anwachse und Abnehmen: Nebst den Bildern der türkischen Kaiser, die ursprünglich von den Gemälden in dem Seraj durch des Sultans Hofmaler sind abgenommen worden. Hamburg, bey Christian Herold, 1745. [1] Bl., 64, 852 S., [1], 22 Bl., [1] gef. Bl., Frontisp. (Portr., Kupferst.), 22 Portr. (Kupferst.), zahlr. Ill. (Kupferst.), 1 Kt. (Kupferst.). 4°	С. 71, № 137

Продолжение таблицы 2

Précis de l'histoire ancienne, par Royou. Paris, 1811. 1–4 t.	Royou, Jacques Corentin (1749–1828). Précis de l'histoire ancienne, d'après Rollin: contenent l'histoire des Egyptiens, des Carthaginois des Assyriens, des Mèdes, des Mèdes et Perses, des Perses, des Grecs, etc. jusqu'à la bataille d'Actium d'après Rollin. 2 éd. soign. rev. et corr. Paris: Volland, 1811. Vol. 1–4. 8°	С. 71, № 230
Voyage du jeune Anacharsis en Grèce	Barthélemy, Jean-Jacques (1716–1795). Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, dans le milieu du quatrième siècle avant l'ère vulgaire. Paris: chez Dabo, 1822. 8 vols. 16°	С. 185, № 33
Histoire universelle et modern par M. le Comte de Ségur, Bruxelles, 1822. 1–11 T.	Ségur, Louis-Philippe de (1753–1830). Histoire universelle et modern: histoire ancienne, histoire romaine et histoire du Bas-Empire. Bruxelles, 1822. 15 vols. 12°	С. 76, № 241
Лист 20		
Histoire des Croisades par M. Michaud. P., 1825. 1–6 t.	Michaud, Joseph François (1767–1839). Histoire des Croisades. A Paris, chez L.-G. Michaud [etc.], 1825–1829. 6 vols. 8°	С. 73, № 183

Продолжение таблицы 2

Bibliothèque des Croisades par M. Michaud. P., 1829. 1–4 t.	Michaud, Joseph François (1767–1839). Bibliothèque des Croisades. A Paris, chez L.-G. Michaud [etc.], 1829. 4 vols. 8°	С. 73, № 184
Les Fastes universels par M. Buret de Longchamps, à Paris. 1821	Buret de Longchamps Pierre-Nicolas (1765–1839). Les Fastes universels ou Tableaux historiques, chronologiques et géographiques, etc., etc. Ouvrage dédié au Roi, par Mr. Buret de Longchamps. Introduction pour donner une idée de l'ouvrage. A Paris, chez Dondey-Dupré, père et fils, 1821. 2°	С. 67, № 57
Kruse's historischer Atlas	Kruse, Christian (1753–1827). Atlas zur Übersicht der Geschichte aller europäischen Länder und Staaten von ihrer ersten Bevölkerung an bis zu den neuesten Zeiten; Zur Erleichterung der Verständlichkeit aller ältern und neuern Schriften, welche die Geschichte unserers Welttheils betreffen, und zum Gebrauch beym Unterrichte der studierenden Jugend. Leipzig: [Selbstverl.], ca., 1820. [36] Bl., 9 Kt. gr. 2°	с. 71, № 146
Верно: письмоводитель Данилевский[37]		

Мы видим, что из списка привезенных книг в каталоге библиотеки института отсутствуют труды определенной типологии, а именно — по естественной истории экзотических для первой половины XIX в. уголков земли — Японии, Калифорнии, реки Ориноко. Можно предположить, что они были переданы в какую-либо другую библиотеку, где эти издания были более востребованы. Но нельзя не заметить, что покупки Ф. Лоренца существенно обогатили содержательно и расширили количественно раздел всеобщей истории институтской библиотеки.

В РГИА сохранилось много документов, касающихся служебной деятельности Лоренца, в частности его формуляр, составленный перед выходом на пенсию, в 1857 г.:

«53-х лет, на подданство России не присягал, евангелического исповедания, орденов Св. Владимира III ст. и Св. Анны II ст. с императорскою короною кавалер.

Получает: жалованья по институту 1000-72; по должности директора в Главном немецком училище при церкви Св. Петра 257-29

Итого: 1258-01 и казенную квартиру.

По окончании курса в Гейдельбергском университете — доктор философии. С 10 декабря 1831 — в Главном педагогическом институте.

28 марта 1833 г. — награжден за усердную службу 1500 руб.

6 марта 1834 г. — награжден 1500 руб.

16 января 1836 г. за 1-й выпуск студентов — награжден орденом Св. Анны III ст.

20 ноября 1835 г. — произведен в коллежские советники со старшинством.

11 августа 1839 г. — пожалован орден Св. Владимира IV ст.

С 20 ноября1839 г. — производство в статские советники со старшинством.

6 ноября 1840 г. — избран директором Главного немецкого училища с оставлением в прежней должности.

6 декабря 1846 г. — пожалован орден Св. Анны II ст.

10 декабря 1848 г. — пожалованы знаки ордена Св. Анны II степени, украшенные Императорскою короною.

30 сентября 1853 г. — по случаю 25-летия Главного педагогического института получил Св. Владимира III степени.

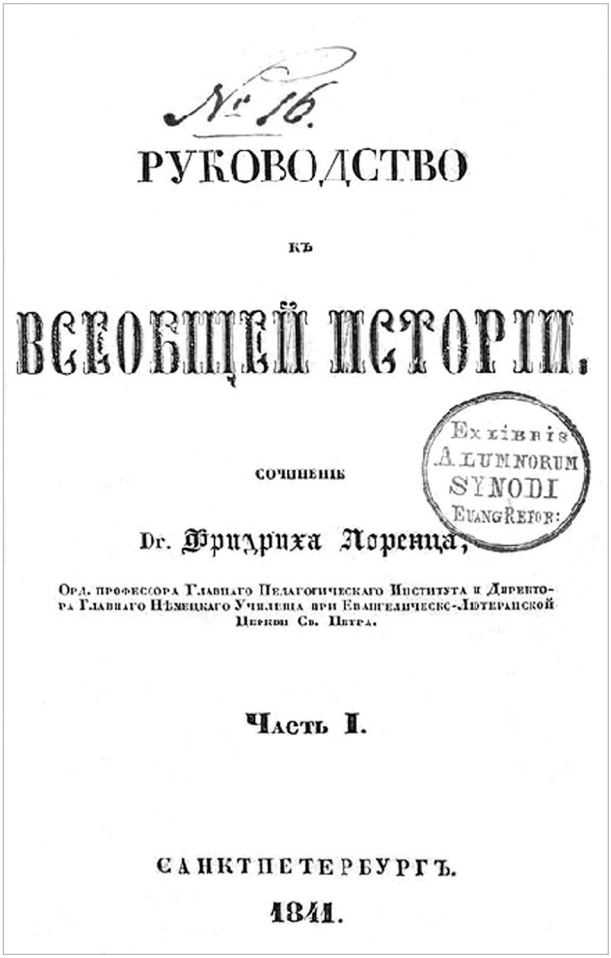
10 декабря1856 г. — заслуженный профессор (за 25 лет службы).

Читал 4 лекции в неделю студентам 3-го и 4-го курсов историко-филологического факультета.

Женат 30 мая 1832 на Юлии (урожденной Мазон, Лифляндия, Нарва и окрестности), сын Фридрих (26.09. 1847)»[38].

С 1836 по 1838 г. он был редактором издававшейся Петербургской академией наук "Deutschen Petersburger Zeitung", а в 1840 г. назначен директором Петришуле — немецкого училища при лютеранской церкви святого Петра. В этой должности он расширил в училище преподавание древних языков, истории и географии (в том числе введя изложение статистики и физической географии), одновременно исключив из программы антропологию и энциклопедию знаний как предметы, «малодоступные пониманию учащихся». При Лоренце в училище был построен гимнастический зал и гимнастика введена в учебную программу; при женском отделении училища устроена приготовительная школа; открыты параллельные классы, необходимость в которых была вызвана чрезмерным наплывом учащихся; и подготовлен проект старшего, восьмого класса, открытого уже после окончания работы Лоренца[39].

С 1840 г. Лоренц состоял членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук (Отделение исторических, филологических и политических наук, по разряду истории и древностей российских). Кроме вышеуказанных работ, перу Лоренца принадлежат «Руководство к всеобщей истории» (СПб., 1841, неоднократно переиздавалось) (рис. 2), «О том, с какою целью основан Главный педагогический институт» (СПб., 1856); «История Новейшего времени. От Венского конгресса до Парижского мира (1815–1856). С прил. и доп. Под ред. и с предисл. В.В. Маркова» (СПб., 1869); «Разбор сочинения г-на Кудрявцева под заглавием "Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1851. 8°", составленный г-ном проф. Лоренцом» (СПб., 1852); «Разбор сочинения М.С. Куторги под заглавием "Персидские войны, критические исследования событий этой эпохи древней греческой истории", составленный членом-корреспондентом Академии, д-ром Фр. Лоренцом» (СПб., 1859). «Руководство к всеобщей истории» было изначально написано по-немецки, очень тяжело проходило цензуру и подвергалось нападкам со стороны высокопоставленных чиновников Министерства народного просвещения, в частности П.А.Ширинского-Шихматова[40]. Однако позже ученое сообщество признало, что оно «внесло в преподавание истории живую струю, вытеснив сухие и рутинные учебники Кайданова[41] и Смарагдова»[42].

№ 16.

РУКОВОДСТВО

КЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Exlibris
ALUMNORUM
SYNODI
EVANGREFOR:

СОЧИНЕНІЕ

Dr. Фридриха Лоренца,

Орд. профессора Главнаго Педагогическаго Института и Директора Главнаго Нѣмецкаго Училища при Евангелическо-Лютеранской Церкви Св. Петра.

Часть I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1841.

Рис. 2. Титульный лист учебника К.Ф. Лоренца

Вот что писал директор Главного педагогического института И.И. Давыдов[43] министру народного просвещения, ходатайствуя о повышении в чине автора «Руководства...»:

«...Его глубокому познанию Всеобщей истории и усердию к основательному изучению оной в нашем Отечестве русская литература обязана лучшим по сие время Руководством Всеобщей истории для высших учебных заведений.

Посему, принимая во внимание отлично ревностную службу заслуженного профессора Лоренца, я долгом почитаю почтительнейше представить Вашему Сиятельству об исходатайствовании ему, в воздаяние за пользу, русскому юношеству им принесенную, награждения чином действительного статского советника»[44].

Выйдя на пенсию, Лоренц возвратился в Германию, где продолжил преподавать историю в Боннском университете. В 1858 г. Лоренц заболел пневмонией и умер 10 мая 1861 г.

Таким образом, кратко рассмотрев биографии трех профессоров, выучившихся и ставших высокообразованными специалистами в Германии, но приехавших в Россию и посвятивших свою жизнь служению на ниве просвещения в учебных заведениях российской столицы, мы еще раз убеждаемся в их высокой культурной и образовательной миссии, выразившейся не только в преподавании специальных дисциплин, но и в написании учебников и пополнении учебных библиотек.

* * *

[1] Ливен Карл Андреевич (нем. Carl Christoph von Lieven, 1767–1844) — барон, затем граф (с 1799 г.) и светлейший князь (с 1826 г.), генерал от инфантерии, министр народного просвещения Российской империи (1828–1833).

[2] Кете (Köthe) Фридрих Август (1781–1850) — теолог, историк, поэт и философ, к тому времени автор нескольких книг: “Ansichten von der Gegenwart, und Aussicht in die Zukunft” (1809), “Historische Darstellungen” (1812), “Stimmen der Andacht” (1823), “Vom Einfluß des kirchenhistorischen Studium auf die Bildung” (1810) и др. Князь К.А. Ливен в бытность свою попечителем Дерптского учебного округа (1817–1828) прибегал к его посредническим услугам по приглашению профессоров из Германии на службу в Дерптский университет. По-видимому, это можно объяснить широкой информированностью и связями доктора Кете в ученом мире Германии, поскольку он был основателем, составителем и издателем биографического журнала по истории своего времени «Современники» (Zeitgenossen: Biographien und Charakteristiken; ein biographisches Magazin für die Geschichte unserer Zeit /Hrsg. [Friedrich August Koethe]. Leipzig; Altenburg: F.A. Brockhaus, 1816–1841).

[3] Штекгардт Роман Андреевич (нем. Stöckhardt Heinrich Robert, 1802–1848) — германский, затем российский юрист, историк права.

[4] Бессер Конрад Мориц (1806–898) — ординарный профессор Главного педагогического института.

[5] РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 25. Дело о назначении профессорами института германских ученых Лоренца, Бессера, Штекгардта. 4 сент. 1831 – 24 генв. 1832. Л. 1–1 об.

[6] РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 25. Л. 4.

[7] РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 25. Л. 5.

[8] ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3561. Об определении в ГПИ профессорами гг. Штекгардта, Лоренца и Бессера. Л. 7.

1 талер = 24 серебряных гроша; 1 руб. = 7 сер. грошей 3 пфеннига (Там же).

[9] ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3561. Л. 22; «...выделить 1332 руб. 60 коп. из суммы на библиотеку назначенной» (РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 25. Л. 38 об. — 39).

[10] ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3561. Л. 18.

[11] ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3561. Л. 36.

[12] Миддендорф Федор Иванович (1776–1856) — русский педагог. В 1828 г. стал директором и профессором латинской словесности Главного педагогического института.

[13] ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3614. О службе ординарного профессора Лоренца, 1832–1857. Л. 1.

[14] Гесс Герман Иванович (1802–1850) — русский химик, академик Петербургской академии наук (1830), с 1832 г. ординарный профессор химии и технологии в Главном педагогическом институте.

[15] Ленц Эмилий Христианович (1804–1865) — русский физик немецкого происхождения. Преподавал физику в Петришуле (1830–1831), Главном педагогическом институте и Михайловском артиллерийском училище.

[16] Фишер Адам (Адам-Иосиф) Андреевич (1799–1861) — профессор философии и педагогики в Санкт-Петербургском университете, Санкт-Петербургской духовной академии и Главном педагогическом институте. Ординарный академик Петербургской академии наук. Действительный статский советник.

[17] РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 112. Дело об установлении надзора за частными учебными заведениями, о назначении инспекторами частных пансионов Петербурга и Москвы академиков Г.И. Гесса и Э.Х. Ленца и профессоров А.А. Фишера, Р.Д. Штекгардта, И.И. Давыдова. 4 ноября 1833 г. — 23 января 1857 г. Л. 12 об.; «...за сию должность — по 2000 в год независимо от прочих окладов» (Там же).

[18] ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3561. Об определении в ГПИ профессорами гг. Штекгардта, Лоренца и Бессера. Л. 20 об.

[19] System des Naturrechts. Halle und Leipzig: Reinicke, 1830. 268 S. 8°.

[20] РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 25. Дело о назначении профессорами института германских ученых Лоренца, Бессера, Штекгардта. 4 сент. 1831 — 24 генв. 1832. Л. 6.

[21] ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3614. О службе ординарного профессора Лоренца. нач. 18 генв. 1832 — конч. 9 августа 1857. Л. 1: О звании ординарных профессоров.

[22] РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 262. Об увольнении от службы профессоров К.М. Бессера, Ф.Ф. Лоренца и определении на их место профессоров И.В. Вернадского и статского советника [Михаила Семеновича] Куторгу. 13.XII.1856 — 4.X.1857. Л. 4.

[23] Там же. Иван Васильевич Вернадский (1821–1884) — русский статистик и экономист, тайный советник, отец В.И. Вернадского, дед Г.В. Вернадского.

[24] *Besser K.M.* Neue Principien der politischen Oekonomie. Berlin: Stilke & Van Muyden, 1868; Der Kosmos und die ewigen Ideen. Heidelberg: Weiß, 1887.

[25] Alcuins Leben. Ein Beitrag zur Staats-, Kirchen- und Culturgeschichte der karolingischen Zeit von Dr. Friedrich Lorentz. Halle: bei Carl August Kummel, 1829. X, 278 p., 8°.

[26] *Lorentz F.* Handbuch der deutschen Geschichte. Halle: Anton und Gelbcke, 1830. 489 S., 8°.

[27] Имеется в виду развернутая рецензия Ф. Лоренца на книгу: Menzel Karl Adolf (1784–1855). Geschichte unserer Zeit seit dem Tode Friedrichs des Zweiten: 3. verb. Ausg. Berlin: Duncker und Humblot, 1829. Th. 1–3, напечатанная в Jenaische allgemeine Literatur-Zeitung. 1831. №73. S. 98–103; № 74. S. 106–110 (шифр РНБ: 16 gal.v.6. Bd.2). Рецензия подписана частью фамилии «ntz». Весьма вероятно, что К.А. Менцель рекомендовал ее автора своему коллеге доктору Кете, поскольку оба были консистории советниками и общались по службе. В библиотеке Главного педагогического института было (возможно, благодаря Лоренцу) многотомное собрание: *Menzel K.A.* Neuere Geschichte der Deutschen von der Reformation bis zur Bundesacte. Breslau, 1826–1848. 13 Bds. 8° (Каталог библиотеки Главного педагогического института / сост. Ф.Ф. Шмальгаузен. СПб., 1849. С. 73, № 181).

[28] Шульце (Johannes Schulze, 1786–1869) — один из видных германских педагогов и школьных администраторов первой половины XIX в., был преподавателем греческого языка в Веймаре, с 1818 г. в Берлине, высокопоставленный чиновник в Центральном управлении прусского Министерства народного просвещения (Энц. словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1904. Т. XL. С. 8).

[29] Грефе Федор Богданович (Gräfe, Christian Friedrich, 1780–1851) — академик (с 1820 г.) Петербургской АН, профессор греческой словесности в 1829–1851 гг. в Главном педагогическом институте.

[30] РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 25. Л. 5.

[31] Шлоссер Фридрих Кристоф (*Schlosser Friedrich Christoph*, 1776–1861) — немецкий историк, автор «Всемирной истории» в 18 томах, СПб., 1861–1863. В библиотеке Главного педагогического института было его собрание: *Schlosser Fr.Chr.* Universal-historische Übersicht der Geschichte der alten Welt und ihrer Cultur. Frankfurt am Main, 1826–1834. 9 Bds. (Каталог библиотеки Главного педагогического института / сост. Ф.Ф. Шмальгаузен. СПб., 1849. С. 76, № 236). Возможно, первые тома этого издания, вышедшие до 1832 г., в Петербург также привез Ф. Лоренц.

[32] De statu in quem Sicilia a Normannis redacta sit: Dissertatio inauguralis philosophica quam... die XIII. Septembris anno MDCCCXXVI... publice defendet / Fridericus Lorentz Crucenacensis. Berolini: Formis Brüschckianis, 1826.

[33] *Turner, Sharon.* Geschichte Alfreds des Großen: Aus Turners Geschichte der Angelsachsen übertragen von Friedrich Lorentz; nebst der Lodbrokar-Quida in dem Urtexte und einer metrischen Übersetzung. Hamburg: bei Friedrich Perthes; 1828; XII, 283 S., 8°.

[34] *Lorentz F.* De Carolo Magno literarum fautore. Halae, 1828.

[35] Historische Taschenbuch / Hrsg. von F. von Raumer. Leipzig: Brockhaus, 1832. Библиотека Главного педагогического института получала этот журнал (см.: Каталог библиотеки Главного педагогического института / сост. Ф.Ф. Шмальгаузен. СПб., 1849. С. 75, № 221). Весьма вероятно, что первые номера журнала привез из Германии Ф. Лоренц, поскольку вскоре там ожидалась публикация его статьи о придворной жизни в эпоху Карла Великого.

[36] Ложье де Тасси Ж.Ф. (Laugier de Tassy, Jacques Philippe) — сотрудник французского консульства в Алжире (1717–1718), затем комиссар по морским делам в Амстердаме (1725).

[37] ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3561. Об определении в Главный педагогический институт профессорами гг. Штекгардта, Лоренца и Бессера. Начато 23 июля 1829 г., кончено 8 февраля 1832 г. Л. 19–20 об.

[38] РГИА. Ф. 272. Оп. 1. Д. 211. О формулярных списках чиновников и учителей, служащих при Главном немецком училище. Л. 2–4 — формуляр Ф. Лоренца.

[39] *Бем В.Г.* Лоренц Карл Фридрих // Немцы России: энциклопедия: в 3 т. Т. 2. М.: ЭРН, 2004. С. 358. Автор указывает под статьей лишь опубликованные источники о Ф. Лоренце, не ссылаясь, к сожалению, на архивные материалы.

[40] Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790–1853) — российский государственный деятель, министр народного просвещения (1850–1853), академик Императорской академии наук (1841) и писатель.

[41] Имеются в виду учебники: *Кайданов И.И.* Извлечения из рукописных исторических лекций. СПб., 1832; *Его же.* Краткое начертание всемирной истории. СПб., 1822 (12-е изд. СПб., 1843; 16-е изд. 1854); *Его же.* Обзор всеобщей истории. СПб., 1836 (2-е изд. 1837); *Его же.* Учебная книга всеобщей истории. СПб., 1834 (2-е изд. 1843); *Смарадгов С.Н.* Краткое начертание всеобщей истории. СПб., 1845.

[42] Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XVIII. СПб., 1896. С. 14.

[43] Давыдов Иван Иванович (1794–1863) — русский филолог и философ, ординарный профессор и декан историко-филологического отделения философского факультета Московского университета, академик Петербургской академии наук, в 1847–1859 гг. — директор Главного педагогического института, член Главного правления училищ.

[44] РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 262. Л. 13 об.

В.А. Уланов, Т.А. Уланова

ФОН БЛАУ — ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ДИРЕКТОРОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Статья посвящена второму директору Технологического института (ныне университета). Представлены малоизвестные и совсем неизвестные исторические факты биографии и деятельности В.И. Блау на посту директора. В статье отмечается не только организация учебного процесса в институте, но и успешная хозяйственная деятельность директора. Обращается внимание и на суждения современников о работе Блау не только как директора института, но и как достойного военного инженера и преподавателя Военной академии. Представлены выписки из Центрального государственного исторического архива в Санкт-Петербурге. Кратко описывается достаточно необычная история обнаружения портрета Блау.

Ключевые слова: Технологический институт, директор, финансы, обучение, учащиеся, управление, портрет.

V.A. Ulanov, T.A. Ulanova

VON BLAU IS ONE OF THE FIRST DIRECTORS OF TECHNOLOGICAL INSTITUTE

The article is devoted to the second director of the Technological Institute (now it is the university). There are presented little-known and completely unknown historical facts of Blau's biography and work as director. The article notes not only the organization of the educational process at the institute, but also the successful economic activities of the director. Attention is also drawn to the opinions of contemporaries about the work of Blau, not only as director of the institute, but also as a worthy military engineer and teacher at the Military Academy. There are presented extracts from the Central State Historical Archive in St. Petersburg. A rather unusual history of the discovery of the portrait of Blau is briefly described.

Keywords: institute of technology, director, finances, teaching, students, management, portrait.

Как это обычно бывает, нас совершено случайно заинтересовали красные строчки о первых директорах Технологического института на официальном сайте этого института (ныне университета). Красный цвет означает, что никакой информации нет. Понятно, что есть информация о многих замечательных людях. Но вот, например, о Якове Ивановиче Ламанском (период директорства: 1863–1869 гг.) ничего не было. В музее Технологического университета нет даже его портрета. Но нам удалось найти информацию не просто о директоре Я.И. Ламанском (1822–1872)[1], но и в целом об удивительном, достойном восхищения роде Ламанских[2], и напечатать ее в 2014 и 2016 гг. Напомним, что братья Ламанские проявили себя в разных областях: Владимир Иванович — знаменитый славист, Сергей Иванович — уникальный физик и физиолог, Константин Иванович — весьма известный судебный следователь Петербурга, Евгений Иванович — известный экономист и финансист, директор Государственного банка. Да и отец, Иван Иванович Ламанский, был директором кредитной канцелярии (впоследствии сенатором). А портреты есть только двух братьев: слависта и финансиста. Они довольно похожи, и, возможно, в какой-то степени был на них похож и Яков Иванович. Хотя, как мы знаем, правда, по письменным свидетельствам, бывает, что родственники внешне отличаются друг от друга, как, например, известный российский немец, математик Генрих Карлович Брун (1806–1854)[3] и его брат, историк, археолог Филипп Карлович Брун (1808–1880)[4], портрет которого, к счастью, существует[5].

Смотрим список директоров института — и вот опять, к сожалению, строчка с красными буквами о втором директоре института — Василии Ивановиче Блау (Wilhelm Leopold von Blau). Годы жизни: 1791–1866, период директорства: 1838–1852 гг.[6] Обратим особое внимание на период руководства институтом — 15 лет. А ведь в это время, по существу, создавался институт, и недаром И.А. Евневич (1831–1903), знаменитый профессор не только Технологического института, крупнейший специалист в области гидравлики, механики и машиностроения[7], отмечал, что Блау «особенно заботился о сохранении должного порядка в хозяйственной части». Каких усилий стоила эта забота, конечно, может оценить только человек, находящийся на соответствующей должности. И как же не быть в таком случае экономистом, всесторонне грамотным управленцем? По утвержденному положению «Институт состоял под главным начальством министра финансов в ведении департамента мануфактур и внутренней торговли», а вот

внутреннее управление «по части порядка и учения поручалось директору с содействием инспектора»[8]. Кроме того, хозяйственную часть должен был осуществлять комитет, состоящий из директора, инспектора, одного профессора и одного учителя. Ведь институт, по существу, еще только начинал строиться и развиваться. А куда направлять деньги, на какие объекты, может решить, конечно, финансово образованный человек.

Вообще В.И. Блау приходилось участвовать во многих комиссиях, занимающихся делами института. Так, в 1839 г. в связи со значительным увеличением обучающихся воспитанников в институте была образована комиссия для составления нового штата института. Задача, решаемая этой комиссией, была весьма непростая, поскольку была связана со значительным увеличением расходов[9]. А в 1847 г. были существенно изменены правила, которые касались выпускников института и на основании которых «возможно было допустить переименование выпущенных из института с званием мастеров в ученые мастера»[10]. Для составления проекта правил был образован хозяйственный комитет с непременным участием директора В.И. Блау. Эти правила были одобрены, однако следует отметить, что Блау не всегда соглашался с предполагаемыми изменениями, несмотря на мнения высокопоставленных членов учрежденного для тех или иных целей комитета.

На территории института строились специальные здания, литейная, жилые деревянные дома, сараи[11]. Кроме того, в 1853 г. построена первая Химическая лаборатория (позже там работали Д.И. Менделеев (1834–1907) и Ф.Ф. Бейльштейн (1838–1906))[12], а начало строительства, естественно, было еще при Евреинове и продолжалось деятельностью Блау. Так, еще при прежнем директоре постепенно открывались мастерские для обучения воспитанников: в частности, токарная, столярная, кузница (1831); ткацкая, граверная (1832); красильная, для литографии (1833); модельная (1835) и др. Но строительство продолжалось и в последующие годы, перестраивались, расширялись и совершенствовались ранее построенные классные помещения и мастерские (в конце 1830-х и в начале 1840-х годов значительно увеличился состав обучающихся в институте)[13].

Большие усилия необходимы были и для грамотной организации учебного процесса. Современники отмечали, что государь император выражал свое «высочайшее благоволение за найденный порядок и успехи учащихся, а в 1842 г. музей института удостоился получить

от императора в подарок весьма интересную и редкую коллекцию, представляющую полную картину развития шелковичной бабочки»[14]. Но понятно, что все это отнимало невероятное количество времени у В.И. Блау и не давало возможности полноценно заниматься какими-либо научными изысканиями. И это в течение 15 лет![15]

Еще несколько слов по поводу научной деятельности. Может быть, Блау и не был склонен к написанию научных работ, а был военным, хозяйственником, крупным организатором. По крайней мере работ сугубо научного характера мы не обнаружили. А повседневные заботы, связанные с институтом, как уже упоминалось, отнимали массу времени[16]. Впрочем, будучи преподавателем в инженерной школе, а затем в Военной академии, он, по всей вероятности, имел отношение к разработке учебных курсов и, возможно, методических пособий. В связи с эти отметим, что в институте продолжалась практика чтения публичных лекций по химии и физике, начатая в 1836 г. по распоряжению Е.Ф. Канкрина. Во время директорства Блау эта инициатива поддерживалась, и были еще лекции «по физике Максимовичем (в 1838 и 1840 гг.), по прикладной механике Ястржембским (в 1838 г.) и по химии Кованько (в 1839 г.)»[17].

Возможно, у Блау не было обширной библиотеки, так как начиная с третьего директора института Константина Федоровича Бутенева (1805–1863) (период управления институтом (1852–1858)[18]), некоторые директора передавали свои личные книги в общее пользование: И.А. Вышнеградский (1831–1895)[19], Д.С. Зернов (1860–1922), периоды директорства соответственно: 1875–1878; 1902–1906, 1908–1913, 1920–1922 гг.[20]

Напомним, что инициатива создания института принадлежала министру финансов Егору Францевичу Канкрину[21] и первоначально он носил название Санкт-Петербургский практический технологический институт, цель которого была сформулирована в утвержденном в 1828 г. Николаем I «Положении...»: «приготовить людей, имеющих достаточные теоретические и практические познания для управления фабриками или отдельными частями оных»[22]. Интересно, какие предметы должны были изучать воспитанники, согласно положению? Закон Божий, чистописание, российский язык по правилам грамматики, общие познания географии и обозрение истории и т.д. Но мы, как математики, выделим следующие предметы: арифметика, алгебра до уравнений, геометрия и некоторое понятие о практическом измерении земель, нужные (! — *В.У., Т.У.*) части прикладной механики,

необходимые для ремесел и искусств познания физики. Все это вспомогательные предметы. Назовем некоторые основные: основательные (обратим внимание) познания практической химии в отношении к ремеслам и искусствам; курс технологии и особенно тех частей, которые ближайшим образом относятся до целей учреждения института (далее идет перечисление)[23]. Таким образом, звание «практический технологический институт» вполне себя оправдывает.

Любопытно, что даже через семь лет после основания института совсем не было руководств по специальным предметам. Преподавателями было предложено обучающимся для облегчения процесса литографировать записки по ряду предметов. Однако Канкрин был категорически против этого, полагая, что «чрез собственное писание воспитанники лучше вытверживают содержание»[24]. Преподаватели-математики и в настоящее время, безусловно, согласны с этим утверждением.

К счастью, во втором номере журнала «Русское искусство» за 2005 г. был опубликован акварельный портрет фон Блау, который хранится в Музее-панораме «Бородинская битва». Несмотря на то что на обороте портрета была плохо сохранившаяся надпись «директор Технологического института», ученый А.В. Кибовский все-таки сумел доказать, что это портрет В.И. Блау, который мы и имеем в музее института[25].

Сведений о Вильгельме Леопольде фон Блау (Василии Ивановиче), конечно, очень мало. Родился он в Валке (Walk, Lifland, нынешняя Латвия) 21 июня 1791 г. в семье Иоганна Кристофора фон Блау (Johan Christoph von Blau) и его супруги Катарины Элизабет фон Баумгартен (Catharina Elisabeth Baumgarten). Иоганн Кристофор был ректором школы, а позже бухгалтером казначейской конторы в Риге. В.И. Блау поступил в 1813 г. на российскую военную службу офицером инженерных войск, участвовал в заграничных походах в 1813–1814 гг. Был подпоручиком Таврического гренадерского полка. Получил серебряную медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814 г.». После окончания боевых действий обучался в Императорской академии, где, по словам современников, проявил большие познания, старательность и исполнительность. Затем служил военным инженером, преподавал в инженерной школе, а позже — в Военной академии. В 1834 г. получил чин полковника Корпуса горных инженеров[26], а в 1838 г. по личной просьбе министра финансов был назначен директором СПб Практического технологического института. Начальник Военной академии не хотел расставаться с подчиненным, но тем не менее писал министру финан-

сов, что назначение Блау «вполне соответствует способностям его, и что он постоянным усердием к службе несомненно оправдает доверие». Заметим, что Блау вышел в отставку в 1853 г. в чине генерал-майора, который получил в 1848 г. Скончался 15 декабря 1866 г. в возрасте 75 лет. Был похоронен как лютеранин на Смоленском евангелическом кладбище в Петербурге рядом со своей первой женой Юлией, в девичестве Врангель (1781–1862), дочерью прибалтийского немца, российского военного и государственного деятеля Андрея Ивановича Врангеля (Heinrich Johann Freiherr Wrangler zu Addinal)[27]. О детях Блау никаких сведений найти не удалось. Вторая его жена Софья Шумахер, урожденная Ганефельдт, пережила В.И. Блау на 14 лет, умерла в 1880 г. и была похоронена на Волковском лютеранском кладбище.

В.И. Блау награжден орденами Святой Анны 2-й степени с Императорской короной, Святого Владимира 4-й степени без банта, святого Станислава 2-й степени.

Как служил на своем посту В.И. Блау, свидетельствуют и выписки из Центрального государственного исторического архива в Санкт-Петербурге. Вот некоторые из них:

а) «Дело о производстве Директору Института Полковнику Блау добавочного жалованья, за службу в военно-учебных заведениях» (ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 571. 1840 г.);
б) «Дело о пожаловании знаками отличия безпорочной (так в тексте. — *В.У., Т.У.*) службы: Института Горного Инженер-Полковника Блау за ХХХ лет» (ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 811. 1844 г.);
в) «Дело о доставлении денег, следующим в государственный доход за пожалование Директору Технологического Института Г-ну Блау чина Генерал-Майора» (ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2 Д. 993. 1848 г.).

А еще он получал от Министерства финансов «добавочное жалование независимо от оклада, получаемого им по званию Директора Института».

Интересно появление портрета Блау в музее института[28]. В 1993 г. во второй раз проходила выставка портретов неизвестных лиц из частных собраний. Цель выставки — узнать какие-либо сведения о той или иной персоне, особенно от посетителей выставки, и «вырвать из плена забвения имена людей, изображенных на старых портретах»[29]. Одним из портретов неизвестного в военной форме заинтересовался ученый, кандидат исторических наук А.В. Кибовский. Ему удалось прочитать на обороте листа полустертую надпись: «директор Технологического

института». Опуская многие детали исследования, отметим лишь, что Кибовский внимательно изучил мундир неизвестного, его награды, обратил внимание на пряжку «XX лет беспорочной службы в офицерских чинах». Он выяснил, что мундир, подобный изображенному, был установлен в 1834 г. для офицеров Корпуса горных инженеров и просуществовал без изменений до 1855 г. А с 1834 по 1855 г. в Санкт-Петербургском технологическом институте сменились три директора, среди которых горными инженерами были двое: В.И. Блау и К.Ф. Бутенев. Но у Бутенева не было медали «За взятие Парижа 19 марта 1814 г.», и незадолго до назначения директором института он получил пряжку «XXV лет беспорочной службы в офицерских чинах». Все выясненные обстоятельства позволили А.В. Кибовскому с уверенностью утверждать, что на портрете изображен именно В.И. Блау[30]. Должны отметить, что это было долгое и очень тщательное исследование ученого, а мы изложили только некоторые моменты[31].

В заключение хотелось бы сказать, что изначально мы не собирались писать о В.И. Блау. Но жизнь показала, что дело это стоящее. Ведь, по существу, мы мало что знаем о достойных людях, которые были защитниками России, прославляли ее как свою Родину. Их, к сожалению, мало кто знает. Один из авторов этой работы считает своим долгом писать об этих замечательных ученых и просто о людях (русских, немцах, шведах, финляндцах), которые дорожили своей честью, семьей и все делали на благо России. И в этой работе мы естественным образом упомянули самоотверженных, увлеченных немцев, которых в известном смысле можно назвать соратниками Василия Ивановича Блау. На том и стоим.

* * *

[1] *Уланов В.А., Уланова Т.А.* Яков Иванович Ламанский — директор Технологического института: материалы науч. конф., посвящ. 186-й годовщине образования Санкт-Петербургского технологического института (технического университета). СПб.: Изд-во СПбГТИ (ТУ), 2014. С. 257.

[2] *Уланов В.А., Уланова Т.А.* Род Ламанских // Актуальные проблемы развития современной науки и образования: по материалам науч.-практ. конф. 30.04.2016. Научный журнал. 2016. № 4-2 (7). Ч. 2. С. 26–31.

[3] *Уланов В.А.* Российский немец Генрих Карлович Брун // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.). СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 241–255.

[4] *Птуха М.В.* Очерки по истории статистики в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. II. О Филиппе Карловиче упомянуто на многих страницах, укажем лишь с. 370–374.

[5] Нередко происходит небольшая путаница с переводом на русский язык фамилий, имен, в частности, иностранных ученых. Заметим, что фамилия Брун переводится как Brun, однако Генрих Карлович подписывал свои работы на немецком языке как Bruun. По поводу инициалов «В. К.»: дело в том, что полное имя и отчество у упоминаемого брата — Вильям Генрих Карлович. Такого рода примеров можно привести достаточно много.

[6] Первый директор Иван Михайлович Евреинов (1781–1838) в 1838 г. был назначен председателем Комиссии погашения государственных долгов, в связи с чем оставил пост директора института.

[7] Ипполит Антонович Евневич был неординарным человеком. Из семьи помещиков. Вначале учился в гимназии Санкт-Петербурга, затем в кадетском училище. В 1856 г. окончил физико-математический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, получив степень кандидата математических наук (заметим, что дореволюционная степень кандидата сопоставима с нынешней квалификацией магистра-отличника, а дореволюционному магистру, наоборот, соответствует современная ученая степень кандидата наук). Преподавал во многих высших учебных заведениях, с 1868 по 1887 г. был деканом в Технологическом институте, где читал, в частности, курс по теоретической и прикладной механике. Автор фундаментальных работ, среди которых отметим первое учебное пособие по теории упругости на русском языке, один из первых русских учебников по гидравлике. В 1884 г. был внесен в список пожизненных членов Русского технического общества.

[8] Пятидесятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института. 28 ноября 1878 г. СПб., 1879. С. 108.

[9] Там же. С. 128.

[10] Там же. С. 138.

[11] Обратим внимание, что территория Технологического института была ограничена участком на пересечении Загородного и Московского проспектов. Началось строительство специальных зданий (трехэтажный главный корпус, жилые дома, некоторые мастерские). В возведении этих строений активное участие принимал, как его называли, немецкий архитектор Санкт-Петербурга Эдуард Христианович Анерт (1790–1848).

[12] Федор Федорович (Фридрих Конрад) Бейльштейн (Friedrich Konrad Beilstein), российский немец (его дед переселился из Дармштадта, ныне земля Гессена), химик органик, первый издатель широко известного справочника по органической химии. Невероятно, но четвертое издание справочника, выходившего с 1918 по 1988 г., включает 503 тома (более 440 тыс. страниц)! Академик Бейльштейн был одним из основателей Русского химического общества. Он работал профессором и заведующим химической лабораторией Санкт-Петербургского технологического института 30 лет (1866–1896).

[13] Любопытно, что по предложению Е.Ф. Канкрина (1774–1845) в модельной мастерской воспитанники (кроме всего прочего) стали заниматься изготовлением моделей земледельческих механизмов.

[14] Пятидесятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института. 28 ноября 1878 г. СПб., 1879. С. 131.

[15] Заметим, что уже в 1840 г. во время директорства Блау Технологический институт принимал участие в мануфактурной выставке и 15 воспитанников были удостоены малых серебряных медалей.

[16] Да и в наше недавнее время вспомним хотя бы горечь М.В. Келдыша (1911–1978), что в связи с избранием его Президентом АН СССР он считал себя потерянным как ученый. Или С.П. Капица (1928–2012), когда он, к счастью для всего образованного народа России, пришел на телевидение (в ущерб своей научной деятельности, о чем говорили его коллеги) вести передачу «Очевидное — невероятное».

[17] Пятидесятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института. 28 ноября 1878 г. СПб., 1879. С. 124.

[18] Кстати, как ранее упоминалось, многие институтские строения начали возводить при Блау, а заканчивали уже при следующем директоре. Горный инженер, генерал-лейтенант К.Ф. Бутенев, в частности, активно разрабатывал новое положение об институте, которое было принято уже при следующем директоре.

[19] Заметим, что И.А. Вышнеградский был первым преподавателем Технологического института, назначенным директором института. Уместно отметить, что, став в 1887 г. министром финансов, он отошел от научной и преподавательской деятельности. Совмещение, как у и многих, практически невозможно. Однако еще в начале 80-х годов XIX в. он возглавлял Общество Юго-Западных железных дорог, где уже служил будущий министр финансов и сподвижник Вышнеградского С.Ю. Витте (1849–1915). За годы работы в железнодорожной отрасли Вышнеградский смог нажить огромный капитал, поэтому при переходе на государственную службу перед ним, в отличие от многих других чиновников России, не стоял вопрос о личном обогащении. Заметим, что после его кончины вдова Варвара Федоровна пожертвовала институту библиотеку мужа, составлявшую до 1600 томов технических сочинений. Трудно переоценить такое действие по отношению к институту.

[20] С 1917 г. должность директора была заменена должностью ректора.

[21] Е.Ф. (Георг Людвиг) Канкрин, русский государственный деятель и экономист немецкого происхождения, родился в городе Ханау. Никто из русских министров финансов так долго не оставался на этом месте, как Канкрин. Кроме того, он был, в частности, еще и «главноуправляющим» корпуса Горных инженеров. Немало книг он пожертвовал институтской библиотеке при ее создании. Впоследствии его примеру последовали, как уже упоминалось выше, многие директора института, известные деятели науки и культуры, чья деятельность в разное время была связана с институтом. Передаваемые частные коллекции содержали немало книг на немецком языке.

[22] В 1878 г. по случаю пятидесятилетия со дня основания института была выпущена медаль. Знаменательно, что на ней рисунок на реверсе изображает

зубчатое колесо как эмблему технических производств, между спицами которого переплетен дубовый венок, а сверху колеса зигзагом расположена лента с надписью на лицевой стороне «С.Петербургский практический технологический институт».

[23] Уместно отметить, что план обучения утверждал граф Канкрин. По математической части можно, в частности, указать следующее: в первом классе младшего возраста обучали арифметике (целые, дробные числа и пропорции), геометрии (планиметрии и стереометрии), во втором классе — прикладной арифметике, начертательной геометрии; в третьем классе изучали алгебру.

[24] Пятидесятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института. 28 ноября 1878 г. СПб., 1879. С. 117.

[25] *Алексевский А.П.* Господин N и госпожа NN. Кто они? // Русское искусство. 2005. № 2. С. 40–47.

[26] В 1834 г. при Технологическом институте была учреждена Горная техническая школа, которая готовила горных механиков для Корпуса горных инженеров. Горная школа существовала при институте до 1862 г.

[27] Замечательно, что у Андрея Ивановича (добавим: генерал-поручика (воинское звание старше генерал-майора), тайного советника, губернатора Эстляндии (ныне — северная часть Эстонии) в 1786–1796 гг.) было 12 детей!

[28] Поскольку институт принадлежал Корпусу горных инженеров, то в мундире полковника (этот чин он получил в 1837 г.) этого Корпуса Василий Иванович изображен на представленном портрете.

[29] *Алексевский А.П.* Указ. соч. С. 40.

[30] Этот портрет, созданный в 1843–1846 гг., на сегодняшний день является единственным изображением В.И. Блау. Был приобретен у частного лица в 1977 г.

[31] Вообще очень интересно читать описание портрета. Вот некоторые выдержки: «Офицер уже не молод (на вид ему лет 40–50), его красивое лицо проникнуто одухотворенностью. Прямо на зрителя устремлен взгляд больших глаз, в которых читаются спокойствие, доброта и какая-то внутренняя скорбь. Правильные черты, разметавшиеся волосы придают всему образу романтический колорит». Описание можно с удовольствием продолжать и далее.

Е.Я. Биллер

ХУДОЖНИК ВИЛЛЕВАЛЬДЕ, СЫН НЕМЕЦКОГО КОЛОНИСТА ИЗ ИЖОРЫ

Статья посвящена истории, связанной с исследованием вновь открытых документов, позволивших вопреки устоявшейся традиции доказать, что выдающийся мастер батальной живописи, русский художник Богдан (Готфрид) Павлович Виллевальде (31.12.1818/12.01.1819–24.03.1903) происходит из среды немецких колонистов. Хотя творческая судьба художника достаточно подробно изучена, в публикациях современных исследователей имеются белые пятна, явные противоречия и неопределенность в том, что касается биографии художника. В результате исследования и анализа документов сделан убедительный вывод о том, что отцом Б.П. Виллевальде был не некий анонимный «богатый иностранец из Баварии», а конкретный колонист из немецкого поселения Ижора под Санкт-Петербургом. Отец художника, Пауль Виллевальд, прибыл в Россию вместе с другими переселенцами из Германии в 1765 г. по призыву Екатерины II в соответствии с ее знаменитым Манифестом. Благодаря своим хозяйственным и организаторским способностям Пауль, будучи уже в преклонном возрасте, перебрался из Ижорской колонии в Павловскую Ферму императрицы Марии Федоровны для работы в качестве управляющего. По мнению участников группы потомков первых немецких колонистов под Санкт-Петербургом и в Новгородской губернии, принимавших участие в исследовании метрических записей лютеранского Новосаратовского прихода, именно в Павловске в 1818 г. в семье Пауля Виллевальда и Екатерины (дев. Паль) родился будущий художник Готфрид Виллевальде.

Ключевые слова: художник-баталист Богдан (Готфрид) Павлович Виллевальде, немецкие колонии в России, метрические книги лютеранских приходов, сообщество потомков первых немецких колонистов под Санкт-Петербургом и в Новгородской губернии, Российский государственный исторический архив (РГИА), Императорская Академия художеств, императрица Мария Федоровна.

E.Ja. Biller

PAINTER WILLEWALDE, SON OF THE GERMAN SETTLER FROM IZHORA

This article presents a story related to research of the newly discovered documents, that made it possible, in contrary to established opinion, to prove, that the great battle painter, the Russian artist Bogdan (Gotfried) Pavlovich Willewalde (31.12.1818/12.01.1819–24.03.1903) descends from the community of the German settlers (colonists). Although the creative career of the artist is studied sufficiently completely, there are some blank spaces, apparent contradictions and uncertainties, related to the artist's biography in the modern research publications. The documents examination and analysis allows for the conclusion that the father of B.P. Willewalde has been not a certain nameless "rich foreigner from Bavaria" but a concrete person from the German settlement Izhora at Saint Petersburg. The artist's father Paul Willewald arrived in Russia, together with other German settlers in 1765, at the invitation of Catherine II, in accordance with her famous manifesto. Due his skills Paul, being a man of years, obtained employment as a land-steward at the farm of Empress Maria Fedorowna, and moved from Izhora settlement to Pavlovsk.

In the view of the team members, descendants of the first German settlers at Saint Petersburg and Novgoroder province, participated in examination of register of births, marriages, and deaths of the Lutheran church in the Novo-Saratovka settlement, it was the Pavlovsk, where in 1818 in the family of Paul Willewald and Catherine (nee. Pahl) the future artist Gotfried Willewalde was borne.

Keywords: battle painter Bogdan (Gotfried) Pavlovich Willewalde, German settlements in Russia, register of births, marriages, and deaths of the Lutheran church, team for descendants of the first German settlers at Saint Petersburg and in the Novgorod province, the State Archive of the Russian Federation (RGIA), the Imperial Academy of Arts, Empress Maria Fedorowna.

В 2018 г. произошло замечательное событие в истории русского изобразительного искусства — исполнилось 200 лет со дня рождения Богдана Павловича Виллевальде, живописца, академика, заслуженного профессора батальной живописи, члена Совета Императорской Академии художеств.

Можно сказать, что творческая судьба художника достаточно полно изучена. Ей посвящены работы искусствоведов, начиная со статьи В. Чуйко в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1890–1907) и заканчивая рядом публикаций современных исследователей, таких как Елена Анатольевна Боровская, Олег Васильевич Шереметьев, Лариса Валентиновна Бардовская. Очевидно, нет необходимости пересказывать все написанное, но надо отметить, что в работах перечисленных авторов имеются белые пятна, явные противоречия и неопределенность в том, что касается биографии художника.

Я впервые обратил внимание на творчество Виллевальде еще в молодости, часто бывая в Эрмитаже, а потом, в 1983 г., — во время первого посещения Новгородского художественного музея. В просторном переходе на второй этаж перед анфиладой выставочных помещений размещено монументальное полотно «*Открытие памятника “Тысячелетие России” в Новгороде в 1862 г.*» (рис. 1).

Рис. 1. Б.П. Виллевальде «Открытие памятника “Тысячелетие России” в Новгороде в 1862 году». 1864. Холст, масло. 248×387 см

Не может не заинтересовать огромная многофигурная композиция, посвященная открытию этого замечательного памятника, который теперь является не только украшением Великого Новгорода, но и его символом. Мне, наверное, как и многим другим, фамилия Виллевальде показалась тогда имеющей отношение к Франции. Затем встречались произведения художника и в других музеях, стали известны некоторые факты его биографии.

Было распространено мнение, что правила военного искусства, которым отвечали композиции академических художников-баталистов XIX в., заглавная роль полководцев или российских императоров в различных кампаниях не позволяли им подняться до философского осмысления войны как трагедии. Между тем у В.В. Верещагина, к примеру, редко встречались сцены поединков или изображения сражений больших воинских формирований. Все эти обстоятельства стали подогревать общественный интерес к творчеству академистов-баталистов, тем более что когда-то этот жанр считался самым почетным в русском искусстве. Одним из выдающихся мастеров-баталистов был Богдан (Готфрид) Павлович Виллевальде (31.12.1818/12.01.1819–24.03.1903).

Из Википедии: сын богатого иностранца из Баварии, Готфрид Виллевальде родился в Павловске в 1818 г. (ст. ст).

История знакомства с интересным, прежде всего для потомков питерских немецких колонистов, открытием началась еще в 2013 г. Открытие, о котором идет речь, состоит в том, что давно замеченное сходство фамилии художника Виллевальде с фамилией Виллевальд колонистов, поселившихся в немецкой земледельческой колонии Ижора под Санкт-Петербургом в 1766 г., а затем, уже в XIX в., оказавшихся в колониях Новгородской губернии, вызывало естественное предположение: не было ли происхождение Богдана Павловича каким-то образом связано с немецкими колониями? Фантастичность, на первый взгляд, этого предположения не помешала серьезно заняться поисками. В итоге, несмотря на утерю бесценных метрических записей, которые могли бы конкретно указать на семью, в которой родился художник Виллевальде, удалось убедительно доказать то, что в определенной степени противоречит общепризнанной и растиражированной версии о «сыне богатого иностранца из Баварии». Можно сказать следующее: до настоящего времени вопросом происхождения Богдана Павловича никто особенно не интересовался. А возможно, и сам художник не стремился это афишировать.

Начать рассказ следует издалека, когда участниками сообщества потомков первых немецких колонистов под Санкт-Петербургом и в Новгородской губернии (речь идет о Марине Мелиной, Анатолии Гевейлере и Ирине Кибиной) была обнаружена рядовая запись в метрической книге немецкого лютеранского Новосаратовского прихода Санкт-Петербургской губернии, которая гласила, что 11 октября 1839 г. неженатым умер 21-летний поселянин Ижорской колонии Пауль Конрад Виллевальд, сын ижорского колониста Пауля Виллевальда[1]. Если быть точнее, то в соответствии с установленными правилами в метрических записях лютеранских приходов возраст на момент смерти указан гораздо определеннее — 21 год 7 месяцев и 13 дней. Путем несложных подсчетов можно определить дату рождения: 26 февраля 1818 г.:

*Paul Conrad *26.02.1818 (нет метрик) Ischora †11.10.1839 ledig (31.38), Sohn des Kolonisten Paul Wilewald aus Ischora.*

Здесь и далее приводятся краткие пояснения по выпискам из метрических записей:

— KB — церковные (метрические) книги, в которые пастором заносились записи о рождении, бракосочетании и смерти прихожан;

— * родился;

— † умер;

— oo — сочетание браком (Ioo — первым браком, IIoo — вторым браком).

Кроме того, по результатам исследований KB еще раньше было известно, что отец Пауля Конрада, Пауль Виллевальд-старший, умер в 1840 г., будучи женатым вторым браком:

KB Saratowka 1840: Paul Wilewald † mit 94 J. aus Regensburg gebuertig. Erste Ehe — 45 Jahre lang, 2 Ehe — 28 J. Hatte 10 Kinder, 27 Enkeln, 82 Urenkeln und 13 Ur-Urenkeln[2].

В записи о смерти Пауля Виллевальда указано: умер 5 марта в 5 часов утра, захоронен 10 марта, колонист Ижоры, умер в возрасте 94 лет 2 месяцев и 4 дней (то есть дата рождения — 1 января 1746 г.), на момент смерти был женат, умер от желтухи, в последнем столбце пастор оставил такую запись: прибыл в Россию в 1765 г., в первом браке прожил 45 лет (примечание: с Марией Магдаленой Краус),

во втором — 28 лет, имел 10 детей, 27 внуков, 82 правнука и 13 праправнуков.

Согласитесь, личность Пауля — сама по себе весьма примечательна. Взять, например, хотя бы тот факт, что отмеченное выше появление на свет Пауля Конрада произошло, когда отцу ребенка уже стукнуло 72 года! Пауль Виллевальд прибыл в Россию вместе с другими переселенцами из Германии по приглашению Екатерины II в соответствии с ее знаменитым Манифестом, имел хозяйство в немецкой земледельческой колонии Ижора, находившейся в Колпино.

Интуиция подсказывала, что если рождение художника Богдана (Готфрида) Виллевальде предположительно связано с семьей Пауля-старшего, то нужно более подробно исследовать все записи метрических книг, каким-либо образом касающиеся судьбы этого «энергичного старца» и относящиеся к периоду первых десятилетий XIX столетия. Несмотря на отсутствие прямых записей о второй супруге Пауля, о ней также нашлись косвенные сведения, вследствие чего можно уверенно предположить:

*Katharina Willewald geb. Pahl *1776 †14.12.1862 — im Original: 86 J. Sankt Petersburg.*

Путем различных построений удалось также убедительно показать, что, вероятно, Катарина была вдовой к 1812 г. и примерно в это время вышла замуж за вдовца Пауля Виллевальда. Женщина была еще молодая — 34 года, а Паулю уже было 66 лет.

Как говорилось выше, можно с большой долей вероятности утверждать, что они родили Paul Conrad *26.02.1818, а через 10 месяцев на свет появился Gottfried. Интересный факт: в предыдущем браке Пауля-старшего дети дважды рождались с перерывом менее чем в год.

Но предстояло еще убедиться в том, действительно ли Готфрид, будущий художник Богдан Павлович Виллевальде, родился именно в семье Пауля Виллевальда и Катарины Паль? Благодаря поискам в записях уже за 1840 г. была обнаружена интересная информация, касающаяся семейства Виллевальдов. Оказывается, буквально через месяц после кончины отца в возрасте 25 лет на Христине Крафт из Александровской колонии, что под Новгородом, женится Лоренц — старший сын Пауля. Версия о том, что у Готфрида был брат Лоренц 1815 г. рождения, в дальнейшем подтвердится и, более того, окажет существенную помощь в построении доказательств, указывающих

на факт, который на сегодняшний день у нас практически не вызывает возражений: Лоренц, Пауль Конрад и Готфрид были сыновьями Пауля-старшего и Катарины Паль.

Сомнения относительно убедительности версии рождения будущего художника в колонистской семье в значительной мере были сняты благодаря информации, обнаруженной участником группы потомков Е.Я. Арсеньевой (Плетцер). Елена Яковлевна, очень скрупулезная в поисках и фиксации нужных документов, нашла много материалов, касающихся различных линий рода Виллевальд, которые интересны сами по себе, но в первую очередь непосредственно относятся к нашему повествованию. Главная находка состоит в том, что в метрических записях Новосаратовского прихода за 1861 г.[3] она обнаружила и смогла прочитать (что, поверьте, не так уж просто) бесценную для нашего исследования информацию о рождении у Лоренца мальчика с именем Пауль (рис. 2), названного так, очевидно, в честь дедушки. Все бы ничего, но посмотрите, кто были крестными у ребенка!

Вот прямое, как нам кажется, доказательство всех теоретических построений, ведь черным по белому написано, что крестным являлся Готтфрид Виллевальд — профессор Академии художеств.

Кроме того, существуют аналогичные записи о рождении у Лоренца других сыновей: 14.05.1846 — Готфрида Пауля; 23.09.1848 — Карла Лоренца.

А в 1856 г. у Лоренца и его жены родилась дочка Августина, причем среди крестных была уже Августина, ур. Шооб, жена художника Виллевальде. Другие метрические записи также говорят о том, что Богдан Павлович Виллевальде и его жена Августина Шооб постоянно участвовали в жизни своей колонистской родни и не чурались ее.

Уже после проведенного нами расследования, при внимательном ознакомлении со статьей члена Союза художников России А. Пере-

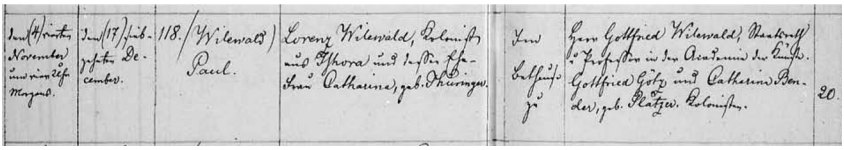

Рис. 2. Записи в метрической книге Новосаратовского прихода. В графе «Восприемники» — Готтфрид Виллевальд, статский советник и профессор Академии художеств, Готтфрид Гётц, Катарина Бендер, урожденная Плетцер. Колонисты

вышко, посвященной художнику Н.С. Самокишу (2003 г.), обнаружилась замечательная информация, которая напрямую подтвердила наше открытие. Исследователь пишет: *«С теплотой вспоминает Самокиш о своем учителе как о добром человеке. Виллевальде был сыном немецкого колониста, родился в России под Петербургом»*[4].

Интерес к личности художника Б.П. Виллевальде оказался настолько серьезным, что возникло естественное желание найти дополнительные документы, которые помогли бы понять, что это был за человек.

Самое время немного рассказать о личности художника через призму его творческого пути. В постоянной экспозиции Михайловского замка (Русский музей) «Лица России» есть зал, в котором представлены портреты деятелей российской культуры XIX в. Когда я увидел миниатюру с портретом «нашего» Готфрида, то у меня возникло ощущение, что я встретился со старым знакомым. Следует сказать, что во многих изданиях это изображение ошибочно называется автопортретом. Но это не так: художник А.А. Беземан представил на звание академика данный портрет, который был одобрен академическим советом. Адольф Андреевич (19 мая 1806, Геттинген — 1867) — живописец, профессиональное образование получил в Германии. С 1823 г. работал в Петербурге как художник Департамента герольдии.

На ошибку в свое время мне указал потомок Богдана Павловича по прямой линии — Вадим Юрьевич Виллевальде, с которым мы в последнее время интенсивно переписываемся. Я не постеснялся представиться тогда и задать ему несколько вопросов, предварительно введя его в курс наших поисков в группе. Надо сказать, что Вадим Юрьевич очень любезно отнесся к разговору. О происхождении своего знаменитого предка до последнего времени никаких сведений не имел, но зато у него обнаружилось огромное количество материалов, относящихся к изучению творчества Виллевальде, которые и были предоставлены мне.

О творчестве Б.П. Виллевальде написаны исследования, в том числе публикации в изданиях последнего времени. Видимо, можно утверждать, что «Богдан (Готфрид) Павлович Виллевальде (1818–1903) прожил счастливую жизнь художника-баталиста. Начало его творчества совпадает с особой популярностью батальной живописи, вызванной Отечественной войной 1812 г. и триумфальным походом российских войск в Европу и в Париж. Поэтому уже первые полотна выпускника и пенсионера Академии художеств (“Сражение при

Фершампенуазе", 1842) приносят Б. Виллевальде ожидаемый успех. После возвращения в Петербург он получает звание академика и приглашается на преподавательскую работу вначале в Рисовальную школу Общества поощрения художников, а затем и в саму Академию, где с 1848 г. является профессором и руководителем класса батальной живописи. Его картины, внешне эффектные своими размерами и исполнением, прославляют победы русского оружия или посвящены выдающимся событиям в современной художнику жизни — например, торжественному открытию памятника "Тысячелетие России" в Великом Новгороде, коронации императора Александра II в Москве. Конечно, батальное творчество Б.П. Виллевальде резко отличается от картин Туркестанской и Балканской серий В.В. Верещагина. Но утверждать напрашивающееся, что после В.В. Верещагина изображать войну иначе, чем он, неверно. И прежде всего потому, что люди различаются по своему происхождению, воспитанию, образованию, наконец, своим генам. И ради справедливости следует отметить, что сам Виллевальде стремился сделать свои картины более реалистичными. Он часто выезжал на место боев бесконечной для России в XIX в. Кавказской войны, чтобы получить непосредственное впечатление от нее. Он с охотой отходит от помпезности в своих работах в пользу изображения жанровых сцен военных походов, подчеркивания "разноплеменности" российской армии и нормальных бытовых отношений простых солдат и офицеров с местным населением»[5].

Из современных исследований творчества (и биографии) Б.П. Виллевальде, безусловно, следует обратить внимание на следующие работы:

— *Плюснина Е.А.* Батальный класс Академии художеств второй половины XIX в.: дис. ... канд. искусствоведения (17.00.04). СПб., 2005. 318 с. + прил. (47 с.; ил.).

— *Боровская Е.А.* Живописец Б.П. Виллевальде (1818–1903) и его полотна военно-бытового жанра // Вестник СПбГУКИ. 2013. Март. № 1 (14). С. 122–126.

— *Шереметьев О.В.* Наполеоновская эпоха в батальной и портретной живописи России Европы конца XVIII — начала XX в.: дис. ... д-ра искусствоведения (17.00.04). Барнаул, 2010. 520 с.

— *Бардовская Л.В.* Готфрид Виллевальде — живописец императорского официоза // Журнал «Наше наследие». 2003. № 67–68. С. 128–135.

Следует сказать несколько слов о фамилии. В части, касающейся изменения написания фамилии, можно отметить, что в первоисточниках, связанных с материалами Императорской Академии художеств

(отчеты, журналы и пр.), встречается написание и *Виллевальдъ* (с буквой «ъ» в окончании) и *Виллевальде*.

Сигнатуры (подпись художника на картине) на произведениях также разнятся в написании. Почему произошла трансформация, можно только предполагать. Но такие факты в творческой среде были достаточно распространены. Например, Карл Брюллов тоже несколько изменил написание своей фамилии. Поскольку знаменитый Брюллов был учителем нашего Богдана Павловича в Академии, то имеет смысл рассказать об этой истории подробнее.

Предок Карла Павловича — Георг Брюлло — в 1773 г. прибыл в Петербург работать на Императорском фарфоровом заводе в качестве орнаментного скульптора. Внук Пауль, позже Павел Иванович, стал отцом прославленных художников и родоначальником династии. Во втором браке Павел Иванович имел много детей, из которых двое сыновей стали знаменитыми: Карл Павлович и Александр Павлович Брюлловы. Буква «-в» была пожалована Карлу и его брату Александру перед пенсионерской поездкой в Италию. В Высочайшем указе, которым было дано соизволение императора на художественную поездку Александра Павловича и Карла Павловича за границу, их фамилия «Брюлло» была изменена на русскую по форме фамилию «Брюллов». С тех пор Александр Павлович и Карл Павлович стали называться Брюлловыми, остальные же представители рода продолжали носить фамилию Брюлло.

Возможно, в юности нашего Готфрида стали называть на французский лад просто в шутку. Может быть, это какая-то игра, ведь в русском языке буква ер «ъ» очень похожа на букву ять «ѣ», и тогда, в порядке предположения, получаем модель:

Виллевальдъ → Виллевальдѣ → Виллевальде.

Так или иначе сам художник, видимо, большого значения этому факту не придавал.

Четыре года назад я попытался найти в Российском государственном историческом архиве документы, которые имели бы отношение к Виллевальде. Однако, на тот момент не владея четкой методикой поисков в архивах РГИА и не имея никакого практического опыта архивной работы, рассчитывать на успех было трудно: список добытых сведений оказался достаточно скудным. Например, интересной показалась телеграмма в Императорскую Академию художеств от родственников художника, сообщивших о смерти Богдана Павловича в Дрездене после продолжительной болезни:

Императорская Академия художеств
17 Марта 1903 г.
Вх. № 1040
Am 24/11 Marz, morgens 6 1/4 Uhr entschlief sanft, nach langem schweren Leiden unser teurer Vater, Grossvater, Urgrossvater, Schwiegervater, Schwager und Onkel
Excellenz Gottfried von Willewald
Die traurnden Hinterbliebenen[6]
(24/11 марта в 6 1/4 утра скончался после тяжелой продолжительной болезни наш дорогой отец, дедушка, прадедушка, тесть (свекор), деверь и дядя
Его превосходительство Готфрид фон Виллевальд
Скорбящие родственники)
Приписано секретарем: Доложено собранию Академии 19 Марта 1903 г. Память покойного почтена вставанием.

Нельзя сказать, что эта относительная неудача в поисках завела в тупик. Тем более что все последние годы мне не давало покоя упоминаемое во многих изданиях утверждение, что Богдан Павлович Виллевальде, сын богатого иностранца из Баварии, родился в Павловске и в детстве якобы даже играл с маленькими великими князьями. Чтобы получить убедительные ответы на некоторые вопросы о биографических сведениях, касающихся судьбы Богдана Павловича Виллевальде, требовалось четко сформулировать эти вопросы:

— Что может означать кочующая из издания в издание фраза «родился в Павловске, был сыном богатого иностранца из Баварии»?

— Насколько можно доверять сведениям о том, что «художник, с детства знакомый с будущим царем, прекрасно знал придворно-аристократический мир, его потребности и запросы»?

— По чьей протекции, будучи еще учеником Академии, в 1840–1842 гг. он преподавал в рисовальной школе Общества поощрения художников, а по возвращении из-за границы был назначен учителем рисования великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, сменив в этой должности покойного Зауервейда?

Даже имея пылкое воображение, поначалу трудно было представить, каким образом фигура Готфрида, сына скромного поселянина из немецкой колонии Ижора, могла попасть в поле зрения великих князей и тем более царствующих особ в Павловской резиденции.

Вопрос, интересный сам по себе, требовал хотя бы какого-нибудь внятного объяснения.

Впоследствии, когда довелось познакомиться с материалами, касающимися замечательной истории дворцового комплекса Павловска и близлежащих территорий, все больше становилось понятно, что удивительный поворот в судьбе ижорского колониста Пауля Виллевальда и его семьи если и состоялся, то мог быть связан с личностью основательницы Павловска — с великой княгиней, впоследствии императрицей Марией Федоровной.

«Если Петергоф доныне напоминает Петра Великого, Царское Село — Екатерину II, то с Павловском неразрывны воспоминания о Марии Федоровне». Здесь и далее приводятся в пересказе материалы из интереснейшей книги М. Семевского «Павловск. Очерк истории и описания. 1777–1877 гг.»[7], написанной в 1877 г. Книгу я прочел на одном дыхании, практически не отрываясь. И чем больше я вникал в отдельные сюжеты повествования, тем все более складывался пазл из отдельных разрозненных сведений, размышлений и невероятных предположений, касающихся судьбы Богдана Павловича Виллевальде.

На краю Павловского парка, в продолжение аллеи Красного Солнца, до сегодняшних дней сохранился павильон Фермы, построенной по указу императрицы Марии Федоровны (рис. 3) в 1802–1805 гг. Кроме парадного павильона, возведенного по проекту А.Н. Воронихина, Ферма включала различные хозяйственные постройки: хлев, птичник, служебные флигеля. Сюда было переведено хозяйство, находившееся у Молочного домика в парке. Создавая Ферму, Мария Федоровна преследовала сразу несколько целей: во-первых, чисто практическую — это образцовое хозяйство поставляло молочные продукты к столу императорской семьи; во-вторых, будучи женщиной мыслящей, увлеченной благотворительностью и идеями эпохи Просвещения, Мария Федоровна хотела таким образом познакомить крестьян окрестных деревень с прогрессивными методами ведения домашнего хозяйства.

Обширное хозяйство Фермы содержалось в образцовом порядке. Мария Федоровна лично ознакомилась со всеми подробностями ведения хозяйства. На Ферме держали породистый скот, закупали самое новое для того времени оборудование. Избытки молочных продуктов предлагались гуляющим в парке. Приплод скота отдавали «на племя» бедным многодетным крестьянам или, наоборот, самым успешным. В период с 1815 по 1828 г. Ферма процветала.

Рис. 3. В.Л. Боровиковский.
Портрет императрицы Марии Федоровны. 1790-е годы

«Во дворе Фермы в специальном флигеле жили девушки из Воспитательного дома, которых управляющий Фермой, один из немецких колонистов, вместе с женой обучал правильному уходу за домашней скотиной».

Необходимо осмыслить значимость этой важной для наших поисков информации, отмеченной на стр. 285 книги М. Семевского.

Содержание образцового хлева, птичьего двора, конюшни, безусловно, требовало определенного количества рабочих рук. Если сюда прибавить посадку деревьев и устройство цветников, то количество привлекаемых работников значительно увеличится. Зная о том, как Мария Федоровна любила все, что ей напоминало о годах детства и отрочества, проведенных в замке имения Этюп близ города Монбельяра, ставшего впоследствии французским, вполне можно предположить, что помогать в работах на Ферме должны были прежде всего колонисты основанной государыней в 1818 г. «Вюртембергской колонии Этюп». Обоснование нашей версии о том, что управляющим Фермой не мог быть колонист из Этюпа и, скорее всего, это был умудренный богатым жизненным и хозяйственным опытом, не связанный с заботами о собственном хозяйстве колонист из самой близкой к Павловску Ижорской колонии, — тема для отдельного повествования. Так или иначе, но в определенный момент возникло предположение, что, оставив, как минимум, к 1804–1806 гг. свое хозяйство в Ижоре, Пауль переселился с семьей в Павловск. Там он не только участвовал в работах на Ферме, но и, являясь управляющим, вполне мог возглавить внедрение прогрессивных форм ведения дел под непосредственным руководством императрицы, в определенной степени став ее доверенным лицом. Конечно же, Пауль Виллевальд не мог числиться в разряде прислуги или простого работника, а входил в число лиц, приближенных к царской семье. Что и говорить — версия казалась не только красивой, но и достаточно убедительной. Дело оставалось за малым — найти архивные документы, которые смогли бы подтвердить эту версию.

Когда стало понятно, где и какого рода документы нужно искать, наступил новый этап поисков сведений о личности Готфрида Виллевальде. Представлялось, что необходимо сосредоточиться на документах описи 1 фонда 493 «Павловское городовое правление МИДв». Осенью 2017 г. в архивах РГИА удалось обнаружить несколько интересных документов, подтверждающих гипотезу о том, что Пауль Виллевальд, отец будущего художника, благодаря своим организаторским способностям действительно перебрался из Ижорской колонии в Павловскую Ферму для работы в качестве управляющего, или как тогда говорили — смотрителя. Весь объем найденных документов еще предстоит тщательно проанализировать, параллельно продолжая поиски, но сейчас можно привести часть документа, подтверждающего тот факт, что Пауль в 1804 г. стал смотрителем Фермы (рис. 4):

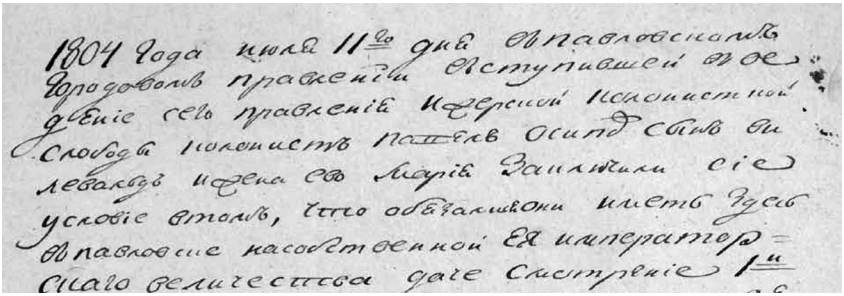

Рис. 4. Дело «Об определении к смотрению скота, хлебопашества и птиц колониста Вилевальда по увольнению скотницы Мейбаум»[8]

«1804 года июля 11-го дня в Павловском Городском Правлении вступивший в ведение сего правления Ижорской колонистской слободы колонист Павел Осипов сын Вилевальд и жена его Мария заключили сие условие в том, что обязались они иметь здесь в Павловске, на собственной Ея Императорского Величества даче смотрение: 1-е за хлебопашеством и птицеводством, а 2-е за скотом, и для того при вступлении принять им по описи с росписью в свое распоряжение весь имеющийся на даче скот и птиц. Со всей принадлежностью равно ему Вилевальду принять и всю состоящую при даче хлебопашенную и прочую землю, а потребные для хлебопашества инструменты купить ему самому не свыше назначенной в штате цены. Дать ему в полное распоряжение двух работниц с тремя лошадьми и сбруей, через коих наладить все хлебопашество на даче и около оной. Работу производить без упущений, со всем усердием на то все время, сколько нужно. Возить навоз, получая оный в Павловске, где назначат, а также пахать, бороновать, засеивать хлебом, где приказано будет. Потом сушить, молотить и убирать в надлежащие места — ригу и амбары. Конюшни, птичьи дворы, хлева все содержать всегда в лучшей чистоте. Для всего оного держать у него в распоряжении двух означенных работниц. Таковых же работниц определить для уборки хлеба и прочих работ. А притом, во время жатвы и молочения хлеба, нанимать четырех человек, но не более, как надобно лиц. А более людей уже не требовать. Всех сих работников нанимать ему Вилевальду самому, по не свыше назначенной по штату цене... Выдавать жалованье в год: Вилевальду — по двести рублей, а жене его — по сто рублей. Отвести им на даче квартиру и дать дров...»

Трудно описать чувства, которые я испытал, взяв в руки листы бумаги с живым текстом, написанным в начале XIX в. и реально подтверждающим произошедший перелом в судьбе ижорского колониста Пауля Виллевальда. Действительно, можно ли было предполагать, что версия о связи судьбы немецкого поселенца из Ижоры с царской Павловской резиденцией, а также с деятельностью императрицы Марии Федоровны подтвердится архивными документами, чудом сохранившимися? Чего тут больше — невероятной удачи или интуиции? Трудно теперь сказать определенно...

После того как были найдены документы, подтверждающие то, что Пауль Виллевальд действительно в 1804 г. стал смотрителем на Павловской Ферме и что он сам, а следовательно, и его семья могли быть на виду у двора, необходимо было найти документальные (а не только косвенные) сведения о том, как его сын Готфрид попал в Императорскую Академию художеств, и получить ответ на самый главный вопрос: действительно ли художник родился в семье немецкого колониста из Ижоры?

После долгих и кропотливых поисков в РГИА наконец-то был найден документ, к которому, кажется, мы шли долгие годы. В деле 2325 фонда 789 («Дело о производстве художнику Виллевальде ежемесячно по 40 рублей»[9]) обнаружилась докладная записка руководителя класса батальной живописи профессора А.И. Зауервейда президенту Императорской Академии художеств, в которой учитель художника просил назначить Готфриду Виллевальду ежемесячное пособие в размере 40 рублей. Сведения, приведенные в докладной, наконец-то сняли все вопросы в отношении происхождения Богдана Павловича из среды немецких поселенцев. Лучше привести полностью этот документ, ставший для нас таким значимым:

«4 Октября 1838 г.

Ваше Высокопревосходительство!

Податель сего Готфрид Виллевальд, сын колониста, служившего при Ферме в Павловском во время покойной Императрицы М. Федоровны, а теперь по старости лет с пенсионом в отставке, родился в Ижорской колонии. Имея уже двух братьев, которые отцу помогают землю обрабатывать, Готфрид решился в город итти, где принят был на 5 лет для изучения как стекла и мебели разкрашивать. Мастер его г-н Юнгштетъ заметил его старания и отличное поведение и подарил ему год, дозволил ему по истечении 4 лет заниматься в свою пользу, и жить

у его без всякой платы. С тех пор он ежедневно ко мне приходил, а вечером в художественных классах ?? 5–7 занимался. Прилежание, успехи и отличное поведение обратили на его внимание всех. Я ему давал копировать картины Великих Княжен, чтобы он копиями бы мог поблагодарить своего мастера Юнгштета и теперь за щастие почитаю, что Ваше Высокопревосходительство мне дозволили его Вам представить. Он имеет совершенно свободный паспорт, следовательно, ему только маленькое пособие нужно для усовершенствования. Если ему по 40 рублей в месяц выдавать, чтоб он себе квартиру близ Академии нанять мог, а за сие все картины и рисунки, которые он с натуры делать будет, в пользу батального класса Академии оставить, то выдача сих денег в пользу обратится.

Имею честь быть с истинным почтением и преданностью Вашего Высокопревосходительства всепокорнейшим слугою

А. Заурвейд».

Таким образом, все встало на свои места: колонистское прошлое Пауля Виллевальда, отца художника, рождение будущего академика Богдана Павловича Виллевальде в Павловске, резиденции вдовствующей императрицы Марии Федоровны (сведения Зауервейда о рождении в Ижоре требуют дополнительного объяснения и исследования), учеба в Императорской Академии художеств и дальнейшая блестящая творческая карьера знаменитого русского баталиста.

Впрочем, поиск новых сведений, которые смогли бы ответить на оставшиеся вопросы, касающиеся судьбы Готфрида Виллевальде, не окончен. Остаются неясными его семейные дела, хотя буквально за последнее время найдено много ценнейших документов. Не вполне понятны причины отъезда художника в Германию на лечение в конце жизни. Есть еще много других историй, каждая из которых требует тщательного изучения и анализа. Буквально на каждом шагу нас ожидают открытия.

Например, портрет Богдана Павловича, выполненный известным немецким художником Фогелем фон Фогельштейном в Дрездене в 1845 г. (рис. 5). Сделанная рукой Виллевальде подпись под изображением указывает на дату и место рождения — Павловск, 29 декабря 1819 г. Но все известные на сегодняшний день упоминания свидетельствуют о рождении художника 31 декабря 1818 г.! Что это — ошибка, сделанная второпях портретируемым, или нечто иное, пусть и не намного меняющее наши представления о вехах жизни художника?

В любом случае поиски будут продолжены, и нет никаких сомнений в том, что судьба сына ижорского колониста будет подробно исследована и станет более понятна нам, ценителям и почитателям его таланта.

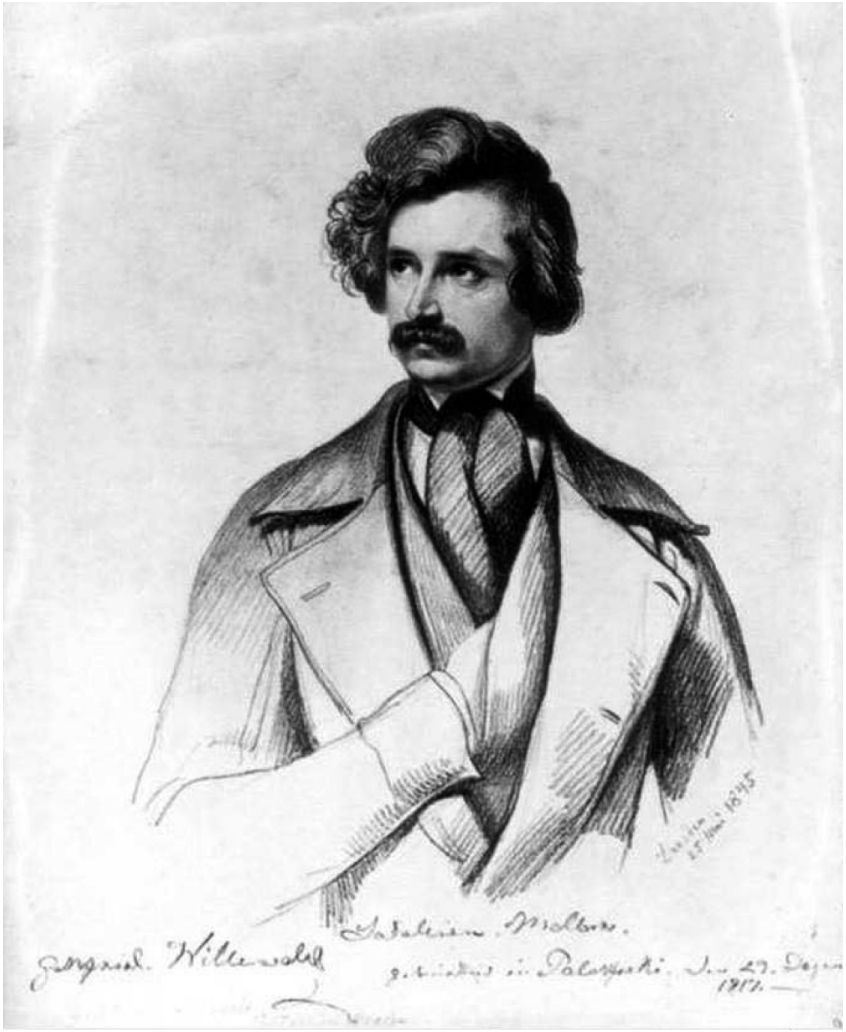

Рис. 5. Фогель фон Фогельштейн.
Портрет Богдана Павлович Виллевальде (1818–1903). Дрезден, 1845 г.

* * *

[1] РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 20.

[2] РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 23.

[3] РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 115.

[4] *Перевышко А.* Н.С. Самокиш. Художник-баталист // Антикварное обозрение. 2003. № 1. С. 4–11.

[5] Богдан Виллевальде. М.: Белый город, 2015. (Серия: Всемирный музей). 8 с.

[6] РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 42.

[7] *Семевский М.И.* Павловск. Очерк истории и описания 1777–1877 гг. / Составлено по поручению Его Императорского Высочества Государя Великого князя Константина Николаевича. СПб.: в Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1877. VIII, 592, VIII с., 22 л. ил., 1 карта: ил. 24,5×17 см.

[8] РГИА. Ф. 493. Оп. 1. Д. 4326.

[9] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2325.

О.А. Кривдина

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ СКУЛЬПТОРА И.Н. ШРЕДЕРА (1835–1908)

В статье анализируются малоизвестные факты биографии и творчества знаменитого скульптора И.Н. Шредера, установленные на основе обстоятельного изучения ранее не публиковавшихся архивных материалов. Менее всего оказался изучен ранний период творчества скульптора, что позволили выяснить документы, хранящиеся в РГИА и ОР ГРМ. Публикуемые материалы дают новое представление о Шредере как о многогранном мастере, плодотворно работавшем не только в монументальной, но и в мемориальной и станковой скульптуре. Отмечается, что созданные им памятники являются яркими и типичными образцами скульптуры 1860–1900-х годов, определившими последующее развитие монументального искусства в России.

Ключевые слова: Шредер, скульптор, скульптура, памятник, портрет, бюст, композиция, мрамор, бронза.

O.A. Krivdina

MATERIALS TO BIOGRAPHY OF I.N. SCHROEDER (1835–1908)

Little-known facts of biography and creative work of the famous sculptor I.N. Schroeder are analyzed in the article, which were ascertained on the basis of detailed study of archival materials, not being published earlier. The early period of the creative work of the sculptor was studied least of all, that allowed to ascertain the documents, kept in RGIA (Russian State Historical archives) and OR GRM (Department of manuscripts of State Russian museum). Published materials give new view of Schroeder, as of many-sided master, productively worked not only in monumental, but also in memorial and room sculpture. It is noted that the monuments created by him are bright and typical specimens of the sculpture of 1860–1900, which determined subsequent development of monumental art in Russia.

Keywords: Schroeder, sculptor, sculpture, monument, portrait, bust, composition, marble, bronse.

Рис. 1. И.Н. Шредер

С именем скульптора Ивана Николаевича Шредера (рис. 1) теснейшим образом была связана художественная деятельность генерала А.А. Бильдерлинга, внимание которой было уделено в предыдущей моей публикации[1]. Шредер неоднократно воплощал в монументальных памятниках те проекты, которые ему предлагал Бильдерлинг. Он виртуозно рисовал и мог представлять композиционные решения и объем скульптуры для пластического воплощения. Шредер практически реализовал многие замыслы Бильдерлинга, выполняя их исключительно точно.

Изучение личного дела И.Н. Шредера в Российском государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург), публикаций в прессе тех лет позволило обратить внимание на ряд малоизвестных фактов его биографии.

Статью, посвященную творческой биографии выдающегося скульптора И.Н. Шредера, начинаем с публикации его письма, обращенного к великому князю Владимиру Александровичу, в те годы бывшему президентом Императорской Академии художеств.

«Ваше Императорское Высочество

Осмеливаюсь утруждать Вас моею покорнейшею просьбою. Тридцать лет я занимаюсь скульптурою, бывши еще в Пажеском корпусе я ходил в Академию, и чтобы сделаться учеником профессора Пименова, оставил военную службу. Скульптуре я пожертвовал всем и званием офицера лейб-гвардии Уланского полка и родовыми традициями. Работал я много и усердно. Эскиз и десять колоссальных статуй памятника тысячелетия России исполнены мною. В Киеве, Петрозаводске, Кронштадте и Петербурге находятся статуи моей работы, и не смотря на все, я после тридцати лет труда нахожусь с тремя малолетними детьми в безвыходном положении почти в виду голодной смерти. Затраты на скульптурные работы так велики, что мои труды никогда не давали мне возможности обеспечить себя. В настоящее время имея звание Академика я сделал на профессора колоссальную статую Самсона. Профессора мне не дали, статую не купили и обещали дать вспомоществование в 500 р. Работа же статуи стоила мне два года труда и три тысячи расхода. Я прошу Ваше Высочество как милости купить мою статую и разрешить мне работать на звание Профессора.

Простите великодушно Ваше императорское Высочество, что я утруждаю Вас моею просьбою, но к кому же прибегнуть мне в том безвыходном положении, в котором я нахожусь теперь. Я чувствую в себе еще достаточно сил и прошу только одного у Вашего Императорского Высочества милостивого покровителя художников средства работать.

27 го Ноября 1884

Вашего Императорского Высочества всепокорнейший и преданнейший слуга скульптор Академик Иван Шредер»[2].

Иван Николаевич Шредер — представитель дворянского рода, основанного в Кенигсберге. Известен фамильный герб рода Шредеров. Его отец был действительным статским советником, тамбовским вице-губернатором, с 1824 г. — губернатором Рязани.

И.Н. Шредер воспитывался в Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге. О результатах его учебы свидетельствует список полученных баллов: «...из Закона Божия 11, из русского языка 9, французского 8, немецкого 9, история 9, статистика 11, законоведение 9, повторения частей математики 10, механика 8, математическая география 9, физическая география 8, химия 8, артиллерия 8, фортификация 8, тактика 8, военной истории 9, черчению топографическому 11, черчению фортификационному и артиллерийскому 9, средние баллы в науках 9, строевая служба 9, поведение 10, и получив, в сложности 181 балл, выпущен с чином корнета»[3].

С 1853 г. Шредер вступил в службу корнетом в Уланский полк, был уволен из поручиков в 1857 г. в звании губернского секретаря. В 1853–1856 гг. во время Крымской войны участвовал в обороне Севастополя. После крымской кампании в 1857 г. вышел в отставку «за болезнью для определения к статским делам, с переименованием в губернские секретари»[4]. Одновременно Шредер посещал занятия в Императорской Академии художеств, брал уроки лепки у профессора П.К. Клодта фон Юргенсбурга. С 1857 г. Шредер был учеником профессора скульптуры Н.С. Пименова. Несомненно, для офицера Шредера путь избрания профессии скульптора был особенно сложным, приходилось нарушать семейные традиции.

В период создания памятника «Тысячелетие России» для Новгорода (рис. 2) Шредер по рисункам художника М.О. Микешина вылепил эскиз. Главное управление путей сообщения заказало Микешину и Шредеру выполнить модель в одну пятую часть натуральной величины памятника, «дабы вернее определить взаимоотношение всех фигур и частей»[5]. Модель была вылеплена Шредером в течение четырех месяцев, скульптор получил полное одобрение за высокое качество ее исполнения. Десять статуй для этого монумента, составляющих группы Ивана III, Петра I и «России, благословляемой ангелом», — эта группа венчает памятник, — вылеплены Шредером (1862, бронза).

Мнения членов комиссии о созданных Шредером статуях были противоположны. Одни (архитектор К.А. Тон, живописцы Ф.А. Бруни, П.В. Басин, А.Т. Марков, Т.А. Нефф и конференц-секретарь Императорской Академии художеств Ф.Ф. Львов) считали, что «сделать более того, что ими исполнено в пять месяцев, не могли бы и художники с большими, чем у них, познаниями»[6]. П.К. Клодт и Н.С. Пименов подали в Совет Императорской Академии художеств свои особые заключения, в которых давали статуям отрицательные

Рис. 2. Памятник «Тысячелетие России» в Новгороде.
Открыт в 1862 г. Бронза, гранит

оценки и делали вывод, что они «будут доказательством сильного упадка художества в настоящее время»[7].

Император Александр II приказал осмотренные им модели фигур исправить согласно замечаниям большинства членов Совета и затем отлить из гипса для последующего отлива из бронзы, что и было выполнено. Часть модели расположенного вокруг памятника горельефа, посвященную писателям и художникам, также лепил Шредер.

Он же по проекту Микешина вылепил модель памятника Екатерине II для Царского Села (1861, бронза, гранит; не сохранился).

В 1863 г. Шредер уехал за границу, получив из Императорской Академии художеств свидетельство: «Губернскому секретарю Ивану Николаевичу Шредеру, в том, что к отъезду его за границу для художественных занятий, со стороны Академии нет препятствий, в чем и выдано сие свидетельство с приложением Академической печати. Августа “3” дня 1863 года»[8].

Известно, что до 1869 г. он жил в Южной Америке. Этот период его биографии остается неисследованным по причине отсутствия документальных материалов. С.К. Исаков, составитель каталога скульп-

туры Музея Императорской Академии художеств, изданного в 1915 г., писал: «В 1864 г. поехал за границу и неожиданно попал в Южную Америку, где и провел 4 года»[9]. Чем занимался Шредер в Южной Америке, остается неизвестным.

В 1869 г. Шредер был удостоен звания академика за портрет А.И. Киреевой. «С. Петербургская Императорская Академия художеств за искусство и отличные познания в скульптуре признает и почитает художника Ивана Николаевича Шредера своим академиком с правами и преимуществами в установлениях Академии предписанными. 1869 год, ноября 2 дня»[10]. О местонахождении портрета А.И. Киреевой неизвестно, не сохранилось его воспроизведения.

В 1874 г. И.Н. Шредер работал над восковым эскизом памятника А.С. Пушкину для участия в конкурсе, в 1875 г. — над мраморным надгробием Ермолинского, заказанным скульптору вдовой Ермолинского.

С 1879 по 1884 г. на соискание звание профессора скульптуры Шредер лепил и отливал из алебастра группу «Самсон, раздирающий львиную пасть», но звания не получил, о чем сообщается в приведенном в начале статьи письме. В 1885 г. он создал портрет живописца Ф.А. Бруни, оцененный Академией художеств, так же как и группа «Самсон, раздирающий львиную пасть», в 500 рублей. В 1925 г. портрет Ф.А. Бруни был передан из Академии художеств в отдел скульптуры Русского музея.

Шредер — автор памятника Ф.Ф. Беллинсгаузену в Кронштадте (1870, бронза, гранит; архитектор И.А. Монигетти). «Демократическая тенденция в определении сюжетно-композиционного решения произведения сочетается с жанровостью и повествовательностью. Автор сознательно избегает особой торжественности в постановке фигуры, представляя погруженного в раздумье мореплавателя», — писал автор книги «Жизнь и творчество скульптора И.Н. Шредера» Г.Г. Таракановский[11].

Для Петербурга он создал памятники И.Ф. Крузенштерну (1873, бронза, гранит; архитектор И.А. Монигетти; рис. 3), принцу П.Г. Ольденбургскому (1889, бронза, гранит; архитектор А.И. Томишко; не сохранился); памятники-бюсты С.В. Панпушко (1891, бронза, чугун; архитектор Х.К. Васильев; не сохранился), Н.М. Пржевальского (1892, бронза, гранит, по рисунку А.А. Бильдерлинга; постамент выполнил гражданский инженер Р.И. Рунеберг; рис. 4), А.С. Пушкина (1899 г., бронза, гранит).

Для Киева Шредер выполнил памятник А.А. Бобринскому (1872, бронза, гранит; архитектор И.А. Монигетти; не сохранился).

Рис. 3. Памятник И.Ф. Крузенштерну в Санкт-Петербурге.
Открыт в 1873 г. Бронза, гранит

Рис. 4. Памятник Н.М. Пржевальскому в Санкт-Петербурге.
Открыт в 1892 г. Бронза, гранит

Об открытии в Петербурге 6 ноября 1873 г. памятника адмиралу И.Ф. Крузенштерну сообщалось в журнале «Зодчий» в разделе «Хроника». «На передней части постамента, исполненного по рисунку профессора И.А. Монигетти, изображен герб покойного и надпись: “Первому русскому плавателю вокруг света, Ивану Федоровичу Крузенштерну, от почитателей его заслуг”. Памятник обращен фасадом к Морскому корпусу и окружен простой, но красивой оградой.

Судя по статуе покойного адмирала, он был высокого роста, сухощавого телосложения, с оригинальной, характерной головой, изящно вылепленной художником; но в общем статуя производит на зрителя не вполне удовлетворительное впечатление. По нашему мнению, причиной тому сухость, однообразность линий. Рукам следовало бы дать другое положение: фигура получила бы законченное выражение, а сверток морской карты — славный труд покойного, не оказался бы скрытым под другою рукою. В техническом отношении, формы некоторых частей тела не обозначены необходимо образующимися складками в одежде, что сообщает фигуре некоторую безжизненность. Памятник Крузенштерну сочинен и выполнен академиком И.Н. Шредером»[12].

Сравнивая сохранившиеся памятники, созданные скульптором, можно объективно утверждать, что самый гармоничный и наиболее выразительный как по пластическому решению, так и по четкому силуэту, качеству художественного литья, несомненно, памятник Ивану Федоровичу Крузенштерну в Санкт-Петербурге. Его можно отнести к лучшим монументам второй половины XIX в.

Для памятника в Петрозаводске Шредер вылепил статую Петра I (1873, бронза, гранит; архитектор И.А. Монигетти) и памятник Александру II (1885, бронза, гранит, архитектор А.И. Томишко; не сохранился). Обе модели названных памятников для Петрозаводска находятся в Русском музее.

В 1889 г. скульптор создал памятник Александру II для Самары (бронза, гранит; не сохранился).

Не имея возможности приобрести для работы собственную мастерскую, Шредер выполнял свои произведения в разных мастерских, предоставляемых ему Советом Академии художеств. В документах РГИА встречаем сведения о необходимости освободить занимаемую мастерскую в 1875 г. для А.М. Опекушина, в 1876 г. для И.И. Подозерова, в 1878 г. для А.Р. фон Бока. Выполнение заказов на монументальные работы особенно осложнялось ревматизмом.

В 1892 г. парадная лестница здания Главного штаба была оформлена выполненными Шредером статуями А.В. Суворова и М.И. Кутузова, бюстами Б.П. Шереметева, А.Д. Меншикова, П.А. Румянцева-Задунайского, Г.А. Потемкина-Таврического. Эти произведения характеризуются убедительной передачей портретного сходства и являются характерными образцами скульптуры историзма в России. «Вообще парадная лестница Главного штаба... представляет как бы грандиозный памятник русским победам и русской армии и выдающимся ее историческим деятелям», — отмечалось 15 декабря 1892 г. газетой «Правительственный вестник».

Шредер исполнил портретный барельеф и фигуру орла для памятника Н.М. Пржевальскому, установленному недалеко от г. Пржевальска (1894, бронза, гранит; по проекту А.А. Бильдерлинга; Киргизия).

Шредер — автор памятников для Севастополя: В.А. Корнилову (1895, бронза, гранит), П.С. Нахимову (1898, бронза, гранит; не сохранился), Э.И. Тотлебену (1909, бронза, гранит), — все выполнены по рисункам А.А. Бильдерлинга. В документах РГИА имеется информация о создании Шредером по проектам генерал-лейтенанта А.А. Бильдерлинга моделей памятников В.А. Корнилову (1893) и Э.И. Тотлебену (1901–1902).

В данной статье впервые публикуется письмо А.А. Бильдерлинга И.Н. Шредеру от 20 марта 1893 г.:

> «Милостивый государь Иван Николаевич.
>
> Управляющий Морским министерством адмирал Чихачев уведомил меня, что исполненная Вами модель памятника адмиралу Корнилову, представленная 8-го марта сего года, Высочайше утверждена и Государь Император повелеть соизволил воздвигнуть по этой модели памятник Корнилову на Малаховом Кургане в Севастополе, возложив на Вас исполнение этой работы.
>
> Сообщая об этом, прошу Вас безотлагательно приступить к работе по исполнению памятника в колоссальную величину.
>
> А. Бильдерлингъ»[13].

Журнал «Нива» информировал читателей о создании для Севастополя памятников В.А. Корнилову (1895), П.С. Нахимову (1898), Э.И. Тотлебену (1901), отмечая, что их модели и проекты вылеплены академиком И.Н. Шредером по рисункам генерал-лейтенанта А.А. Бильдерлинга[14].

В перечень награждений И.Н. Шредера входит бронзовая медаль «В память войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов». За участие в создании памятника «Тысячелетие России» он удостоен ордена Св. Анны III степени, за памятник Нахимову Шредер награжден орденом Св. Владимира III степени. За памятник Пржевальскому в 1892 г. избран членом-корреспондентом Русского географического общества и награжден серебряной медалью Общества.

Женат Иван Николаевич Шредер был на Лидии Ростиславовне, урожденной Вальрондт, дочери вице-адмирала Р.С. Вальрондта. Венчание состоялось 1 октября 1872 г. в Екатерининской церкви в здании Академии художеств[15].

Скончался Шредер 2 ноября 1908 г. в Петербурге и похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

«Новое время» 5 ноября 1908 г. опубликовало некролог, тогда же еще один некролог был напечатан в «Ниве» (1908. № 49). В некрологе отмечалось, что Шредер «...изображал своих героев в строго-действительном их образе, без малейшего уклонения от житейской правды»[16].

«...прямолинейный и независимый человек, он не достиг успехов в академической карьере. Всю жизнь испытывая материальные затруднения, Шредер самоотверженно работал, с увлечением отдаваясь любимому делу, и создал много произведений... В этих работах он проявил себя как реалист, чуждый какой бы то ни было идеализации»[17], — писала Е.Н. Маслова, долгие годы заведовавшая отделом скульптуры Научно-исследовательского музея Российской академии художеств (ныне — НИМ при РАХ).

Оценивая масштаб созданных И.Н. Шредером монументальных произведений, отметим, что он оказался исключительно востребованным скульптором. Пожалуй, нет более успешного мастера, воплотившего целую скульптурную галерею выдающихся деятелей России. К сожалению, многие его памятники не сохранились до наших дней: они были безжалостно уничтожены. Однако имя Ивана Николаевича Шредера вписано в историю отечественного искусства второй половины XIX в.

* * *

[1] *Кривдина О.А.* Художественная деятельность генерала А.А. Бильдерлинга // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 7 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 137–144.

[2] РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 39–Ш. Л. 41. Орфография подлинника сохранена.

[3] РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 39–Ш. Л. 22. Орфография подлинника сохранена. Опубликовано с редактурой и без ссылки на архив: *Таракановский Г.Г.* Жизнь и творчество скульптора И.Н. Шредера. СПб., 2013. С. 11.

[4] Там же. С. 12.

[5] Памятник «Тысячелетие России» / Сост. С.Н. Семанов; авт. текста Е.Н. Маслова. М., 1985. С. 16.

[6] Там же. С. 19.

[7] Там же.

[8] РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 39–Ш. Л. 2.

[9] *Исаков С.К.* Императорская Академия художеств. Музей. Русская скульптура. Пг., 1915. С. 143.

[10] РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 39–Ш. Л. 4.

[11] *Таракановский Г.Г.* Указ. соч. С. 25.

[12] Хроника // Зодчий. СПб., 1873. № 10–11. С. 126. Автор заметки не указан.

[13] РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 39–Ш. Л. 54.

[14] Памятник В.А. Корнилову // Нива. СПб., 1895. № 41. С. 985–987.
Памятник адмиралу П.С. Нахимову // Нива. СПб., 1898. № 47. С. 939–940-а.
Памятник графу Э.И. Тотлебену // Нива. СПб., 1901. № 48. С. 731.

[15] РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 39–Ш. Л. 19.

[16] Нива. СПб., 1908. № 49.

[17] Памятник «Тысячелетие России». Указ. соч. С. 29.

О.А. Красникова

А.Ф. РИТТИХ — КАРТОГРАФ, ПИСАТЕЛЬ, ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ (1831–1917?)

Александр Федорович Риттих (1831–1917?) — российский офицер, генерал-лейтенант, автор и составитель трудов, посвященных статистике и этнографии Российской империи и Европы, а также этнических карт, славянофил. В статье даны сведения о новых материалах к его биографии и этнических картах, составленных им, при его участии и по его данным.

Ключевые слова: картография, этнография, Европейская Россия.

O.A. Krasnikova

A.F. RITTIKH — CARTOGRAPHER, WRITER, LIEUTENANT GENERAL (1831–1917?)

Alexander Fedorovich Rittych (1831–1917?) — Russian officer, lieutenant-general, author and compiler of works on statistics and ethnography of the Russian Empire and Europe, as well as ethnic maps, Slavophil. The article provides information on new materials to his biography and on ethnic maps compiled by him, with his participation and according to his data.

Keywords: cartography, ethnography, European Russia.

Александр Федорович Риттих — человек во всех отношениях примечательный: это образцовый российский военный, генерал, образованный инженер, знающий историк, этнограф и картограф. Риттих удостоился чести попасть при жизни в Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, где ему посвящена небольшая статья[1] и указан год его рождения — 1831, что же касается даты и места кончины — об этом до настоящего времени достоверно ничего неизвестно. Условно было принято опираться на дату «1914», после которой неизвестны вышедшие из печати его труды, поэтому обычно пишут, что он ушел из жизни не ранее 1914 г. Сведений о нем в литературе не так много. Биографические заметки до сих пор обычно основываются на упомянутой выше статье в Словаре Брокгауза и Ефрона, и, может быть, отчасти на сведениях, почерпнутых из его работ. Одним из наиболее информативных источников у историков считается некролог, но о некрологе А.Ф. Риттиха ничего не известно, хотя уход из жизни такого заметного человека обязательно был бы отмечен в российских газетах или журналах. Между тем, кажется, некролог не появлялся в печати по крайней мере в период 1914–1917 гг., а вот после 1917 г. о кончине царского генерала наверняка не стали бы писать... Поэтому пока нет достоверных данных, можно обозначить дату его ухода из жизни условно как 1917 г.

А.Ф. Риттих — автор нескольких десятков статей и обширных трудов, посвященных политическим, военным, статистическим, этническим и лингвистическим вопросам, а также ряда этнографических карт и атласов. Именно этнографические сюжеты привлекли наше внимание.

А.Ф. Риттиха помнят прежде всего как автора уникальной «Этнографической карты Европейской России» 1875 г., иногда упоминают и другие его работы, в том числе этнографо-картографические. Между тем А.Ф. Риттих, безусловно, заслуживает того, чтобы о событиях его жизни и жизни его семьи и близких было написано больше, чем несколько энциклопедических строчек. Поиски в архивах Санкт-Петербурга привели к нескольким интересным результатам. В РГИА удалось найти «Дело о дворянстве» его самого и его братьев[2], из которого были выяснены дополнительные подробности биографии А.Ф. Риттиха и членов его семьи. В Архиве РГО сохранились документы, касающиеся подготовки и работы А.Ф. Риттиха по составлению «Этнографической карты Европейской России»[3], и еще одна его работа, посвященная статистике и этнографии[4]. Документов о жизни

и деятельности А.Ф. Риттиха в архивах не так много, а о существовании его личного архива на территории России неизвестно, поэтому каждая находка такого рода не может не радовать.

Кроме того, в рамках работы по гранту РГНФ 2005 г. «История этнической картографии в России XVIII — начала XX в. в документах» нами были проведены поиски работ, опубликованных Риттихом по вопросам этнографии, а также конфессиональных и этнических карт, не только составленных им самим и при его участии, но и подготовленных другими авторами по материалам и данным А.Ф. Риттиха. Из-за недостатка места в данной статье эти вопросы будут освещены не так подробно, как это возможно, но главное, что хотелось бы сделать, — дать здесь, хотя бы в кратком виде, информацию обо всех находках, которые нами сделаны к настоящему времени. Риттих был известен в течение долгого времени в основном как автор «Этнографической карты Европейской России», а между тем его вклад в этнокартографию намного шире. Но вначале приведем биографические сведения о нем.

Биография. Александр Риттих (или, как записано в метрике, Александр Петр) родился 23 июня 1831 г. Сведения о его родителях взяты из упомянутого выше «Дела о дворянстве», хранящегося в РГИА. Отец его, действительный статский советник Христиан-Фридрих фон Риттих, происходил из лифляндских дворян, обучался медицине, хирургии и акушерству, получил в 1811 г. после экзамена в Вюрцбурге звание кандидата медицины, по возвращении в Россию служил при армии и в лазаретах с 1812 г., как раз в период войны с Наполеоном. В 1819 г. Христиан-Фридрих фон Риттих по Высочайшему указу был определен ко Двору Е.И.В. гоф-медиком, в том же году — лекарем при Священном Синоде, затем — доктор при Строительном департаменте Морского министерства, вслед за этим последовало дальнейшее продвижение по служебной лестнице до чина действительного статского советника, присвоенного ему в 1846 г. Христиан-Фридрих фон Риттих за заслуги получил несколько орденов — Св. Анны III степени, Св. Владимира IV степени, Св. Станислава II степени, награжден также знаком отличия беспорочной службы XXV лет в 1846 г. Х.-Ф. фон Риттих скончался 27 мая 1856 г. Женат он был на Элеоноре фон Таубе[5], обвенчанной с ним в 1822 г. В их семье было несколько детей: старший сын Николай Роберт (или Роман, р. 12 ноября 1827 г.), Оскар (р. 1830 г.), герой нашего сообщения Александр Петр (р. 23 июня 1831 г.) и двое младших — Бартоломей Вальдемар (или

Владимир, р. 9 марта 1836 г.) и Константин (р. 1840 г.), а также сестра Отдилия (или Олимпия, р. 1834 г.).

К этому делу приложены и копии метрик, где указано, кто являлся крестными отцом и матерью (или восприемниками, как тогда говорили) детей при крещении. В семье Риттихов обычно это были высокопоставленные особы дворянского происхождения. У самого Александра Риттиха восприемниками были тайный советник, обер-прокурор Священного Синода, князь Петр Мещерский, тайный советник сенатор Алексей Васильчиков, действительная тайная советница (фамилия неразб.)[6].

Из полного послужного списка Александра Риттиха[7], лютеранского вероисповедания, следует, что 24 августа 1846 г. он вступил в службу в Кондукторскую роту Главного инженерного училища (ныне — Николаевское инженерное училище и академия). За хорошее поведение, успехи в науках и знание фрунтовой службы он получил повышение по службе: произведен в портупей-юнкера 23 августа 1849 г., затем по результатам экзамена был произведен в полевые инженер-прапорщики и в 1850 г. оставлен в училище «для продолжения курса наук в нижнем офицерском классе». Спустя два года его перевели в «верхний офицерский класс», после чего он вновь получил повышение по службе — чин подпоручика 20 июля 1852 г., и по распоряжению начальства в 1853 г. был выпущен из верхнего офицерского класса Николаевской инженерной академии на действительную службу — отправлен в штаб инспектора по инженерной части для распределения на службу 3 июня 1853 г. За отличные успехи в науках в Главном инженерном училище 30 июня 1853 г. получил чин поручика. Согласно приказу главного начальника военно-учебных заведений от 14 августа 1853 г. за № 1797, Александра Риттиха «разрешено именовать отличнейшим»[8]. В том же году он был отправлен служить в Рижскую инженерную команду.

В 1854 г. Риттих находился в составе войск, охранявших берега Лифляндии и Курляндии против соединенных флотов Англии и Франции в первую кампанию Крымской войны. С 1855 г. и до конца июля 1856 г. по Высочайшему повелению состоял для особых поручений при командующем войсками в Лифляндии, исполняя также при штабе Балтийского корпуса все поручения по инженерной части. В 1856 г. был отправлен в Николаевскую академию Генштаба для образования в высших военных науках, которую он окончил в 1858 г. За отличные успехи, усердную службу ему в том же году было объявлено именное

монаршее благоволение, и тогда же Александр Риттих был назначен состоять при Департаменте Генерального штаба. За отличные успехи в науках 1 января 1859 г. произведен в штабс-капитаны, а через год, 1 января 1860 г., получил чин капитана и переведен в Генштаб (вероятно, Гвардейский. — *О.К.*)[9].

В 1862 г. Риттих как отличный военный инженер был командирован для надзора за постройкой православных церквей в Минской губернии, где находился до конца августа 1864 г. За отличие по службе 17 апреля 1863 г. произведен в подполковники. В это же время он, согласно приказу, принял участие в «усмирении» Польского восстания 1863–1864 г. Произведен в полковники 27 марта 1866 г. В последующие годы по Высочайшему повелению наблюдал за рекрутскими наборами в Казанской, Саратовской и Новгородской губерниями в 1865, 1866, 1867 и 1868 гг.

В эти годы Риттих постепенно продвигался по службе: в 1864 г. занимал должность начальника штаба 37-й пехотной дивизии, затем, с 1866 г., — должность начальника штаба 22-й пехотной дивизии. В 1867 г. с разрешения Е.И.В. командующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа, великого князя Николая Николаевича был назначен временно командовать пехотным Выборгским генерал-адьютанта графа Адлерберга 1-м полком, по случаю отъезда командира этого полка в трехмесячный отпуск в Германию, Францию и Италию. В 1868 г. назначен начальником штаба местных войск Казанского военного округа. К 1869 г. он был полковником Генштаба. Александр Федорович Риттих — кавалер орденов Св. Анны II, III и IV степеней, кроме того, имел медали — в память войны 1853–1856 гг. (светлую)[10] и за усмирение польского мятежа 1863–1864 гг. (темную)[11]. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заведовал перевозкой раненых и больных с театра войны, командовал пехотной бригадой, дивизией. В 1894 г. вышел в отставку в звании генерал-лейтенанта.

Женат Александр Риттих был на дочери подполковника Анне Карловне Поггенполь, в браке с которой имел двух дочерей: Ольгу (р. 19 июня 1860 г.) и Клеопатру (р. 19 ноября 1863 г.). Вторым браком он был женат на дочери новгородского потомственного дворянина Кузнецова, Анне Павловой, в этом браке родился сын Александр (р. 27 сентября 1868 г.). Восприемником сына был Его Императорское Величество Александр II[12](?).

10 января 1860 г. Александр Федорович Риттих и его братья присягали на подданство России в церкви Св. Анны, что на Кирочной

улице, для получения дворянства и внесения в родословную книгу Санкт-Петербурга. Сам Риттих получил право на потомственное дворянство. Дочери его, Ольга и Клеопатра, по его представлению были внесены в дворянскую книгу Харьковской губернии, поскольку жена Александра Федоровича, Анна Карловна, имела собственность в Изюмском уезде Харьковской губернии.

Общественная деятельность. Риттих был активным деятелем нескольких научных обществ, прежде всего РГО. Впервые он упоминается в истории РГО в 1868 г. в связи с присуждением ему малой золотой медали Общества[13] (подробнее об этом будет сказано ниже), 8 марта 1872 г. он избирается действительным членом РГО, членом Ревизионной комиссии ИРГО он состоял с 1871 по 1885 г.[14] Кроме того, он был членом Московского общества любителей антропологии и этнографии[15]. Оно первым из российских естественно-научных обществ начало публикацию своих материалов на русском языке[16].

А.Ф. Риттих по своим убеждениям был патриотом России и славянофилом, и последнее, оказывается, не было такой уж редкостью среди подданных России немецкого происхождения[17]. Активный участник славянофильского движения, он изучал историю и географию славян, читал публицистическую и научную литературу по этой теме и сам написал немало работ, посвященных славянам.

Труды. А.Ф. Риттих в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона охарактеризован как «картограф и писатель» и уже затем сказано: «генерал-лейтенант» — именно эти слова мы вынесли в название статьи. По образованию он был кадровым военным и «в гражданской службе не служил». Он является автором большого количества замечательных трудов, среди которых, помимо работ на военную тематику, немало тех, что содержат этнографические, статистические и географические сведения. Общее количество опубликованных работ А.Ф. Риттиха, известных к настоящему времени, — около 60, одна из последних выявленных его публикаций датируется 1912 г. — некролог военного историка и теоретика, военного министра (1861–1881) Д.А. Милютина. Последняя из пока известных его работ вышла в 1914 г.: 20 ноября в газете «Македонский голос» он опубликовал заметку «Кто такие Македонцы?», связанную с событиями начавшейся Первой мировой войны. В данном сообщении мы остановимся на его этнографо-картографических трудах.

Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям (СПб., 1863). С усилением национального движения в западных землях

Российской империи связана первая командировка А.Ф. Риттиха: он в качестве военного инженера в 1862 г. был направлен наблюдать за постройкой православных церквей в Минской губернии. Но это была лишь часть официального этнографического обследования, предпринятого правительством, обеспокоенным растущим недовольством в Западном крае. Основной задачей был сбор точных данных о народонаселении по вероисповеданиям, для чего в каждую из губерний был направлен от Министерства внутренних дел, совместно с Военным министерством, штаб-офицер Генерального штаба. Собранные сведения поручили обработать полковнику Риттиху[18]. Одним из результатов этой деятельности стал «Атлас населения 9 губерний Западного края по вероисповеданиям и национальностям», вышедший из печати в 1863 г.[19], когда Польское восстание было в разгаре[20]. Уже в следующем году Атлас вышел вторым изданием, с исправлениями и дополнениями, — «Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям»[21], составленный Риттихом по поручению Министерства внутренних дел при участии П.Н. Батюшкова, историка и этнографа, в 1857–1867 гг. вице-директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий при Министерстве внутренних дел. В атлас вошли 10 карт — одна общая и 9 губернских: Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Киевская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская. На каждой карте цветом обозначено процентное количество населения каждого исповедания в губернии, а на полях карты помещены сведения о числе жителей обоего пола по каждому приходу. В том же 1864 г. по представлению министра внутренних дел Риттиху было выдано в награду 500 рублей серебром. Кроме того, этот труд был высоко оценен в ИРГО и отмечен малой золотой медалью (представлял Атлас на соискание награды историк, славист и публицист М.О. Коялович). В последующие годы Атлас выдержал несколько переизданий и заслужил благожелательные отклики в прессе.

Работы А.Ф. Риттиха находились в русле основных направлений работ Военного ведомства, которые велись систематически с начала XIX в.: сбор географических и статистических сведений о губерниях и областях России и составление топографических карт[22]. Еще в 1812 г. полковник А. М. Буцковский составил Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей[23].

Об исключительно важном значении военной статистики в Российской империи XIX в. сказано в работе д.и.н. В.А. Скопы, мы

приведем здесь обширную и очень стройную цитату: «Существенное влияние на процесс оформления и деятельности государственной статистической системы оказала военная статистика (военно-статистический учет), имеющая принципиальную постановку дела в организации и проведении статистических работ. Во многом развитие военной статистики связано с именем Д.А. Милютина, предложившего алгоритм военно-статистического анализа государства. Военная наука того времени нуждалась не столько в отдельных описаниях географических факторов, сколько в создании проработанной системы комплексного анализа военной силы государства. Такая система и была разработана Д.А. Милютиным, что значительно повлияло на дальнейшее развитие российской военной теории и практики, а вместе с тем — на осуществление статистических работ. Потребность в статистических данных возникла с целью изучения природы и географической среды, что являлось жизненно необходимым для военной организации. Существенно усилил процесс формирования статистических данных оформленный Генеральный штаб, имеющий в своем распоряжении оперативные статистические сведения и выполняющий военно-статистические работы. Начиная с конца 1830-х годов Военное министерство начало статистическое изучение страны... Формирование статистических сведений являлось неотъемлемой частью работ офицеров... Военно-географические и статистические описания по военному округу также имели научно-практическое значение... Статистические работы, осуществляемые военными, являлись строго выдержанными и соответствовали четко определенной программе. Масштабы осуществляемых работ выходили далеко за пределы военных потребностей, тем самым удовлетворяя действующую статистическую систему... В организации и выполнении работ офицеров военных округов были свои отличительные особенности от действующей административной статистической системы. Во-первых, кадровое обеспечение не требовало дополнительно счетчиков или привлекаемых корреспондентов. Формирование статистических данных осуществлялось квалифицированными кадрами, что позволяло избегать волокиты и несвоевременности в предоставлении сведений. Во-вторых, финансовая сторона статистических мероприятий являлась частью обязательных работ офицеров. Изыскивать дополнительные денежные средства не было необходимости, что позволяло выполнять работы регулярно по заранее разработанным программам. Обработка и структурное представление материала яв-

лялось системным мероприятием, что позволяло на регулярной основе издавать материал»[24].

Сейчас хорошо известны многотомные географо-статистические серии, созданные Военным ведомством: в 1837–1843 гг. выходили тома «Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в пределах Российской империи и квартирные карты губерний и областей» (Сост. при 1 отд-нии Департамента Генерального штаба... [СПб.], 1837–1844). В середине XIX в., всего за десятилетие с 1848 по 1858 г., было опубликовано 17 томов «Военно-статистического обозрения Российской империи» (Изд. по Высочайшему повелению при 1 отд-нии Департамента Генерального штаба. СПб., 1848–1858). А в следующие десять лет, 1859–1868 гг., — 39 томов (всего, в том числе части описания одной и той же губернии) «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» (СПб.: Тип. Э. Веймара, 1859–1868). Многие губернии и области Российской империи впервые были обследованы так подробно — каждый том содержал историю описываемой территории, статистические сведения, географические описания, административное устройство, хозяйство, ценообразование, а также сведения об образовании, религии, этнографии населяющих их народов, архивных документах, планы и карты местностей. В составлении этих трудов приняли участие десятки офицеров Генштаба. Работы Риттиха относились к серии «Материалы для этнографии...»[25] Царства Польского и России.

На территории Царства Польского Риттих оказался по заданию Военного ведомства с целью «усмирения польского мятежа 1863–1864 гг.», вполне понятное задание для кадрового военного, тем более что с 1862 г. он уже работал неподалеку — в Минской губернии, наблюдая за постройкой православных церквей. Однако, как явствует из характера награды, которую он получил за проведенное там время, предназначавшейся для тех, кто не принимал участия в военных действиях, Риттих занимался сбором статистических данных, и это не прошло бесцельно для науки, в том числе военной, потому что результатом этой командировки стало еще одно издание — Материалы для этнографии Царства Польского: Люблинская и Августовская губернии (СПб., 1864).

Одно из основных достоинств издания — очень важные карты: «Карта народонаселения Августовской губернии по исповеданиям и племенам» и «Карта народонаселения Люблинской губернии по

исповеданиям и племенам». На картах перечислены десятки отечественных и иностранных источников, опубликованных и неопубликованных, которыми воспользовался составитель. Среди них: Военно-статистическое обозрение Августовской и Люблинской губерний, Списки обитаемых мест в Царстве Польском, Списки православных и греко-униатских приходов в Царстве Польском, карта Царства Польского, с показанием православных церквей и деревень, раскольничьих молелен и деревень М.Ф. Мирковича, Mapa Kralestwa Polskiego (1864), этнографические карты, в том числе известная «Этнографическая карта Европейской России» (1851) П.И. Кеппена, сведения, доставленные офицерами из Вильнюса и Варшавы, данные местных приходских священников и даже «неотпечатанная статистика Августовской губернии» полковника Генерального штаба Немиры. В Августовской губернии «по исповеданиям» показаны католики, греко-униаты, православные, старообрядцы, протестанты, иудеи, магометане, «по племенам» отмечено расселение жмудинов, литовцев, курников, мазуров, поляков, русских, белорусов, евреев, татар. В Люблинской губернии «по исповеданиям» показаны православные, старообрядцы, греко-униаты, католики, протестанты, магометане, иудеи, «по племенам» отмечено расселение русских, украинцев, люблян, мазуров, поляков, немцев, татар, евреев. В состав Люблинской губернии входила тогда и часть Сувалкской губ.

Сведения об источниках, послуживших для составления карт, приведены и в брошюре «Приложение к материалам, для этнографии Царства Польского, губернии: Люблинская и Августовская» (Сост. А.Ф. Риттих. СПб.: Б.и., 1864. 36 с.)[26]. Брошюра состоит из двух разделов — религиозного и этнографического. Первый включает преимущественно таблицы, второй наряду с таблицами — разнообразные сведения о населяющих губернию народах. В тексте в качестве источников упоминаются этнографические карты известного военного картографа Р. Эркерта, чешского слависта П.Й. Шафарика и др.

В конце 1960-х годов Риттих был направлен наблюдать за рекрутским набором в Казанскую губернию и др. Новое назначение было связано с заданием собрать статистические данные и материалы по географии, этнографии и хозяйству края. Результаты его работы отразились в нескольких томах серии «Материалы для этнографии России». Можно сказать, что с этого времени он становится профессионалом в составлении этнических карт — Казанской губернии, Европейской России, Кавказа и др.

Материалы для этнографии России: Казанская губерния*: *2 части с приложением карт, планов, таблиц типов и словаря (Казань, 1870). В 1870 г. выходит труд А.Ф. Риттиха «Материалы для этнографии России: Казанская губерния. XIV-тая»[27]. В предисловии Риттих приводит сведения о составлении данного труда и карты. Работа была начата им в 1865 г., после того как были изданы его этнографические исследования по Западнорусскому краю и восточной полосе привислянских губерний. Основанием труда стало составление списков населения по народностям. Верные сведения о расселении различных народностей по губернии доставил Риттиху казанский губернатор Н.Я. Скарятин; секретарь Казанского статистического комитета Н.Н. Вечеслав предоставил ему труды комитета и проверил составленную Риттихом статистическую таблицу. В списке источников А.Ф. Риттих приводит географические карты, которые послужили ему для составления основы, и литературные материалы, использованные им для составления текста о народностях. При составлении карты Риттих старался представить «как можно рельефнее пестроту населения», обозначая для этого не только села, но и деревни с мечетями, примечательные хутора и поселки. Для определения национальности Риттих опирался на данные о языке, указывая при этом, что и «до настоящего времени получались сведения о народонаселении от лиц, обращавших исключительно внимание на его религиозное состояние или смотревших на этот предмет безразлично»[28]. На карте отмечены русские, татары, чуваши, черемисы, мордва, вотяки, мещеряки.

Составлению карты помогло то обстоятельство, что одновременно с этим производилась триангуляция и съемка Казанской губернии, поэтому можно было уточнить и заполнить все пробелы непосредственно со съемочных планшетов, тогда как раньше можно было пользоваться только картой Шуберта и землемерными картами уездов. В тексте Риттих выразил благодарность всем, кто содействовал ему в этой работе, в том числе известному издателю и картографу А.А. Ильину: «Было бы неблагодарно с нашей стороны, если б мы пропустили упомянуть здесь о хромолитографическом труде уважаемого нашего товарища А.А. Ильина. Он исполняет для нас уже 14-ю губернию в этом роде, и при настоящей обстановке своего заведения незаменим как сотрудник по изданию хромолитографированных этнографических карт, и потому, насколько самое составление карты важно для науки, настолько выполнение ее зависит от искусства, знания и понимания дела, которыми, по всей справедливости, может

гордиться А.А. Ильин»[29]. В печати появились и отклики на карту Риттиха, например заметка писателя, преподавателя русского языка и истории, директора народных училищ А.С. Никольского[30].

Следующим изданием в серии стал подготовленный Риттихом том ***Материалы для этнографии России: Прибалтийский край (СПб., 1873)***[31]. В качестве приложения к изданию были помещены три таблицы — «по племенам и исповеданиям Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний» и две карты: «Этнографическая карта Прибалтийского края» и «Карта Прибалтйского края по вероисповеданиям». На первой карте показано расселение 11 народностей, сведенных в группы: «*Славянское племя*: великороссы и белоруссы, поляки; *Германское племя*: шведы, немцы; *Литовское племя*: литва, жмудь, латыши; *Финское племя*: финны, ливы, эсты; Евреи». На второй — территориальное распределение населения по вероисповеданиям — «православное [вероисповедание] со старообрядцами, католическое, протестантское, еврейское». Вопрос об определении национальности при этнографических исследованиях долгое время оставался открытым. Высказывались разные мнения: определять национальность по языку, на котором говорит человек, его вероисповеданию или по его самоидентификации? Риттих также размышлял об этом и в труде, посвященном Прибалтийскому краю (1873), рассуждал об этом, демонстрируя хорошее знание предмета и знакомство с новейшими иностранными работами в этой области, полемизируя с их авторами и предлагая использовать совокупность различных данных: язык, самоидентификацию (по родителям), место проживания, вероисповедание и др. Кроме того, он, указывая на очевидные ошибки в определении этнических групп, предлагал более вдумчиво отнестись к их формированию.

И уже вскоре, в 1875 г., увидел свет главный труд А.Ф. Риттиха — Этнографическая карта Европейской России. Эта карта была создана спустя почти четверть века после упоминавшейся выше «Этнографической карты Европейской России» 1851 г., составленной статистиком, академиком П.И. Кёппеном. Карта Кёппена — первое в России произведение такого рода, основанное на статистических данных, уникальное и очень хорошо известное: она до последней четверти XIX в. оставалась единственным пособием такого рода. Кеппен, создавая свою карту, предполагал, что она станет не только материалом для работы чиновников и ученых специалистов, но и учебным пособием в гимназиях. Однако широкому распространению карты помешала ее высокая цена, поскольку раскрашивалась она вручную, так как

цветная печать тогда еще не была распространена. Содержание карты — Европейская Россия, территории распространения 38 народов, обозначенных разными красками. Эта карта не показывала ни Кавказа, ни Привислянского края, кроме того, на ней не были изображены территории расселения русских, украинцев и белорусов. При всех ее несомненных достоинствах, нельзя было не признать, что во второй половине XIX в. появились новые данные, которые необходимо было проанализировать и сделать доступными в виде нового картографического произведения. Как мы увидим, задуман был полноценный этнографический атлас.

Этнографическая карта Европейской России (СПб., 1875). Отделение этнографии ИРГО тесно связано с историей становления академической этнографической науки. В начале 70-х годов XIX в. в Отделении этнографии ИРГО велись разговоры о сборе новых этнографических данных и представлении их в наглядной форме[32]. Предполагалось, что сначала будут обработаны данные об инородческом населении, а затем — данные об отдельных группах славянского населения России, и тем самым восполнится пробел в карте П.И. Кёппена[33]. Эта идея была изложена в записке, подготовленной д. чл. А.И. Артемьевым, П.Ф. Бларамбергом, П.И. Лерхом, Л.Н. Майковым, К.К. Огородниковым, бароном Ф.Г. Остен-Сакеном и М.Н. Раевским, и обсуждена на заседании Отделения. Решено было приступить к подготовке Этнографического атласа России и избрать для этого особую Комиссию, куда вошли Л.Н. Майков, А.С. Будилович, М.И. Венюков, А.А. Ильин и А.Ф. Риттих. К сожалению, почти сразу стало ясно, что средства на подготовку и издание атласа собрать будет трудно, поэтому Отделение, «отказавшись от составления целого атласа, признало однако же полезным составить на основании имеющихся уже новых данных и издать этнографическую карту России, с нанесением на нее Кавказа и Царства Польского»[34]. Материал для территории Кавказа предоставил М.И. Венюков, по Царству Польскому решено было воспользоваться изданной незадолго до того картой Н.Н. Галкина, напечатанной в IV томе «Записок ИРГО», а этнографические различия в губерниях Российской империи решено было наносить по данным Центрального статистического комитета, которые вошли в списки населенных мест, кроме того, воспользоваться другими официальными и частными материалами.

Для составления карты предполагалось избрать главного редактора, подотчетного Обществу, который взял бы на себя труд составления карты за известное вознаграждение. Тогда же по предложению Отде-

ления эту роль согласился принять на себя А.Ф. Риттих. Обсуждался также вопрос о составителе карты, и было принято решение, что составление карты надо поручить одному лицу, а не всей комиссии. Главный редактор карты должен был пользоваться всеми материалами, опубликованными и частными, и был подотчетен комиссии и самому Обществу. На пост главного редактора и был выдвинут полковник А.Ф. Риттих, уже известный к тому времени своими картографическими трудами.

Однако в 1872 г. конкретных результатов при отсутствии средств достичь не удалось, и Отделение этнографии ходатайствовало перед Советом Общества о том, чтобы в смету на следующий год была внесена сумма, необходимая для начала работ над картой. Уже в 1873 г. действительный член ИРГО А.Д. Башмаков пожертвовал деньги на подготовку карты и 2000 рублей на ее печатание, с тем чтобы деньги были возвращены от дохода при продаже. Тогда же была создана Комиссия, наблюдавшая за составлением карты, в которую вошли Л.Н. Майков, А.И. Артемьев, Венюков, А.Ф. Риттих, Н.В. Христиани, а впоследствии А.А. Куник и В.Н. Майнов[35].

Комиссия детально разработала план и основные положения составления карты. Одним из самых важных стал вопрос о выделении национального состава населения. «В основании племенных различий должен быть положен главным образом язык, а в случае недостаточности или неопределенности этого признака и другие условия, определяющие известный этнографический тип, а именно историческое происхождение народа, сохранение им древней религии и т.п. Последнее особенно... для обрусевших инородцев, которые, утратив свой язык и приняв русский, сохраняют, однако, другие свои типические особенности»[36].

Программу составления карты озвучил М.П. Венюков. В числе источников для получения сведений, необходимых для составления карты, Венюков называл списки населенных мест, издаваемые Центральным статистическим комитетом, а также другие ведомства, за исключением Министерства народного просвещения, которые собирают и печатают материалы, подходящие к делу. Для составления карты было определено: 1. Карта с Привислянским краем, Кавказским наместничеством и Великим княжеством Финляндским. 2. В основу племенных различий положить язык, а в случае недостаточности — историческое происхождение народа, сохранение им древней религии[37]. 3. Основной материал — источники (из перечня источников

явствует, что в основном пользуются тем, что придумал Кёппен, но, конечно, более совершенными и новыми материалами). 4. Масштаб карты должен был позволить отразить все крупные поселения инородцев и русских. Наносить сведения на 10-верстную (1: 420 000), а по поверке — переносить на 60-верстную (1:2 520 000) карту. Риттих ежемесячно в течение 1873 г. докладывал в ИРГО о ходе работ над картой на заседаниях Отделения этнографии. К концу 1873 г. карта — ее 10-верстный вариант — была почти закончена, и в январе 1874 г. начато было нанесение сведений на 60-верстную.

Риттих представил РГО программу объяснительной записки к будущей карте[38]. Над составлением текста к этнографической карте трудились члены комиссии Л.Н. Майков, А.Ф. Риттих и Н.В. Христиани, определено это было в марте 1874 г., а закончены и подготовлены к печати главы Риттиха и Христиани в октябре 1874 г. План объяснительного текста к Этнографической карте Европейской России с Кавказом и Финляндиею выглядел так. Майков взял на себя историческую часть: 1. Начало и постепенное развитие русской этнографической картографии. Этнографическая карта Европейской России, составленная П.И. Кёппеном. Успехи этнографического картографирования после создания этой карты. 2. Предложение Отделения этнографии относительно необходимости составления и издания новой этнографической карты Европейской России и пр. Риттих трудился над основной частью текста, включавшего разбор материалов, описание племенных границ (то есть собственно работы по составлению карты) и статистические таблицы. Христиани же готовил перечень пунктов, населенных иноплеменниками, — цифры инородческого населения и список поселков. Важно отметить, что в том же году А.Ф. Риттих и Н.В. Христиани почти закончили объяснительный текст и подготовили его к печати[39].

Печатать карту было решено в Картографическом заведении А. Ильина в количестве 1500 экземпляров. Объяснительный текст включал, кроме статистических сведений, обзор источников и обозрение хода работ по составлению карты. Стоимость издания карты и текста оценивалась в 5000 рублей. Для покрытия расходов на печатание карты Совет постановил также выделить 2000 рублей из запасного капитала общества, чтобы вернуть деньги от дохода с продажи. Несмотря на то что карта была завершена в 1874 г., с появлением новых данных постоянно вносились исправления и улучшения, в том числе в текст. Печатание карты должно было быть завершено к лету

1875 г., таким образом можно было успеть на Международную географическую выставку в Париже.

Параллельно с основной работой Риттих готовил Этнографическую карту Кавказа по постановлению Комиссии по составлению этнографических карт России и намеревался отправить ее в Кавказский отдел РГО для того, чтобы тамошние специалисты проверили достоверность указанных данных. Однако на заседании комиссии 23 января 1874 г. А.И. Артемьев сообщил, что из полученного им частного письма из Тифлиса узнал, что там возникла идея составить этнографическую карту Кавказского наместничества на основании данных последнего камерального описания Кавказа. Комиссия признала свое прежнее постановление не соответствующим нынешним обстоятельствам, и было принято решение печатать карту Риттиха как есть, учитывая, что она основана на достаточно богатом материале, имевшемся в распоряжении Риттиха[40]. В феврале 1874 г. Совет ИРГО разрешил Риттиху передать карту для издания в Военно-ученый комитет.

Именно материалы, подготовленные для создания Этнографической карты Европейской России, позволили Риттиху завершить еще один труд — «Племенной состав контингентов русской армии», представляющий собой приложение этнографо-статистического материала к целям военной администрации.

Карта вышла из печати в 1875 г.: «Этнографическая карта Европейской России. Составил по поручению Императорского Русского Географического общества действительный член онаго А.Ф. Риттих, под наблюдением специальной Комиссии из Вице-председателя ИРГО П.П. Семенова и членов: А.И. Артемьева, Е.Г. Вейденбаума, М.И. Венюкова, А.А. Куника, П.И. Лерхе, Л.Н. Майкова, В.Н. Майнова и Н.В. Христиании» (СПб.: Карт. зав. А. Ильина, 1875). Обозначены территории расселения 46 народностей: «*Славянская группа* (великоруссы, белоруссы, малоруссы, болгары, поляки); *Литовская группа* (литва, латыши); *Греко-романская группа* (греки, румыны); *Германская группа* (немцы, шведы); *Иранская группа* (таты, курды, осетины, армяне); *Иберская группа* (грузины); *Кавказско-каспийская группа* (аварцы, чеченцы, лаки, хюркелинцы (даргинцы), табасаранцы, кюринцы, мухадары (ротульцы), прочие мелкие племена); *Кавказско-черноморская группа* (адыге, кабардинцы, абхазцы); *Финско-балтийская группа* (корелы, финно-корелы, чудь (эсты, ливы), лопари); *Финско-приволжская группа* (мордва, черемисы, вотяки); *Северная финская* (пермяки, зыряне, вогулы, самоеды); *Тюркская группа* (татары, баш-

киры, чуваши, ногайцы, киргизы, кумыки); *Монгольская группа* (калмыки); *Семитическая группа* (евреи). Интересно выглядит объединение народов, считавшихся на том этапе исследований родственными, в группы на основании сведений о языке. П.И. Кёппен вовсе не выделял родственных групп, а на этнических картах последующего времени состав групп и сами группы изменялись в зависимости от новых данных.

По-видимому, в том же 1875 г. вышла из печати еще одна значительная работа Риттиха — «Этнографическая карта Кавказского края»[41], о которой говорилось выше. Перечень обозначенных на карте народностей включает более 40 названий, но среди них лишь около половины — те, что населяют Кавказ, Предкавказье и Закавказье, поскольку изображенная на карте территория включает и окрестные земли.

Помимо крупных работ, Риттих составил еще несколько мелкомасштабных карт, приложенных к его трудам.

Так, в обширном труде «Славянский мир: Историко-географическое и этнографическое исследование» (1885)[42], где он постарался обобщить опыт славяноведения за несколько десятилетий[43], помещены 45(!) черно-белых мелкомасштабных карт, иллюстрирующих повествование: 1) Карта ядра Польского населения; 2) Карта Чехо-Мораво Славянского населения; 3) Карта Кашубского населения; 4) Карта Лужицкого острова; 5) Карта Хорутанского и Кроатского населения; 6) Карта Эпира; 7) Карта Румынского населения; 8) Карта Мадьярского населения; 9) Карта Литвы и Белоруссии; 10) Карта Червленым городам и Малороссийской речи на западе; 11) Карта немецких впадин в славянские земли; 12) Карта этого пути [движение славян]; 13) Карта Славянского востока; 14) Карта рода Бодричей; 15) Карта рода Лютичей; 16) Карта Поморян; 17) Карта родов Стадорян, Сербов и Лужичан; 18) Карта расселения Обров; 19) Карта юго-западной границы Владимировой Руси; 20) Карта Чехии, Моравии и Словакии; 21) Карта Хорутанского населения; 22) Карта Хорватских владений; 23) Карта Белосербии; 24) Карта Сербов в VIII столетии; 25) Карта Болгарии; 26) Карта Пелопонесских славян; 27) Карта Славянской границы на Юго-западе; 28) Карта покорения Авар; 29) Карта движения немцев из Старой Мархии; 30) Карта Залабских славян; 31) Карта Drang nach Osten; 32) Карта славянских урочищ; 33) Карта державы Само; 34) Карты державы Святополка; 35) Объяснительная карта движения народов и походов; 36) Карта Киевской Руси; 37) Карта движения Руссов в Све-

вию; 38) Карта урочищ Буд и Будины Геродота; 39) Колонии западных славян; 40) Карта перевала Славян и Азов через Кавказский хребет; 41) Карта границ славян на востоке; 42) Карта царства Эрманарика Готского; 43) Карта державы Аттилы; 44) Карта движения Славян от Синда к Ванну; 45) Карта переселения славян с Инда в Европу. Кроме того, к книге приложена цветная, составленная Риттихом ***«Этнографическая карта Славянского мира»*** (СПб.: Картогр. заведение А. Ильина, б.г.), показывающая расселение славян на пространстве Российской империи, Восточной Европы и Южной Азии.

И уже находясь в отставке, Риттих не оставлял своих занятий: ему принадлежит интереснейшая «Схема расселения западных и южных славян», составленная им для доклада, прочитанного в Обществе ревнителей военных знаний в 1903 г. Текст доклада, карта и таблицы вышли как отдельное издание — «Славянские наречия XX века в Юго-Западной Европе: статистические таблицы и схема расселения юго-западных славян»[44].

Активно сотрудничавший со славянофилами, Риттих помогал исправлять издававшиеся тогда этнографические карты.

Славянский съезд 1867 г., приуроченный к Всероссийской этнографической выставке, стал крупным событием в общественно-политической и культурной жизни славянских стран и России. Инициатор съезда, известный «панславист», профессор С.-Петербургского университета В.И. Ламанский, в письме профессору Московского университета Н.А. Попову высказал предложение устроить в Москве по случаю Этнографической выставки 1867 г. несколько публичных чтений о славянстве и Первый славянский съезд[45]. Организационным центром съезда стал Московский славянский благотворительный комитет — общественная организация, учрежденная в начале 1858 г. кружком московских славянофилов во главе с Михаилом Погодиным. Возникновение комитета, с одной стороны, стало следствием поражения России в Крымской войне, в результате чего ей было запрещено на государственном уровне помогать славянам, а с другой — результатом возрождения в российском обществе православного русского самосознания, чему способствовала деятельность славянофильского кружка. Россия искала возможность сохранить свое влияние на Балканах. Побудительным мотивом к созданию комитета стало образование в Европе обществ для пропаганды среди южных славян, населяющих оттоманские владения, «латинско»-иезуитских и политических воззрений, сильно ограничивающих влияние России.

В 1867 г., скорее всего, специально подготовленная к съезду вышла из печати первая «Этнографическая карта славянских народностей» М.Ф. Мирковича, охватывающая территорию Европейской России, Кавказа и европейских государств. В объяснительной записке Миркович подробно описал, какими источниками пользовался при составлении своей карты. Одним из основных была карта П.Й. Шафарика, были использованы и данные карт Кёппена. Карта выдержала еще два издания, но с исправлениями и дополнениями, внесенными А.Ф. Риттихом. В 1874 г. увидела свет «Этнографическая карта славянских народностей: с 1-го издания 1867 г. М.Ф. Мирковича, дополненная А.Ф. Риттихом»[46]. На обширном пространстве, включающем значительную часть Европейской России, Восточную и Центральную Европу (в том числе Германию, часть Италии и Грецию) и Малую Азию, цветом были обозначены территории расселения славянских и неславянских народов. В помещенной здесь же таблице были перечислены славянские (русские, поляки, лужичане, чехи, словаки, словенцы, сербы, болгары) и неславянские (греки, итальянцы, румыны, немцы, шведы, литовцы, финны, мадьяры, турки, татары, народы волжские, пермские, кавказские горцы, грузины, армяне, чуваши и др.) народы. В 1877 г. вышло третье издание карты — «Этнографическая карта славянских народностей: М.Ф. Миркович, доп. А.Ф. Риттих»[47] (3-е изд. С.-Петербургского отдела Славянского Благотворительного комитета. СПб.: Типогр. и хромо-литогр. А. Траншеля, 1877). Содержание карты в основном осталось прежним, но все же по сравнению с первым изданием во второе и третье внесены отдельные важные изменения, касающиеся расселения болгар около Варны и Шумена, русских, татар и немцев — в Крыму, поляков — Восточнее Гданьска и др. Добавились статистические таблицы распределения славян по государствам и народностям, вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам. Эти таблицы были составлены известным филологом-славистом, профессором А.С. Будиловичем.

Материалы, собранные Риттихом, и опубликованные им карты становились источником для новых самостоятельных изданий. Так, известный немецкий картограф и издатель Август Петерман, следивший за появлением новых карт и сам составивший немало картографических произведений, публиковал этнографические материалы Риттиха в своем журнале “Petermann’s Geographische Mittheilungen”. В 1877 г. увидела свет этнографическая карта России, составленная по материалам Риттиха и военного географа, генерал-майора М.И. Ве-

нюкова — “Ethnographische Karte des Russischen Reiches, nebst Andeutung der Hauptsächlichsten Völkergrenzen in den Nachbargebieten Hauptsächlich nach Rittich und Venjukoff von A. Petermann”[48].

Народности обозначены разными красками, объяснение красок дано в таблице, где родственные по представлениям того времени народности собраны в группы. В первой таблице — народности, проживающие на территории России: *Slawen*: Russen, Bulgaren, Polen; Litthauer: Litthauer, Letten; *Germanen*: Deutsche, Schweden; *Griechen-Rumänen*: Griechen, Rumänen; *Iranier*: Taten, Kurden, Osseten, Armenier; *Iberier*: Georgier (Grusinier); *Kaukasier*: Adyge, Kabardiner, Abchasen, Awaren, Tschetschzen, Laken, Darginer; *Finnen*: Baltische-Finnen Karelier u. Finno-Karelier, Tschuden (Esten u. Liwen), Lappen; *Wolga-Finnen*: Mordwinen, Tscheremissen, Wotjaken; *Nordische-Finnen*: Permjaken, Syrjänen, Wogulen, Samojeden; Ostjaken, Sojoten; *Turken*: Tataren, Baschkiren, Tschuwaschen, Nogaier, Kumüken, Jakuten; *Mongolen*: Tungusen, Burjaten, Kalmüken, Chin. Mandschuren, Koreaner; *Andere Völker*: Tadschik, Gultscha, Jukahiren, Korjaken, Tschuktschen, Kamtschadalen, Giljaken, Ainos. Во второй — народы, живущие за пределами России: *Völker ausserhalb des Russischen Reiches*: Dänen, Norweger, Perser, Afganen, Siahposch, Araber Chinesen, Tübetaner, Mongolen od. Tataren, Japaner.

В 1878 г. А. Петерман переиздал этнографическую карту Европейской России Риттиха в уменьшенном масштабе: “Ethnographische Karte von Russland Nach A.F. Rittich von A. Petermann”[49] с объяснительным текстом на немецком языке: [Rittich A. Ethnographische Karte von Russland] (Gotha, 18. 43 с.: табл.). Перечень обозначенных на карте народностей, собранных в группы, приведен в таблице на карте: *Slawishe Stämme* (Gross-Russen, Weiss-Russen, Klein-Russen, Bulgaren, Polen); *Lithauische St.* (Litthauer, Letten), *Griech. rumän* (Griechen, Rumänen); *Germanische St.* (Deutsche, Schweden); *Iranische Stämme* (Taten, Osseten, Kurden, Armenier); *Iberische St.* (Georgier (Grusinier)); *Kaukasisch-Kaspische Stämme* (Awaren, Tabasaraner, Tschetschenzen, Küriner, Laken, Muchadaren (Rotuler), Hürkeliner (Darginer), Übrige Kleine Stämme); *Kaukasische St. a Schwarzen M.* (Adyge, Kabardiner, Abchasen); *Baltische-Finnen* (Karelier, Finno-Karelier, Tschuden (Esten & Liven), Lappen); *Wolga-Finnen* (Mordwinen, Tscheremissen, Wotiaken); *Nordische-Finnen* (Permjäken, Syrjänen, Wogulen, Samojeden); *Turkische Stämme* (Tataren, Baschkiren, Tschuwaschen, Nogaier, Kirgisen, Kumüken); *Mongolischer St.* (Kalmüken); *Semitischer St.* (Iuden).

Эти подробные перечни позволяют проследить, как менялись представления о родственных языковых группах народов в XIX в.

В конце XIX в. А. Ильин, директор одноименного Картографического заведения, подготовил и издал «Этнографическую карту Европы», составленную с использованием данных Риттиха[50]. Показано, что немалую часть территории занимают славянские народы. Для ее составления, кроме работ А.Ф. Риттиха, касающихся Европейской России, Кавказа и Финляндии, а также Западно-Русского края, использована карта австрийского статистика К.Ф. Чернига (C.F. von Czoernig). На карте также были помещены перечни народов, объединенных в группы на основе языка: *Славянское* [племя] (великороссы, малороссы, белорусы, поляки, лужичане, чехи и моравы, словаки, словинцы, сербы (хорваты), болгары); *Литовское* (литовцы и латыши); *Латино-Романское* (итальянцы, французы, испанцы и португальцы, румыны (молдаво-валохи)); *Германское* (немцы, голландцы, фламандцы и фризы, шведы и норвежцы, датчане, англичане); *Кельтийское* (ирландцы, шотландцы, валийцы, бретоны и баски); *Карталинское* (грузины, имеретины, мингрельцы, гурийцы и проч.); *Пеласги* (греки, албанцы (арнауты)); *Тюркское* (турки, татары, башкиры, ногайцы, киргизы, туркмены); *Финское* (мадьяры (венгры), финны, корелы, эсты, черемисы и пр.); *Иранское* (персы, армяне, курды, осетины, таты); *Семитическое* (евреи); *Монгольское* (калмыки); *Кавказское* (западное и восточное).

В 1889 г. вышел в свет учебник «Зырянский край при епископах Пермских и Зырянский язык: Пособие при изучении зырянами русского языка» (Сост. Г.С. Лыткин, преподаватель С.Петербургской шестой гимназии. СПб.: Тип. Имп. АН, 1889. 88 с.). К учебнику была приложена подробная «Этнографическая карта губ.[ерний], населенных зырянами: Составлена по картам гг. Стрельбицкого и Риттиха» (Б.м.: Хромолитогр. Штадлер и Паттинот, б.г.). Показано расселение русских, зырян (в Пермской губернии — пермяков), вотяков, татар. Объяснение. В объяснении к этнографической карте, помещенном в книге[51], приведены сведения о численности вотяков и зырян, а также пермяков, взятые из труда Риттиха «Племенной состав контингентов русской армии» (СПб., 1875), Военно-статистического сборника (изд. под ред. Н.Н. Обручева. Вып. IV. 1871) и Географическо-статистического словаря Российской империи (Т. I). Также даны сведения о числе учащихся вотяков и зырян в народных школах Яренского и Усть-Сысольского уездов, в районе зырянских поселений, в пределах Пермской епархии времен св. Питирима (ум. 1455 г.),

присланные директором народных училищ Вологодской губернии Н.П. Левицким.

Не утратила своего значения до конца XIX в. составленная Риттихом в конце 1860-х годов «Карта Казанской губернии по племенам». В изданном в 1895 г. в Казани священником Г.К. Богословским «Атласе Казанской епархии по уездам» была помещена «Карта народонаселения Казанской губернии по племенам», почти полностью повторяющая указанную карту Риттиха, за исключением того, что на новой карте не были указаны мещеряки.

Несколько картографических произведений и статистических работ Риттиха стали основой для мелкомасштабных карт, помещенных в многотомном издании «Россия: Полное географическое описание нашего отечества» (Под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского и под общим руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского и профессора В.И. Ламанского. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1899–1914). Это карты «Племена Среднерусской черноземной области по Риттиху»[52], «Племена Малороссии по Риттиху и Чубинскому»[53], «Племена Верхнего Поднепровья и Белоруссии. По Риттиху, Карскому и др.»[54], «Племена Новороссии по Риттиху и Чубинскому»[55]. На картах показаны не только территории, населенные разными народами, но и границы различных говоров и разноречий.

В данном сообщении представлены материалы к биографии Александра Федоровича Риттиха, в том числе впервые — сведения обо всех его этнографо-картографических работах. Названия народов и народностей приведены здесь так, как они написаны на картах и в его трудах, без пояснений, что потребовало бы дополнительного места и специальных изысканий, важных в данном случае для этнографов, это будет сделано в другой работе. В тексте эти длинные перечни приведены для того, чтобы показать, насколько детально стремился Риттих отразить на картах многонациональность Российской империи, используя для этого все доступные сведения. Выражаем надежду, что жизнеописание этого незаурядного человека, искреннего патриота России и выдающегося военного специалиста, очень много сделавшего для развития этнографии, будет со временем написано.

* * *

[1] Риттих Александр Федорович // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXVIa (на корешке — 52). СПб.: Тип. Акц. Общ. «Издат. Дело бывш. Брокгауз-Ефрон», 1899. С. 819.

[2] РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Ч. 1. № 1703. Год 1864 (в это дело вложено еще одно — «О дворянстве рода Риттихов», со 2 мая 1861 по 20 августа 1864). 80 л.

[3] Архив РГО. Разряд 48. Оп. 1. № 17. Риттих А.Ф. Наречия Европейской России с Кавказом и В.К. Финляндским.

[4] Архив РГО. Разряд 109. Оп. 1. № 1. Риттих А.Ф. Заметки по этнографически-статистическим сведениям Австрии, Пруссии и России. Рукопись, датированная 10 октября 1872 г. Заметки посвящены сравнению господствующих в количественном отношении народностей разных стран, представляющих многонациональные империи. Бóльшая часть текста — о России. Риттих пишет, что, занимаясь давно уже этнографическими исследованиями, обратил внимание на иностранные данные Гауснера, Клёдена и Кольба, в частности, приводит цитату Кольба: «В общей сложности считают в русском государстве 112 различных народностей, которые говорят по меньшей мере на 40 языках или наречиях. Нельзя не признать, что такое смешение народов не может не мешать укреплению страны. Но Россия имеет перед Австрией то преимущество, что ее главное племя численно превышает другие» (Архив РГО. Разряд 109. Оп. 1. № 1. Л. 1).

[5] Среди работ Риттиха есть и посвященная его родственнику: «Шурин брата моей бабки, гвардейской артиллерии полковник Роман Максимович барон Таубе...» (*Риттих А.Ф.* Барон Р.М. Таубе. 1808–1812 г. // Русская старина. 1876. Т. 17, № 12. С. 842–844). http://memoirs.ru/texts/RittichRS1876.htm (дата обращения: 21.02.2019).

[6] РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Ч. 1. № 1703. Л. 29. Восприемник — то же, что крестный, крестная; обычно это были двое — мужчина и женщина, но в отдельных случаях почему-то допускалось и большее число крестных.

[7] РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Ч. 1. № 1703. Л. 70–74. Полный послужной список Генштаба полковника Риттиха от 3 июня 1869 г.

[8] РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Ч. 1. № 1705. Л. 70–74.

[9] Из непростой истории преобразований в Военном ведомстве выберем то, что относится к интересующему нас времени: 1 (13) мая 1832 г. Генеральный штаб под названием Департамент Генерального штаба вошел в состав Военного министерства, которому вновь было вверено все высшее военное управление в государстве (директору департамента было оставлено звание генерал-квартирмейстера Главного штаба Е.И.В.) (ПСЗ-2. СПб., 1832. Т. VII. № 5318). В сентябре 1863 г. Департамент Генерального штаба, имея по-прежнему во главе генерал-квартирмейстера Главного штаба Е.И.В., был преобразован (в виде опыта на два года) в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) (ПСЗ-2. СПб., 1866. Т. XXXVIII. Отд. 2. № 40082). В 1864 г. Гвардейский Генеральный штаб слит с общим Генеральным штабом. URL: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11596901%40cmsArticle (дата обращения: 21.02.2019).

[10] Медалями из светлой бронзы награждались главным образом военные или непосредственные участники военных событий.

[11] Медалью из темной бронзы (меди) жаловались все воинские чины и чиновники военных ведомств, находившиеся на территории военных действий, но не принимавшие участия в боевых операциях. В послужном списке Риттиха есть запись «В делах противо неприятеля не был».

[12] Вероятно, заочно, поскольку 30 июля с.г. Риттих прибыл к месту новой службы — в Харьков, а 27 сентября этого года в семье родился сын.

[13] История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895 / составил по поручению совета Императорского Русского географического общества вице-председатель общества П.П. Семенов при содействии действительного члена А.А. Достоевского. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1896. С. 164.

[14] История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895 / составил по поручению совета Императорского Русского географического общества вице-председатель общества П.П. Семенов при содействии действительного члена А.А. Достоевского. Ч. 2. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1896. С. 492.

[15] Архив Общества хранится в ИАЭ РАН в Москве (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Ф. 60).

[16] Издания Общества: «Известия Общества любителей естествознания...» (т. 1–130, 1865–1916), «Этнографическое обозрение» (книги 1–112, 1889–1918), «Труды Топографо-геодезической комиссии» (выпуски 1–21, 1894–1907), сборники «Землеведение» (т. 1–25, 1894–1922), журнал «Le Physiologiste Russe» (1898–1912), «Записки Геологического отделения...» (т. 1–4, 1913–1916), «Межевой сборник» (выпуски 1–4, 1904–1905), «Русский антропологический журнал» (т. 1–19, с перерывами — 1900–1930), в 1925–1929 гг. подразделения Общества издавали научные монографии в серии «Мемуары...» (вышло 15 кн.).

[17] *Красникова О.А.* Андрей Васильевич Фрейганг (1809–1880): Материалы к биографии // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): биографический аспект: материалы конф. «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект» / Отв. ред. А.С. Мыльников, Т.А. Шрадер. Вып. 2. СПб.: МАЭ РАН, 2002. С. 142–154; *Она же.* А.В. Фрейганг // Энциклопедия «Три века Санкт-Петербурга». Т. 2. Кн. 7: У–Ч. 2009. С. 427–429.

[18] *Токарев С.А.* История русской этнографии: дооктябрьский период. М.: Наука, 1966. С. 314.

[19] Атлас населения 9 губерний Западного края по вероисповеданиям и национальностям. Издание Министерства внутренних дел. СПб., 1863. Первое издание, датирующееся 1863 г., является большой редкостью.

[20] *Батюшков П.Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы северо-западного края. СПб., 1890. С. XVI.

[21] [*Риттих А.Ф.*] Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям: составлен при Министерстве внутренних дел в Канцелярии заведывающего устройством православных церквей в западных губерниях.

2-е изд., испр. и доп. СПб.: [печ. в типогр. В. Веллинга], 1864. 2 с., 9 л.: табл., карт. (Veritas salusque publica). Автор указан в предисловии.

[22] *Андреев Н.В.* Географические труды офицеров Генерального штаба: Материалы для географии и статистики России // Труды НИИГАиК. 1962. Вып. 51; *Он же.* Географические труды офицеров Генерального Штаба: дис. ... канд. геогр. наук. М., 1963.

[23] РГВИА. Ф. 414. Ед. хр. 300; *Лиховид А.А., Сердюкова А.И., Шальнев В.А.* История изучения природы и животного населения Предкавказья в XIX — начале XX в. URL: file:///C:/Documents%20and%20Settings/Cartorg_user/Мои%20документы/Загрузки/istoriya-izucheniya-prirody-i-zhivotnogo-naseleniya-predkavkazya-v-xix-nachale-xx-vekov.pdf (дата обращения: 21.02.2019).

[24] *Скопа В.А.* Влияние военно-статистического учета на развитие государственной статистической системы (по материалам Западной Сибири и степного края второй половины XIX века) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (ч. 1). URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17782 (дата обращения: 22.02.2019).

[25] Отметим, что лишь в 1910 г. стало выходить научное периодическое издание «Материалы по этнографии России», готовившееся в Этнографическом отделе Русского музея, всего вышло несколько выпусков, а последние — уже в советское время (в 1929 г.).

[26] *Риттих А.Ф.* Приложение к материалам, для этнографии Царства Польского, губернии: Люблинская и Августовская. СПб.: Б.и., 1864. 36 с. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/44805-rittih-a-f-prilozhenie-k-materialam-dlya-etnografii-tsarstva-polskogo-gubernii-lyublinskaya-i-avgustovskaya-spb-1864#mode/inspect/page/20/zoom/4 (дата обращения: 21.02.2019).

[27] Материалы для этнографии России: Казанская губерния. XIV-тая / Сост. полковник А.Ф. Риттих. Ч. 1. Казань: Тип. Имп. Казанского ун-та, 1870. Приложения: племенная карта, статистическая таблица, план Болгар и виды болгарских развалин.

[28] Материалы для этнографии России: Казанская губерния... С. II.

[29] Материалы для этнографии России: Казанская губерния... С. IX.

[30] *Никольский А.С.* Мнение о Карте народонаселения Казанской губернии, составленное полковником Риттихом / [Препод. 2 Казан. гимназии А. Никольский]. Казань: Унив. тип., 1870. 16 с.; 15. Авт. указан в конце текста. Перепеч. из «Циркуляра по Казан. учеб. окр.» № 13.

[31] Материалы для этнографии России: Прибалтийский край. XV, XVI , XVII / Составил А.Ф. Риттих. СПб.: Картограф. заведение А. Ильина, 1873. 69 + 1 с.; 3 табл., 2 цв. карты.

[32] Известия ИРГО. 1872. Т. VIII. СПб., 1873. Журнал заседаний Отделения этнографии. 8 апреля 1872 г. Отд. Первый. С. 196–198.

[33] История полувековой деятельности ИРГО. 1845–1895 / Сост. П.П. Семенов. Ч. II. Отд. IV. СПб., 1896. С. 954.

[34] Там же. С. 954.

[35] Там же. С. 955.

[36] Там же.

[37] Приведем здесь важную цитату из доклада С.В. Соколовского «Этническая идентичность в советских переписях населения» (конференция «Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России», Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, февраль 2002 г.): «Представления о природе этнической идентичности были в то время нестрогими, и в традициях ИРГО было принято ставить знак равенства между национальной принадлежностью, с одной стороны, и языковой и религиозной принадлежностью — с другой. Различия в специализациях (в комиссию, помимо этнографов, входили лингвисты, географы, специалисты по физической антропологии) не позволили выработать общего подхода к определению национальности вплоть до переписи 1926 г.». URL: http://old.iea.ras.ru/topic/census/doc/sokol_paper2002-1.htm (дата обращения: 21.02.2019).

[38] Известия ИРГО. XI. 1875. СПб., 1876. Журнал заседаний Комиссии по составлению этнографических карт России. 23 января 1874 г. С. [5–10].

[39] До настоящего времени сведений о выходе из печати объяснительного текста на русском языке к карте Риттиха не найдено.

[40] Известия ИРГО. 1875. Т. XI. СПб., 1876. Журнал заседаний Комиссии по составлению этнографической карты Европейской России.

[41] Этнографическая карта Кавказского края / Сост. по новейшим сведениям А. Риттихом; Грав. контур и шрифт А. Юргенс. СПб.: Картогр. заведение А. Ильина, [1875].

[42] Славянский мир: Историко-географическое и этнографическое исследование / Сост. А.Ф. Риттих, член ИРГО; Имп. Моск. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии; Ипм. Вольного экономического общества; СПб. Славянского благотворительного общества; Харьковского статистического комитета, и др. Издание В.М. Истомина. Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, Лит. Варшав. Воен. округа, Хромолитография А.А. Ильина в СПб., Ксилография Пуца в Варшаве, 1885. 336, XXVIII, [2] с.: карт., 1 отд. л. цв. слож. карт.

[43] Признавая заслуги исследования и большое количество материалов о древних племенах ариев, венедов, готов, гуннов, кельтов, скифов, о традициях и обрядах, а также о языческих верованиях предков славян и современном Риттиху состоянии болгар, сербов, словаков и чехов, этнографы отмечают спорность утверждений Риттиха, проникнутых духом панславизма.

[44] Славянские наречия XX века в Юго-Западной Европе: статистические таблицы и схема расселения юго-западных славян, составлявшие приложения к программе сообщения, прочитанного в Обществе ревнителей военных знаний генерал-лейтенантом А.Ф. Риттихом / Редактировал лектор. Издание Общества ревнителей военных знаний. СПб.: Экономическая типо-литография, 1903. 8 с.: табл., 1 отд. слож. л. карт.

[45] *Досталь М.Ю.* Славянский съезд 1867 г. в С.Петербурге и Москве. URL: http://slavonic.iptelecom.net.ua/ideol/1867.htm (дата обращения: 21.02.2019).

[46] Этнографическая карта славянских народностей: с 1-го издания 1867 года М.Ф. Мирковича, дополненная А.Ф. Риттихом. Издание С.-Петербургского отдела Славянского Благотворительного комитета. СПб.: Картогр. заведение А. Ильина, 1874.

[47] Этнографическая карта славянских народностей: М.Ф. Миркович, доп. А.Ф. Риттих. 3-е издание С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета. СПб.: Типогр. и хромо-литогр. А. Траншеля, 1877.

[48] Ethnographische Karte des Russischen Reiches, nebst Andeutung der Hauptsächlichsten Völkergrenzen in den Nachbargebieten Hauptsächlich nach Rittich und Venjukoff von A. Petermann. Bearbeite v. Hanemann Gotha Justus Perthes 1877 (Druck von C. Hellfarth in Gotha). (Petermann's Geographische Mittheilungen. Jahrgang 1877. Tafel 1).

[49] Ethnographische Karte von Russland Nach A.F. Rittich von A. Petermann. — Gotha, Justus Perthes, 1878. (Schnellpressendruck v. Hellfar in Gotha). (Petermann Geograph. Mitth. n Erganzungsheft №54, Tafel 2).

[50] Этнографическая карта Европы / Сост. по Риттиху и новейшим сведениям А. Ильиным. Гр. шр. И. Махотин. СПб.: Картогр. заведение А. Ильина, б.г.

[51] Зырянский край при епископах Пермских и Зырянский язык: Пособие при изучении зырянами русского языка / Сост. Г.С. Лыткин, преподаватель С.Петербургской шестой гимназии. СПб.: Тип. Имп. АН, 1889. С. 87–88.

[52] Россия: Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Семенова. Т. II. СПб., 1902. С. 160–161.

[53] Россия: Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Семенова. Т. VII. СПб., 1903. С. 112–113.

[54] Россия: Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Семенова. Т. IX. СПб., 1905. С. 144–145.

[55] Россия: Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Семенова. Т. XIV. СПб., 1910. С. 176–177.

Т.И. Ганф

СОУЧЕНИКИ ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВИЧА БОТКИНА ПО ИМПЕРАТОРСКОЙ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ, ИМЕВШИЕ НЕМЕЦКИЕ И ШВЕДСКИЕ КОРНИ

Участие выпускников ИВМА 1889 г. в гражданской и военной медицине, в формировании и развитии санитарно-эпидемиологической службы, педиатрии, городской и школьной медицины. Их труд в условиях войн, революции, эпидемий, голода и разрухи. Источники информации по истории российской медицины.

Ключевые слова: деонтология, военная медицина, биографии врачей конца XIX — начала XX в., источники по истории ИВМА.

T.I. Ganf

PARTICIPATION OF GRADUATES E.E. BOTKIN OF THE MILITARY MEDICAL ACADEMY, ETHNIC GERMANS, IN THE CREATION OF NATIONAL PUBLIC HEALTS

Participation of graduates of the Military Medical Academy of 1889 in civil, military, medicine, the formation of new medical specialties: sanitation, epidemiology, Pediatrics, urban and school medicine. Their fate during the wars, revolutions, epidemics, social challenges.

Keywords: deontology, military medicine, biographies of doctors, Sources on the history of IVMA.

Евгений Сергеевич Боткин[1] закончил Императорскую Военно-медицинскую академию в ноябре 1889 г. Ровно через месяц, 29 декабря, скончался его отец — академик, профессор ИВМА С.П. Боткин, влияние которого на воспитание русских врачебных кадров огромно. Помимо научного вклада в медицину, Сергей Петрович имел большое влияние на становление национальной врачебной школы[2]. Выпускники Военно-медицинской академии, носители немецких фамилий, обладая «немецкой» пунктуальностью и обязательностью, сердечным и профессиональным отношением к своим больным, также вошли в когорту «Боткинской врачебной школы».

Кажущееся формальным объединение фамилий выпускников ИВМА с немецкозвучащими фамилиями, при внимательном изучении их биографий дает весьма ценный исторический срез. Мы видим не сухие цифры, а живые судьбы людей, чей профессиональный рост был прерван или изменен внешними историческими обстоятельствами: Русско-японской войной, Первой мировой войной и революцией. 25-летие выпуска 1889 г. пришлось на ноябрь 1914 г. Юбилей, выпуск уже готового сборника биографий выпускников, встреча в стенах родной академии — все было заменено скромной панихидой и молебном в академической церкви.

Курс отличался от предыдущих и последующих увеличенным списком принятых и получивших звание лекаря (около 100 человек) и лекаря с отличием (40 человек), всего — около 150 человек, а также осознанным, направленным на получение знаний и практических навыков отношением к учебе. За все годы обучения не было ни митингов, ни участия студентов в политических акциях. Студенты уже на первом курсе образовали курсовую кассу взаимопомощи, сбор денег для которой вел и Евгений Сергеевич Боткин, что отразилось на полях его студенческих записных книжек[3]. Позже на основе курсового общества возникло *Общество петербургской врачебной взаимопомощи*, существовавшее вплоть до 1917 г.

Бóльшая часть этого выпуска ИВМА прошла практическую школу военно-медицинской службы. Большинство избрали своей специальностью терапию, дополненную параллельными специализациями (массаж, электротерапия, климатология, водолечение, заболевания глаз, органов дыхания, уха). Более половины защитили докторские диссертации. Более 30, почувствовав тягу к научно-педагогической деятельности, удостоились звания приват-доцентов, профессоров различных учебных заведений.

Несколько фамилий не удалось найти ни в Российском медицинском списке, ни в адресных книгах. Возможно, они оставили медицину. Возможно, увлекаясь социальными утопиями, были вынуждены эмигрировать. Или безвременно закончили свой жизненный путь, как студент *Загуляев Е.М.*, скончавшийся 25 марта 1889 г., так и не получив звания врача. Его имя и дата кончины сохранились благодаря записям Е.С. Боткина между конспектами лекций.

В своем предсмертном письме «к другу Александру», брату, окончившему ИВМА в 1890 г., Е.С. Боткин с большим чувством вспоминает свой курс, те идеалы, общую духовную направленность, которая сформировала их как граждан и врачей[4]. Однокурсники-врачи, носившие немецкие фамилии, отличались особой верностью врачебному долгу, добросовестностью, высоким профессионализмом, что отмечалось в их послужных списках. Они не только соответствовали всем критериям, когда-то в юности сформулированным ими, но и с честью и достоинством выдержали испытания, которые не могли предвидеть: войну, разрушение государства и огромные нагрузки, вызванные социальными катаклизмами. Несомненно, потеря памяти об их жизни и деятельности приводит к разрушению целостности нашего общества, потере своей идентификации.

Жить и работать им пришлось в непростое время становления государственного здравоохранения, *учрежденного Высочайшим указом 3/16.09.1916 г. в форме Главного управления государственного здравоохранения на правах министерства*. Все без исключения исследованные биографии, формуляры и воспоминания современников дают нам картину удивительного трудолюбия, самопожертвования, высокого служения науке и ближним. Большинство скончалось до трагических событий весны 1917 г., подтвердив мрачную статистику средней продолжительности жизни врачей в начале XX в. — 44 года.

Порядок фамилий сохранен, поскольку он, очевидно, отчасти воспроизводит степень успешности в сдаче экзаменов. К сожалению, в списке приводятся фамилии без имен и даже без инициалов, что внесло дополнительные трудности при определении персоналий врачей-родственников лютеран и католиков, имевших несколько имен, не всегда совпадавших с именованиями в реальной жизни.

1. **Кинаст Рудольф Рудольфович (1863, Гатчина — после 1924)**. Доктор медицины, военный врач. В 1889–1892 гг. — младший врач 23-й артиллерийской бригады, Гатчина.

Ябл. 1898: доктор медицины, проживал: Измайловский полк, 1-я рота, где и принимал как практический врач по внутренним и мочеполовым болезням, хирург. Долгие годы был врачом по вольному найму мужского отделения Обуховской больницы[5] (под руководством А.А. Нечаева). Там же работали его однокурсники А.Ф. Анисимов и А. Франценн.

С 1900 г. совмещал с безмездной работой врачом в лечебнице для приходящих нищих Комитета для разбора нищих (Торговая ул., 26).

В Русско-японскую войну служил главным врачом на госпитальном судне «Монголия» на 1960 коек, оснащенном рентгеновским кабинетом, операционной. В его каюту 8 октября 1904 г. попал артиллерийский снаряд, но врач находился на палубе. Судно не оправдало надежд, возложенных на него как участника морских битв, и использовалось как госпиталь, причаленный к берегу. По мере разрушения судна персонал оказывал медицинскую помощь на суше, подвергаясь значительной опасности[6].

РМС 1914: статский советник, старший врач 2-го Балтийского флотского экипажа и консультант Морского госпиталя, СПб. Некоторое время служил в Кронштадте.

Адресная книга Ленинграда, 1924: Кинаст Р.Р., хирург Детской заразной больницы им. Пастера (Фонтанка, 152, Рижский пр., 9). Врач-хирург амбулатории Госзнака.

Некрополь СПб.: **Кинаст фон Рудольф**, действительный статский советник (1823–20.07.1888). Похоронен с Эмилией фон Кинаст, рожд. Фон Деллер (1841–1892). Смоленское евангелическое кладбище.

Эта фамилия сохранялась в мире советской науки: **Кинаст**, профессор, автор работ по многоковшовым экскаваторам и другой строительной технике (60-е годы XX в.).

2. **Лангенбахер Фердинанд Эдуардович (1861 — после 1917)**. Доктор медицины, военный врач.

РМС 1903: надворный советник, младший врач крепостной артиллерии, Кронштадт.

РМС 1913, 1914: коллежский секретарь, младший врач 1-го крепостного Артиллерийского полка, Кронштадт. В 1914 г. награжден по военно-санитарному ведомству орденом Св. Владимира 4 ст. В Кронштадте он жил до революции возле Владимирского собора, где находился штаб артиллерии. Скорее всего, погиб после революции, во время эпидемических мероприятий летом 1918 г.

Его братья занимали видное положение в медицинском мире Петербурга.

Лангенбахер Адольф Эдуардович

РМС 1897 (л. 73): ст. врач 2-й крепостной арт. батареи. Кронштадт.

Лангенбахер Людвиг Эдуардович. Магистр ветеринарных наук, д. ст. сов., член Военно-ветеринарного комитета, врач-ветеринар и преподаватель Офицерской кавалерийской школы, эксперт Министерства торговли. Председатель Общества ветеринарных врачей. Специалист по ковке лошадей. Автор множества публикаций по этой теме.

Лангенбахер Карл-Эдуард Эдуардович *(1855–?).*

Весь СПб. 1914: статский советник, лекарь (1878), доктор медицины (1885), директор школы ИЖПО, врач Карточной фабрики Ведомства Императрицы Марии, проживал: Шлиссельбургский проспект, 39. Врач Обуховского завода.

Некрополь СПб.: **Лангенбахер Фредерика Карловна**, ск. 05.02.1910 (88 л.), Успенское кладбище.

3. **Трауготт (Траугот) Николай Яковлевич, (1863–29.03.1910)**[7]. Доктор медицины, терапевт, врач Главного интендантского управления (СПб.), потомственный врач. Он стал не только кандидатом естественных наук по окончании Санкт-Петербургского университета, но и доктором медицины (ИВМА). Диссертацию готовил в клинике профессора Ф.И. Пастернацкого. Трудился врачом в амбулатории Евгеньевской общины сестер милосердия (с 1891 г.).

Проживал с женой и детьми в Саперном переулке, 13. С 1900 г., помимо безмездной работы в амбулатории Евгеньевской общины, Трауготт выразил желание взять на себя обязанность сверхштатного (не оплачиваемого) ординатора 3-го терапевтического отделения барака при больнице в память императора Александра III (Евгеньевской общины), одной из лучших больниц столицы. Помимо этого, Траугот «пользовал», то есть лечил, призреваемых в убежище престарелых сестер милосердия.

Начальница общины фрейлина императрицы Е.Ф. Джунковская не побоялась неоднократно беспокоить начальство, вплоть до военного министра, зная, что Трауготт в 1909 г. был безнадежно болен после тяжелой операции и его семья нуждалась в помощи.

Его отец — **Яков Николаевич Трауготт** (1834 — после 1913) служил ординатором Николаевского военного госпиталя и Рождественского барачного лазарета великой княгини Марии Александровны (РОКК),

бесплатной лечебницы при нем, затем врачом железнодорожного ведомства. Сын и отец одно время жили вместе — на углу Греческого проспекта и 5-й Рождественской улицы (д. 15/8).

Трауготт Гербер — немецкий врач, работавший в России, ботаник (в его честь назван цветок Гербера).

Трауготты, представители датской ветви рода, проживавшие в России с XVII в., изменили написание фамилии после революции.

В Петербурге–Ленинграде трудились три поколения врачей: Трауготт Яков Николаевич, Трауготт Николай Яковлевич и его дочь, профессор **Траугот Наталья Николаевна** (1904–1994). Ее именем назван Центр реабилитации детей с нарушением речи. Наталья Николаевна — доктор медицинских наук (1954), профессор Института им. Сеченова Академии наук, занималась проблемами высшей нервной деятельности человека. Замечательные художники Валерий Георгиевич и Георгий Николаевич тоже принадлежат к этому роду.

4. **Эккерт Антонин Федорович (27.01.1864 — после 1924)**. Доктор медицины (1896), терапевт городской Обуховской больницы, СПб. Член комиссии по подготовке к 25-летию выпуска ВМА (1889) в 1914 г.

Родился в семье судебного следователя Симферопольского окружного суда. Женат на Екатерине Николаевне Кобылиной, оба православные. Дети: Зинаида, Евгений, Антонин, Владимир, Нина. Учился в Ришельевском лицее (Одесса), поступил в Киевский университет (1883), перевелся в ИВМА, по окончании которой получил звание лекаря с отличием (1889). В декабре 1889 г. принят сверхштатным ординатором женского отделения Обуховской больницы с правом проживать при больнице.

В сентябре 1899 г. был избран городским санитарным врачом. В 1890 г. доктор Эккерт был наконец принят в штат — ассистентом женского отделения, и ему была назначена надбавка к окладу в 10 %. Иногда он с семьей выезжал к родным в Симферополь, но чаще проводил лето в пригородах Петербурга: Парголово, Куоккала, Павловске.

В 1915 г. Эккерт получил заслуженную пенсию с одновременным повышением, став старшим врачом женского отделения Обуховской больницы. За более чем 25-летнюю практику он опубликовал множество научных работ, в том числе «Краткое руководство внутренних болезней» (СПб., 1906). Но пошатнувшееся здоровье, тяжелые бытовые условия во время войны, революции и последующие годы сокра-

тили жизнь этого замечательного врача. Все чаще ему приходилось брать отпуск по болезни, но в больнице за ним сохраняли должность. После очередного отпуска в 1924 г. главный врач женской Обуховской больницы Эккерт был переведен Губздравом на должность врача-терапевта мужского отделения больницы им. Свердлова. Все последние документы отпечатаны и написаны на обороте хозяйственных отчетов, старых квитанций[8].

Адресная книга Ленинграда, 1924: врач по внутренним болезням, Поварской переулок, 3. Старший врач Обуховской городской больницы.

До революции в Петербурге проживали:

Эккерт Мария Ульяновна, сестра милосердия. Жуковского, 57.

Эккерт Николай Иванович, действительный статский советник, магистр ветеринарных наук. Член ветеринарного комитета Министерства внутренних дел, военно-ветеринарной комиссии. Гатчина.

Эккерт Александра Ивановна, женщина-врач, приемы на дому.

5. **Бельхерт Николай Константинович (1864 — до 1914)**.

РМС 1891 и 1897 (64, Л. 1890): младший ординатор военного госпиталя. Самарканд.

РМС 12: хирург, старший врач военного лазарета, с. Чарджуй Закаспийской области.

В 1914 г. в Российском медицинском списке нет.

6. **Бенард Евгений Петрович (1866 — после 1917)**. В 1902 г. надворный советник, младший врач 89-го пехотного полка, Ревель. В 1892 г. проживал в СПб. на Преображенской улице, в казармах Саперного батальона.

Старший брат Бенард Петр Петрович (1863–25.02.1917) — военный инженер, по семейной традиции передававший старшему сыну имя Петр и военно-инженерную специальность. В семье Бенардов росли три сына и дочь (в замужестве Самокиш) — Судковская Е.П. (1863–1924), художник-иллюстратор, участвовавшая с мужем в создании «Коронационного альбома». Скончалась в нищете в 1924 г. в Петербурге. Воспринимала от купели будущую художницу доктор медицины Амалия Бенард. Семейное поместье (дача) Бенардов находилась в Выборгской губ. (Керме-Калио), соседи — Репин, Рерих, Мате, Бенуа. На иллюстрациях Е.П. Самокиш-Судковской много живых сценок, которые так похожи на фотографии из семейного альбома.

7. **Блуменау (не путать с Блюменау) Леонид Васильевич (08.09.1862, с. Шум, СПб. Губ. — 10.11.1931, Ленинград)**. Невролог, профессор, литератор[9]. Закончил ИВМА, перейдя из СПб. университета в 1886 г., а в 1889 г. защитил докторскую диссертацию в клинике профессора И.П. Мержеевского. Приват-доцент ВМА (1892). Профессор клинического института великой княгини Елены Павловны.

Автор фундаментальной работы «Мозг человека» (вып. 1–5. СПб., 1907–1913). Перевел с древнегреческого около 600 эпиграмм, изданных после его смерти. Публиковал стихи под псевдонимом «Леонид Долин». Редактор журнала «Практическая медицина».

Как и Сергей Петрович Боткин, Блуменау был активным членом городской больничной комиссии, попечитель больницы свт. Николая, Председатель Общества воспитания и образования ненормальных детей. Ординатор больницы при Общине сестер милосердия св. Георгия, практический врач. Проживал на Моховой, 13.

8. **Газе (Гаазе) Александр-Константин-Николай Августович (Николай Федорович) (14.04.1866–25.03.1905)**. Доктор медицины, сын ремесленника, прусского подданного, присягнувшего на подданство России. Как было принято в католических или лютеранских семьях, имел не одно первое имя, а три. Был крещен в церкви св. ап. Петра, СПб. По окончании ИВМА — сверхштатный ординатор Александровской городской больницы в память 1861 г.

В свидетельстве от 1892 г., выданном больницей, было сказано, что Н.Ф. Газе выполняет обязанности сверхштатного ординатора с усердием, ежедневно ведет до 40 больных три года бесплатно, дополнительно выполняя обязанности прозектора больницы. В 1893 г. он был зачислен штатным ординатором. Приступы грудной жабы частенько заставляли его испрашивать дополнительный отпуск. Содержание по больнице было незначительным, в 1898 г. оно увеличилось с 600 до 900 рублей в год.

В 1898 г. был приглашен на должность старшего санитарного врача Придворного ведомства. За труды по дезинфекции Московских Кремлевских дворцов и зданий по случаю приезда государя императора Газе был награжден памятным подарком — золотым портсигаром с изображением государственного герба. Страдая приступами грудной жабы, Газе ежегодно просил о продлении отпуска. Содержание по Придворному ведомству позволяло ему уделять внимание своему здоровью, выезжать на курорты для лечения, но здоровье было уже

не вернуть. Придворное ведомство выдало на похороны врача 360 рублей. Похоронен он был на Волковском лютеранском кладбище[10].

Некрополь СПб.: **Гаазе Александр**, доктор медицины (14.04.1866–25.03.1905). Похоронен с Г.Г. Гаттендорф на Волковском лютеранском кладбище.

Весь СПб. 1914: Газе Федор Федорович (1860–?), действительный статский советник. Фонтанка, 152. Директор и главный врач Елизаветинской детской больницы, директор Александровского детского приюта. Врач Петровской женской гимназии.

9. **Георг Владимир Алексеевич (Александрович?) (1858 — до 1912)**.

РМС 1897 (58, л. 90): коллежский асессор, младший врач 7-го стрелкового полка, Ченстохов, Петрокок.

В *РМС 1912* нет.

10. **Кемпер Евгений — Людвиг Фердинандович (16.08.1863, Царское Село — 17.05.1913)**.

Евгений Федорович, потомок старосты немецкой колонии, происходил из крестьянского сословия, уроженец Царского Села[11]. Окончил Санкт-Петербургскую гимназию К.И. Мая и в тот же год поступил в СПб. университет.

Доктор медицины, сверхштатный ординатор амбулатории Боткинской больницы с 1 декабря 1889 г., лечебницы комитета нищих с 1890 г. Сотрудник Громовского детского приюта (1893–1897), практический врач по внутренним болезням, проживал и вел прием по адресу: Мойка, 40.

Перенеся тяжелое крупозное воспаление легких в 1891 г., Кемпер был вынужден просить о пособии на восстановление здоровья. Главный врач больницы рекомендовал ему пожить в Крыму, для чего ему было выдано пособие в 150 рублей. Свой отпуск Кемпер использовал для обучения в Королевском гимнастическом институте в Стокгольме технике массажа и врачебной гимнастики. В 1899 г. Елизаветинская община сестер милосердия в лице попечительницы, великой княгини Елизаветы Федоровны ходатайствовала о награждении доктора общины Кемпера, служившего в общине с 1896 по 1900 г. Также он служил сверхштатным врачом амбулатории Свято-Троицкой общины (1901–1906). На государственной службе состоял врачом-специалистом клинической лечебницы Покровской общины сестер милосердия с 1905 г. Служба в общинах и детском приюте дала ему стаж государ-

ственной службы, и в 1911 г. Кемпер получил чин статского советника и орден св. Станислава II степени.

В 1912 г. статский советник, младший цензор Цензурного комитета иностранной цензуры, СПб. Женат на мещанке Рязанской губернии девице Лидии Петровне Касатиковой (Акиньшиной). Кемпер был ценным сотрудником и с 1901 г. ежегодно получал двухмесячный отпуск с сохранением содержания.

Евгений Федорович ежегодно публиковал научные работы по вопросам заразных заболеваний, дезинфекции, о значении физических методов лечения (массаж, гимнастика), которые публиковались в «Больничной газете Боткина». «Лечебные места Европы» были изданы в 1904 г. в Петербурге отдельным изданием. Диссертация «К вопросу об этимологии скарлатины» — в 1895 г.

Не прожив и года в законном браке с мещанкой Лидией Петровной, Кемпер скончался от крупозного воспаления легких и был похоронен за счет больницы на Казанском немецком кладбище Царского Села, очевидно, рядом с родными[12]. Семейный дом в Царском Селе (арх. Стасов) постройки 1819–1820 гг. на Московской улице сожгли в 2015 г.

Представители этой «крестьянской» семьи занимали видное положение в Петербурге.

Кемпер Николай Федорович, купец, золотых дел мастер. В.О., Средний пр., 6.

Кемпер Федор Федорович, вице-консул Генерального консульства Швеции и Норвегии. Б. Морская, 23-12. Там же проживал доктор медицины Е.-Л.Ф. Кемпер.

11. **Эйхгольц Евгений Рудольфович (07.07. 1864 — после 1917)**. Доктор медицины, старший врач Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, автор публикаций[13]. Происходил из дворян, лютеранин, земский деятель Смоленской губернии.

Закончил 2-ю СПб гимназию в 1883 г., после чего поступил в ИВМА. В изящно выпущенной книге «Тюремный врач и его пациенты» приводятся не только библейские параллели воспитания заключенных, но и законодательные уложения, регламентирующие обязанности и права тюремного врача. *«Только сознательно относясь к своему труду по лечению заключенных, он может оправдать имя тюремного врача во всей его скромной красоте по образу, оставленному русским тюремным врачом — московским Гаазом»* (с. 5). Евгений

Рудольфович предлагал для улучшения духовного и физического здоровья обитателей пенитенциарных учреждений устройство земледельческих колоний для посильного труда. А также разнообразные и реальные улучшения гигиенических условий. Рассмотрел подробно хирургические, медикаментозные методы лечения чахотки. Опубликовал распоряжения Главного Тюремного управления, которые состоялись в последние годы, рассказал о Съезде тюремных деятелей, прошедшем в 1914 г.

Особый интерес представляет его личное служение тюремным врачом. *«В двух тюрьмах я пробовал вести беседы на географические и естественно-исторические темы, касаясь зоологии, ботаники, химии, физики, вплоть до основ космографии, и должен сказать, что заключенные, собранные из разных национальностей, классов, стадий развития, составляли великолепную аудиторию. В одной тюрьме я сделал за год около 30 бесед и прошел всю намеченную программу. ...В тюрьме, помимо церкви, должно быть место школе»*. 219 страниц научного труда интересны для чтения и изучения и спустя 100 лет со дня публикации. После революции эмигрировал в Финляндию, где и скончался.

РМС 1895 (64, л. 89): младший врач 38-й артиллерийской бригады. Пружаны. Гродненск. губ.

Некрополь СПб.: Эйхгольц Рудольф (1822–21.05.1888). Смоленское евангелическое кладбище.

12. **Франц Константин Германович (Егорович) (1864–?)**. Доктор медицины, педиатр, терапевт. Православный, окончил курс немецкого училища св. Петра и Павла, ИВМА (1889).

Как стипендиат военного ведомства обязан был отслужить в штатах ведомства 4 года 9 месяцев, из которых засчитывались 3 года обучения в академии. Был зачислен в государственную службу чиновником Военно-медицинского ведомства (1890–1891). Защитил докторскую диссертацию (1891). В 1891 г. поступил врачом-ассистентом в Боткинскую барачную больницу с окладом в 600 рублей годовых. С 1896 г. зачислен младшим врачом этой же больницы, с 1894 г. — сверхштатным врачом. Женат на дочери купца 2-й гильдии Эмме Доротее Юлии Фридерике Раштедт. Дети: Константин (1892 г.р.). По собственному желанию в 1897 г. оставил эту безмездную должность и занимался частной практикой в основном за границей (Германия, Франция, Швейцария), специализируясь на бальнеологии, климатологии, изучая устройство курортов, санаториев различной специализации.

В Русско-японскую войну был призван старшим ординатором, получив блестящую характеристику Сибирского военно-медицинского инспектора. Оборудовал и обслуживал в должности старшего врача 18-й Иркутский запасной сводный госпиталь на 420 человек, главный врач госпиталя (до 08.03.1906).

По возвращении в Петербург снова был принят на должность сверхштатного врача Боткинской больницы, не имея чина и не состоя на государственной службе. В апреле 1916 г. перешел в Детскую Николаевскую (заразную) больницу на Большой Подъяческой.

Адресные книги Петербурга и Российский медицинский список дают возможность отчасти восстановить трудовой путь и врачебный подвиг Франценa, не числившегося на государственной службе.

Врач по внутренним и детским болезням. Сверхштатный ординатор городской барачной больницы в память С.П. Боткина (первоначально — Александровской) СПб. в 1891–1896 гг. В 1897 г. — врач лечебницы Комитета нищих. В 1914 г. — врач Николаевской детской больницы СПб.[14], располагавшейся на ул. Большая Подъяческая, 30.

Свидетельство Некрополя Петербурга также интересно:

Франценн Иоганн, штаб-хирург (03.08.1766–03.08.1807, 31 год), Волковское лютеранское кладбище.

Франценн Марк-Францизск, кол. асессор и штаб-доктор (20.09.1735–25.02.1823).

Франценн Герман (02.02.1828–07.06.1875).

Франценн Николай Яковлевич, надворный советник (ск. 09.06.1836), Смоленское евангелическое кладбище.

Семья Франценн достойна монографии, посвященной самоотверженному труду ее членов — потомственных врачей Санкт-Петербурга.

Франценн Адольф Николаевич (11.02.1863–10.93.1905)

РМС 1897 (63, Д. 86?): надворный советник, врач для бедных, ординатор лечебницы Императорского человеколюбивого общества. Акушер, женские болезни. В 1900 г. — совладелец хирургической женской больницы на Васильевском острове.

Ябл. 1900: **Альфред Николаевич**, коллежский советник, доктор медицины, проживал: В.О., 9-я линия, практический врач, директор образцового приюта бар. Штиглица (М. Мастерская, 4).

Франценн Альфред (Адольф) Николаевич, доктор медицины (11.02.1863–10.03.1905). Похоронен на Волковском лютеранском кладбище.

13. **Поппер Мориц Яковлевич (1863 — после 1914)**. Врач практический. Могилев, Подол.

Защитив докторскую диссертацию, он служил старшим врачом земской больницы в Херсоне. Автор публикаций по вопросам гигиены. Не имея возможности подробнее раскрыть его биографию, напомню, что в придворном штате Екатерины II числился *придворный доктор Поппер Вильгельм Франц.*

* * *

[1] Боткин Сергей Петрович (1832–1889), основоположник русской клинической школы, почетный член двух университетов, 35 русских и 9 иностранных учебных обществ, автор более 75 научных работ. Отец трех врачей: Боткин Сергей Сергеевич (1859–1910) — доктор медицины, профессор ИВМА; Боткин Александр Сергеевич (1866–1936) — доктор медицины, капитан 2-го ранга, штурман, гидрограф; Боткин Евгений Сергеевич (1865 — убит 17.07.1918, Екатеринбург) — доктор медицины, приват-доцент ИВМА, лейб-медик.

[2] Сергей Петрович Боткин. К 180-летию со дня рождения. СПб.: Изд-во СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2012. 144 с.

[3] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 98. С.П. Боткин. Д. 32. Записные книжки Е.С. Боткина. (1891–1892); Д. 30. Конспекты лекций Е.С. Боткина (1885). 193 листа; Д. 31. Конспекты лекций Е.С. Боткина (1887–1889). 184 листа.

[4] Боткин Е.С. Письмо брату А.С. Боткину // Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина / Сост. О.Т. Ковалевская. СПб.: Царское Дело, 2010. С. 493–500.

[5] ЦГИА СПб. Ф. 238. Оп. 1. Д. 238 (1894–1907). Личное дело врача по вольному найму Обуховской больницы Кинаста Р.Р.

[6] *Баумгартен О.А., фон.* Дневник сестры милосердия в Порт-Артуре. СПб., 1906.

Ольга Александровна служила на госпитальном судне «Монголия».

[7] ЦГИА СПб. Ф. 202. Оп. 1. Д. 420 (1900–1912). Личное дело врача Евгеньевской общины Трауготта Н.Я.

[8] ЦГИА СПб. Ф. 62. Оп. 1. Д. 217 (1890–1924). О службе врача Обуховской больницы А.Ф. Эккерта.

[9] БМЭ. Вып. 2. Т. 3. С. 1162. Биография; НРБСЛ. Т. 3. С. 22. Биография Блуменау Л.В., сочинения; ЭСВМ. Т. 2. С. 1039. Т. 4. С. 870, 871. Ссылки на публикации, в том числе «Истерические стигматы и вырождение», первоначально опубликовано в «Неврологическом вестнике» (1899. Т. 7. Вып. 2).

[10] *Газе А.Ф.* Пантелеймоновский рынок в С.-Петербурге // Журнал охраны народного здравия. 1894. № 12.

[11] *Цылов Н.Н.* Атлас города Царского Села. 1857 г. Репринт. СПб.: Серебряный век, 2007. С. 29, 37. Колонист немецкой колонии Фриденталь Кемпер

Иван владел половиной дома № 7, садом и огородом за Московскими воротами, по дороге к Тярлево.

[12] ЦГИА СПб. Ф. 198. Оп. 3. Д. 146. Личное дело врача городской барачной Боткинской больницы Кемпера Е.-Л.Ф.

[13] Материалы к антропологии белорусов: дис. Д.М. СПб., 1896; Материалы по антропологии белорусов Рославльского уезда. СПб., 1896. С. 159; Современное лесоохранение. Смоленск, 1907; Тюремный врач и его пациенты. (Туберкулез в тюрьмах). Старший врач Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Пг., 1916; Отт. Из журнала «Тюремный вестник». Отпечатана в типографии Петроградской одиночной тюрьмы; О Эйхгольце: «Цветы Шлиссельбурга» / Александра Бруштейн «Вечерние огни». М.: Советский писатель, 1963. 368 с.

[14] ЦГИА СПб. Ф. 198. Оп. 3. Д. 370 (1896–1916). Послужной список К.Г. Францена.

Н.Г. Кузьмина

ИСТОРИЯ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ

Статья посвящена истории бывшего завода Г.А. Лесснера: от «Заведения типографских принадлежностей» до крупнейшего машиностроительного объединения Выборгской стороны.

Ключевые слова: Г.А. Лесснер, завод, типографские машины.

N.G. Kuzmina

THE HISTORY OF THE ENGINEERING PLANT ON THE VYBORG SIDE

The article is devoted to the history of the former factory G.A. Lessner: from the “Office of Printing Supplies” to the largest machine-building association of the Vyborg side.

Keywords: G.A. Lessner, plant, printing machines.

Популярность Выборгской стороны среди фабрикантов объяснялась близостью к реке, что благоприятствовало дешевизне подвоза сырья (сталь, чугун, дерево, топливо) и удешевляло вывоз готовой продукции непосредственно к потребителям по воде во внутренние районы России. Пироговская, а тогда Сампсониевская, позже Выборгская набережная в связи с судоходностью Большой Невки хорошо осваивалась, особенно иностранными предпринимателями. К середине XIX в. между берегом реки Большой Невки и идущими параллельно реке улицами «строились первые заводы и мануфактуры, небольшие деревянные и доходные каменные дома»[1]. Промышленный облик района определился строительством многочисленных фабрично-заводских предприятий. Фабрики и заводы «сконцентрировались по территории Выборгской части... став фабричным центром города»[2]. Так, по берегам Большой Невки между Гренадерским и Сампсониевским (в советское время — мостом Свободы) мостами выросли ситцевая фабрика Шукерта, кожевенный завод Авдеевых, бумажные фабрики Лимбажа и Шау, сахаро-рафинадный завод Кенигов (сахарный король)[3], лесопильный завод и льноджутовая мануфактура Д.Н. Лебедева, механический завод «Людвиг Нобель» (после 1918 г. — машиностроительный завод «Русский дизель»)[4], а также завод Г.А. Лесснера (ныне — завод «Двигатель» и машиностроительный завод им. Карла Маркса).

Отмена крепостного права в России Александром II в 1861 г. вызвала развитие промышленности в стране. Санкт-Петербург стремительно превращался в индустриально-капиталистический город[5], в том числе он стал центром полиграфической промышленности. В Санкт-Петербурге в 20-х годах XIX в. продолжает усиленно развиваться полиграфия. В 1830-х годах в городе насчитывалось 26 типографий, половина из них имела частных владельцев[6]. В начале «60-х годов в Петербурге насчитывалось 72 типографии»[7]. В 1879 г. было «порядка 165 типографий и литографий»[8]. К 1892 г. «их стало 267»[9]. В середине 1880-х годов «Россия вышла на третье место в мире по производству книг»[10]. Крупные типографии имели возможность покупать оборудование за границей, но большинство типографий нуждалось в отечественных станках, запчастях и принадлежностях для печати.

В Санкт-Петербурге было несколько предприятий, которые производили станки и приспособления для типографий.

Первыми об импортозамещении задумались казенные предприятия. Так, в начале XIX в. на Александровской мануфактуре, в состав

которой входила Карточная фабрика, где печатали игральные карты, в 1850-х годах были изготовлены первые отечественные печатные машины[11]. Но в связи с их малым сбытом это производство закрыли. Тем не менее этим было положено начало развитию отечественного полиграфического машиностроения.

В 1835 г. появился чугунолитейный и механический завод Сан-Галли, который выпускал разнообразные металлические изделия, в том числе ручные пресса[12]. Завод использовал отличный чугун, из которого отливали идеально гладкие поверхности верхней и нижней плит пресса, между которых зажимались книги для придания им красивого ровного товарного вида. Пресс завода Сан-Галли служил незаменимым приспособлением для переплетных работ. Прессы выпускались до начала XX в.

В 70-х годах XIX в. механиком А. Васильевым была основана мастерская по постройке типографских машин. Первая отечественная литографская скоропечатка изготовлена в Екатерининском механическом заведении фабриканта А. Васильева. Предприятие за качественное производство скоропечатных, типографских и литографских машин большого формата, а также педальных машин награждено золотыми медалями на многочисленных выставках. Так, на выставке 1870 г. машины, выпускаемые этим заводом, описаны следующим образом: «Прочность и практичность этих машин могут оказаться при употреблении их на практике несколько лет. При старательности владельца молодого завода можно предсказать им хорошую будущность»[13]. Предприятие А. Васильева отмечено «за достойный примерного поощрения почин к водворению в России в широких размерах типолитографского машиностроительства»[14]. В середине XIX в. механическое производство А. Васильева присоединил к своей словолитни, существовавшей с 1869 г., Исидор Гольдберг. В 1882 г. предприятие превратилось в чугунолитейный и машиностроительный завод. До конца XIX в. завод наряду с плоскопечатными и тигельными печатными машинами изготавливал бумагорезальные, проволокошвейные, линовальные ротационные машины, а также стереотипное оборудование[15]. Именно об этом предприятии видный специалист в полиграфии 1930-х годов А.К. Шульц сказал: «У нас в России единственной, кажется, фирмой, пытавшейся начать типографское машиностроение, была фирма И. Гольдберга»[16].

На одном из крупнейших типографских предприятий России — Экспедиции заготовления государственных бумаг (ныне — Гознак) —

«в 1890 г. русский изобретатель И.И. Орлов построил машину, предназначенную для печати ценных бумаг»[17], в несколько красок на один прогон во избежание подделок.

Небольшая мастерская по ремонту типографских машин «Франц Марк и К°» была основана в 1859 г.[18] В 1880-х годах преобразовалась в фабрику вспомогательных типолитографских и переплетных машин, при которой устроили «словолитню, склад шрифтов и всех принадлежностей для тиснения»[19], производство которых развивалось до начала XX в.

В дальнейшем фирмы закрылись, так как «попытки выделки станков и машин почти все окончились неудачно»[20], они не продавались из-за дороговизны и невысокого качества изделий. А многие переходили на посредническую службу, то есть стали собирать заказы от типографий и доставлять зарубежное оборудование, более качественное, в основном немецкое.

Одним из первых организовал «Заведение типографских принадлежностей» и стал производить оборудование для типографий Г.А. Лесснер. Несмотря на отдаленное местоположение на Выборгской стороне от всех потенциальных потребителей, то есть крупных типографий, которые находились на Петроградской стороне, Васильевском острове и в центре Петербурга, продукция пользовалась неизменным спросом. Но выбрать именно эту специализацию ему удалось не сразу.

О «Старом Лесснере»

Подданный Пруссии Густав Арнольд Лесснер (1822–1887) — купец 2-й гильдии с 1860 г., а с 1867 г. перешел в 1-ю гильдию[21]. В 1852 г. он приобрел участок, расположенный от берега реки Большой Невки до Оренбургской ул. вдоль Сахарного переулка, где начал строительство мастерских. С 1853 г. он получил высочайшее разрешение от императора Николая I на постройку маленькой ткацкой фабрики и плавильных печей[22].

В 1859 г. замысел Г.А. Лесснера изменился, и решено было приспособить построенное каменное здание для слесарного завода по выпуску и ремонту типографского оборудования. Так, на Оренбургской ул., д. 8, открылось «Заведение типографских принадлежностей Г.А. Лесснера». Мастерские были оборудованы «весьма скромно: всего два кузнечных горна и несколько слесарных тисков. В 1862 г. завод располагал одной паровой машиной мощностью 6 лошадиных

сил»[23], которая приводила в движение несколько станков. На заводе работали всего 43 рабочих, которыми руководил один мастер-иностранец. За 1862 г. было выпущено продукции на сумму 45 тыс. руб.[24] Заказов было много, дела шли хорошо. Через три года, в 1864 г., завод Лесснера вырабатывал продукции на 52 тыс. руб., а количество рабочих увеличилось до 65 человек[25]. Причем завод производил продукции в пять раз больше, чем все остальные, выработка которых была на уровне 8–10 тыс. руб., хотя среди меднобронзовых, меднокотельных и механических заводов были такие крупные, как Александровский механический завод, завод Берда, Невский механический завод Семянникова и Полетики, металлический завод, завод Сан-Галли, завод Нобеля[26]. На этих заводах производились турбины, железные водяные колеса, паровые машины и другие механические изделия.

Производительность завода росла в геометрической прогрессии. В 1866 г. количество рабочих достигло 153 человек, а выработка продукции — 111 125 руб.[27] В следующем, 1867-м, году при сокращении численности рабочих на 20 чел., которых осталось 132, выработка увеличилась на 2000 руб. и составила 113 377 руб.[28]

В 1860–1870-х годах цены на продукцию завода Лесснера были следующими: типографский станок — 350 руб., стол для красок — 45 руб., наковальный пресс — 350 руб., литографический станок — 250 руб., литейная словолитная машина — 100 руб., усовершенствованная словолитная машина американской конструкции — 350 руб.[29] Это оборудование выставлялось на Санкт-Петербургской выставке русских мануфактурных произведений с 1 по 29 июня 1861 г.[30] Выставка заняла несколько залов таможенного здания, и на стрелке Васильевского острова, где когда-то находился главный торговый порт страны, «представлялась современникам в виде своеобразного торгово-промышленного центра, снабжавшего торговый мир всеми необходимыми сведениями»[31]. Ныне в этом здании находится Зоологический музей. На этой выставке типографские машины были представлены «одним только экспонентом, петербургским фабрикантом г. Лесснером. Работа признана довольно тщательной, и посему уважению положено назначить механическому заведению МАЛУЮ СЕРЕБРЯНУЮ МЕДАЛЬ»[32].

Постепенно Г.А. Лесснер расширял свою деятельность. В 1860-х годах в правление 1-го округа путей сообщения поступило прошение по доверенности иностранца Лесснера следующего содержания: «Желаю построить каменный к существующему таковому мне заводу — литей-

ный завод»[33]. В 1867–1870 гг. для обновленного завода арх. Н.В. Трусов построил новую двухэтажную мастерскую и котельную, расширил литейную и кузнечную мастерские и производственное здание по Оренбургской ул., д. 6, угол Сахарного пер., д. 6[34]. Архитектор — Николай Васильевич Трусов (1820–1886), выпускник Академии художеств, академик архитектуры, действительный член Санкт-Петербургского общества архитекторов, статский советник, автор проектов восьми фабрик, не менее 17 жилых домов, трех особняков и иных строений, перестройки и расширения более десяти жилых домов в российской столице[35]. Впоследствии, в 1875–1877 и 1882 гг., эти и другие здания расширялись и перестраивались. Этот же архитектор в 1875 г. возвел особняк Г.А. Лесснера на углу Сахарного переулка и Выборгской набережной (ныне — Сампсониевская наб., д. 13), позже надстроен. Наследники Лесснера продолжили строительство новых корпусов. В 1892 г. по проекту техника городской управы Федора Карловича фон Пирвица был возведен литейный цех механического завода А.Г. Лесснера[36] на Оренбургской ул., д. 6. Предприятие получило название — чугунолитейный и механический завод.

Основной продукцией на заводе оставались типографские и литографские станки, машины и принадлежности для графических заведений. Помимо собственных изделий, А.Г. Лесснер «занимался агентурою с давних времен скоропечатными машинами завода Кениг и Бауер»[37], то есть принимал заказы на поставку из Германии печатных машин и был агентом (представителем, посредником) немецкой фирмы.

Если в первые годы в мастерских Лесснера, помимо типографских принадлежностей, изготавливались кузнечные горны, ремонтировались кареты и телеги, то позднее стали выполняться более сложные заказы: паровые машинные котлы для перегретого пара, водотрубные паровые котлы и металлические конструкции. Особо отмечалось, что с 1865 г. Лесснер содержал механическую мастерскую, а на городской службе не состоял[38].

Вслед за правительственным указом 1861 г., разрешавшим беспошлинный ввоз чугуна и железа для машиностроительных предприятий с паровыми и водяными двигателями, Лесснер начал модернизацию производства. В 1860–1870-х годах мастерские производили токарные и строгальные станки, паровые котлы, сигнальные колокола и прочее на сумму 175 тыс. руб.[39] К середине 1870-х годов семейное

промышленное дело перестраивается в крупный завод с литейным и механическим производством. Расширялись заводские территории, на них строились новые цеха, склады, компрессорные и электрические станции, подъездные дороги к производствам. К строительству промышленных объектов предъявлялись определенные требования, при этом согласовывалось размещение административных и хозяйственных зданий. На машиностроительном, чугунолитейном и котельном заводе работало 840 человек[40]. Через несколько лет бывшее «Заведение типографских принадлежностей» превратилось в одно из крупнейших предприятий Петербурга, получило название «Механический чугунолитейный завод» и стало выполнять военные заказы.

Одну из первых наград Г.А. Лесснер получил в конце XIX в. В 1883 г. канцелярия Морского министерства сообщила, что «Государь император в день 28 июня сего года всемилостивейше соизволил постановить кавалерами ордена Святого Станислава 2-й степени Лесснеру и 3-й степени инженеру завода Габихту»[41].

К 1897 г. завод за вклад в развитие отечественной промышленности был удостоен многих престижных наград, в том числе и на международных выставках: 1870 г., Санкт-Петербург — Большая золотая медаль; 1873 г., Вена — медаль Преуспеяния; 1874 г. — золотая медаль «За полезное» на Анненской ленте; 1876 г., Филадельфия — две большие медали[42].

Семейное положение Лесснеров

Густав Лесснер был женат дважды. В первый брак он вступил с Эмилией Лихт и имел сына Арнольда Фридриха Отто Лесснера, который принимал участие в управлении заводом[43]. Женился второй раз на прусской подданной Марии Андреевне Эрфурт (1842–?), которая платила гильдейскую повинность с 1887 г. и содержала механический завод[44]. Лесснер оставил наследство ей и троим сыновьям. Густав Альберт Георг Эмиль (1861–?) получил образование в училище св. Петра (Петришулле). Со второй половины 1893 г. (в 32 года) стал купцом 2-й гильдии и второй сын — Густав Павел Артур (1867–?), образование получил в Петропавловском училище. Жена — Гильдегарда и дочери Лидия Мария Елена[45] и Мария Августа Юлия[46]. Третий сын Андрей Роберт Гуго (1876–?) — саксонский подданный, платил гильдейскую повинность со второй половины 1895 г. Являлся содержателем чугунолитейного и котельного завода под фирмою «Машиностроительный

завод Г.А. ЛесснерЪ» на правах полного товарищества с купцами Густавом Альбертом и Густавом Павлом Лесснер[47]. Все они проживали на Сампсониевской набережной в собственном особняке — д. 3. Наследники «в связи с уступкой своих частей приобрели право на получение 100 тыс. руб., ежегодно выплачиваемых по 4 тыс. руб.»[48] Управлять делами завода вдове Г.А. Лесснера, Марии Андреевне Эрфурт, помогали ее родственники — саксонские подданные Павел и Андрей Андреевичи Эрфурты[49]. Последние еще при жизни Г. Лесснера выступали совладельцами его завода с чугунолитейным и механическим производством на Сампсониевской набережной Петербурга. В завещании, составленном в 1886 г., Г. Лесснер выражал «желание, чтобы дети его перешли в подданство Российской империи». При этом согласование предпочтений членов семьи увязывалось с интересами развития предприятия: опекуном по имуществу назначалась жена, но непосредственный надзор за производством Г. Лесснер поручил «своему другу», петербургскому предпринимателю-сахарозаводчику Л. Кенигу. После смерти Густава Лесснера собственниками предприятия стали наследники: вдова и дети.

Большое значение и резонанс имела проведенная в 1896 г. Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде. После ее завершения право изображать на своей продукции государственный герб, среди прочих фирм, получил машиностроительный и котельный завод Г.А. Лесснера[50], став, таким образом, поставщиком двора Его Императорского Величества.

Расширение дела. Основание второго завода. «Новый Лесснер»

В 1898 г. фирма была преобразована в «Акционерное общество машиностроительного, чугунолитейного и котельного заводов» с капиталом в 2,62 млн руб.[51] и филиалами в Москве и Нижнем Новгороде. Рядом свободного места не оказалось, пришлось прибрести участок чуть севернее. Братья Лесснеры на Выборгской наб., на углу Батенинской ул. (ныне — ул. Александра Матросова) построили второй завод, названный «Новый Лесснер». Благодаря новому направлению развития завода — производству «самодвижущихся экипажей» — Россия вошла в число стран, «выпускавших в начале XX в. автомобили»[52]. На заводе в 1904–1909 гг. было выпушено 13 разновидностей автомобилей, за которые АО «Лесснер» получил золотую медаль на международной

автомобильной выставке в 1908 г.[53] «За установление автомобильного производства в России»[54]. В 1909 г. «Лесснер» прекратил производство автомобилей. Эстафету «Лесснера» принял Русско-Балтийский вагонный завод в Риге, который начал производство легендарных «Руссо-Балтов», прославивших наше Отечество на весь мир[55]. Завод Лесснера продолжал выпускать кузнечные горны, бензиновые и керосиновые двигатели, газогенераторы, паровые машины, котлы, а также типографские станки.

К концу XIX в. АО «Г.А. Лесснер» вошло в тройку крупнейших машиностроительных заводов Санкт-Петербурга, принадлежавших немецким предпринимателям, превратилось в крупнейшее высокотехнологичное производство, выполнявшее заказы для Военно-морского ведомства Российской империи[56]. В середине XIX в. на «механическом и чугунолитейном заводе работало 541 человек»[57]. К началу XX в. число рабочих выросло почти в два раза. Так, в 1908 г. на «Старом Лесснере» работало 100 человек, а на «Новом Лесснере» — 950 рабочих[58]. Для сравнения: на заводе Сан-Галли в то же время работало 1000 человек[59].

В дальнейшем машиностроительные заводы Г.А. Лесснера и Людвига Нобеля объединились, создав акционерное общество с привлечением банковского капитала «Ноблесснер». История «Ноблесснера» началась в 1912 г., когда два коммерсанта из Петербурга — крупнейший в Европе нефтедобытчик Эммануэль Нобель (брат Альфреда Нобеля) и владелец машиностроительного завода Г.А. Лесснера Артур Лесснер — возвели в Таллине верфь для строительства подводных лодок. Из фамилий двух компаньонов родилось название «Ноблесснер». Правление судостроительного АО «Ноблессер» находилось на Сампсониевской наб., д. 3, и на 1916 г. имело основной капитал 3 млн руб.[60] В 1913–1917 гг. было построено 12 ультрасовременных по тем временам подводных лодок. В 1920-х годах в независимой Эстонии «Ноблесснер» прекратил производство подводных лодок, однако «строительство и ремонт судов продолжается здесь по сей день»[61]. Сотрудничество этих двух фирм стало определяющим для роста их производственного и коммерческого потенциала в условиях обновления социально-экономической и политической жизни Российской империи в начале XX в.

С 1914 г. на заводе в Петрограде производили снаряды, мины, корабельное оборудование. В 1927 г. завод получил название «Двигатель»[62]. На заводе выпускались боеприпасы и вооружение, в том

числе «Катюши». За трудовой подвиг в 1942 г. завод награжден орденом Трудового Красного Знамени[63]. В 1960–1990-е годы был головным машиностроительным заводом им. Карла Маркса по производству военного оборудования, хотя официально производил оборудование для текстильной промышленности, в том числе вязальные машины «Нева».

С 2004 г. начата процедура банкротства. В 2005 г. административно-производственной площадью владела управляющая компания «Музей», которая приступила к реновации территории[64], но в дальнейшем отказалась от своих планов[65]. Завод размещался на площади 7,8 га с комплексом зданий 30 тыс. кв. м. Территория ограничена Большим Сампсониевским проспектом, улицей Александра Матросова и Выборгской набережной, которая привлекала инвесторов для постройки новых зданий с видовыми квартирами и офисных помещений.

Судьба заводских построек «Нового Лесснера» печальна. В 2015–2016 гг. от них ничего не осталось, все снесли. По данным Российского аукционного дома, который занимался продажей участка под снос и новое строительство, «все постройки на участке не относятся к памятникам и могут быть снесены»[66], хотя несколько корпусов построены в 1912–1914 гг. и по закону не подлежали уничтожению как объекты культурного наследия. Главная проходная предприятия находилась на Сампсониевском пр., д. 66., обрушение которой произошло в 2016 г. во время сноса всех остальных строений. В угоду бизнесу и новому строительству не пожалели ни одного памятника промышленной архитектуры, в том числе с исторической надписью ЛЕССНЕРЪ.

Но, несмотря на разрушение зданий бывшего завода «Новый Лесснер» (впоследствии завода им. Карла Маркса), а также угрозу сноса зданий бывшего завода «Старый Лесснер» (ныне — «Двигатель»), его деятельность не затерялась в анналах истории. Г.А. Лесснер, начав с создания небольших мастерских по ремонту типографского оборудования, вывел свое предприятие на мировой уровень. Семья немецких предпринимателей Лесснеров оставила заметный след в истории промышленной жизни Выборгской стороны Санкт-Петербурга и России в целом.

* * *

[1] Ленинград: путеводитель / [Е.Д. Клименко и др.; сост. В.А. Витязева, Б.М. Кириков]. Л.: Лениздат, 1986. С. 330.

[2] *Столпянский П.Н.* Петербург. СПб.: Науч.-издат. центр НЕГА, 1995. С. 361.

[3] Понятие введено автором книги «Немецкие предприниматели в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.)» Н.И. Ивановой. С. 52.

[4] Электронный ресурс: http://gov.spb.ru (дата обращения: 11.01.2019).

[5] *Буганов В.И.* История России, конец XVII–XIX век / В.И. Буганов, П.Н. Зырянов; под ред. А.Н. Сахарова. 11-е изд. М.: Просвещение, 2005. С. 229.

[6] *Иванова Н.И.* Немецкие предприниматели в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.). СПб.: Б.и., 2002. С. 34.

[7] Там же. С. 79.

[8] Список типографий, литографий и т.п. заведений в Санкт-Петербурге // Обзор графических искусств. 1879. № 14–15. С. 93.

[9] Электронный ресурс: http://www.encspb.ru (дата обращения: 10.01.2019).

[10] *Иванова Н.И.* Указ. соч. С. 79.

[11] *Теплов Л., Немировский Е.* Отчет по теме «Русская полиграфическая техника. Исторический обзор». М.: НИИполиграфмаш, 1954. С. 102.

[12] *Смышляев В.* Сан-Галли — человек и завод. СПб.: Изд-во «Библиотека института Петербурга», 2007. С. 113.

[13] Всероссийская мануфактурная выставка. Всероссийская мануфактурная выставка 1870 г.: [обзор выставки]. СПб.: изд-во ред. «Петерб. листка», 1870. С. 117.

[14] Электронный ресурс: http://www.bipost.org (дата обращения: 03.11.2018).

[15] *Румянцев В.* О российском полиграфическом машиностроении // КомпьюАрт. 2010. № 5. С. 21.

[16] *Шульц А.К.* Основы полиграфического производства / сост. А.К. Шульц. Л.: ЦК СРПП СССР, 1925. С. 4.

[17] *Басин О.Я.* Полиграфический словарь. М.: Книга, 1964. С. 207.

[18] Франц Марк и К° // Вестник печатного дела. 1908. С. 17.

[19] Франц Марк и К° // Наборщик и печатный мир. 1903. С. 123.

[20] *Цветков И.В.* Краткий очерк истории книгопечатания. СПб., 1900. С. 60.

[21] Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших... сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1-го и 2-го разрядов на торговые предприятия, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2-го и 3-го разрядов на личные промысловые занятия... в 1874 г. СПб., 1874. С. 52.

[22] *Пимченков С.Я.* История завода «Старый Лесснер» — «Двигатель». СПб.: «ДЕАН» АДИА-М., 1996. С. 5.

[23] Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге... / С.-Петерб. губ. и столичный стат. ком. СПб.: С.-Петерб. стат. ком., 1863. С. 28.

[24] *Пимченков С.Я.* Указ. соч. С. 5.

[25] Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге... / С.-Петерб. губ. и столичный стат. ком. СПб.: С.-Петерб. стат. ком., 1864. С. 44.

[26] Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности в России. СПб.: тип. И. Огрызко, 1862–1865. Т. 1. С. 3.

[27] Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге... / С.-Петерб. губ. и столичный стат. ком. СПб.: С.-Петерб. стат. ком., 1866. С. 28.

[28] Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге... / С.-Петерб. губ. и столичный стат. ком. СПб.: С.-Петерб. стат. ком., 1867. С. 21.

[29] Выставка русских мануфактурных произведений. Указатель С.-Петербургской выставки русских мануфактурных произведений 1861 г. СПб., 1861. С. 123.

[30] Открытие выставки // Промышленность. 1861. Т. 5, № 1/2. С. 2.

[31] *Никитин Ю.А.* Выставочный Петербург. От экспозиционной залы до Ленэкспо. Череповец: Полиграфист, 2003. С. 30.

[32] Выставка русских мануфактурных произведений. Отчеты экспертных комиссий о Выставке мануфактурных произведений в С.-Петербурге в 1861 г.: подробный список наград, присужд. экспонентам. СПб., 1862. С. 109.

[33] *Пимченков С.Я.* Указ. соч. С. 6.

[34] Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX в.: справочник / Междунар. благотворит. фонд спасения Петербурга–Ленинграда, Гос. музей истории Санкт-Петербурга; [авт.-сост. А.М. Гинзбург, Б.М. Кирикова]; под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб.: Пилигрим, 1996. С. 303.

[35] *Ходанович В.И.* Лифляндская улица: из истории деловой, культурной жизни и быта Санкт-Петербурга в XVIII–XX вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ин-та гуманитарного образования; Книжный дом, 2010. С. 234.

[36] Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX в.: справочник. С. 246.

[37] Типографские принадлежности // Типографический журнал. 1867. № 1. С. 10.

[38] Справочная книга о лицах, получивших на 1865 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям. СПб., 1865. С. 234.

[39] Петербург весь на ладони / сост. В. Михневич. СПб.: Изд. книгопродавца К.Н. Плотникова, 1874. С. 519.

[40] Весь Петербург на 1884 г. СПб., 1884. Стб. 1066.

[41] Электронный ресурс: www.dvigatel.net/history.html (дата обращения: 21.08.2018).

[42] Электронный ресурс: http://www.asreda.com (дата обращения: 18.08.2018).

[43] Весь Петербург на 1894 г. СПб., 1894. Стб. 1068.

[44] Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купеческого и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах на 1891 г. СПб., 1891. С. 50.

[45] Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купеческого и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах. СПб., 1899. С. 466.

[46] Справочная книга Санкт-Петербургской купеческой управы. СПб., 1901. С. 356.

[47] Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купеческого и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах на 1897 г. СПб., 1897. С. 400.

[48] РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 1358. Л. 7–8.

[49] *Барышников М.Н.* История управленческой мысли. «Ноблессер»: формирование финансово-промышленной группы в Петербурге в начале XX в. // Российский журнал менеджмента. 2013. Т. 11, № 4. С. 117.

[50] *Иванова Н.И.* Указ. соч. С. 83.

[51] *Барышников М.Н.* Указ. соч. С. 115.

[52] *Гусаров А.* От Финляндского вокзала до Выборга. Из истории Финляндской железной дороги. Станции, люди, события. Путешествие в прошлое. СПб.: Центрполиграф, 2016. С. 52. (Серия «Всё о Петербурге»).

[53] *Рыбаков Ф.Ф.* Машиностроение Санкт-Петербурга: история и современное состояние, контуры будущего // Инновации. 2006. № 3 (90). С. 94.

[54] *Гусенцова Т.М., Добрынина И.Н.* Путешествие по Выборгской стороне. СПб.: Изд-во «Остров», 2007. С. 53.

[55] Электронный ресурс: www.gruzovikpress.ru (дата обращения: 13.01.2019).

[56] Электронный ресурс: http://mo-shuvalovo-ozerki.spb.ru (дата обращения: 14.01.2019).

[57] *Иванова Н.И.* Указ. соч. С. 122.

[58] Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России / под ред. А.В. Погожева. 2-е изд. (1907/8 г.), испр. и значит. доп. М.; СПб.: Кальмансон, 1907. С. 531.

[59] Там же. С. 533.

[60] Справочная книга о лицах петроградского купечества. СПб., 1916. С. 187.

[61] Электронный ресурс: http://business-m.eu (дата обращения: 27.08.2018).

[62] Электронный ресурс: http://www.gidropribor.ru (дата обращения: 28.08.2018).

[63] Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: энциклопедический справочник / редколлегия: Л.Н. Белова, Г.Н. Булдаков, А. Я. Дегтярев и др. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. С. 123.

[64] Завод им. Карла Маркса стал экспонатом // Деловой Петербург. 2005. 28 февр. С. 3.

[65] Новая жизнь // Газета «Версия» в СПб. 2005. 24 янв. № 3.

[66] По заключению КГИОП за № 2-18342\15-0-0 от 19.12.2015.

Е.В. Щавинская

ИСТОРИЯ ОСОБНЯКА Ю.К. ДОББЕРТ (Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 14)

В центре статьи — история единственного сохранившегося на Большой Пушкарской улице памятника деревянной архитектуры конца XIX в. дома, с 19 августа 1838 г. по 24 августа 1918 г. связанного с несколькими поколениями семьи петербургских немцев Грефе, Штейнман, Добберт, Шредер, Рейнберг. Невероятная предопределенность его судьбы, забытая в недавнем прошлом, вновь актуальная сейчас, когда особняк Ю.К. Добберт, отреставрированный в 2015 г., с восстановленными историческими интерьерами и вернувшейся историей, предназначен для осуществления музейно-выставочной деятельности в качестве Музея петербургского балета при Академии танца Бориса Эйфмана. Исследование основано на анализе документов, хранящихся в ЦГИА СПб, РГИА, ЦГА СПб, изучении наследственного дела последних владельцев особняка супругов Добберт в Brandenburgisches Landeshauptarchiv (Потсдам, Германия) и сконцентрировано на рассказе о ранее неизвестных аспектах жизни его владельцев, уточнении их биографий.

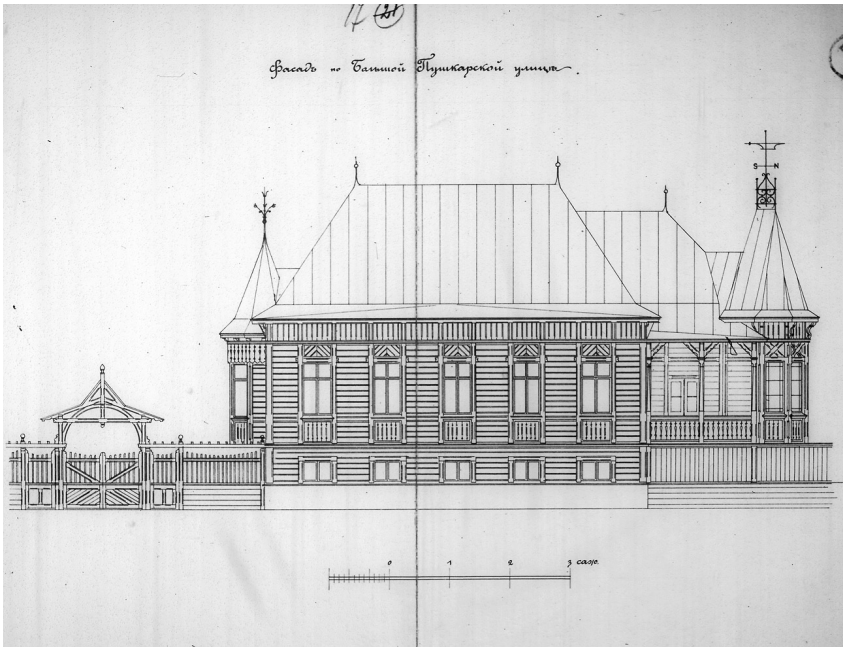
Ключевые слова: особняк Ю.К. Добберт, Большая Пушкарская ул., д. 20, Большая Пушкарская ул., д. 14, Гулярная ул., д. 4, Фортепианная фабрика «И.Ф. Шредер», Фортепианная фабрика «К.М. Шредер», Фортепианная фабрика «Я. Беккер», Александринский приют для женщин, Императорская Академия наук, Императорский Санкт-Петербургский университет, Императорский Санкт-Петербургский историко-филологический институт, Главное немецкое училище Св. Петра, Государственный Эрмитаж.

E.V. Shchavinskaya

THE HISTORY OF MANSIONS OWNED BY JULIA DOBBERT (Saint-Petersburg, Bolshaya Pushkarskaya st., 14)

This article is about the history of the Dobbert's mansion — single surviving on Bolshaya Pushkarskaya street (Saint-Petersburg) monument of wooden architecture of the end of XIX century. This building was related with several generations of the Russian Germans families: Grefe, Steinman, Dobbert, Schroeder, Rheinberg (from August 19, 1838 to August 24, 1918). Amazing predetermination of fate of the Dobbert's mansion, forgotten in the recent past, is relevant now, after restoration, which was made in 2015. Today Museum of St. Petersburg ballet of the Boris Eifman dance Academy is open in the Dobbert's mansion. The study is based on the analysis of documents stored in Central State Historical Archive of St. Petersburg, Russian State Historical Archives and Central State Archive of St. Petersburg, the study of the hereditary case of the last owners of the mansion from Dobbert family in Brandenburgisches Landeshauptarchiv (Potsdam, Germany). Article is focused on the unknown aspects of the life of its owners and clarification of their biography.

Keywords: Saint Petersburg State University, Saint Petersburg Academy of sciences, Mansions owned by Julia Dobbert, Bolshaya Pushkarskaya st., 14, Bolshaya Pushkarskaya st., 20, Gulyarnaya, 4, Saint Petersburg piano factory "C.M. Schroeder", Saint Petersburg piano factory "J. Becker", The Hermitage.

Фасад особняка Ю.К. Добберт, архитектор А.Я. Рейнберг, 1896 г.
(ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8366. Л. 21)

В центре статьи — история единственного сохранившегося на Большой Пушкарской улице памятника деревянной архитектуры конца XIX в. — дома, с 19 августа 1838 г. по 24 августа 1918 г. связанного с несколькими поколениями семьи петербургских немцев Грефе, Штейнман, Добберт, Шредер, Рейнберг. Невероятная предопределенность его судьбы, забытая в недавнем прошлом, вновь актуальна сегодня, когда в особняке Ю.К. Добберт, отреставрированном в 2015 г., с возвращенным ему историческим обликом и вернувшейся историей, осуществляется музейно-выставочная деятельность в качестве Музея петербургского балета при Академии танца Бориса Эйфмана. Исследование основано на анализе документов, хранящихся в ЦГИА СПб., РГИА, ЦГА СПб., изучении наследственного дела последних владельцев особняка супругов Добберт в Brandenburgisches Landeshauptarchiv (Потсдам, Германия) и сконцентрировано на рассказе о ранее неизвестных аспектах жизни его владельцев и уточнении биографий.

История особняка в том виде, в каком мы можем его видеть сегодня, начинается более 120 лет назад, в 1896 г. Но этой дате предшествовал значительный период.

Первое упоминание о существующей усадьбе в уже сложившемся квартале, ограниченном Большим проспектом Петербургской стороны, улицами Введенской, Большой Пушкарской и Гулярной (с 1952 г. — улицей Лизы Чайкиной), приходится на 1796 г. В конце XVIII в. обширный земельный участок и деревянный дом принадлежали семье капитана второго ранга Кобылинского[1]. Следующим владельцем дома в 1832 г. становится учитель латинского языка одной Губернской гимназии Никита Белюстин[2]. Но владеет он им недолго. 19 августа 1838 г. дом приобретает семья действительного статского советника, заслуженного профессора Санкт-Петербургского Императорского университета, ординарного академика Академии наук и почетного директора Кабинетов медалей и антиков Эрмитажа Федора Богдановича Грефе.

Биография Федора Богдановича Грефе (Christian Friedrich Graefe, 20.06.1780, Хемниц — 30.11.1851, Санкт-Петербург, Смоленское лютеранское кладбище), как и последующих владельцев дома: Ивана Богдановича Штейнмана (Iohann Friedrich Steinmann, 29.01.1819, Санкт-Петербург — 28.03.1872, Висбаден) — директора Главного немецкого училища Святого Петра, основателя и первого директора Историко-филологического института, и его супруги, дочери Ф.Б. Грефе, Минны Федоровны Штейнман (Wilgelmina (Minna) Elisabeth Steinmann, geb. Graefe, 11.02.1819–07.11.1893, Висбаден, похоронена на Смоленском лютеранском кладбище), изучена достаточно подробно.

Последняя владелица особняка, при которой произошла значительная перестройка, Юлия Карловна Добберт, появилась в доме значительно раньше 1896 г. Дело в том, что двадцатитрехлетняя Юлия Шредер (Julia Amalia Anna Schroeder, 14.02.1860, Царское Село — 23.10.1922, Потсдам) 10 сентября 1883 г. вышла замуж за младшего ординатора Елизаветинской клинической больницы для малолетних детей доктора медицины Федора Ивановича Штейнмана — старшего сына И.Б. и М.Ф. Штейнман.

Молодая супруга была старшей дочерью потомственного почетного гражданина Петербурга, купца первой гильдии, владельца фортепианной фабрики «К.М. Шредер» Карла Ивановича Шредера (Schroeder Carl Michael, 27.08.1828, Санкт-Петербург — 05.05.1889,

Франкфурт-на-Майне). Училась в Петришуле с 1874 по 1878 г., окончила гимназию с отличием.

Ее мужа, Федора Ивановича Штейнмана (Friedrich Johannes Gottlib Steinmann, 26.12.1849–24.02.1885, Санкт-Петербург) интересовали предметы естественно-научного толка. «По окончании курса в Главном Немецком училище Св. Петра в С.Петербурге поступил в Императорский Петербургский университет на физико-математический факультет, где окончив курс по разряду естественных наук получил диплом на степень кандидата 31 августа 1871 г. за № 2863. После изучения медицины в университетах: Берлинском, Венском и Эрляндском, после сдачи в гор. Дерпт установленного экзамена и по защищении диссертации удостоен факультетом Дерптского университета степени. Имеет Орден Св. Станислава III ст., жалованье 600 руб., столов. 300 руб.»[3], — сообщает Формулярный список. Специализация Ф.И. Штейнмана — акушерство и гинекология, а также педиатрия. Близким другом, коллегой, крестным отцом и впоследствии опекуном сына Иоганна был доктор медицины Фридрих Арнгейм.

Проживали супруги в деревянном доме семьи Штейнман на Большой Пушкарской, 20.

9 июля 1884 г. родился сын Иоганн.

24 февраля 1885 г. от удара в возрасте 35 лет Фридрих Штейнман умер.

Юлия Карловна, унаследовав движимое имущество, доставшееся от покойного мужа, а жили они в этом доме на Большой Пушкарской и довольно скромно, часть раздает родственникам в память о сыне и брате, часть — бедным и с сыном переезжает в родительский особняк по набережной Б. Невки, 34:

> «Не желая допускать до продажи, хотя и по вольной цене, имущество оставшегося после умершего моего мужа и оцененное <...> в 560 рублей сер., и предполагая вещи подверженные порче и тлению, раздать бедным, а оставшиеся разделить между ближайшими родственниками покойного в память его, и, покорнейше прошу, Дворянскую Опеку разрешить мне взамен могущей быть вырученной суммы при торгах, внести единовременно на имя малолетнего моего сына билет Государственного банка в 1000 руб. сер. каковая сумма на момент быть выручена и исключить прилагающуюся мне ¼ долю имущества на 140 рублей сер., но если Дворянская Опека по чему либо встретит препятствие разрешить это мое ходатайство,

то я всю движимость принимаю на хранение впредь до совершеннолетия моего сына, с ответственностью за целостность и ценность его. Апреля 9-го дня 1885 г.

Опекунша Юлия Карловна Штейнман»[4].

В 1892 г. Юлия Карловна повторно выходит замуж за младшего ординатора Петропавловской больницы, гинеколога Федора Александровича Добберта (Theodor Alexander Julius Dobbert, 01.12.1860, Крым — 08.07.1932, Потсдам).

Федор Александрович — балтийский немец, выходец из Риги. Семья Добберта переехала в Петербург в 1868 г., когда его отец был назначен пастором в приход лютеранской церкви в Царском Селе[5].

Учился в Петришуле с 1871 по 1878 г., окончил с отличием. В это же время учились в женской гимназии его сестра Добберт Мари (с 1871 по 1876 г.) и Шрёдер Юлия, будущая супруга (с 1874 по 1878 г.).

Как и все в семье, Федор Александрович закончил Дерптский университет, но в отличие от остальных не теологический, а медицинский факультет. Стажировался в Европе, вернувшись в Петербург, поступил на службу младшим ординатором в Петропавловскую больницу[6]. Работал сверхштатным врачом-специалистом в лечебнице для приходящих при Комитете для разбора и призрения нищих[7]. Но главным делом его жизни была врачебная и педагогическая деятельность в построенном на углу 14-й линии и Большого проспекта Васильевского острова благотворительном учреждении — Александринском приюте для женщин (Alexandra Stift für Frauen)[8].

Главным врачом Александринского приюта для женщин был доктор К.Г. Видеман. Летом 1914 г. в прошении в Канцелярию Ее Императорского Величества Александры Федоровны он даст исчерпывающую характеристику Ф.А. Добберту:

«В числе отозванных военно-медицинским ведомством на отечественную войну пяти врачей Александринского приюта находится Статский Советник Доктор Медицины Ф.А. Добберт. С первого начала деятельности названного учреждения, то есть с 15-го Ноября 1895 г. Др Добберт состоит старшим ординатором Александринского приюта, с 7 Марта 1899 г. он заведующий гинекологическим отделением и преподаватель при родовспомогательном учебном заведении, с 16-го Августа 1908 года он занимает кроме того должность заведующего родовспомогательного учебно-

го заведения и помощника главного врача и доктора. Из годовых отчетов усматривается, что деятельность Александринского приюта за последние годы значительно увеличилась во всех отношениях — особенно деятельность гинекологического отделения развилась после применения у нас лечения радием и лучами Рентгена. Из публикаций Д-р Добберта выясняется, какое полезное и деятельное участие именно он принимал в качестве гинеколога, преимущественно как оператор и радиолог. Он является для нашего заведения в настоящее время не только крайне необходимою личностью, но прямо не заменимою силою. Весьма озабочивает меня мысль, что отсутствие столь ответственной и благотворной деятельности Д-ра Добберта могло бы иметь неизмеримые последствия для работы в Александринском приюте, — ибо остались в распоряжении нашего заведения из числа врачей, кроме главного врача, всего лишь пять, на которых ныне лежит вся медицинская работа по приюту, вместо 10 лиц за истекшее время. Моя покорная просьба, Ваше Сиятельство, состоит в том: не сочтете ли Вы возможным о наших заботах донести до сведения Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, Августейшей Покровительницы Александринского приюта для женщин испросить Ея Императорского Величество Высочайшее Соизволение об освобождении Д-ра Добберта от военных обязанностей, оставляя его впредь при Александринском приюте для женщин в бывшей его почти 20-летней деятельности»[9].

В 1895 г., накануне перестройки дома, в двух семьях — Шредеров и Штейнман — происходят наследственные разделы. В семье Шредер спустя 6 лет делят имущество отца Карла Ивановича, умершего в 1889 г. Понадобилось 6 лет, чтобы найти компромисс, по которому все пять наследников — две сестры и три брата[10] — в 1/5 доле владеют всем активом семьи, но за каждым в управление закрепляется объект недвижимости. Юлия Карловна получает доходный дом на углу Казанской улицы и Вознесенского проспекта и, вероятно, денежные активы, которые позволяют ей впоследствии принимать финансовые решения: «Наследники Карла Шредера совершили 14 февраля 1895 г. раздельный акт, утвержденный засим 22 того же года февраля, на основании которого вдова завещателя Юлия Шредер отказалась от пожизненного владения, а дети его разделили меж собой дома и фортепианную фабрику с постройками и землей»[11].

В семье Штейнман делят дом после смерти Минны Федоровны в 1893 г. На семейном совете единоличным наследником признается Рудольф Иванович Штейнман. Но Рудольф Иванович по неизвестным причинам не оставляет в своей собственности дом. Строение оценивается в 18 тыс. рублей серебром, переоценивается, и за 25 тыс. рублей серебром Юлия Карловна Добберт выкупает его:

> «Цену означенному имуществу Розенбергер, Рудольф Штейнман, а за малолетнего Штейнмана опекунша над ним и принадлежащим ему имуществом мать его, жена Доктора Медицины Юлия Карловна Добберт по 1-му браку Штейнман определяют по совести в двадцать пять тысяч рублей. Найдя неудобным общее владение означенным имуществом, делящиеся: Розенбергер, Рудольф Штейнман, а за малолетнего Штейнман опекунша над ним, мать его Добберт по 1-му браку Штейнман положили добровольно распределить означенное имущество следующим образом: Рудольф Штейнман получает в свою единственную собственность в полном составе означенное выше недвижимое имущество со всеми строениями и землею и уплачивает соответствующим образом своим уступку ими прав своим в движимом имуществе, по утверждению раздельного акта Старшим Нотариусом, наличными деньгами пропорционально наследственным частям: Розенбергер — 8928 руб. 57 коп. и малолетнему Штейнману в лице Опекунши над ним, матери Добберт по 1-му браку Штейнман — 3869 руб. 7 коп. За учинением настоящего раздела Розенбергер и малолетний Штейнман окончательно выделяются и отстраняются от всякого в означенном имуществе участия, лишая навсегда себя, так и наследников своих права простирать к этому имуществу доходам с оного какие-либо претензии»[12].

Мотивы, по которым Ю.К. Добберт решила выкупить особняк, принадлежавший семье ее первого мужа, однозначно прояснить невозможно. Конечно, в семье воспитывался сын Иоганн, в тот момент ученик Петришуле, — правнук Ф.Б. Грефе, внук И.Б. Штейнмана, и, вероятно, ей было важно, чтобы особняк не ушел из семьи. Быть может, привлекали уединенность локации, возможность иметь сад и домашнее хозяйство. Ю.К. Добберт не смутило даже то обстоятельство, что в соседнем квартале с 1894 г. существовала бумажная фабрика Отто Кирхнера!

В качестве архитектора был приглашен близкий человек — зять Август Яковлевич Рейнберг, муж сестры Агнессы. Август Рейнберг (August Jakob Reinberg, 16.03.1860, Riga — 17.07.1908, Rammenhof b., Riga), впоследствии «выдающийся гражданский» архитектор, как его характеризуют в архивных источниках коллеги по Рижскому политехническому институту[13], в то время только начинал свою деятельность. Закончив Политехническое училище в Риге, он работал на строительстве Балтийской железной дороги, за что получил серебряную медаль. Повышал квалификацию в Академии художеств и в 1894 г. получил звание художника II степени[14].

В Петербурге он работал исключительно для семьи Шредер: перестраивал особняк, строил доходный дом на Гулярной для Юлии Карловны, реконструировал лестницу в ее доходном доме на Казанской улице. Перестроил доходный дом на Большой Подъяческой улице, 8, доставшийся в наследство жене Агнессе, помогал при строительстве служебных помещений на фортепианной фабрике. Как пишет сам А.Я. Рейнберг в Curriculum vitae: «1890–1899 состоял на частной службе в С.Петербурге и был производителем нескольких частных построек»[15].

В Риге, куда семья Рейнберг переехала в 1899 г., он выстроил здания второго русского театра, Государственного банка, собственный дом в стиле модерн, здание лечебницы для умалишенных в Пярну. В Таллине построил в стиле ганзейской готики здание Дворянского банка Эстонии.

Рейнберг сохранил объем старого дома, но сам облик претерпел значительные изменения. Он решает особняк в романтическом стиле с элементами готики — гранеными башнями, высокой крышей, кованым металлодекором, фахверком, используя модный тогда тип французского шале. Дом, находящийся в городской среде, сохранил все черты загородной виллы.

Особняк строился для трех членов семьи — Юлии Карловны, Федора Александровича и Иоганна, поэтому внутреннее пространство камерно и продуманно. Две жилые комнаты — спальни, столовая, оснащенная подъемным лифтом, гостиная, кабинет хозяйки Ю.К. Добберт, дубовый кабинет — библиотека с сохранившимся дубовым встроенным шкафом, неотапливаемая веранда. Взаимодействие внутри дома продумано до мелочей. В некотором роде особняк представляет собой прообраз «умного» дома и пример функциональности модерна, чему служит подъемный механизм, соединявший цокольный

этаж, на котором располагались служебные помещения, и столовую, подлинные антресоли, соединенные со встроенным шкафом библиотеки.

Несмотря на то что семья Добберт была богатой (так ее характеризуют в архивных документах), интерьер особняка очень сдержан. Практичность, функциональность соответствовали веяниям времени, и в отсутствие других свидетельств наиболее отчетливо характеризуют взгляды на жизнь владельцев дома — реализация своего жизненного предназначения и служение людям. Федор Александрович за время службы в Александринском приюте для женщин, как и его коллеги, не получал жалования за работу.

В 1898 г. Рейнберг завершил ансамбль усадьбы, построив на углу Большой Пушкарской и Гулярной доходный дом в стиле ганзейнской готики.

Как бывает в жизни, по иронии судьбы в семье Добберт совместных детей не появилось. Надежды возлагались на сына от первого брака Иоганна Штейнмана.

И он, окончив в 1902 г. курс VIII класса гимназии Училища Св. Петра, по ходатайству семьи был определен в третий класс Училища правоведения на собственное содержание. Для этого годом ранее, в 1901 г., Ю.К. Добберт хлопотала о признании «сына доктора медицины Иоганна-Фридриха-Готлиба Иоаннова-Фридрихова Штейнмана Иоганна-Фридриха-Карла в потомственном дворянстве, с правом на внесение в третью часть дворянской родословной книги, и выдать ему свидетельство на это достоинство, о чем сообщить для объявления просительнице и вручения документов, по жительству по Пушкинской ул., д. 20»[16].

Вот характеристика молодого Штейнмана, выданная его дядей, директором Главного немецкого училища Святого Петра Р.И. Штейнманом в адрес Училища правоведения:

> «ИОГАНН ШТЕЙНМАН
>
> Сын доктора медицины из богатой семьи. Получил тщательное домашнее воспитание и во все время своего пребывания в училище Св. Петра отличался безукоризненным поведением. Штейнман юноша с хорошими способностями и занимался с большим прилежанием и усердием. Он обнаруживал особенно живой интерес к физике и естественным наукам. Его во всех отношениях можно аттестовать как вполне благонадежного молодого человека»[17].

После окончания он поступил на службу в Окружной суд, получил свой первый чин, и... в возрасте 23 лет в 1907 г. умер от тифа.

Еще десять лет суждено было прожить супругам Добберт в особняке. В 1910-х на имя Федора Александровича приобретались и продавались доходные дома на Съезжинской, Гатчинской и Лахтинской улицах. В 1916 г., когда семья пробовала, вероятно, сохранить хоть какие-то денежные активы, был приобретен участок на углу Геслеровского переулка (сейчас Чкаловский проспект), Бармалеевой и Плуталовой улиц. Архитектором Е.Л. Морозовым был создан проект доходного дома, оставшийся нереализованным[18].

В летнее время Добберты, по тогдашнему обычаю, выезжали в свой дом в Йоутселькя (сейчас — Симагино). Имение находилось на высоком берегу озера Питкяярви. К особняку вела лестница, начинавшаяся почти от воды. Добберты владели лодкой и пристанью на берегу озера. После 1918 г. дача осталась без надзора и пострадала от вандалов. В середине 1920-х годов участок выкупил Антти Кауконен, дача была разобрана и перевезена неизвестным хозяевам, территория, на которой находился особняк, была застроена[19].

В 1913 г. в Александринском приюте для женщин стараниями Добберта начали лечить рак лучами радия. На пожертвование в 50 тыс. рублей Добберт был командирован за границу, где в германских клиниках им были изучены способы лечения радием.

24 августа 1918 г. (после обнаружения в ЦГА СПб. «Описи движимого имущества особняка по Большой Пушкарской, 20»[20] эту дату можно назвать с уверенностью), упаковав движимое имущество и зачехлив мебель, семья Добберт покинула особняк[21]. Почти сразу в августе того же года дом был «обокраден», как выразилась сотрудница Комитета бедноты в составленном ею акте.

> «Мебель вся под чехлами со салфетками и ночн. столики тоже. В кабинете письменный прибор медный и 3 вазочки белого металла гравирован. рисунок
>
> Кур 5 шт.
>
> Петух 1»[22].

Комната сына, судя по описям, осталась нетронутой с момента его смерти: «Письменный стол, письменный прибор, ящик для бумаг, полка шкафная с книгами. Часы стенные, шкафчик с полками, кровать железная... настольная лампа, люстра медная, синие шторы, кресло

мягкое, корзина для бумаг». В гостиной осталось пианино. В прихожей — гимназический сюртук. Опись не дает возможности оценить художественную или материальную ценность оставленных вещей, Юлия Карловна и Федор Александрович планировали вернуться.

Но история, как мы знаем, распорядилась иначе:

> «В Горпродукт Петр. Района
>
> Петр. Район. Отд. Нар. Образ. Обращается в Горпродукт с просьбой предоставить в распоряжение детского очага № 23 (Б. Пушкарская, 20) то незначительное количество белья столового и постельного и посуды, которое находится под печатью в одной из комнат вот уже более года и несомненно портится от сырости. Кроме того эта комната нужна очагу для кладовой и отдел просит взять находящиеся в ней вещи нужные очагу и освободить комнату по возможности в ближайшее время»[23].

Так в особняке поселились дети — сначала Детский очаг № 23, а потом детский сад № 26, и началось перемещение вещей бывших владельцев.

Сама семья сначала переехала в Прибалтику, а осенью 1920 г. обосновалась в пригороде Берлина, в Потсдаме.

В ноябре 1920 г. супруги Добберт составили завещание, в котором все свое состояние оставили друг другу. Юлия Карловна умерла 24 октября 1922 г. в возрасте 62 лет. Федор Александрович пережил ее на десять лет. И вот какая драма — лишившись дела всей своей жизни в Александринском приюте для женщин в Петербурге, Добберт принял решение отказаться от врачебной практики и до смерти в 1932 г. работал архивариусом.

> «Его друзья и бывшие ученики часто спрашивали себя, — написано в некрологе, вышедшем в “Рижских новостях”, — почему такая личность, как Теодор Добберт, не занимается и дальше врачебной деятельностью на новой родине. Способность к науке и выдающееся умение хирурга могли бы помочь ему освоить новое поле работы. Тем не менее, это был сознательный отказ, глубинную причину которого надо искать в его личности и характере. Как врач он был ориентирован на строгую научность, и из-за его предрасположенности к эксперименту ему были глубоко противны половинчатость и компромиссы, только из-за того, что появилось нечто

новое и оказалось модным. Он не приспосабливался к желаниям и мнениям, за которыми стояла не продуманная до конечных следствий убежденность; это было несовместимо с его искусством. Его устремленность и направление в работе служили исключительно сущности работы, и он посвящал все дарования своей личности ради этой высокой цели, службы. Некоторым это казалось признаком суровости и черствости, что было следствием наклонности к автократии. Тем не менее это впечатление было ошибочным. Добберт знал человеческую злокозненность также и по себе самому. Для него орудиями были беспощадное самопознание и внутренняя дисциплина: остаться господином и не стать игрушкой капризов, желаний и перемены настроений. В основе его существа лежали мягкость, доброта, чувство юмора и верность друзьям, и они всегда выказывались.

Добберт был превосходным учителем: особенно ему были свойственны выдающийся талант изложения, способность передавать важное и основное так, чтобы оно как свое собственное воспринималось слушателями учебного заведения, готовящего акушеров, заведующим которого он был. Он был не только уважаемый учитель, но также и авторитетный лидер. Воспитанники работали под его руководством не только с усердием и добросовестностью, но и с восторгом и преданностью.

Немалое количество немецких гинекологов в балтийских государствах являются учениками д-ра Добберта, они обязаны ему своим научным и практическим образованием. После того как развалилось его место работы, на котором Добберт так долго трудился, он отказался продолжать врачебную деятельность на новой родине, которую Добберт воспринимал только как убежище, что соответствовало его существу и основывалось в цельности его личности. В дружеском почтении и горячей благодарности ученики и коллеги будут долго хранить память о нем»[24].

Сила, которая вытолкнула Доббертов из Петербурга, в котором остались дом, работа, наука, могила сына, обладала такой опустошительной мощью, что не дала возможности беглецам обрести себя заново.

Наследственное дело Доббертов, хранящееся в архиве Потсдама[25], дало возможность прояснить место смерти Федора Александровича[26]. По его завещанию, написанному за 6 дней до смерти, 3 июля, он остав-

ляет в равных долях племянникам, а также Фрицу Штейнману значительную сумму немецких марок, находящуюся в Финляндском банке в Выборге и Сберкассе в Потсдаме. Что касается недвижимости, а помимо особняка и доходного дома на Большой Пушкарской, нескольких доходных домов на Петроградской стороне, дома в Йоутселькя, после смерти жены он унаследовал и 1/5 доли активов на тот момент уже национализированной фортепианной фабрики «К.М. Шредер», он высказался, что как только наступит время справедливости и его недвижимое имущество в Петербурге вернется законным владельцам, то следует разделить его между назначенными наследниками в равных долях.

Это один из возможных сюжетов, который возможно было рассказать о дореволюционных владельцах особняка, находящегося теперь в ведении Академии танца Бориса Эйфмана. Ясно одно: у этого дома особая предопределенность — быть частью истории культуры и образования Петербурга.

* * *

[1] РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 344. Л. 15. См. также: ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 63. Д. 94.

[2] РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 344. Л. 18.

[3] ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 13600. Л. 6–7.

[4] Там же. Л. 15.

[5] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1378.

[6] Подробнее см.: ЦГИА СПб. Ф. 20. Оп. 2. Д. 479.

[7] ЦГИА СПб. Ф. 211. Оп. 2. Д. 479.

[8] РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (Вн. оп. 196/2684). Д. 131а; Д. 131б; Д. 131в; Д. 131г.

[9] РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (Вн. оп. 196/2684). Д. 131г. Л. 9.

[10] Карл Карлович Шредер / Karl Nikolai Otto Schroeder (26.06.1862, Санкт-Петербург — неизвестно).

Агнесса Карловна Рейнберг / Agnes Julie Marie Schroeder (07.05.1864, Санкт-Петербург — 06.11.1943, Познань).

Иоганн Карлович Шредер / Iohann Nikolai Schroeder (24.11.1867, Санкт-Петербург — 1927, Самарканд).

Оскар Карлович Шредер / Oscar Schroeder (01.08.1871 — неизвестно).

[11] РГИА. Ф. 1364. Оп. 10. Д. 2237. Л. 23 об.

[12] ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 13600. Л. 41.

[13] LVVA 7175 1 224. Л. 2.

[14] РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Д. 183.

[15] LVVA 7175 1 224. Л. 3.

[16] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 6434. Л. 4.

[17] ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3575.

[18] ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 1. Д. 8176.

[19] *Балашов. Е.А.* Прежняя деревня Ялкала. Уединенье меж озер. СПб., 2018. С. 60.

[20] ЦГА СПб. Ф. 70. Оп. 1. Д. 778. Л. 13.

[21] Обращаем внимание, что информация о том, что в предреволюционные годы особняк принадлежал торговому дому «Отто Кирхнер» (Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Петроградский район / Под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб.: Изд-во «Коло», 2004. С. 221), не нашла документального подтверждения.

В 1915 г. была составлена подробная опись движимого и недвижимого имущества умершей владелицы фабрики «Отто Кирхнер» Юлии Христианы Георгиевны Кирхнер (ЦГИА СПб. Ф. 1216. Оп. 1. Д. 105), в которой нет даже косвенного упоминания о приобретении в собственность особняка Ю.К. Добберт или тратах на его аренду. В собственности фабрики находилось три здания по адресам: Б. Пушкарская, 14, 16, 18, Гулярная, 3 (ЦГИА СПб. Ф. 1216. Оп. 3. Д. 120). Более того, документы, относящиеся к супругам Добберт за этот период, указывают единственный адрес: ул. Большая Пушкарская, 20.

Также не находит своего подтверждения информация о размещении коммунальных квартир в особняке Ю.К. Добберт в 1925 и 1926 гг. Действительно, адресные справочники «Весь Ленинград» за 1925 и 1926 гг. (Весь Ленинград на 1925 год: адресная и справочная книга г. Ленинграда. [Л.]: Орг. отд. Ленингр. губисполкома, [1925]. 1080 с. разд. паг. С. 202, 303; Весь Ленинград на 1926 год: адресная и справочная книга г. Ленинграда. [Л.]: Орг. отд. Ленингр. губисполкома, [1926]. 1096 с. разд. паг. С. 181, 270) называют адресом жительства Б. Пушкарскую, 20, для Кракау Евг. Ал-др, Преп., и Персон Вас. Фед. Зав. отд. Корресп. «Госбанка», что дало основания предполагать размещение в доме коммунальных квартир. Но, согласно архивным данным, упоминаемые Кракау и Персон, проживали в доходном доме Ю.К. Добберт по адресу: ул. Гулярная (Лизы Чайкиной), 4 (ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 180. Д. 363).

[22] ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 180. Д. 363. Л. 13.

[23] ЦГА СПб. Ф. 70. Оп. 1. Д. 778. Л. 21.

[24] Dr. -er. Dr. med. Theodor Dobbert // Rigasche Rundschau. 1932. 07.21 (на нем. языке).

[25] BLHA 5E AG Potsdam 1923, BLHA 5 E Potsdam 5646.

[26] BLHA 5 E Potsdam 5646 p. 2.

М.Т. Валиев, И.Л. Лейнонен

СМОЛЕНСКОЕ ЛЮТЕРАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ИСТОРИИ ШКОЛЫ К. МАЯ

Смоленское лютеранское кладбище естественным образом стало главным некрополем знаменитой петербургской немецкой школы Карла Мая. Здесь упокоились многие учителя школы, здесь находятся фамильные усыпальницы семей, несколько поколений которых учились в упомянутой школе. В статье зафиксированы не только сохранившиеся могилы педагогов и бывших учеников школы, но и утраченные захоронения. Результаты работы представлены в виде таблицы, в которой указаны основные фамильные захоронения и отдельные могилы, их локализация по плану кладбища и краткие ссылки на источники информации. Даны краткие комментарии к истории наиболее значимых захоронений.

Ключевые слова: немецкая диаспора Санкт-Петербурга, некрополистика, школа Карла Мая, Смоленское лютеранское кладбище.

M.T. Valiev, I.L. Leinonen

SMOLENSK LUTHERAN CEMETERY IN THE HISTORY OF THE K. MAY SCHOOL

The Smolensk Lutheran cemetery naturally became the main necropolis of the famous St. Petersburg German school of Karl May. Many teachers of the school have rest in peace here, the family tombs of families, several generations of whom studied in the said school, are here. The article recorded not only the surviving graves of teachers and former students of the school, but also lost graves. The results of the work are presented in the form of a table which contains the main family burials and individual graves, their localization according to the plan of the cemetery and brief references to information sources. Short comments are given to the history of the most significant graves.

Keywords: German diaspora of St. Petersburg, necropolis, Karl May school, Smolensk Lutheran cemetery.

Рис. 1. Смоленское лютеранское кладбище. Начало XX в.

Обычно благодарность предшественникам и ссылки на источники информации завершают публикацию. Нарушая традиции, мы начинаем нашу статью с низкого поклона авторам трех фундаментальных трудов.

Речь идет о непревзойденном труде В.И. Саитова[1], посвященном петербургскому некрополю[2], двухтомнике Роберта Лейнонена[3] и Эрики Фогт[4], фиксирующем состояние Смоленского лютеранского кладбища на 1990 г.[5], и исторической хронике Н.В. Благово, содержащей списки педагогов и учеников школы К. Мая[6].

Трудно себе представить объем работы, проделанной авторами этих монографий, неоценим их вклад в сохранение истории нашего Отечества. В труде члена-корреспондента Императорской Академии наук Саитова зафиксированы захоронения на петербургских кладбищах по состоянию на 1911–1912 гг. Во втором томе Р. Лейнонена и Э. Фогт приведены подробные описания всех могил старейшего петербургского Смоленского лютеранского кладбища, сохранившихся к 1991 г., дана локализация и схематическое изображение надгробий. В монографии Н.В. Благово кропотливо собраны сведения о педагогах и учениках школы К. Мая. Можно смело отнести эти труды к разряду гражданских подвигов. Эти три издания легли в основу нашей работы.

В течение многих лет мы занимаемся историей знаменитой петербургской гимназии К. Мая. Школа была основана в середине XIX в. по инициативе немецкой диаспоры и в памяти многих поколений петербуржцев оставалась «немецкой гимназией К. Мая». Следует отметить, что Петербург с момента своего основания был одним из мест компактного проживания немцев в пределах Российской империи, а Васильевский остров, в свою очередь, — местом компактного проживания немцев в пределах столицы империи. До 1917 г. существовало идиоматическое выражение «василеостровский немец» — аккуратность и трудолюбие немцев вызывали восхищение у петербуржцев. Немец был символом добропорядочности, солидности и благополучия. Когда хотели кого-нибудь похвалить, говорили: «как василеостровский немец»[7].

Василеостровские немцы появлялись на свет в родовспомогательных клиниках Отта[8] и Видемана[9], крестились и заключали браки в лютеранских церквях Св. Екатерины[10] и Св. Михаила[11], учились в немецких гимназиях Карла Мая, Германа Видемана[12], Эмилии Шаффе[13] и училище Катариненшуле[14] и завершали свой жизненный путь на Смоленском лютеранском кладбище. Естественным образом это кладбище стало главным некрополем «майской школы». Здесь были похоронены многие учителя школы, включая основателя и первого директора гимназии К.И. Мая (1820–1895), его друга и соратника К.Я. Люгебиля (1830–1887), педагогов Ф.К. Беца (1822–1873), Э.-Х.-Д. Отто (1824–1890), И.И. Паульсона (1825–1898), Ф.А. Постельса (1832–1894) и др.

Здесь находились фамильные усыпальницы семей, несколько поколений которых учились «у Мая» — Шлиссеров, Парландов, Серков, Грубе, Бангов и др.

Революция, Гражданская и две мировые войны, репрессии по национальному, сословному и конфессиональному признакам привели к катастрофическим последствиям для российских немцев, большинство из которых уже во втором-третьем поколении считали Россию своей второй, а во многих случаях главной Родиной. Уже после начала Первой мировой войны начался массовый исход немцев из России. Многие немецкие семьи сознательно отказывались от своих национальных корней и переходили на русские фамилии: Шмидты становились Кузнецовыми, Фрейберги — Свободиными, Дервизы — Луговыми, Керберы — Корвиными, Гейнрихсоны — Андреевыми[15].

Печальная статистика говорит, что только один из десяти выпускников школы К. Мая периода 1900–1918 гг., принадлежавших к немецкой диаспоре, завершил свой жизненный путь в России в преклонных летах и под своей истинной фамилией. Большинство российских немцев либо эмигрировали, либо погибли на фронтах Первой мировой войны, сгинули в революционной мясорубке и последовавшей за ней Гражданской войне. Значительное количество оставшихся в Советской России немцев были репрессированы или погибли на фронтах Великой Отечественной войны, в блокадном Ленинграде и эвакуации. С тяжелым сердцем приходится признать, что судьба петербургских немцев, которые в основном принадлежали к привилегированным классам аристократии, купечества, офицерства, художественной и научной интеллигенции, в Советской России зачастую складывалась печально. Многие семьи были разделены «железным занавесом» и навсегда потеряли связь друг с другом. Вряд ли можно сказать, что судьбы эмигрантов были счастливыми и успешными. Уместнее говорить о том, что они были более продолжительными и менее трагичными. Многие вынужденные эмигранты, даже будучи этническими немцами, тяжело переживали разлуку с Россией, большинство считали ее своей Родиной, некоторые сохранили русский язык во втором и третьем поколениях!

К сожалению, самыми востребованными источниками информации о жизненном пути представителей немецкой диаспоры России после 1917 г. являются два издания — сборник некрологов российской эмиграции «Незабытые могилы»[16] и база данных «Жертвы политического террора в СССР»[17]. Но это тема будущего исследования, которое уже ведется авторами.

В настоящей публикации зафиксированы не только сохранившиеся могилы педагогов и бывших учеников школы (в таблице выделены

курсивом), но и утерянные захоронения. Кроме того, мы приводим список фамильных захоронений семей, история которых тесно связана со школой К. Мая. К сожалению, многие могилы были уничтожены в период 1917–1990 гг. Само кладбище находилось под угрозой исчезновения в 1950-е годы, часть некрополя была варварски ликвидирована при строительстве прилегающей пожарной части. В это время была уничтожена и могила Карла Мая...

Результаты работы представлены в виде таблицы, в которой указаны основные фамильные захоронения и отдельные могилы, их локализация по плану кладбища, составленному Р. Лейноненом, и краткие ссылки на источники информации.

В заключительной части статьи даны краткие комментарии к истории наиболее значимых захоронений. Следует отметить, что первоначальный вариант таблицы занимал более сорока страниц текста, что не соответствовало требованиям настоящего издания. Нам пришлось пойти на значительное сокращение справочного материала, убрать из таблицы спорную информацию, минимизировать примечания и разработать систему сокращений.

При работе с таблицей использованы два основных шифра. Пример ссылки на четырехтомный труд В.И. Саитова выглядит следующим образом «С 1.133», что означает: Саитов, т. 1, стр. 133. Ссылка на книгу Роберта Лейнонена и Эрики Фогт фиксирует номер могилы по данным второго тома двухтомника (согласно его алфавиту), номер участка и номер страницы второго тома. Запись «ЛФ В50.67.22» означает: Лейнонен–Фогт, могила под номером В50, расположенная на участке 67 и описанная на странице 22 второго тома издания.

Курсивом выделены сохранившиеся на 2018 г. захоронения.

Кроме этого, в таблице используются следующие сокращения:

ДМ — место упокоения находится в другом месте;

ФЗ — фамильное захоронение;

ШМ — школа К. Мая;

* — биография опубликована на сайте www.kmay.ru.

**Таблица захоронений педагогов,
бывших учеников школы К. Мая и членов их семей**

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Адлерберг Георгий Павлович*	1907–1938	ФЗ; ЛФ А14–А15.12.5 ДМ; Смоленск. Расстрелян	Сохранились могилы родственников ученика ШМ
Аллендорф Вальдемар Викторович*	1889–?	ФЗ; ЛФ А25.46.6 ДМ	
Амбургер *Юлиус Александрович**	*1847–1881*	*ФЗ* *ЛФ А39.13.9;С 1.51*	*Могила сохранилась.* *Первый набор школы*
Асмос Виктор-Александр	1863–1897	ФЗ — утрачено; С 1.102 могила утрачена	С 1.102
Банг Вильгельм Александрович* Густав Романович Максим Робертович Роберт Александрович* Роберт Робертович Эрнст Робертович	 1848–1912 1888–1911 1878–? 1846–1916 1885–1955 1875–1941	ФЗ — утрачено могилы бывших учеников ШМ на Смоленском лютеранском кладбище утрачены ДМ; Портленд, США ДМ	С 1.133 В школе учились шесть представителей семьи Банг
Бари Адольф Эдуардович*	1870–1937	ФЗ; ЛФ В50.67.22 ДМ; Шанхай, Китай	Сохранилась могила родителей
Барот Георгий Карлович Чарльз Карлович*	1856–1882 1848–1903	ФЗ; ЛФ В38–В39.66.20 могила утрачена могила утрачена	Сохранились могилы родителей и сестры

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Бенуа В школе учились 25 представителей семьи Бенуа		ЛФ В98.18.28 и ЛФ В99–В101.28.28	Сохранились могилы родственников учеников ШМ из семьи Бенуа
Бец *Фридрих Карлович*	*1822–1873*	*ЛФ В85.50.26 — сохранилась*	*Органист церкви Св. Екатерины. Первый учитель пения в школе К. Мая*
Бергман Вольдемар	1847–1873	ФЗ — утрачено	С 1.194 — Вольдемар был захоронен вместе с отцом
Бишоф Карл Карлович Павел Карлович	?–? 1885–1912	ФЗ; ЛФ В153.53.35 ДМ ДМ	Сохранилась общая большая могила отца, матери, брата и сестры учеников ШМ
Блессиг Джон Васильевич* Роберт Фридрихович* Эрнст Фридрихович*	 1849–1927 1856–1925 1859–1940	ФЗ; ЛФ В158.81.36 ДМ; Винчестер, Англия ДМ; Тарту, Эстония ДМ; Тарту, Эстония	Сохранилась могила родственников учеников ШМ
Бодиско Алексей Дмитриевич* Сергей Дмитриевич*	 1885–1937 1882–1904	ФЗ; ЛФ В176.17.39 ДМ; расстрелян ДМ; Порт-Артур	Сохранилась могила Сергея Бодиско (1911–1924) — сына Алексея Дмитриевича и племянника Сергея Дмитриевича
Болтенгаген Евгений Брунович	1906–1999	ФЗ; ЛФ В185–В187.36.40 ДМ	Сохранились могилы прапрадеда, прадеда, деда и отца ученика

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Борисов *Николай Александрович*	*1849–1903*	*ФЗ* *ЛФ B201.56.42*	*Сохранилась могила вместе с родителями*
Браун Максимилиан Фёдорович*	1903–1984	Захоронение отца, д-ра медицины А.А. Студенского (1870–1903), утрачено. ДМ; Гёттинген, Германия	С 4.190; С 1.285–286 Сохранилось ФЗ приемных родителей — Браунов: ЛФ B241.65.48
Будберг		ФЗ; ЛФ B294–B295.86.56	Сохранились могилы родственников учеников
Александр Александрович*	1855–1917	ДМ	
Анатолий Александрович*	1857–1918	ДМ	
Андрей Андреевич*	1884–1905	ДМ; расстрелян	
Николай Александрович*	1856–1921	ДМ; Петроград	
Эдуард Александрович*	1886–?	ДМ	
Вейхард *Георгий Августович*	*1855–1914*	*ЛФ W46.50.385*	*Могила сохранилась*
Вилькинс		ФЗ	*Сохранилась одна общая могила Альфреда вместе с родителями, братом и сестрой (W90)*
Альфред	*1873–1911*	*ЛФ W90.7.392*	
Вильгельм	1871–?	ДМ	
Георгий	1870–?	ДМ	
Петр Николаевич	?–?	ДМ	
Вольский *Вольдемар*	*1858–1869*	*ФЗ* *ЛФ W133.86.398*	*Сохранилась могила ученика вместе с родителями*

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Галлер			
*Герман Александр**	*1847–1875*	*ЛФ W110.46.395 — на ФЗ Витт*	
Оскар Юлий*	1853–1907	могила утрачена	С 1.530 — Преподавал лат. и греч. языки в ШМ в 1879–1882 гг.
Павел Федорович*	1868–1936	ДМ; Таллин	Преподавал лат. и греч. языки в ШМ в 1891–1893 гг.
Гари		ФЗ — утрачено	С 1.542
Вильгельм Николаевич*	1875–?	ДМ	
Николай Николаевич*	1872–?	ДМ	
Гартох		ФЗ; ЛФ Н29.98.129	Сохранилась могила отца Оскара (1845–1901), матери Адольфины (1850–1895) и жены ученика ШМ Оскара Марии (1881–1933)
Оскар Оскарович*	1881–1942	ДМ; Саратов. Расстрелян	
Иван Оскарович	?–?	ДМ	
Гейслер		ФЗ – утрачено	С 1.561 — утрачена могила отца Карла-Фридриха Гейслера (1828–1897). В школе учились шесть представителей семьи Гейслер
Альберт Карлович	1870–?	ДМ	
Вильгельм Карлович*	1860–1893	ДМ; умер в Чикаго, США	
Карл Фридрихович	1864–?	ДМ	
Генрих	?–?	ДМ	
Николай	1868–?	ДМ	
Пауль	?–?	ДМ	

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Геппенер Оскар Иванович*	1852–?	ФЗ; ЛФ H130.6.145 ДМ	Сохранилась могила отца Ивана Евстафьевича Геппенера (1837–1908)
Гептнер Натаниель Эмильевич*	1862–1933	ФЗ – утрачено ДМ; село Сполошно на реке Лене (Сибирь)	С 1.574
Гизе Эрнест Августович*	1871–1941	ФЗ; ЛФ G54.40.110 ДМ; Волковское кладбище	Сохранилась могила отца Августа Фридриховича Гизе (1825–1899)
Гитшов Антон Людвигович Вильгельм Карлович Людвиг Людвигович Макс Роберт	 ?–? 1887–? 1867–? ?–? 1848–?	ФЗ; ЛФ G167–G170.52.125 ДМ ДМ ДМ ДМ ДМ	Сохранилось семейное захоронение основателей рода Гитшовых в СПб. В школе учились пять представителей семьи Гитшов
Глезер Людвиг Эдуардович* Теодор Эдуардович* Эдуард Эдуардович*	 1854–1908 1856–? 1852–1918	ФЗ — утрачено ДМ; Таллинн ДМ ДМ	С 1.608 — утрачены могилы отца Эдуарда Федоровича (1812–1898) и матери Каролины Елизаветы (1825–1897)
Горвиц Виктор Мартынович Михаил Мартынович	 1873–? ?–?	ФЗ; ЛФ G87.68.114 ДМ ДМ	Сохранилась большая фамильная усыпальница

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Гот		ФЗ; ЛФ H137.11'.146	*Сохранилось большое ФЗ*
Георг Васильевич	1862–?	ДМ	*семьи Готов вместе*
*Вильгельм Васильевич**	*1854–1913*	*похоронен в ФЗ*	*с учеником ШМ Вильгельмом*
Джон (Иван) Васильевич	?–?	ДМ	*Васильевичем*
Гофрен		ФЗ — утрачено	С 1.664 – утрачена могила
Карл	1881–?	ДМ	отца Генриха Георга
Эдуард Васильевич	1906–?	ДМ	Гофрена (1833–1902)
Графф		ФЗ; ЛФ G103.34.116	Сохранилась могила отца
Теодор	1863–?	ДМ	и мачехи
Греве		ФЗ; ЛФ G117.4.118	Сохранилась могила
Николай Романович*	1853–1913	ДМ; Ницца. Кладб. Кокад	родителей
Гримм		ФЗ; ЛФ G121.16.119;	Сохранилось фамильное
		ЛФ G122.9.119	захоронение, в т.ч. могилы
Герман Германович*	1905–1959	ДМ; Серафим. кладб. СПб	Давида Ивановича
Герман Давыдович	1865–1942	ДМ; блокада Ленинграда	Гримма (1823–1898)
Давид Давыдович*	1864–1941	ДМ; Рига	и Иоганна Антона Иоахима
Иван Давыдович	1891–1971	ДМ; Перт, Австралия	Гримма (1792–1846).
Константин Давыдович	1894–?	ДМ	В школе учились восемь
Макс Давыдович	1873–?	ДМ	представителей семьи
Оскар	?–?	ДМ	Гримм
Эрвин Давидович*	1870–1940	ДМ; Ленинград	
Юрий Оскарович	1895–?	ДМ	
Громме		ФЗ; ЛФ G130–G131.24.120–121	Сохранилось ФЗ, в т.ч. семьи
			брата дедушки Тильмана
Георгий Густавович	1889–?	ДМ	Громме (1795–1869)

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Гротен		ФЗ; ЛФ G137.89.121;	
Александр Константинович	*1889–1936*	*ЛФ L90.92.209*	*Подзахоронен к бабушке с дедушкой Линдес.*
Василий Максимилианович*	1890–1932	ДМ; Монреаль, Канада	В школе учились восемь представителей семьи Гротен. Сохранилась могила ученика ШМ Александра Константиновича Гротена
Георгий Максимович*	1884–1927	ДМ; Лодейное Поле	
Георг (Егор) Александрович	?–?	ДМ	
Константин Александрович	?–?	ДМ	
Макс Нестерович	?–	ДМ	
Николай Максимович	1889–?	ДМ	
Фридрих Александрович	?–?	ДМ	
Грубе		ФЗ; ЛФ G140–G142.92–93.122 и С 1.692	В школе учились девять представителей семьи Грубе. Сохранилась могила ученика Роберта Ивановича Грубе и могилы его старших братьев. С 1.692 — *ученик ШМ Роберт Иванович Грубе*
Алексей	1904–?	ДМ	
Вильгельм Гансович*	1855–1908	ДМ; Берлин	
Владимир Эдгарович	1905–?	ДМ	
Всеволод Артурович*	1903–1944	ДМ	
Лев Адольфович	1874–1930	ДМ	
Роберт Иванович	*1850–1907*	*ЛФ G142.92.122*	
Роберт Робертович	1883–1917	могила утрачена	
Эдгар Карлович	1874–?	ДМ	
Эрнст Карлович	1866–?	ДМ	
Гюнтер			
Вильгельм Оскар	1870–1898	могила утрачена	С 1.715

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Де-Ливрон		ФЗ; ЛФ L112–L113.3.212 и ЛФ L114.7.212	Сохранились могилы дедушки и бабушки Александра Карловича.
Мартин Борисович	1881–1926	ДМ; США	
Александр Карлович	1886–1906	могила утрачена	С 2.25,660
Ивон		ФЗ; ЛФ Y2–Y3.67.401	Большое фамильное захоронение на уч. 67 (частично уничтожено)
Альфред	1851–?	ДМ	
Рене	1880–?	ДМ	
Эдуард	*1858–?*	*ЛФ Y2.67.401*	
Кеттли		ФЗ; ЛФ С11–С13.6.62–63	Сохранились могилы родственников.
Альфред Яковлевич*	1845–1900	могила утрачена.	С 2.582 — как Кэттли
Освальд Яковлевич*	1850–1922	ДМ; США	
Кинг		ФЗ; ЛФ К72.20.173	Сохранилась могила родителей, брата и сестры братьев Робертовичей
Александр Робертович*	1851–?	ДМ	
Карл Васильевич*	1853–1907	могила утрачена	С 2.369
Роберт Робертович*	1846–?	ДМ	
Кистер		ФЗ; ЛФ К250.92.195	*Сохранилась общая могила учеников Вильгельма (1862–1923) и Николая (1888–1914) Кистеров (отца и сына)*
Василий Васильевич*	1890 – ?	ДМ	
*Вильгельм**	*1862–1923*	*ЛФ К250.92.195 — сохран.*	
*Николай**	*1888–1914*	*ЛФ К250.92.195 — сохран.*	

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Кноп		ФЗ; ЛФ K110.3.177	С 2.400–401 — сохранилась
Август Эдуардович	?–?	ДМ	могила родителей учеников
Эдуард Эдуардович	1847–?	ДМ	ШМ
Ланге		ФЗ; ЛФ L23–L25.58.200	Сохранились могилы деда
Николай Модестович*	1890–?	ДМ	и прадеда
Лауниц		ФЗ – утрачено	С 2.617–618
Константин Карлович*	1848–1902	могила утрачена	
Лерхе		ФЗ – утрачено	
Франц*	1850–1902	могила утрачена	С 2.655
Лессиг		ФЗ — утрачено	С 2.656–657 — могилы деда,
Карл Дмитриевич*	1847–1911	ДМ; Ченстохов, Польша	отца, дяди утрачены
Линдес		ФЗ; ЛФ L90.92.209	Могилы сохранились.
*Эдуард Эдуардович**	*1860–1908*	*ЛФ L89.93.209*	*Похоронен на уч. 93 рядом с ФЗ с родителями на уч. 92*
Люгебиль			*Один из первых педагогов*
*Карл Якимович**	*1830–1887*	*ЛФ L144.20.217; С 2.719*	*ШМ, соратник К. Мая. Преподавал историю, лат.*
		могилы сохранились	*и греч. языки и его жена — учительница пригот. классов*
Софья Андреевна	*1824–1914*	*ЛФ L144.20.217*	*ШМ*
Лютке (Литке)			
Александр	1868–?	ДМ	
Николай	1865–1880	ДМ	
Сергей	1905–?	ДМ	
Фридрих	*1866–1912*	*ЛФ L157.2.218 — могила сохранилась*	

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Мазинг Александр Робертович* Роберт-Людвиг Александрович	 1877–? 1906–?	ФЗ; ЛФ М41.66.224 и ЛФ М43.66.224 ДМ ДМ	С 3.5. Сохранилось большое ФЗ семьи Мазинг. Часть могил утрачена
Май **Карл Иванович** — основатель и первый директор школы*	1820–1895	ЛФ — Уч.71; С 3.7. Был похоронен в могилу к матери Марии Май (ур. Гелениус, 1800–1854)	Могила утрачена при частичном сносе кладбища. Кенотаф установлен на уч. 71 по плану ЛФ
Сестры К.И. Мая (ур. Май): *Рейсс Софья Ивановна — учит. начальных классов* *Рейсс Эмилия Ивановна — учит. начальных классов* Родде Анна Ивановна — учит. начальных классов	 *1832–1873* *1829–1904* 1824–1897	ФЗ; ЛФ R65.90.292 *могила сохранилась* *могила сохранилась* могила утрачена	*С 3.577* *вместе с сестрой и мужем* *вместе с сестрой и мужем* С 3.596
Супруги К.И. Мая: Май Анна Николаевна (ур. Геймбюргер) — учит. нач. классов Май Агнесса Альбертовна (ур. Кемпе) — учит. нач. классов	1837–1863 1845–1928	могила утрачена ДМ; Штейнау на Одере (Steinau/Oder, Пруссия) — ныне Сьцинава, Польша	С 3.7 Первый брак К.И. Мая Второй брак К.И. Мая

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Маркворд *Альфред Викторович*	*1872–1903*	*ЛФ М31.15.222.*	*могила сохранилась*
Минлос *Роберт Эдуардович** *Эдуард Эдуардович**	*1848–1911* 1846–?	*ЛФ М104.69.233* ДМ; уехал в США	*могила сохранилась*
Молво *Герман Германович* *Фёдор Германович*	*1857–1937* *1874–1933*	*ЛФ М124.61.235* *ЛФ М123.3.235* *ЛФ М123.3.235*	*Сохранились могилы родителей на уч. 61 и могила братьев на уч. 3.* *В ШМ учились пять представителей семейства Молво*
Небо Макс Богданович* *Роберт Федорович** Эдгар Богданович*	1881–1966 *1845–1911* 1874–1942	ФЗ; ЛФ N2–N4.24.243 ДМ *ЛФ N4.24.243 — сохранилась* ДМ	Сохранились могилы деда, бабушки N–2 и отца N–3 учеников ШМ — Макса и Эдгара Небо. В школе учились пять членов семейства Небо
Нидермюллер *Георг-Теодор, фон*	*1886–1895*	*ЛФ К87.26.174*	*Могила сохранилась*
Ниссен Николай Андреевич*	1859–1918	ФЗ; ЛФ N51–N52.65.249 и ЛФ N54.65.250 могила утрачена	Сохранились могилы родителей на семейном участке Ниссенов
Обермиллер *Евгений Александрович** Александр Александрович*	*1863–1916* 1862–1937	*ФЗ; ЛФ О2.5.253* *ЛФ О2.5.253 — сохранилась* ДМ; расстрелян	*ФЗ — сохранилось с родителями и другими членами семьи*

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Оль Андрей Андреевич* Василий Васильевич Иван Андреевич* Павел Пауль	 1883–1958 1873–? 1885–1943 1903–? ?–?	ФЗ; ЛФ О10.3.254 СПб, Волковское кладб. ДМ ДМ; Казань ДМ ДМ	Сохранилось большое ФЗ семьи Оль: дедушка, бабушка, отец и другие члены семьи учеников ШМ Андрея и Ивана
Отто *Эмиль Христиан Даниель**	*1824–1890*	*ЛФО39.56.258 — сохранилась*	*Учитель ШМ. Директор Школы церковной общины Св. Екатерины*
Паллизен Николай Робертович* *Роберт Андрэ Иванович** Роман (Роберт) Робертович	 1898–? *1855–1907* 1890–1927	ФЗ; ЛФ Р19–Р20.63.261 ДМ *ЛФ Р19.63.261 — вместе с отцом и женой* ДМ; Детройт, США	*Сохранилось большое фамильное захоронение — три поколения*
Парланд *Георгий Андреевич* Генрих Андреевич Освальд Андреевич	 1890–1911 1873–1939 1876–1956	ФЗ; ЛФ Р33–Р36.34.263 *ЛФ Р36.34.263.* ДМ ДМ	ФЗ сохранилось. В школе учились три представителя семьи Парланд
Паульсон *Иосиф Иванович**	*1825–1898*	*ЛФ Р50.16.265*	*Могила сохранилась* *Учитель рус. языка в ШМ*
Петерка *Георгий Александрович** Виктор Александрович*	*1849–1909* 1853–?	*ЛФ Р77.104.268* ДМ (Москва?)	*Могила сохранилась*

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Петрашень		*ФЗ; ЛФ Р90.34.270*	*Вместе с женой Джесси Андреевной (1878–1942)*
Иван Васильевич	*1875–1937*	*ЛФ Р90.34.270 — могила сохранилась*	*В школе учились четыре представителя семейства Петрашень*
Постельс		ФЗ; С 3.485 – утрачено	Сохранилась могила Эмиля Постельса (1795–1851) — ЛФ Р149.38.278
Фёдор Александрович	1832–1894	С 3.485 — могила утрачена	Учитель ШМ. Математика
Фридрих Фридрихович*	1873–1960	ДМ; Нью-Йорк, США	Ученик ШМ
Радлов		*ФЗ; ЛФ R7.27.285*	*Сохранилось семейное захоронение отца, матери, сына, сестры ученика ШМ*
*Александр Васильевич**	*1871–1919?*	*ЛФ R7.27.285 — сохранилась*	
Рейсс		ФЗ; ЛФ R65.90.292	Сохранилась могила отца, матери и тёти-мачехи – сестёр Карла Мая
Доп. см. «Сёстры К. Мая»			
Карл Фридрихович	1860–1902	могила утрачена	С 3.577 (Реус!)
Фридрих Фридрихович	1868–?	ДМ	Племянники Карла Мая
Эмануил Фридрихович	1873–1901	ДМ; Берлин	
Римский–Корсаков		ЛФ R78.55.294	Сохранилась могила жены Марии Григорьевны, ур. Бутаковой (1866–1942).
Петр Воинович*	1861–1927	ДМ; СПб	В школе учились одиннадцать представителей семейства Римских-Корсаковых
Савич			
Михаил Алексеевич	*1852–1907*	*ЛФ S45.85.307 — могила сохранилась*	*Вместе с женой*

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Саковский Карл Карлович, ст.* Карл Карлович, мл.*	 1853–1920 1879–?	ФЗ; ЛФ S12.51.303 ДМ ДМ	Сохранилась могила родителей Саковского–старшего
Саломе *Артур Робертович*	 *1881–1908*	ФЗ; ЛФ S16–S17.29.304 *ЛФ S16.29.304 — могила сохранилась*	Сохранились могилы родителей и деда
Сеземаны Георгий Егорович Оскар Егорович Франц Егорович	 1849–? 1851–1871 1846–?	ФЗ; ЛФ S217.25.333; ЛФ S216.10.333 ДМ ДМ ДМ	
Семеновы (Тян–Шанские)		ФЗ; ЛФ S209.34.332; ЛФ P33.34.263 — большое семейное захоронение Парландов, Петрашеней и Семёновых-Тян-Шанских	В ШМ учились 9 представителей семьи Семёновых-Тян-Шанских. Сохранившихся могил бывших учеников ШМ не обнаружено.
Серк *Аксель Георг Петер** Оскар Оскарович* Оскар Якоб Конрад* Петер–Эмиль* *Юлий Петрович** Семен Федор Георгий Владимирович Грабовецкий*	 *1856–1936* 1890–1970 1847–1897 1861–1891 *1849–1919* ?–? ?–? 1922–2013	ФЗ – утрачено; *ЛФ S214.42.333.* ДМ могила утрачена могила утрачена *ЛФ L25.58.200 — вместе с родител. жены (ур. Ланге)* ДМ ДМ ДМ; Новосибирск	В школе учились восемь представителей семьи Серк

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Сим Бруно Павлович Отто Павлович*	 1888–? 1891–1929	ФЗ; ЛФ S233.39.336 ДМ ДМ; Бухарест	Сохранилась могила родителей и сестры
Тидеман *Рейнгольд Германович*	 *1866–1918*	*ФЗ; ЛФ T49.63.365* *ЛФ T49.63.365*	*Сохранилась общая могила родителей, сестры, брата и Рейнгольда*
Тоттин Альберт Альбертович Георгий Альбертович Эмилий Альбертович	 1852–1918 1892–? 1854–?	ФЗ – утрачено ДМ ДМ ДМ	С 4.281 — утрачена могила дедушки, бабушки, дяди
Трейман Сергей	 ? – ?	ФЗ; ЛФ T93.45.370 ДМ	Сохранилось большое семейное захоронение Трейманов
Тутенберг Бруно Андреевич* Георгий Альфредович* Елена Адольфовна*	1887– 1968(73?) 1905–? 1903–?	ФЗ — утрачено ДМ; Магдебург, ГДР ДМ ДМ	С 4.310 — утрачена могила отца и братьев; С 4.310 — утрачена могила деда и дядей
Ульман Александр Эдуардович Карл Оттонович* Людвиг Оттонович* Отто Оттонович*	 1902–? 1855–1931 1856–1921 1853–1930	ФЗ; ЛФ U4.3.375 ДМ ДМ; Гамбург, Германия ДМ; Финляндия ДМ; Таллинн	Сохранилась могила отца, матери и мачехи братьев Оттоновичей
Уткин *Леонид Георгиевич* *	 *1921–1944*	 *ЛФ U13.4.376*	*Выпускник 6САШ.* *Могила сохранилась*
Фальке Михаил Морицович*	 1863–?	ФЗ; ЛФ F1.46.90 ДМ	Сохранилась могила отца, деда и бабушки

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Фан-дер-Флит		ФЗ; ЛФ V1–V5.376–377	Сохранившихся могил бывших учеников и педагогов ШМ не обнаружено
Александр Федорович	? –?	ДМ	
Владимир Петрович	1869–1899	ДМ	
Николай Федорович	1862–?	ДМ	
Елена Константиновна*	1914–1996	ДМ; СПб	
Вера Петровна (ур. Ивашева)*	1875–1966	ДМ; СПб	завуч; учит. рус. языка
Фасмер		ФЗ; ЛФ S62.80.309	Сохранилось ФЗ Шаубов – деда, бабушки, дяди и тёти учеников Фасмеров по материнской линии
Макс Ричардович*	1886–1962	ДМ; Берлин, Германия	
Ричард (Рихард) Ричардович*	1888–1938	ДМ; Узбекистан	
Форостовский		*ФЗ; ЛФ F51.17.98*	*Сохранилась могила учеников (вместе с матерью)*
Борис Павлович	*1892–1914*	*ЛФ F51.17.98*	
*Георгий Павлович**	*1889–1914*	*ЛФ F51.17.98*	
Фус		ФЗ; ЛФ F86.44.103	ФЗ сохранилось. В т.ч. могилы отца Владимира Павловича (1840–1891) и деда Павла Николаевича (1798–1855)
Дмитрий Владимирович*	1866–1944	ДМ; Берлин, Германия	
Шамо		ФЗ	Сохранились могилы родителей ЛФ С23.77.64
Георг	1847–?	ДМ;	
*Франц Егорович**	*1845–1913*	*ЛФ С22.77.63 — сохранилась*	
Шауб		ФЗ; ЛФ S62.80.309	Сохранилось ФЗ семьи Шауб. Дед, бабушка, отец, дяди и тети учеников
Анатолий Вильгельмович*	1896–1942	ДМ; Ленинград	
Вильгельм Вильгельмович	1890–1941	ДМ; Ростов-на-Дону	
Шварцгоф		*ФЗ; ЛФ S177.64.327*	*Сохранилась ОДНА общая могила родителей, жены и др. родственников ученика ШМ*
*Фридрих Карлович**	*1864–1916*	*ЛФ S177.64.327 – могила сохранилась*	

Ф. И. О.	Годы жизни	Координаты захоронения и состояние на 2018 г.	Примечание
Шеньян		ФЗ; ЛФ S134–S137.5.320	Большое ФЗ семьи Шеньян
Борис Владимирович	1890–?	ДМ	
Владимир Владимирович	1886–1913	ДМ	
Николай Владимирович	1892–?	ДМ	
Шильдкнехт		*ФЗ; ЛФ S82–S85.54'.312*	*Сохранились могилы трех поколений*
Николай Александрович	*1857–1918*	*ЛФ S84.54'.312 — сохран.*	
Александр Александрович*	1892–1918	ДМ	
Шлиссер		ФЗ; ЛФ S102–S104.4.315–316	ФЗ — С 4.560 — Шлюссер Сохранилось ФЗ семьи Шлиссер — могилы деда, бабушки и дяди старшего поколения учеников.
Андрей Федорович	1894–1905	ДМ; СПб	
Артур Федорович*	1871–1919	ДМ	
Вильгельм Федорович	1864–1919	ДМ	
Владимир Федорович*	1897–1943	ДМ; дер. Нивки, Новгор. обл	
Дагмара Артуровна*	1903–1977	ДМ; Свердловская обл.	В гимназии учились восемь представителей семьи Шлиссер
Николай Федорович	1891–1960	ДМ; Париж	
Павел Федорович	1900–1950	ДМ; Франкфурт-на-Майне	
Фридрих Федорович	1860–1912	ДМ; СПб.	
Шпергазе		ЛФ S11.15.303	*Могила Э.П. Шаффе — приемная мать Л. Шпергазе*
*Лев Иванович**	*1874–1927*	*ЛФ S315.15.346 — могила сохранилась*	
Эбербах		ФЗ; ЛФ E3.89.84	ФЗ; ЛФ H104.18.141 — сохранилось ФЗ семейства бабушки и дедушки Гецель
Оскар Карлович*	1864–?	ДМ	
Эйхгольц		ФЗ; ЛФ E16.60.85	Сохранилась могила дедушки и бабушки
Евгений Александрович	1898–?	ДМ	

Не следует сводить проделанную работу к простому сопоставлению списков учеников и педагогов школы с перечнем захоронений, зафиксированным в трудах В.И. Саитова и Р. Лейнонена. В процессе работы зачастую приходилось проводить целые исследования, связанные с трудностями транслитерации, неполнотой сведений о датах жизни персонажей и другими спорными ситуациями.

В результате проделанной работы нами выявлены 7 сохранившихся захоронений педагогов, 37 сохранившихся захоронений бывших учеников школы, 53 фамильных захоронения семей, тесно связанных с историей школы, в том числе семейные могилы Будбергов, Амбургеров, Готов, Гриммов, Парландов, Шаубов, Фан-дер-Флитов, Фасмеров и др.

Из приведенного списка захоронений, безусловно, самыми важными для истории школы К. Мая являются могилы, связанные с семьей первого директора школы. Это места упокоения трех родных сестер Карла Мая, которые служили учителями начальных классов в гимназии[18]:

— Анна Ивановна Род(д)е (урожд. Май, 02.09.1824–14.04.1897);

— Эмилия Ивановна Рейсс (урожд. Май, 26.02.1829–05.06.1904);

— София Ивановна Рейсс (урожд. Май, 20.05.1832–01.02.1873).

Кстати, по известным причинам в 1856 г. школа была открыта не на имя прусского подданного Карла Мая, а на имя его сестры, российской подданной Эмилии Май.

На Смоленском кладбище была упокоена и первая жена Карла Мая, Анна Николаевна Геймбюргер (14.07.1837–12.08.1863)[19], которая умерла вскоре после родов единственной дочери Карла Мая, Анны Карловны Май (17.06.1863–22.09.1922).

К сожалению, могилы Карла Мая и его первой жены не сохранились.

В 2010 г. стараниями Музея истории и Общества друзей школы К. Мая был воссоздан памятник основателю школы, который теперь располагается в конце главной аллеи кладбища.

Рис. 2. Кенотаф Карла Мая

Хорошо сохранились могилы сподвижников К.И. Мая — супругов Люгебилей. Близкий друг Карла Мая, Карл Люгебиль, в 1858–1859 гг. преподавал в гимназии древнюю историю и древние языки. Одновременно с этим он вел уроки в Училище правоведения и состоял помощником хранителя древностей в Императорском Эрмитаже. Его супруга, Софья Андреевна, вела уроки в младших классах гимназии. В 1862 г. супруги Люгебиль открыли первый в России детский сад. В период с 1869 по 1875 г. доктор Люгебиль был командирован в Германию, Францию, Италию и Грецию для работы в библиотеках, изучения различных музеев[20] и проведения палеографических исследований[21]. В 1872 г. подавляющим большинством голосов был избран профессором историко-филологического факультета С.-Петербургского университета[22]. 8 января 1882 г. Карл Якимович Люгебиль был удостоен звания действительного статского советника. Профессор Люгебиль скончался в Санкт-Петербурге 28 декабря 1887 г. и был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище вместе с женой Софией.

Сохранилась могила сподвижника Карла Мая — преподавателя древних языков Эмиля Отто. Уроженец Западной Пруссии получил образование в Германии. После окончания Берлинского университет-

Рис. 3. Надгробие на могиле педагогов Люгебилей

Рис. 4. Надгробный памятник на могиле преподавателя древних языков Эмиля Отто

ского курса работал в России домашним учителем. С 1860 по 1870 г. преподавал классические языки в гимназии Мая. С 1870 по 1890 г. являлся директором другой немецкой школы — училища Св. Екатерины (Катариненшуле). Педагог Э.Х. Отто оставил значительный след в воспоминаниях бывших учеников гимназии К. Мая. Как вспоминал выпускник гимназии 1872 г. Д.П. Семёнов (1854–1917)[23]: «Отто настолько умел внушить ученикам повиновение, что его боялись больше, чем самого Карла Ивановича Мая. Во время уроков Отто царила всегда такая тишина, что можно было слышать, как муха пролетит. <...> Именно этот педагог, всегда серьезный, настойчивый и ровный, никогда, кажется, не выходивший из себя, по крайней мере в столкновениях с учениками, был главным помощником заведующего, исполняя обязанности инспектора, должности которого тогда не существовало. Он являлся одним из главных помощников Карла Ивановича». Э.Х. Отто скончался 21 января 1890 г. в Петербурге. Похоронен на Смоленском лютеранском кладбище. На памятнике «бывшему директору школы» запечатлена глубоко символичная надпись: «DANKBAREN SCHULER / Благодарные ученики».

В центральной части кладбища находится скромная могила одного из первых учителей пения, органиста церкви Св. Екатерины Фридриха Беца. Надгробие Фридриха Беца также содержит трогательную надпись со словами благодарности от учеников.

Рис. 5. Надгробие на могиле учителя пения Фридриха Беца

Последняя из семи обнаруженных нами могил педагогов принадлежит Иосифу Ивановичу Паульсону — специалисту в области начального обучения. Он родился в Петербурге в семье выходцев из Швеции. Учился сначала в шведской лютеранской школе при церкви Св. Екатерины, затем в Главном немецком училище Св. Петра (Петришуле). В 1851 г. экстерном сдал экзамен в Санкт-Петербургском университете на звание домашнего учителя и вскоре приобрел большую известность как педагог. По своим педагогическим принципам был близок Карлу Маю. Хронологически стал одним из первых преподавателей в гимназии К. Мая. Иосиф Иванович — один из основателей и редактор журнала «Учитель» (1861–1870), который сыграл большую роль в развитии народного образования в России[24]. В 1859 г. стал одним из организаторов Педагогического общества в С.-Петербурге и его первым секретарем. Паульсон скончался в местечке Оспедалетти под Ниццей 21 марта 1898 г., но по завещанию его прах был перевезен в С.-Петербург и похоронен на Смоленском лютеранском кладбище.

Подробно рассказать обо всех захоронениях бывших учеников школы Мая не представляется возможным. Остановимся на нескольких наиболее важных, с нашей точки зрения, объектах.

Сохранилась могила одного из первых учеников школы — коммерции советника Юлиуса Амбургера, который скончался в Италии, но по его волеизъявлению останки были перевезены в Петербург и захоронены на Смоленском кладбище. Внучатый племянник Юлиуса Амбургера, великий труженик и подвижник Эрик Амбургер (1907–2001), стал собирателем непревзойденной картотеки персоналий «Иностранцы в дореволюционной России» (“Ausländer im vorrevolutionären Russland”), включавшей к концу его долгой и плодотворной жизни информацию почти о двухстах пятидесяти тысячах лиц и поколенные росписи около трех тысяч родов. К этому труду нам неоднократно приходилось обращаться в процессе работы над статьей.

В течение многих лет мы собираем информацию о фамильной истории семьи Шлиссер, восемь представителей которой учились «у Мая». На Смоленском кладбище сохранилась могила семейного патриарха, Фридриха Шлиссера, и его жены, Доротеи Элизабет Шлиссер. В 1784 г. первым из семьи негоциантов он пересек границу Российской империи и уже в 1799 г. был принят в I гильдию Санкт-Петербургского купечества. Благодаря многолетней работе мы полностью восстановили генеалогию российской ветви рода[25]. Успешные предприниматели и негоцианты, врачи и инженеры на протяжении 130 лет связывали свою

Рис. 6. Фамильное захоронение семьи Шлиссер

жизнь с Россией и заслуженно получили право именоваться ее потомственными почетными гражданами. К сожалению, события 1917 г. привели к массовому исходу семьи Шлиссер за пределы их новой родины. Нам удалось найти потомков семьи в Австралии, Германии, России, Италии, Аргентине и Великобритании. Удивительно, но многие из них сохранили знание русского языка, православную веру и любовь к России.

На большом фамильном участке захоронений Парландов, кроме могилы бывшего ученика школы Георгия Андреевича Парланда, трагически погибшего в 1911 г., находится захоронение Ивана Васильевича Петрашеня,

Рис. 7. Фамильное захоронение семьи Петрашень

автора замечательных мемуарных записок о гимназии. В школе Мая в разное время учились три представителя семьи Парланд и четыре члена семьи Петрашень[26].

Одноклассник Ивана Петрашеня, выдающийся инженер-электротехник, директор «Русского акционерного общества Л.М. Эриксон и К°», депутат Городской думы созыва 1913–1917 гг. Лев Иванович Шпергазе[27] похоронен вместе со своей приемной матерью, основательницей и первым директором знаменитой Женской гимназии Э. Шаффе. Гимназию К. Мая Лев Иванович окончил в 1894 г. В том же году был зачислен в Электротехнический институт императора Александра III — первое в России высшее учебное заведение, в котором готовили специалистов по электросвязи — телеграфии и телефонии. По окончании института Лев Иванович был оставлен при институте. Организаторские и инженерные качества Л.И. Шпергазе особенно проявились в его работе на заводе «Л.М. Эриксон и К°», построенном в 1898 г. шведским предпринимателем Л.М. Эриксоном на 20-й линии Васильевского острова. Работая с 1900 г. инженером, а затем и управляющим на фабрике, Л.И. Шпергазе сделал его самым крупным телефонным предприятием в России. Лев Иванович похоронен в фамильном склепе на Смоленском лютеранском кладбище.

К сожалению, практически полностью утрачено семейное захоронение немецко-норвежского рода Серков, восемь представителей которого учились в гимназии К. Мая[28]. К старшему поколению учеников принадлежали прокурист и председатель Общества любителей волапюка в Петербурге Оскар Петрович Серк; один из основоположников российской школы врачей-педиатров, доктор медицины Юлий Петрович Серк; директор фабрики «Треугольник» инженер Аксель Петрович Серк и коммерсант Петер-Эмиль Петрович Серк. Из второго поколения Серков гимназию К. Мая посещал будущий инженер-строитель и педагог Оскар-Вильгельм Оскарович Серк. В 1937 г. в стенах уже советской школы учился будущий доктор технических наук Георгий Владимирович Грабовецкий (ур. Серк). На кладбище сохранились только две могилы представителей старшего поколения учеников — Акселя и Юлия Петровичей Серк.

В большом сохранившемся семейном захоронении Готов покоится выпускник гимназии К. Мая, купец 1-й гильдии Вильгельм Васильевич Гот. Семейство Гот было связано тесными родственными связями с многими семьями, дети которых учились в гимназии Мая, таких как Небо, Штейнеры, Бароты, Банги и Кольбе.

Из девяти представителей семейства Грубе, учившихся в гимназии Мая, особо следует выделить выдающегося ученого-востоковеда, доктора филологии Вильгельма Гансовича Грубе[29]. Выходец из большого купеческого семейства избрал научное поприще и стал специалистом с мировым именем. В отличие от Вильгельма, его старший брат, Роберт Иванович Грубе, после окончания школы Мая стал маклером. Его сын, Роберт Робертович Грубе, окончил гимназию К. Мая с золотой медалью и поступил в Берлинский университет, а закончил учебу в университете Лейпцига. После возвращения в Петербург стал совладельцем банкирского дома «Грубе, Небо и К°». Его двоюродные братья, Эдгар и Эрнст Грубе, после окончания школы Карла Мая стали банкирами. Еще один выпусник гимназии Карла Мая, Лев Адольфович Грубе, получил высшее философское образование и стал директором мануфактуры.

Фамильное захоронение семьи Гримм украшает величественная стелла с барельефом известного архитектора Давида Ивановича Гримма (1823–1898). Все его сыновья — представители ***пятого*** поколения семьи Гримм в России — учились у Мая и стали видными деятелями науки, архитектуры и государственной службы. Доктор римского права, профессор, сенатор Давид Давидович Гримм возглавлял

Рис. 8. Фамильное захоронение семьи Гримм

Петербургский университет в 1910–1911 гг.; доктор исторических наук, профессор Эрвин Давидович Гримм был ректором университета в 1911–1918 гг.; академик архитектуры, профессор Герман Давидович Гримм стал автором ряда известных построек в Петербурге; биолог Максимилиан Давидович Гримм заведовал агрономическим отделением Химико-бактериологического института Блументаля. В школе Мая учились и представители шестого поколения семьи Гримм в России — Иван, Константин и Герман Гриммы. К сожалению, только один из них, Герман Германович Гримм, прожил относительно долгую и плодотворную жизнь в России.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в гимназии Карла Мая с 1894 по 1903 г. учился один из сыновей смотрителя Смоленского лютеранского кладбища, Бруно Андреевич Тутенберг, в будущем директор-распорядитель завода «Карл Винклер», а после 1917 г. — переводчик в Магдебурге (Германия). Его отец, уроженец Ганновера Генрих Васильевич Тутенберг (20.02.1834–28.05.1902), до кончины проживал в доме смотрителя Смоленского лютеранского кладбища по адресу: набережная реки Смоленки, 27, и был захоронен на кладбище вместе со своими двумя сыновьями в исчезнувшем ныне семейном захоронении. Позже в гимназии Мая учились племянники Бруно Андреевича Тутенберга — Елена Адольфовна и Георгий Альфредович Тутенберги, внуки смотрителя Смоленского лютеранского кладбища.

Хотя наша статья посвящена истории немецкой диаспоры Петербурга, мы не можем оставить без внимания одну уникальную могилу советского времени. Это могила выпускника Шестой специальной артиллерийской школы (6 САШ)[30], гвардии капитана Леонида Георгиевича Уткина. У читателей может вызвать удивление наш интерес к герою последней войны. Следует пояснить, что 6 САШ в 1937–1944 гг. располагалась в историческом здании гимназии Карла Мая, и хотя мы преимущественно занимаемся дореволюционным периодом истории школы, но сознательно делаем исключение для военного периода. К числу спецшкольников принадлежит и Леонид Уткин. После начала Великой Отечественной войны он защищал родной город, был награжден медалью «За оборону Ленинграда». Погиб от снайперской пули 18 февраля 1944 г. в боях под Нарвой[31]. Его останки с разрешения командующего Ленинградским фронтом Л.А. Говорова были перенесены в Ленинград и захоронены на Смоленском лютеранском кладбище. Могила сохранилась. Имя Леонида Уткина носил один из отрядов пионерской дружины нашей школы в 1960-х годах.

Рис. 9, 10. Состояние захоронений на Смоленском кладбище.
Фото 2017 г.

К великому сожалению, большинство захоронений на Смоленском кладбище находятся в печальном состоянии. Многие из них утрачены безвозвратно. И хотя в 2016 г. кладбищу придан статус мемориального, процесс разрушения продолжается. Из почти трех тысяч надгробий, зафиксированных Робертом Лейноненом в 1990 г., около пятидесяти на сегодняшний день можно считать утерянными. Вместе с тем проведенная нами в 2015 г. ревизия позволила обнаружить 151 новое надгробие и 83 подзахоронения в ранее существовавшие могилы.

Сохранность могил предков является священной обязанностью любой нации. Вклад немецкой диаспоры России в развитие отечественной культуры, науки, искусства, государства является неоспоримым. Две мировые войны нанесли существенный урон взаимоотношениям двух великих народов. Сейчас от нас зависит восстановление исторической справедливости, и одним из ключевых звеньев этого процесса является сохранение мемориальных мест немецкой диаспоры Санкт-Петербурга.

* * *

[1] Владимир Иванович Саитов (05.06.1849–29.01.1938) — русский библиограф и историк литературы, секретарь Императорского Русского исторического общества, автор четырехтомного труда о некрополях Санкт-Петербурга.

[2] *Саитов В.И.* (сост.), по поруч. Вел. кн. Николая Михайловича. Петербургский некрополь. Т. I (А–Г), т. II (Д–Л), т. III (М–Р), т. IV (С–Фита). СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 5 лин. В.О., д. 28, 1912–1913 (далее — В.И. Саитов...).

[3] Роберт Лейнонен (род. 01.08.1921, Петроград) в 1988–1991 гг. зафиксировал состояние Смоленского лютеранского кладбища, переписав сохранившиеся к тому времени надгробия.

[4] Эрика Фогт (род. 05.03.1935, Берлин) — совместно с Робертом Лейноненом подготовила и издала в 1998 г. двухтомный труд о немецком евангелическом Смоленском кладбище в Петербурге (см. след. ссылку).

[5] *Leinonen Robert, Voigt Erika.* Deutsche in St. Petersburg. Ein Blick auf den Deutschen evangelisch-lutherischen Smolenski-Friedhof und in die europäische Kulturgeschichte. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1998. (*Лейнонен Роберт, Фогт Эрика.* Немцы в С.-Петербурге. Смоленское лютеранское кладбище в истории культуры. Люнебург: Nordostdeutsches Kulturwerk, 1998).

[6] *Благово Н.В.* Школа на Васильевском острове. СПб., Анатолия, 2013. Ч. 1. (далее — Н.В. Благово...)

[7] *Синдаловский Н.А.* Словарь петербуржца: Более 3700 слов и выражений. СПб.: Норинт, 2002. С. 35.

[8] Клиника Отта (СПб., Менделеевская линия, д. 3) — госпиталь и повивальная школа, в котором готовили специалистов родовспомогательного искусства. Названа в честь российского акушера-гинеколога, доктора медицины Дмитрия Оскаровича Отта (11.02.1855–17.06.1929), возглавлявшего клинику 25 лет.

[9] Клиника Видемана (СПб., В.О., Большой пр., д. 49–51) — открыта на средства прихожан евангелических церквей 16 марта 1899 г. Директором с момента основания был доктор медицины К.Г. Видеман. С 1914 г. назывался «Александринский приют — родовспомогательный дом для лютеранок», позднее — «Александринский приют для женщин», после 1918 г. переименован в Родильный дом им. Видемана.

[10] Евангелическо-лютеранская церковь Св. Екатерины (СПб., В.О., Большой пр., д. 1) — община действует с 1728 г. Современное здание построено в 1768–1771 гг. архитектором Ю.М. Фельтеном. Перестроено в 1902–1903 гг. под руководством архитектора Л.Х. Маршнера. К 1917 г. в состав прихода входили богадельня для вдов, сиротский приют, училище для мальчиков на правах гимназии, женская гимназия, начальные школы для мальчиков и девочек. К этой общине принадлежало большинство немецких семей учеников школы К. Мая. В этой церкви служил отец основателя школы К.И. Мая.

[11] Евангелическо-лютеранский собор Св. Архангела Михаила (СПб., В.О., Средний пр., д. 18/32) — община действует с 1731 г. Современное здание построено в 1874–1876 гг. по проекту архитектора Р.Е. Бергмана и инженера К. Бульмеринга.

[12] Частная школа Германа Видемана (1817–1866) с преподаванием на немецком языке располагалась на Васильевском острове по адресу: 9-я линия, д. 46. Позднее была преобразована в гимназию и реальное училище.

[13] Гимназия Эмилии Шаффе (1827–1906) — одна из лучших петербургских женских гимназий. Располагалась на Васильевском острове по адресам: Большой проспект, д. 17 и 5-я линия, д. 16 (с 1907 г.). Осенью 1918 г. женская гимназия Э.П. Шаффе была объединена с мужской гимназией Карла Мая.

[14] Катариненшуле (Katharinenschule) — немецкое училище при евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины. К началу XX в. располагалось на Васильевском острове по адресу: Большой проспект, д. 55.

[15] РГИА. Ф. 1343. Оп. 43. Д. 783.

[16] Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков. М., 1999–2004.

[17] Жертвы политического террора в СССР. URL: http://lists.memo.ru/

[18] Н.В. Благово...

[19] В.И. Саитов... Т. III. С. 7.

[20] РГИА. Ф. 733. Оп. 120. Д. 571. 1872 г.

[21] РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 760. 1873 г. Л. 25, 38.

[22] РГИА. Ф. 733. Оп. 120. Д. 759. 1873 г. Л. 91–93.

[23] Пятидесятилетие школы К.И. Мая. 1856–1906. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. С. 109.

[24] *Жигулев А.* Терпение и труд все перетрут. К 150-летию со дня рождения выдающегося русского педагога И.И. Паульсона // Дальний Восток. 1975. № 8.

[25] *Валиев М.Т.* Шлиссеры — фамильная история // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. СПб., 2014. Вып. 8. С. 393–410.

[26] И.В. Петрашень и его семья: страницы прошлого / сост. Е.М. Ледовская. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2011.

[27] Лев Иванович Шпергазе. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3487; *Северинова В.П.* Лев Иванович Шпергазе // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2008. Вып. 4. С. 245–257.

[28] *Грабовецкая Н.Г.* Род Серков в Санкт-Петербурге и их потомки сегодня // Выходцы из Германии и их российские потомки: сб. материалов конф. СПб.: Президентская библиотека, 2015. С. 173–187.

[29] В.Г. Грубе (1855–1908) — крупный востоковед, китаист, ученый филолог и этнограф широкого профиля. Внес значительный вклад в синологию и тунгусо-маньчжуроведение, а также изучение чжурчжэньского, нанайского и нивхского языков.

[30] *Рожков В.Г.* Шестая (Первая) специальная артиллерийская школа. СПб., 2006.

[31] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 315; Оп. 682526. Д. 484. Запись 16072394.

Е.С. Соболева

ФЕОФИЛ ЕГОРОВИЧ МЕЙЕНДОРФ — ЧЛЕН ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО СОВЕТА МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Многие члены рода Мейендорф благоприятствовали академику В.В. Радлову в его научной и музейной карьере в России. Генерал от кавалерии Феофил Егорович Мейендорф уделял много внимания развитию российского спорта, распространению военных знаний, занимался благотворительной деятельностью. Вместе с супругой Еленой Павловной они покровительствовали младенцам-сиротам, ампутированным и увечным воинам. Когда Е.П. Мейендорф организовала в Санкт-Петербурге (1903–1904) международную научно-промышленную выставку «Детский мир», в ней были задействованы и экспонаты МАЭ. Барон Ф.Е. Мейендорф в 1910 г. был избран членом Попечительного совета при Музее антропологии и этнографии им. императора Петра Великого при Императорской Академии наук. Как генерал, состоящий при Особе Его Величества, Ф.Е. Мейендорф немало содействовал реализации планов развития и продвижению МАЭ.

Ключевые слова: барон Феофил (Богдан) Егорович Мейендорф, Попечительный совет, Музей антропологии и этнографии.

E.S. Soboleva

THEOPHIL EGOROVICH VON MEYENDORFF — MEMBER OF THE BOARD OF TRUSTEES OF THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Many members of the Meyendorff family favoured Academician W.W. Radloff in his scientific and museum career in Russia. The cavalry general Theophil Egorovich Meyendorff paid a lot of attention to the development of Russian sports, the dissemination of military knowledge, was engaged in charitable activities. Together with his wife Elena Pavlovna, they patronized orphaned babies, amputated and maimed soldiers. When E.P. Meyendorff organized in St. Petersburg in 1903–1904 the International scientific and industrial exhibition "Children's World", some MAE exhibits were involved in it. Baron Th.E. Meyendorff in 1910 was elected a member of the Board of Trustees of the Emperor Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography at the Imperial Academy of Sciences. As a general in the staff of His Majesty's Person, Th.E. Meyendorff contributed to the implementation of development plans and the promotion of the MAE.

Keywords: Baron Theophil (Bogdan) Freiherr von Meyendorff, Curatorium, Museum of Anthropology and Ethnography.

Мейендорфы (Майендорфы) — баронское семейство курляндских немцев, предположительно, ветвь старинного прибалтийского немецкого баронского рода Икскуль, получившего свою фамилию от одноименного замка в 25 км от Риги, на берегу Западной Двины. Род баронов Мейендорф внесен в дворянские матрикулы Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний. Баронский титул за дворянской фамилией фон Мейендорф был Высочайше утвержден 20 декабря 1865 г. мнением Государственного совета.

Барон Петр Казимирович Мейендорф (1796–1863), чрезвычайный посланник и полномочный министр, русский посланник в Пруссии (1839–1859), почетный член Петербургской академии наук (1856), обергофмейстер императорского двора, президент Кабинета Его Величества, оказал большую поддержку молодому немецкому ученому Фридриху Вильгельму Радлову, который в 1858 г. прибыл из Берлина в Санкт-Петербург для занятий восточными языками. Барон П.К. Мейендорф пригласил В.В. Радлова участвовать в научной экспедиции на Дальний Восток, которая не состоялась. Тогда П.К. Мейендорф предложил В.В. Радлову место учителя немецкого и латинского языков в высшем горном училище в г. Барнауле. Радлов сдал экзамен в Санкт-Петербургском университете на звание учителя немецкого языка в гимназии, 11 мая 1859 г. принял присягу на верность и подданство Российской империи и стал именоваться Василий Васильевич, а 14 мая 1859 г. получил назначение в Барнаул[1]. Он жил и работал на Алтае до 1871 г. В конце 1883 г. семья Радловых переехала в Санкт-Петербург. В.В. Радлов был избран ординарным академиком Императорской Академии наук по части истории и древностей азиатских народов 7 ноября 1884 г., директором Азиатского музея (1885–1890), затем — директором Музея антропологии и этнографии им. императора Петра Великого (1894–1918) (далее — МАЭ) Императорской Академии наук.

После смерти первого покровителя В.В. Радлова поддерживали другие члены рода Мейендорф. Значительную помощь МАЭ оказали барон Феофил Егорович Мейендорф и его жена Елена Павловна. Она в 1907 г. (МАЭ № 1187) и 1910 г. (МАЭ № 1825) передала в дар МАЭ две китайские коллекции. Очевидно, их привезла Анна Федоровна, дочь генерал-лейтенанта Федора Егоровича Мейендорфа (1842–1911)[2]. Другая его дочь, баронесса Мария Федоровна Мейендорф, в 1911 г. «зарисовывала орнаменты в отделе Океании»[3].

Феофил (Богдан) Егорович Мейендорф (Bogdan Theophil Freiherr von Meyendorff) (4 августа 1838 — 18 октября 1919), воспитанник Паже-

ского Его Императорского Величества корпуса, начал службу в 1856 г. корнетом в лейб-гвардии конного полка. Участвовал в Кавказской войне в 1860, 1862, 1864 гг., в подавлении абхазского восстания в 1866 г., в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Генерал от кавалерии (1898). Неоднократно награждался высшими российскими и зарубежными орденами, золотым оружием. Генерал-адъютант Его Императорского Величества полка (1902), с 1905 г. назначен состоять при Особе Его Императорского Величества императоре Николае II[4]. Со второй половины 1880-х годов он дирижировал императорскими балами. Граф С.Д. Шереметев писал, что распорядитель, «конечно, добрый малый, но с ухарскими замашками, не вполне подходящими, кричит он и командует, как в казарме»[5]. Граф А.А. Игнатьев встречался с ним в 1905 г. на японском фронте и так его характеризовал: «Высокий худощавый старик, любезный, воспитанный и приятный в обращении, он когда-то отличился в Русско-турецкую войну. Но это был недалекий человек. В Петербурге он вызывал к себе симпатию, главным образом как хороший семьянин»[6].

Современники высоко ценили личные качества Ф.Е. Мейендорфа как честнейшего, почтеннейшего и прекраснейшего человека, но «ограниченных способностей». Ф.Е. Мейендорф вместе с супругой участвовал в работе разных общественных организаций, поддерживал деятельность многих благотворительных учреждений.

Елена Павловна, урожденная графиня Шувалова (8 июня 1857 — 18 января 1943), супруга (с 1877 г.) Феофила Егоровича, отличалась жизнерадостным и энергичным характером. В семье родилось 13 детей. Четыре дочери получили звание фрейлин императрицы Александры Федоровны, супруги Николая II.

Баронесса Е.П. Мейендорф была весьма состоятельна. В 1880–1890-е годы она владела участком по адресу: Невский пр. 56/8; в 1898 г. участок был продан купцу Елисееву. Генерал от кавалерии барон Ф.Е. Мейендорф приобрел участок на мысе в Уч-Дере в районе Сочи; это была первая дачная территория для царских сановников.

22 января 1903 г. в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге состоялся знаменитый костюмированный бал в честь 290-летия правления дома Романовых. Для всех гостей были сшиты роскошные костюмы «допетровских времен». Ф.Е. Мейендорф был одет в костюм воеводы Большого полка войск князя Пожарского, Е.П. Мейендорф — в костюм боярыни XVII в. Их фотографии в этих костюмах вошли в альбом[7].

Е.П. Мейендорф была председателем комитета Международной научно-промышленной выставки «Детский мир» в Санкт-Петербурге в 1903–1904 гг.

21 декабря 1902 г. государь император согласился на переименование МАЭ и Высочайше соизволил именовать Музей антропологии и этнографии им. императора Петра Великого[8]. Музей находился в процессе реорганизации. Его малочисленный персонал был перегружен текущей музейной и научной работой: после ремонта здания (Таможенный пер., 1) нужно было установить в залах новую выставочную мебель, создать новые экспозиции, издать путеводитель к открытию МАЭ в январе 1904 г. Тем не менее руководство МАЭ согласилось на просьбу барона Мейендорфа принять участие в выставке «Детский мир», и Конференция ИАН 5 ноября 1903 г. разрешила «выдать баронессе Елене Павловне Мейендорф те предметы, которые необходимы для пополнения устроенной ею выставки “Детский мир”, не нарушая, однако, выставки самого Музея». Младший этнограф МАЭ Б.А. Адлер 1 декабря 1903 г. получил эти предметы для экспонирования[9].

На этой выставке педиатр профессор Н.П. Гундобин представил статистику высокой детской смертности в России. 18 января 1904 г. в Санкт-Петербурге было учреждено собрание «Союз для борьбы с детскою смертностью в России» (1904–1917). В состав Совета Союза было избрано 39 членов, в том числе баронесса Е.П. Мейендорф и барон генерал-адъютант Ф.Е. Мейендорф. Правление размещалось по адресу: Галерная ул., 7 (в помещении Русского паровозостроительного общества), позже — на Садовой ул., 50[10]. На средства Союза в разных районах города были открыты амбулатории, пункты раздачи молока, загородные ясли, содержались дети, отданные на вскармливание Воспитательным домом.

Баронесса Е.П. Мейендорф написала несколько рассказов для детей: «Вверх по матушке по Волге»[11] и «Турчаночка Кэиш»[12].

Один из последних больших императорских балов в Зимнем дворце состоялся за 9 дней до начала Русско-японской войны. На ужине 19 января (1 февраля по н. ст.) 1904 г. в Гербовом зале за императорский стол был приглашен генерал от кавалерии барон Ф.Е. Мейендорф[13].

После возвращения с Дальнего Востока Ф.Е. Мейендорф 19 декабря 1905 г. был удостоен звания генерала, состоящего при Особе Его Величества. Ф.Е. Мейендорф стал председателем Комитета попечи-

тельства о взаимопомощи детям офицеров 1-го армейского корпуса, которым он командовал в 1896–1905 гг. В 1906 г. он стал почетным председателем управления Мариинского приюта для ампутированных и увечных воинов, а затем председателем состоящей при Главном военно-санитарном управлении комиссии по снабжению воинских чинов протезами. Специальная государственная комиссия по снабжению искусственными конечностями нижних чинов, офицеров и чиновников Военного ведомства, получивших увечье во время войны или в мирное время в период действительной службы, была учреждена в 1883 г. Генеральным штабом. Средства для Мариинского приюта собирала графиня София Андреевна Бобринская посредством благотворительных балов и лотереи в доме Бобринских на Галерной улице, 58–60. Ее сын, Владимир Александрович Бобринский, погибший под Плевной в 1878 г., был похоронен в имении Вартемяки, принадлежавшем его дяде, графу Павлу Андреевичу Шувалову. Командиром его полка был Ф.Е. Мейендорф. Специальное здание для Мариинского приюта было построено на Б. Сампсониевском пр., 11, в 1902 г., второе — в его дворе после 1905 г. Приют находился на попечении Дамского попечительского комитета, его председателем стала Е.П. Мейендорф[14]. Приют послужил фундаментом для современного Санкт-Петербургского НИИ протезирования им. Г.А. Альбрехта.

С 1902 г. Ф.Е. Мейендорф был председателем Общества ревнителей военных знаний, действовавшего в Санкт-Петербурге в 1898–1914 гг. В 1907 г. в Обществе насчитывалось 2646 членов, в том числе 11 членов императорской фамилии.

Одновременно барон Ф.Е. Мейендорф был избран почетным председателем одного из крупнейших спортивных обществ Санкт-Петербурга — Общества телесного воспитания «Богатырь». 11 марта 1911 г. в Санкт-Петербурге представителями 34 спортивных лиг, обществ, клубов Санкт-Петербурга, Москвы, Риги, Одессы, Юрьева и других городов был создан Российский олимпийский комитет, организованный для подготовки российского участия в пятых Олимпийских играх в Стокгольме в 1912 г. Почетным председателем Российского олимпийского комитета был избран Ф.Е. Мейендорф[15].

Так же ответственно Ф.Е. Мейендорф отнесся к участию в делах МАЭ. После нескольких лет упорной работы В.В. Радлов как глава комиссии разработал проект Положения о попечительных советах при музеях и других научных учреждениях Академии[16]. 2 мая 1907 г. проект

был утвержден Общим собранием Императорской Академии наук, Историко-филологическое отделение разрешило Радлову приступить к организации Совета при МАЭ[17]. 21 февраля 1908 г. Николай II предоставил министру народного просвещения право утверждать положения о попечительных советах при музеях и других научных учреждениях ИАН, и тот утвердил положение 27 февраля 1908 г.[18] Председателем Попечительного совета назначался директор академического музея, в его состав входил представитель ученого персонала. Почетные члены (не более пяти) утверждались по представлению директора Президентом ИАН на пять лет и получали диплом за его подписью на это звание[19].

Первое заседание Попечительного совета при Музее антропологии и этнографии им. императора Петра Великого при Императорской Академии наук состоялось 21 апреля 1909 г. в составе председателя Совета академика В.В. Радлова, представителя ученого персонала старшего этнографа МАЭ Льва Яковлевича Штернберга и почетного члена Феликса Юльевича Шотлендера[20]. Ф.Ю. Шотлендер выделил средства на возведение 3-го этажа для создания нового отдела (памятный отдел императора Петра Великого открыт в 1913 г.) и флигеля к зданию МАЭ[21].

Кандидатуры новых попечителей после голосования кооптировались в состав Совета. Такой способ практиковался в США, где задача пополнения попечительных советов возлагалась на гражданское общество, в отличие от Великобритании, где попечители назначались королем. Попечители, очевидно, знали деловые и личные качества друг друга, приглашали к сотрудничеству своих знакомых и деловых партнеров.

В звании почетного члена Попечительного совета были утверждены 22 февраля 1910 г. Ф.Е. Мейендорф[22] и 1 июня 1910 г. статский советник Владимир Владимирович Святловский[23]. Личный состав Совета и связи его членов значительно расширили возможности «привлечения пожертвований для расширения помещения Музеев на надлежащей научной высоте, как то: на новую меблировку, приобретение новых коллекций, снаряжение экспедиций и вообще для всего, что касается внутреннего и внешнего благоустройства Музея»[24]. Еще больше они усилились, когда 13 декабря 1911 г. член императорской фамилии флигель-адъютант (1902) императора Николая II «Его Императорское Высочество Александр Георгиевич Князь Романовский Герцог Лейхтенбергский соизволил выразить желание принять на себя звание

и обязанности Почетного Члена Попечительного о Музее Антропологии и Этнографии им. Императора Петра Великого Совета»[25], а 7 марта 1912 г. — звание почетного председателя этого Совета с согласия Президента ИАН Великого князя Константина Константиновича[26].

Попечители успешно лоббировали музей во властных структурах, что не всегда нравилось академическому начальству. Благодаря содействию лиц, имеющих доступ к Николаю II, было проще получить разрешение властей на реализацию многих проектов по развитию МАЭ, которые постоянно выдвигал академик В.В. Радлов. Ф.Е. Мейендорф и А.Г. Романовский, несомненно, способствовали тому, что 5 марта 1914 г. «Его Императорское Величество Государь Император осчастливил Музей своим посещением, причем в течение $1^1/_2$ часа подробно осматривал все отделы и Всемилостивейше соизволил выразить Свое одобрение по поводу образцового порядка и устройства Музея. По окончании обозрения Музея Его Императорское Величество, осмотрев планы реставрации и переустройства библиотечного здания Музея, Всемилостивейшее одобрил эти планы»[27]. Почетные члены были представлены императору.

Но с началом Первой мировой войны многие проекты пришлось отложить. Князь А.Г. Романовский герцог Лейхтенбергский в начале Первой мировой войны отбыл в действующую армию. Но Ф.Е. Мейендорф по возможности помогал музею, положение которого ухудшалось: не было дров, финансовых средств, персонал забирали на фронт. В.В. Радлов 26 мая 1916 г. писал барону Мейендорфу: «Глубокоуважаемый Феофил Егорович, имея надобность повидаться с Вами, очень прошу Вас не отказать в сообщении, в какой день на будущей неделе и где (Управление или на квартире) Вы могли бы принять меня. Ответить прошу на адрес Музея. Можно по телефону 458-30 от 11 до 4 час.»[28]

9 июля 1916 г. В.В. Радлов вновь обратился к его высокопревосходительству генерал-адъютанту Ф.Е. Мейендорфу[29]. 21 сентября 1916 г. В.В. Радлов выразил благодарность Ф.Е. Мейендорфу за помощь в переводе служителя МАЭ Ивана Нея в Красный Крест санитаром в резервном пункте. Его нужно было перевести в соседний госпиталь, чтобы Ней мог 2–3 часа в день работать в МАЭ[30]. Последний раз Ф.Е. Мейендорф был приглашен на заседание Попечительного совета 25 февраля 1917 г. в 15.00 в МАЭ[31]. К ноябрю 1917 г. в связи с экономической разрухой Попечительный совет временно прекратил деятельность[32].

После отречения от престола Николая II многие члены Попечительного совета разъехались. В мае 1917 г. Ф.Е. Мейендорф был уволен по болезни. Летом 1918 г. он получил разрешение уехать с семьей в Прибалтику. В 1893 г. семейство Мейендорф приобрело мызу Кумна (Kumna) в приходе Кейла на севере Эстонии (уезд Харьюмаа), семья провела там лето, но в 1919 г. имение было экспроприировано. Ф.Е. Мейендорф скончался 18 октября 1919 г. в возрасте 81 года в с. Михайловское Московской губернии. Похоронен в Новодевичьем монастыре. Баронесса Е.П. Мейендорф с 1924 г. вместе с детьми жила в Эстонии, скончалась в 1943 г. в Австрии, похоронена на русском участке вокруг храма Святого Лазаря на Центральном кладбище г. Вены[33].

* * *

[1] *Решетов А.М.* Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 1. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 75–85.

[2] *Матвеева П.А.* Семья Мейендорф в истории МАЭ // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 7. СПб., 2013. С. 181–186.

[3] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 45. Л. 7.

[4] Отечественная история: энциклопедия. Т. 3. М.: Большая российская энциклопедия, 2000.

[5] *Зимин И.В.* Повседневная жизнь российского императорского двора. Вторая четверть XIX — начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. М.: Центрполиграф, 2011. 556 с.

[6] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. С. 73.

[7] Альбом костюмированного бала в Зимнем дворце в феврале 1903 г. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1904. [40] с.

[8] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1903). Ед. хр. 150. Л. 253.

[9] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1903). Ед. хр. 8. Л. 2–3.

[10] *Макаревский М.И.* На борьбу с детскою смертностью: Учреждение «Союза для борьбы с детскою смертностью в России». 12 декабря 1904 г. СПб., 1905.

[11] *Мейендорф Е.П.* Вверх по матушке по Волге: [рассказ для детей] / Баронесса Е.П. Мейендорф. СПб.: Тип. «Улей», 1914. 144 с.

[12] *Мейендорф Е.П.* Турчаночка Кэиш. М.; Пг.: Вольф, 1915. 29 с.

[13] *Конивец А.В.* Последний бал в Зимнем дворце // История Петербурга. 2008. № 5 (45). С. 9.

[14] Историческая справка Скотное-Бобрино. URL: http://xn--80aaaic3cwab7a.xn--p1ai/index.php/munitsipalnoe-obrazovanie/istoriya-mo/istoricheskaya-spravka-skotnoe-bobrino.

[15] *Финогенова Л.А.* У истоков олимпийского движения России. Член МОК для России граф Г.И. Рибопьер. URL: http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=885.

[16] *Соболева Е.С.* А.П. фон-дер Остен-Дризен — попечитель МАЭ в начале XX века // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. Вып. 8. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 216–225.

[17] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 57. Л. 63.

[18] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1908). Ед. хр. 155. Л. 19 об.

[19] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1911). Ед. хр. 158. Л. 70 об.

[20] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1910). Ед. хр. 157. Л. 362.

[21] *Соболева Е.С.* Попечительный совет МАЭ в 1909–1914 гг.: роль Ф.Ю. Шотлендера в созидании музея // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 225–231.

[22] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1910). Ед. хр. 8. Л. 15.

[23] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1910). Ед. хр. 157. Л. 383.

[24] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1906). Ед. хр. 153. Л. 87–88 об.

[25] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 63. Л. 151.

[26] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1912). Ед. хр. 8. Л. 19.

[27] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 323–324.

[28] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Ед. хр. 69. Л. 336.

[29] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Ед. хр. 69. Л. 356.

[30] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 69. Л. 390.

[31] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Ед. хр. 44. Л. 62.

[32] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 73. Л. 47.

[33] *Шпиленко Д.П.* Центральное кладбище в Вены. Русский участок. Старая Басманная, 2011. 64 с. (Сер. «Российский некрополь». Вып. 18.)

И.В. Черказьянова

РАССКАЗ «ПИТОМЦЫ»: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О «ПИТОМНИЧЕСКОМ ПРОМЫСЛЕ» ПЕТЕРБУРГСКИХ КОЛОНИСТОВ

В статье исследуется вопрос о воспитании детей-сирот из Санкт-Петербургского воспитательного дома в немецких колониях в XIX в. с привлечением официальных источников, рассказа «Питомцы» и воспоминаний литератора Е.И. Зариной. С 1821 г. так называемый «питомнический промысел», практиковавшийся среди крестьян Северо-Запада, распространился на немецких колонистов. Первыми стали использовать подростков в ткацком производстве жители ремесленной колонии Фриденталь. В других колониях питомцев привлекали к сельскохозяйственным работам. В колонии направляли детей не младше 12 лет, они оставались у хозяев до достижения совершеннолетия, получали одежду, еду, начальное образование. Целью системы воспитания была подготовка детей к вступлению в сословие свободных крестьян, в городах они причислялись к мещанскому сословию. У колонистов в разные годы насчитывалось от нескольких десятков до почти 700 детей. Источники характеризуют централизованную систему отбора и распределения детей в колонии, их занятия, условия жизни. Рассказ «Питомцы» поднял наболевшую проблему бесправия воспитанников в деревнях, в то же время критический анализ свидетельствует об искажении фактов и стремлении автора усилить негативное восприятие немецкого населения общественностью.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский воспитательный дом, незаконнорожденные дети, питомцы, немцы-колонисты, ремесленная колония Фриденталь, Е.И. Зарина-Новикова.

I.V. Cherkazyanova

THE STORY "NURSE CHILDREN": THE TRUTH AND FICTION OF THE "NURSERY INDUSTRY" OF THE PETERSBURG COLONISTS

The article examines the issue of raising orphans from the St. Petersburg orphanage in German colonies in the 19th century, with the involvement of official sources, the story "Nurse children" and the memoirs of the writer E.I. Zarina. Since 1821, the so-called "nursery industry", practiced among the peasants of the North-West, spread to the German colonists. The first to use adolescents in weaving were residents of the craft colony Friedental. In other colonies, nurse children were involved to agricultural work. The children no younger than 12 years old were sent to colony and they stayed with the owners until they reached the age of majority, they received clothes, food, and primary education. The purpose of the education system was to prepare children for entry into the estate of free peasants, in the cities they were ranked among the philistine class. In different years the colonists had from a few dozen to nearly 700 children. Sources characterize the centralized system of selection and distribution of children in the colony, their occupation, living conditions. The story "Nurse children" raised the sore problem of powerlessness of foster children in the villages, and at the same time the critical analysis indicates a distortion of the facts and the author's desire to increase the public's negative perception of the German population.

Keywords: St. Petersburg orphanage, illegitimate children, nurse child, German colonists, craft colony Friedental, E.I. Zarina-Novikova.

Социальная проблема воспитания незаконнорожденных детей в крупных городах России появилась в XVIII в. и нарастала в связи с развитием городов и машинного производства, увеличением городского населения, понижением уровня нравственности. Одним из способов решения проблемы стала организация специального государственного учреждения — Воспитательного дома.

Воспитательный дом был открыт в Москве в 1764 г. В 1772 г. в Петербурге появился его филиал, позже преобразованный в самостоятельное заведение — Санкт-Петербургский воспитательный дом. Со временем структура воспитательных домов представляла собой сложный организм, включавший несколько учреждений и отделений (родовспомогательное, грудное, крестовое, больницы, учебные заведения, хозяйственное и деревенское управления, собственные мануфактуры и др.). После организации в 1799 г. Деревенской экспедиции началось формирование сельских округов, куда направляли питомцев.

Изначально целью воспитания детей-сирот было формирование среднего сословия, свободных людей, поэтому из питомцев пытались сделать ремесленников, художников, музыкантов, фельдшеров, садовников, домашних учителей. В 1837 г. система была переориентирована на подготовку питомцев исключительно для вступления в свободное сельское сословие и размещения их в казенных поселениях. С конца XVIII в. широко практиковалось воспитание сирот не только в зданиях Воспитательного дома Петербурга, но и — в основном — в крестьянских семьях из ближайших губерний. С 1821 г. в этот процесс были включены немецкие колонисты под Петербургом. Колонии входили в так называемый Округ колоний Воспитательного дома.

В историографии до последнего времени не было работ, посвященных участию немцев в «питомническом промысле». В 1990-е годы появились статьи о приеме сирот на воспитание жителями финских поселений, членами матросского общества[1]. На восполнение этого пробела нацелены и публикации автора[2].

По нашей теме официальные источники, регулярно публиковавшиеся отчеты Воспитательного дома, практически не дают материала, кроме некоторых статистических данных об общем количестве детей, находящихся в Округе колоний. Иногда встречаются конкретные данные с указанием численности питомцев в немецких колониях, количества школ в колониях. Наиболее информативны архивные документы, сосредоточенные в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб. Ф. 8. Петроградский

дом защиты детей, 1785–1919) и Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 758. Опекунский совет ведомства учреждений императрицы Марии).

Для настоящей работы, кроме документов из исторических архивов, были использованы документы литературного архива — воспоминания писательницы Е.И. Зариной-Новиковой, автора рассказа «Питомцы», сыгравшего заметную роль в изменении отношения к немцам-колонистам. Воспоминания хранятся в отделе рукописей ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

Привлечение разноплановых источников позволяет взглянуть на проблему детей-сирот с разных сторон, но одновременно заостряет внимание исследователя на достоверности самого источника. Поэтому нашей целью стало рассмотрение рассказа «Питомцы» в сопоставлении с официальными документами XIX в.

Нарастание проблем с размещением детей. Учреждение Деревенской экспедиции

Документы Воспитательного дома свидетельствуют о катастрофическом усугублении проблемы незаконнорожденных детей и сирот: ежегодно тысячи детей передавались на воспитание государству. В 1836 г. из 9928 детей, родившихся в Петербурге, 5360 было сдано в Воспитательный дом (53,4 %). К 1 января 1905 г. в ведении Петербургского воспитательного дома состояло 32 974 питомца, из них в сельских округах — 25 509. С 21 апреля 1764 г. до 1 июля 1877 г. в Московский воспитательный дом поступило 625 937 детей. В отчетах Петербургского воспитательного дома за 1873–1886 гг. имеются сведения о поступивших с метриками детях лютеран, католиков и православных. Так, в 1873 г. всего было принесено детей с метриками: 2611 православных, 37 лютеран, 16 католиков[3]. В другие годы численность детей лютеран колебалась от 24 (1876) до 52 (1887), католиков — от 16 (1873) до 35 (1887). Незаконнорожденные дети православных составляли основной контингент Воспитательного дома. Надо отметить, что подавляющая часть детей поступала без документов. При поступлении их крестили в православие, давали имена и фамилии, присваивали индивидуальный номер.

Из-за невозможности содержать в городе огромное количество детей в 1799 г. в Петербургском воспитательном доме была организована Деревенская экспедиция, в ведении которой находились вос-

питанники, размещенные в деревнях. Одновременно были учреждены сельские округа вокруг столицы: в самом начале их было 6, в 1817 г. — уже 12. За все время существования округов их общая численность менялась, новые округа открывали как можно дальше от столицы, чтобы оградить питомцев от пагубного влияния города. Этому способствовало развитие путей сообщения, строительство железных дорог. В 1892 г. вся подведомственная Воспитательному дому территория (Петербургская, Новгородская и Псковская губернии) делилась на 31 округ с 8 лазаретами, в штате состояли 8 врачей и 23 окружных надзирателя[4]. К 1 января 1876 г. Округ колоний включал 57 деревень, в том числе немецкие колонии Гражданка, Каменка, Средняя Рогатка, Новосаратовка, Колпинская, Стрельнинская и др.

Окружной надзиратель был единственным ответственным должностным лицом в округе. Главными его обязанностями были: контроль над состоянием питомцев, личный их осмотр и проверка целостности костяного знака с номером питомца (главный предмет, позволяющий идентифицировать ребенка), ведение учета о поступлении в округ и передвижении воспитанников, составление именной и раздаточной ведомостей для получения денег. Ежемесячно надзиратель должен был объезжать округ и в начале месяца подавать в правление Воспитательного дома отчеты о численности питомцев, числе школ и количестве обучающихся, больных детях и выданных медикаментах. Он вел «Объездную книгу», куда вносил все замечания о здоровье детей, их жалобы и происшествия. Надзор ведомства заканчивался передачей питомцев в податное сословие.

Поступление питомцев в немецкие колонии под Петербургом

Одной из сторон повседневной жизни петербургских колонистов было воспитание незаконнорожденных детей, направляемых из Воспитательного дома. Это был так называемый «питомнический промысел», широко распространенный на Северо-Западе. К немцам направляли детей старше 10 лет (обычно с 12–13 лет), которые включались в производственный цикл колонистов.

Впервые тема передачи питомцев в колонии прозвучала в 1821 г.: докладом Опекунского совета, высочайше утвержденным 13 августа 1821 г., разрешалось отдавать воспитанниц в обучение царскосельским (фридентальским) колонистам[5]. Девочки 12–13 лет поступали к мас-

терам для обучения «рукоделию, к которому окажутся способными». Определялись условия их содержания, оплаты работы, обеспечения всем необходимым по достижении 21 года.

В том же году семь колонистов из Ижорской колонии также изъявили желание принять питомцев, и осенью подростки обоего пола были переданы им[6]. Тогда и возникла идея регулярно передавать детей в немецкие колонии для обучения основам сельского хозяйства. Идея принадлежала императрице Марии Федоровне.

22 августа 1821 г. она утвердила доклад Опекунского совета об отдаче шести мальчиков и одной девочки ижорским колонистам[7]. Императрица предлагала передавать детей не моложе 12 лет, оставлять их в колониях до 20 лет. Зимнюю и летнюю одежду должен был выдавать Воспитательный дом, либо колонисты могли получать соответствующее жалование до достижения ребенком 15 лет, какое уже выдавалось другим крестьянам за воспитание детей, — по 39 руб. 6 коп. в год за каждого.

В 1822 г. колонисты уже пяти колоний (Новосаратовка, Средняя Рогатка, Стрельнинская, Ораниенбаумская, Кронштадтская) подали прошения о передаче им питомцев. По согласию императрицы от 2 июня 1822 г. к колонистам поступили 55 питомцев (28 мальчиков и 27 девочек) с 13-летнего возраста[8]. Наибольшее их число передано в Среднерогатскую (21) и Стрельнинскую (15)[9] колонии. С этого времени передача детей немцам стала практиковаться регулярно.

Набор питомцев в немецкие колонии регулировался обоими ведомствами: Воспитательным домом и Министерством государственных имуществ в лице смотрителя петербургских колоний.

Заявления о необходимом количестве детей хозяева согласовывали с сельским приказом (позже с волостным правлением), ходатайства поступали к смотрителю колоний, а от него в Воспитательный дом. Со своей стороны правление Воспитательного дома давало поручение Деревенской экспедиции о наборе необходимого числа детей из тех, которые уже воспитываются у крестьян. Отбор проводили окружные врачи, они составляли списки с указанием возраста детей и их физического состояния. Обе стороны, Воспитательный дом и колонисты, были заинтересованы в том, чтобы в колонии попадали здоровые дети, поскольку им предстояло обучение хлебопашеству. Необходимы были крепкие питомцы, желательно «приятной наружности» и владеющие основами грамоты.

Окружные книги позволяют проследить движение воспитанников и их состояние во время проверки. В записях отражены время поступ-

ления питомцев в колонии, их возраст, индивидуальный номер и имя воспитателя, степень владения грамотой. Первая книга для Округа колоний была заведена в 1821 г.[10] За последующие годы (1829–1868) имеются книги, озаглавленные как «Окружная книга для осмотра врачом деревенских питомцев колоний»[11].

Приведем некоторые данные за 1829 г. 23–24 февраля в колонии были переданы одни из первых питомцев — несколько десятков 12-летних детей. Так, 23 февраля во Фридентальскую колонию к Адаму Веберу попала Мария Васильева (1817 г.р.), 24 февраля переданы остальные питомцы[12]. 23 февраля дети были направлены: в Новосаратовку к вдове Штирц (Наталья Федорова, 1817 г.р.)[13], в Ижорскую к Петру Мартину Флейшману (Татьяна Иванова, 1817 г.р.), к Ивану Плецеру (Ирина Васильева, 1817 г.р.) и Филиппу Плецеру (Дарья Нестерова, 1817 г.р.)[14], в Среднерогатскую колонию к Ивану Берчу (одна девочка)[15]. 24 февраля в Стрельнинскую колонию Фридрих Браун взял Марию Петрову (1817 г.р.)[16].

Документы ЦГИА СПб позволяют сравнить сведения по отдельным колониям за 1835 г. и 1855 г. Из Новосаратовки в 1835 г. заявки подали 19 человек на 28 детей (15 мальчиков и 13 девочек), в 1855 г. заявки поступили от 35 колонистов на 45 питомцев (32 мальчика и 13 девочек). В Ижорскую колонию в 1835 г., согласно 11 поданным заявлениям, требовалось 11 детей (6 мальчиков и 5 девочек), в 1855 г. 34 заявителя просили 48 детей (25 мальчиков и 23 девочки)[17]. Увеличение числа заявителей говорит о возросшем благосостоянии колонистов, так как в хозяйстве требовались все новые руки, и таких хозяйств, которые уже не справлялись своими силами, становилось все больше.

Согласно заявкам воспитанников собирали по другим округам (преимущественно из русских сел, а с 1862 г. — исключительно из финских сел) и передавали немцам.

Особый интерес представляет положение питомцев в мануфактур-колонии Фриденталь, единственной немецкой колонии под Петербургом, имевшей ремесленную направленность. Анализ документов Воспитательного дома раскрывает историю возникновения и развития колонии, которая во многом зависела от наличия свободных дешевых рабочих рук.

С фабрикантами составлялись типовые контракты, где оговаривались условия содержания подростков. Дети обеспечивались одеждой, обувью, питанием за счет хозяев. При достижении питомцами совер-

шеннолетия они получали свой капитал, формировавшийся с 15 лет, который позволял им нести первые расходы в самостоятельной жизни. Все питомцы получали профессию и начальное образование на русском языке, многие владели немецким языком. Врачебную помощь им оказывали в Царскосельской городской больнице. Воспитатели, обучавшие питомцев ремеслам, давали характеристики, в которых сообщали об успешности обучения делу, поведении и грамотности их воспитанников. На основании отзывов воспитанники получали так называемые «вечноувольнительные свидетельства». Это типовые бланки, заполнявшиеся от руки, с указанием особых примет молодого человека, приобретенного им мастерства и грамотности. Многие питомцы получали квалификацию мастера ленточного производства и оставались в колонии работать и после выхода из ведомства (девушки в 18 лет, юноши в 20 лет).

К 1 января 1873 г. у лютеран воспитывалось 6786 детей, в том числе у финнов — 6095, у немцев — 691 (62 % от общего числа питомцев в округе колоний). Всего у неправославного населения во всех округах в 1872 г. воспитывалось 7986 детей[18]. В 1878 г. в Токсовском округе все питомцы (1140) находились у инородцев: у финнов-лютеран — 1062 ребенка (93,1 %), у православных финнов — 78 человек[19]. В 1882 г. в Гарболовском и Токсовском округах 85 % питомцев проживало у финнов, а всего у финнов во всех округах находилось 4320 детей[20].

Долгие годы немецкие колонисты пользовались особым доверием со стороны ведомства императрицы Марии и правления Воспитательного дома. Образцовое ведение хозяйства, высокая нравственность и религиозность, наличие обязательного образования для детей, раннее использование русского языка в своих школах — все это привлекало. Немцы организовали школьное обучение не только для своих детей, но и для питомцев задолго до того, как появились специальные государственные школы для воспитанников.

Бедное финское население, которое с охотой брало на воспитание младенцев, поскольку вскармливание приносило определенный доход семье, не могло обеспечить воспитанникам нормального образования и знания русского языка. Поэтому четко прослеживается распределение питомцев по национальным поселениям в зависимости от возраста детей: младенцев воспитывали финны и русские, немцы брали исключительно подростков.

Во второй половине XIX в. в Округе колоний, население которого составляли в основном русские и немцы, русские школы для

питомцев открывало само ведомство императрицы Марии. В 1870-х годах такие школы действовали в колонии Гражданка (до 1876 г.), в Каменке, Ижорской, Средней Рогатке и Стрельнинской колониях (закрыты в 1877 г.), в Новосаратовке (1876–1880). К 1 января 1874 г. в Округе колоний имелось 564 ребенка школьного возраста, из них школу посещали 413 детей (72 %)[21]. Это был один из самых высоких показателей посещаемости детьми школ в округах Воспитательного дома.

Курс обучения в школах, устроенных в русских деревнях, начинался с 11 лет и составлял не менее четырех лет. А для школ в финских и немецких колониях срок обучения увеличивался до пяти лет[22], дети начинали учиться с 10 лет, что было связано с сильным влиянием на питомцев родного языка воспитателей. Чтобы уменьшить языковую и культурную зависимость детей от их попечителей, начальство Воспитательного дома настойчиво требовало у финнов и немцев, чтобы их воспитанники посещали школу и обучались русскому языку.

Несчастные случаи с питомцами

Архивные материалы позволяют вскрыть негативные стороны воспитания детей в сельских округах. Расследование несчастных случаев с детьми выявляет массу деталей жизни питомцев, которые никогда не были бы упомянуты в обычных документах.

Часто дети становились жертвами несчастных случаев или сами были виновниками гибели других людей. Так, по вине одного питомца в 1846 г. сгорела целая деревня Поречье. Наиболее частые случаи гибели детей были связаны с пожарами, нападением волков, самоубийством, утоплением.

Чаще всего встречаются дела о побегах, эти документы служат самым ярким доказательством бесправия детей. Питомцы, которых без их согласия переводили от одного воспитателя к другому лишь из необходимости привития русского языка или в наказание за проступок, часто бежали и возвращались к прежнему хозяину. Но тот не имел права держать ребенка, поэтому вынужден был возвратить питомца, даже если испытывал к нему отеческие чувства. Как правило, бежавших детей отправляли в Петербург в Хозяйственное управление Воспитательного дома, там подвергали наказанию розгами, затем снова высылали в деревню. За непослушание, побеги, нарушение правил

пребывания у воспитателя питомцы подвергались «штрафам»: продлевался срок нахождения у воспитателя, самых больших нарушителей направляли в арестантские роты или переводили на «черные работы» в Воспитательный дом.

В истории содержания питомцев в немецких колониях чаще других случаев отмечаются побеги детей. Как правило, это было вызвано тем, что детей до 10 лет воспитывали финны или русские, а потом их переводили к немцам. Новая среда, непонятный язык, интенсивный труд, строгость, а порой и несправедливость хозяев — все это становилось причиной побегов в первые месяцы жизни на новом месте.

В документах РГИА имеется дело 1838 г. о побеге 15-летнего юноши, переведенного от финского воспитателя к колонисту Вализеру в колонию Гражданка[23]. Сначала воспитанник бежал к прежнему хозяину, но тот его привез в лазарет Заречного округа, откуда питомец бежал вторично и скрывался всю зиму. О случившемся Деревенская экспедиция донесла в Опекунский совет и по инстанции для всеподданнейшего доклада. О побеге были поставлены в известность земские суды ближайших уездов, чтобы те приняли соответствующие меры к розыску беглеца. В апреле, через полгода, юноша был найден в Кексгольмском уезде Выборгской губернии финским крестьянином, который вел поиски по поручению окружного врача Воспитательного дома и пастора финского лютеранского округа. За поимку он был награжден 50 рублями. А воспитанник за побег и бродяжничество был наказан розгами и по его желанию отправлен на учебу к сапожнику.

В делах ЦГИА СПб описаны случаи побегов питомцев от колонистов в 1847 и 1855 гг. В ноябре 1847 г. дети бежали от колониста Мейера (Фриденталь), из Ижорской колонии бежал Федор Петров, после вторичного побега он был направлен во Фриденталь[24]. В 1855 г. от колониста Герлемана (14-я верста Петергофской дороги) ушла тринадцатилетняя Федосья Матвеева, ранее воспитывавшаяся у русских[25].

Случались и весьма печальные события. В колонии Гражданка 4 августа 1847 г. утонул питомец Неофит Андреев (1828 г.р.). В той же колонии 7 ноября 1847 г. во время работы на механической молотилке с другими колонистами четырнадцатилетний Иван Федотов получил сильные повреждения и скончался[26]. 26 июня 1857 г. в Стрельнинской колонии утонул двенадцатилетний Иван Борисов, состоявший у колониста Михаила Бреннера с 18 ноября 1856 г. Расследование

земской полиции показало, что это был несчастный случай, а не самоубийство или насильственная смерть[27].

Были случаи сексуального насилия над повзрослевшими девушками. Такие дела расследовали незамедлительно. Питомицу после разрешения бремени высылали в отдаленный округ, а ее ребенок становился таким же незаконнорожденным, как и мать, и передавался в Воспитательный дом.

Два подобных случая произошли и в немецких колониях. Одна история случилась в 1845 г. в Ижорской колонии с двумя двадцатилетними воспитанниками, Михайловой и Григорьевым. В назидание другим парень был отдан в солдаты, а ижорских колонистов лишили права брать к себе новых питомцев, поскольку они допустили подобное преступление против нравственности[28]. Как долго и насколько строго соблюдался запрет, сложно говорить, но уже 1 января 1847 г. врач 1-го Ямбургского округа рапортовал в Деревенскую экспедицию о передаче в Ижорскую колонию тринадцатилетней «совершенно здоровой и благовидной наружности» Екатерины Михайловой (1833 г.р.) из деревни Керестово[29].

Второй случай произошел в 1858 г. во Фридентальской колонии, когда колонист изнасиловал свою шестнадцатилетнюю воспитанницу. Для фридентальцев это был вопиющий факт, они пытались объяснить ситуацию лишь неблагонадежностью Филиппа Мундингера, предлагали больше не давать ему питомцев, при этом для остальных попрежнему просили воспитанников. Жители Фриденталя подробно описывали преимущества для питомцев в их колонии, но это не возымело действия. Инспектор округов в донесении управляющему Воспитательным домом обращал внимание на ухудшающуюся обстановку вокруг питомцев: «Ныне колония почти слилась с Царским Селом, нравы воспитанников все более городские, вызывающие, а колонисты все менее радивы в присмотре за питомцами»[30]. Инцидент в колонии имел весьма серьезные последствия для фридентальцев. Правление Воспитательного дома направило в Опекунский совет представление с предложением вообще прекратить выдачу питомцев во Фриденталь, так как ленточное производство колонистов стало бесперспективным для питомцев, их перестали оставлять в колонии после выхода из ведомства, а другим предпринимателям они не нужны были[31]. 16 июля 1859 г. Опекунский совет постановил прекратить отдачу питомцев во Фриденталь, а имеющихся распределить по другим колониям, например в Новосаратовскую, Ижорскую, Среднерогатскую[32].

Рассказ «Питомцы»: особенности восприятия «питомнического промысла» немецких колонистов в обществе

Особым источником для исследуемой темы послужили рассказ писательницы Е.И. Зариной-Новиковой (1.10.1837–25.01.1940), опубликованный в журнале «Современник» в декабре 1863 г., а также ее воспоминания, написанные в 90-е годы XIX в. Рассказ вышел анонимно, поскольку это был первый опыт Зариной на писательском поприще, а в отношениях между мужем Зариной и Некрасовым были шероховатости. Острота поднятой проблемы сделала автора очень популярным в литературных кругах, вызвала широкий резонанс в обществе. Уже в преклонном возрасте Екатерина Ивановна подготовила свои воспоминания о крепостной России, небольшой фрагмент посвящен времени написания рассказа «Питомцы». В 1928 г. рукопись воспоминаний была приобретена Пушкинским Домом. Главы 7, 8, 10 Зариной вышли в свет в 1949 г.[33] Опубликованный отрывок рассказывает о знакомстве автора с редактором «Современника» Н.А. Некрасовым, передаче рукописи в журнал для публикации, реакции друзей на вышедший из печати рассказ.

Рассказ был готов к печати летом 1863 г., а описываемые события относятся к 1862 г. В то лето Зарина находилась в немецкой колонии Овцыно. Новосаратовская и Овцынская колонии, расположенные рядом на высоком правом берегу Невы, были притягательны для дачников среднего достатка, постоянно пользовались спросом у горожан в летнее время. В Овцыно проживала немцы и финны. Именно в Овцыно 16 мая автор родила сына Андрея (1862–1929). Однако по каким-то соображениям автор не называет колонию, а уклончиво говорит о некой немецкой колонии. Эта неопределенность вряд ли связана с забывчивостью автора рассказа и воспоминаний. Фигура умолчания проявилась даже в том, что в официальной анкете нет точного указания на место рождения ее сына.

Сам рассказ и воспоминания, написанные с большим перерывом, сообщают разные детали о подготовке рукописи. Воспоминания были написаны много лет спустя после событий и довольно схематично излагают канву прошлого, связанного с созданием рассказа.

Вопрос достоверности изложенных Зариной фактов вызывает большой интерес и требует разрешения. При передаче рукописи Некрасову автор на вопрос редактора: «Сами ли вы видели все, что

описываете?», ответила, что видела все собственными глазами, когда семья жила на даче в колонии. При сопоставлении архивных документов с воспоминаниями и особенно с рассказом Зариной выясняется, что бóльшая часть — это надуманные факты, явные искажения и даже подтасовки. Рассказ не является строго документальным, поэтому к нему нужно относиться как к литературному произведению и можно было бы обойти его стороной. Но поскольку Зарина допускает в рассказе некоторые публицистические выпады против немцев, а публикация вызвала бурную реакцию в обществе, остановимся на некоторых моментах этого повествования. Кроме того, заявление Зариной о том, что ее рассказ стал поводом к ревизии Воспитательного дома в Петербурге и несколько улучшил положение детей-сирот, не выдерживает критики.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с воспоминаниями, — это детальное описание помещичьего быта и несправедливого отношения господ к крепостным крестьянам, что сильно травмировало автора в детские годы. В рассказе она переносит травмы детства на события, происходящие в немецкой колонии в начале 60-х годов. Поэтому складывается впечатление, что немецкая колония — это разновидность крепостной деревни.

Представленные образы колонистов — Фриц Карл Иванович (40 лет), жена Марфа (34 года) — вымышленные герои. Колонисты с такой фамилией и такими именами не проживали в этих колониях. Это легко проверить по церковным книгам. В их доме и семье разворачиваются события. В семье героев десять детей, старшему сыну 16 лет, младшей девочке 8 месяцев. Колонисты-воспитатели представлены в самом невыгодном свете. Глава семьи — пьяница, слабохарактерный человек, супруги постоянно ругаются между собой. Марфа — хитрая, злая и сварливая женщина, всегда грязная и нечесаная. Во дворе грязь, в доме беспорядок, одежда худая. Марфа избивала приемную девочку, за провинность облила крутым кипятком.

Все детали, описывающие получение девочки в Воспитательном доме, содержание младенцев в домах колонистов, не соответствуют действительности. Автор пишет в воспоминаниях: «Мне хотелось видеть и знать, как им живется, ходила по избам колонистов, глядела, как живут эти маленькие, невинные, брошенные дети, чем их питают, где они спят. Большей частью их постель была в каком-нибудь углу избы на соломе. Маленькие грудные детки, завернутые в грязные толстые тряпки, лежали так же на соломе, держа во рту большую

грязную соску из черного хлеба, — а когда ребенок просыпался, ему давали вместо грудного или коровьего молока отвар калиновых побегов»[34]. Вроде бы автор описывает вполне реальную картину содержания младенцев, если только не принимать во внимание того факта, что грудных детей колонистам не давали. В 1862 г. в Овцыно вообще не было детей младше 10 лет. Поэтому появление в семье Фриц восьмилетней девочки тоже не соответствует действительности. Просто так, в любое время колонист не мог съездить и взять ребенка из Воспитательного дома, тем более моложе 10 лет, что в принципе было невозможно. Детей выдавали по заранее составленным в сельском приказе спискам, который согласовывался с МГИ.

Или такой факт из воспоминаний. «Пока мы жили на даче, две девушки, каждой было по семнадцать лет, одна повесилась, другая бросилась в воду и утонула», — продолжает сочинять автор в воспоминаниях, забывая, что это уже не литературный рассказ.

Мы попытались подтвердить факты смерти двух девушек, якобы случившиеся летом 1862 г. Для этого была использована книга Округа колоний за 1862 г., просмотрены записи по колониям Овцыно и Новосаратовка за весь год[35]. В обеих колониях действительно зафиксированы две смерти питомцев: в Новосаратовке 5 апреля умерла Марфа Федорова (воспитатель Фридрих Рейх), в Овцыно 3 июня скончался Илья Федулов (1841 г.р.). Но ни о каком самоубийстве речи нет. Среди замечаний смотрителя, внесенных в книгу, находим жалобы питомцев (в Новосаратовке жалобы питомцев, состоявших у Адама Фишера, доктора Грея, Генриха Флицлера), отметки о лечении в больнице, переводе питомцев в другие колонии (в Гражданку, Приютино, Колпинскую). Смотритель отметил, что некоторые из детей имели физические недостатки: глухота, бельмо на глазу, заикание. Указаны и проступки воспитанников. Любовь Иванова из Новосаратовки была замечена в воровстве, была груба и непослушна. Однако о самоубийствах в тот год речи нет. Как уже отмечалось, любой факт гибели питомца расследовался полицией и сообщался для особого рассмотрения в правление Воспитательного дома. Но таких фактов в документах Воспитательного дома за 1862 г. не обнаружено.

Можно было бы еще привести целый ряд неверных сведений в рассказе и воспоминаниях Зариной, которые не подтверждаются документально. Но и этих доказательств достаточно, чтобы утверждать, что рассказ не является документом, а автор выдает вымышленные или неверно понятые факты, слухи за увиденное собственными гла-

зами. Это литературное сочинение, написанное в период отмены крепостного права. Воспоминания закрепили литературный вымысел тридцатилетней давности, когда автор уже вошла в роль заслуженного историка крепостного права и обличителя нравов крепостной деревни. Мы не оспариваем те страницы воспоминаний, которые посвящены деревне в Саратовской губернии, где автор, будучи девочкой, жила у родной тетки и видела издевательства хозяев над своими крестьянами. Мы выделяем фрагмент, связанный с немцами-колонистами, и утверждаем, что перед нами недостоверные сведения.

Автор крайне негативно представила читателям колонистов, страдания детей и подростков описаны самыми мрачными красками и вызывают искреннее сочувствие. Но автор на этом не останавливается. В рассказе она объясняет жестокость немцев их ненавистью ко всему русскому. Это уже выходит за грань литературного произведения и похоже на политический памфлет. «Подобная ненависть к русским питомцам во всех колонистах непонятна, — пишет Зарина в рассказе. — Они почти все без исключения смотрят на этих детей, как на существа без чувства, без сердца, как на что-то скотоподобное. Сравнить нельзя жизнь воспитанника у колониста с жизнью у русского крестьянина; как в колонистах редко можно встретить доброе семейство в отношении к русскому воспитаннику, так в крестьянах редкость встретить худую жизнь ему. Русский принимает его в свою семью как родного и старается сделать из него преданного себе работника, не обделяя его ничем и, по силе возможности, стараясь не изнурять его работою. Между тем, как колонисты смотрят на него как на водовозную лошадь, не знающую никогда устали, и даже с самохвальством говорят, что, дав две порции кушанья, они выжмут шесть»[36].

Здесь находим отголоски не только противостояния западников и славянофилов, но и уже зарождающихся антинемецких настроений в обществе. Если поверить всему написанному Зариной и принять желаемое за действительное, тогда невозможно объяснить многие несчастные случаи, произошедшие с питомцами в русских селениях, о которых имеются документальные свидетельства. Автор преднамеренно противопоставляет русских и немцев.

Через десять лет после выхода нашумевшего рассказа «Питомцы» в официальных документах Воспитательного дома уже звучат другие оценки в отношении колонистов. Зажиточные русские крестьяне Округа колоний и немцы-колонисты брали питомцев на бесплатное воспитание, отказывались от положенных им 12 рублей в год, так как

взамен получали на несколько лет дарового работника. Но ведь и десять лет назад колонисты относились к питомцам как к дополнительной рабочей силе в своем хозяйстве, но теперь официальный взгляд на условия, в которых живут дети, поменялся. «Питомцы, находящиеся у немцев-колонистов, — говорится в отчете Воспитательного дома за 1872 г., — хотя обременены работами значительно более, чем у русских, но, получая сытную мясную пищу, пользуются вообще хорошим здоровьем и гораздо лучше развиваются телесно, чем в русских деревнях, в которых крестьяне едят растительную пищу, а мясо и даже молоко используют весьма редко, особенно после опустошительной эпизоотии, которая свирепствовала в предшествующие годы»[37].

В первой половине 1860-х годов началась подготовка реформы разных категорий казенных крестьян, включая колонистов, поэтому объяснимо внимание общественности к публикациям такого рода. В период демократизации общественной жизни после отмены крепостного права подобные сочинения встречались с глубоким сочувствием. Автор рассказа существенно преувеличивала свои заслуги, когда говорила о том, что ее публикация вызвала ревизию Воспитательного дома, поскольку его преобразования начались еще до появления рассказа Зариной. Рассказ лишь привлек внимание к проблемам воспитания сирот, которые необходимо было решать кардинально.

Прекращение «питомнического промысла» в колониях

Колонистская реформа 1871 г. решительно изменила статус немецких колонистов, лишив их привилегий. Они приравнивались к другим категориям крестьян. Существенные изменения произошли и в «питомническом промысле».

После прекращения в 1859 г. выдачи питомцев фридентальским ткачам постепенно сокращается общее число воспитанников в немецких колониях. В 1864 г. в Округе колоний дети находились на попечении 512 немецких семей, в 1872 г. у немцев воспитывался 691 ребенок. Эти цифры несопоставимы с общим числом воспитанников, находившихся в то время во всех округах.

К 1 января 1877 г. из-за малочисленности детей были закрыты школы в немецкой колонии Овцыно и русском селе Рыбацкое, в 1877 г. после весенних экзаменов прекратили работу школы в колониях Каменка, Ижорская, Среднерогатская, Стрельнинская.

К 1 января 1879 г. в Округе колоний находилось 599 питомцев, они проживали в 45 деревнях у 417 воспитателей[38]. Из общего числа воспитанников округа (599 детей) к 1 января 1880 г. 322 ребенка проживали у немцев и 13 — у финнов[39]. По сравнению с данными на 1 января 1878 г., число воспитанников в округе сократилось почти в два раза, на 538 детей. Сокращение численности детей вело к сокращению количества необходимых школ. После летних каникул в 1880 г. закрылись обе школы, действовавшие в Новосаратовской колонии, вновь открытая в 1879 г. школа в Средней Рогатке также окончательно закрылась. В следующем году закрылась последняя школа в Округе колоний. К 1 января 1882 г. в округе находилось 423 ребенка, у немцев к 1 января 1883 г. оставалось еще 147 детей[40], а к концу года — 84.

Округ колоний из-за близости к городу был ликвидирован 1 июля 1885 г. В последующие годы у немцев оставалось несколько питомцев, чье совершеннолетие еще не наступило, однако новые дети к ним уже не поступали. Так, в 1886 г. в немецких семьях было шесть питомцев, в 1887 г. — двое, в 1888 г. — трое (в Гатчинском и Ропшинском округах)[41].

Прекращение «питомнического промысла» в колониях совпадает по времени с реформированием колоний. Вслед за административной реформой 1871 г. с 1881 г. началась передача школ колонистов в ведение Министерства народного просвещения, в 1874 г. закон о всеобщей воинской повинности был распространен и на колонистов. Нет очевидной связи между этими двумя процессами, но изменения, происходившие в колониях вследствие реформы и в связи с прекращением «питомнического промысла», способствовали все большему уравниванию колонистов с другими категориями крестьян и стали одной из мер, направленных на ликвидацию их привилегий.

Критический анализ источников по настоящей теме показывает их несовершенство, доказывает необходимость рассматривать документы в совокупности, освобождая от различных наслоений, связанных с практикой их формирования.

Тема «питомнического промысла» в целом далека от завершенного исследования, необходимо дальнейшее изучение в контексте истории лютеран Северо-Запада, многонационального населения России.

* * *

[1] *Чистяков А.Ю.* Участие финских крестьян Санкт-Петербургской губернии в «питомническом промысле» на рубеже XIX–XX вв. // Петербургские чте-

ния — 1996: материалы ежегод. конф. Ассоциации исследователей Санкт-Петербурга, 20–24 мая 1996 г. СПб.: Рус.-Балт. Инф. Центр «Блиц», 1996. С. 436–438; *Фруменкова Т.Г.* Питомцы Петербургского воспитательного дома и Вольное матросское общество в Кронштадте (40–60-е годы XIX в.) // Петербургские чтения — 1998–99. СПб.: С.-Петербург. ин-т печати, 1999. С. 653–657.

[2] По итогам конференции 2017 г. в Университете Пассау (Германия) нами сдана в печать статья «Питомнический промысел и петербургские колонисты: от частной темы к общей истории российских немцев». Опубликован вариант статьи: *Черказьянова И.В.* «Питомнический промысел» в немецких колониях под Петербургом // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2017. № 3. С. 73–96.

[3] Извлечение из отчета Императорского Воспитательного дома за 1873 год. [СПб., 1875]. С. 8.

[4] Штат округов Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома и находящихся в них сельских лазаретов. СПб., 1892. С. 1.

[5] РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 488. Л. 12.

[6] РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 109. Л. 182–183 об.

[7] Там же. Л. 184–184 об.

[8] Там же. Л. 451–451 об.

[9] Там же. Л. 183–183 об.

[10] ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 2. Д. 389. Окружная книга округа колоний. 1821 г. 41 л.

[11] ЦГИА. Ф. 8. Оп. 2. Д. 417, 437, 442, 443, 47, 471, 499, 530, 543, 549, 556, 561, 567, 571, 576.

[12] ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 2. Д. 389. Л. 3 об. — 4, 4 об. — 5, 5 об. — 6.

[13] Там же. Л. 15 об. — 16.

[14] Там же. Л. 19 об. — 20, 20 об. — 21.

[15] Там же. Л. 25 об. — 26.

[16] Там же. Л. 28 об. — 29.

[17] ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21 (1835 г.). Л. 2, 3; Д. 117 (1855 г.). Л. 2–3, 25–26.

[18] Извлечение из отчета Императорского Воспитательного дома за 1872 год. О столетнем юбилее. СПб., 1873. С. 21, 22.

[19] Извлечение из отчета Императорского Воспитательного дома за 1879 год. [СПб., 1880]. С. 10.

[20] Извлечение из отчета Императорского Воспитательного дома за 1882 год. СПб., 1884. С. 15.

[21] Извлечение из отчета Императорского Воспитательного дома за 1873 год. С. 50.

[22] Положение о сельских школах, библиотеках и приютах Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома. СПб., 1897. С. 5.

[23] РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 113.

[24] ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 63. Л. 42, 43, 47.

[25] ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 117. Л. 29.

[26] РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 289. Л. 5–5 об., 8–8 об.

[27] ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 124. Л. 28, 60–60 об.

[28] РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 254. Об обольщенной воспитаннице Михайловой воспитанником Григорьевым; ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л. 63–64.

[29] ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 63. Л. 29.

[30] ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 136. Л. 41.

[31] Там же. Л. 45–46.

[32] Там же. Л. 47–47 об.

[33] Из воспоминаний Е.И. Зариной-Новиковой / публ. С. Радина // Литературное наследство. Т. 49/50: Некрасов. I. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 573–578.

[34] ОР ИРЛИ РАН. Ф. Р-I. Оп 10. Д. 20. Ч. 3. Л. 41.

[35] ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 2. Д. 543. Книга правления С.-Петербургского воспитательного дома для осмотра питомцев, находящихся в колониях округа. 1862.

[36] *Зарина-Новикова Е.И.* Питомцы // Современник. 1863. Декабрь. С. 538.

[37] Извлечение из отчета Императорского Воспитательного дома за 1872 год. О столетнем юбилее. [СПб., 1873]. С. 38.

[38] Извлечение из отчета Императорского Воспитательного дома за 1879 год. [СПб., 1880]. Приложение. Ведомость № 1.

[39] Там же. Приложение. Ведомость № 2.

[40] Извлечение из отчета Императорского Воспитательного дома за 1882 год. СПб., 1884. С. 15.

[41] Извлечение из отчета Императорского Воспитательного дома за 1888 год. СПб., 1891. С. 22, 65.

XX век

М.В. Шкаровский

ПЕТЕРГОФСКИЙ ПАСТОР ФЕРДИНАНД БОДУНГЕН

Пастор Фердинанд Бодунген был одной из самых значительных фигур в истории немецкой лютеранской общины Санкт-Петербурга и его пригородов в начале XX в. Более 33 лет он служил настоятелем церкви святых апостолов Петра и Павла в Петергофе и много сделал для развития социальной и церковной жизни ее общины. В 1933–1935 гг., помимо службы в петергофской церкви, Фердинанд Бодунген служил в храме св. Николая в колонии Гражданка, а в 1936–1937 гг. — в ленинградской латышской церкви Христа Спасителя. К концу 1930-х годов он остался последним лютеранским немецким пастором в Ленинграде и окрестностях. Пастор Фердинанд Бодунген всячески старался спасти церковь в Петергофе от закрытия в советский период, но в период Большого террора — в конце 1937 г. — был арестован НКВД и расстрелян 15 января 1938 г. Только после его расстрела церковь в Петергофе закрыли.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, немцы, Евангелическо-Лютеранская церковь, пастор.

M.V. Shkarovskiy

PETERHOF PASTOR FERDINAND BODUNGEN

Pastor Ferdinand Bodungen was one of the most significant figures in the history of the German Lutheran community of St. Petersburg and its suburbs in the early 20th century. For more than 33 years he served as rector of the Church of the Holy apostles Peter and Paul in Peterhof and did much for the development of the social and Church life of her community. In 1933–1935, in addition to serving in the Peterhof Church, Ferdinand Bodungen served in the Church of St. Nicholas in the colony of a Citizen, and in 1936–1937 — in the Leningrad Latvian Church of Christ the Saviour. By the end of the 1930s. he remained the last Lutheran German pastor in Leningrad and its environs. Pastor Ferdinand Bodungen tried hard to save the Church in Peterhof from the closure in the Soviet period, but during the "great terror" — at the end of 1937 he was arrested by the NKVD and executed 15 January 1938, Just after his execution, the Church in Peterhof was closed.

Keywords: St. Petersburg, Germans, Evangelical Lutheran Church, pastor.

Новомученик пастор Фердинанд Густавович Бодунген является одной из самых значительных фигур в истории немецкой лютеранской общины Санкт-Петербурга и его ближайших пригородов в начале XX в. Он родился 25 ноября 1872 г. в Санкт-Петербурге в семье действительного статского советника, доктора Густава фон Бодунгена и с 1893 г. обучался богословию в Дерптском университете, который успешно окончил в 1898 г. 21 мая 1901 г. Фердинанд Бодунген был посвящен в духовный сан в Петергофе и вскоре назначен на место пастора в приход местной церкви святых апостолов Петра и Павла. В этом храме отец Фердинанд служил более 33 лет — с лета 1901 г. по 27 ноября 1937 г. (с трехлетним перерывом в 1915–1918 гг.).

Сама церковь к началу его службы уже имела полувековую историю. Еще в 1848 г. император Николай I подарил петергофской общине лютеран участок с двумя деревянными зданиями. В большем доме на верхнем этаже верующие устроили молитвенный зал, а в меньшем здании впоследствии была открыта приходская школа. В 1860 г. начался сбор средств на строительство кирхи, которая была заложена в 1863 г. на соседнем участке, подаренном императором Александром II. Кирпичная церковь в готическом стиле была построена по проекту архитектора Ганона при участии А.И. Штакеншнейдера и освящена 23 августа 1864 г. В подвале одноэтажного здания был устроен склад. В 1872 г. к приходу присоединились верующие пяти немецких колоний, расположенных в окрестностях Петергофа. Уже при пасторе Фердинанде Бодунгене, помимо начальной школы, в 1905 г. была открыта средняя торговая школа. В 1904 г. в петергофской лютеранской общине насчитывалось 750 прихожан, в том числе 650 немцев.

Помимо службы в петергофской церкви, пастор служил учителем Закона Божия в частной коммерческой школе В. Штюрмера (1899–1900) и частной гимназии Л. Таганцева в Санкт-Петербурге. С 1900 г. он также преподавал Закон Божий в гимназии для мальчиков и в приходской четырехклассной торговой школе в Петергофе, также с 1903 г. преподавал Закон Божий в детском приюте, находившемся под покровительством императрицы Александры Федоровны, и в частной женской гимназии В.В. Павлова.

25 мая 1914 г. Фердинанд Бодунген был награжден золотым наперсным крестом, золотой цепью с изображением императорской короны. Однако вскоре началась Первая мировая война, сопровождавшаяся антинемецкими настроениями в России, и 27 августа 1915 г. пастор без всякой конкретной вины был выслан в Иркутскую

губернию на время военного положения по обвинению в прогерманской деятельности.

После революции, отменившей прежние ограничения, Фердинанд Бодунген в 1918 г. вернулся в Петергоф, где вновь стал служить настоятелем местной церкви святых апостолов Петра и Павла. При этом ему неоднократно приходилось испытывать различные притеснения со стороны советских властей. Так, 8 июля 1919 г. из храма были изъяты метрические книги, а весной 1922 г. — церковные ценности. Кроме того, был национализирован церковный дом № 26 по ул. Гольца (бывшей Волконской), в котором и проживал пастор со своей семьей[1]. 25 марта 1922 г. настоятелю и прихожанам пришлось подписать с представителями советских властей первый договор о передаче церкви в пользование верующих на определенных условиях, новые договоры были подписаны 26 февраля 1929, 25 марта и 16 декабря 1932 г.[2]

В мае 1922 — сентябре 1930 г., помимо службы в церкви святых апостолов Петра и Павла, Фердинанд Бодунген служил в дворцовом лютеранском храме святой Елены г. Ораниенбаума (до его закрытия). Этот храм стоял закрытым с 1918 г., не имел прихода и находился под охраной Управления дворцами. Именно отец Фердинанд добился его открытия в конце мая 1922 г., а 27 июля того же года, после создания прихода, был подписан договор о передаче церкви в пользование верующим. Однако из-за отъезда немцев число прихожан в Ораниенбауме постоянно сокращалось, и 20 апреля 1926 г. приходской совет подал заявление в Ораниенбаумский волисполком о прекращении богослужений в связи с малочисленностью прихожан. Фердинанд Бодунген не смирился с этим, и по его инициативе «двадцатка» Петергофской лютеранской церкви 26 мая 1926 г. обратилась к советским властям с просьбой передать им кирху св. Елены в пользование, на что было получено разрешение. 6 июня того же года отец Фердинанд и приходской совет Петергофской церкви дали расписку о получении кирхи св. Елены в свое пользование. Правда, осенью 1930 г. ораниенбаумская церковь все-таки была закрыта[3].

В 1933–1935 гг., помимо службы в церкви святых апостолов Петра и Павла, Фердинанд Бодунген служил в храме святого Николая Чудотворца в колонии Гражданка (до ее закрытия), а в 1936–1937 гг. — в ленинградской латышской церкви Христа Спасителя на Загородном проспекте. К концу 1930-х годов Бодунген остался последним лютеранским немецким пастором в Ленинграде и окрестностях. Однако в период Большого террора — 27 ноября 1937 г. — он был арестован

по сфальсифицированному обвинению в шпионаже и контрреволюционной агитации. Кроме получения денег и продовольственных посылок из Германии и Латвии, ничего «предосудительного» следствию установить не удалось, но 10 января 1938 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР пастор был приговорен к высшей мере наказания. Фердинанда Бодунгена расстреляли 15 января 1938 г. в Ленинграде и, вероятно, похоронили на Левашовской пустоши.

На этом репрессии немцев-лютеран не закончились — они продолжались еще более полугода. Методы фабрикации новых дел хорошо видны из докладной записки сотрудника III отдела Ленинградского управления НКВД К.П. Тихомирова от 4 февраля 1939 г.: «В июне или июле 1938 г. было передано распоряжение бывшего начальника УНКВД <...> Литвина о немедленной установке и аресте всех бывших членов церковных двадцаток немецких лютеранских церквей. Мы в течение нескольких дней сидели день и ночь, устанавливали и производили аресты, но на нас жало руководство отделения и предлагало выполнить распоряжение комиссара — больше арестовывать и давать расколы. Таким образом, нами были арестованы 25 человек. Из всех этих лиц 75 % старики <...> Мы, видя перед собой людей, которые могли быть антисоветчиками в силу своего общения с немецкими пасторами, а также на почве своих религиозных убеждений и националистов, как немцев, стали от них получать показания как от антисоветчиков-одиночек и при упрощенном методе на них были написаны справки по 2-й категории. Хатеневер, бывший зам. начальника УНКВД <...> выгнал Сысоева из кабинета за то, что не было создано организованной контрреволюционной группы. Стали браться новые показания». В итоге органы следствия «создали» четыре требуемые группы «по принципу церковных приходов», в которые включили 32 человека. Все они были репрессированы[4].

Аресты всех пасторов и разгром приходских советов власти использовали для закрытия последних лютеранских церквей. Архиепископ Михаил (Мудьюгин) позднее вспоминал: «Ослабела, а в конце концов и совсем замерла сама церковная деятельность. Все меньше людей посещало богослужения, пасторы один за другим лишались свободы, да и сами общины одна за другой тем или иным путем прекращали свое существование <...> Наконец, и самая большая, дольше всех державшаяся немецкая община в церкви Св. Петра была насильственно закрыта. В 1937 г. немногочисленные уже прихожане, придя, как в былые времена, 24 декабря на самое торжественное богослуже-

ние в Сочельник Рождества Христова, оказались перед закрытыми дверями. И не было никого, кто взял бы на себя обязанность выяснить причину этой горестной неожиданности. Прихожане разошлись по домам, а некоторые отправились в еще не закрытую латышскую церковь на Загородном проспекте, где множество собравшихся со всех концов города лютеран пели свои гимны <...> Этот Сочельник 1937 г. был последним за два столетия, в течение которых жители Петербурга евангелическо-лютеранского вероисповедания могли торжественно встречать Рождество Христово в церковной обстановке»[5].

После ареста настоятеля церковная утварь петергофской кирхи некоторое время была под наблюдением его вдовы Елизаветы Ивановны Бодунген, но 26 февраля 1938 г. она написала заявление в президиум Петергофского райсовета о намерении сдать эту утварь государству, что и было сделано. Церковь святых апостолов Петра и Павла оказалась закрыта 7 марта 1938 г. и передана под клуб. Ее здание было разрушено в годы Великой Отечественной войны и до нашего времени не сохранилось.

* * *

[1] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 193. Л. 3, 12–14.

[2] Там же. Д. 50. Л. 79, 95–96, 101, 105–106; Д. 76. Л. 116.

[3] Там же. Ф. 512. Оп. 1. Д. 338. Л. 3; Ф. 577. Оп. 3. Д. 25. Л. 75, 79; Д. 64. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 21. Л. 142; Д. 72. Л. 4.

[4] Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-70715, П-13983. Т. 2. Л. 108, 114–115.

[5] *Архиепископ Михаил (Мудьюгин).* Из воспоминаний о жизни ленинградских евангелическо-лютеранских общин перед их ликвидацией // Церковь Ингрии. 1993. № 3–4 (8). С. 19–20.

Е.Г. Удалова

В.Л. АЛЬБРЕХТ. ПОЕЗДКА ЧЕРЕЗ ФРОНТ В СИБИРЬ. К СТОЛЕТИЮ ПЕТРОГРАДСКОЙ ДЕТСКОЙ ПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ (1918–1921)

В статье идет речь о Валерии Львовиче Альбрехте, представителе музыкальной династии. С 1903 по 1935 г. он работал в этнографическом отделе Русского музея и одновременно играл в оркестрах на виолончели. В годы Гражданской войны Альбрехт участвовал в спасении более 800 детей из Петроградской детской питательной колонии, в которой были две его дочери. Детей вывезли на Урал из голодного Петрограда на три летних месяца в 1918 г. Но начавшаяся Гражданская война отрезала их от Петрограда. Более двух с половиной лет длилось их путешествие. Многие люди разных национальностей приняли участие в их спасении. Лишь в 1921 г., объехав вокруг земного шара, колонисты вернулись домой.

Ключевые слова: Валерий Альбрехт, Американский Красный Крест, Петроградская детская колония, Гражданская война.

E.G. Udalova

VALERI L. ALBRECHT. A TRIP ACROSS THE FRONT LINE TO SYBERIA. DEVOTED TO THE CENTINARY OF PETROGRAD CHILDREN'S NUTRITIONAL COLONY (1918–1921)

The article tells about Valeri Lvovich Albrecht, a representative of a dynasty of musicians. From 1903 to 1935 he worked in the Department of Ethnography of the Russian Museum and at the same time played the cello in different orchestras. During the Civil war Albrecht participated in the rescue of more than 800 children — the members of Petrograd Children's Nutritional Colony among whom were his two daughters. The children had been taken away from starving Petrograd to the Urals for three summer months in 1918. But because of the civil war which broke out at that time, they got stuck in the region and could not return to Petrograd. More than two and a half years lasted their trip. Many people of different nationalities took part in their rescue. Only in 1921, having travelled around the globe, they could get home.

Keywords: Valeriy Albrecht, Amerikan Red Cross, Petrograd children's colony, Civil war.

2018 год — это год столетия с начала беспрецедентного путешествия почти тысячи петроградских детей. За эти годы ушли из жизни все участники описываемого события, страна претерпела сильные изменения, но мы считаем необходимым помнить и рассказывать обо всех участниках, больших и маленьких, тех, кто был спасен и кто спасал. Это важная, но малоизвестная страница истории нашего города, многое пережившего за свое долгое существование.

1918 год, в стране разруха и голод. Сильнее других страдает Петроград, в котором к началу революции проживало более двух миллионов человек, а к 1921 г. осталось около восьмисот тысяч. О голоде и ужасах того времени пишут мало, но в какой-то степени их можно сравнить с блокадой Ленинграда. Во всяком случае потери населения были вполне сопоставимы.

Более всего в такой тяжелой ситуации страдают дети. Правительство и общественные организации принимают решение вывезти часть ребят, в основном школьного возраста, в летние питательные колонии. Слово «колония» тогда еще не звучало так трагически, как в последующее советское время, это была просто группа людей, отправившихся вместе в новое для них место поселения. Детей вывозят, организовав отправку от городских районов и ближайших пригородов, и группы называются Василеостровская, Адмиралтейская, Гатчинская и т.д. Иногда детей отправляли различные национальные объединения — еврейские, латышские, польские: «Правление польского рабочего клуба “Луч” Нарвского района устраивает летнюю колонию для детей беднейших членов клуба в возрасте от 2 до 12 лет. Преимуществом пользуются дети безработных членов клуба»[1]. Подобные объявления о возможности отправить детей на лето из Петрограда и Москвы стали появляться в газетах с ранней весны 1918 г. С 1918 по 1921 г. из нашего города выехали и благополучно вернулись, отдохнув и подкормившись, несколько тысяч ребят: «Извещается, что все родители, отправившие своих детей через посредство Выборгского районного совдепа в Вятскую колонию, могут явиться для получения таковых в Комиссариат социальной помощи (Казанская, 7), Николаевский институт»[2].

Но были две группы — 1-я и 2-я колонии, в дальнейшем объединившиеся в одну, которую мы теперь называем Петроградской детской питательной колонией[3], — для которых трехмесячный летний отдых обернулся кругосветным путешествием продолжительностью два с половиной года.

Эта история коснулась семей более восьмисот детей, которые в мае 1918 г. покинули Петроград, выехав с Финляндского вокзала в «хлебородные губернии», как тогда говорили. Их путь лежал на Южный Урал, где в городе Миассе и на курорте Курьи для них уже были приготовлены уютные дачи.

Среди этих восьмисот колонистов были две девочки Альбрехт, мои родные тети — тринадцатилетняя Таня и девятилетняя Настя. Их папа (и мой дед) Валерий Львович волею судеб тоже стал участником этой удивительной истории (рис. 1).

Рис. 1. Валерий Львович Альбрехт. 1903 г.
Архив семьи Альбрехт-Удаловых

Семья Альбрехт проживала в нашем городе с 1838 г. Мы уже писали про эту династию музыкантов, выходцев из Пруссии[4]. Валерий Львович родился в 1878 г. в семье виолончелиста Людвига Карловича Альбрехта, профессора Московской консерватории и солиста Большого театра в Москве. Его мать, Раиса Евстафьевна, урожденная Владимирова, окончила Киевское музыкальное училище по классу вокала. В семье было еще три дочери и сын. Все дети в совершенстве знали немецкий язык. Отец научил Валерия не только играть на виолончели, но и рисовать. Учился он в Московском реальном училище, а в 1897 г. окончил Саратовское музыкальное училище, которое позднее было преобразовано в консерваторию. С этого времени и до 1902 г. Валерий Львович работал в бухгалтерии страхового общества «Якорь», продолжая совершенствоваться в игре на виолончели. Потом около года в качестве виолончелиста частной опереточной труппы Кисилевича гастролировал по городам юга России. А с 1903 г. и до конца жизни Валерий Львович прожил в Санкт-Петербурге, служа в этнографическом отделе Русского музея.

Несмотря на то что в документе об общем образовании у Валерия Львовича написано, что он отчислен из Реального училища «по неуспешности[5]»[6], он более 32 лет вполне успешно проработал в Русском музее, освоив за это время несколько важных и ответственных специальностей. Начав с небольшой должности писца, он очень скоро был отмечен начальством как ответственный и трудолюбивый работник. Кропотливое исполнение возложенных на него обязанностей вкупе со стремлением к самосовершенствованию позволили ему изучить и прекрасно справляться с различными специальностями, требующими высокой квалификации. В разное время он исполнял, нередко совмещая, должности канцеляриста, делопроизводителя, кассира, казначея, инвентаризатора, заведующего реставрационными мастерскими и даже научного сотрудника второго разряда (попутно изучал манекенное дело). С 1920 по 1924 г. Альбрехт исполнял должность коменданта зданий Русского музея, а с 1924 по 1934 г. заведовал амбулаторией (впоследствии здравпунктом) Русского музея.

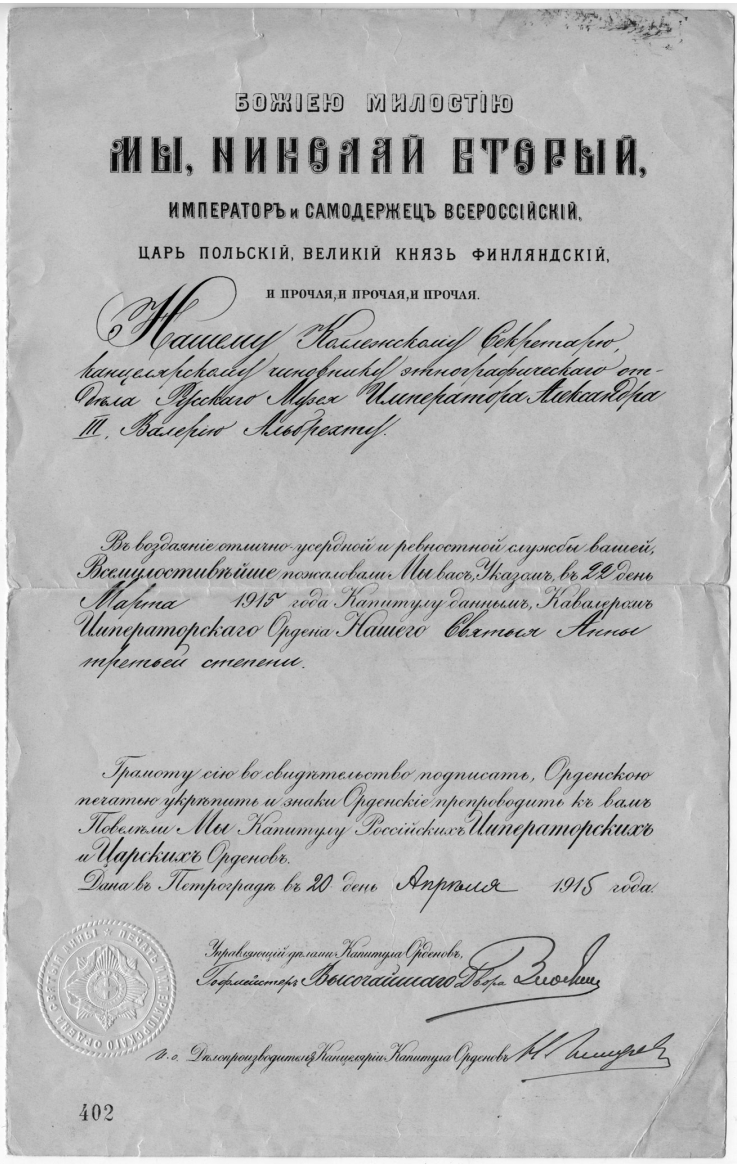
Будучи человеком активным, Валерий Львович занимался благотворительной и общественной работой. С 1915 по 1917 г. он находился на службе в Ведомстве императрицы Марии — был почетным старшиной детского приюта в память цесаревича Георгия Александровича и преподавал там бесплатно музыку. В 1917 г. он стал делопроизводителем районной комиссии по выборам в Учредительное

собрание; затем секретарем Комитета бедноты; казначеем Местного комитета (МК), кассы взаимопомощи и даже всего 1-го Спасского района. Председатель Местного комитета писал в докладной о Валерии Львовиче: «Работа тов. Альбрехта как казначея, требующая безукоризненной честности, заботы о выполнении финплана, аккуратного и своевременного предоставления отчетности и внимательного изучения всех вопросов, касающихся МК, выполняется настолько успешно, что т. Альбрехт неоднократно премирован был как денежной выдачей, так и предоставлением бесплатной путевки в дом отдыха»[7]. Надо добавить, что и в царское время труды Альбрехта не остались без внимания. В 1910 г. он получил орден Св. Станислава III степени, а в 1915 г. — Св. Анны III степени (рис. 2).

С начала революции 1917 г. Альбрехт работал под управлением З.И. Лилиной, занимаясь организацией детских домов, площадок и молочных станций «Капля молока». В документе Русского музея 1932 г. это представлено так: «Активное участие в работе с партией большевиков (Лилина–Зиновьева) главным образом по детским садам и площадкам»[8]. В последующие годы эта запись в служебном деле могла обернуться против него...

При всей своей занятости Валерий Львович не оставлял музыку. Он не только преподавал игру на виолончели в Детском приюте в память цесаревича Георгия Александровича и Белорусской трудовой школе (гимназии) 1-й и 2-й ступени. Почти каждый вечер он играл в ресторанах, небольших театрах и кино, сопровождая немые фильмы. И еще он сочинял музыку. Но в семье сохранились лишь ноты «Маленького вальса», посвященного жене, Августе Ивановне. Как писал сам Валерий Львович: «По окончании музыкального образования я работаю в оркестрах с 1901 г. и одновременно с 1903 г. беспрерывно до сих пор — в Государственном Русском музее. Таким образом, мой трудовой стаж определяется: по оркестровой работе в 32 г. и по работе в Музее в 30 лет»[9]. Удивительно, насколько это был работоспособный человек.

В 1904 г. Валерий Львович создает семью. В его паспорте появляется такая запись: «Означенный в сей паспортной книжке сын коллежского секретаря Валерий Людвигович Альбрехт повенчан 12 апреля 1904 г. первым браком с петербургской мещанкою девицей Августою Ивановною Соколовой в церкви Св. Архистратига Михаила, что при Русском музее императора Александра III, приписанной к церкви придворно-конюшенной части С.-Петербурга»[10]. В нашей семье хранятся пригла-

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Каменскому секретарю канцелярскому смотрителю этнографическаго отдела Русскаго Музея Императора Александра III. Валерію Альбрехту.

Во воздаяніе отлично-усердной и ревностной службы вашей, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ, Указомъ, въ 20 день Марта 1915 года Капитулу данными, Кавалеромъ Императорскаго Ордена Нашего Святыя Анны третьей степени.

Грамоту сію во свидѣтельство подписать, Орденскою печатью укрѣпить и знаки Орденскіе препроводить къ вамъ Повелѣли Мы Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

Дана въ Петроградѣ въ 20 день Апрѣля 1915 года.

Управляющій дѣлами Капитула Орденовъ, Гофмейстеръ Высочайшаго Двора Злочевскій

и. о. Дѣлопроизводителя Канцеляріи Капитула Орденовъ

402

Рис. 2. Указ Николая II о награждении В.Л. Альбрехта орденом Св. Анны II степени. 1915 г. Архив семьи Альбрехт-Удаловых

шение на их свадьбу и флердоранж Августы Ивановны (рис. 3). С этого времени и до 1981 г. семья жила в различных квартирах, предоставляемых музеем своим сотрудникам на Инженерной улице, д. 4. Вместе с ними жили и многочисленные родственники, которым Валерий Львович помогал устроиться на работу в музей. Здесь у Альбрехтов родились дочери Татьяна (1905 г.р.) и Анастасия (1908 г.р.) — героини нашего рассказа, а затем и Елена (1922 г.р.), моя мама.

Рис. 3. Альбрехт Валерий Львович и Августа Ивановна. 1904 г.
Архив семьи Альбрехт-Удаловых

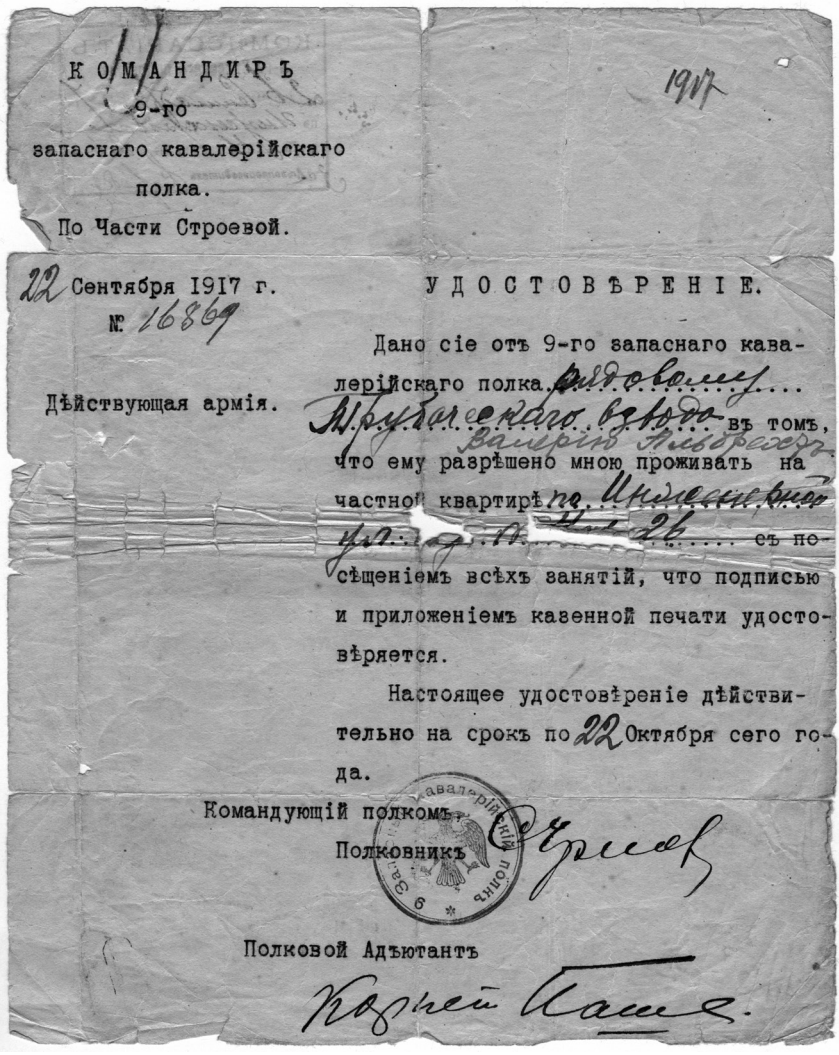
Шла размеренная жизнь со своими радостями и горестями. Но началась Первая мировая война, и сразу все изменилось к худшему. Валерий Львович был мобилизован в Трубаческий взвод 9-го запасного Кавалерийского полка. Такие военные оркестры (Трубаческие взводы) во время Первой мировой войны в основном участвовали в благотворительных концертах с целью сбора денег для действующей армии, в пользу раненых и увечных воинов и для семей погибших. Из-за возраста (около 40 лет) и по состоянию здоровья Альбрехт не был на казарменном положении. В семье сохранился документ, разрешающий ему проживать в собственной квартире, а на службе появляться только при необходимости, когда в оркестре требовался виолончелист (рис. 4).

Начавшаяся революция усугубила бедствия и голод в стране, особенно в таких больших городах, как Петроград и Москва. Больше всего страданий это принесло детям. Не удивительно, что их хотя бы на три летних месяца решили отправить подальше от смуты, дали им возможность подкормиться и отдохнуть.

И вот 18 и 24 мая двумя эшелонами наши колонисты отправились в путь. Ни у кого из детей не было с собой никаких документов, хотя среди них были и шестнадцатилетние подростки. Они во всем полагались на воспитателей и учителей, которые их сопровождали. С собой ребята везли летние вещи и деньги на питание в расчете на три месяца. У большинства одежда была завернута в специально сшитые родителями наматрасники, которые на месте предполагалось набить сеном и использовать как матрасы.

Теплушки двигались медленно, подолгу стояли на станциях, и весь путь до места отдыха занял две недели. Но ребят это не смущало, они радовались предстоящим приключениям, не ожидая, что их путешествие затянется. И они сразу были приятно удивлены кашей с маслом, которое многие не видели уже несколько месяцев.

Их отдых начался замечательно. Красивейшие места, непривычные пейзажи с горами и чистыми, прозрачными озерами. Конечно, приходилось ухаживать за своими вещами, убирать в комнатах и дежурить в столовой. Для многих это было непривычно, но совсем не трудно. Преподаватели старались занять детей, для них проводились экскурсии, дальние походы, во время которых они собирали ягоды и грибы, ловили рыбу и сами варили уху на костре. С ними занимались химией и геологией: красивые разноцветные минералы попадались буквально на каждом шагу. Многие начали собирать коллекции. Из письма Тани

КОМАНДИРЪ
9-го
запаснаго кавалерійскаго
полка.
По Части Строевой.

1917

22 Сентября 1917 г.
№ 16869

Дѣйствующая армія.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Дано сіе отъ 9-го запаснаго кавалерійскаго полка рядовому Трубаческого взвода Валеріи Альбрехту въ томъ, что ему разрѣшено мною проживать на частной квартирѣ по Инженерной ул. д. № 26 съ посѣщеніемъ всѣхъ занятій, что подписью и приложеніемъ казенной печати удостовѣряется.

Настоящее удостовѣреніе дѣйствительно на срокъ по 22 Октября сего года.

Командующій полкомъ
Полковникъ

Полковой Адъютантъ

Рис. 4. Удостоверение В.Л. Альбрехта — рядового Трубаческого взвода. 1917 г. Архив семьи Альбрехт-Удаловых

Альбрехт: «Миленькая мамуся! Когда мы жили в Миассе, то собирали коллекцию камней. Я тоже собирала. У меня есть очень хорошенькие камни. Мне очень нравится голубой камень, амазонит. Я посылаю вам

кусочек этого камня. По-моему, этот камень можно вставить в кольцо или в брошь. Он как бирюза. У меня только нет горного хрусталя, граната, изумруда, топаза и аметиста»[11]. Таня привезла домой коробку с уральскими камнями, которые хранятся в нашей семье до сих пор.

Шестнадцатилетний мальчик Котя — будущий всемирно известный ботаник Николай Родионович Иванов[12] — уже тогда проявил себя как ученый. Он вполне профессионально собирал гербарий, вел фенологический дневник и подробно, с рисунками, записывал маршруты своих экскурсий и происходящее в колонии в тетради, две из которых сохранились. Читая их сейчас, понимаешь, что это писал незаурядный человек.

Ребята отдыхали, наслаждались жизнью, в силу детского возраста забыв о недавнем голоде. Конечно, они немного скучали без родителей, о чем писали в многочисленных письмах, но ведь лето пролетит быстро и к сентябрю они вернутся домой...

Но жизнь распорядилась по-другому. В стране уже шла Гражданская война. Недалеко от тех мест, где жили петроградские дети, вспыхнул мятеж Чехословацкого корпуса под предводительством Радолы Гайды[13]. Его поддержали местные отряды, и моментально огромная территория от Урала до Владивостока была втянута в военные действия. Колонии оказались за линией фронта, всякая связь с Петроградом прекратилась.

Сначала детям обещали, что они вернутся домой к Рождеству, потом перестали вообще что-либо предполагать. Таня писала родителям 3 августа 1918 г.[14]: «Милые папочка и мамочка! Как вы поживаете? Нам живется очень плохо. Христина[15] нас всех поедом ест. Нам прямо житья нет. Она нас все время вместо того, чтобы утешить, только расстраивает. Говорит все время, что мы не поедем в Петроград и останемся здесь до Рождества. Конечно, маленькие начинают плакать. Нам говорит, что в Петрограде страшный голод, едят собак и кошек, что у всех холера и умирают по 1000 человек в день и что Петроград заняли немцы»[16]. По воспоминаниям колонистов, нередко девочки собирались вместе, начинали вспоминать дом, родных. Потом кто-нибудь начинал плакать, и это переходило в общую истерику. Из письма Тани: «Милая мамусенька! Мы очень скучаем о вас и часто плачем. Мы теперь часто поем. Особенно часто мы поем песню “Дремлют плакучие ивы”. Однажды мы несколько раз пропели ее и наконец заплакали. Нас очень растрогали слова: “Где ты, голубка родная,

помнишь ли ты обо мне, плачешь, как я, изнывая, плачешь в родной стороне". Милая мамочка!»[17]

Колонисты оказались в положении гораздо худшем, чем прошедшей зимой в Петрограде. Они были оторваны от родных, не только не знали, что происходит с родителями, но и предполагали самое худшее. В связи с инфляцией, сопровождающей все войны и политические неурядицы, еще в середине июля закончились деньги. Некоторые преподавательницы продавали свои обручальные кольца и серьги, чтобы накормить детей. Летняя одежда не спасала от наступивших осенних холодов. Несколько раз они попадали в самую гущу боев — приходилось прятаться под кроватями от залетавших в комнаты пуль, ворвавшиеся в спальни военные протыкали штыками их матрасы в поисках врагов. На их глазах происходили сцены избиения и даже казни пленных. Их уютные дачи отбирали, чтобы разместить там лазареты. Положение было катастрофическим.

К счастью, всегда находятся люди, готовые в самых тяжелых условиях помочь другим, даже незнакомым. Местные благотворители, частные лица и различные организации пришли на помощь петроградским детям. Их небольшими группами развезли по городам, поселкам, деревням и хуторам. Снабдили необходимой теплой одеждой, кормили, устроили на учебу в местные школы и гимназии. Некоторые самые старшие мальчики были взяты работниками на хутора. Все они с благодарностью вспоминали своих хозяев, относившихся к ним как к своим детям и даже предлагавших остаться у них навсегда.

Трудно передать тревогу и отчаяние родителей, которые потеряли всякую связь со своими детьми. Сами находясь в тяжелейших условиях голодного Петрограда, они предполагали самое худшее. Несомненно, это незнание о судьбах друг друга было очень тяжело для всех. Это теперь мы знаем, что никогда нельзя расставаться с близкими, что все трудности легче пережить в кругу семьи. А тогда большинство семей колонистов расстались в первый раз; люди были совершенно не подготовлены к такой ситуации. И дети, и родители, наверное, были согласны с Таней Альбрехт, которая писала маме: «Мы теперь почти всегда сыты, но хлеба не остается. Пища теперь лучше, чем прежде: дают котлеты, рисовую кашу, оладьи из манной каши с сахарным песком, раз дали манной каши с морсом, а в другой раз кислого черничного супа. Но, несмотря на все это, так хочется домой, что прямо и описать нельзя. Я согласна была бы и голодать, и умереть от холеры, но всем вместе. Дура я, что поехала! Настоящая идиотка! Ведь

знала я, что у вас будет голод, а все-таки поехала. Бесстыжая я рожа! Да еще и Настю с собой повезла! Я вижу, что она скучает, но редко говорит об этом»[18].

При Союзе городов был образован Родительский комитет, который решил отправить делегатов, чтобы перейти линию фронта, разыскать колонии за Уралом и вернуть их в Петроград. Из нескольких сотен родителей колонистов были выбраны три отца: Пржеводский Иван Петрович, Разумов Иван Евграфович и Альбрехт Валерий Львович. В помощь им от Шведского Красного Креста был направлен пастор Вильгельм Сарве[19]. Их ответственная миссия требовала большого мужества и самоотверженности. В служебном деле Альбрехта записано: «С августа 1918 г. — командирован в Сибирь через фронт делегатом по делам детской колонии (три предыдущие делегации, отправленные из Ленинграда[20], погибли. Из них две были расстреляны и одна пропала без вести)»[21]. И комиссар при Русском музее, известный искусствовед Н.Н. Пунин в характеристике, данной Валерию Львовичу в 1932 г., отмечал: «Две предыдущие делегации, отправленные с аналогичным поручением из Ленинграда, были расстреляны»[22]. Пока мы ничего не смогли узнать об этих двух (или даже трех?) погибших делегациях. Но у нас нет оснований не верить этим документам.

Незадолго до этого Альбрехт испрашивал себе двухмесячный отпуск, так как очень плохо себя чувствовал. Теперь, когда положение с колонией было столь катастрофическим, он писал следующее: «Вышеизложенное обстоятельство в корне меняет предположение мое в случае разрешения мне отпуска на два месяца, о поездке в Киев для поправления здоровья, и заставляет меня вновь обратиться к Вам с просьбою поставить на обсуждение вопрос о моем отпуске не для личных целей, о которых я должен забыть в такое время, когда целые детские колонии в 1000 человек обрекаются на лишения и возможную гибель. Питаю надежду, что при обсуждении этого вопроса будут приняты во внимание исключительные обстоятельства, на которые я ссылаюсь, и мне разрешен будет просимый двухмесячный отпуск с сохранением содержания»[23]. Отпуск ему разрешили, правда, вместе со сбором документов в Москве и поездкой в Сибирь он отсутствовал на службе около шести месяцев.

С сентября по конец октября продолжались мытарства с получением мандатов и разрешений, сбором денег для колонии. Даже для проезда от Петрограда до Москвы, помимо сложностей с получением билетов, нужно было иметь особое разрешение. А что уж говорить

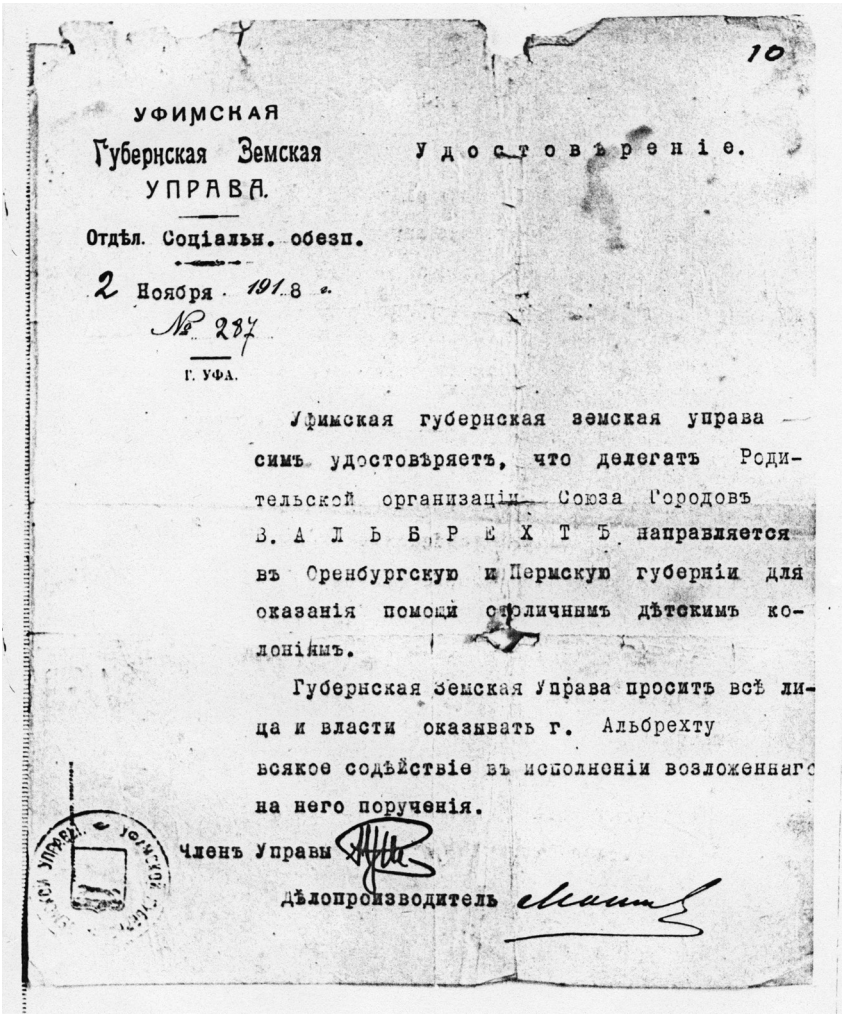
о переходе границы в военное время. Вот один из многих документов[24], сохранившихся в нашей семье: «Выдано настоящее представителю Родительской Организации Валерию Львовичу Альбрехту, посланному для реэвакуации детских колоний, находящихся в Оренбургской губ. и Пермской губ., на предмет исходатайствования предоставления во внеочередном порядке вагонов и иных перевозочных средств для перевозки детей. Московская Центроколлегия[25] просит все ведомства и организации оказывать гражданину Валерию Львовичу Альбрехту всякое содействие к скорейшему выполнению данных ему поручений и предоставляет проезд в делегатских и служебных вагонах»[26]. Документ подписан председателем Центроколлегии и начальником отдела эвакуации населения (рис. 5).

Необходимо было предусмотреть все до мельчайших деталей, разработать наиболее безопасный маршрут для делегатов и возвращения детей. С 16 сентября по 8 октября Валерий Львович вел подробный дневник. Из Москвы он пишет письмо жене в Петроград: «Я записываю в тетрадь последовательно, как независимо от нашей воли и нашей работы складываются обстоятельства по нашему делу. Эту тетрадь я на твое имя заказным письмом пошлю из Кузнецка перед переходом за фронт, и ты будешь вполне в курсе дела. Мне эта запись необходима для доклада Общему собранию по возвращению в Петроград»[27]. Из Кузнецка, последнего пункта перед переходом линии фронта, дневник был переслан в Петроград Августе Ивановне и до сих пор бережно хранится в нашей семье (рис. 6).

В деле спасения колонистов, помогая делегатам получить многочисленные разрешения и мандаты, приняли участие многие известные и влиятельные люди того времени. Это писатель М. Горький; искусствовед, ученый, комиссар Русского музея Н.Н. Пунин; председатель Союза городов В.М. Свердлов (брат Якова Свердлова); нарком иностранных дел Г.В. Чичерин; заведующая отделом народного образования Петроградского исполкома З.И. Лилина (жена Г.Е. Зиновьева).

Не зная, в каком состоянии в это время находились дети, родственники собрали для них теплую одежду. Ее, занявшую целый железнодорожный вагон, попытался провезти Разумов. Но через линию фронта в Уфу его с таким грузом не пропустили, и все вещи были переданы в детские дома, находящиеся на советской стороне.

Для того чтобы поддерживать колонию и организовать ее возвращение, нужно было много денег. Валерий Львович писал в дневнике: «Предполагаемый расчет денег такой: всех денег 118 082 руб. На уплату

10

УФИМСКАЯ
Губернская Земская
УПРАВА.

Отдѣл. Соціальн. обезп.

2 Ноября 1918 г.
№ 284

Г. УФА.

Удостовѣреніе.

Уфимская губернская земская управа симъ удостовѣряетъ, что делегатъ Родительской организаціи Союза Городовъ В. А Л Ь Б Р Е Х Т Ъ направляется въ Оренбургскую и Пермскую губерніи для оказанія помощи столичнымъ дѣтскимъ колоніямъ.

Губернская Земская Управа проситъ всѣ лица и власти оказывать г. Альбрехту всякое содѣйствіе въ исполненіи возложеннаго на него порученія.

Членъ Управы

дѣлопроизводитель

Рис. 5. Удостоверение В.Л. Альбрехта — делегата родительской организации Союза городов. 1918 г. Архив семьи Альбрехт-Удаловых

долгов (жалованье персоналу колоний 1-й 15 000 руб. и 2-й 35 000 руб.) — итого 50 000 руб. На расходы по перевозке детей и их питание 50 000 руб. Родительских денег для передачи детям 16 082 руб. и наших на расходы делегации 2000 руб.»[28] В общую сумму вошли деньги, выделенные

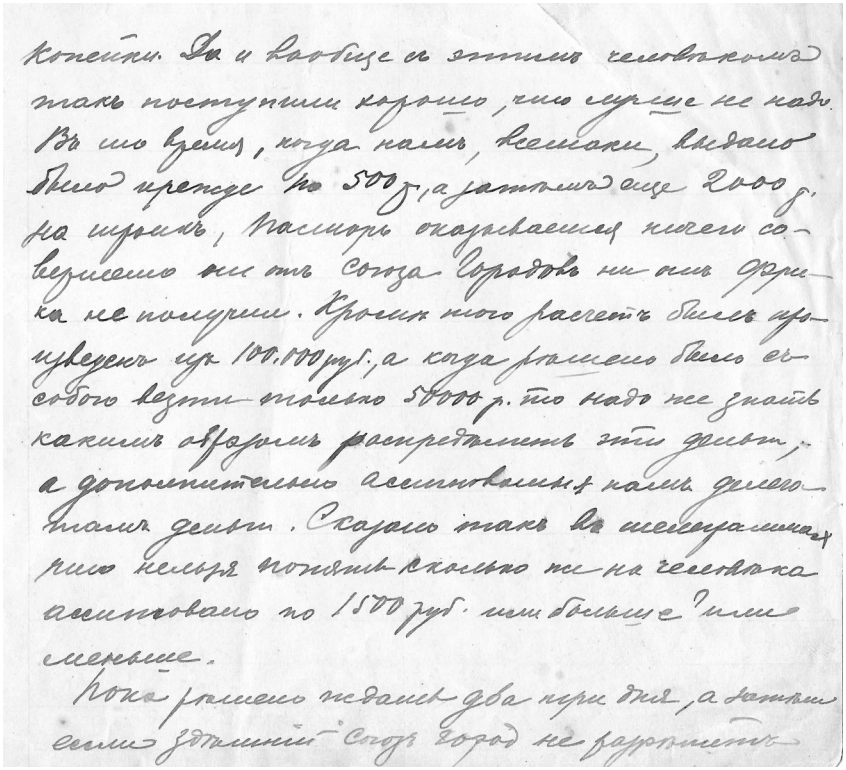

Рис. 6. Дневник В.Л. Альбрехта. 1918 г. Архив семьи Альбрехт-Удаловых

Советским правительством, Союзом городов, собранные родителями. Значителен был вклад в сбор денег и документов Международного совещания Обществ Красного Креста нейтральных стран в Москве, Американского, Шведского, Датского, Швейцарского Красных Крестов. Владение немецким языком помогало Валерию Львовичу свободно общаться с представителями иностранных государств. В удостоверении от председателя Международного комитета Красных Крестов на русском и французском языках написано: «Ввиду трагического положения семейств таким образом рассеянных и общего участия в неотложной помощи, Международное Совещание Обществ Красного Креста Нейтральных Стран в Москве счастливо принять В.Л. Альбрехта под свое непосредственное покровительство.

Оно не сомневается в том, что все гражданские и военные власти не откажут в самой широкой и немедленной помощи представителям родителей в поиске детей, уверено в том, что никто не может остаться безучастным к судьбе стольких невинных.

Общества Красного Креста Нейтральных Держав, работа которых в России всегда была основана на принципах обоюдности и безусловной нейтральности, обращается с убедительным призывом ко всем, к кому обратятся означенные уполномоченные, для облегчения осуществления их задачи»[29].

Перевозить деньги и отвечать за них должен был пастор Сарве. Валерий Львович, избранный руководителем делегации, вез списки колонистов с подписями родителей. Это был единственный документ, по которому более восьмисот детей должны были перейти линию фронта и доехать до Петрограда. Ни у кого из них не было даже справок, не говоря уже о паспортах...

Второго ноября Альбрехт, Пржеводский и пастор Сарве благополучно переходят линию фронта и попадают в Уфу, на территорию, подвластную правительству Колчака, где имеются еще и многочисленные банды. Делегаты начинают объезжать населенные пункты, в которых находятся дети, раздают деньги. Каждый переезд из одного города в другой в условиях военного времени опасен и требует особого разрешения. Несмотря на то что делегаты едут из большевистского Петрограда, местные руководители идут им навстречу и также оказывают содействие. Уполномоченный командира Уральского отдельного корпуса по охране государственного порядка и общественной безопасности по городу Троицку и уезду пишет: «Разрешается беспрепятственный выезд из города Троицка в города Петропавловск, Курган, Тюмень, Ирбит, Омск и станцию Уйскую для осмотра детских колоний. Прошу оказывать всех властей и учреждения всякое ему содействие»[30]. Даются предписания: «Городская и уездная милиция, волостные и сельские власти обязаны оказывать содействие и безотлагательно предоставлять предъявителю сего В. Альбрехту обывательскую или земскую подводу по две лошади с платежом прогонов по 5 коп. с версты и лошади»[31] от председателя Земской управы; «предписываю давать беспрепятственно подводу по его указанию»[32] от командира 3-й Этапной отдельной роты и т.д. В большинстве документов подчеркивается, что В.Л. Альбрехт — представитель Красного Креста.

Трудно передать радость детей, когда делегаты приезжали к ним. Все с огромным вниманием слушали рассказы о жизни в Петрограде,

но особенно всех заинтересовали прочитанные Альбрехтом списки колонистов. Тетрадь просили показать снова и снова, гладили и целовали подписи мамы или папы. Хоть так они могли прикоснуться к родным людям, находящимся вдали от них. В ответ каждый ребенок мог написать письмо домой на одном листе общей тетради. Одиннадцатилетний мальчик Женя Шведов писал: «Ой как я обрадовался узнав, что приехал В.Л. Альбрехт, я очень обрадовался не деньгам, а маменькиной подписи, из-за этого я узнал, что вы живы. Он рассказал нам о Петрограде»[33]. Около двух месяцев пробыли Альбрехт, Пржевотский и пастор Сарве среди колонистов, общаясь с ними, помогая преподавателям привести дела в порядок и выясняя возможности отправить колонию в Петроград. Валерий Львович много времени проводил в Петропавловске, где жили его дочери. Он много внимания уделял всем детям, рассказывал им о жизни в Петрограде, учил их петь и танцевать. Таня Альбрехт вспоминала: «Во время пребывания в колонии отец старался ничем не выделять нас с сестрой, ко всем девочкам относился ровно»[34]. «Это было в Петропавловске. Однажды к нам приехал папа Насти и Тани Альбрехт. Все были очень рады, потому что он привез подписи от родителей, он жил у нас один месяц и учил нас петь и танцевать, но так как он приехал делегатом, то ему надо было уезжать обратно в Петроград»[35], — писала подруга Тани и Насти. Многие дети стали называть Альбрехта папой: «Дорогой папочка Валерий Львович. Мы получили от вас три письма. Мы были очень рады. Милый папочка, дай Бог вам доехать до Петрограда без всяких опасных приключений»[36]. Так они продолжали называть его и много лет спустя, приходя в гости в квартиру на Инженерной улице в Петрограде (рис. 7).

Проехав сами по воюющей стране, перейдя линию фронта, видя, в каком состоянии находятся дороги, делегаты пришли к заключению, что везти в таких условиях почти тысячу детей слишком опасно, это неоправданный риск. На счастье в Сибири в это время работала миссия Американского Красного Креста (АКК), согласившаяся взять на себя все заботы о колонии с обещанием вернуть детей при первой возможности родителям. Видимо, после переговоров с представителями АКК Валерий Львович написал дочерям и их подругам Березкиным: «Судьба вас закинула за тысячи верст от любящих вас людей, вы не чувствуете над собою любящей руки матери. Никто и никогда не заменит нам наших близких, родных, и если мы видим в людях хорошее к себе отношение, заботу и ласку — как это ценно для тоскующей

Рис. 7. Родительская делегация в Петропавловске. Декабрь 1918 г.
Архив семьи Альбрехт-Удаловых.
Верхний ряд, 6-я слева — Татьяна; 2-й ряд сверху,
6-й слева — В.Л. Альбрехт; 3-й ряд сверху, 2-я слева — Анастасия,
3-й — пастор Сарве

души. Я оставил вас людям, посланным нам самим Провидением, которые поняли по благородству своей души ваше положение и которые обещали мне не покидать вас. Я уверен, что в них вы найдете утешение в ваших горестях»[37] (рис. 8).

Тяжелым было расставание Валерия Львовича с дочерьми. Младшая, Настя, очень скучала по маме, она писала: «Мама я хочу к тебе. От Насти.

Мама, мама, мама я хочу очень очень-очень к тебе твоя дочка Настя.

Мама, мама моя»[38].

Когда пришло время прощаться с папой, она страшно плакала, просила взять ее с собой, как будто предчувствовала свою судьбу... Но отец сказал ей, что приехал за всеми детьми и не может взять только свою дочь. Конечно, он также понимал, что даже с одним ребенком переходить линию фронта и вообще передвигаться в районе боевых

Рис. 8. Альбрехт с дочерьми и их подругами.
Петропавловск. Декабрь 1918 г. Архив семьи Альбрехт-Удаловых.
Верхний ряд слева направо — Вера Березкина, Валерий Львович, Таня;
нижний ряд слева — Линя Березкина, справа — Настя

действий крайне опасно. То, как он возвращался (Пржеводский и пастор Сарве уехали немного раньше), подтвердило его опасения. Он попадал в перестрелку; как-то его чуть не расстреляли белые офицеры, не желавшие даже смотреть документы «шпиона», и он только чудом уговорил их проверить его бумаги; ехал в вагоне для тифозных больных. Впоследствии он крайне неохотно вспоминал это время.

Для возвращения вновь требовались многочисленные мандаты. Так, на удостоверении от народного комиссариата по военным делам появилась приписка от начальника 1-й Симбирской железной дивизии Гая[39]: «Пропускать беспрепятственно через фронт»[40]. Сохранилось удостоверение, выданное Революционным военным советом города Уфы, о том, что Альбрехт «Политическим отделом командируется в распоряжение Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов»[41]. 18 февраля председателем Всероссийского центрального исполнительного комитета (ЦИК) Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов Яковом Свердловым выдано разрешение на «проезд в делегатском вагоне от ст. Москва до ст. Петроград»[42].

Газета «Северная коммуна» писала 28 февраля: «Командированные в Сибирь в детские колонии представители Союза городов, пастор Сарве и родители, гр. Альбрехт и Пржеводский, вернулись обратно и привезли точные сведения о положении колоний. После 2 марта будет устроен ряд родительских собраний, на которых делегаты дадут полный отчет об общем состоянии колоний, а также сообщат сведения об отдельных питомцах колоний. <...> В настоящее время все детские колонии поступают на попечение Американского Красного Креста»[43].

Несмотря на тяжелейшие условия Гражданской войны, представители Американского Красного Креста сумели выполнить свое обещание, но для этого понадобилось гораздо больше времени, чем предполагалось вначале. Они собрали детей, обеспечили их всем необходимым. Были приобретены даже музыкальные инструменты для детского оркестра. Колонии пришлось отступать от сдвигающейся линии фронта, и к лету 1919 г. она оказалась во Владивостоке. Там ребят разместили на острове Русском и на станции Вторая Речка. Все они продолжили учебу в местных школах и гимназиях, а старшие — в институте. В свободное время колонисты ставили спектакли, устраивали концерты и танцы, занимались в скаутских группах. И все время ждали, когда же они поедут домой.

Но не все смогли осуществить свою мечту. Маленькая Настя Альбрехт, которая так хотела поехать со своим папой домой, тяжело

заболела. Ее не удалось спасти, она скончалась в декабре 1919 г. и похоронена на острове Русском. Родители узнали об этом только в декабре 1920 г., когда Таня смогла прислать им письмо из Халила. Всего за время этого беспримерного путешествия умерло от болезней и погибло от несчастных случаев 19 детей из более чем восьмисот. Это была страшная трагедия для каждой семьи. Но справедливости ради надо сказать, что, оставшись в Петрограде, гораздо большее число детей не смогли бы пережить эти суровые годы (рис. 9).

Рис. 9. Настя Альбрехт при переезде на остров Русский. Сентябрь 1919 г. Архив семьи Альбрехт-Удаловых

Колонисты оставались во Владивостоке до лета 1920 г. Представители АКК Барл Бремхолл и Райли Аллен надеялись на скорое возвращение и старались поддержать ребят. Уже были готовы два эшелона, чтобы везти их в Петроград. Но, несмотря на их надежды, политическая обстановка только ухудшалась. Скоро все стало совсем плохо, японские войска начали оккупацию Владивостока, путь по суше был отрезан. Работники АКК получили распоряжение от своего правительства об эвакуации. Но Бремхолл и Аллен не могли бросить детей, доверившихся им. Они решили, что попытаются вывезти колонию морским путем. Начались поиски подходящего судна. Но все страны отказали. И лишь Япония, которая в тот момент находилась в состоянии войны и с Россией, и с Америкой, согласилась помочь. Огромную роль в этом сыграл доктор Рудольф Тойслер, который ранее работал в АКК во Владивостоке,

а теперь помогал налаживать медицинское образование в Японии. Удалось зафрахтовать японский сухогруз «Йомей Мару». В течение короткого времени на личные деньги хозяина пароходной компании господина Катсудо сухогруз был переоборудован в судно, на котором можно было перевозить людей. И не просто людей, а почти тысячу беспокойных ребят, воспитателей, учителей, сотрудников АКК, обслуживающий персонал. Для малоквалифицированных работ были наняты бывшие военнопленные: чехи, австрийцы, поляки и др., им это давало не только работу, но и возможность попасть в Европу. Была набрана японская команда во главе с капитаном Матодзи Каяхарой. Видимо, боги тоже благосклонно отнеслись к нашим колонистам. За все время их морского путешествия не было сколько-нибудь сильных штормов, не произошло серьезных несчастных случаев. Хотя такое количество ребят самого беспокойного возраста доставило воспитателям и команде много хлопот. Не только мальчишки, но и девочки среднего и старшего возраста, какими к этому времени были Таня Альбрехт и ее подруги, придумывали всякие каверзы. Например, они ставили стул на борт корабля так, что две ножки свешивались за борт, а две висели над палубой. Вся прелесть заключалась в том, чтобы сидеть и читать книгу, балансируя в таком опасном положении. Так они развлекались, пока кто-то из преподавателей не увидел жуткую картину и не погнал всех в трюм. Мальчики лазили на реи и в другие не менее опасные места. Но, к счастью, все обошлось благополучно (рис. 10).

На их пути к берегам Европы было три большие остановки, когда дети могли сойти на берег. И Япония, и Америка пустили к себе такое количество детей без паспортов и вообще каких-либо документов. Первая остановка была в японском порту Мураран. Затем по несколько дней дети жили в Сан-Франциско и Нью-Йорке. Огромный интерес вызвал проход по недавно построенному Панамскому каналу. Во всех этих пунктах местные жители прекрасно встречали ребят. Для них устраивали концерты и экскурсии, осыпали подарками и сувенирами, угощали сладостями. Во многих семьях эти сувениры и открытки хранятся до сих пор, так же как и американские газеты 1920 г., где рассказывается о приезде детей из далекой России. То, что люди не побоялись хранить эти газеты, сувениры и открытки от своих американских друзей даже в самое страшное время репрессий, говорит об их огромной благодарности и стремлении сохранить память о своих спасителях. Это было очень рискованно. Мы знаем, что несколько

Рис. 10. Таня Альбрехт на борту «Йомей Мару». Август 1920 г.
Архив семьи Альбрехт-Удаловых

человек пострадали и были репрессированы, когда впоследствии где-то в анкетах заявили, что были в Америке. К счастью, их было немного, и органы не смогли вычислить всех.

После Нью-Йорка, пройдя через Атлантический океан и напичканное минами Балтийское море, «Йомей Мару» подошел к берегам Европы. Японский корабль под американским флагом не мог войти в территориальные воды России. Его приняла Финляндия. Детей высадили в порту Койвисто, и здесь они простились с капитаном Каяхара и японской командой. На прощание дети подарили им подарки — рисунки и поделки, многие девочки связали что-то своими руками.

Колонистов разместили в бывшем императорском санатории Халила, где они прожили до января 1921 г. Только убедившись, что каждого ребенка ждут в Петрограде родители или родственники и он не окажется на улице, американцы переправляли их небольшими группами через границу на реке Сестре. А дальше они на поезде доезжали до Финляндского вокзала в Петрограде, откуда началось их путешествие в мае 1918 г. Таким образом, они совершили самое настоящее кругосветное путешествие.

Возвращение Тани Альбрехт не было таким радостным, как в других семьях. Только из ее письма из Халила родители узнали о смерти младшей дочери...

Нашим колонистам очень повезло, что на их долгом и трудном пути встретилось столько добрых и самоотверженных людей, которые в условиях войны и разрухи нашли в себе силы помогать другим. Это были люди разных национальностей, различного вероисповедания, стоявшие на разных ступенях социальной лестницы и по разные стороны линии фронта. Но всех их объединило стремление помочь несчастным детям из Петрограда. Колонисты и их семьи до конца жизни были благодарны своим спасителям. И сейчас Сообщество потомков участников тех событий стремится сохранить память о тех людях и том времени, организовав проект «Над нами Красный Крест». Напечатаны две книги[44] и множество статей. Проводятся передвижные выставки, лекции, конференции, потомки колонистов выступают по телевидению и на радио.

В 1970-е годы бывшие колонисты встречались, писали воспоминания, обменивались фотографиями. Они снова окунулись в свою юность, такую трудную, но все равно прекрасную. В память о них и людях, так много сделавших для их спасения, и мы не должны забывать эту историю.

Татьяна Альбрехт после возвращения из кругосветного путешествия окончила Музыкальный техникум по классу виолончели. До 1941 г. играла в небольших оркестрах. Вместе с Августой Ивановной и сестрой Еленой они пережили самые тяжелые месяцы блокады в квартире на Инженерной улице. В середине апреля 1942 г. они эвакуировались по льду Ладожского озера в Бийск и вернулись в Ленинград только в 1946 г. После окончания войны Татьяна Валериевна работала библиотекарем. Она скончалась в 1979 г.

В 1922 г. в семье Валерия Львовича и Августы Ивановны, которым было уже за сорок, произошло радостное событие — родилась еще одна дочь. В удостоверении написано: «Дано научно-техническому сотруднику Русского музея Валерию Львовичу Альбрехта в том, что у него 24-го сего ноября родилась дочь Елена и что никаких пособий на кормление названной дочери, ввиду отсутствия средств, ни Музеем, ни Петроградским отделением Академического центра ему, Альбрехту, не выдавалось»[45]. Елена выросла и стала учителем. Многие годы она отдала сохранению памяти о колонистах. До самой своей смерти в 2018 г. она продолжала изучать эту историю, рассказывала о ней, писала книгу.

После возвращения из поездки за Урал Валерий Львович продолжал работать в Русском музее и играть в оркестрах. Несмотря на то что его здоровье было сильно подорвано тяжелой жизнью в голодном Петрограде, поездкой в Сибирь и гибелью Настеньки, он оставался таким же активным и работоспособным. В дополнение к его повседневным обязанностям в 1922 г. Н.Н. Пунин назначил Валерия Львовича комендантом зданий Русского музея. В его послужном списке написано: «Дано Русского музея Коменданту Валерию Львовичу Альбрехту в том, что по должности Коменданта он является представителем Музея в сношениях его с государственными учреждениями и должностными лицами по всем судебным и административным делам, а равно и выполнению всех распоряжений отделов управления, министерств и прочих органов местной власти»[46]. Это была большая ответственность и нагрузка (рис. 11).

В документе, характеризующем деятельность Валерия Львовича с 1919 по 1924 г., написано: «Беспрерывная работа по охране Музея, борьба с уголовным элементом, кражи, воровство, снабжение питанием, коммунальный огород. Угроза Юденича и защита Ленинграда (общественная работа и оборона города), работа под руководством Комиссара Музея Н. Пунина»[47]. И все это — помимо его основной деятельности.

Р. С. Ф. С. Р.

Народный Комиссариат Просвещения.

Отдел музеев и охраны памятников искусства и старины.

Русский музей

«1» сентября 1920 г.

№ 1189.

Петербург, Инженерная ул., 4.

Телефон 213-77

МАНДАТ

Дан сей Управлением делами Русского Музея Делопроизводителю Этнографического Отдела Валерию Львовичу АЛЬБРЕХТУ в том, что он назначен Комендантом зданий Русского Музея по Инженерной ул. № 4-2

Настоящий мандат действителен до I января 1921 г.

Комиссар Русского Музея

Управляющий делами

Рис. 11. Мандат В.Л. Альбрехта – коменданта зданий Русского музея. 1920 г. Архив семьи Альбрехт-Удаловых

Альбрехт продолжал работать в этнографическом отделе Русского музея до 1934 г., а последний год своей жизни — в Государственном музее этнографии, созданном на базе этого отдела. Он умер в сентябре 1935 г. и похоронен на Смоленском православном кладбище (рис. 12).

Валерий Львович пользовался уважением многих сотрудников музея. В 1980-е годы я еще встречала людей, которые помнили моего деда и неизменно отзывались о нем с самыми теплыми чувствами. Завершить свою статью я хочу выдержкой из поздравительного адреса, преподнесенного Валерию Львовичу Альбрехту в 1928 г. к двадцатипятилетию работы в Русском музее: «Двадцать пять лет тому назад Вы

Рис. 12. Похороны В.Л.Альбрехта. Сентябрь 1935 г.
Архив семьи Альбрехт-Удаловых

один из первых вошли в состав сотрудников Этнографического Отдела, тогда еще только зарождавшегося. Вы начали работу в первой смене, с присущими Вам энергией и живым интересом к делу, сразу же органически слились с жизнью и заботами отдела. На Ваших глазах и с Вашей помощью он рос, развивался и превратился в огромное культурное дело, значение которого всеми признано.

Ваша доля участия в этом большом культурном деле велика. В течение двадцати пяти лет беспрерывно Вы были бессменным хранителем его рабочих традиций. Но Вы были не только прекрасным и ценным работником, Вас всегда отличали живой темперамент, чуткое внимание к общим нашим интересам и товарищеская отзывчивость.

Все мы — и давние Ваши сотрудники, и те, кому недолго довелось работать рядом с Вами, — научились ценить в Вас прекрасного человека и доброго товарища и с радостью пользуемся знаменательным в Вашей жизни днем, чтобы выразить Вам свое глубокое уважение и искреннюю симпатию»[48] (рис. 13).

Рис. 13. В.Л. Альбрехт с виолончелью мастера Амати и собственным скульптурным портретом. 1930-е годы. Архив семьи Альбрехт-Удаловых

* * *

[1] Газета «Красная газета». Пг., 1918. 29 мая.

[2] Газета «Северная коммуна». Пг., 1918. 2 октября.

[3] К сожалению, объем данной статьи не позволяет достаточно полно рассказать о Петроградской детской питательной колонии. Подробнее см.: www.petrograd-kidsodyssey.ru и www.colonia.spb.ru.

[4] См. статьи про петербургских музыкантов Альбрехт в сборниках «Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века)», вып. 8 (2014), 9 (2015) и 10 (2016).

[5] Во всех цитатах сохранена орфография, пунктуация и стиль документов.

[6] Аттестат о начальном образовании В.Л. Альбрехта. 1895 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[7] Докладная в Союз политпросвет. учреждений. 1935 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[8] Прием и увольнение сотрудников в Русский музей // ГРМ (1). Оп. 6. Д. 939. Л. 67.

[9] Заявление В.Л. Альбрехта в Группком оркестрантов Смольнинского и Окт. район. союза РАБИС. 1932 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[10] Дело Русского музея Императора Александра III канцелярского чиновника Этнографического отдела (не имеющего чина) Валерия Людвиговича Альбрехта // ГРМ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 34. Л. 6.

[11] Письмо Тани Альбрехт. 31 ноября 1918 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[12] Иванов Николай Родионович (1902–1978) — биолог, доктор сельскохозяйственных наук, лауреат Премии им. Н. И. Вавилова (1976) за серию работ в области генетики и селекции зерновых бобовых культур. Хранитель коллекции культурных растений во время блокады Ленинграда.

[13] Радола Гайда (настоящее имя Рудольф Гайдль; 1892–1948) — чехословацкий военачальник и политический деятель. Один из руководителей антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. С 24 декабря 1918 г. — командующий Сибирской армией.

С 1 января 1919 г. на службе у адмирала А.В. Колчака. Позднее между ними возник конфликт, и 2 сентября 1919 г. по распоряжению Колчака Гайда был уволен из российской армии.

В ноябре 1919 г. во Владивостоке возглавил мятеж против колчаковской власти. Гайда был арестован, но по требованию союзных миссий освобожден и покинул Россию.

[14] Письмо не было отправлено, Таня привезла его с собой в 1921 г.

[15] Вознесенская Христина Федоровна — заведующая 1-й колонией. Уволена за финансовые нарушения зимой 1918–1919 гг.

[16] Письмо Тани Альбрехт. 3 августа 1918 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[17] Письмо Тани Альбрехт. 31 ноября 1918 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[18] Письмо Тани Альбрехт. 3 августа 1918 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[19] См. статью Е.Г. Удаловой «Пастор Сарве. Поездка с Сибирь в поисках петроградских детей. 1918–1919 гг.» в сборнике «Скандинавские чтения 2016 г.» (СПб: МАЭ РАН, 2018).

[20] Так написано в документе.

[21] Прием и увольнение сотрудников в Русский музей // ГРМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 939. Л. 67.

[22] Характеристика, написанная Н.Н. Пуниным В.Л. Альбрехту. 1932 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[23] Дело Русского музея Императора Александра III канцелярского чиновника Этнографического отдела (не имеющего чина) Валерия Людвиговича Альбрехта // ГРМ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 34. Л. 83.

[24] В 1970-е годы Татьяна Валерьевна Альбрехт передала безвозмездно 34 документа в Государственный музей революции (сейчас — Музей политической истории России). Копии, заверенные в канцелярии Русского музея в 1919 г., хранятся в семье Удаловых.

[25] Центроколлегия — учреждение, ответственное за организацию эвакуации, в первую очередь промышленных учреждений.

[26] Удостоверение В.Л. Альбрехта. 30 сентября 1918 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[27] Письмо В.Л. Альбрехта жене. 3 октября 1918 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[28] Дневник В.Л. Альбрехта // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[29] Удостоверение В.Л. Альбрехта. Сентябрь 1918 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[30] Удостоверение В.Л. Альбрехта. 18 ноября 1918 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[31] Открытое предписание. 26 ноября 1918 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[32] Удостоверение В.Л.Альбрехта. Январь 1919 г. Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[33] Письмо Жени Шведова родителям. 23 октября 1918 г. // Архив семьи Шведовых-Карамышевых.

[34] Воспоминания Т. Альбрехт. 1970-е годы // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[35] Письмо неизвестной колонистки // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[36] Письмо Веры и Лини Березкиных Альбрехту. 15 декабря 1918 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[37] Письмо В.Л. Альбрехта из Омска. 25 декабря 1918 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[38] Письмо Насти Альбрехт. Декабрь 1918 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[39] Гай Гая Дмитриевич (настоящее имя — Гайк Бжишкян) (1887–1937) — советский военачальник, участник Гражданской войны.

[40] Удостоверение В.Л. Альбрехта. Сентябрь-ноябрь 1918 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[41] Удостоверение В.Л. Альбрехта. 8 февраля 1919 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[42] Разрешение В.Л. Альбрехту. 18 февраля 1919 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

[43] Газета «Северная коммуна». Пг., 1919. 28 февраля

[44] *Липовецкий В.А.* Ковчег детей. СПб.: Азбука-классика, 2006; *Молкина О.И.* Над нами Красный Крест. СПб.: Остров, 2007.

[45] Дело Русского музея Императора Александра III канцелярского чиновника Этнографического отдела (не имеющего чина) Валерия Людвиговича Альбрехта // ГРМ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 34. Л. 108.

[46] Там же. Л. 109.

[47] Прием и увольнение сотрудников в Русский музей // ГРМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 939. Л. 67.

[48] Поздравительный адрес к 25-летию работы в Русском музее. 1928 г. // Архив семьи Альбрехт-Удаловых.

Е.В. Фассман, С.В. Шевчук

В ТЕНИ ВЕЛИКОГО ОТЦА. ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ФИШЕР (1896–1985)

В статье говорится о жизни и работе Ольги Александровны Фишер. Она была дочерью последнего директора Императорского петербургского Ботанического сада А.А. Фишера фон Вальдгейма. Так же как и ее отец, она посвятила свою жизнь растениям. Ее любимыми растениями были розы.

Ключевые слова: Ботанический сад, розы.

E.V. Fassman, S.V. Shevchuk

IN THE SHADOW OF A GREAT FATHER. OLGA FISCHER (1896–1985)

The article deals with the life and work of Olga Alexandrovna Fisher. She was the daughter of the last Director of the Imperial Botanic garden of St. Petersburg, a Fischer von Waldheim. Just like her father, she devoted her life to plants. Her favorite plants were roses.

Keywords: Botanical garden, roses.

Александр Александрович Фишер фон Вальдгейм в свое время оставил большой след в ботанической жизни нашей страны. Он был одним из представителей научной интеллигенции с немецкими корнями, но его Родиной была Россия, и он всецело служил ей до конца жизни. Александр Александрович с 1869 г. являлся профессором ботаники Варшавского университета. В 1878 г. он становится директором ботанического сада в том же городе. Там он проявил незаурядные способности и в 1896 г. принял приглашение возглавить Императорский Петербургский ботанический сад, который уже тогда являлся центром ботанической мысли нашей страны. Пика своего развития этот сад достигает в начале XX в. именно при Александре Александровиче. На тот момент сад имел, возможно, лучшую в мире коллекцию оранжерейных растений (около 27 тыс. видов и разновидностей). До сих пор не удается приблизиться к этому богатству растительного мира, сильно растраченному в годы невзгод.

Именно во время директорства Александра Александровича широко праздновался 200-летний юбилей этого ботанического учреждения. Был издан фундаментальный трехтомный труд, посвященный как истории самого ботанического сада, так и людям, внесшим свой вклад в его процветание.

В те юбилейные дни, наверное, всем гостям казалось, что сад будет процветать и впредь. Но тучи уже сгущались: обострялись отношения России с окрепшей объединенной Германией. Никто не хотел уступать, и разразилась война, а потом и революции, кардинально повлиявшие на судьбу всей страны и конкретных людей.

Вероятно, оставляя в 1917 г. пост директора и уезжая в Сочи, Александр Александрович думал, что это ненадолго, он вернется назад и все будет по-старому. Этого не произошло, он так и не смог вернуться в Петербург — в 1920 г. А. А. Фишер фон Вальдгейм ушел из жизни.

У истории свои законы, часто не зависящие от человеческих желаний. Привычный размеренный уклад жизни безвозвратно канул в прошлое. Наверное, тяжелее всего было хорошо воспитанным людям, особенно остро чувствовавшим негативное влияние того времени. У Александра Александровича было четыре дочери и сын. В этой статье мы хотим рассказать об одной из дочерей — об Ольге Александровне, которая, так же как и отец, связала свою жизнь с ботаникой.

Таким людям, как Ольга, после революции пришлось начинать свою жизнь с нуля, часто замалчивая в целях личной безопасности свое происхождение. Но воспитаны они были так, что всегда с уваже-

нием относились к другим людям и вносили посильный вклад в процветание страны, которая была их Родиной.

Родилась Ольга в Петербурге 29 декабря 1896 г. (по паспортным данным). Хотя в некоторых источниках отмечается и другая дата: 11 февраля 1891 г.[1] Какая из дат истинная, пока остается под вопросом.

Мать — Ольга Петровна, урожденная Петрова (1859–1935), была из рода Юсуповых. Сама Ольга Александровна получила прекрасное музыкальное образование и знание основных европейских языков (рис. 1). Это в дальнейшем часто выручало ее в сложных жизненных ситуациях, давая возможность заработать на жизнь. Тогда умение хорошо петь, играть на музыкальных инструментах и владение в совершенстве (а не со словарем) двумя-тремя основными европейскими языками не было чем-то исключительным, скорее привычным следствием образования в семьях просвещенной интеллигенции.

Еще в той, дореволюционной, спокойной, жизни Ольге хотелось больше, чем просто заниматься музыкой, хотя увлечение пением она пронесет через всю жизнь. Возможно, любовь отца к растениям передалась и ей, поэтому она решила связать свою жизнь с этой профессией. В те годы женское высшее образование только зарождалось. Образование, связанное с уходом за растениями, можно было получить на Стебутовских Высших женских сельскохозяйственных курсах, названных так по фамилии одного из виднейших пропагандистов и зачинателей высшего женского образования — Стебута Ивана Александровича (1833–1923). Такие курсы были и в Петербурге.

Окончив в 1912 г. гимназию, Ольга поступила на эти курсы. В июне того же года она с отцом побывала в знаменитом лондонском Кью-Гарден. Возможно, что впечатление от увиденного укрепило ее желание посвятить свою жизнь растениям.

Как говорит сама Ольга в автобиографии, проблемы со здоровьем не позволили ей полностью пройти курс обучения в этом учебном заведении. Оно завершилось в 1916 г. на IV курсе[2]. В дальнейшем она была вынуждена уехать на юг, где соединилась с родными. Как все было на самом деле — неизвестно. О подробностях того времени порой и в автобиографии писали далеко не все. Сама жизнь учила быть предельной осторожными. В мае 1917 г. взамен прежней квартиры власть выделила ей жилье по адресу: ул. Каляева, д. 16, кв. 8, где она (с перерывами) прожила бóльшую часть жизни. Уже после этого Ольга выехала на юг, в Сочи, где собрались все члены семьи Александра

Рис. 1. О.А. Фишер в детстве с гувернанткой. 1900-е годы

Александровича. Ольга, имея к тому времени хорошие теоретические познания в области сельского хозяйства, помогала отцу. Известно, что в 1919 г. она работала техником в Сочинском сельскохозяйственном музее, в становлении которого роль Александра Александровича была очень велика.

Материальное положение семьи сильно осложнилось с уходом из жизни в 1920 г. ее главы — Александра Александровича. И вот тогда Ольге очень пригодилось хорошее музыкальное образование. В 1920 г. она была мобилизована как певица-солистка и неоднократно выступала в красноармейских частях г. Сочи и на Черноморском побережье. Кроме того, она работала на курсах по ликвидации безграмотности.

Наконец, в 1921 г. Ольге удалось получить командировку от Наробраза и поехать в Петроград для поступления в сельхозинститут, который она окончила в 1925 г. Обучалась Ольга Александровна на факультете земледелия.

В том же году она начала работать во *Всесоюзном институте растениеводства* (ВИР, бывший Государственный институт опытной агрономии, ГИОА) в отделе географических посевов, а с 1928 по 1931 г. — в Никитском ботаническом саду (Крым).

С 1933 по 1935 г. Ольга Александровна заведовала сортовым участком Новопокровского зерносовхоза, причем с мая по август 1934 г. училась на биоклиматических курсах, после окончания которых получила квалификацию биоклиматолога.

В 1935 г. она заболела брюшным тифом (с осложнением на сердце), после чего возможность активной работы значительно ограничилась. В 1936 г. Ольга Александровна некоторое время работала заведующей метеостанцией в Симеизе, а затем, в том же году, переехала в Ленинград, где до 1938 г. работала библиографом в ВИР. Там Ольга Александровна много занималась переводами иностранной литературы, в том числе для Николая Ивановича Вавилова. В этом ей помогало хорошее знание английского, немецкого и французского, а также некоторые познания в итальянском, болгарском и украинском языках.

В 1938 г. вместе с секцией грибов Ольга Александровна переводится из ВИР в Ботанический институт (БИН), который был образован незадолго до этого на базе ботанического сада (бывшего до революции Императорским). Там она работает ассистентом.

В 1940 г. она в качестве переводчика переходит в научно-исследовательский отдел Военно-морской медицинской академии (ВММА), находившейся по адресу: наб. р. Фонтанки, д. 106. Возможно, переход был связан с болезнью. Известно, что в 1940 г. Ольга Александровна болела туберкулезным артритом правого плечевого сустава, после чего проявились дополнительные осложнения.

С началом Великой Отечественной войны ВММА была эвакуирована, а Ольга Александровна с июля по декабрь 1941 г. обучалась на

курсах медицинских сестер, после окончания которых, как она пишет в автобиографии, была мобилизована на фронт, где находилась до 1944 г. Затем вернулась в Ленинград как инвалид Отечественной войны[2]. По архивным данным известно, что массажная медсестра Фишер (инициалы не указаны) на 29 мая 1942 г. находилась в 85 эвакогоспитале (г. Волхов)[3]. Также по архивным данным известно, что медсестра Фишер Ольга Александровна с 5 по 12 августа 1942 г. находилась на излечении в эвакогоспитале 85 по поводу порока сердца. 12 августа 1942 г. она выбыла в часть эвакогоспиталя 85. Была ли она в составе этого госпиталя в дальнейшем — неясно, так как в ведомости на выдачу денежного содержания по личному составу эвакогоспиталя 85 за 1942–1943 гг. О.А. Фишер не значится. Что и говорить, много еще белых пятен хранит история.

В ноябре 1944 г. Ольга Александровна возвращается на работу в ВММА в качестве переводчика-библиографа, где с 1948 г. она заведовала кабинетом на кафедре истории медицины.

Работа в ВММА продолжалась до мая 1949 г., когда кафедра была расформирована. После этого Ольга Александровна перевелась в Гидрографическое управление Министерства вооруженных сил, но, не прослужив переводчиком и месяца, заболела крупозным воспалением легких (с осложнением) и через два месяца была сокращена по здоровью[4].

Надо отметить, что с 1946 по 1948 г., помимо работы в ВММА, Ольга Александровна еще трудилась в лаборатории Всесоюзного института защиты растений (ул. Герцена, д. 42). Там она утвердила тему для защиты кандидатской диссертации «Грибы на грибах», сдала все экзамены, кроме основного предмета, для кандидатского минимума, но тема не была закончена ввиду признания ее неактуальной. В настоящее время такое мнение, скорее всего, было бы пересмотрено в пользу актуальности, поскольку сейчас одним из наиболее эффективных средств борьбы с грибной инфекцией считается использование так называемых «хищных» грибов. Такой биологический метод экологически более чистый, чем использование традиционных химических препаратов.

Следует отметить, что в 1947–1948 гг. Ольга Александровна занималась в Университете марксизма-ленинизма.

Желание работать с растениями привело Ольгу Александровну в Ботанический сад БИН, где когда-то работал директором ее отец. Она начала работать там с 14 августа 1950 г. в качестве лабораторной

служительницы. Тяга к работе с растениями оказалась настолько сильной, что Ольга Александровна поменяла спокойную работу переводчика на службу, требующую большого физического напряжения, часто в условиях сырости и холода. На это решилась уже немолодая женщина. Работа в ботаническом саду нравилась Ольге Александровне еще и потому, что здесь она имела дело с царицей цветов — розой (рис. 2).

С 16 мая 1951 г. Ольга Александровна переведена на должность садовода. Любимым делом Ольги Александровны в ботаническом саду были розы. И здесь она проявила творческий подход. Ей удалось вывести сорт, отличающийся большим содержанием эфирных масел, а значит, и сильным ароматом и ранним цветением. К сожалению, теперь этот сорт утерян. Причина, скорее всего, заключалась в слишком сложном для роз климате нашего города.

Научным куратором роз и шефом Ольги Александровны был Семен Григорьевич Сааков. Хотя Ольга Александровна не распространялась о своем происхождении, но, по словам современников, он знал, что она дочь последнего директора Императорского ботанического сада А. А. Фишера фон Вальдгейма.

В те годы члены научного коллектива отдела ботанического сада были активно задействованы Сергеем Яковлевичем Соколовым в написании шеститомного дендрологического сборника «Деревья и кустарники СССР», не превзойденного по своей основательности и ценности по настоящее время. С.Г. Саакову доверили писать раздел, посвященный роду роза. В его составлении Семену Григорьевичу оказала большую помощь Ольга Александровна. Она стала полноправным соавтором этого раздела, посвященного весьма сложному роду[5].

И все было бы хорошо, но давало о себе знать не очень крепкое здоровье. Сохранилась характеристика, выданная Ольге Александровне в 1952 г. для представления во ВТЭК. В ней говорилось, что Ольга Александровна проявляет большой интерес к порученной работе. Дисциплинированна и аккуратна. К работе относится добросовестно, но по состоянию здоровья не может выполнять работу, связанную с ходьбой и физическими нагрузками. Страдает сильными головными болями. В своей производственной деятельности очень быстро переутомляется[6].

Но Ольга Александровна, несмотря на проблемы, не бросила работу в ботаническом саду. Более того, она серьезно занялась научной

Рис. 2. О.А. Фишер в розарии. 1967 г.

работой. Именно здесь она стала кандидатом биологических наук, защитив в 1957 г. кандидатскую диссертацию «Влияние микроэлементов на рост, развитие и декоративные качества цветочных растений». Научным руководителем был один из ведущих специалистов в области изучения роли микроэлементов в жизни растений — Марк Яковлевич Школьник (1907–1986). В результате выполненной работы были сделаны интересные выводы. Среди них были и такие, которые в настоящее время не утратили своей актуальности и могут быть полезны цветоводам-практикам. Так, Ольга Александровна выяснила, что предпосевная обработка семян бархатцев бором в 1951 г. благоприятно сказывалась на обилии цветения в следующие три года, то есть в 1952–1954 гг.

Защита состоялась 17 апреля 1957 г. Высшая аттестационная комиссия в Москве выдала диплом кандидата наук 10 июля 1957 г.[7] После этого Ольга Александровна становится младшим научным сотрудником.

Люди, знавшие Ольгу Александровну, говорят, что она была очень скромным человеком, сторонилась различных собраний. Помимо роз, ее любимым занятием было пение.

Годы брали свое, накапливалась усталость. Ольга Александровна была освобождена от работы в связи с выходом на пенсию 10 марта 1960 г. по собственному желанию[8]. За добросовестную работу в институте ей была объявлена благодарность и выдана премия в размере месячного оклада. Но желание работать вновь и вновь приводило Ольгу Александровну в ботанический сад, несмотря на проблемы со здоровьем. В 1962–1963 гг. она длительное время лежала в туберкулезной больнице на Петроградской стороне. Там ее навещала другая Ольга Александровна — О. А. Связева. Ольга Александровна даже после болезни по мере сил работала в ботаническом саду. Последнее ее увольнение по собственному желанию датируется 31 июля 1974 г.[9] Перед этим она была на месяц принята в ботанический сад на время отпуска Натальи Георгиевны Рытовой.

Приходила Ольга Александровна в ботанический сад и после того, как окончательно уволилась. Она посещала существующий в те годы клуб любителей пения, активным членом которого являлась. По возможности заходила на розарий и, приходя домой, ставила в вазу... одну-единственную розу.

Люди, знавшие Ольгу Александровну, отмечали ее благородство, эрудицию и скромность. Несмотря на то что она гордилась своим

происхождением, Ольга Александровна крайне редко рассказывала об этом. Тесная духовная связь связывала ее с О. А. Связевой, человеком большого внутреннего благородства.

Так уж получилось, что детей у Ольги Александровны не было, поэтому, когда уже не осталось сил обслуживать себя, она оставила квартиру, в которой прожила бóльшую часть жизни (на ул. Каляева, д. 16, кв. 8), и 7 октября 1975 г. переехала в Пушкинский дом ветеранов науки АН[10]. Причем это был первый год организации Дома.

В том же 1975 г. она была награждена медалью «60 лет Вооруженных сил СССР» как участница Великой Отечественной войны.

Хотя активного участия в общественной жизни Дома ветеранов Ольга Александровна не принимала, но продолжала, пока позволяли голосовые данные, петь и, кроме того, навещала больных.

Ольга Александровна Фишер фон Вальдгейм ушла из жизни 6 октября 1985 г. Была похоронена на Южном кладбище.

Со временем могила пришла в упадок и запустение. Лишь благодаря проведенной Е.В. Фассман поисковой работе удалось установить ее место. Но предстояло привести все в порядок и восстановить памятник. И в этом неоценимую помощь оказал заведующий отделом «Ботанический сад» Юрий Сергеевич Смирнов. Он в очередной раз проявил порядочность и оказал реальную помощь в восстановлении. В 2013 г. могила Ольги Александровны Фишер была приведена в порядок.

Об Ольге Александровне написана статья (опубликованная в электронном виде), автором которой является Тарбеев Михаил Львович[11]. Большую помощь автору в сборе материала оказала О.А. Связева, о чем сообщает сам Михаил Львович[12].

Хочется выразить слова благодарности тем, кто помогал собирать необходимые сведения — прежде всего Тамаре Ивановне Симоненко, Ирине Анатольевне Вященко и Елене Васильевне Сергановой.

* * *

[1] Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение геологии. 2005. Т. 80, вып. 4. С. 83.

[2] О.А. Фишер. Автобиография (написанная от руки) от 3 сентября 1950 г.

[3] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (филиал военно-медицинских документов). Ф. 588. Оп. 70971. Д. 5.

[4] О.А. Фишер. Автобиография (написанная от руки) от 3 сентября 1950 г.

[5] *Сааков С.Г., Фишер О.А.* Роза, шиповник — *Rosa* L. // Деревья и кустарники СССР. М.; Л., 1954. Т. 3. С. 616–690.

[6] Личное дело 465 // Архив БИН РАН. Ф. 273. Оп. 8. Д. 287.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] *Мотус А.А.* Летопись об О.А. Фишер // Летопись Дома ветеранов науки АН.

[11] *Тарбеев М.Л.* Биография Ольги Александровны Фишер // История кафедры зоологии Нижегородского государственного университета, 1918–1921 гг. URL: https://tarbeev.mikhail.livejournal.com/17217.html.

[12] *Тарбеев М.Л.* От автора // История кафедры зоологии Нижегородского государственного университета, 1918–1921 гг. URL: http://tarbeev.mikhail.livejournal.com.

С.В. Язовская

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА АНДРЕЯ БИТТЕРА

В статье рассматривается творческая деятельность художника А.А. Биттера в советский период. Автор уделяет особое внимание составлению периодизации и выявлению объектов художественного наследия на территории Алтайского края, созданных художником. Итогом работы является восстановление авторства А.А. Биттера на работы, созданные в санатории «Обь» (Барнаул).

Ключевые слова: монументальная роспись, периодизация творчества художника, Андрей Биттер, российские немцы.

S.V. Yazovskaya

THE SOVIET PERIOD IN THE WORK OF THE ARTIST ANDREW BITTER

The article deals with the creative activity of the artist A. A. Bitter in the Soviet period. The author paid special attention to the compilation of periodization and identification of objects of artistic heritage on the territory of the Altai Territory, created by the artist. The result of the work is the restoration of the authorship of AA Bitter for works created in the sanatorium "Ob" (Barnaul).

Keywords: monumental painting, periodization of the artist's work, Andrei Bitter, Russian Germans.

Творчество российских немецких деятелей культуры, художников осуществлялось не только под влиянием тенденций советского искусства, но и при непосредственном участии в организации художественной жизни национальных немецких сообществ, государственных и негосударственных общественных организаций, прежде всего Российско-немецкого дома и Алтайского отделения Союза художников России.

Целью статьи является исследование советского периода творчества художника из числа российских немцев Андрея Андреевича Биттера.

В формировании художественного пространства Алтайского края участвовали и художники — российские немцы. Один их них — А. Биттер, член Союзов художников России (1982) и Германии (1999), — родился в сибирском поселке Троицк Баунтовского района Бурят-Монгольской АССР 6 января 1952 г. После окончания школы получил диплом дизайнера в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В.И. Мухиной (сегодня — Санкт-Петербургская промышленно-художественная академия им. А.Л. Штиглица). На Алтай прибыл с семьей в 1981 г., где стал первым дизайнером с художественным образованием. Молодой специалист был назначен первым главным художником на тот период только строящегося города Заринска. В 1988 г. А. Биттер продолжил свою работу главным художником на Колыванском камнерезном заводе.

В соавторстве с женой Мариной Витальевной Биттер им было создано несколько работ по монументально-декоративному оформлению г. Заринска: «Гимн труду» — композиция, выполненная на фасаде конференц-зала Алтайского коксохимического завода, сграффито (1983); роспись на фасаде «Первая коммуна» (1984); роспись в фойе кинотеатра «Заря» — «Юность» (1985), на фасадах жилых зданий и оформление Музея боевой славы.

Знание особенностей выразительного языка монументальной росписи, живописный строй придают интерьерам, оформленным художником, нарядный, праздничный вид, хорошо организуют пространство, окружающую среду. А. Биттер — участник краевых выставок с 1982 г. Член Союза художников России с 1989 г. В 1996 г. переехал на постоянное место жительство в Берлин (Германия)[1].

На основе изученных документов, хранящихся в Государственном архиве Алтайского края, биографическая справка была дополнена следующей информацией: с 1972 по 1975 г. обучался в Новоалтайском художественном училище, получил дипломы об окончании педагоги-

ческого и оформительского отделений (получал образование по двум направлениям одновременно).

Изучив деятельность художника-монументалиста А. Биттера, мы составили периодизацию его творчества:

I период — с 1981 по 1988 г. — работал главным художником строящегося г. Заринска. В этот период А. Биттер одновременно осуществлял шефскую деятельность по художественному оформлению всего Заринского района. Сохранились впечатления художника: «Кокс и керамика. И то, и другое рождается в пламени, в огне. Почему бы им не сосуществовать рядом? Закрываю глаза и вижу площади и улицы города, украшенные яркими декоративными композициями, на зданиях — красивые и содержательные панно... Керамика не боится морозов, ее сочные цвета "утепляют" наши суровые зимы. Вот такая моя мечта, и очень надеюсь, что она осуществится. Пусть не так скоро, но в Заринске появится керамическая мастерская, которая станет своего рода художественным центром. Благодаря этому город обретет свое собственное оригинальное лицо, в нем будет интересно жить и работать»[2]. Город Заринск А. Биттер воспринимал как город-мастерскую. Строился город, который «облагораживал» главный художник, недавний выпускник. Отметим, что по проекту А. Биттера между заводом и городом был сооружен мемориал «Заря коммуны» в честь первых коммунаров 20-х годов XX в., который возвещал начало новой жизни. Именно тему «заря», «Заринск» художник прорабатывал в оформлении городских улиц и зданий (например, здания кинотеатра). Перед собой он ставил цель — монументальная пропаганда: возведение памятников «первостроителям Коксохима и города Заринска, партизанам, что отстаивали на берегах Чумыша советскую власть, хлеборобам, чьи поля раскинулись рядом с заводом...»[3]

Однако не все объекты, созданные художником, сохранились до настоящего времени. Закрашена роспись на мемориале в Заринске, потому что здание к юбилейной дате — 40-летию Победы — построили некачественно: протекала крыша, и вода испортила художественное произведение. Было закрашено и панно на здании завода «Коксохим». Трудно сказать, сохранились ли фотографии того времени.

В этот же период А. Биттер выполнял следующие работы: в 1986 г. — скульптурные рельефы по заказу Барнаульского хлопчатобумажного комбината, в 1987 г. — проект мозаики на Барнаульском моторном заводе. Работы художника-монументалиста А. Биттера стали не только декоративным, но и градообразующим элементом в городе Заринске.

Художник-монументалист принимал участие в VI зональной выставке «Сибирь социалистическая» (1985).

II период — с 1988 по 1994 г. — А.А. Биттера назначили главным художником Колыванского камнерезного завода им. И.И. Ползунова. Время работы на этом предприятии запомнилось художнику-монументалисту как сложное, но интересное в реализации творческих поисков. Предложение работать главным художником знаменитого предприятия со сложившимися вековыми традициями в камнерезном искусстве — именно здесь с 1825 по 1843 г. шлифовалась известная во всем мире «Царица ваз» (произведение камнерезного искусства, экспонирующееся в Государственном Эрмитаже) — не испугало молодого, но уже известного своими произведениями алтайского автора. Художник постоянно совершенствовался в своих работах, что, несомненно, шло на пользу развитию Колыванского камнерезного завода. За период творческой деятельности им и по его эскизам было изготовлено 69 разноплановых каменных изделий, выполнявших как утилитарные функции (вазы, кубки, шкатулки, столы), так и монументально-декоративные (панно в технике флорентийской мозаики для оформления интерьеров, мозаики-картины в рамах).

В проектах для флорентийских мозаик[4] художник искал, кроме традиционных мотивов флоры и фауны (пейзажей, животных), новые темы, к которым относятся языческие мотивы, воплотившиеся в работах «Алтайская чудь» и «Скифский звериный стиль»[5], шаманство с его ритуалами — «Алтай и Н.К. Рерих и его философия», христианство (библейские сюжеты), русская народная культура, ее фольклор и традиции.

Для художника камень является не только минералом, он — носитель истории, сохраняющий тайну своего происхождения. Эта мысль открыла для А. Биттера сакральную тему дохристианских верований сибирских язычников (охотников, скотоводов, собирателей), которые одухотворяли живые и неживые существа, верили в существование различных духов: хозяина гор, хозяина тайги, духа дерева и камня.

Картина «Дух — хозяин тайги — медведь» (рис. 1) создана в 1990 г. для Змеиногорского музея горного дела им. Акинфия Демидова. В центре изображен медведь на темном сине-зеленом фоне, символизирующем Космос и Мировое пространство. Этот же фон как явление реального мира изображает дремучий лес — тайгу, которая для медведя — дом родной.

Рис. 1. А. Биттер.
Дух — хозяин тайги — медведь

Внутри медведя расположено Мировое дерево, олицетворяющее представление сибирского шаманизма в виде трех миров: верхнего, среднего и нижнего. В верхнем мире изображен Дух-Птица, идол с лицом человека, уносящий его душу в высшие миры. В среднем мире изображен Дух-Дерево с человекообразной фигурой шамана, каменной бабы, идола. В нижнем, потустороннем мире Дух-Смерть показан в виде хищного зверя, дракона, ящера. Дуги над медведем — это слои обитания богов и духов — пространство, в котором шаман общался с духами при камлании. Каждый слой имеет свой уровень — значение. Рама сделана с изображением черепов жертвоприношений: людей, животных, птиц.

Несмотря на то что автор хорошо знаком с работами многих ученых по шаманизму и археологии, в своих картинах он использует научные знания скорее интуитивно, пропуская полученную информацию через себя, современного человека, христианина. Художественное произведение выполнено в орнаментальном зверином стиле. Смешение языческих и христианских традиций в работах художников Алтайского региона встречается и сегодня. Художник показал «сакральный дух язычества».

На тему языческих ритуалов и дохристианского фольклора в камне в стиле флорентийской мозаики А. Биттером были выполнены камерные композиции: «Сирин» (рис. 2), «Грифон» (хранитель сокровищ гор) (рис. 3), «Грифон со всадником» (рис. 4), «Ряженый», «Уличный театр», «Мужик и медведь», «Ряженые», «Охотник и Ведьма», «Ряженый с гармонью», «Троица. Мужик, медведь и ряженый», «Коляда» и многие другие.

В основу написания картин на тему «Н.К. Рерих и Алтай»[6] легли впечатления от творческих поездок художника и членов его семьи по Горному Алтаю и от посещения Республиканского краеведческого

Рис. 2. А. Биттер. Сирин

Рис. 3. А. Биттер. Грифон

Рис. 4. А. Биттер. Грифон со всадником

музея им. А. В. Анохина, в котором собрано культурное и природное наследие коренного народа Алтая. На трех пейзажах изображены каменные идолы (тотемы). На картинах «Ночной пейзаж. Алтай» (рис. 5) и «Пейзаж с каменным идолом» (рис. 6) в правом верхнем углу воспроизведен символ Пакта Рериха — Знамя Мира. Пейзаж «Эхо прошлого. Идол» (рис. 7) не имеет этого символа, так как был изготовлен первым, а идея ввести символ пришла позднее.

Рис. 5. А. Биттер. Ночной пейзаж. Алтай

Рис. 6. А. Биттер. Пейзаж с каменным идолом

Рис. 7. А. Биттер. Эхо прошлого. Идол

Рис. 8. А. Биттер. Мозаика «Okeanarium» (4,2×10 м)

По мнению художника, «человек взывает к богам-духам-хранителям души, когда чувствует себя беззащитным перед силой и могуществом окружающей его природы». Это помогает ему освободиться от страхов и обрести уверенность в себе. В пейзажах автор совместил иррациональность и мистичность идолов с силой воздействия Алтайских гор. Масштабность восприятия картин усиливается перепадами уровней, необычностью и монументальностью перспектив, что создает гармоничное звучание, ощущение вечности и значимости происходящего.

Наиболее запоминающейся монументальной работой, выполненной А. Биттером на Колыванском камнерезном заводе, являются ансамбль мозаик «Океанариум» (рис. 8), «Аквариум» и четыре алтайских пейзажа круглой формы, украшающих санаторий «Обь» (Барнаул). Масштабность реализованного проекта потрясает не только неискушенных в искусстве людей, но и профессиональных искусствоведов.

В Новосибирской государственной художественной академии фотографии этих работ показывают студентам в качестве образцов монументального искусства.

Рис. 9. Логотип

К сожалению, даже сотрудники санатория говорят, что автор мозаик неизвестен. Для устранения этой неточности приводим логотип (рис. 9), полностью подтверждающий авторство созданных произведений.

В 2013 г. он был заказан в Берлине: вывеска сделана из оргстекла на серебряном фоне с измененным названием «Морское дно» на «Океанариум», с логотипом Колыванского камнерезного завода в 1992 г.

Произведениям, созданным в алтайский период творчества А.А. Биттера, была присуща высокая степень художественности.

«За семидесятилетнюю историю своего существования Алтайская организация прошла сложный путь становления — от горстки энтузиастов до крепкой организации, высокий творческий потенциал которой позволяет говорить о ней как об одной из ведущих в Сибирском регионе, обладающей своим абсолютно уникальным своеобразием»[7].

Союз художников Алтая формировался из представителей художественных школ Москвы, Санкт-Петербурга, Прибалтики, Ташкента, Алма-Аты, Иванова, Ярославля, Новоалтайска и многих других горо-

дов и стран. В Государственном архиве Алтайского края в фонде Р1793 сохранены протоколы заседаний правления Алтайской организации Союза художников РСФСР в хронологическом охвате с 1973 по 1989 г. Документы, подтверждающие деятельность организации ранее либо позднее, отсутствуют.

Изучение документов Государственного архива Алтайского края подтолкнуло к выявлению роли Алтайского отделения Союза художников РФ в становлении и развитии художественного творчества российских немцев в Алтайском крае.

Нам удалось выяснить, что по решению правления Алтайской организации СХ РСФСР художника А.А. Биттера направляли для обучения в Дом творчества «Сенеж» в поток монументалистов с 7 ноября по 28 декабря 1986 г.[8]

III период — с апреля по сентябрь 1996 г. — А. Биттер — художник в ООО «Далси» г. Санкт-Петербурга.

IV период — с 1996 г. по настоящее время — творчество художника связано с Германией. Выражение «Успех сопутствует тому, кто способен на действительно творческие действия» в полной мере характеризует талантливую и трудолюбивую художественную династию. На протяжении многих лет они расписывают скульптуры для государственных культурных мероприятий. С начала 2000-х супруги Биттер принимают участие в акции «Медведи приходят в Берлин». Творческий эксперимент Андрея Биттера стал частью современной художественной культуры Германии.

Подводя итог, отметим, что Андрей Биттер и сегодня полон творческих планов. Среди них — издать архивный каталог работ, созданных им на Колыванском камнерезном заводе им. И.И. Ползунова, в который обязательно будут включены эскизы нереализованных проектов и идеи перспективного развития завода.

* * *

[1] Биттер А.А. // Художники Алтайского края: библиографический словарь. Т. 1. Барнаул: Алт. дом печати, 2005. С. 58–59.

[2] *Биттер А.* Душа города // «Пошлите меня добровольцем»: Книга о Всесоюзной ударной комсомольской стройке — Алтайском коксохимическом заводе. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1983. С. 178–179.

[3] Там же.

[4] *Верещагин М.А.* Флорентийская мозаика. Пособие по работе с цветными камнями. М., 2009.

[5] Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 2006. 272 с.

[6] *Цесюлевич Л.Р.* Рерих и Алтай. URL: http://www.delphis.ru/journal/article/rerikh-i-altai (дата обращения: 6.03.2018).

[7] Художники Алтайского края: библиографический словарь. Т. 1. Барнаул, 2005. 453 с.

[8] Алтайская краевая организация СХ РФ. URL: http://www.altlib.ru/817 (дата обращения: 31.07.2016).

НЕМЕЦКИЕ СЕМЬИ И ИХ РОДОСЛОВНЫЕ

П.А. Головнин

КАПИТАН ФОН ГАГЕМЕЙСТЕР В ВМФ РОССИИ

Боевой офицер Леонтий Гагемейстер прошел путь от волонтера до капитана 1-го ранга, совершил три кругосветных путешествия, был Главным правителем Российско-Американской компании (1818–1819), где в 1810 г. встретился с лейтенантом В.М. Головниным, которому американские капитаны подарили боевую дубинку местного населения — тлинкитов. Дворянский род фон Гагемейстер ведет свою родословную с XVII в. от Иоакима Гагемейстера (1655–1713), асессора Лифляндского Гофгерихта, владельца имений Номкюль и Ойзо в Эстляндии, 8 ноября 1692 г. возведенного в дворянское достоинство Шведского королевства по настоящее время. Приводятся архивные данные сына мореплавателя, генерал-лейтенанта Александра Гагемейстера (1831–1892). Представлены родственные связи родов Гагемейстер, Сиверс, фон Брадке.

Ключевые слова: родословная, дворянин, Гагемейстер, род, герб, Сиверс, Головнин, капитан, генерал, архив.

P.A. Golovnin

CAPTAIN VON GAGEMEISTER IN RUSSIAN NAVY

Captain von Gagemeister had 3 swimming around the world, have been a Director of Russian-American Company in 1818–1819. In 1810 he met a captain Golovnin in Russian America, where Golovnin got in present a Indian war bludgeon. A noble kin of Gagemeister go from XVII, the first name is Ioakim von Gagemeister, his descendant is a general Aleksandr von Gagemeister and representative a relative relations with a noble kin of Sivers, Von Bradke.

Keywords: genealogy, noble, Gagemeister, kin, emblem, Sivers, Golovnin, captain, general, archives.

Vivre, c'est faire du bien!
Жить — значит делать добро!
П. Пелиссон

Будущий знаменитый мореплаватель Леонтий Андрианович (Людвиг Карл Август) фон Гагемейстер (6.06.1780–24.12.1833) родился в местечке Дростенгоф, недалеко от городка Цесиса (Латвия), в семье майора. С 10 лет воспитывался в семье дяди в Ревеле.

Рис. 1. Л.А. Гагемейстер

Службу на флоте начал 15-летним волонтером в 1795 г. 1.01.1797 г. был произведен в мичманы; 31.12.1804 г. в лейтенанты; 12.12.1811 г. в капитан-лейтенанты; 1.01.1829 г. пожалован в капитаны 2-го ранга. Произведен в капитаны 1-го ранга 5.11.1830 г.; 12 ноября переименован в полковники Корпуса флотских штурманов с назначением директором Училища торгового мореплавания. Первое свое плавание совершил в 1795 г. из Ревеля до Дагерорда и обратно на корабле «Прохор» под командованием капитана 2-го ранга барона Штейнгеля. В числе наиболее способных офицеров получил Высочайшее разрешение 2.06.1802 г. отправиться из Кронштадта в Англию волонтером в английский флот и был послан к берегам Западной Африки на корабле «Арго» под командованием капитана Галловеля. В 1798 г. при высадке на голландский берег английских десантных войск находился в числе русских офицеров, рекомендованных вице-адмиралом Матчелем. В 1803 г. при высадке войск в Вест-Индии на французский остров Св. Луция и штурме главной крепости Морнфортюн под командованием капитана Галловеля, коим был рекомендован Полномочному в Англии послу графу Воронцову. В 1805 г. на фрегате «Сигорз» отличился при атаке испанского конвоя и всегда был аттестован очень хорошо. В 1803 г. крейсировал около Гвинейских берегов, в 1804 г. в Египте и других

местах Средиземного моря. Гагемейстер участвовал в боях в губе Сан-Педро, под защитою крепости и канонерных лодок, имел успех и имел честь быть отмеченным и рекомендованным Главному начальнику флота лорду Нельсону, от коего при возвращении в Россию получил рекомендацию к товарищу морского министра Чичагову. В 1805 г. возвратился в Англию, где получил повеление вернуться в Россию, прибыл в Кронштадт 19 сентября 1805 г. В 1806 г. в Кронштадт прибыли шлюпы «Нева» и «Надежда», совершившие первое для русских кораблей кругосветное плавание. В 26-летнем возрасте лейтенанту Гагемейстеру доверили возглавить экспедицию на шлюпе «Нева» (водоизмещением 370 тонн). 26 октября 1806 г. шлюп вышел из Кронштадта в столицу Русской Америки Новоархангельск вокруг Африки, через Индийский океан, южнее Австралии и через Тихий океан. В июне 1807 г. шлюп первым из русских кораблей посетил Австралию. В память об этом событии в 1957 г. Австралийское военно-историческое общество выпустило памятную медаль, приуроченную к 150-летию первого визита российских моряков в Австралию. Маршрут перехода получил наименование «путь Гагемейстера». Несколько лет шлюп «Нева» по заданию правителя Русской Америки А.А. Баранова проводил поиски не существующих в реальности островов к югу от Аляски, в северной части Тихого океана, осуществил ценные океанографические, картографические и метеорологические наблюдения. В 1810 г. шлюп «Диана» под командованием капитан-лейтенанта В.М. Головнина (1776–1831) доставил в Русскую Америку промышленные и продовольственные товары. В.М. Головнин встречался здесь с Гагемейстером, правителем колоний А.А. Барановым, просветителем Германом Аляскинским и американскими капитанами, которые подарили Головнину боевую дубинку индейцев племени тлинкитов. На древке выцарапана дата «1810 June 6».

В 1810 г. команда оставила шлюп «Нева» на Камчатке, откуда перешла через Сибирь сухим путем в СПб., за этот поход командир награжден орденом Св. Владимира IV ст., 600 руб. годового пенсиона и произведен в капитан-лейтенанты. С 11 июня по 8 сентября 1811 г. между Гагемейстер плавал на различных кораблях между Кронштадтом и СПб. В 1812–1815 гг. капитан-лейтенант Гагемейстер возглавил Иркутское адмиралтейство, первым стал строить суда, специально предназначенные для плаваний на оз. Байкал. В 1815 г. Гагемейстер был командирован в Швецию, Норвегию, Англию и Францию. В 1816–1819 гг. назначен командиром корабля Российско-

Рис. 2. В.М. Головнин

Рис. 3. Герб рода Головниных

Американской компании «Кутузов» и вышел в новое кругосветное плавание, имея конечной целью Русскую Америку. Дважды посетил во время плавания в Тихом океане Верхнюю Калифорнию в районе Сан-Франциско, провел важные гидрографические и гидрометеорологические наблюдения и исследования, обогатившие науку о Мировом океане. 25 августа 1816 г. РАК принимает решение о смещении Главного управляющего Аляской 70-летнего А.А. Баранова. Это решение привез на Аляску Л. Гагемейстер, возглавивший плавание кораблей «Суворов» и «Кутузов» к берегам Русской Америки. Корабли прибыли на Аляску 20 ноября 1817 г., и в течение двух месяцев Гагемейстер и Хлебников проверяли дела компании и Баранова. 7 января 1818 г. находящийся в прямом подчинении Гагемейстера лейтенант С.И. Яновский женился на дочери Баранова Ирине. 11 января 1818 г. Гагемейстер взял управление компанией на себя, провел большую работу по организации экспедиции по изучению Аляски. Принял непосредственное участие в картировании 2600-мильного побережья Аляски, произвел его минералогическое изучение. За десятимесячное правление он принял ряд энергичных мер с целью поправить дела в колониях: привел в порядок колониальное делопроизводство, составил должностные штаты основных поселений

Рис. 4. Боевая дубинка тлинкитов

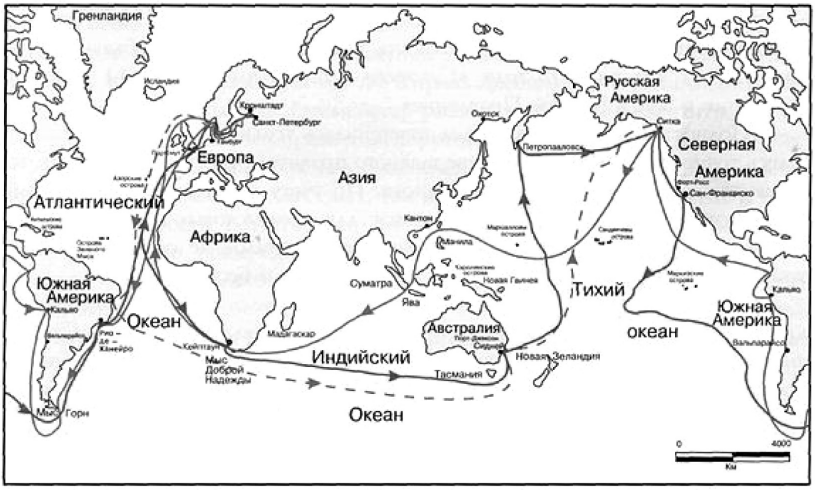

Рис. 5, 6. Боевая дубинка тлинкитов

колонии (Кадьяк, Ситка, Форт-Росс), возобновил крепостное строительство в Новоархангельске, составил правила для иностранных судов, посещающих русские колонии в Америке, отправил летом 1818 г. экспедицию под руководством Петра Корсаковского для изучения центральных районов Аляски, эффективно урегулировал административные и земельные отношения Форт-Росса с местными

индейскими вождями, фактически приведя их в российское подданство. С 1821 по 1828 г. находился в отставке и потом поступил в комплект 5ФЭ, где находился при береге под командованием капитана 2-го ранга Коцебу. В 1828 г. от капитана 2-го ранга Коцебу аттестован при благородном своем поведении, должность исправлял с отличным усердием, деятельностью и расторопностью и точным выполнением, вследствие чего к повышению чина достоин. Вернувшись на службу во флот, принял командование военным транспортом — 16-пушечным шлюпом «Кроткий» (водоизмещение 500 тонн, длина 27,4 м, ширина 8,8 м, глубина интрюма 3,9 м), построенным на Охтенской верфи корабельным мастером В.Ф. Стоке в 1824–1825 гг., на котором в 1828–1829 гг. совершил свое третье кругосветное плавание из Балтики в Русскую Америку. На переходе открыл и картографировал в Тихом океане атолл Меншикова (ныне — Кваджалейн) в цепи Маршалловых островов, уточнил координаты и расположение некоторых других островов.

Знак отличия за 20 лет беспорочной службы на Георгиевской ленте Гагемейстер получил 22.08.1828 г.; 5.11.1830 г. в воздаяние трудов, понесенных при командовании шлюпом «Кроткий» в 1828–

Плавания Л.А. Гагемейстера
– – «Нева» 1806-1807 гг. ——— «Кутузов» 1816-1819 гг. ——— «Кроткий» 1828-1830 гг.

Рис. 7. Плавание Л.А. Гагейместера

1830 гг., награжден орденом Св. Анны II ст., получил удвоенное жалование, награжден орденом Св. Георгия IV ст. 18.12.1830 г. Чин капитана 1-го ранга Л.А. Гагемейстеру был присвоен в 1830 г. и он назначается директором училища торгового мореплавания, где провел большую работу по подготовке кадров шкиперов коммерческого флота. В 1833 г. он начал подготовку к походу, но 23 декабря 1833 г. (3 января 1834 г.) скоропостижно скончался от апоплексического удара.

Леонтий Андреянович был дважды женат, сначала на Каролине фон Шютц (Karoline von Schütz, †19.08.1827), после ее смерти — на дочери надворного советника Зальца, баронессе Софии Ивановне (8.10.1807–10.01.1897); она похоронена на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. От жены в первом браке имеет сына Михаила (9 лет), дочерей Любовь (7 лет) и Александру (5 лет), и от второго брака — дочь Марию (3 года)[1].

После кончины мужа Софья Ивановна обращается: «Милостивый Государь барон Егор Ермолаевич (Врангель). Ямбургский Земский суд по требованию от меня сведения, на каком основании я владею имением моим Буяницы и пустоши Оровки, присылаю план Оровки 1843 г.; все это досталось по завещанию покойного мужа моего капитана 1-го ранга Леонтия Андреяновича Гагемейстера, написанного 6.12.1827 г. и засвидетельствованного во II Департаменте СПб. Палаты Гражданского суда 8.01.1835 г. и предъявленного в Ямбурский уездный суд 1.02.1835 г. СПб 7.10.1860 г.[2] В имении Буяницы значатся 38 душ, всего 342 десятин, пустошь Оровка отстоит от имения в 35 верстах и не приносит никакой пользы. 22.05.1861 г. Софья Гагемейстер»[3].

В Ямбургскую дворянскую опеку подано прошение: «По семейному нашему предположению, Софья Ивановна Гагемейстер желает отказаться от временного владения Буяницы с назначением вместо законной части — денежного назначения. Все желают, чтобы имение Буяницы осталось за Александром Гагемейстер, с назначением каждому наследнику части денежного вознаграждения: по 1400 руб. серебром 22.03.1866 г. для рассмотрения дела Дворянская опека препровождает 5 доверенностей: 1 — Софии Ивановны Гагемейстер; 2 — Любови Леонтьевны Шульман; 3 — Александры Леонтьевны Гагемейстер; 4 — Марии Теглевой; 5 — Мариониллы Андреевны Гагемейстер. В Дворянскую опеку подано прошение надворного советника И.И. Вестенрика по доверенности опекунши

над малолетними детьми лейтенанта Михаила Гагемейстера — сыном Леонтием и дочерью Мариею — вдовы его Мариониллы Андреевой Гагемейстер, а также наследников флота капитана 2-го ранга Леонтия Гагемейстера: вдовы его Софьи Гагемейстер и детей их: жены поручика Надежды Горницкой, жены подполковника Любови Шульман, Боровичкой помещицы Марии Теглевой, урожденных Гагемейстер, и полковника Александра Гагемейстера. Дворянская опека, рассмотрев составленный проект раздельного акта имению умершего капитана 2-го ранга Л. Гагемейстера, состоящему СПб. губернии Ямбургского уезда мызе Буяниц с деревнею Буяниц и с пустошью Орровкою, в коем по 10 ревизии 37 наделов или ревизских м.п. душ, по добровольно оцененному 8400 руб. и по участию в 1/16 части малолетних внучат Леонтия — Леонтия и Марии, нашла со своей стороны проект выгодным и назначила детям по 1400 рублей в год»[4]. 14.04.1865 г. доверенный вдовы лейтенанта Мариониллы Андреевой Гагемейстер, надворный советник Вестенрик, вошел в дворянскую Опеку с прошением об учреждении опекунства над оставшихся после смерти мужа доверительницы Михаила Леонтьева Гагемейстера малолетних детей сыном Леонтием (13 лет) и дочерью Мариею (9 лет) и снабжении с оставшегося после смерти деда их капитана 2-го ранга Леонтия Гагемейстер имения мызы Буяниц с пустошью Орровкою[5].

Дворянский род фон Гагемейстер ведет свою родословную с XVII в. от **Иоакима Гагемейстера** (10.08.1655–1713), асессора Лифляндского Гофгерихта, владельца имений Номкюль и Ойзо в Эстляндии: 8.11. 1692 г. возведен в дворянское достоинство Шведского королевства, обвенчан в 1692 г. с Анной Екатериной Весселинг, дочерью шведского капитана и военного комиссара Фридриха Весселинг и Урсулы Фриберг[6].
Андриан Балтазар фон Гагемейстер (3.03.1708–6.04.1770), уволен в отставку в чине полковника русской службы, владелец имения Линденгоф, обвенчан 3.04.1741 г. с Гоф-Фрейлиной Анной Люцией фон Брюйнингк (25.08.1713–1772), дочерью Лифляндского генерал-суперинтенданта Генриха фон Брюйнингк.
Андриан Балтазар фон Гагемейстер (†5.05.1790), майор, советник Уфимского губернского правления, женат на Оттилии Шарлотте фон Глазенап, из дома Салисгоф.

Людвиг фон Гагемейстер (16.06.1780–3.01.1834), капитан 1-го ранга					
1 ж. — Karolinevon Schütz (†19.08.1827)					
2 ж. — баронесса София Ивановна фон Зальца (8.10.1807–10.01.1897)					
I					
I(1)---------(1)----------I(1)--------I(2)-------I(2)					
Михаил	Любовь	Александра	Мария	**Александр**, генерал-майор	
(1818)	(1820)	(1822)	(1828)	(1831–1892)	
ж. — Марионилла Андреевна			ж. — гр. О.Е. Сиверс (18.07.1848)		
I					I
I----------I		I----------I----------I----------I			
Леонтий	Мария	Евгений	Александр	**Владимир**	Ольга
(1852)	(1856)	(30.10.1873)	(6.10.1878)	(15.07.1881)	(22.07.1886)

В метрической книге церкви Святителя и Чудотворца Николая, что при Императорском Российском посольстве в Вене за 1872 г., во второй части о бракосочетавшихся № 2 значится: «23 августа — начальник Штаба Финляндского военного округа генерал-майор Александр Леонтьевич Гагемейстер, православного вероисповедания, первым браком, 40 лет, и дочь генерал-лейтенанта графа Евгения Сиверс и жены его Елизаветы Александровны девица Ольга Евгеньевна, 24 лет, евангелическо-лютеранского вероисповедания. Таинство совершал причт Русской посольской церкви в Вене. Поручителями были: по жениху — состоящий при Его Императорском высочестве наследнике цесаревиче генерал-лейтенант Александр Николаевич Стюрлер и надворный советник Александр Вестман; по невесте — Двора Его Императорского Величества камергер, д.ст.с. Николай Васильчиков и статский советник граф Лев Сиверс. Вена 9.02.1876 г.»[7] В хранящейся при Гельсингфорсской военно-госпитальной церкви метрической книге за 1881 г. № 19 записано: «1881 г. 15 июля у начальника Штаба генерал-лейтенанта Александра Леонтьева Гагемейстера и законной жены его Ольги Евгеньевны родился сын Владимир. Восприемниками были: генерал от инфантерии, барон Владимир Иванов Зальца и графиня Елисавета Александровна Сиверс. Гельсингфорс 12.10.1881 г.»[8]

В полном послужном списке Генерального штаба генерал-лейтенанта А.Л. Гагемейстера, умершего на службе 22 ноября 1892 г., указано: «Почетный опекун СПб. присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии, попечитель СПб., Царскосельской

Рис. 8. А.Л. фон Гагемейстер

и Гатчинской женских гимназий и Управляющий Императорским Гатчинским Николаевским сиротским институтом, владелец имения Камаев Остров Перечицкой волости Лужского уезда Петербургской губернии. В год получал 8500 руб. В службу вступил прапорщиком 26.05.1849 г. в Волынский полк, подпоручиком 6.12.1850 г.; поручиком 22.08.1854 г.; назначен бригадным адъютантом 22.11.1855 г.; штабс-капитаном 15.04.1856 г.; переведен в лейб-гвардии стрелковый батальон 6 мая; назначен батальонным адъютантом 24 июля; капитаном 7.04.1857 г.; награжден орденом Св. Анны III ст. 30.08; Св. Станислава 8.09.1859 г.; полковником 23.04.1861 г.; назначен командиром 4-го стрелкового батальона 1.04.1862 г.; назначен командиром 16-го пехотного Ладожского полка 11.05.1863 г.; за отличия против польских мятежников награжден золотою саблею с надписью за храбрость 8 июля 1863 г.; награжден орденом Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом 12 июля; орденом Св. Станислава II ст. с мечами и бантом и императорскою короною 9.09.1864 г.; орденом Св. Анны II ст. 4.04.1866 г; орденом Св. Анны II ст. с императорскою короною 9.01.1869 г.; назначен исправляющим должность начальника Штаба Финляндского военного округа 29 июня 1869 г.; Всемилостивейше пожалован в вечное и потомственное владение в Царстве Польском майорат, приносящий доходу 500 руб. 17 июля; произведен в генерал-майоры 17.04.1870 г.; пожалован орден Св. Владимира III ст. 16.04.1872 г.; в память 100-летнего юбилея ордена Св. Георгия пожалована большая бронзовая медаль 31 мая 1873 г.; награжден орденом Св. Станислава I ст. 30.08.1875 г.; назначен в Свиту Его Величества 5 июля 1876 г.; пожалован орден Св. Анны I ст. 16.04.1878 г.; согласно постановлению Главного управления Общества попечения о раненых и больных войнах от 14 июня 1879 г. получил знак Красного Креста Высочайше установленный 13 марта 1879 г. — 14 июня 1879 г.; произведен в генерал-лейтенанты 30.08.1880 г.; пожалован орден Св. Владимира II ст.

15.05.1883 г.; назначен Почетным опекуном 24.01.1897 г.; пожалован орден Белого Орла 9.04.1889 г.; умер, состоя на службе 22.11.1892 г.». Женат на Ольге Сиверс, имеет сыновей: Евгения (30.10.1873), Александра (6.10.1878), Владимира (15.07.1881), Ольгу (22.07.1886). За ним состоит в Царстве Польском Плоцкой губернии, майорат из фольварков Цеканово и Чержнево с участком леса, приносящий доходу 500 руб.»[9]

Владимир Гагемейстер обращается к А.В. Головнину (1821–1886), сыну знаменитого мореплавателя, вице-адмирала В.М. Головнина (1776–1831): «Милостивый Государь Александр Васильевич. Вашему Превосходительству вероятно уже известно, что я перехожу из Министерства финансов в Сенат. Однако из многочисленных причин, побудивших меня просить этого перемещения, было замечание, сделанное мне государем. Что всюду выражаюсь неодобрительно о состоянии наших финансов. Между тем распространенный в целом городе слух, будто Его Императорское Высочество Великий князь Константин Николаевич довел до сведения Государя Императора, что я в бытность свою в Лондоне, говорил о незавидном положении наших финансов и что возбужденное этим неудовольствие Государя Императора было причиною увольнения меня из МФ. Слух этот тем более мне непри-

Рис. 9. А.В. Головнин (1821–1886)

Рис. 10. Памятная доска на здании МНП

ятен, что он выказывает нерасположение ко мне Великого князя, которого добрым мнением я особенно дорожу. Зная, что я в Лондоне имел разговор о наших финансах с одним лишь бароном Бруновым, с которым я счел обязанностью быть несколько откровенным, и что по сему, если действительно Ваше Императорское Высочество жаловался на меня Государю Императору, этому могло быть причиною лишь какое-либо недоразумение. Я прошу позволение обратиться к Вашему Превосходительству как бывшему сопутнику Его Императорское Высочества в поездке в Англию с покорнейшей просьбою, предстатировать у Его Высочества о том, чтобы я не был осуждаем предварительно выслушании Вашего Превосходительства моего оправдания. С отличным почтением имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою В. Гагемейстер»[10].

«Лифляндская ландратная коллегия г. Рига, Дом дворянства 15 марта 1902 г. № 1573. Его Высокопревосходительству господину Герольдмейстеру Департамента Герольдии. Вследствие отношения от 4 марта сего года № 202 Коллегия имеет честь при сем препроводить список членом рода фон Сиверс: 1 — потомки общего родоначальника двух графских линий Иоакима Иоанна фон Сиверс (1674) и его супруги по первому браку Гертруды фон Эккерманн:

а — Георг Павлович граф фон Сиверс (15.04.1847), ж. — Мария фон Кленгель
I
б — Павел Карл Георгий граф фон Сиверс (3.02.1872)
в — **Готлоб Густав Иоанн Павлович граф фон Сиверс** (1.03.1823),
ж. — Амалия, овдовевшей фон Стаден, урожденной Рашанович
г — Эммануил, сын Карла Густава, граф Сиверс, сенатор (27.04.1817),
ж. — Елисавета, графиня Коскулль
I----------I
Эммануил граф Сиверс (16.07.1848) Александр, граф Сиверс (30.09.1849)
ж. — Ольга, княжна Урусова
I
I----------I----------I----------I----------I
Ольга Эмануил Александр Сергей Екатерина
(8.02.1877) (16.01.1878) (18.06.1879) (8.09.1881)
д — Николай Карл, граф Сиверс (10.10.1826) сын Иоанна Георгия Иоакима,
ж. — Елисавета фон Цеймерн
I----------I
Георгий Николай Макс (13.01.1864) Николай Евгений Каспар (10.01.1871)

е — Евгений Иоаким Казимир граф Сиверс (1818) сын Георгия Александра,
ж. — Елисавета фон Липгарт (†6 мая 1889)
I
Ольга графиня Сиверс (18.07.1848), замужем с 23.08.1872 г. за генерал-майором Александром фон Гагемейстер.

Рис. 11. Герб рода Сиверс

Герб рода графов Сиверсов внесен в часть VII Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи (л. 4).

II. Потомки Иоакима Иоанна Сиверс от второго брака его с Анною Бьёренберг, не пользующиеся графским титулом а- Александр фон Сиверс, сын генерал-майора Иоакима Иоанна фон Сиверс, женат на Анне Елисавете фон Ольдерогге[11].

I----------I
Александр (10.11.1835) Николай (4.10.1837)
ж. — Надежда Мартос ж. — Софья Васильевна
I I
I----------I I----------I----------I----------I----------I
Александр Елисавета Любовь Николай Александр Михаил Василий
(27.07.1866) (25.04.1873) (23.09.1868) (29.09.1869) (16.07.1877) (17.12.1878) (24.03.1883)
ж. — Александра, дочь Гостона Эйшен
I
I----------I
Татьяна (12.10.1892) Александр (28.07.1894)

«В Департамент герольдии Правительствующего Сената потомственного дворянина Владимира Александровича фон Гагемейстера. Заявление. 4 сентября 1901 г. было подано Всеподданнейшее прошение в Канцелярию Его Императорского Величества по принятию прошений родственником моим графом Готлобом Густавом Сиверс (его адрес: Лифляндская губерния, гор. Венден, Гермейстерская улица, собственный дом), состоящим последним в роде графов Св. Римской империи Сиверс, о передаче мне установленным порядком титула его, фамилии и герба, при чем в прошении было упомянуто, что я не достиг еще совершеннолетия, имею честь изъявить согласия мое на принятие после смерти графа Готлоба Густава Сиверс титула его, фамилии и герба, обязуясь присоединить последние к фамилии моей и гербу. 16 июля 1902 г. Владимир фон Гагемейстер. Мой адрес: СПб., Малая Итальянская улица, № 7, кв. 51»[12].

Граф Готлоб Густав Сиверс 4.09.1901 г. подает прошение: «Ваше Императорское Величество, Августейший Монарх! Будучи в тех преклонных годах, когда невольно приходит мысль о смерти, со скорбью думал о том, что, будучи последним в роде Сиверс из графов Св. Римской империи, не оставил я по себе никакого потомства и что, таким образом, пресекается род прославленного заслугами перед Престолом и Отечеством предка моего Графа Карла Сиверса, соподвижника Императрицы Елизаветы Петровны. Ввиду этого я решился повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества всеподданнейшую просьбу мою о передаче мною установленным порядком фамилии моей, титула и герба несовершеннолетнему родственнику моему Владимиру фон Гагемейстеру, род. 15 июля 1881 г., сыну покойного почетного опекуна, генерал-лейтенанта Александра Леонтьевича фон Гагемейстера, принадлежавшего к древнему роду, внесенному в Лифляндскую Дворянскую матрикулу, с правом именоваться графом Сиверс фон Гагемейстер и присоединить к своему родовому гербу, герб мой. Из приложенной при сем родословной следует, что мать Владимира фон Гагемейстера происходит по мужской линии от общего со мною родоначальника Иоахима Иоганна фон Сиверс. Отец ея, граф Евгений Егорович Сиверс, генерал от инфантерии и член Военного Совета был внуком предка моего Обер-Гофмаршала Графа Св. Римской Империи Карла Сиверса. Петр Христиан фон Сиверс, президент Рижского магистрата был возведен в графское достоинство Российской империи за заслуги родного брата его, знаменитого

сотрудника императрицы Екатерины Великой, Графа Якова Ефимовича Сиверс. Многие подобные случаи передачи фамилии, даже более отдаленным родственникам, по Высочайшей милости и при соблюдении всех правил, изложенных в приложении к статье 324 IX тома Св. Зак. Гражд. Изд. 1876 г. внушают мне смелость надеяться, что и моя просьба не останется без благосклонного внимания Вашего Императорского Величества. С чувством глубочайшего благоволения имею счастье наименоваться Вашего Императорского Величества верноподданным граф Сиверс. Г. Веден, в Лифляндии, 23 мая 1901 г.»[13]

Выпись из родословной графского семейства фон Сиверс, занесенного в Лифляндскую дворянскую Родословную книгу под № 177[14]

Христиан фон Сиверс, шведский майор
Иоаким фон Сиверс, шведский лейтенант
Иоаким Иоган фон Сиверс (1674–1752), ж. — Гертруда фон Эккерман

I
I----------I
Карл фон Сиверс (1710–1770) — Иоаким Иоган (1699–1770)
Императором Франции — Голштинский статский советник
возведен в графское достоинство Св. Римской империи; — ж. — Анна Магдалина фон Сиверс
ж. — Бенедикта Елизавета Крузе (†19.09.1777)

I — I
Иоанн Карл граф фон Сиверс (1749–1806) — Петр Христиан (23.10.1754–8.01.1827)
1 ж. — Шарлотта Елена фон Липгарт (1748–14.11.1775) — возведен в графское достоинство
2 ж. — графиня Мантейфель, вдова Швенгельм (†1785) — ж. — Шарлотта Генриетта Оберман

I — I
от 1-го брака: Павел, граф фон Сиверс (1773–5.03.1824) — Георг Александр (14.04.1784–17.02.1824)
1 ж. — Шарлотта фон Штаден, умерла бездетной — ж. — Августа Амалия фон Рамм
2 ж. — Екатерина фон Гюнцель (1792)
от 2-го брака: Яков граф фон Сиверс, ж. — графиня фон Сиверс
I

I	I
Готлоб Густав Иоанн граф фон Сиверс (1.03.1823)	Евгений Иоаким Казимир (1818)
ж. — Амалия фон Штаден (Романовитц)	ж. — Елизавета фон Липгарт (†6.05.1889)
Обвенчаны 10.11.1850	
I	
Ольга, графиня Сиверс (18.07.1848)	
с 23 августа 1872 г. замужем за генерал-майором **Александром фон Гагемейстер**[15] (14.09.1831)	
I	
I----------I----------I----------I	
Евгений	Александр Владимир Ольга
(22.07.1886)	(6.10.1878) (15.07.1881) (30.10.1873)
ж. — Н. П. фон Брадке	
I	
I----------I----------I	
Александр	Петр Наталия
(7.12.1897)	(16.06.1899) (2.10.1896)

Лифляндская евангелическо-лютеранская консистория «на основании реестра о рожденных и крещеных немецкого прихода Св. Маттия за 1823 г. сим удостоверяет, что граф Готлиб-Густав Иоанн фон Сиверс, законнорожденный сын майора графа Павла фон Сиверс и его супруги Катарины, урожденной фон Гюнцель, родился 1 марта 1823 г. в Бауснгоф и 3 апреля крещен. Рига, замок 6 июня 1901 г. Ф. фон Колонг, Президент»[16].

Директор Училища торгового мореплавания полковник Леонтий Гагемейстер подает прошение в Морское училище: «Имею я при себе сына Михаила 9 лет и прошу принять в Морской кадетский корпус, июль 1831 г. В метрической книге Спасской церкви Ямбургского уезда в селе Чирковицах под № 26 записано: флота капитана 2-го ранга Леонтий Андреяновича фон Гагемейстера сын Михаил родился 1.11, а крещен 8.11.1822 г., при крещении восприемниками были села Раскулиц помещик Василий Федоров Вахтин и Голятцкого помещика Густафа Густафьева Бримбера жена Луиза Евстафьевна»[17]. Евгений Александрович Гагемейстер секретарь дворянства 1908–1910 гг., коллежский советник, кавалер орденов Св. Анны III ст., Св. Станислава

II ст., награжден медалью в память Александра III ст. за труды по первой всеобщей переписи населения в 1897 г.; родился в 1875 г.; окончил курс по 1-му разряду в пажеском ЕИВ Корпусе, в 1894 г. подпоручик Гвардейской конной батареи, в 1896–1897 гг. состоял делопроизводителем V бригады, оставил в 1897 г. военную службу и причислен к МВД с откомандированием к СПб. губернатору; в 1898 г. переименован в коллежские секретари и зачислен земским начальником IV участка Шлиссельбургского уезда, в 1900 г. переведен в III участок; в 1902 г. титулярный советник. В 1903 г. коллежский асессор. В 1904 г. назначен непременным членом СПб. губернатора по воинской повинности Присутствия, в 1905 г. надворный советник, в 1908 г. избран секретарем дворянства, в 1909 г. произведен в коллежские советники; женат на Наталье Петровне фон Брадке, род внесен в VI часть ДРК»[18].

В Формулярном списке о службе земского начальника 3-го участка Шлиссельбургского уезда Евгения Александровича Гагемейстера за 1902 г. указано: «30 лет, православный; родовое имение в Плоцкой губернии майорат 1001 морг 202 прента; в Лужском уезде 5083 десятин земли; по окончании по 1-му разряду курса в Пажеском Корпусе произведен в подпоручики во 2-ю конноартиллерийскую батарею 8.08.1894 г.; женат на Наталии Петровне фон Брадке, дети: Александр (7.12.1897), Петр (16.06.1899), Наталия (2.10.1896); все православные. Зачислен в запас 22.03.1897 г.; определен в МВД 30 мая; переименован в коллежские секретари 15.05.1898 г.; утвержден начальником земского 4-го участка Шлиссельбургского уезда 12.06.1898 г.; 3-го участка — 16.04.1900 г. В метрической книге Николаевской церкви Симбирска за 1895 г значится: Е.А. Гагемейстер (22 года) повенчан первым браком 23 августа с дочерью генерал-майора Петра Михайловича фон Брадке Наталией, православной (21 год). Вдова генерал-лейтенанта Ольга Евгеньевна определением СПб. ДДС 17.04.1903 г. утвержденным указом Сената по Департаменту герольдии 15.06.1905 г. за № 2181 и внесена в VI часть ДРК»[19]. Секретарь дворянства, коллежский советник Е.А. Гагемейстера подает прошение: «Прошу о назначении старшему сыну моему Александру, воспитаннику Императорского Александровского лицея сословной стипендии СПб. дворянства в 400 руб. на один 1912/3 г.»[20]

В метрической книге православной церкви в Париже значится: «Д.ст.с. Юлия Андреевича Гагемейстера и жены его Александры Александровны родился сын Александр 7.03.1861 г., восприемниками были:

поручик С.П. Сугиков и девица Пелагея Александровна Чебычева». В Формулярном списке почетного смотрителя Епифанского уездного училища, титулярного советника Александра Юльевича Гагемейстера за 1883 г. отмечается: «21 год, православный, по окончании полного курса наук в Александровском лицее с чином титулярного советника определен на службу в МЮ 17.05.1880 г.; командирован для занятий в 1-й Департамент Сената, назначен для занятий в отделении дел Государственного секретаря 11.03.1881 г.; зачислен в список для пожалования звания камер-юнкера; утвержден в должности почетного смотрителя Епифанского училища с обязательством вносить в пользу училища по 200 руб. в год 31.12.1882 г. Тайный советник Юлий фон Гагемейстер (11.06.1806–23.04.1878), сын бывшего владельца имения Альт-Дростенгоф Генриха Готгарда Феодора фон Гагемейстера и его супруги Амалии фон Майдель».

Родословная рода Гагемейстер[21]
Иоахим Гагемейстер родился в Штральзунте 10.08.1655 г., в 1686 г. был асессором в Лифляндской обер-консистории, затем асессором в Бергерихте, грамотою Короля Карла XI от 8.11.1692 г. получил дворянское достоинство, собственник имений Номкюль и Ойзо в Эстляндии, владелец заставного и арендного имения Фарбус или Форгоф около Дерпта, †1713 г.
Андриан Бальтазар, родился 3.03.1708 г. в Риге, в 1772 г. в отставке полковником российских войск, получил в аренду казенные имения Ваймастфер, а затем Дростенгоф, приобрел покупкою Линденгоф, †6.04.1770 г, в супружестве с 3.04.1744 г. с Анною-Луциею фон Бруйнинг (25.08.1713 — март 1772)
Николай Христофор (8.11.1747 г., Линденгоф), в 1777 г. Венденский Орднунгсрихтер, владелец поместья Линденгоф, далее Дростенгоф и Голлерсгоф; подполковник польских войск и камергер Прусский, умер в Риге 18.10.1804 г., ж. — Катерина Елена Беренс фон Раутенфельт (4.08.1753 — март 1804)
Гейнрих Готгард Феодор, родился 28.03.1784 г, владелец имений Альт-Дростенгоф, служил с 1798 г. в Корпусе инженеров путей сообщения, уволен в отставку в 1805 г. в чине коллежского асессора, в 1824 г. уездный судья и надворный советник, †12.05.1848 в Альт-Дростенгофе, ж. — с 1805 г. Амалия фон Майдель
Юлиус (11.07.1806–23.04.1878), т.с.
Юлий Андреевич Гагемейстер 19.11.1885 г. № 4085 записан в родословный реестр № 153 Лифляндский родословный Матрикул, жена Александра Александровна, сын Александр (7.03.1861)[22]

Дворянский род Гагемейстера доказал свое дворянское происхождение представленным свидетельством Канцелярии Лифляндского рыцарства от 5.07.1742 г., на основании сего записан 21.01.1745 г. в ДРК, в том дано свидетельство Лудвигу фон Гагемейстеру, сыну Гакенрихтера и Кавалера Св. Анны III ст. Магнуса фон Гагемейстера, владельца поместья Паункиль, внуку Ландрата Карла фон Гагемейстера, владельца этого же имения. 14.11.1826 г. 2.10.1810 г. родился в Гаггерском Кирхшпиле в поместье Раббифер Лудвиг Магнус Николай, отец его: капитан Магнус фон Гагемейстер из Раббисрера; мать Юлиана Шарлотта Баранова. Восприемники: граф фон Стенбок из Селли с супругою; Манрифтер Гелефрейх из Пургеля; майор фон Крузенштерн из Гаггуда; Гакенрихтер фон Гагемейстер из Паункиля с супругою и прочие.14.10.1824 г. 2.07.1809 г. родился в поместье Аббифер Андреас Юлиус сын капитана фон Гагемейстера из Раббисрера и супруги Юлианы Шарлотты фон Баранов[23].

Родословная фон Гагемейстер[24]
Генрих фон Гагемейстер из Гримме, †1494 г.
Матвей, †1587 г.
? фон Гагемейстер, вотчинник Демица, Креневица, Грос-Парова, Клейль-Парова, †13.09.1616 г.
Николай, †1680 г.
Иоахим, асессор Рижского Гофгерихта, за утерею доказательств о дворянстве вновь утвержден в 1692 г. Шведским королем Карлом XI в дворянском достоинстве, родился 10.08.1658 г. в Штральзунде, †1714 г.
Андреян Бальтазар фон Гагемейстер (1708–1770), полковник российской службы ж. — баронесса Брюннинг
Карл Иустин, майор, вотчинник Паункиля и Сарнакарба, ж- Ева-Каролина фон Гагемейстер, дочь родного дяди, †1809 г
Магнус Христинан фон Гагемейстер, капитан, вотчинник Паункиля
ж. — Юлиана Баранов
Карл Петр Георгий фон Гагемейстер (8.01.1830)
Дворянская фамилия фон Гагемейстер принадлежит к фамилиям, принятым в Лифляндскую дворянскую матрикул во время императорского владычества и при ведении сей древней матрикулы 29.06.1747 г. в порядок внесена в оную под № 153

Родословная Генриха фон Гагемейстера
Матвей, †1587 г. в Шральзунде, ж. — Геза фон Шварц
Генрих, †13.09.1616 г., имения: Демниц, Креневиц, Паров, ж. — Катарина фон Шварц
Николай, †1680 г., имения Демниц и Паров, ж. — Мария фон Клинковистром
Иоахим (1655–1714), Лифляндский асессор, ж. — Катарина фон Ветлинг
Андриан Бальтазар (1708–1770), полковник российской армии, ж. — Анна Бруйнинек
I
I----------I
Николай Христофор Андриян (+1790)
российский подполковник российский майор, надворный советник
имение Дронгоф, ж. — Катарина фон Раутенфельд и Президент в Уфе, ж. — фон Глазенап
Генрих (28.03.1784) Лудовик, полковник
надворный советник ж. — фон Шиц
имение Дронгоф, ж. — Амалия фон Майделль I
I I----------I
Генрих (3.07.1815) Любовь (11.07.1844) Александра (1.04.1826)

Представители дворянского рода фон Гагемейстер отличились как боевые офицеры, дипломаты, талантливые финансисты и помещики, меценаты и мореплаватели. Именем капитана 1-го ранга Л.А. Гагемейстера назван атолл на островах Россиян в Тихом океане, гора на побережье Северной Америки в архипелаге Александра, остров в Беринговом море в Бристольском заливе[25]. Петр Негоша в поэме «Горный венец» отметил: **«Счастлив тот, кто будет жить в веках, и в этом величайший смысл его рождения»**.

* * *

[1] РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 3194. Морское училище. Гагемейстер Михаил Андреянович — Леонтьевич. 1831. Л. 3–5.

[2] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 10560. Л. 1–2.

[3] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 1282. Д. 10722. Л. 1.

[4] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 10978. О взятии в опекунство имения Ямбургского помещика Гагемейстера. 1865. Л. 4–31.

[5] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 10933. Л. 1.

[6] РГИА. Ф. 1343. Оп. 42. Д. 44. Дело по прошению графа Готлоба-Густава Сиверса о дозволении ему передать его фамилию вместе с присвоенным ей гербом и титулом родственнику его Владимиру фон Гагемейстеру. 1903. Л. 3–4.

[7] Там же. Л. 16.

[8] Там же. Л. 17.

[9] Там же. Л. 19–23.

[10] ОР РНБ. Ф. 208. Головнин. Д. 45. Письмо В. Гагемейстера А.В. Головнину 11.01.1860. Л. 1–2.

[11] РГИА. Ф. 1343. Оп. 42. Д. 44. Дело по прошению графа Готлоба-Густава Сиверса о дозволении ему передать его фамилию вместе с присвоенным ей гербом и титулом родственнику его Владимиру фон Гагемейстеру. 1903. Л. 35.

[12] Там же. Л. 36.

[13] Там же. Л. 2.

[14] Там же. Л. 5.

[15] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 5765. О сопричислении вдовы генерал-лейтенанта Ольги Евгеньевны Гагемейстер к роду мужа. 1899. Л. 2.

[16] РГИА. Ф. 1343. Оп. 42. Д. 44. Дело по прошению графа Готлоба-Густава Сиверса о дозволении ему передать его фамилию вместе с присвоенным ей гербом и титулом родственнику его Владимиру фон Гагемейстеру. 1903. Л. 7.

[17] РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 3194. Морское училище. Гагемейстер Михаил Андреянович Леонтьевич. 1831. Л. 1.

[18] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 26. Д. 71. Гагемейстер Евгений Александрович. 1908. Л. 1–2.

[19] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 6451. О сопричислении жены коллежского секретаря Евгения Александровича Гагемейстера Наталии Петровны и сыновей Александра и Петра и дочери Наталии к роду его и о перенесении рода фон Гагемейстера из 2-й в 6-ю часть ДРК СПб. губернии. 1902. Л. 9–12.

[20] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 11. Д. 101. О воспитании детей надворного советника Евгения Александровича Гагемейстера. 1908. Л. 19.

[21] РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 176. О дворянском роде Гагемейстера. 1886. Л. 4–8.

[22] Там же. Л. 16.

[23] РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 173. О дворянском роде Гагемейстера. 1824. Л. 2–14.

[24] РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 174. О дворянском роде Гагемейстера. 1830. Л. 5–10.

[25] *Масленников Б.* Морская карта рассказывает. М., 1986. С. 66.

П.А. Головнин

АДМИРАЛ МАКСИМ ГЕННИНГ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Дворянский род фон Геннинг ведет свое происхождение из Курляндии с XVII в. и связан родственными узами с родами Лутковских, Саломон, Головниных. Приводятся гербы с описанием, архивные документы о происхождении указанных родов и их вкладе в историю Военно-морского флота России с начала XIX в., послужные списки адмиралов М. Генинга, Ф.С и П.С. Лутковских, полковника Н.С. Лутковского, неопубликованные свидетельства о бракосочетании вице-адмирала В.М. Головнина, история создания фамильного склепа Головниных на Митрофаниевском кладбище в Санкт-Петербурге и установки памятного знака на месте разрушенного склепа.

Ключевые слова: родословная, дворянин, Геннинг, род, герб, Лутковский, Головнин, адмирал, архив.

P.A. Golovnin

A FAMILY OF ADMIRAL MAKSIM GENNING

The noble kin von Genning go from Kurlandia with XVII and have a relative relations with Lutkovsky's, Salomon's, Golovnin's families. Consider a history of this families, his emblems and a biographies' of admiral M. Genning, colonel N.S, admirals P.S. and F.S. Lutkovsky's, the history of created a Golovnin's vault in Sankt-Petersburg and the establishment a memory sign of this place.

Keywords: genealogy, noble, Genning, kin, emblem, general, Lutkovsky, Salomon, Golovnin, admiral, archives.

Дел твоих в потомстве звуки, как
в небе звезды возблестят.
Г. Державин

11 января 1836 г. в Санкт-Петербургском дворянском депутатском собрании (ДДС) слушали дело по прошению генерал-майора Максима Матвеевича Геннинга, что он желает быть внесен в Дворянскую родословную книгу (ДРК) по Санкт-Петербургской губернии по месту жительства и представил документы: «1 — патент от 12.12.1834 г. о пожаловании его генерал-майором из капитанов 1-го ранга 10.04.1832 г.; 2 — указ от отставке, в котором показано, что ему 58 лет, сын коллежского асессора, женат на Екатерине Степановне Лутковской, имеет дочь Лидию 9 лет, имения не имеет; обвенчан 22.05.1824 г.; в метрической книге 1834 г. церкви св. Исповедника Павла, что при Морском кадетском корпусе (МКК) записано: родился сын Максим 27 мая, дочь Лидия 23.07. 1825. Постановили: внести в 3 часть ДРК СПб губернии по определению ДДС от 11.01.1836 г.»[1]

Фамилия фон Геннинг принадлежит к древнему дворянству Курляндии, значилась в определении ДДС от 20.07.1634 г. и пользовалась всеми правами и льготами и преимуществами, изъясненными дворянству Королем Сигизмундом-Августом в 1561 г.[2] Максим Геннинг пишет Петру Лутковскому, родному брату жены 4.11.1858 г.: «Почтеннейший дядюшка Петр Степанович. “Ретвизан” Вилла-Франко. Извините за неаккуратное писание к Вам из тех портов, в которых я был. Маменька, вероятно, прочитывала все то, что могло быть интересным о моем плавании. На пути мы заходили в Нибург, Брест, здесь встретили Амурский отряд, который отправился пред нас. Простояли в Кадиксе 13 дней и сегодня пришли в Вилла-Франко. Плавание большей частью делали под парусами и довольно успешно. М. Геннинг. 14.08. В настоящее время эскадра наша стоит в Неаполитанском заливе: фрегат Громобой в гавани, корвет Баян в доке для исправлений, корабль Ретвизан и фрегат Полкан поставлены в Кастель-амаре, которое закрыто для волнений. Осматривал все достопримечательности, поднимался на Везувий к кратеру, лава кипит с большим шумом, осмотрел дворец Короля Меорота, тут множество картин превосходно написанных. Король Неаполитанский не живет в столице, а в загородном дворце в Казерто. На днях уходим в Грецию в Пирей, а потом в Яфу и Палестину, если только предположения Великого князя не изменятся. В Неаполе очень много русских путешествен-

ников. Надеюсь, что Вы все уладили по части устройства квартиры, а удобства жизни. Вещь очень важная и жаль, что нет до сих пор у Вас такого лица, которому бы сходно было за этим присмотреть и распоряжаться хозяйством. Ваш племянник М. Геннинг. Неаполь 25.03.1859 г. Жду назначения в плавание, которое было мне обещано Начальником Штаба бароном Таубе, Александр Васильевич и Ольга Дмитриевна Вам кланяются. Максим Геннинг 3.04.1865 г. Я молю Всемогущего, чтоб Вы под Святым покровом Его могли достигнуть глубокой и счастливой старости, и чтоб Вам еще много раз пришлось праздновать день Вашего Ангела. 11.06.1865 г. Поздравляю Вас с РХ, на другой день по моем приезде в Кронштадт, я имел честь явится к Его Высокопревосходительству Александру Васильевичу и передал отданное мне поручение Вами касательно приискания частного занятия при порте. 20.12.1867 г.»

Екатерина пишет брату и сообщает семейные новости: «Любезный друг и неоцененный братец Петр Степанович. С наступающим днем Ангела и рождения <...> Я полагала, что письмо застанет Ваше Превосходительство еще в Никулине, и потому прошу, будучи в церкви у Благовещения Божией Матери, поклониться и за меня нашим родителям на могиле их. Поликсения Васильевна с Петром Ивановичем были в Соборе, и сегодня были у меня и предполагают пуститься в путь, берут с собою Сашеньку, остальные дети будут на дачи в Лесном институте с тетушкой Петра Ивановича с Софией Андреевной <...> Катерина Геннинг 1.06.1858 г. Приезжал ко мне из Кронштадта Федоров и привозил чемодан Макса, каким он смотрится молодцом. Трильбе в Царском так все любят и ласкают, Авдотьи Степановне хочется совсем оставить там, и моют, и чешут, и она это любит и по правде очень ласкова»[3].

Максим (Магнус-Леопольд) Матвеевич Геннинг (1774–1839) — контр-адмирал, командир Астраханского порта. Из восьмиклассных дворян российской нации, лютеранского закона, сын коллежского асессора. На службе с 1794 г.; поведения весьма благородного, должность исправлял с отличным усердием; говорит по-немецки, по-английски, по-французски; науки, принадлежащие к морскому офицеру, знает хорошо; весьма порядочен[4]. 10 июня 1794 г. поступил в морские батальоны каптенармусом и в том же году был произведен в сержанты. Начиная с этого года вплоть до 1799 г. Геннинг ежегодно находился в плавании по Финскому заливу. 1 мая 1796 г. он был произведен в мичманы. В 1799–1800 г. находился на корабле «Св. Иануа-

рий» и фрегате «Венус» в должности флаг-офицера при контр-адмирале Брейере; затем был в плавании у берегов Англии и в крейсерстве в Немецком море у острова Тексела, принимал участие в морских десантах в Голландии. С 1801 по 1804 г. плавал по Финскому заливу и Балтийскому морю и 31 декабря 1804 г. был произведен в лейтенанты и оставлен при Кронштадтском порте, 18 октября 1806 г. был прикомандирован к Морскому кадетскому корпусу на вакансию поручика; до этого же времени находился в Кронштадтском порте. В 1807 г. Геннинг на фрегате «Малый» плавал с гардемаринами между Санкт-Петербургом и островом Сескар, а в следующем году командовал бомбардирской плавучей батареей № 1 в устье Невы. В 1809 г. он опять плавал с гардемаринами на Кронштадтском рейде на корабле «Благодать» и 8 января следующего года был произведен в капитан-поручики. В это время он находился в крейсерстве в Финском заливе на фрегате «Амфитрида». Затем следующий год провел при Морском корпусе и 12 декабря был переименован в капитан-лейтенанты с оставлением при корпусе, а в 1812 г. опять находился в плавании, при перемещении Морского корпуса из Санкт-Петербурга в Свеаборг. В 1813 г. привел 2-ю кадетскую роту берегом из Свеаборга в Санкт-Петербург, после чего, командуя корпусным фрегатом «Малый» и бригом «Симеон и Анна», плавал с гардемаринами между Санкт-Петербургом и Кронштадтом. В 1814 г. он был назначен командиром 3-й кадетской роты в Морском корпусе, а начиная со следующего года и до 1817-го, командуя корпусными судами, вновь плавал с гардемаринами между Санкт-Петербургом и Стиреуденом. 14 марта 1816 г. Геннинг был помещен на капитанскую вакансию. В 1818 г. он опять плавал с гардемаринами между Санкт-Петербургом и Красной Горкой, продолжая командовать корпусными судами. В 1820 г., командуя фрегатами «Малый» и «Урания», снова плавал с гардемаринами у Красной Горки и был награжден орденом Св. Владимира IV ст. Второй орден, Св. Георгия IV кл., Геннинг получил 16 декабря 1821 г. за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах 30 августа 1824 г. он был произведен в капитаны 2-го ранга, а 29 апреля 1826 г. был перемещен в присутствующие корпусной канцелярии. 14 октября 1827 г. Геннинг был награжден орденом Св. Анны II ст., и 8 декабря произведен в капитаны 1-го ранга, с оставлением при том же корпусе. В 1832 г. от вице-адмирала Крузенштерна аттестован: поведения отличного, в должности весьма усерден. В 1833 г. от Командира Ревельского порта генерал-лейтенанта Спафарова: с вышеописанным аттестатом

согласен. 10 апреля 1832 г. Геннинг получил чин генерал-майора и был назначен капитаном Ревельского порта, но через два года по болезни уволился от службы и оставался не у дел вплоть до 1836 г., когда, оправившись, вновь поступил на службу и получил назначение на должность командира Астраханского порта и Каспийской флотилии, с переименованием в контр-адмиралы. В это время Каспийская флотилия состояла из 14 боевых судов. В 1838 г. он был награжден орденом Св. Владимира III ст. Геннинг скончался в Астрахани 2 февраля 1839 г.[5]

Коллежский асессор Адольф-Карл Геннинг в 1854 г. подал прошение: «В 1851 г. род наш и я указом Правительствующего Сената утвержден в дворянском достоинстве Эстляндской губернии. По свидетельству Эстляндской Консистории 17.10.1811 г. в приходе Св. Петра родился и был крещен 7.11. Адольф-Леопольд, сын пастора того прихода Карла-Матвей Геннинга и его жены Амалии-Дарии-Вильгемины, урожденной Саломон»[6]. Восприемниками при крещении были майор фон Блавари, Гакенрихтер Б.А. фон Розен; капитан фон Икскюль Гюльденбанс, асессор Маннгерихта барон фон Штакельберг, инспектор училищ Миквитц и кандидат Морр, капитанша фон Шталь, девицы Елена фон Грюневальт, Шарлотта фон Шиллинг, Шарлотта фон Кнорринг, Иоанна Ганнерд и Вильгемина Гланштрем. 14.07.1851 г.

Родословная фон Геннинг
Христофор-Рейнгольд
I
Павел-Рейнгольд, отставной Польских войск поручик, умер в 1820 г.
I
Иоган-Флеминг-Готгард (2.06.1785), российской службы прапорщик
I
Адольф-Фридрих

Пастор Карл-Матвей Геннинг по сопричислении его в 1842 г. к ордену Св. Станислава III ст. признан Департаментом герольдии в потомственном дворянстве и дан ему диплом и герб. В метрическом свидетельстве из Курляндской Консистории указано о рождении 19.09.1839 г. Адольфа-Фридерика сына отставного прапорщика Флеминга-Иоганна-Готгарда фон Геннинг и жены его Герты. «По Грамоте

прапорщику Иогану-Флемингу-Готгарту фон Геннинг выдано 5.08.1824 г. свидетельство о дворянстве за № 545»[7].

8.02.1846 г. в Сенате рассматривалась записка по прошениям о выдаче на дворянское достоинство дипломов и гербов: среди 12 лиц пастор Евангелически-Лютеранского прихода Св. Петра в Эстляндии Карл Матиас Геннинг, который представил: 1 — грамоту Капитула Императорских и Царских орденов от 19.11.1844 г. № 1086, за воздаяние ревностного служения и особых трудов МВД засвидетельствованных и Комитетом министров одобренных Высочайше сопричислен 6.11.1842 г. к ордену Св. Станислава III ст.; 2 — свидетельство Эстляндского губернского правления от 15.02.1843 г. № 938, что он есть природный российский подданный. Заключение Департамента герольдии: по пожалованному ордену выдать ему на оное диплом и герб, о чем и доложить Общему Собранию Сената. Во исполнение предписания Департамента герольдии от 17.10.1847 г. № 408 из числа представленных при прошении пастора Геннинга на изготовление диплома пошлинных денег 45 руб. серебром выданы мною живописцу Фомину за изготовление того диплома 22 рубля $85^{1}/_{2}$ коп. Для вящего же свидетельства и в признак сей Нашей Императорской милости и возведения в дворянское достоинство жалуем Геннинга дворянским гербом: «в голубом полк щита, крестообразно, два золотые ключа, и над ними крест. Щит украшен дворянскими шлемом и короною с тремя строусовыми перьями, на коих два таковые же ключа. Намет на щите золотой, подложенный голубым». Просит пастор К.-М. Геннинг выдать диплом и герб, которые подал его сын Адольф Геннинг, коллежский секретарь и гувернер СПб. Ларинской больницы и жительство имеет в доме Ларинской больницы на В.О. по 6-й линии, между Большим и Средним пр. Просит дворянин Гейнрих-Дионисий-Лаврентий (2.09.1820) Карлов сын Геннинг и по доверенности братьев Георга-Фомы-Венедикта (21.12.1823), Юлиуса-Казимира (1808) и Франца-Виктор-Константин (15.03.1813) Карловых Геннинг. Определением Департамента герольдии от 8.02.1846 г. «отец наш, пастор Карл Геннинг, признан потомственным дворянином и получил в 1851 г. диплом, просим причислить нас к роду отца». «Любезный брат Гейнрих Карлович. Просим тебя получить для нас свидетельство о дворянстве, так как мы живем в Эстляндии. Георгий, Казимир, Виктор фон Геннинг».

2.01.1858 г. утвержден в дворянстве аптекарь Генрих фон Геннинг. «Прошу причислить к роду детей от жены Луизы-Шарлотты Шнейдер: Эрнест-Юлия-Оскара (30.04.1862), Юлий-Казимир (12.05.1866), вос-

приемником при крещении был Эдуард Брунс[8]; девица Агнесса фон Геннинг; Луи (2.08.1875) и Эмиля (2.08.1875). Жительство имею по Литейной части в доме графа Шереметева № 51, кв. 9»[9].

Император Петр III подписал указ от 18 февраля (1 марта) 1762 г.: «О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству». Впервые в истории России дворяне освобождались от обязательной 25-летней гражданской и военной службы, могли выходить в отставку и беспрепятственно выезжать за границу. Однако по требованию правительства были обязаны служить в вооруженных силах во время войн, для чего возвращаться в Россию приходилось под угрозой конфискации землевладений. Основные положения указа Петра III были подтверждены законодательным актом Екатерины II от 21 апреля 1785 г. в известной «Жалованной грамоте дворянству 1785 г.». Был организован Департамент герольдии Правительствующего Сената, в каждой губернии были созданы Дворянские родословные книги, куда записывались дворяне определенной губернии. По ст. 82 Грамоты в «шестую часть Родословной книги вносились благородные дворянские роды по алфавиту» с толкованием: «древние благородные не иные суть, как те роды коих доказательства дворянского достоинства за сто лет и выше восходят, благородное же их начало покрыто неизвестностью». Павел I указом от 4.12.1796 г. постановил «О запрещении Правительству самим собою вводить в дворянское достоинство и выдавать на оное грамоты без Высочайшего утверждения». 20.01.1797 г. последовал указ «О составлении Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской империи», 14 декабря установлено Высочайшим приказом правило, согласно которому дворяне, определенные на военную службу служили в качестве рядовых не более трех лет. 18.12.1797 г. объявлено было об учреждении Императорского Банка для дворян[10].

Екатерина Степановна Геннинг, урожденная Лутковская, была родной сестрой знаменитого русского мореплавателя В.М. Головнина (1776–1831). Первым из рода Головниных, доказавшим согласно новому Указу древность своего происхождения, был подполковник Григорий Кириллович Головнин (1722–1798): «В 1742 г. был сержантом в Азовском пехотном полку, в 1753 г. подпоручиком в Троицком пехотном полку, потом премьер-майором, а в 1753 г. подполковником. В 1793 г. он просил Рязанское дворянское депутатское собрание внести его с детьми в 6-ю часть Дворянской родословной книги Рязанской губернии, в число древнего дворянства, на что и последовало определение Герольдии от 20 июня 1794 г.»[11]

Титулярный советник Федор Никитич Головнин в 1804 г. «просил Герольдию составить герб рода Головниных потомства Богдана Головнина. Вследствии сего герб был составлен и 25.01.1807 г. удостоен Высочайшего утверждения»[12]. Герб рода Головниных (от Богдана) внесен в 8-ю часть Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи (Л. 66). Федор Никитин сын Головнин (1763–?) из дворян, имеет грамоту, по которой род его внесен в 6-ю часть Дворянской родословной книги Московской губернии; имеет в Воронежской губернии 1 мужского пола душу. Поступил на службу в Московскую полицию рядовым 1.05.1776 г.; капралом 13.03; произведен в сержанты 14.01.1777 г.; переведен в Преображенский полк фурьером 14.09.1780 г.; подпрапорщиком 13.12; каптенармусом 4.03.1791 г.; за болезнею отставлен поручиком 1.01.1792 г; по прошению вновь определен в Московскую полицию квартальным поручиком 6.12; произведен в титулярные советники 31.12.1795 г.; перемещен квартальным надзирателем 14.07.1796 г.; женат, детей мужского пола не имеет[13]. Мичман Дмитрий Яковлевич Головнин в 1810 г. «просил Герольдию составить роду Головниных потомства Игнатия герб. Вследствие этой просьбы герб был составлен и 5 августа 1816 г. Высочайше утвержден»[14]. Герб рода Головниных (от Тараса) внесен в 9-ю часть Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи (Л. 59).

Дмитрий Яковлевич Головнин (1789) «15.03.1802 г. определен в Морской кадетский корпус кадетом; 15.05.1806 г. произведен в гардемарины, 1.04.1809 г. пожалован в мичманы; 29.04.1815 г. в лейтенанты; 30.07.1806 г. от Кронштадтского рейда отплыл в Корфу; в 1807 г. в Архипелаге был в сражении при взятии острова Тенедоса 12 марта, с флотом находился с 10 по 19 июня, от порта Галью пришел в Лиссабон, 25.08.1808 г. эскадра пришла в Англию, 1.08.1809 г. отправились в Россию, куда прибыли 10 октября. С 3.05 по 5.11.1810 г. был в крейсерстве на легкой эскадре от Петербурга до Кронштадта. В 1811 г. командирован из Петербурга в Астрахань, с 1.05 по 1.01.1812 г. плавал от Астрахани в Баку; 21.05.1812 г. из Астрахани отбыл к Туркменским берегам к острову Сарт, 28.09.1813 г. обратно в Астрахань. В 1814 г. командирован в Саратов за рекрутами. С 3.05 по 14.08.1814 г. плавал к Персидским берегам на транспорте для доставления провианта на эскадру и обратно; с 5.09 по 14.11.1814 г. был послан для доставления пороха и других артиллерийских материалов и снарядов к Дербентской крепости и Баку; 26.11 поступил с транспорта “Баку”

Рис. 1. Герб рода Головниных (от Тараса)

Рис. 2. Герб рода Головниных (от Богдана)

на бриг “Радуга”. С 11.03 по 12.04.1815 г. в крейсерстве к Персидским портам и обратно в Сарт и потом на транспорте “Волга” возвратился в Астрахань. В 1810 г. имел монаршее благоволение, 31.12.1812 г. пожалован орден Св. Анны 3-го класса за взятие крепости Ленкорань. В 1806–1809 гг. аттестован от капитана 1-го ранга Кроуна и капитана 2-го ранга Развозова: поведения хорошего и в 1810 г. от капитан-лейтенанта Макарова: по должности ведет себя весьма хорошо, рачителен, знающ, опрятен. В отпуске был в Тамбовской губернии в 1814 г. на 28 дней»[15].

Описание герба (от Тараса): «Щит разделен горизонтально на две половины. В нижней половине на зеленом поле три золотые львиные маски, две сверху и одна внизу. Верхняя половина разделена двумя перпендикулярными линиями на три поля: боковые поля красные и в каждом из них серебряная пика острием вверх, среднее поле серебряное и в нем черная крепость. На гербе дворянские шлем и корона с тремя страусиными перьями, намет зеленый, подложенный золотом».

Описание герба Головниных (от Богдана): «В щите, имеющем серебряное поле, посредине горизонтально изображена голубая полоса, на ней две львиные головы и между ними крестообразно положены золотая стрела и два старинные копья, острием обращенные вверх. Щит увенчан дворянским шлемом и короною со страусиными перьями, на коих находится золотой крест. Намет на щите серебряный, положенный голубым».

Родословная дворянского рода Головниных
Никита «Головня» (XIV в.)
? ?
Иван Головнин (XV в)
Иван большой I I----------I
Тарасий († до 1594) Василий
Игнатий (†1652) Иван
Петр большой, ж. — Елена Петровна Головнина Богдан
Иван Иван
Кирилл (1676–1739), ж. — Ксения Ивановна Пущина Родион
Григорий (1722–1798) Никифор 1 ж. — Ирина Евграфовна Кутузова I I I
I----------I I
Викул (1771–1846) Яков (1757) Никита ж- Екатерина Васильевна Вердеревская I I
Дмитрий (1807–1876) **Дмитрий** (1789–?) **Федор** (1763–?) ж. — кн. С.П. Мещерская ж. — Анастасия Васильевна ж. — Наталья (†1853) Федоровна Буковская I I I I----------I
Сергей (1848–1921) Елизавета (1798) Екатерина (1805) ж. — Е.К. Смольянинова (1855–1911) I
I----------I
Петр (1880–1918) Борис (1878–1920) ж. — Л.П. Некрасова (1882–1954) ж. — К.Г. Карпова (1882–1976)
Андрей (1909–1980) Дмитрий (1906–1942) ж. — З. Н. Преображенская (1914-2012) ж. — Ванда Карловна Тальберг (1916–2002)
Петр (1950) Олег (1941) ж. — Светлана Ильинична Мошкова (1941)
Дмитрий (1970) ж. — Александра Александровна Байкалова (1970)
Максим Головнин (2008)

Родословная вице-адмирала Василия Михайловича Головнина
Василий, в 1753 г. титулярный советник, коллежский асессор. Родовое имение сельцо Пирогово, жена — П.П. Чеботаева
Михаил (1742–1785), жена — Александра Ивановна Вердеревская, деревня Гулынки
I----------I----------I----------I
Василий (1776–1831) Иван (†1812) Дмитрий (†1817) Александр
ж. — Евдокия Степановна Лутковская (1795–1880) ж. — фон Бландов
I
I----------I----------I----------I----------I----------I----------I
Ираида Александра Ольга Мария **Поликсения** Александр Николай
(1822–1829) (1829–1905) (1827–1869) (1827–1905) (1824–1909) (1821–1886) (†1830)
м. — П.И. Саломон (1811–1905)
I
I----------I----------I----------I----------I----------I
Варвара Елизавета **Александр** Дина Сергей Надежда
(1854–1908)
ж. — Евгения Владимировна Никольская (1864–1916)
I
I----------I----------I
Маргарита (1886–1944) **Петр** (1889–1941) Владимир (1885–1917)
ж. — Антонина Сергеевна Разумова (1890–1972)
I
I----------I
Дмитрий (1926–1942) **Александр** (1914–1985)
1 ж. — Тамара Ильинична Кирина
2 ж. — Лилия Александровна Баленкова (1921–1985)

В мире нет такого военного моряка, как вице-адмирал В.М. Головнин (1776–1831), которому за его мужество, решительность, смелость, верность долгу поставили памятники в Асташово Рязанской области (1976), Южно-Сахалинске (1982), в г. Сумото-сити (Госики-чо (Япония) (1996), р.ц. Старожилово Рязанской области (2006), г. Порт-Вила (Вануату) (2009), г. Рязани (2016), его именем назван город на Аляске [Golovin] (США). В 2007 г. в национальном парке «Налычево» на Камчатке по ходатайству Русского географи-

Рис. 3. В.М. Головнин

ческого общества назвали безымянные горы именами Головнина, Рикорда и японского купца Кахэй. За ним состояло 70 душ в селе Озерки Сапожковского уезда Рязанской губернии и 60 душ в деревне Корень Мосальского уезда Калужской губернии. 9 декабря 1815 г. внесен в 6-ю часть ДРК Рязанской губернии. 15.10.1819 г. в Конюшенной церкви СПб. состоялось венчание В.М. Головнина и Авдотьи Степановны Лутковской (1795–1880). В Книге записи брачных обысков записано: «Мы нижеподписавшиеся свидетельствуем, что сочетался ныне первым законным браком флота капитан 2-го ранга Василий Михайлович сын Головнин, с дочерью отставного поручика Стефана Васильевича Лутковского девицею Евдокиею Стефановною; состоящих в греко-российском исповедании; вступают в оный по взаимному между собою согласию и любви. Жених, с позволения своего начальства, а также с позволения родителей и родственников, без вечного принуждения, сродства между ними, ни духовного, ни плотского, разрушающего достояние тайны, ни прикосные до супружества недопущающего ни иного какого правильно препятствия к соединению их возбраняющего не обретается. Жених, холост, от роду 43 лет; а невеста от роду 24 лет. Заключая истинность сего свидетельства и поручительства сего том, что ежели хотя одно, что он вышереченного есть и так когда несправедливо приамлем ответствование за то, по силе законом на себя в том своеручно и подписуемся. В сем свидетельствую по жениху и невесте флота капитан 1 ранга Сульменев; генерал-майор Набоков; генерал-лейтенант Иван Пущин; Гвардейского Экипажа лейтенант ? № 15. Дано свидетельство 1834 года 14 ноября 3-м дочам»[16]. В.М. Головнин по возвращению в Санкт-Петербург в 1816 г. из японского плена сделал себе печать, в коей «рука с мечом осеняла его вензель, и кру-

гом было написано: За Правых Провиденье». Девизом герба Василий Михайлович выбрал строки из стихотворения В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов»:

В о и н ы:
Отведай, хищник, что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За Правых Провиденье![17]

Дворянский род Лутковских ведет свое начало от ржевского помещика Семена Ивановича Лутковского, жившего в начале XVIII в.: «Из записи Ржевских писцовых книг 132 года видно, что за ним состояло имение в Ржевском уезде в сельце Михирево деревни Семеновской, пустоши: Михеево, Мамоново, Микулина, Ратово, Ярино, Немелево, Ольховец, Ушаки, Котово. Земский суд от 11 октября 1847 г. донес, что действительно эти имения состоят во владении надворного советника Сергея Михайловича Лутковского флота капитанов 1-го ранга Петра Феопемта Степановичей Лутковских. Пустоши Ратово и Ольховцах перешли при специальном межевании во владение Петра и Феопемта Лутковских, сельцо Никулино и пустошь Михеево перешли от Алексея Семеновича Лутковского сыну его Петру, а ныне находятся во владении Петра и Феопемта Лутковских».

Родословная дворян Лутковских
Иван Лутковский
Семен, помещик Ржевского уезда, †1666
Алексей, дворянин Московский (1666–1687), помещик Ржевского уезда (1666–1683)
Петр, стряпчий (1692)
Василий, солдат лейб-гвардии Семеновского полка, Михаил Козин, ж. — Толбухина подпрапорщик, Ржевский помещик, ж. — Елена Степановна I I I
Степан (1760–1840), поручик Преображенского полка, ж. — Пелагея Михайловна Козина I I--------I---------I--------I------I--------I---------I------I------I--------I
Нил Екатерина **Ардалион** Надежда Анна Александра Глафира Петр Феопемт **Евдокия**
(1790–1837) (1798–1822) (1796) (1805) (1806) (1799) (†1882) (1803–1852) **м. — В.М. Головнин**

«16.01.1787 г. Тверского наместничества в ДДС от ржевских помещиков поручика Степана Васильева и прапорщика Ивана Михайлова, и поручика Василия Михайлова детей Лутковских было подано доношение: прошлого 1796 года 20 октября родственник наш Ржевский же помещик подпоручик Михайла Андреевич Лутковский в оное Собрание в доказательство дворянского происхождения предъявил данные предку нашему Алексею Семенову сыну Лутковскому на недвижимое Ржевское имение: 1 — послужную Грамоту 191 г. от царей Ивана и Петра Алексеевичей, 2 — выпись с Ржевских книг 132 г., по которой имение, по нисходящей линии дошло до покойного отца его с братом во владение, и за ними отказано, и наконец, за ним. Приложил родословную фамилии Лутковских роспись, в которой и нас с семейством назвали, и по этому доказательству в оном Собрании дело было решено 25 октября 191 г. и определено внести в ДРК в 6-ю часть, и просим дать нам грамоту, ссылаясь на помянутое доказательство и покорно просим оное Собрание внести и нас в туже часть и дать порознь Грамоты, а до получения Грамоты, снабдить нас аттестатами»[18]. Далее Степан Васильевич показывает состав семьи в 1797 г.: 37 лет, жена — Пелагея Михайловна (28 лет), дети: Нил (7 лет), Ардальон (1 год), Надежда (11 лет), Александра (9 лет), Анна (8 лет), Авдотья (4 года), Глафира (2 года). За ним наследственного Ржевского уезда в одном сельце и трех деревнях мужского пола 38 душ, женского 30 душ. Старицкого уезда в одном сельце мужского пола 14 душ и женского 10 душ, в Зубцовском уезде в одной деревне мужского пола 17 душ и женского пода 15 душ. Да в приданое полученных за женой его в Осташковском уезде в одной деревне мужского пола 5 душ и женского 4 души»[19].

Флота капитан 2-го ранга Феопемт Лутковский 9 февраля 1843 г. подает прошение: «Милостивый Государь Сергей Михайлович! Покойный родитель мой Тверской губернии помещик, лейб-гвардии Преображенского полка отставной поручик Степан Васильев сын Лутковский, по представленным от него в Дворянское депутатское собрание доказательствам происхождения от старинного дворянского рода Лутковских предки коих Иван и Томило Истомины дети в 7134/1626 г. за службу верстаны поместным окладом, а Лаврентию Семенову сыну Лутковскому за службу предков и отца пожаловано в 7199/1691 г. на поместья грамота, был признан оным Собранием в дворянском достоинстве и внесен в 6 часть Родословной Книги Тверского дворянства, в удостоверение чего и выдан был ему 17 января

Рис. 4. Ф.С. Лутковский

Рис. 5. Герб рода Лутковских

1797 г. под № 8 аттестат за подписью Тверского губернского предводителя дворянства бригадира Неклюдова с приложением печати Дворянского собрания. Желая ныне получить от Герольдии Правительствующего Сената на основании Свода Законов (Т. IX. Ст. 986) описание родословной рода Лутковских к коему принадлежу и копию с присвоенного сему роду Герба, имею честь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой приказать выдать мне узаконенное свидетельство. По состоянию же моему при воспитании Государя, Великого Князя Константина Николаевича, прошу Вас покорнейше приказать адресовать означенное свидетельство на мое имя в Зимний дворец, в комнаты Его Императорского Высочества, генерал-адмирала. Феопемт Лутковский»[20].

Ф.С. Лутковский (1803–1852) родился в селе Микулине Ржевского уезда Тверской губернии. Отец его в царствование Екатерины II служил в Преображенском полку, но вскоре вышел в отставку и поселился в деревне. Записанный в кандидаты МКК, Лутковский сначала был отдан в английский пансион в Санкт-Петербурге, а затем в 4.08.1816 г. поступил в МКК. Год спустя, 1 июля, он был произведен в гардемарины и поступил на шлюп «Камчатка». Вскоре он под командованием капитана 2-го ранга В.М. Головнина отправился в кругосветное плавание и посетил остров Св. Елены, где в то время находился

Наполеон. В течение двухгодичного плавания на шлюпе «Камчатка» мичман Врангель вел дневник, в который с педантическою точностью и верностью ежедневно записывал все увиденное и услышанное. Дневник этот сгорел во время пожара. О командире «Камчатки» капитане Головнине отзывался Фердинанд Петрович с особенным уважением, по словам его, Головнин был человек энергичный, опытный, с большим запасам научных сведений, любознательный и обладавший в высшей степени быстротою соображений и решимостью. Головнин становился равнодушным к наружному щегольству и тем мелочам военно-морской смотровой части, которые необходимы на военно-морском судне. По мнению Фердинанда Петровича, М.П. Лазарев и В.М. Головнин дополняли друг друга. Врангель в особенности занимался практической навигацией, мореходной астрономией и землеведением. Сверх того Врангель давал уроки двум гардемаринам Лутковским. На шлюпе «Камчатка» совершили кругосветное плавание родные братья супруги В. М. Головнина — Евдокии Степановны Лутковской, мичманы Ардальон и Феопемт Лутковские. Головнин писал о службе Лутковского: во все путешествие, сверх должности по своему званию, употребляем был к переписке иностранных писем, в сношениях моих с разными лицами, переписывал секретные бумаги, имел в своем ведении собрание редкостей, занимался астрономическими наблюдениями и вел себя отлично хорошо и к должности примерно усерден. От Азорских островов командовал вахтой. Ф. Лутковский был произведен в мичманв 2.09.1819 г.; с 1821 по 1824 г. совершил кругосветное плавание на шлюпе «Аполлон» под командованием капитана 1-го ранга Тулубьева; 28.10.1824 г. за вояж награжден Св. Анны III ст., пенсией по чину и удвоенною кампаниею; с 1824 по 1826 г. состоял при генерал-интенданте флота Головнине для особых поручений; 1.01.1826 г. произведен в лейтенанты с переводом из Балтийского в Черноморский флот, на корабле «Император Франц» в должности флаг-офицера состоял при вице-адмирале Грейге и крейсировал в Черном море; в 1827 г. на шлюпе «Диана» крейсировал у Абхазских и Мингрельских берегов; в 1818 г. на яхте «Утеха» крейсировал там же и участвовал в вырезке турецкого судна близ Суджук-кале и турецких судов из под крепости Анапа, за что был награжден Св. Владимира IV ст. с бантом, потом на корабле «Париж» участвовал при взятии Анапы и блокаде Варны; за бытность на корабле Государя Императора получил годовое жалование, после чего, командуя шхуной «Гонец», крейсировал у Варны; в 1830 г. командовал катером «Соловей»

у абхазских берегов, составил и напечатал статью о посещенных им Черноморских портах; в 1831 г. командуя катером, состоял в распоряжении Русского посольства при Оттоманской Порте, а потом в Греции, при начальнике отряда военных кораблей контр-адмирале Рикорде (1776–1855); в 1832–1833 гг. на фрегате «Штандарт» перешел из Севастополя в архипелаг, плавал до Александрии и возвратился в Константинополь; в 1833 г. состоял при поручений при начальнике вспомогательного отряда в Босфоре, генерал-лейтенанте Муравьеве; произведен в капитан-лейтенанты и награжден турецкой золотой медалью, за 18 морских кампаний был награжден Св. Георгием 4 кл.; в 1834 г. командуя тендером «Лебедь» плавал в Финском заливе; в 1836–1837 гг. командуя корветом «Наварин» и фрегатом «Принц Оранский» плавал в Балтийском море; в 1837 г. награжден Св. Станислава II ст.; в 1838 г. состоял для особых поручений при генерал-интенданте флота, вице-адмирале Васильеве; в 1839 г. назначен состоять при особе Его Высочества генерал-адмирале Великом князе Константине Николаевиче; с 1839 по 1844 г. состоял в должности начальника Штаба, ежегодно сопровождал Великого князя в плаваниях по Финскому и Ботническому заливам; 11.04.1841 г. произведен в капитаны 2-го ранга, награжден орденами Св. Анны II ст. и Нидерландского Льва; 6.12 1843 г. произведен в капитаны 1-го ранга; в 1844 г. на корабле «Ингерманланд» перешел с Великим князем из Архангельска в Кронштадт; в 1845–1846 гг. находился при Его Высочестве в плавании по Черному и Средиземному морях, награжден Сицилийским орденом Франциска 1-го командорского креста; в 1846 г. награжден Св. Владимиром III ст.; в 1848 г. назначен вице-директором Инспекторского департамента Морского министерства; в 1849 г. пожалован во флигель-адъютанты с оставлением при прежней должности; 6.12 произведен в контр-адмиралы с состоянием в Свите Его Высочества, в 1851 г. награжден Св. Станислава I ст. В «Морском сборнике» за 1852 г., в 8-м томе, имеется подробное описание всех кампаний, совершенных Лутковским, находящимся при Великом Князе в течение 10 лет. За это время он получил ордена: в 1841 г., будучи в Гааге, орден «Нидерландского Льва», в 1846 г. в Неаполе орден Франциска 1-го командорской степени, в 1848 г. от короля шведского орден Меча и от короля датского — орден Данеброга. В этом же году Лутковский получил назначение вице-директора Инспекторского департамента Морского министерства. В 1849 г. был произведен в контр-адмиралы с назначением флигель-адъютантом к Государю.

За всю свою 34-летнюю службу Лутковский провел 27 морских кампаний и плавал два раза вокруг света. Еще в 1827 г., когда Ф. Лутковский плавал у абхазских и мингрельских берегов, он составил статью, в которой описал посещенные им порты и жизнь тамошних моряков. Эта статья была напечатана в одном из периодических изданий ИРГО, членом которого он состоял с 1845 г. Перу Ф. Лутковского принадлежит описание города Александрии в морском отношении и сравнение турецкого и персидского флотов, а также составление «Примерного положения о снабжении пароходов материалами и вещами для действия машин» (1838), которое служило руководством во флоте более 9 лет. Свиты Его Императорского Величества, контр-адмирал Ф.С. Лутковский скончался 20 апреля 1852 г. и похоронен в СПб. в Сергиевой пустыни[21].

Отставной прапорщик Василий Алексеев сын Лутковский подает прошение в Департамент герольдии 12.09.1800 г.: «Всепресветлевший, Державнейший, Великий Государь Павел Петрович, Самодержец Всероссийский и прочая, прочая, прочая. Предки мои из древнего дворянства и жалованы были поместьями, и прошу, дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом сие мое прошение в Герольдию принять и герб рода нашего в Гербовник внести и сыну моему Петру, для представления в титул державного ордена Святого Иоанна Иерусалимского выдать засвидетельствованную родословную и герб, на что и пошлинные деньги 30 руб. при сем прилагаю. Сей герб в роде нашем употреблял гвардии прапорщик Василий Алексеев сын Лутковский»[22].

Департамент герольдии Правительствующего Сената 22 декабря 1847 г. утвердил герб рода Лутковских: «Щит разделен диагонально к левому верхнему углу голубою полосою, на которой находится золотая стрела. Над полосою в золотом поле видна выходящая с правой стороны из облака рука с саблею, а внизу, в серебряном поле, зеленый крылатый змий. Щит украшен дворянским шлемом с дворянскою на нем короной с страусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложенный золотом и серебром. Предки фамилии Лутковских Иван и Томило Истомины дети, в 7134/1624 г. в службу верстаны поместным окладом, а Лаврентий Семенов сын Лутковский за службы предок и отца своего пожалован в 7199/1691 г. на поместья грамотою. Равным образом и другие сего рода Лутковские служили Российскому Престолу службы и жалованы поместьями. Все сие доказывается жалованною на поместья грамотою, выписями с писцовых книг и родословною Лутковских»[23].

По показанию ряда декабристов, Ф. Лутковский имел «свободный образ мыслей», тесно общаясь с членами тайных обществ. Следствием было установлено, что членом тайных обществ не был. Высочайше было повелено 13 июля 1826 г. перевести его в Черноморский флот, препоруча особенному надзору адмирала А.С. Грейгу. За отличия в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. был освобожден от надзора, но с установлением во время пребывания в Санкт-Петербурге секретного надзора[24].

Еще 9.08.1822 г. граф В. Кочубей уведомляет СПб. губернского предводителя дворянства: «Милостивый Государь мой Александр Львович! Рескриптом на имя мое 1 день сего августа данным, ЕИВ угодно было повелеть привести в действие меры, принятые касательно воспрещения Лож Масонских и других тайных обществ в Империи, и вследствие коих по ст. 3 и 4 во всех министерствах и других гражданских начальниках, чиновника в оных служащие в обеих столицах обязаны дать подписку, что они ни к каким ложам масонским не принадлежат, или, что они принадлежат к оным, впредь ни к каким Обществам сего рода принадлежат ни внутри, ни вне Государства не будут. На основании распоряжения сего я по Высочайшему повелению честь имею препроводить у сего к вам, Милостивый Государь мой, формы упомянутых подписок. С тем, чтобы они взяты были от всех чиновников под начальством Вашего Высокопревосходительства служащих. ЕИВ угодно было при том повелеть: 1 — что подписки сии хранились в том Ведомстве от коего чиновники зависят; 2 — чтоб по отобрании оных, составлен был из них список чиновников с разделением тех, кои принадлежа к тайным обществам и тех, кои в оные не поступали, и чтоб списки сии доставлены были в МВД для совокупного представления оных ЕИВ; 3 — чтоб впредь, когда будут принимаемы на службу или определяемы к должностям чиновники, обязаны были они под № 3 у сего приложенною, и чтоб таковая подписка хранилась при прошениях ими поданных или при послужных списках»[25].

За Ф.С. Лутковским 3-м был установлен полицейский негласный надзор: «Господину начальнику Морского штаба Его Императорскому Величеству. Секретно. Высочайше утвержденная комиссия для разыскания о злоумышленном обществе при произведении порученного ей исследования имела в виду некоторые показания на мичманов: гвардейского экипажа Тыртова, 7-го Флотского экипажа Писарева и находящегося при генерал-интенданте Головнине Лутковского, хотя

показания сии не могут доказывать, чтобы сии лица принадлежали к тайному обществу, но по близким связям с некоторыми участниками общества, она навлекают на себя подозрение в отношении образа мыслей. При докладе государю Императору записок о показаниях на сих трех офицеров сделанных Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: перевести Тыртова в Ластовый экипаж Каспийской флотилии, учредив за ним бдительный надзор, Писарева в Архангельск, с тем, чтобы там состоял на службе так же под бдительным надзором начальства, а Лутковского в Черноморский флот поручив его особенному надзору вице-адмирала Грейга. О сей Высочайшей воле сообщаю Вашему Превосходительству для надлежащего исполнения, честь имею присовокупить, что Государю Императору угодно, дабы ежемесячно доносимо было Его Величеству о поведении вышеозначенных офицеров. Военный министр. Получено 14 июля вечером, № 3. 1826 г.»[26]

Лутковский Нил Степанович (1790–1836) 21 сентября 1800 г. поступил в МКК кадетом, 15 мая 1805 г. произведен в гардемарины и плавал в Финском заливе, 1 января 1808 г. произведен в мичманы, в 1808–1819 гг. на шлюпе «Лизета» и корвете «Помона» крейсировал в Балтийском море, 11 января 1812 г. произведен в лейтенанты. На отряде гребной флотилии перешел из Кронштадта через Свеаборг в Ригу и, плавая по реке Аа, участвовал при взятии Митавы. В 1813 г. на том же отряде перешел из Свеаборга через Ригу к Данцигу и участвовал в троекратном сражении под Вексельмюнде, за что был награжден орденом Св. Анны IV ст., зимовал в Кенигсберге., в 1814 г. на том же отряде перешел из Кенигсберга в Свеаборг, в 1815–1820 гг. находился при Свеаборгском порте, в 1821 г. на фрегате «Помощный» перешел из Архангельска в Кронштадт, в 1822 г. на фрегате «Диана» крейсировал в Балтийском море, в 1824 г. на корабле «Три Святителя» плавал от Кронштадта до острова Исландия, 30 августа произведен в капитан-лейтенанты, в 1825–1831 гг. состоял помощником капитана над гребным портом, в 1828 г. награжден орденом Св. Владимира IV ст., 14 сентября 1831 г. произведен в подполковники ластовых экипажей, 1 февраля 1833 г. уволен от службы чином полковника. Скончался 23 апреля 1837 г., и похоронен на Митрофаниевском кладбище в Санкт-Петербурге в том же склепе, где похоронен вице-адмирал В.М. Головнин и его семья[27]. В июле 2017 г. на месте склепа Головниных был торжественно открыт памятный знак при участии представителей Японского консульства.

Рис. 6. Склеп
рода Головниных

Рис. 7. Памятный знак
на месте склепа Головниных

Лутковский Ардальон Степанович (1798–1822) в 1807 г. поступил в МКК кадетом, 12 мая 1814 г. произведен в гардемарины, 2 марта 1816 г. разжалован в матросы 2-й статьи за пьянство, 9 апреля 1817 г. возвращено звание гардемарина, в 1817–1819 гг. на шлюпе «Камчатка» под командою капитана 2-го ранга В.М. Головнина совершил кругосветное путешествие к северо-западным берегам Америки, 22 сентября 1819 г. произведен в мичманы, в 1820–1821 гг. находился при Кронштадтском порте. В 1822 г. на бриге «Аякс» плавал у берегов Голландии, где 7 ноября, после 12-дневной жестокой воспалительной горячки скончался[28].

Петр Степанович Лутковский (1800–1882) 8 октября 1809 г. поступил в МКК кадетом, 7 июня 1814 г. произведен в гардемарины, 1 марта 1817 г. произведен в мичманы и на фрегате «Аргус» плавал от Кронштадта до Кале, в 1818–1819 гг. на фрегате «Поспешный» перешел из Кронштадта в Кадис, оттуда на испанском транспорте возвратился в Кронштадт, в 1819 г. на корабле «Орел» крейсировал в Балтийском море, в 1821 г. на транспорте «Мезень» перешел из Архангельска в Кронштадт. 12 мая 1822 г. произведен в лейтенанты и на фрегате «Диана» крейсировал в Балтийском море, в 1823 г.

командирован в Иркутск, в 1824–1829 гг. состоял начальником Байкальской флотилии. В 1830 г. награжден орденом Св. Анны III ст. и на фрегате «Екатерина» плавал от Кронштадта до Любека, после чего с десантными войсками перешел из Кронштадта в Свеаборг, в 1831–1832 гг., командуя шхуной «Гонец», плавал в Балтийском море, в 1833–1835 гг. командовал шхуной «Гонец», в 1836 г., командуя бригом «Нестор», перешел из Архангельска в Кронштадт, в 1837 г. был командирован для осмотра Низовского округа корабельных лесов, в 1837–1839 гг. командовал фрегатом «Александра» и плавал в Балтийском море. В 1838 г. награжден орденом Св. Владимира IV ст., в 1839 г. командовал кораблем «Память Азова» при Свеаборгском порте. 6 декабря 1840 г. произведен в капитаны 2-го ранга, в 1841 г. командуя отрядом гребной флотилии, плавал между Петербургом и Кронштадтом, после чего был командирован из Свеаборга на транспорте «Филоктет» к Аландским островам, откуда на пароходе «Поспешный» возвратился в Свеаборг. В 1842 г. на корабле «Память Азова» крейсировал в Балтийском море под брейд-вымпелом Его Высочества принца Генриха Нидерландского, а по отбытии принца, вступил в командование этим кораблем. В 1843 г. за выслугу XXV лет в офицерских чинах награжден орденом Св. Георгия IV ст., 15 апреля 1845 г. произведен в капитаны 1-го ранга, в 1846–1847 гг. командовал кораблем «Память Азова», в 1847 г. пожалован золотой табакеркой с вензелевым изображением Его Высочества.

«4 ноября 1847 г., я, нижеподписавшийся, Командующий 12 ФЭ и корабля “Память Азова” капитан 1-го ранга Петр Степанов сын Лутковский отпустил безденежно, вечно на волю для служения Их Императорских Высочеств, Великому Государю Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу крепостного дворового моего человека Иона Иванова, доставшегося мне по наследству от родителя моего поручика Степана Васильева сына Лутковского и писанного по 8-й ревизии Тверской губернии Ржев Володимирского уезда в усадьбе Микулино, а потому представляются ему Иону Иванову в полное право его от крепостного состояния и на законном основании. Приметами он росту 2 аршина 5 4/8 вершка, волосы светлые, глаза карие, лицо чистое, от роду имеет 28 лет, в уверение чего дана ему Иону Иванову сия отпускная за подписанием моим с приложением печати герба моего, при свидетелях в СПб.». В 1848 г. командуя новопостроенным кораблем «Память Азова» перешел из Архангельска в Кронштадт, в 1849 г. произведен в контр-адмиралы с назначением командиром

2-й бригады 1-й флотской дивизии, в 1851 г., имея свой флаг на корабле «Фершампенуаз», крейсировал в Балтийском море. 19 марта 1852 г. награжден орденом Св. Владимира III ст.; имея свой флаг на корабле «Прохор», плавал до Шотландии, после чего был командирован в Астрахань и Николаев, в 1853 г. на пароходах «Ленкорань» и «Владимир» ходил по Каспийским и Черноморским портам и был награжден орденом Св. Станислава I ст., в 1854 г., имея свой флаг на корабле «Великий князь Михаил», находился на Кронштадтском рейде при обороне Кронштадта от англо-французского флота. Петр Степанович еще в 1829 г. представил проект укрепления Аландских островов, учитывая важность размещения шхерной флотилии канонерских лодок, рассматривалось влияние течения, ветров, глубина проливов[29], в 1854 г. он представил новый проект на рассмотрение Великому князю Константину Николаевичу[30].

В начале 1854 г. Петр Степанович советовал Великому князю: «если с открытием навигации нынешнего года в Балтийском море появиться сильный неприятельский флот, превосходящий числом судов и паровыми движениями наши средства, то нельзя не согласиться с большим мнением, что наш флот первоначально должен оборонятьсся, и того, находясь в совершенной готовности к выходу из своих портов, должен выжидать выгодные обстоятельства, при которых обязан выйти в море и употребить все средства для соединения со своими судами, чтобы совокупными силами вступить в сражение. Положение портов Финского залива имеет жесткую связь с береговой обороною и представляет нашему флоту некоторые преимущества, а финские шхеры, с расположенными местами шхерскими флотилиями, будут способствовать нашему предприятию. Полагаю, что остров Эзель и Аландские острова, как выгодные стратегические пункты будут обеспечены сухопутными войсками и следовательно лишать неприятеля всякой надежды на какое-либо покушение, то есть высадку десанта на Эзель или намерения против Бомарзунда, то шхерские флотилии, при деятельном движении своем, могут принести большую пользу, тревожа отдельные неприятельские суда, и даже, при удобном случае, отправить к неприятелю брандеры. Если сообразно силе или обстоятельствам нашей эскадры представится возможность в пределах Финского залива вступить в бой с неприятелем, то премного различных, разнообразных переменах местности, направление и сила ветра, трудно определить ордер похода или экспедицию на якоре и быть уверенным в успехе окончания дела. Все это остается неприкосновен-

ным правом Главнокомандующего флотом, который, в решительный момент своего положения, обязан изменить всякое теоретическое начертание, смотря по обстоятельствам. Из сего же следует, что во время боя на море, в крайнем случае надобно представить командирам судов право выходить из своих мест для нанесения вреда неприятелю, но отнюдь не ослабляя свои линии, и не подвергая другие суда поражению, без сего расчета, по одной линии, самодеятельности не должно произвольно действовать и оставлять своего определенного места в ордере. Если при первой встрече в море, наши суда будут соответствовать по качеству судов и по достатку артиллерии, то сообразно того, Главнокомандующий указывает обязанности отдельным флагманам при совокупном их участии. Впрочем, хотя всякие предприятия легче приказывать, нежели исполнять, но утешительно надеюсь, что готовность исполнения своего долга в каждом так выразится, что честь нашего флага не омрачит»[31].

В 1855 г., имея свой флаг на люггере «Ораниенбаум», П. Лутковский командовал отрядом гребной флотилии у Лисьего Носа. В 1856 г., имея свой флаг на винтовом корабле «Орел», плавал в Финском заливе, потом перенес свой флаг на фрегат «Полкан» и находился при Высочайшем смотре флоту на Кронштадтском рейде, 20 декабря награжден орденом Св. Анны I ст. и командирован на Волгу. В 1857 г. состоял членом комиссии по Своду морских уголовных постановлений и членом Следственной комиссии по делу о гибели корабля «Лефорт», в 1857–1858 гг. командовал 1-й флотской дивизией в Кронштадте, 17 апреля 1858 г. произведен в вице-адмиралы с назначением членом Морского генерал-аудитората и подавал на Высочайшее рассмотрение свои проекты[32]. Петр Степанович выражает свое мнение: «В случае преступной подлости перед неприятелем, бунтовщиком или изменником, командир Государственного судна имеет право сам наказать или заставить наказать без всяких формальностей виноватых находящихся в его команде. Во всяком случае командир корабля обязан представить суду рапорт о происшествии и оправдать себя перед следственным судом, в том, что он был вынужден употребить данное ему право. Эта неограниченная власть, так сказать жизни или смерти предоставленное командиру судна в решительных случаях оправдывается преданиями всех наций при требованиях морской службы и, оказалось необходимым его соблюдения, ибо не доказывают примеров, чтобы она была употреблена во зло, между тем оно служит спасительным предостережением командиру, равно как и команде. Право жизни

и смерти, данное командиру, не есть новость в морской взыскательной службе, всякий обыкновенный суд был бы слишком медлен. Пример, данный вовремя, может поощрить или остановить всякое преступление, общее спасение в руках начальника, притом же отвечая за все происшествие, средства его должны иметь отношение с ответственностью, которая на него возложена»[33].

В 1863 г. Петр Степанович состоял членом Комиссии по рассмотрению проекта основных положений преобразования морской военно-судной части. Написал очерк «Отрывок из дневника мичмана»[34]. 27 марта 1866 г. награжден орденом Св. Владимира II ст., 9 июня 1867 г. произведен в адмиралы, в 1872 г. награжден орденом Белого Орла, 24 декабря 1882 г. скончался[35].

Петр Степанович часто бывал в своих имениях, материально помогал своим крестьянам, получал приглашения: «Василий Григорьевич и Марья Александровна Жуковы покорнейше просят пожаловать на бракосочетание дочери их Софии Васильевны с лейтенантом Глебом Михайловичем Шишмаревым сего 26 января 1862 г. в 7 часов в церковь лейб-гвардии 1-го Стрелкового Батальона, что у Семеновского моста, а оттуда в собственный дом у Каменного моста»[36].

«Дорогой сосед Петр Степанович! Читая твое письмо, я не верил своим глазам! Какой ужасный и небывалый случай, все служа вместе, погибли вдруг. Моряки всегда в войне и в опасности, но такового гибельного происшествия и не бывало, чтобы 80-пушечный корабль так внезапно погиб. Я стал на мель — все сигары вышли, сделай одолжение, выручи, пришли 500 сигар, не крепких, ценою от 4 до 5 руб. серебром за сотню, какой фабрики не знаю, ты лучше меня знаешь, деньги при свидании с благодарностью отдам. Александру Васильевичу искренний поклон. Душою преданный и готовый к услугам Михайло Дубасов. 13 октября 1857 г. Прасолово»[37].

«Любезнейший адмирал Петр Степанович! Брат мой, коллежский советник Сергей Ильич, для воспитания единственного сына должен жить в Москве, но состояние брата так ничтожно, что при всей скромности и аккуратности, без долга прожить не может и занимает маленькую квартиру, а сын ходит приватным в 3-ю гимназию. Сделай одолжение, упроси твоего племянника Александра Васильевича Головнина, чтоб брату дал место в Москве полицмейстером Университета или женского института, тогда брат будет иметь казенную квартиру, и это много обеспечило бы его в жизни. С истинным почтением М. Дубасов. 13 марта 1862 г., Москва»[38].

«Я Вас покорнейше прошу прислать мне картинку с Вашим портретом. Посылаю Вам оброк 154 руб. 50 коп., собранные с временно обязанных мужиков Ваших. Михаил Сергеевич Давыдов, 1863 г.»[39]

Петр Степанович составлял планы усадеб Микулино, Нелидово Какожского стана, сельца Микулино и деревни Нелидово с пустошей Михеева, которому ранее принадлежала вся земля в общем владении гвардии Преображенского полка капрала Е.В. Лутковского, артиллерии инженера кадета Ивана Ивановича Лутковского с 10.09.1776 г.[40] Собирал книги по морской тематике и хранил их вместе с редкостями и сувенирами в специальных шкафах: «Каталог книгам, в том порядке, как они поставлены в шкафах 1847 г. апреля 7 дня при отправлении моем в Лондон. Большой красного дерева шкаф — разделяющийся на две половины, соединенные между собой винтами и общим карнизом. В левом шкафу, на верхней полке: картинная галерея или систематическое собрание рисунков по всем отраслям человеческих познаний — 3 книги, «Путешествие Головнина на шлюпе “Камчатка”», вторая часть, 1817 — 1 книга, «Записки о Японии капитана Головнина», 1816 г. — 3, Записки русского путешественника по Голландии, Бельгии, нижнем Рейне, князя Мещерского, 1842 — 1, «Жизнеописание Баранова» Хлебникова — 1, «Поучения Родиона Путятина», 1841 — 1, «Размышления о смерти, о суде, об аде и царстве небесном», Москва, 1843. Итого: 2233 книги на русском и иностранных языках. На шестой или верхней полке: шкатулка из раковины из Палермо для сестры А.С., шитая бисером табачница Г.С. от покойной брата Н.С., турецкая кофейная чашечка, кружка с уродом, нюхающим табак (выиграна на Царской лотерее), кувшинчик глиняный для наливания питья с самураями, чайная чашка с женской головкой, подарена от сестер А.С. в 1819 г. Две шестиугольные зеленые чашечки, подарены от великих князей Н.Н. и М.Н. стеклянные, стеклянная кружка с крышкой, подарена от В.П. Романова, бронзовая пепельница с розовым стеклом, подарена от сестры А.С., другая пепельница фарфоровая от Великого Князя Константина Николаевича, графин белого хрусталя и к нему стакан — подарок от Александра Головнина. В левой половине библиотеки в нижнем шкафу, на нижней полке помещены следующие вещи 1847 г. апреля 28 дня: редкие заграничные вина»[41].

Адмиралу пишут его племянницы: «Почтенный и дорогой дяденька! Спешу уведомить Вас, что сегодня утром маменька с Петром Ивановичем (Саломон), возвратились из Твери. Тетеньку Евсевию Степановну она застали уже во гробе, и погребение ее было в воскресенье

25-го числа, кончина ее была совершенно праведная, она соборовалась, причастилась и тихо перешла в лучший мир в $2^1/_2$ часа пополудни 22 ноября 1862 г. Тетеньку Арсению Степановну застали они только что причастившуюся, и очень усталую, она их узнала, спрашивала обо всех, и жаловалась на сильную слабость. Ей предложили собороваться, но она просила дать ей прежде отдохнуть, и вскоре после сделался обморок. Священники в полном облачении ожидали в ближней комнате, чтобы приступить в совершению таинства, только что тетенька придет в чувство, но обморок продолжался, и по желанию Игуменьи маменька пошла к ней, а чрез час после того, то есть в $1^1/_2$ часа пополудни, тетенька скончалась, вчера было ее погребение, их обоих положили возле бабушки Аполлинарии Васильевны. Грустно думать, что двух тетенек не стало — у них в монастыре вероятно заразительная болезнь. 28 ноября 1862 года. Александра Головнина»[42].

«Ваше преподобие Отец Георгий! На нынешней почте чрез Ржев, вы получите напрестольный крест: серебряный, вызолоченный с драгоценными камнями: приношение Святому Храму Благовещения Божией Матери, что при Волге, и где Вы теперь священником. Прошу Вас принять оный в память наших родителей: Степана Васильевича и Пелагеи Михайловны Лутковских от детей их Петра Степановича и Евдокии Степановны. О получении сей Святыни, прошу Вас покорнейше немедленно уведомить Петра Степановича, адрес которого Вы имеете, За сим поручив себя, Вашим молитвам и прося Вашего благословения, с почтением имею честь быть и готовая к услугам. Евдокия Головнина. По оценкам Сазикова золота в табакерке и кольце показано 31 руб. 50 коп.: прибавлено золота и работа 70 руб. 4 марта 1865 г.»[43]

В конце жизни холостяк адмирал Петр Степанович Лутковский серьезно заболел, и над его имуществом и им лично было взято опекунство, по наследству от родителей у него было 1804 десятины и 1243 сажени земли: «Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Санкт-Петербургской дворянской опеки. Опекуну над имуществом и личностью. Адмирала Лутковского, отставному контр-адмиралу Александру Федоровичу Армфельту. Дворянская опека слушала: представление Санкт-Петербургского губернского правления от 25 июля 1880 г. за № 3043, при коем препровождая в копии отношение Департамента полиции Исполнительной от 18 июля 1880 г. за № 3412, предписывает Дворянской опеке сделать согласно оному зависящее распоряжение об учреждении над личностью и иму-

ществом адмирала Лутковского опекунского управления. Приказали: Во исполнение Высочайшего повеления, изложенного в присланном из губернского правления в копии отношения Департамента полиции Исполнительной за № 3412, учредить в здешней дворянской Опеке опекунство над имуществом и личностью адмирала Лутковского, и опекуном определить контр-адмирала Александра Федоровича Армфельта, которому о сем дать указ, и предписать привести в известность имущество адмирала Лутковского, и донести Дворянской опеке, где таковое находится с представлением описи всему имуществу, предписать опекуну в отношении опекунского управления имуществом адмирала Лутковского, и попечения о его личности, а также по дачи в срок отчетности в Дворянскую опеку, руководствоваться правилами, изложенными в 1-й части 10-го тома законов гражданских. О настоящем распоряжении донести Санкт-Петербургскому губернскому правлению 13 августа 1880 г. Подлинный подписали: заседатель Рудометов, секретарь Дмитриев, столоначальник Крестьянинов. Его Императорское Величество, в присутствии своем в Гатчине, декабря 27 дня 1882 г. соизволил отдать следующий приказ: умершие исключаются из списков Член Адмиралтейств-совета, адмирал Лутковский, лейтенант барон Унгерн-Штернберг 3-й и Корпуса флотских штурманов капитан Мелентьев-2 и поручик Ахаткин. Подписал: главный начальник Флота и Морского ведомства генерал-адъютант Алексей»[44].

Еще за 30 лет до кончины адмирал составил духовное завещание: «По случаю записки Евдокии Степановны Головниной, по словам брата Феопемта Степановича. Я желаю, чтобы меня похоронили в Сергиевом монастыре, там лежит Николай, Ваши дети, и я буду третий, Вы будете к нам ходить и молиться. Духовного завещания у меня нет, да я и не считал его нужным, с нашими сестрами, благодарю Бога, всегда был согласен. Теперь к Вам дела и распоряжения. Катерина Степановна и ты слушай: имение все идет к брату, так и должно быть, а деньги следует получать и отдать, сколько должны Арсении и Глафире Степановнам, потом, после всех расчетов и разделить на сестер. Брат не будет на меня за то в претензии, у него все есть. Ему довольно все, что в доме и всем Вам разделить и всем моим приятелям дать что-нибудь на память. Князь Александр Сергеевич знает, что у меня казенных бумаг нет, я их никогда к себе не брал и не оставлял, все запечатают, но в моих бумагах рыться не должно. Я был при великом князе, у меня журнал и записки, посторонним читать не должно, все мои бумаги и некоторые иностранные книги отдать Алек-

сандру Головнину, он у великого князя пишет его жизнь. Хотел бы я написать у великого князя просить у него одной милости: так как я не женат, семейства у меня нет, то чтобы Его ходатайством продолжить мою аренду трем незамужним племянницам Маше, Оленьке и Саше, так как я воспитанник был и фамилии Головниных. Пенсию, которую я получил от Его высочества, желал бы, чтобы ее клали в кредитные учреждения, а проценты на эти деньги, выдавать бедным. Вот и все, а Вы, мой друг, не огорчайтесь, а мне приятно, что вы меня похороните. Говорил все это в четверг вечером. Когда я сидела у него на кровати, и он сам сидел 17 апреля в 6 часов. Эти слова передаю только потому, что он ни говорил, но как письмо не написать и должно оставить между нами. Все написано по порядку, одно за другим, как он говорил. Эту записку сестры Евдокии Степановны передали мне, и я снял копию и возвратил ей подлинник ее рукой написанный. Петр Лутковский 3 мая 1852 г.»[45]

Важный вклад в создании металлургической промышленности России на Урале сделал Георг Вильгельм Геннинг (Виллим Иванович Геннин) (1665–1750). В 1698 г. во время Великого посольства Петра I в Европу Геннинг оказался приглашенным Петром в Россию в качестве артиллериста, начал службу в качестве фейерверкера и все последующие 52 года своей жизни отдал России. Проходя чинами в 1716 г., произведен в полковники, отличился при взятии Выборга, Кексгольма, Гангуте. В 1712 г. началась его карьера инженера. Он достраивал Литейный двор и Пороховые заводы в Санкт-Петербурге. После этого был назначен Олонецким комендантом и начальником Петровских, Повенецких, Конгеозерских заводов, где оставался в этой должности в течение 10 лет. В 1719 г. Петр I учредил Берг-коллегию и отправил Геннина для обозрения горных заводов в Германии, Франции, Голландии и Англии. Вернувшись с 16 мастерами, он впервые в России вводит на своих заводах машинное производство, открывает минеральные воды около Олонецких заводов, создает первый в России курорт, в Олонце открыл школу[46]. В марте 1722 г. произведен в генерал-майоры, в апреле 1722 г. направлен на Урал и определен для улучшения медных и железных заводов в уездах: Кунгурском, Верхотурском и Тобольском. В 1723 г. Геннинг основал Екатеринбург, и государь император хвалит его за построение заводов: Екатеринбургского, Лялинского и Ягушихинского, за литье пушек и мортир и за доброе железо с Уктуса, Каменки и Алапаевска, не приказывая делать шпаг и фузей за тем, что эти изделия возложены на завод Сестрорец-

Рис. 8. Памятник В.Н. Татищеву и В.И. де Геннину (Геннингу)

кий. В июне 1725 г. велено от Сената Генингу: 1 — содержать заводы приписными слободами с ежегодным капиталом в 20 тыс. рублей и прибыльными деньгами; 2 — охранять заводы и слободы от киргизов и башкир. С марта 1734 г. при переводе Геннинга на Сестрорецкие заводы заступает на его место д.ст.с. Татищев и отменяет оклады мастеровым, установленные Геннингом. В 1732 г. казенные уральские заводы могли давать: 1) железа 160–200 тыс. пуд; 2) меди до 25 тыс. пуд. Всего Генниным было построено на Урале 9 новых заводов, в том числе Ягошихинский, превращенный впоследствии в город Пермь[47]. В связи с 275-летием со дня основания Екатеринбурга установлен монумент в виде двух фигур на прекрасном постаменте из отполированного красного гранита с надписью: «Славным сынам России В.Н. Татищеву и В.И. де Геннину. Екатеринбург благодарный 1998». Памятник выполнен скульптором П.П. Чусовитиным.

Вот такими бравыми боевыми офицерами были дворяне Геннинг, братья Лутковские, их имена увековечены в географических названиях и им поставлены памятники, ибо **«…нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими, потому что это — доля его; ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него?»**[48].

* * *

[1] РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 1244. По рапорту СПб ДДС о дворянском происхождении рода Геннинг. 1841. Л. 1–2.

[2] РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 1245. О дворянстве Геннинг. 1854. Л. 1–14.

[3] ОР РНБ. Ф. 777. Д. 2908. Письма Екатерины Геннинг П.С. Лутковскому. 1872. Л. 1–4.

[4] РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 2400. О назначении генерал-майора Геннинга капитаном над Ревельским портом, Кондукторский список генерал-майора Максима Матвеевича Геннинга за 1832 г. Л. 5–7.

[5] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 1198. Формулярный список о службе командующего Астраханским портом и Каспийскою флотилиею контр-адмирала Максима Геннинга по день смерти его, последовавшей 2.02.1839. Л. 1–4.

[6] Первый представитель дворянского рода фон Саломон Андрей прибыл в Россию как немецкий переселенец в середине XVIII в. Его внук, Петр Иванович Саломон (1811–1905), был женат на дочери вице-адмирала В.М. Головнина Поликсении (1824–1909), род пресекся с кончиной Александра Петровича Саломон (1914–1986).

[7] РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 1245. О дворянстве Геннинг. 1854. Л. 1–14.

[8] Николай Владимирович Смольянинов (1848–1921), д.ст.с., Спасский уездный предводитель дворянства (1881–1891) был женат на дочери фабриканта Юлии Августовны Брунс (1851–1902) лютеранского вероисповедания. Елена Константиновна Смольянинова (1856–1911) была замужем за ст.с. помещиком деревни Красильники Рязанской губернии Сергеем Дмитриевичем Головниным (1848–1921), прадедом автора этой статьи.

[9] РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 1241. О дворянстве рода Геннинг. 1886. Л. 2–40.

[10] *Томсинов В.А.* Аракчеев. ЖЗЛ. М., 2003. Л. 87–88.

[11] *Головнин А.В.* Собрание фамильных актов дворян Головниных. СПб., 1851. Л. 8.

[12] Там же. Л. 10.

[13] РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 2069. Формулярные списки чиновников учреждений Московской губернии за 1804 г. Л. 4–40.

[14] *Головнин А.В.* Собрание фамильных актов дворян Головниных. СПб., 1851. Л. 10.

[15] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 1143. Послужной список 45 Флотского экипажа лейтенанта и кавалера Дмитрия Яковлевича Головнина 4-го. 7.12.1816. Л. 1–2.

[16] ЦГИА СПб. Ф. 1801. Оп. 1. Д. 180. Церковь придворной конюшенной части Министерства Императорского двора. Книга записи брачных обысков. 6.06.1818–10.11.1829. Л. 16 об.

[17] РГА ВМФ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 50.

[18] ГАТВО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 2360. Л. 32.

[19] Там же. Л. 37.

[20] Там же. Л. 100.

[21] Общий морской список. Т. VII. Л. 446.

[22] ГАТВО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 2360. Л. 64.

[23] Там же. Л. 133.

[24] Там же. Л. 130.

[25] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 80. Об уничтожении масонских лож и других тайных обществ. 1822. Л. 2.

[26] Общий морской список. Т. VII. Л. 447.

[27] *Руммель В.В., Голубков В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий / сост. Г.И. Студенкин. СПб.: А.С. Суворин, 1886–1887. 2 т.

[28] Общий морской список. Т. VII. Л. 448.

[29] ОР РНБ. Ф. 777. Тиханов. Д. 2693. Записки П.С. Лутковского об укреплениях Аландских островов, представленные князю А.С. Меншикову. 15.10.1841. Л. 1–2.

[30] ОР РНБ. Ф. 777. Тиханов. Д. 2726. Записка П.С. Лутковского об укреплениях на Аландских островах, представленных Великому князю Константину Николаевичу. 31.01.1854. Л. 1–2.

[31] ОР РНБ. Ф. 777. Тиханов. Д. 2727. Докладные записки П.С. Лутковского. 1854. Л. 2–3.

[32] ОР РНБ. Ф. 777. Тиханов. Д. 2762. Докладная записка П.С. Лутковского генерал-адмиралу Константину Николаевичу о проекте устава о военно-морском суде. 15.02.1861. Л. 1; Д. 3789. Докладная записка П.С. Лутковского о проекте установления о морских призах и репризах. Л. 1–3; Д. 2858. Дневные записи 1817–1875. П.С. Лутковского, поденные записи, которые он вел во время своей службы во флоте. Л. 1–2; Д. 2866. П.С. Лутковский. Руководство по оснащению и использованию судов «Камели». Л. 1–2; Д. 2701. Мнение П.С. Лутковского по вопросу об улучшениях в морском телеграфе. 1851. Л. 1.

[33] ОР РНБ. Ф. 777. Тиханов. Д. 2777. Мнение П.С. Лутковского о власти командиров кораблей в чрезвычайных ситуациях. 1868. Л. 1.

[34] Морской сборник. 1867. Т. 90. Д. 5. Л. 112–118.

[35] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 834. Полный послужной список адмирала Петра Степановича Лутковского. 1.01.1881. Л. 166–174.

[46] ОР РНБ. Ф. 777. Тиханов. Д. 2942. Письмо Марии Жуковой П.С. Лутковскому. 1862. Л. 1.

[37] ОР РНБ. Ф. 777. Тиханов. Д. 2934. Письма Михаила Дубасова — П.С. Лутковскому. 1864. Л. 3–4.

[38] Там же. Л. 27.

[39] ОР РНБ. Ф. 777. Тиханов. Д. 2928. Письма Михаила Сергеевича Давыдова П.С. Лутковскому. 1866. Переписка по имению Пупово, Микулино, Усово. Л. 9.

[40] ОР РНБ. Ф. 777. Тиханов. Д. 2855. Документы хозяйственного характера по имениям П.С. Лутковского. Л. 1.

[41] ОР РНБ. Ф. 777. Тиханов Д. 2846. Каталоги книги библиотеки П.С. Лутковского. 1847. Л. 1–2.

[42] ОР РНБ. Ф. 777. Тиханов. Д. 2915. Письма Александры Васильевны Головниной — П.С. Лутковскому. 1859–1869. В.О. в 15-ю линию, дом Коля. Л. 4.

[43] ОР РНБ. Ф. 777. Тиханов. Д. 2918. Письма Е.С. Головниной — П.С. Лутковскому, 1864–1866. Л. 9.

[44] РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 3436. О дворянском роде Лутковских. Л. 49–50.

[45] ОР РНБ. Ф. 777. Тиханов. Д. 3064. Духовное завещание П.С. Лутковского. 3 мая 1852 г. Л. 2–3.

[46] *Винер В.А., Ворошилин С.И.* Слово об основателе Екатеринбурга генерале Виллиме Ивановиче Геннине. Екатеринбург, 2011. С. 1–2.

[47] *Словцов П.А.* История Сибири от Ермака до Екатерины II. М., 2014. С. 209–210.

[48] Екклесиаст. Гл. 3, п. 22.

П.А. Головнин

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ДВОРЯНСКОГО РОДА ФОН РЕЙТЕРН

Родоначальник фамилии Рейтерн из Голландии переселился в Данию в начале XVI в. и получил в вотчину имение. Его внук Иоган прибыл в Ригу и за заслуги возведен в шведское дворянство с внесением в Лифляндский и Эстляндский матрикулы. От Иогана фон Рейтерн (1711–1756) произошли известные в России лица, биографические и архивные данные которых приведены в статье: художник Евграф Романович (1794–1865); генерал-лейтенант Христофор Христофорович (1782–1833); герольдмейстер и сенатор Евграф Евграфович (1836–1918), его сестра Елисавета (1821–1856), в замужестве за В.А. Жуковским; таврический губернатор Александр Евграфович (1824–1879); министр финансов, председатель Кабинета министров Михаил Христофорович (1820–1890), генерал-лейтенанта Магнус Магнусович (1801–1863). Представлены родственные связи рода фон Рейтерн с В.А. Жуковским, бароном Нолькеном, графом Ниродом.

Ключевые слова: родословная, дворянин, Рейтерн, род, герб, Жуковский, министр, губернатор, дипломат, генерал, архив.

P.A. Golovnin

RELATIVE RELATIONS A NOBLE KIN OF REUTERN

The ancestor of Reutern's kin arrived from Holland in Denmark in XVI and his descendant lived in Riga and got a Sweden noble. From Iogan von Reutern original a famous mans: pointers, generals, senators, minister and governor. The Elisabet von Reutern was a wife of the famous writer V.A. Zukovsky and representative a relate relations of this families with Nolken's and Nirod's kins.

Keywords: genealogy, noble, Reutern, kin, emblem, Zukovsky, minister, governor, diplomat, general, archives.

Wohl dem, der seiner Ahner gern gedenkt.
(«Благо тому, кто с удовольствием вспоминает своих предков».)

Гёте

По данным архива Любека, род Рейтерн происходит из Голландии, где в XVI в. писался «Reuter», «Ruter». В 1520 г. Герард Ruyter поселяется в Любеке, утверждается в дворянстве императором Карлом V, поступает на датскую службу и получает от короля Христиана III вотчину близ Любека Рупертсдорф в ленное владение. Его правнук Johann Daniel Reuter (1635–?) поселяется в Риге, занимает различные городские должности, вплоть до председателя Торгового суда и за заслуги возводится в 1691 г. королем Карлом XI в шведское дворянство под именем von Reutern с занесением в матрикулы Лифляндского и Эстляндского дворянства. Этот Иоганн — родоначальник всех живущих в России Рейтернов. Род Рейтерн внесен в дворянские матрикулы Лифляндской и Эстляндской губерний и в родословную книгу Саратовской губернии[1]. Фамилия фон Рейтерн принадлежит к фамилиям «принятых в Лифляндский матрикул во время русского владения и 29.06.1747 г. При приведении сего матрикула Герцогства Лифляндского в порядок внесена в оный матрикул под № 151; Иоганн-Карл-Герман (26.06.1819–?) есть сын директора Гатчинского заведения Рейнгольда-Германа фон Рейтерн и Наталии-Луизы, урожденной фон Меллинг»[2]. Ревельский военный губернатор обращается к министру юстиции 13.08.1814 г.: «Я имел честь 21 мая и 13 июня 1812 г. препроводить к Вашему Превосходительству прошение Эстляндского помещика фон Рейтерна об усыновлении прижитых им до брака с нынешнею его женою детей. Он обратился снова ко мне 13.08.1814 г. к скорейшему окончания этого дела, что он по старости лет, по частым болезненным припадкам не надеется долго прожить и что смерть его неминуемо произведен в семействе замешательство, потому что сверх незаконнорожденных детей, он имеет еще двух законных, родившихся от той же матери по подаче прошения»[3].

В табл. 1 представлена родословная рода фон Рейтерн[4].

Таблица 1

Родственные связи дворянских родов фон Рейтерн и Жуковских

Иоган Рейтерн, родился в Любеке 10.04.1635 г., был Рижским ратсгером и обер-ветгером, возведен в дворянское состояние шведским королем Карлом XI 21.06.1691 г., †08.03.1698; ж. — Елисавета фон Фреден

Иоган фон Рейтерн (1666–19.1.2.1714), рижский ратсгер
ж. — с 1694 г. Варвара Данненштерн (1676–30.08.1719)
Иоган фон Рейтерн (11.10.1711–30.04.1756), адъюнкт Рижского орднунесгерихта и в 1748 г. рижского орднунсгерихтера
ж. — с 1742 г. Беата-Христина фон Левенштерн (31.03.1722–17.02.1783)
Христофор-Герман фон Рейтерн (9.05.1744–1802), курсаксонский камергер, в 1783 г. назначен уездным судьей, ж. — Шарлотта-Вильгемина фон Фишбах (23.12.1759–05.12.1831)

I
I----------I----------I
Гергардт-Вильгельм Рейнгольд-Губрехт-Герман **Христофор** (1782–1833)
(Евграф Романович) (1786–?), приходский судья генерал-лейтенант
(1794–1865), ротмистр; ж. — гр. Наталия-Луиза фон Мельмен **ж. — Е.И. Гельфрейх**
ж. — Шарлотта фон Швертцель I I
I Август-Владимир-Герман (1815–?) **табл. 2**
I
I----------I----------I----------I----------I
Гергардт-Антон-Вильгельм **Елизавета** Александр Шарлотта Василий
(Евграф Евграфович) (1821–1856) (1824–1879) (1826–?) (1829–1897), т.с.
(1836–1918) **м. — В. А. Жуковский** Таврический м. — Юлиус фон Вульф
герольдмейстер I губернатор
сенатор I
I----------I
Александра Павел
(1842–1912) (1845–1912)
1 м. — великий князь Алексей Александрович
2 м. — барон Верман
I
Алексей Седжиано (1); граф Белевский-Жуковский
(1871–1930?)
1 ж. — кн. М.П.Трубецкая (1872–1954)
2 ж. — бар. Н.В. Шеппинг (1888–1965)
(1)I
I----------I----------I----------I
Елизавета Александра Мария граф Сергей Белевский-Жуковский
(1896–1975) (19.02.1899–?) (1901–1996) (1904–1956)

1 м. — П. Глинка-Перевозчиков 1 м. — Генрих Лепп, 1 м. — В.С. Свербеев
ж. — Нина Боткина (1901–1966)
(1872–1937) 2 м. — Г. Флевицкий (1892–1951)
2 м. — Артур Лурье 2 м. — В.А. Янушевский
(1892–1966)
(1)I I I
I----------I I I
Мария Дмитрий Елизавета Елена
(1917–1990) (1919–1960) (1923–) (1929–)
м. — Л. Тессье ж. — М. Урусова 1 м. — Alexander Tarsaide 1 м. — Н. Можайский (1928–)
м. — Charles Byron-Patrikiades 2 м. — граф Н.М. Нирот (1930–)
I I
I----------I (1)I----------(2)I----------(2)I
Алексей Мари-Беатри Алексей Можайский-Нирот гр. Петр Нирот гр. Елизавета Нирот
(1946–) (1950–) (1951–)
ж. — Памела Вальдбауэр
(1953–)
I
I----------I
Кэтрин Нирот Кристофер Нирот
(1983–) (1989–)

Таблица 2

Христофор Романович фон Рейтерн
(1782–1833), генерал-лейтенант
ж. — Е.И. Гельфрейх
I
I----------I----------I----------I----------I
Михаил Христофор **Юлия** Жаннетта Луиза
(1820–1890) (1824–1859) (1816–1893) (1831–1905) (1833–)
министр финансов полковник м. — бар. Г. Г. Нолькен
председатель I
Совета министров I
Владимир (1851–1917)
унаследовал графский титул М.Х. Рейтерна

Рис. 1. Евграф Романович фон Рейтерн (1794–1865)

Рис. 2. Граф М.Х Рейтерн (1820–1890)

Рис. 3. Герб графа М.Х. Рейтерна

Рис. 4. Герб графов Рейтерн — баронов Нолькен

После кончины бездетного министра финансов, а затем председателя Комитета министров М.Х. Рейтерна, пожалованного в январе 1890 г. графским титулом, его племянник (сын старшей сестры Юлии)

барон Владимир Густавович (Евстафьевич) Нолькен (1851–1917) в декабре того же года получил право именоваться графом Рейтерном, бароном Нолькеном, дабы увековечить память М.Х. Рейтерна.

Описание герба графа Рейтерна — барона Нолькен: щит рассечен. В правой золотой части прилегающая к линии рассечения правая половина государственного орла с червленым щитком на груди, окруженным цепью ордена Андрея Первозванного, в котором золотой вензель Александра III. В левой, лазоревой части диагонально золотая перевязь справа налево, на ней одна под другой — три лазоревые пчелы. В верхней и нижней частях щита — по три круглые серебряные монеты (герб Рейтерн). Над щитом — графская корона с дворянским шлемом, покрытым бурелетом, перевитым золотом и лазоревым. Нашлемник: два лазоревых орлиных крыла, на каждом по три серебряные монеты. Намет: лазоревый, подложен золотом[5].

Евграф Романович (Герхардт-Вильгельм) фон Рейтерн (1795–1865) — российско-немецкий художник, друг Гёте и Гримма, уроженец Лифляндской губернии, родился 6.07.1794 г. в имении Рестгоф близ Валка. Получил домашнее образование, затем в СПб. в главном немецком училище Св. Петра, окончил образование в Дерптском университете. В 1811 г. поступил юнкером в Александрийский гусарский полк, в котором старший брат Христофор Романович командовал эскадроном. Осенью 1812 г. переведен в гусарский полк, далее пожалован в корнеты, поручики, участвовал в сражениях под Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом, в последнем сражении 4.10.1813 г. ядром в плечо ему оторвало правую руку. В качестве адъютанта кн. Барклая-де-Толли принимал участие в кампании 1815 г. и по заключении Парижского мира вышел в отставку ротмистром гвардии. Оправившись от тяжелого ранения, Рейтерн поселился в Виллингсхаузене, в 1820 г. женился на Шарлотте фон Швертцелль. В 1825 г. вместе с Людвигом Гриммом основал «Вилленсхаузенскую колонию художников». Некоторое время работал как художник-самоучка, затем обучался живописи в Берне, Касселе и Дюссельдорфе; писал главным образом жанровые картины. В начале 1832 г. Рейтерн создал небольшую серию акварелей, изображавших нижних чинов Российской императорской гвардии. Попеременно жил в Германии, Франции, Швейцарии, Италии и России. В 1835 г. переехал в Дюссельдорф, где 9 лет под руководством Шадова — директора Академии художеств того города, успел развить свой талант. В 1837 г. стал придворным художником Российского императорского двора, получал почетную пенсию;

создавал картины на библейские сюжеты. В 1844 г. переселился во Франкфурте-на-Майне и до конца жизни в 1865 г. занимался разработкой своих композиций. В 1842 г. написал картину «Св. Георгий Победоносец», которую поднес ко дню серебряной свадьбы Николая Павловича и Александра Федоровны[6].

Его сын — Евграф Евграфович фон Рейтерн (1836–1918), лютеранского вероисповедания, имения не имеет, по окончании полного курсам наук в Дерптском университете, со степенью кандидата дипломатических наук, и дано было ему свидетельство: «По указу ЕИВ Советом Императорского Дерптского университета дан сей аттестат в том, что бывший студент сего Университета, по отделению дипломатических наук, родившийся за границею русский поданный, из дворян Гергард фон Рейтерн, окончив полный курс учения с начала 1 семестра 1856 г. по конец II семестра 1859 г., подвергался окончательному испытанию в юридическом факультете, и выдержал оное с весьма хорошим успехом, причем оказал в русском языке, о чем должно быть упомянуто в исполнение предписания начальства, а именно в словесном переводе с русского на немецкий и в письменном переводе с немецкого на русский весьма хорошие, в изустном объяснении на русском языке хорошие познания и оказался способным производить на оном письменные дела; а как сверх сего с представленное им рассуждение признано соответствующими цели, то Совет Университета удостаивает его степени и прав кандидата дипломатических наук, которой присваивается при вступлении на гражданскую службу 10-го класса. Дерпт 9.02.1860 г. Ректор Д.Фр. Биддер»[7]. Далее он был определен младшим чиновником особых поручений при Саратовском гражданском губернаторе 18.04.1862 г., состоя в этой должности, имел поручения: 1) 28.05.1862 г. поручено было МВД собрать сведения и составить описание всех мест заключения в Саратовской губернии; 2) 12.08 поручено было собрать подробные сведения в колониях, подведомственных Саратовской конторе иностранных поселенцев; 3) 10.1862 г. произвести следствие о неправильной торговле хлебом в Саратове; 4) 19.12.1862 г. поручено дело иностранца Гейнце, присланное от Королевского берлинского городового суда; 11.01.1863 от должности уволен[8].

Кандидат судебного следователя Е.Е. Рейтерн 15.05.1863 г. был назначен в помощь следователю СПб. уезда Штанге; 26.11.1863 г. утвержден Шлиссельбургским уездным судьей, и МВД утвердил его в звании директора отделения общества попечителей о тюрьмах

19.05.1864 г.; с 4.07.1864 г. Евграф Евграфович занимал пост и.д. предводителя дворянства Шлиссельбургского уезда[9]. 7.12.1867 г. Евграф фон Рейтерн пожалован чином тайного советника и и.д. обер-секретаря 2-го отделения 5-го Департамента Сената, также награжден орденами Св. Станислава II ст. с императорской Короною; Св. Анны II ст. 21.11.1869 г.; орден Св. Владимира II ст. 1.01.1883 г; был пожалован Евграфу фон Рейтерну уже в звании д.ст.с. и герольдмейстера Департамента герольдии в звании камергера гвора; 3.11.1883 г. пожалована темно-бронзовая медаль в память Св. Коронования Александра III, для ношения в петлице на Александровской ленте. 8.04.1883 г. министр Императорского двора назначил Е. Рейтерна для отправления в Москву для исполнения обязанностей герольда при Св. Короновании Их Императорских Величеств, были даны подъемные деньги из сумм МИД 1485 руб. и производить во все время пребывания в Москве суточные деньги по 10 руб. в день, и приготовлено место в гостинице Версаль[10].

Рис. 5. Дом Евграфа Евграфовича фон Рейтерн на Галерной ул., 18

Орден Св. Станислава I ст. был пожалован 1.01.1886 г.; Собрание Императорского российского общества садоводства 8.10.1888 г. присудило выдать ему за комнатную культуру мирты — бронзовую медаль; пожалована бронзовая медаль в память чудесного спасения Их Императорских Величеств и Августейшего Семейства от опасности 17.10.1888 г.; 1.01.1893 г. пожалованы знаки Св. Анны I ст.; министерство юстиции т.с. и сенатору фон Е. Рейтерну препровождает бронзовую медаль в память кончины Александра III 28.02.1897 г.; Св. Владимира II ст. 1.01.1899 г.; Белого Орла 1.01.1904 г., покорнейше прося причитающиеся по сему 300 руб. внести в Капитул орденов, Св. Александра Невского с бриллиантовыми украшениями 1.01.1908 г. и должен был внести 400 руб. в Капитул орденов; СПб. городской голова во исполнение постановления Городской Думы от 12.10.1911 г. препровождает Е. Рейтерну бронзовую медаль, выбитую в память сооружения моста им. Петра Великого, а 18.01.1913 г. пожалован нагрудный знак по случаю 300-летия Дома Романовых в дни юбилейных торжеств 21–24.02.1913 г.; 8.01.1914 г. предоставлено право ношения золотого нагрудного знака в память 50-летия Высочайше утвержденного 1.01.1864 г. Положения о губернских и уездных земских учреждениях; 22.08.1914 г. пожаловали знак отличия беспорочной службы XXXX лет на Владимирской ленте; 22.08.1915 г. пожалован знак беспорочной службы за L лет[11]. 14.03.1878 г. постановлено было просить Е.Е. фон Рейтерна принять на себя звание действительного члена Общества поощрения художников; далее он был принят в Геральдическое общество Франции 10.01.1893 г.[12] Министр Императорского двора уведомил августейшего президента Академии художеств, что на назначение Е. Рейтерна непременным членом Совета Академии сроком по 1.01.1895 г. последовало Высочайшее соизволение, а вице-президент Академии 18.03.1899 г. просит его дать заключение об учреждении в Риме Общества взаимопомощи русским ученым и художникам. Председатель Совета Академии граф И. Толстой 3 апреля отмечал, что Русский музей императора Александра III получил от Рейтерна в дар описание медальонов в память военных событий 1812–1815 гг. и просит, что в виду открытия 1.04.1900 г. Всемирной выставки, отправляясь 23 марта в Париж, по делам русского художественного отдела, просит принять на себя обязанности Председателя[13].

Евграф фон Рейтерн активно участвует и в культурной жизни Петербурга. Д.И. Менделеев пишет ему: «Глубокоуважаемый Евграф Евграфович. Хотя личное мое участие в делах Академии Художеств

должно было прекратиться по состоянию моего здоровья, тем не менее, издавна я слежу за тем, что там делается, а потому, пользуясь Вашим добрым ко мне расположением, решаюсь обратить Ваше внимание на нашего архитектора Александра Ивановича фон Гогена, при предстоящем избрании заместителя покойного Тамишко. Знаю я близко фон Гогена потому, что он строил дом для Главной палаты мер и весов, опытнейший строитель и тонкий знаток, притом любит педагогику, имеет весьма большой опыт и сильно желает попасть в руководители Академии, хотя это место, по архитектурным заработкам, приносит мало. Вот эти качества и дают мне смелость рекомендовать его Вашему вниманию. Примите уверение в глубочайшем почтении и готовности к услугам. Д. Менделеев»[14].

Известная художница Анна Петровна Остроумова-Лебедева (1871–1955) регулярно переписывается с ним: «посылаю Вам свою новую гравюру "Вилла О'Ecme", созданную для издания Вольфа "Сады и парки" (20 руб.). Посылаю ее на Ваш суд, который я очень ценю и, безусловно, ему верю. К ней прибавлю маленькую черную гравюру "Венеция" (кажется, ее у Вас нет), предназначенную для юбилейного издания Лермонтова, для его стихотворения "Венеция" (10 руб.). Будьте здоровы, остаюсь искренне преданной, Анна»[15].

Е.Е. Рейтерн регулярно встречается с Николаем II и получает приглашения: «ЕИВ благоугодно было Высочайше разрешить Вашему Превосходительству представиться в четверг 24.01.1908 г. в 11 часов утра в Царскосельском дворце. Отбытие поезда в Царское Село с Императорской станции близ Царскосельского вокзала в 10 час. 10 мин. утра. По поручению министра юстиции имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что Вам разрешено представиться ЕИВ в среду 20.01.1899 г. С Высочайшего ЕИВ соизволения 17 января в присутствии Государя Императора иметь состояться в $10^{1}/_{2}$ часов утра торжественное освящение нового здания Правительствующего Сената. Вам разрешено представиться ЕИВ 14.01.1904 г. в Царском Селе»[16]. 14.03.1878 г. Е.Е. Рейтерн был пожалован званием действительного члена Общества поощрения художников; принят в Геральдическое общество Франции 10.01.1893 г., стал членом-учредителем Русского генеалогического общества[17].

Е.Е. Рейтерн озабочен поведением своего племянника Николая. 9 июня 1907 г. директор Гатчинского сиротского института императора Николая I подает прошение в собственную ЕИВ Канцелярию: «...возвращая памятную записку по ходатайству сенатора Е.Е. Рейтерна

о допущении Николая к экзаменам в мае 1908 г., ему 17 лет, оставался в 3-м и 4-м классах по 2 года, в настоящем году он не выдержал экзамена в 5-й класс, по поведению 1 балл. Педагогическая конференция постановила уволить его из заведения. Директор генерал-майор Гейштор». Через два года директор СПб. гимназии Реального училища доктор Видеман 11.02.1909 г. обращается к Евграфу Евграфовичу: «Милостивый Государь, ученик 5-го класса училища Николай Рейтерн, ваш племянник, не желает подчиняться школьной дисциплине, на уроках мешает болтовней, прошу забрать его». 16.03.1915 г. Директор Департамента государственных земельных имуществ докладывает сенатору, что он назначил канцелярского чиновника Департамента Николая Христофоровича Рейтерна во внимание к его отлично-усердной службе на штатную должность помощника производителя работ по устройству и оценке казенных оброчных статей[18]. Е.Е. Рейтерн был назначен непременным членом Совета Академии художеств в 1895 г. Вице-президент Академии 18.03.1899 г. просит его дать заключение об учреждении в Риме Общества взаимопомощи русским ученым и художникам. Русский музей императора Александра III уведомляет, что получил в дар описание медальонов в память военных событий 1812–1815 гг. графа Ф.П. Толстого 1.09.1899 г. Граф И. Толстой просит Е.Е. Рейтерна «в виду открытия 1.04.1900 г. Всемирной выставки, отправляясь 23 марта в Париж, по делам русского художественного отдела, прошу принять на себя обязанности председателя Совета Академии»[19].

Родная сестра Евграфа фон Рейтерна — Елизавета (1821–1856) — в 1841 г. вышла замуж за близкого друга Рейтерна В.А. Жуковского (1783–1852). Василий Андреевич родился 29 января / 9 февраля 1783 г. в селе Мишенском Тульской губернии, незаконнорожденный сын помещика Афанасия Ивановича Бунина (1716–1791) и пленной турчанки Сальхи (в крещении — Елизаветы Дементьевны Турчаниновой; †1811 г.), привезенной в 1770 г. крепостными Бунина, участниками Русско-турецкой войны, из-под крепости Бендеры. Фамилию свою ребенок получил от жившего в имении бедного белорусского дворянина Андрея Григорьевича Жуковского (†1817), который по просьбе Бунина стал крестным отцом ребенка и затем его усыновил. Незадолго до рождения Василия Бунины потеряли своего последнего сына Ивана. Мария Григорьевна Бунина решила взять в свою семью новорожденного и воспитать его как родного сына. Усыновление не давало право на передачу дворянства, кроме того, по завещанию от отца

сыну не досталось ничего. В 1850 г. Василий Андреевич уже тайный советник, «ординарный академик Императорской Академии наук, православный, из дворян, имеет благоприобретенное в Лифляндии поместье в 120 душ крестьян; в службу вступил в Астраханский гусарский полк сержантом 1785 г.; произведен в прапорщики и принят в штат генерал-поручика Кречетникова младшим адъютантом 9.07.1789 г.; по прошению уволен без награждения чином 8 ноября; определен в Главную Соляную Контору с переименованием в городовые секретари 15.02.1800 г.; произведен в губернские секретари 18 октября; произведен в титулярные советники 14.10.1801 г.; по прошению уволен 30.04.1802 г.; во время службы в Московском ополчении с 10.08.1812 по 20.12.1814 г. был в походах при князе Кутузове и в сражениях 26 августа при Бородино и 6 ноября при Красном. Принят в Московское ополчение поручиком 10.08.1812 г.; награжден чином штабс-капитана и ордером Св. Анны II ст. 6 ноября; имеет серебряную медаль в память 1812 г.; Философическим факультетом Императорского Дерптского Университета удостоен звания доктора философии 8.04.1816 г.; за представленные стихотворения Высочайше пожалован бриллиантовым перстнем с вензелевым именем ЕИВ 16.12.1816 г.; за отличные в российской словесности произведения пожалован пенсионом по 400 рублей в год 30 декабря; назначен в должность наставника в российском языке при Ея Императорском Величестве Государыни Великой Княгине Александре Федоровне и вместе с тем повелено состоять по Министерству духовных Дел и МНП 5.10.1818 г.; пожалован в коллежские асессоры 23 марта; в надворные советники 5.01.1823 г.; за исполнение должности по преподаванию российского языка Ея Императорском Высочестве Великой Княгине Елене Павловне выдано ему из Кабинета ЕИВ вместо жалования 5000 рублей 5.02.1824 г.; награжден орденом Св. Анны II ст. с алмазными украшениями 6 апреля; будучи назначен наставником Его Императорском Высочества Великого князя Александра Николаевича именным указом за ревностную службу пожалован орденом Св. Владимира III ст. 12.07.1825 г.; награжден чином коллежского советника 22.08.1826 г.; пожалован в статские советники 30.08.1828 г.; пожалован кавалером Прусского ордена Красного Орла II ст. в 1829 г; награжден чином д.ст.с. в 1830 г.; арендою по чину 29.05.1831 г.; пожалован орден Св. Станислава I ст. 30.08.1833 г.; пожизненною арендою по 300 руб. сер. в год 20.04.1834 г.; получил знак отличия за беспорочную службу за XX лет 22.08.1835 г. и орден Св. Анны I ст.; от Ея Величества Государыни Императрицы

пожалован табакеркою с портретом осыпанною бриллиантами 1.01.1838 г.; награжден орденом Шведской Полярной звезды I ст.; Датского Данеброга I ст. 11 июля; Ганноверского Гвельфов I ст. 11.07.1838 г.; Прусского Красного Орла II ст. со звездою; Австрийского железной короны I ст. 12.03.1839 г.; Вертембергского Фридриха I ст. 21 марта; Баденского Цирненгенского Льва I ст. 29 марта; Св. Владимира II ст. 1 июля; табакеркою, украшенной бриллиантами, знак отличия за XXV лет на который и имеет грамоту от 22 августа; Саксонского за заслуги I ст. 1.04.1840 г.; Веймарнского Белого Сокола 8 апреля. Получил от Его Величества Короля Прусского бриллиантами осыпанную звезду Прусского ордена Красного Орла II ст. 1.07.1840 г.; награжден чином тайного советника 16.04.1841 г.; назначен ординарным академиком отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук 19 октября; королем прусским пожалован орден Pour le Merite, за мирные заслуги 31.05.1842 г., пожалован орден Белого Орла 30.08.1849 г.»[20]

Попов Михаил Максимович в 1850 г. вспоминал: «Племянницы В.А. Жуковского были Марфа Андреевна за профессором Мойером, а младшая Александра Андреевна за Воейковым, обе были красавицы, особенно Воейкова. В Марфу Василий Андреевич был страстно влюблен, он хотел жениться на ней, когда она была еще девушкой, но его сестра на это не согласилась, считая, что они в близком родстве. Выйдя за Мойера, человека умного и кроткого, Марфа не могла забыть Василия, но была верной женой. Она умерла, и Василий не вступал в брак, в 1841 г. Жуковский женился в Германии на дочери нашего полковника Рейтерна, который после войны России с Наполеоном остался там, женился на немке, вырастил дочь-красавицу, он давно был дружен с Рейтерном, в заграничных поездках всегда останавливался у него, на его глазах распускалась и развивалась дочь его. Только в 1840 г. Жуковский открылся своему другу в любви к его дочери и просил ее руки. Отец дружелюбно, однако же, напомнил, что, не будет ли жених старше отца невесты. Жуковский смолчал и просил не напоминать об этом. Перед отъездом его, дочь Рейтерна, бросилась в ноги отцу своему и умоляла его благословить ее с обожаемым ею поэтом. “Ну, когда так — пусть будет по-вашему”, — и благословил брак 60-летнего поэта на 18-летней дочери»[21].

Часовня, где похоронена великая княгиня Екатерина Павловна, была построена по проекту придворного архитектора Джованни Салуччи. Храм стоит на вершине горы Ротенберг, и долгое время этот

Рис. 6. Портрет Е.Е. Жуковской (Рейтерн) (художник В. Зон, 1840)

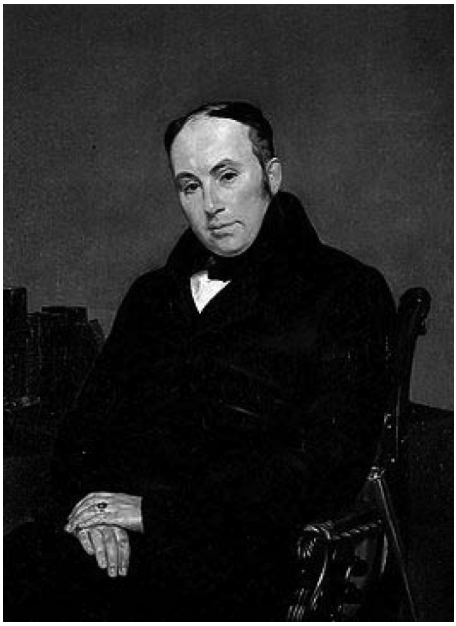

Рис. 7. В.А. Жуковский (художник П.П. Брюллов)

храм оставался единственной православной церковью в Штутгарте. В 1841 г. поэт В.А. Жуковский венчался в ней по православному обряду с девицей Елизаветой, 17-летней дочерью своего друга художника Г. Рейтерна[22].

Х.Х. Рейтерн пишет известному литератору и издателю П.А. Плетневу о кончине Василия Андреевича 30 апреля 1852 г.: «По поручению сестры моей Елисаветы Алексеевны Жуковской, спешу сообщить вам о кончине Василия Андреевича, воспоследовавшей после непродолжительной болезни 12 апреля в половине второго утра. Зная, что Вы, Милостивый Государь, издавна были в самых тесных, дружеских отношениях с покойником, считаю священным долгом прибавить несколько подробностей по счет последних минут незабвенного, утраченного нами Василия Андреевича, с просьбою сообщить их всем тем, которые сердцем участвуют в общей потере. Во вторник 1/13 апреля вечером Василий Андреевич занемог: он слег в постель раньше обычного, то есть в 9 часов вечера. В среду он только к вечеру покинул

постель: как обыкновенно мы собрались в его комнате, и провели вместе несколько часов. Василий Андреевич принимал главное участие в разговорах, и сам много рассказывал про старинное свое житье-бытие. В четверг-пятницу болезнь обнаружилась яснее: доктора назвали ее подагринскою лихорадкою. Подагра, от которой у бедного Василия Андреевича в последнее время так жестоко страдали глаза, бросилась внутрь. В пятницу-субботу он не покидал постели, и был беспокоен, казалось, он страдал более нравственно, чем телесно. В воскресенье больной встал на полчаса — это было в последний раз! Лихорадка усиливалась, сон совершенно пропал, ноги были мучительны, силы явно исчезали, тем более, что больной почти без умолку разговаривал с теми, которые окружали его постель: предметом этих разговоров были жена и дети. В понедельник приехал в Баден Базаров из Штутгарта, присутствие этого почтенного священника, явно знакомого Василия Андреевича, давно им любимого и почитаемого, подействовало благодетельно на больного. Неоднократно Черный Базаров был требован больным, который всякий раз после его посещения становился спокойным. В среду Василий Андреевич вместе с детьми причастился к Св. Таинству, по совершению священного обряда он благословил детей и спокойно заснул. В четверг, после довольно хорошей ночи, он потребовал меня и начал говорить, что болезнь застала его врасплох, что он не успел написать Государю Императору и Наследнику Цесаревичу и что он желает, чтобы я был его секретарем. "В моих бумагах, продиктовал он после нескольких минут, найдется пакет с надписью "открыть после моей смерти". Распечатайте и отправьте письма, которые в нем найдете. Прибавьте от себя объяснение Цесаревичу". Вот последние слова Василия Андреевича, произнесенные в полном разуме. В пятом часу утром он потребовал жену, благословил ее, но с величайшим усилием смог произнести только несколько несвязанных слов. В полдень он лишился чувств. Доктора сказали, что он проживет еще несколько дней. Ночью я сидел у его постели. Камергер Василий был в комнате больного, доктор спал в другой комнате. Больной дышал громко и лихорадочно, и вдруг он умолк. Василий побежал за доктором, который нагнулся к больному и сказал: "Все кончено". Это было в час и 37 минут утра. Великая княжна Ольга Николаевна была так милостива, что прислала священника для отпевания тела покойного и для предания его земле по обряду православной церкви. 24 апреля мы похоронили его на здешнем кладбище»[23].

Е.Е. Рейтерн пишет известному издателю Бычкову: «Спешу принести благодарность за присылку 2 экз. бумаг В.А. Жуковского, один из коих я пошлю Павлу Васильевичу». В газете «Новое время» от 22.05.1887 г. было опубликовано, что сын В.А. Жуковского — Павел в 1884 г. подарил Императорской Публичной библиотеке собрание бумаг отца. Труд разбора и описания бумаг принял на себя Бычков, который на днях издал книгу «Бумаги В.А. Жуковского»[24]. Рижский военный губернатор 21.05.1852 г. докладывает в МВД: «...уволенный от службы оруднунгсрихтер Лифляндский дворянин Юлий фон Вульф просит начальника Лифляндской губернии о дозволении ему, жене его Шарлотте, урожденной фон Рейтерн, и свояченице, девице Юлии фон Рейтерн, отправиться вместе в Германию для излечения болезней, описанных в прилагаемых у сего медицинских свидетельствах и по семейным делам, требующим их присутствия по случаю смерти за границей свояка Вульфа, тайного советника Жуковского. Врачебная управа полагает, что употребление мисбанденскими минеральными водами будет иметь полезное действие на девицу Юлию фон Рейтерн. Рига, мая 20 дня 1852 г. Лифляндская врачебная управа полагает, что употребление Мариенбургских минеральных вод, будет иметь хорошее действие на Юлиуса фон Вульфа. Рига, мая 17 дня 1852 г. Лифляндская врачебная управа полагает, что употребление мариенбургских минеральных вод, будет иметь хорошее действие на госпожу фон Вульф, урожденную фон Рейтерн. Рига, мая 17 дня 1852 г.». 21.06.1852 г. «Государь Император вследствии всеподданнейших докладов от 18 сего июня изъявил Высочайшее соизволение на увольнение Лифляндского дворянина Юлия фон Вульфа с женою и свояченицей, девицею Юлиею фон Рейтерн в Германию для излечения болезни и устройства дел, оставшихся после умершего там свояка его, тайного советника Жуковского. Александр Кавальянов»[25].

СПб. военный генерал-губернатор 5.05.1849 г. докладывает в МВД: «...вдова генерал-лейтенанта Катерина Ивановна фон Рейтерн обратилась ко мне с просьбою о выдаче ей заграничного паспорта на отъезд в Германию к минеральным водам для излечения болезни, представив все установленные законом документы. Она страдает болезнею печени и расстройством нервной системы»[26]. Для празднования 100-летия в 1883 г. со дня рождения В.А. Жуковского СПб. городская дума постановила: «1) просить городского голову, его товарища Л.Я. Яковлева и Гласных: П.В. Жуковского, Г.В. Лермонтова, А.А. Краевского, М.И. Семевского и М.М. Стасюлевича явиться в ка-

честве представителей от Общественного управления столицы на богослужение, на акт и на торжественный спектакль в память В.А. Жуковского; 2) возложить от СПб. два венка: один — на могилу, а другой — на бюст его в Императорской Академии наук; 3) открыть к предстоящему учебному году 2 новых городские училища имени В.А. Жуковского и в этих училищах представить его портреты»[27]. Предложения 29 гласных СПб. Городской думы от 19.01.1883 г. 29 и 30 января: «в СПб. с Высочайшего разрешения имеет быть торжественное чествование 100-летней годовщины дня рождения В.А. Жуковского. Предполагается: 29 января — в Александро-Невской лавре панихида, в служении трех митрополитов, в тот же день акт в зале Императорской Академии наук, речь академика Грота Я.К. и другие речи и стихи в честь Жуковского; 30 января в Большом театре — торжественный вечерний спектакль-концерт из пьес Жуковского. Гласные представляют на благоусмотрение Думы: 1) просить городского голову и депутатов явиться в качестве представителей от общественного управления столицы, на богослужение, на акт и в торжественный спектакль в память В.А. Жуковского; 2) подобно тому, как сделано было, в память А.С. Пушкина, открыть к предстоящему учебному году два новых городских училища имени В.А. Жуковского»[28].

Друзья покойного В.А. Жуковского и другие почитатели талантов его решились в ознаменовании своего всеобщего уважения к его памяти открыть подписку на сооружение монумента над его гробницей в Александро-Невской лавре. «Приглашая всех участвовать в сем деле, по мере средств и усмотрению своему, какими бы то ни было, даже самыми малыми приношениями, они смеют думать, что такое изъявление чувства любви к поэту, равно почтенному по блистательным дарованиям и высоким нравственным качествам, особенно прилично в настоящее время, когда единодушное в Отечестве нашем движение умов и сердец столь живо напоминает войну 1812 г., а с тем вместе и сражавшегося под ея знаменами Певца в стане Русских воинов»[29]. В.А. Жуковский в чине поручика вступил в Московское ополчение и в его рядах был в Бородинском сражении. После сражения его представили Кутузову и причислили к штабу главнокомандующего. В лагере под Тарутиным он написал «Певец во стане русских воинов». В армии стихотворение стало известно в ноябре, по приказу Кутузова его отпечатали в походной типографии и распространяли как летучий листок. Капитан-лейтенант В.М. Головнин (1776–1831) по возвраще-

нии из японского плена в 1814 г. сделал себе печать в 1816 г., когда герб Головниных потомства Тараса был Высочайше утвержден, в коей «рука с мечом осеняла его вензель, и кругом было написано: За правых — Провиденье»! Девизом герба Василий Михайлович выбрал строки из стихотворения В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов»:

Воины:
Отведай, хищник, что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых Провиденье![30]

13.08.1912 г. в Веймаре скончался художник-любитель, шталмейстер Высочайшего двора Павел Васильевич Жуковский, сын знаменитого русского поэта и воспитателя императора Александра II, Высочайше назначенный в 1893 г. действительным членом академии. Покойный, родившийся 1.01.1845 г., провел большую часть своей жизни за границей, где приблизился к Лембаху, Боклину и с 1880 г. пользовался расположением знаменитого Рихарда Вагнера, для оперы которого «Персефаль» писал декорации. Одна его большая картина «Pieta» («Снятие с Креста») хранилась в Русском музее императора Александра III в СПб., другая — «Мадонна» — в Гатчинском дворце, второй экземпляр «Pieta» и «Римское кладбище» — в СПб. у князя М.А. Мещерского. Из сооружений, авторство коих принадлежит П.В. Жуковскому, известен памятник Царю-освободителю в Московском Кремле, возведенный им совместно с Н. Султановым. Когда его сестра Александра Васильевна Верман скончалась и была похоронена в Баден-Бадене, то Павел распорядился, чтобы и его похоронили рядом с сестрой. Из потомков поэта Жуковского оставался внук Алексей Алексеевич, сын дочери поэта от первого брака. Ему были даны титул и имя графа Белевского и пожаловано звание шталмейстера, он был женат на княжне Елизавете Петровне Трубецкой, младшей дочери покойной княгини Елизаветы Эсперовны Трубецкой, рожденной княжны Белосельской-Белозерской. Граф и графиня Белевские большую часть года жили в своей вилле Зеелау в окрестностях Баден-Бадена[31].

Христофор Романович Рейтерн (1782–1833) — генерал-лейтенант, участник Наполеоновских войн. Получив домашнее воспитание,

поступил на службу «генеральным писарем» при генерале Бенкендорфе 19 мая 1792 г. 23 мая 1797 г. Рейтерн был принят в Стародубовский кирасирский полк и 19 июня 1798 г. произведен в поручики. С этим полком Рейтерн участвовал в Итальянских походах 1799 и 1800 гг. против французов, находясь в составе корпуса генерала Римского-Корсакова, действовавшего со стороны Швейцарии; затем он участвовал в кампании 1805 г. и в сражении при Аустерлице. Далее Рейтерн участвовал в кавалерийских делах на реке Пассарге и под Гутштадтом, а также в сражениях при Гейльсберге и под Фридландом. По заключении Тильзитского мира Рейтерн был переведен в лейб-гвардии Гусарский полк, в котором и продолжал службу до 1811 г., когда, в чине подполковника был переведен в Александрийский гусарский полк. В Отечественную войну 1812 г. Рейтерн принимал участие в сражениях при Кобрине, при Пружанах, в разбитии польской дивизии генерала Косинского, после чего участвовал в преследовании французских войск до Вильно. 22 ноября 1812 г. Рейтерн был награжден орденом Св. Георгия IV ст. За отличие в деле при Люцене он был произведен в полковники, а затем был в делах при Бунцлау и Кацбахе; за оказанные отличия в разных делах этой кампании он был награжден орденами Св. Анны II ст. и Св. Владимира IV ст., а за трехдневную битву под Лейпцигом — алмазными знаками к ордену Св. Анны II ст. В кампанию 1814 г. Рейтерн участвовал в сражениях при Сен-Дизье, при Бриенне, Ла-Ротьере и за отличие, оказанное в сражении при Краоне, награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». Рейтерн 1 июня 1815 г. был утвержден командиром Александрийского гусарского полка и затем, произведенный 12 декабря 1819 г. в генерал-майоры, был назначен, вместе с тем, и командиром 1-й бригады 1-й гусарской дивизии. 17 ноября 1827 г. Рейтерн был назначен командиром Бугской уланской дивизии. В войне с Турцией в 1828 г. ему был вверен отряд в авангарде, с которым он переправился через реку Прут и затем через реку Серет и вскоре принял участие в делах при обложении Браилова, при отражении неприятельских вылазок, при штурме крепости 3 июня и при взятии ее 7 числа и награжден был орденом Св. Анны I ст. Позднее он участвовал в блокаде Журжи и при отражении вылазки из нее турецких войск, а затем и в блокаде при Турно, после чего русская армия расположилась на зимние квартиры в Молдавии. 18 мая 1829 г. был в деле при Козлуджи и участвовал в поражении армии верховного визиря при Кулевче. За это Рейтерн был награжден орденом Св. Владимира II ст. Произве-

денный 20 декабря 1829 г. в генерал-лейтенанты, Рейтерн вступил снова в пределы России в 1830 г., а через год принял со своей дивизией участие в военных действиях против поляков: по разбитии их при местечке Дашеве 2 мая 1831 г. на Рейтерна было возложено преследование их до австрийских границ. В 1832 г. он был назначен командиром 2-й Уланской дивизии, 28 июня 1833 г. он был назначен состоять по кавалерии, а в сентябре того же года скончался. Был женат на Екатерине (Каролине) Ивановне, урожденной Гельфрейх[32].

Граф Михаил Христофорович Рейтерн (1820–1890) — государственный деятель Российской империи, министр финансов (1862–1878), затем председатель Комитета министров (1881–1886). Его отец Христофор Романович (1782–1832), генерал-лейтенант, умер на 50-м году и оставил 2 сыновей и 7 дочерей от жены, фрейлины Высочайшего двора Каролины фон Гельфрейх (1799–1867). Вдова продала имение Рестгоф и поселилась с детьми в Дерпте. Михаил окончил частный пансион Крюммера, затем Царскосельский лицей, где учился вместе с А.В. Головниным (1821–1886), кн. Голицыным, Цеэ, Саломон, бароном Николаи. Окончил лицей с серебряной медалью № 3 в 1839 г. и определен в Особенную канцелярию Министерства финансов по кредитной части в 19 лет 20.01.1840 г.; старшим помощником столоначальника 16.12.1842 г.; перемещен в Министерство юстиции чиновником особых поручений VIII класса 27.09.1843 г.; определен столоначальником 28.08.1844 г. и получил чин коллежского асессора 20.01; определен на вакансию чиновника особых поручений VI класса 31.01.1845 г.; в Министерстве юстиции 1.02.1845 г. поручено было собрать сведения о практическом применении существующих в Остзейских губерниях правил к судопроизводству; поручение окончил 26.03; далее командирован к д.ст.с. Пущину по возложенному на него поручению обревизировать судебные места II степени в Таврической и Херсонской губерниях 20.05.1846 г.; поручено и.д. товарища Герольдмейстера 23.05.1847 г. Награжден чином надворного советника 20.01.1847 г.; пожаловано 400 руб. сер. 14.12.1850 г.

А.В. Головнин обратил внимание Великого князя Константина Николаевича на Михаила, и тот в 1854 г. получил приглашение перейти на службу в Морское ведомство. Его Императорское Величество в СПб. 24.02.1854 г. отдал приказ: «Головнин увольняется от должности старшего чиновника, с оставлением состоящим при Его Императорском Высочестве Великом князе Константине Николаевиче и в звании камергера. Назначается товарищ герольдмейстера ст.с.

Рис. 8. А.В. Головнин

Рис. 9. Герб рода Головниных

Рейтерн старшим чиновником для особых поручений при Великом Князе Константине Николаевиче; Рейтерн по окончании Императорского Царскосельского лицея с серебряной медалью № 3 и с чином 9 класса 5.02.1840 г. определен на службу в Министерство финансов по кредитной части и назначен к и.д. товарища Герольдмейстера с оставлением в Управлении его 1-й Экспедиции Герольдии 6.04.1848 г.»[33]

А.В. Головнин неоднократно обращается к непременному секретарю Академии наук К.С. Веселовскому: «...благоволите принять для Вашей библиотеки прилагаемый экземпляр "Заметок" о моих школах. В другом бумажном пакете найдете холстинный старый с бумагами, следующий в железный ящик. Ключ прилагается с просьбою возвратить мне. Вильд обещал мне устроить под сводами Физической обсерватории несгораемое помещение для моих двух ящиках, находящиеся у Вас. Это помещение я на днях осматривал, нахожу удобным и поэтому прошу Вас — когда оно будет готово — перевезти туда означенные ящики, чем много меня обяжете. Деньги на перевозку 5 руб. прилагаю. Приглашаю Вас в Гулынки на лето, я ехать не в состоянии, Вы были бы полным хозяином дома, служб и сада. Дом меблирован, с посудой и бельем и библиотека в 7500 томов. Вильд сказывал мне, что у него готово несгораемое помещение, и я по двум счетам уплатил ему 520 руб. Когда Вы отправите туда два ящика, уведомите меня. Не воспользуетесь ли этим, чтобы поставить там и ящик с бумагами Иосифа Семашки?

Приехал сюда директор Кавказского музея д.ст.с. Густав Иванович Радде и привез письмо от барона А.П. Николаи, который просит меня принять его как можно радушнее. Радде будет обедать у меня завтра, в 6 часов 6.11. Я просил еще лицеистских товарищей: Голицына, Марченко, Рейтерна, Саломона и Цеэ. Если бы Вы пожаловали в сюртуке, очень обязали бы меня, и я был бы Вам чрезвычайно благодарен. Ханыков просил прислать для его работ список всех наших кругосветных экспедиций. Кажется, подобный список был когда-то напечатан в Карлсштадте, не можете сделать одолжение прислать мне, очень буду благодарен»[34].

12.11.1878 г. Гагаринская наб., 20. «По случаю смерти Ник. Вл. Ханыкова имею беспокоить вас покорнейшей просьбою сказать мне: не известно ли вам, имеет ли кто из академиков намерение написать что-либо о его ученых трудах. Царское Село, Волконская, 3». «Многоуважаемый Александр Васильевич, пишет Веселовский. На вопрос, ваш о Брюсе и его календаре, могу сообщить вам, что граф Яков Вилимович Брюс (1670–1735) был чернокнижником и астроном. Его календарь вошел в свет в 1709 г., это есть стенной календарь, гравированный на меди, на 6 отдельных листах: он содержал в себе не только астрономические предсказания, но и разные другие сведения, например, выхода и заката солнца, вычисления сделаны на многие годы. В Карлсбаде я пил воды, брал ванны... Здесь живет М.Х. Рейтерн, который после операции может читать и писать, но еще должен беречь глаза и мало пользоваться ими. Завтра он начинает серьезное лечение карлсбадскими водами при строжайшей диете. В здании нашего лицея живут в нынешнем году воспитанницы Екатерининского института и потому лицейский сад закрыт для публики. Сады содержатся очень хорошо, но, конечно, не так как во время Захаржевского»[35].

Рейтерн был пожалован в статские советники 20.01.1853 г. и назначен старшим чиновником для особых поручений при начальнике ГМШ Великого князя Константина Николаевича 24.02.1854 г.; назначен членом Комитета по своду морских постановлений 4.03; членом Комитета для составления хозяйственного устава Морского министерства 6.03; членом Комитета о сметах Строительного департамента Морского министерства 6.03; назначен в помощь вице-адмиралу Мелихову при ревизии Строительного департамента Морского министерства 6.03; членом Комиссии, учрежденной для разъяснения затруднений и жалоб, возникших по поставке к Кронштадт Канатному заводу пеньки подрядчиком Иконниковым 16.09. Произведен в д.ст.с.

6.12; переименован в должность чиновника особых поручений Морского министерства 25.02.1855 г.; командирован в Архангельск и Астрахань для осмотра казенных зданий и ревизии 20.05.1855 г.; командирован в Пруссию, США, Францию и Англию для собрания сведений по счетоводству 24.11.1855 г. Получил знак отличия беспорочной службы за XV лет 26.08.1856 г., из командировки возвратился 9.09.1858 г. Награжден орденом Св. Владимира III ст. 1.01; пожалован в статс-секретари ЕИВ 26.09.1858 г.; назначен 27.12.1858 г. управляющим делами Комитета ж.д.; повелено быть членом Комитета Министерства финансов 10.07.1859 г.; назначен членом Комиссии о Земских банках 22.07.1859 г.; пожалован в тайные советники 8.09; назначен заведующим делами Комитета финансов 22.01.1860 г.; повелено производить добавочное содержание по 2400 руб. в год 1.04; назначен в финансовую по крестьянскому делу Комиссию 18.05.; командирован за границу для исполнения возложенного на него по Морскому Министерству поручения 27.06, возвратился 27.08; получил золотую на Александровской ленте медаль за труды по освобождению крестьян 17.04.1861 г.; награжден орденом Св. Станислава I ст. 23.04; повелено быть председателем Комиссии об улучшении системы податей и пошлин 18.01.1862 г; повелено быть управляющим Министерства финансов 23.01.1862 г. и награжден орденом Св. Анны I ст. с императорскою короною 17.04; назначен министром финансов 6.12.1862 г.; разрешено принять и носить Итальянский орден Св. Маврикия и Лазаря Большого креста в 1863 г.; пожалован орденами: Св. Владимира II ст. 17.04; Белого Орла 4.04.1865 г.; Св. Александра Невского 31.03.1868 г.; Черногорский князя Даниила I ст. в 1869 г.; произведен в д.т.с. 1.01.1870 г.; Св. Владимира I ст. 1.01.1872 г.; пожалована аренда по 5000 руб. на 6 лет с 9.10.1872 г.; назначен членом Особого присутствия при Государственном совете по воинской повинности 4.01.1874 г.; пожалованы алмазные знаки на орден Св. Александра Невского 13.04.1875 г. Уволен с поста министра финансов 7.07.1878 г. и награжден орденом Св. Андрея Первозванного 7.07; повелено производить по званию члена Государственного совета: 12000 руб. из Казначейства и 6000 руб. из отчисления акцизных сборов 14.07.1878 г.; повелено быть членом Комитета об устройстве сельского состояния 21.10; повелено арендное производство по 5000 руб. в год продолжить с 26.12.1878 г. еще на 12 лет 18.12; повелено присутствовать в Департаменте государственной экономии 1.01.1879 г.; назначен председателем Комитета министров 4.10; пожалованы знаки ордена Св. Андрея

Первозванного 15.05.1883 г.; пожалован портрет ЕИВ 30.12.1886 г. и уволен по болезни глаз с должности Председателя Комитета Министров» [см. 15]. Мать его скончалась в Штутгарте в 1867 г, старшая сестра вышла замуж за барона Нолькен. Михаил Христофорович более 20 лет проводил лето у них в имении Каверсгоф близ Дерпта, а с 1871 г. в имении Грос-Эзерн Курляндской губернии, приобретенном Нолькен. Гостили у него младшие сестры: фон Стрик и баронесса Кампенфович, Роман Романович Рейтерн и племянник его художник Павел Васильевич Жуковский, сын В.А. Жуковского. По оставлении поста министра финансов М. Рейтерн приобрел особняк на Английской наб., № 14, где провел последние 12 лет жизни. 20.01.1890 г. к 50-летнему служебному юбилею Александр III возвел его в графское достоинство, а 11.08 он скончался, тело было перевезено в имение Грос-Эзерн и похоронено на семейном кладбище баронов Нолькен. Графский титул и фамилия Рейтерн перешли по посмертной Высочайшей просьбе Михаила Христофоровича к его младшему племяннику барону Владимиру Густавовичу Нолькен[36].

Рис. 10. Дом М.Х.фон Рейтерна на Английской наб., 14

Рис. 11. Памятная доска на фасаде дома

Адмирал Шестаков 8.01.1887 г. записал в своем дневнике: «...звали непременно быть во вторник в Комитете министров слушать рескрипт удаляющемуся Рейтерну. Вместо него называют Бунге, а на это многие сердятся. Бунге оказался плохим министром и был им очень недолго. Рейтерн и Николаев входят в Государственный совет и назначением последнего также недовольны. 11 января. После заседания в Комитете министров. Управляющий делами прочел рескрипт Государя уволенному Председателю Рейтерну. В Рескрипте написанному Победоносцевым, исчислена вся государственная деятельность Рейтерна, с подробностью и точностью, и в особенности указаны успешные усилия его к восстановлению финансов после Крымской войны, подвигая в то же время вопрос освобождения и сетей ж.д. Задушевно отпуская уважаемого человека на покой, царь жалует ему портрет. Рейтерн принял с благоговением знак царской милости, в простых словах вспомнил тяжелые свои труды и многие горькие минуты, указал, как 17-летнею работою он дошел, наконец, до уничтожения дефицита — и вдруг, всесильными обстоятельствами, как он выразился, в один миг все труды его рухнули, порвалась нить — и порвался голос почтенного председателя. Великий князь Михаил Николаевич приветствовал его от всего Комитета, и потом мы хором поехали к нему. Дома начались излияния чувств, и я просил немощного позволить Морскому ведомству гордиться им. При встрече с Сольским протянули друг другу руки, но не говорили. Председателем назначается Бунге, на которого, как говорят, указал Рейтерн»[37].

Кукольник Нестор Васильевич в 1866 г. описывал финансовую деятельность М.Х. Рейтерна и свои с ним встречи: «После двух грустных свиданий с Рейтерном убедись, что слухи и печатные заграничные статьи далеко ниже действительности; что это непонятное тупоумие вола с козлиным упрямством, я уже не искал с ним встречи, потому что, если бы я принес с собой целый шкап самых очевидных доказательств, он бы и не взглянул на них. У него на все есть предвзятая мысль, подсказанная через трубу, называемую бароном Штиглицем и немецкими банкирами, которых Рейтерн обогатил несчастными своими финансовыми операциями, для их прекрасных глаз разорил Россию и окончательно уронил наш кредит... Когда говоришь о Рейтерне, поднимается невольный вопрос: Господи, Боже мой, да каким же он чудом сей человек попал в Министры финансов? На этот вопрос граф Д.Н. Толстой мне отвечал легендой, которой трудно верить, он уверяет, что был действующим лицом. Великий князь Константин

Николаевич был сделан замолодо, и сердце у него чуяло, только пошло гонение на немцев, так что у Великого князя ни одного немца не оказалось. Император Николай I это заметил и выразил сыну за такое пристрастие сильное неудовольствие. Что тут делать? На домашнем совете Головнин, нынешний МНП, предложил примирительную меру: возьмем немца поплоше, Государь и успокоится, выбрали Рейтерна, не ошиблись. Плоше из немцев и тогда, и теперь найти трудно. Для более блистательного эффекта послали немца в Америку — контролю учиться, в Европе для такой ягоды поля не нашлось. В это время в Америке возник кризис, и любознательный Константин Николаевич пожелал узнать о причинах такого важного события. К кому же обратиться, как не к министру финансов, а министром был тогда знаменитый в летописях неспособности Брок, что всю Россию отдавал откупщикам на оброк и, кроме откупов, ни о какой финансовой комбинации не ведал и не помышлял. На вопрос Константина Николаевича Брок запнулся о причинах кризиса в Америке и отвечал, что будто бы, вероятно, заключается в вольной продаже вина, в дурном устройстве откупов, и он собирается доставить записку. Константин Николаевич ждет день, два, неделю, записки нет, и Головнин говорит: "А зачем нам Брок, когда у нас на месте есть свой финансист, он доставит нам сведения получше Брока?" Написали, Рейтерн распорядился, заказал статью, склеили за 20 дол. отличную записку, перевели на русский язык, послали, все так и ахнули. "Вот вам министр финансов!" — в умилении воскликнул Головнин. Так и порешили, и когда по добросердечию А.М. Княжевича неблаговидная интрига Грота созрела, роковое письмо было пущено в публику посредством копий прежде, чем курьер донес до министерской приемной. Княжевич обрадовался случаю, чтобы отделаться от тяжкой должности и поехал к Государю Императору с просьбою об отставке, преемник ему уже был на стол положен; Грот горько ошибся, министерский портфель передан не ему, а знаменитому американскому финансисту Рейтерну. ...На вопрос мой о Рейтерне Княжевич отвечал с улыбкой: "Кажется, знающий человек". У меня было городское дельце к министру финансов. По старой и до сих пор не изменившейся ко мне дружбы фандер-Флита и по совету его явился я к знающему человеку. Он принимал в Министерстве финансов в кабинете графа Канкрина. Я чуть не перекрестился, увидав Рейтерна в кресле в Канкрина, он сидел затылком к свету и вертел в руках карандаш, даже своего лика не соблаговолил повернуть к просителю в черном истертом фраке, который

и теперь донашиваю. Я мог только заметить, что новый министр финансов должно быть саксонской породы, по беловласию, хорошо откормлен, а это очень важно, потому что на Руси в древности дородство считалось государственным талантом... Дефицит и долги растут в 4 последних года, стоит вспомнить только двух министров финансов: графов Васильева и Канкрина»[38].

К Михаилу Христофоровичу обращается финансист, директор Канцелярии Министерства финансов Ю.А. Гагемейстер в 1861 г.: «Здесь ходят по рукам бесчисленное множество копий с записки о финансовой положении России, переданной Государыни в декабре на обсуждение Комитета финансов. Списки эти ни в коем случае не могли быть сняты чиновниками Кредитной Канцелярии и потому должно полагаться, что виновниками нескромности члены Комитета финансов и ко мне разослана была записка. Не угодно ли Вам будет доложить председателю Комитета финансов, что Министерство финансов не может возложить на себя ответственность за сохранение в тайне записки, которые разосланы членам Комитета финансов»[39].

Дипломат Эдуард Андреевич фон Стекль (1804–1892) докладывает М.Х. фон Рейтерну в 1868 г.: «...капитан 2-го ранга Пещуров, наш комиссар по передаче Русско-Американских колоний, возвратился из Ситки и на днях отправился в СПб. Пещуров донес мне, что разделение между казенною и частною собственностью в бывших наших колониях и передача первой Правительству США окончены к удовольствию обоих сторон. Я сообщал Государственному секретарю Соединенных Штатов перевод рапорта капитана Пещурова, прося дать мне подобное же заявление со стороны американского правительства, и г. Сюард и прислал мне в ответ копию от военного министра, ведению которого представлены были подробности этого дела; генерал Скуфильд сообщает, что он поручил генералу Халеку, Начальнику военного округа Тихого океана, представить ему по этому предмету официальное донесение, но что он может теперь же, по донесениям полученных им до сих пор, заявить, что передача уступленных территорий совершена вполне удовлетворительно. Копии с этих бумаг я препроводил Государственному канцлеру, они будут служить официальными документами в доказательство того, что IV статья трактата, одна из наиболее существенных, приведена в порядок и не может подать повода в будущем ни к каким притязаниям со стороны США. В заключение считаю долгом свидетельствовать, что благоприятным исходом этого дела, которое легко могло подать повод к важным спо-

рам, мы обязаны преимущественно такту и благоразумной деятельности капитана Пещурова, которого поэтому мне особенно рекомендовать благосклонному вниманию Вашему Превосходительству. Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности. Стекль. Вашингтон 30.09.1868 г.».

Рапорт капитана Пещурова Чрезвычайному Посланнику и Полномочному Министру в Вашингтон 17.09: «Я оставил Ситху 10 августа, часть моих инструкций по разделу собственности в наших колониях была исполнена немедленно, как видно из протокола, подписанного генералом Руссо и мною. Казенная собственность Кадъяке передана мною летом полковнику Смидбергу, присланному для ея приема генералом Халеком, а здания в Николаевском и Константиновском редутах, по согласованию с генералом Девисом, оставлены временно на попечение прежней Управляющих РАК с предписанием передать их лицам, которые будут уполномочены на то генералом Девисом»[40].

Издатель и публицист Михаил Иванович Семевский (1837–1892) посетил М.Х. Рейтерна в его доме на Английской набережной, 14, и оставил воспоминания: «20.01.1889 г. я посетил бывшего министра финансов, ныне члена Государственного совета М.Х. Рейтерна, живет в собственном, хотя небольшом, но весьма красивом доме на Английской наб., 14. Это старик 68 лет, красивой наружности, держится прямо, говорит медленно, всегда толково, всегда убедительно, холостой, и в его обширнейших апартаментах он всегда один. При нем два лакея и старик швейцар. Знаком я с ним лет 15. Он весьма бодр и свеж, но страдает глазами лет 6–7, делал несколько операций, и только последней операцией, сделанной доктором Тихомировым, доволен. Он предложил мне свой портрет, снятый в мае, надписал его, и мы пустились в характеристики и в воспоминания. Он все делает по часам, в 4 часа он непременно ложился отдыхать, сделавши в течение утра 2 прогулки по $^{3}/_{4}$ часа. Тщетно мы, то есть Головнин, я и другие говорили, об этом Великому князю Константину Николаевичу. “Да откуда вы взяли, что Государь на меня сердит или что он меня не любит?” Между тем, как все только это видели и знали, но знали также и то, что новый государь считает своего дядю своим кровным врагом. Так и уехал он в Крым в мае 1880 г., а я за границу. Отставка моя с поста МФ совершилась следующим образом. Осенью 1876 г. Александр II и весь двор находился в Ливадии, при нем был и я. В конце сентября подал я Государю Императору записку, чтобы не ввязываться в войну. Собрались к завтраку. Вижу, Государь мрачен: “Я прочел эту записку,

она произвела на меня чрезвычайно тяжелое впечатление". Созван был Совет из наличных министров, и Государь заявил, что я иду против реформ его царствования: "Вы не можете найти средств для войны, надо желать их найти и уметь их найти". Вижу, от меня все отшатнулись и не подходят, только князь Горчаков подошел меня утешать. Война кончилась в июне 1878 г. конгрессом в Берлине, я условился с Гирсом, как будет подписан мир, послать мне телеграмму со словами "здоровье восстановлено". Как только я получил этот ответ, я написал просьбу об отставке якобы расстроенного здоровья. 7 или 8 июля Государь Император призвал меня и Грейга в Царское Село, принял меня приветливо и подал мне рескрипт. Отношения мои к А.В. Головнину (1821–1886) были весьма замечательны. В течение 53 лет мы были связаны самой искренней, сердечной дружбой, эта дружба не нарушилась ни на одно мгновение. Это был человек замечательно умный, добрый, незлобивый, он никогда не сердился на своих врагов. В нем был только один недостаток, он любил иногда казать шпильку в беседах. На этот недостаток я ему часто указывал. Был он далеко небогат, так как полученное от родного брата его матери Рудковской (Лутковской) состояние, из которого на его долю пришлось около 100 000 руб., он целиком отдал своей сестре Поликсении (1824–1909), находящейся замужем за сенатором П.И. Саломоном. Затем всю выкупную ссуду по его большому имению в Рязанской губернии, которое приносило до 11000 руб. ежегодного дохода, он употреблял на благосостояние своих бывших крепостных, заведя в своем имении Гулынки различные благотворительные учреждения и народные школы. Самый доход с имения чрезвычайно уменьшился от проведения чрез имение ж.д. Там были прекрасные луга, которые снимались гуртовщиками скота в ежегодную аренду. Как только прошла ж.д., скот погнали по ней в вагонах, и в этих лугах уже надобности не представилось. Стенографировал М. Николаевский»[41]. За свои заслуги М.Х. Рейтерн был избран почетным жителем городов: Моршанск (1.12.1867 г.), Скопин (1.03.1868 г.), Шуя (1.03.1868 г.), Воронеж (31.05.1868 г.), Борисоглебск (31.05.1868 г.), Саратов (14.03.1869 г.), Харьков (30.05.1869 г.), Белгород (4.07.1869 г.), Вознесенский посад Владимирской губернии (30.01.1870 г.), Оренбург (26.06.1870 г.), Елец (26.02.1871 г.), Череповец (17.05.1874 г.)[42].

«СПб. ведомости» № 221 от 14.08.1890 г. и «Journal de St. Petersburg» № 213 от 13.08.1890 г. опубликовали некрологи: «11 августа в Царском Селе скончался статс-секретарь граф М.Х. Рейтерн. С 1854 г. в Мор-

ском министерстве, состоя в котором, провел около 3 лет в командировках в Пруссию, США, Францию и Англию, изучая устройство эмеритальных касс. В 1858 г. в звании статс-секретаря был назначен управляющим делами учрежденного под председательством графа Нессельроде Комитета ж.д., в 1860 г. заведующий делами Финансового комитета, 01.1862 г. был председателем податной комиссии, принимал участие в редакционных комиссиях, выработавшие положение 19.02.1861 г. Назначенный после графа Валуева председателем Комитета министров, где состоял до 1887 г.»[43]

Государственный секретарь Перетц докладывает министру финансов 7 августа 1879 г.: «Государь Император по всеподданнейшему докладу министра путей сообщения 18 января 1879 г. Высочайше соизволил на учреждение в Александровском техническом ж.д. училище в Ельце двух стипендий имени д.т.с. М.Х. Рейтерна и на принятие капитала, пожертвованного с этой целью почетным попечителем и учредителем сего училища д.ст.с. Поляковым. Капитал этот состоит из 5000 рублей в $5^{1}/_{2}$ % облигациях Одесского городского кредитного общества и внесен попечительским советом училища в Государственный банк на хранение»[44].

Александр Евграфович (Гергардович) Рейтерн (1824–1879) — генерал-адъютант, командующий лейб-гвардии Драгунским полком (1866–1870), Таврический губернатор (1871–1873). Родился в семье художника Гергарда Рейтерна; получил домашнее образование. В 1838 г. был определен в дворянский полк, «21 апреля 1842 г. зачислен на службу юнкером в лейб-кирасирский Наследника Цесаревича полк, в составе его с 30 мая по 26 октября 1849 г. совершил поход для оказания помощи Австрии в усмирения восстания в Венгрии. 5 июня 1850 г. назначен адъютантом к главнокомандующему действующей армией, участвовал в войне с Турцией 1854 г. С 4 мая находился при осаде крепости Силистрии, участвовал в боях по 11 июня; за храбрость и мужество был награжд ен орденами Св. Анны III и Св. Владимира IV ст. и с бантом. После завершения осады Силистрии 25 января 1856 г. был назначен флигель-адъютантом к Его Величеству. Был опекуном своего племянника Павла Жуковского, сына поэта В.А. Жуковского. 26 августа 1856 г. переведен в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк. С 16 апреля 1857 г. отчислен из полка, состоял при особе Его Величества; в этой должности сопровождал императора во время Высочайших смотров в Ковно и Варшаву (1858), в Умань и Варшаву (1859), в Тверь и Москву (1860, 1861), в Елисаветград (1861) и Ригу

(1862). После манифеста 1861 г. об освобождении крестьян 3 марта был командирован в Екатеринославскую губернию по крестьянскому делу. 23 апреля 1861 г. произведен в полковники. С 3 февраля 1866 г. — командующий лейб-гвардии Драгунским полком; 30 августа 1867 г. произведен в генерал-майоры с назначением в свиту Его Величества. С 12 октября 1870 г. причислен к Министерству Внутренних Дел, 19 января 1871 г. назначен Таврическим губернатором с оставлением в свите Его Величества и по гвардейской кавалерии. С 25 июня 1873 г. назначен состоять при Императоре Германском и переехал в Берлин. Находясь в этой должности, 30 августа 1876 г. был пожалован в звание генерал-адъютанта, 3 декабря 1877 г. произведен в генерал-лейтенанты. Умер в Берлине 17 июля 1879 г. Жена — Елизавета Павловна Лазарева-Станищева»[45].

Магнус Магнусович (Максим Максимович) Рейтерн (1801–1863) — генерал-лейтенант, начальник 1-й пехотной дивизии. Его отец, Гисберт Магнус фон Рейтерн, был поручиком на службе у Людовика XV, а позднее Рижским уездным предводителем дворянства и был женат на Дарье Федоровне фон Левенштерн. После первоначального обучения дома и в Рижском городском училище Рейтерн 2 февраля 1817 г. поступил в военную службу подпрапорщиком и был произведен в прапорщики в гренадерском императора Франца I полку 27 февраля 1819 г; в январе 1821 г. он был переведен в лейб-гвардии Семеновский полк и затем постепенно производим в следующие чины до чина полковника включительно, а 16 апреля 1841 г. произведен за отличие в генерал-майоры.

Рис. 12. М.М. фон Рейтерн

12 февраля 1842 г. Рейтерн был назначен командующим гренадерским, а затем, 11 декабря 1844 г. — командиром лейб-гвардии Павловского полка, в командование которым вступил 26 февраля 1845 г. 12 января 1846 г. Рейтерн за беспорочную выслугу был награжден орденом Св. Геор-

гия IV ст. 22 июля полк, а с ним и фон Рейтерн, прибыли в Белосток. Когда 19 ноября 1850 г. полк праздновал день 25-летия зачисления шефом его Наследника Цесаревича (будущего императора Александра II), Рейтерн получил золотую табакерку с портретом Его Высочества, осыпанным бриллиантами. 6 декабря 1851 г. Рейтерн был произведен за отличие в генерал-лейтенанты с назначением состоять при гвардейском пехотном корпусе, а 17 ноября 1852 г. был назначен начальником 1-й пехотной дивизии, а затем, 17 сентября 1855 г, начальником 1-й Гренадерской дивизии и в 1862 г. был назначен заседающим в Генерал-аудиториате Военного министерства. Магнус Магнусович Рейтерн скончался 16 марта 1863 г. в Санкт-Петербурге и похоронен на Волковом лютеранском кладбище. С 30 марта 1847 г. женат на Ольге Карловне Альбрехт (1828–1898), дочери генерала Карла Ивановича Альбрехта от брака с Варварой Сергеевной Яковлевой. После смерти мужа Ольга Карловна была начальницей Николаевского сиротского института в Москве. В браке имели 3 сыновей и 2 дочерей: Максима (1848–1886); Александра (1849–1915), флигель-адъютант, муж княгини Марии Константиновны Оболенской; Марию (1851–?), замужем за своим двоюродным дядей, бароном Иваном Осиповичем Велио; Ивана (1858–?); Ольгу (1860–?), замужем за Павлом Михайловичем Устиновым. В СПб. губернии, Шлиссельбургского уезда за ним состоит благоприобретенная незаселенная дача Подспорье 779 дес.; за женою состоит вместе с братьями Пермской губернии Невьянские и Алапаевские заводы. Михаил Николаевич Граббе с 1902 г. служил адъютантом Великого князя Владимира Александровича, с 1916 г. наказным атаманом Войска Донского, произведен в генерал-лейтенанты, его женой стала Софья Ивановна Всеволожская, дочь директора Эрмитажа И.А. Всеволожского, совладельца Пожевских заводов на Урале[46].

Варвара Сергеевна Яковлева (1803–1831), м. — Карл Иванович Альбрехт
I
I----------I----------I----------I----------I
Ольга †1898 Мария Екатерина София Михаил
м. — Максим Максимович фон Рейтерн м. — Николай Карлович м. — Ричард
(1801–1863) фон Баранов Поливанова
Трувеллер
I I I
I----------I I I
Александр бар. Мария Велио Ольга Попова Николай †1914

Сын генерал-лейтенанта Максим «по получении воспитания в Пажеском корпусе в службу вступил прапорщиком в Преображенский полк 8.08.1866 г., награжден орденами Св. Владимира IV ст., Св. Анны III ст., Св. Станислава II и III ст. и светло-бронзовой медалью в память войны 1877–1878 гг.; подпоручик 30.08.1866 г., поручик 41.03.1868 г.; штабс-капитан 30.08.1870 г., ротный командир 23.09; капитан 4.04.1876 г.; за дело против турок 10–11.11.1877 г. под Отрополем награжден Св. Анны III ст. с мечами; за переход чрез Балканы 19.12.1877 г. Св. Станислава II ст. с мечами; за дело против турок под Филиппополем 3–5.01.1878 г. Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, полковник 30.08.1878 г. 16.04.1878 г. по Указу ЕИВ об утверждении постановления Саратовского ДДС 8.12.1878 г. внесена во 2-ю часть ДРК вдова и сын Максим» [см. 44].

В 1869 г. последовал указ о назначении опекунов над имением и малолетними детьми умершего генерал-лейтенанта Максима Максимовича фон Рейтерна, вдове Ольге Карловне фон Рейтерн, генерал-майору Роману Романову и надворному советнику Василию Евграфовичу фон Рейтерн. «Дворянская опека, расположенная по адресу: СПб., Дворцовая наб., в доме Каратыгиной, выслушав отношения Шлиссельбургской дворянской опеки от 26 ноября № 71, приказали: малолетних детей: поручика Преображенского полка Максима 21 года, поручика Преображенского полка Александра 20 лет, Марию 18 лет, Ольгу 9 лет, Ивана 11 лет умер; умершего генерал-лейтенанта фон Рейтерн с имением им принадлежащим в СПб. и его уезде находящимся, в ведение здешней Дворянской опеки принять и опекунами назначить родительницу их вдову генерал-лейтенанта Ольгу Карловну, генерал-майора Романа Романова и надворного советника В.Е. фон Рейтерн. После покойного М.М. Рейтерна осталось: благоприобретенная дача на Неве и проданная по согласию Опеки генералу Герку за 28000 руб. и капитал в 150000 руб. сер. Ныне все обращено в государственные бумаги» [см. 46].

Генерал-лейтенант, генерал-майор свиты, московский губернатор (1905–1913) товарищ МВД и командир Отдельного корпуса жандармов (1913–1915) Владимир Федорович Джунковский (1865–1938) вспоминал о кончине Максима Рейтерна: «В апреле 1886 г. скончался в Ялте флигель-адъютант полковник Максим Максимович Рейтерн, командир 2-го батальона нашего Преображенского полка. Это был милейший человек и отличный товарищ, его очень любили в полку, и все мы его глубоко оплакивали»[47].

Вот такими боевыми офицерами, художниками, дипломатами были представители дворянского рода фон Рейтерн. В.А. Жуковский записал для потомков:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.

* * *

[1] *Куломзин А.Н.* Граф В.Г. Рейтерн — барон Нолькен // Рейтерн М.Х. Биографический очерк. СПб., 1910. Л. 1.

[2] РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 1196. По отношению Инспекторского департамента о происхождении недоросля Иоганна-Карла Рейтерн. 1837. Л. 3.

[3] РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 12. Отношение Ревельского военного губернатора министру юстиции. 13.08.1814. Л. 1–2.

[4] РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 2. Свидетельство Лифляндской ландратной коллегии о дворянском происхождении Гергардта-Антона-Вильгельма (Евграфа Евграфовича) Рейтерн, с приложением его родословной. 1862. Л. 1–2.

[5] Герб графа Рейтерн внесен в ч. XV Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи. Л. 6.

[6] Каталог посмертной выставки рисунков и картин Гергарда Романовича Рейтерна в память 100-летней годовщины со дня рождения. СПб., 1894. Л. 1–2.

[7] РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 1. Свидетельства о рождении Е.Е. Рейтерна. 1844–1860. Л. 12.

[8] РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 3. Свидетельство о назначении Евграфа Евграфовича фон Рейтерна младшим чиновником особых поручений при начальнике Саратовской губернии. 1863. Л. 9–10.

[9] РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 4. Об избрании Е.Е. Рейтерна Шлиссельбургским уездным судьей. 1866. Л. 1.

[10] РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 79. Назначение Е.Е. Рейтерна герольдмейстером при короновании Александра III. 1883. Л. 1.

[11] РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 6. Грамоты, приказы, свидетельства о награждении Е.Е. фон Рейтерна. 1867–1917. Л. 1–39.

[12] РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 8. Диплом и извещения об избрании Е.Е. Рейтерна членом поощрения художников и других обществ. Л. 1.

[13] РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 9. Письма президента Академии художеств Е.Е. Рейтерну об избрании его непременным членом Совета Академии. 1894–1916. Л. 3–11.

[14] ОР РНБ. Ф. 124. Д. 2769. Письмо Менделеева (Забалканский, 19) Е.Е. Рейтерну. 6.02.1901. Л. 1.

[15] ОР РНБ. Ф. 124. Д. 3215. Письма Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой (1871–1955) Е.Е. Рейтерну. Л. 3.

[16] РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 10. Уведомление Е.Е. Рейтерну о назначении ему аудиенции у Николая II. 1908. Л. 1–3.

[17] РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 8. Диплом и извещения об избрании Е.Е. Рейтерна членом Общества поощрения художников и других обществ. Л. 18.

[18] РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 14. Сообщение Гатчинского сиротского института императора Николая I Е.Е. Рейтерна о поведении Николая Рейтерна. 1907–1915. Л. 1–3.

[19] РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 9. Письма президента Академии художеств Е.Е. Рейтерну об избрании его непременным членом Совета Академии художеств. 1894–1916. Л. 3–9.

[20] ОР ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 10. Д. 3. Формулярный список В.А. Жуковского. 1850. Л. 1–11.

[21] ОР ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1045. Попов Михаил Максимович. Две любви Жуковского. 1850. Л. 1–2.

[22] Э.А. Анненкова // Принцессы Ольденбургские. М., 2014. Л. 196.

[23] ОР ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 153/9. Письма Х.Х. Рейтерн (двоюродной брат Е.А. Жуковской) Плетневу Петру Александровичу. 1852. Л. 1–2.

[24] СПбФ АРАН. Ф. 764. Оп. 2. Д. 640. Письмо Е.Е. Рейтерн к Бычкову. 1887. Л. 1.

[25] РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 248. Об увольнении за границу дворянина Юлия фон Вульфа. 1852. Л. 3–15.

[26] РГИА. Ф. 1286. Оп. 11. Д. 300. О выдаче заграничного паспорта вдове генерал-лейтенанта фон Рейтерн. 1849. Л. 6.

[27] СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 577. О праздновании 100-летия В.А. Жуковского. 1883. Л. 40.

[28] ОР ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1046. СПб. Городская дума в вопросе чествования память В.А. Жуковского по поводу 100-летней годовщины дня его рождения. Л. 1.

[29] ОР ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 10. Д. 9. Объявление об открытии подписки на сооружение памятника над могилой В.А. Жуковского. Л. 1.

[30] РГА ВМФ. Ф. 7. Оп. 1. Л. 2, 50. П.Ф. Николаев // Федор Глинка. М., 2016. С. 128.

[31] РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 26Ж. Дело Павла Васильевича Жуковского. Л. 7.

[32] ОР ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2187. Формулярный список о службе М.Х. Рейтерна. 1887. Л. 1–24.

[33] РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 931. О назначении старшего чиновника для особых поручений при начальнике ГМШ, д.ст.с. Головнина состоять при Великом князе Константине Николаевиче и об определении на его место ст.с. Рейтерна. 1855. Л. 1.

[34] СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 2. Д. 37. Письма А.В. Головнина к К.С. Веселовскому. Л. 16–54.

[35] СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 2. Д. 36. Письмо Головнина А.В. к К.С. Веселовскому. СПб., Царское Село. 1857–1886. Л. 31–43.

[36] *Куломзин А.Н.* Граф В.Г. Рейтерн — барон Нолькен // Рейтерн М.Х. Биографический очерк. СПб., 1910. С. 1–15.

[37] РГА ВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 15. Дневник адмирала Шестакова. 1887. Л. 4–8.

[38] ОР ИРЛИ. Ф. 371. Д. 52. Кукольник Нестор Васильевич. Финансовые заметки о деятельности министра финансов М.Х. Рейтерне. 1866. Л. 4–5.

[39] ОР РНБ. Ф. 633. Д. 5. Письмо Гагемейстера Юлия Андреевича М.Х. Рейтерну. 14.02.1861. Л. 1.

Ю.А. Гагемейстер — финансист (1806–1878), директор канцелярии Министерства финансов при А.М. Княжевиче; занимался экономическими и финансовыми вопросами; писал о необходимости устранения препятствий, мешающих развитию торговли России. Главные его сочинения: «Разыскание о финансах древней России» (до 1462 г., издано в 1833 г.) и «Теория налогов, примененная к государственному хозяйству» (1852).

[40] ОР РНБ. Ф. 633. Д. 10. Письмо Эдуарда Андреевича Стекль М.Х. Рейтерну. 30.09.1868. Л. 1–5.

Эдуард Андреевич фон Стекль (нем. Eduard von Stoeckl или Stoeckle — Штекль) (1804, Константинополь, Османская империя — 26 января 1892 г., Париж, Франция) — российский дипломат. Известен переговорами с правительством США по поручению Александра II, которые завершились продажей Аляски.

[41] ОР ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 11. Записки Михаила Ивановича Семевского о М.Х. Рейтерне. 1889. Л. 52–54.

[42] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 312. Алфавит почетных граждан. Л. 2–6.

[43] СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 162. О кончине М.Х. Рейтерна // С.-Петерб. ведомости. 1890. 14 авг. № 221; Journal de St. Petersburg. 1890. 13 Aug. № 213. Л. 1–2.

[44] РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 468. О причислении к специальным средствам капитала на стипендию имени статс-секретаря д.т.с. Рейтерна. 1879–1881. Л. 2.

[45] РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 1197. О дворянстве рода Рейтерн. 1879. Л. 2–15.

[46] *Неклюдов Е.Г., Торопов А.Н.* Род Яковлевых. Екатеринбург, 2013. Л. 140–141.

[47] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. 1865–1904. М., 2016. Л. 159.

О.Л. Краснослободцева

ОБЕР-ЕГЕРЬ ЛИСИНСКОГО УЧЕБНОГО ЛЕСНИЧЕСТВА И СУДЬБЫ ЕГО ПОТОМКОВ

Данная работа представляет собой описание жизни и службы обер-егеря Лисинского учебного лесничества Оскара Кригера, занимавшего важное, пусть и не очень заметное место в лесничестве и при императорских охотах. В статье рассказывается и о некоторых персонах из его окружения. Среди них был государь император Александр III, люди, стоявшие у истоков лесного образования в России, поэт Некрасов и др. Описаны судьбы его детей и некоторых внуков. Работа велась в основном по архивным документам, в частности фонда 387 РГИА, и по открытым базам данных, главным образом о репрессиях. Многие дети и внуки Оскара Кригера посвятили себя лесному делу, некоторые были связаны с лесничеством и после революции.

Ключевые слова: обер-егерь, Лисинское учебное лесничество, потомки, Курляндская губерния, приход Рутцау.

O.L. Krasnoslobodtseva

OBER CHASSEUR OF THE LISINSKY SCHOOL FORESTRY AND THE FATE OF HIS DESCENDANTS

This investigation is a description of the life and duty of the ober-game keeper of the Lisinsky training forest district of Oscar Krieger, who occupied an important, but not very prominent, position in forest district and in imperial hunting. Concerning him, I mentioned some of the persons around him. Among them was the Emperor Alexander III, there were persons who were the originators of forest district management in Russia, the poet Nekrasov, and others. The fates of his children and some of their grandchildren are also described. The investigation was carried out mainly with archival documents, in particular the Fond 387 of the Russian State Historical Archive, and with open databases, mainly dedicated to the Repressions. Many children and grandchildren of Oscar Krieger also devoted themselves to forest management, some of them were associated with forest management after the Revolution.

Keywords: ober huntsman, Lisinskoe forestry study, descendants, Kurland province, Rutzau parish.

Лисинское учебное лесничество — старинная структура с центром в поселке Лисино-Корпус, расположенном в нынешнем Тосненском районе Ленинградской области, — образовано еще в первой половине XIX в. На протяжении двух столетий оно служило практической базой для обучавшихся лесному делу в России. Уважаемый исследователь Олег Алексеевич Егоров занимался углубленным изучением всех сторон жизни и устройства этого интереснейшего заведения. Мне хотелось бы коснуться узкой стороны вопроса и поговорить о судьбах потомков одного из преподавателей Лисинского училища и служителей лесничества — обер-егеря Оскара Оттовича Кригера, моего прапрадеда.

Впервые я узнала о существовании этого человека из сохранившегося в домашнем архиве письма его внучки, Ольги Владимировны фон Дервиз, к племяннице, моей маме. Она пишет: «Бабушки девичья фамилия — Кригер. Дед... был в дружеских отношениях с Некрасовым, который часто бывал у них...» Прямого документального подтверждения этой дружбе я не нашла. Но знаю, что Николай Алексеевич Некрасов в 1875 г. состоял в переписке с Николаем Васильевичем Холшевниковым[1], вице-инспектором корпуса лесничих. Поэт Некрасов, заядлый охотник, в марте 1871 г. купил усадьбу около г. Чудова Новгородской губернии, и они охотились вместе с Холшевниковым. Лисино и Чудово разделяло небольшое, по нынешним меркам, расстояние и общий массив леса. И тот же Холшевников был восприемником от купели сына Оскара Оттовича Кригера Сергея в 1881 г.[2] Таким образом, косвенно можно подтвердить возможность знакомства Н.А. Некрасова и обер-егеря Оскара Кригера.

В РГИА удалось найти дело о причислении О.О. Кригера к корпусу лесничих. Полное его имя оказалось Оскар Эммерих Крюгер, а не Кригер, как пишется в российских документах. Вариант «Кригер» — обыкновенное искажение, более привычное русскому уху. Родился он 21 ноября 1829 г. в приходе Рутцау Курляндской губернии[3], что находился в Гробинском уезде, в одном из мест компактного проживания немцев на территории Курляндии. В XIX в. город Гробин, или Гробиня, был крупным населенным пунктом, портом, поэтому обучение, службу, выход в большой мир жители Рутцау связывали именно с этим городом. Оскар и его семья значились гражданами города Гробина. Отец, Отто Фридрих (родился ок. 1800 г.), был сыном умершего органиста кирхи в Рутцау и помощником нынешнего, своего старшего брата Даниэля Эрнеста[4]. Мать — Каролина Мария Крюгер,

ур. Коппе (родилась ок. 1798 г.). Семья принадлежала к Большой гильдии Гробинских граждан, включавшей купцов, художников, музыкантов, садоводов и т.п. Эта принадлежность давала бóльшие доходы и возможности (в отличие от Малой — ремесленников и мастеровых), в том числе в получении образования. Гражданство курляндских городов давалось человеку лично, при подтверждении профессионального уровня и полезности для города.

Оскар получил домашнее образование такого уровня, что 20 сентября 1858 г., еще молодым человеком, служил лесным кондуктором в Лисинском лесничестве и сразу был назначен помощником обер-егеря[5]. Надо сказать, что из города Гробина в Санкт-Петербург часто приезжали лесные служители. Так было с самого начала существования лесного учебного лесничества в начале XIX в. Предшественник Оскара, Андрей Федорович Рейс, второй директор лесничества Андрей Васильевич Гарф, упоминаемый ниже Николай Штегман были выходцами из Гробина. Можно даже предположить, что все эти люди связаны родством, свойством или кумовством. Наличие лесных классов в Миттавской гимназии и множество казенных лесов в Курляндии наводит на мысль о том, что обучение азам лесного дела в Курляндии было возможно, и подтвердить свою лесную квалификацию Оскар мог именно там.

Приказом министра госимуществ 6 сентября 1859 г. Оскар Кригер был назначен обер-егерем Лисинского лесничества. Этот уникальный чин, как утверждает О.А. Егоров, присваивался только егерям Лисинского учебного лесничества, места излюбленных царских охот, которые должны были сочетать навыки егерского искусства, умение передать свои знания учащимся и несение обязанностей по обслуживанию охотничьего хозяйства, а именно кормление собак и зверей, уход за ними. Короткое время на период отпуска производителя Высочайших охот полковника Гаундшильдта Кригер замещал его.

В сентябре 1960 г. Кригер женился на дочери письмоводителя дворянской Волоколамской опеки титулярного советника Егора Иванова Большого Варваре Егоровне Большой (рис. 1), из семьи потомственных священников Никольской церкви села Чернобаево Пронского уезда Рязанской губернии. Варвара и Оскар могли познакомиться в Гатчине. Ее дядюшка, священник Павловского Гатчинского собора Николай Иванович Большой, мог быть связующим звеном. Венчание было проведено на родине невесты, как следует по православному чину, в Воскресенском соборе города Волоколамска.

Рис. 1. Семейство Кригер на ступенях царского охотничьего дворца. В первом ряду в центре — Варвара Егоровна Кригер

Девушка была очень общительная. Если посмотреть метрические книги Волоколамска, то видно, во всех церквях у представителей всех сословий она побывала на крестинах. То же продолжалось в Санкт-Петербургской губернии. Вскоре по приезде, обжившись и родив детей, она стала восприемницей у многих детей, рожденных в Лисино, особенно если это были выходцы из Волоколамского уезда Московской губернии. Да и сам Оскар, будучи лютеранином, побывал восприемником на православных крестинах, в том числе у своих внучек. Полагаю, с русской женой он стал более общительным.

19 марта 1866 г. Высочайше утвержденным положением Комитета министров за примерное и ревностное исполнение возложенных обязанностей Оскар Кригер возведен в звание личного почетного гражданина, а в 1870 г. допущен держать экзамен для постановки на службу лесным кондуктором. Директор Лисинского учебного лесничества Павел Епифанович Петров представлением от 18 апреля 1870 г. за № 667 донес департаменту, что на производстве экзамена испытательной комиссией обер-егерь Оскар Кригер показал сведения

вполне удовлетворительные, как из теоретического курса, так и по занятиям практическим, и признан комиссией достойным звания лесного кондуктора и согласно п. 5 § 60 положения о Лисинском лесничестве от 11 января 1860 г. мог быть допущен к держанию экзамена на классный чин и выдержал его вполне удовлетворительно.

19 ноября 1970 г. зачислен в счетную службу в звании лесного кондуктора. С 23 июня 1971 г. он губернский секретарь, а 23 марта 1871 г. причислен к Лесному департаменту с отношением к Лисинскому лесному училищу для исполнения обязанностей обер-егеря, прежде выполняемых по вольному найму. При переходе корпуса лесничих из военного ведомства в ведение Департамента внутренних дел лесные кондукторы корпуса лесничих, приобретшие права на производство в прапорщики корпуса лесничих, производились в губернские секретари. Исключение составил почетный гражданин Оскар Кригер. Лесной департамент, принимая во внимание, что он выдержал экзамен удовлетворительно, удостоил его звания лесного кондуктора 3-го разряда со старшинством по Высочайшему повелению с 20 сентября 1858 г., то есть с момента службы по вольному найму. И по выдержании удовлетворительно испытания в науках на классный чин произведен в губернские секретари со старшинством со дня выдержания экзамена, то есть 22 марта 1871 г. Приказом № 17 от 5 июня 1872 г. по корпусу лесничих бывший лесной кондуктор, ныне губернский секретарь Кригер причислен к лесному департаменту.

Из архивного дела: «Во внимание к полезной службе и недостатку содержания губернского секретаря Кригера, состоящего в должности обер-егеря при Лисинском лесном училище, лесной департамент полагал бы необходимым для удержания Кригера в той же должности, увеличить получаемое им содержание. Но так как, по недостатку кредита, отпускаемого училищу, таковое увеличение не может быть произведено из сумм онаго, то департамент имеет честь испрашивать разрешения Вашего Сиятельства о назначении Кригера младшим запасным лесничим, в том соображении, что Кригер получил специальное по лесной части образование и имеет необходимую для того подготовку». По штату эта должность предполагала содержание в 750 руб. против 560 руб. кондуктора, что для Кригера, имевшего уже шестерых детей, было очень важно. 30 ноября 1874 г. Оскар был назначен младшим запасным лесничим лесничества. С 22 марта 1874 г. он коллежский секретарь. С. 8 августа 1877 г. титулярный советник. С 22 мая 1881 г. коллежский асессор. В том же году был награжден

орденом Св. Станислава III ст., а в 1885 г. младший запасной лесничий Кригер награжден орденом Св. Анны III ст. Судя по всему, обер-егеря ценили в лесничестве, и ему помогало руководство, ходатайствуя о льготах, пособиях и совмещении должностей. Оскар неоднократно получал денежные вознаграждения, пособия по жребию на воспитание дочерей. Но денег на содержание огромного семейства все равно не хватало. 9 ноября 1888 г. он просит о присвоении звания старшего запасного лесничего для производства в следующий чин, надворного советника, с соответствующим повышением жалования[6]. Но до решения этого вопроса дело так и не дошло.

У Оскара в родной Курляндии оставалось множество родственников, родные братья и сестры. Иногда удавалось отправиться в родную Курляндию или Старую Руссу на воды. Но когда в финансировании поездки ему отказывали, Оскар не выходил в отпуск. Большая семья не перенесла бы таких расходов. Земский врач отмечал, что исправление обязанностей обер-егеря и распорядителя охот и долгое время, проводимое в болотах, Кригеру не по возрасту. Он страдал частыми простудами и застарелым ревматизмом.

Только 12 июня 1893 г., когда здоровье уже было подорвано, прошение о пособии было удовлетворено[7]. 13 октября 1893 г. Оскар вернулся из отпуска, а приказом № 12 от 6 ноября 1893 г. коллежский асессор Кригер был исключен. Умер он 14 ноября 1893 г., как записано в метрической книге Спасской Лисинской церкви, от паралича сердца. Как лютеранин, он не был отпет и причащен православным священником, но погребен на местном кладбище, возможно с прочтением тропаря об инославных.

Поначалу жизнь этой четы казалась мне безоблачной. Но чем больше я узнавала сухие официальные факты из архивных дел, тем больше понимала, какую непростую жизнь они прожили, сколько претерпели тяжелых испытаний и как достойно справлялись с ними. Оскар Оттович и его супруга родили 16 детей, из которых выжили 10. Все были крещены в Спасской Лисинской церкви (рис. 2). Самым тяжелым был 1886 г., когда подряд умерло трое детей, в том числе и уже большие, подававшие надежды. Последняя дочь родилась преждевременно и не выжила.

Восприемниками при крещении детей Кригера в разное время были различные чины лесного ведомства: второй директор лесничества Андрей (Иоган Рейнгольд Карл Генрих) Васильевич Гарф[8], капитан корпуса лесничих Герман Федорович Гауншильдт[9], ГОСУДАРЬ ИМПЕРА-

Рис. 2. Спасская церковь в Лисино

ТОР Александр II (у купели вместо него, как было принято, был другой человек, подполковник корпуса лесничих Герман Федоров Гауншильдт), жена коллежского асессора профессора Николая Семеновича Шафранова, преподаватель Лисинского учебного лесничества коллежский секретарь Анатолий Семенович Шафранов (брат профессора), преподаватель Петровской лесной академии Митрофан Кузьмин Турский, инспектор Лесного училища коллежский советник Михаил Григорьевич Романовский[10]. Перечисление восприемников говорит о том, что у семьи Кригер был избранный круг общения, к нему принадлежали видные лица Лисинского лесничества и училища, а также Петровской земледельческой и лесной академии.

У его детей жизнь складывалась по-разному. Старший сын Владимир родился 10 июля 1961 г., по окончании Лисинского училища был командирован в Гродненскую губернию в 1879 г., затем был приписан к Департаменту уделов и служил в Саратовской губернии степным лесоводом. По смерти отца неоднократно подавал прошения о переводе его в Санкт-Петербургскую губернию для поддержки матери и сестрам. Это удалось только в 1895 г. Никогда не был женат. В 20-е годы XX в. находился в Лисинском лесничестве.

Рис. 3. Надежда Оскаровна фон Дервиз (Кригер)

Вторая — моя прабабушка Надежда Оскаровна (рис. 3), родилась 10 сентября 1863 г. Вышла замуж за выпускника Лисинского училища Владимира Васильевича фон Дервиза из дворян. Он был откомандирован корпусом лесничих на службу в леса частных владельцев. В 1918 г. арестован в Ельце и больше нигде не упоминается. Надежда фон Дервиз жила на Украине, в Иваново-Вознесенске, в Москве, затем снова на Украине. Во время Великой Отечественной войны с дочерями и внучкой была угнана в Германию. Вернулись в 1946, тогда же им было предписано отправиться в ссылку в Коми АССР, в г. Сыктывкар. По семейной версии дом был тут же отнят человеком из НКВД. От волнения у Надежды Оскаровны случился инсульт. И она умерла под забором своего дома, в который уже не имела права войти. Дочери отправились в ссылку без нее. Потомки живут в Москве и Ростове-на-Дону.

Третья — Евгения Оскаровна, родилась 20 июля 1865 г. (рис. 4). Вышла замуж за Стефана Алексеевича Новикова, уроженца Тульской губернии, из государственных крестьян. Он окончил Лисинское училище и блестяще защитил диплом в Лесном институте. Назначен на службу в Тульскую губернию, куда уехал с семьей. Последняя должность — лесной ревизор[11] в Тульской губернии. Одна из дочерей, Надежда Степановна, в замужестве Терпугова, окончила консерваторию и стала пианисткой, музыкальным руководителем, редактором и концертмейстером ленинградского радио. Работать на ленинградском радио Надежда Степановна Терпугова (1887–1964) начала в 1924 г., когда в городе появилось радиовещание. Еще одна дочь, Галина, была замужем за героем Великой Отечественной войны летчиком Владимиром Яковлевичем Колпакчи. Потомки живут в Москве и Санкт-Петербурге.

Четвертый — Николай Оскарович Кригер, рожден 22 апреля 1867 г. По окончании курса наук в бывшем Лисинском учебном лесничестве 25 апреля 1885 г. утвержден господином министром в звании лесного кондуктора и назначен во 2-е Пружанское лесничество 25 мая 1885 г. Переведен в 1-е Пружанское лесничество 12 июля 1885 г. Поступил

Рис. 4. Евгения Оскаровна, Мария Егоровна Масальская.
Внизу слева — Ольга Степановна Новикова, на коленях —
Галина Степановна, за Марией Егоровной — Надежда Степановна

в военную службу в 62-й пехотный Суздальский полк 3 октября 1888 г. Уволен в запас армии 8 октября 1889 г. Вновь определен в лесное ведомство прежним званием. 9 января 1890 г. поступил во 2-е Волковское лесничество 20 января 1890 г. 29 марта 1893 г. отправлен в Кемское лесничество, где на него поступил донос о пьянстве, позже опровергнутый. Жил в Кеми. Имел серебряную медаль в память царствования императора Александра III. С 19 мая 1901 г. содержался в Обуховской больнице по причине потери памяти, мнил себя на острове в Архангельской губернии. По консультации с современными медиками, скорее всего, страдал от инсульта. 9 сентября 1902 г. уволен по болезни с мундиром и пенсией. Имел ограничения в действии спинного и головного мозга. Никогда не был женат. Мать ухаживала за ним до конца его дней.

Пятая — Александра Оскаровна Кригер, родилась 1 апреля 1869 г. Вышла замуж в 1905 г. за Николая Васильевича Штегмана, сына лес-

Рис. 5. Ольга Оскаровна Панова (Кригер). За нею стоит ее муж, Алексей Панов

ничего Харьковской губернии, родившегося 26 августа 1876 г. в Гробине Курляндской губернии, о чем говорилось выше. Он окончил Белостокское реальное училище и Санкт-Петербургский лесной институт. Служил в Лисино и соседних лесничествах. Детей у них не было. Александра уже при советской власти служила в лесничестве письмоводителем и умерла летом 1922 г. Николай после 1926 г. не упоминается[12].

Шестая — Ольга Оскаровна Кригер, родилась 17 июля 1872 г. (рис. 5). Вышла замуж за студента Института путей сообщения Алексея Иванова Панова, из крестьян Тульской губернии. Судьба потомков неизвестна

Седьмая — Екатерина Оскаровна Кригер, родилась 11 июля 1873 г. (рис. 6). Вышла замуж за Николая Григорьевича Сукачева, окончившего Петровскую академию, лесничего, сына казачьего генерала. Он застрелился 11 января 1912 г. из казенного пистолета из-за долгов[13]. Их сын, Сукачев Николай Николаевич, — участник Первой мировой войны, сражался в Добровольческой армии. Эмигрировал и жил в Белграде и был участником Югославского корпуса, выданного англича-

Рис. 6. Екатерина Оскаровна Сукачева (Кригер)

нами советским властям. Закончил свои дни в лагере в Мордовии. Его сестра, Татьяна, в замужестве носила фамилию Щербина. Ее ребенок умер в младенчестве. По этой линии никого не осталось. Екатерина, по данным, найденным Олегом Алексеевичем Егоровым, служила в лесничестве делопроизводителем, конторщицей вплоть до 1926 г., а может быть, и далее.

Восьмая — Елена Оскаровна Кригер, рождена 9 июня 1875 г., замужем за выпускником Гатчинского сиротского института императора Николая I и Лесного института Константином Константиновичем Чуйкиным, потомственным дворянином Псковской губернии. Служил лесничим в Тульской губернии. Известно о судьбе лишь одного их ребенка — Борисе Константиновиче. Геолог, родился в Тульской губ. После окончания Лесного техникума служил в армии. Переехал в Иркутск, учился в Горном институте, после окончания которого (1935) работал геологом, главным геологом на Слюдянском месторождении. Арестован в декабре 1937 г., осужден по ст. 58 и расстрелян в июле 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.[14] О его детях и детях брата Георгия ничего неизвестно.

Рис. 7. Павел Оскарович Кригер

Девятый — Павел Оскарович Кригер, родился 30 января 1879 г. (рис. 7). Единственный из сыновей Оскара Оттовича, не пошедший по стопам отца. Воспитывался в гимназии Императорского человеколюбивого общества (5 кл.) и окончил курс наук в Санкт-Петербургском пехотно-юнкерском училище, выпущен по II разряду. Далее кадровый пограничник, служил в Варшавской, Ковенской, Гродненской губерниях[15]. Участник Первой мировой войны. Награжден в 1915 г. орденом Св. Анны III ст. с мечами и бантом. Был в плену. В 1917 г., когда погрануправление было переведено в Москву, служил там вместе с племянником Сергеем Владимировичем фон Дервизом. По данным О.А. Егорова, упоминается в 1926 г. как районный прораб, проживающий в Лисинском лесничестве. Его жена — Фаина Михайловна.

Есть версия, что она еврейка из Гродненской губернии. В 1927 г. они с ребенком уехали из Лисина[16]. И если вернулись в Гродно, то Великая Отечественная Война стерла их следы.

И последний, *десятый* — Сергей Оскарович Кригер, рожден 25 июня 1881 г. Окончил 25 мая 1900 г. Гатчинский сиротский институт. В 1900 г. числился в Смоленско-Витебском управлении земледелия и проживал в Смоленске. Учился в Лесном институте с 1 июля 1900 г. по 23 мая 1908 г. В 1902 г. уволился из Лесного института, поступил в Константиновский межевой институт. В 1903 г. опять держал экзамены в Лесной институт. Пытался поступить в Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и лесоводства Варшавского учебного округа в 1908 г. и пробыл там год. 23 сентября 1909 г. Сергей Кригер назначен в таксационную партию. Отношением от департамента определен на службу в Вятскую губернию, 6 мая 1910 г. назначает в Полянское лесничество. Но в 1911 г. числится жителем Вятки. Женат с 1911 г. на уроженке Смоленской губернии крестьянской девице Вассе Ракитской. Ни о его судьбе, ни о его потомстве ничего неизвестно[17].

Оскар Оттович ушел из жизни раньше, чем в судьбе его детей, а тем более внуков наступили сложности. Он даже и подумать не мог, что их ожидало. А вот его супруга, которая, по семейному преданию, прожила почти 100 лет, застала многое. И тем ни менее, ее дом всегда был местом сбора всех потомков, дочери приезжали из далеких пределов крестить детей в Лисино. Потомки — жители Санкт-Петербурга — проводили там летние каникулы. Во время Великой Отечественной войны съезжались внуки: кто с фронта после ранения (мой дед Сергей Владимирович фон Дервиз), кто в отпуск. Это была очень большая и дружная семья, от которой мало кто остался.

* * *

[1] Некрасовский сборник / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Наука, 1988. Т. X. 225 с.

[2] ЦГИА СПб. Ф. 19. Метрические книги СПб. и СПб. губернии. Оп. 125. Д. 677. Метрическая книга о родившихся Спасской Лисинской церкви. 1881 г.

[3] РГИА. Ф. 387. Лесной департамент Министерства земледелия. Оп. 2. Д. 27090. О зачислении губернского секретаря Кригера в корпус лесничих. 18.09.1872–23.08.1894.

[4] Сайт «raduraksti» — метрические книги Латвии.

[5] РГИА. Ф. 387. Лесной департамент Министерства земледелия. Оп. 2. Д. 27090. О зачислении губернского секретаря Кригера в корпус лесничих. 18.09.1872–23.08.1894.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] ЦГИА СПб. Ф. 19. Метрические книги СПб. и СПб. губернии. Оп. 124. Д. 441. Метрическая книга о родившихся Спасской Лисинской церкви. 1862 г.

[9] ЦГИА. Ф. 19. Метрические книги СПб. и СПб. Губернии. Оп. 124. Д. 442. Метрическая книга о родившихся Спасской Лисинской церкви. 1863 г.; Оп. 125. Д. 614. Метрическая книга о родившихся Спасской Лисинской церкви. 1865 г.; Оп. 124. Д. 455. Метрическая книга о родившихся Спасской Лисинской церкви. 1867 г.; Оп. 125. Д. 632. Метрическая книга о родившихся Спасской Лисинской церкви. 1869 г.

[10] ЦГИА. Ф. 19. Метрические книги СПб. и СПб. Губернии. Оп. 125. Д. 681. Метрическая книга о родившихся Спасской Лисинской церкви. 1882 г.

[11] ЦГИА СПб. Ф. 994. Императорский лесной институт (Петербург–Петроград): 1848–1918. Оп. 4. Д. 119. Новиков Степан Алексеевич. 21.05.1882–23.04.1887.

[12] РГИА. Ф. 387. Лесной департамент Министерства земледелия. Оп. 4. Д. 29282. Дело о лесном кондукторе 2-го разряда Николае Кригере.

[13] РГИА. Ф. 387. Лесной департамент Министерства земледелия. Оп. 5. Д. 33121. О кандидате сельского хозяйства Николае Сукачеве. 16.12.1910.

[14] БД «Жертвы политического террора в СССР»; Репрессированные геологи. М.; СПб., 1999.

[15] РГВИА. Ф. 409. П/с 43 (1906 г.). Послужной список подпоручика 191-го пехотного Драгожинского полка Кригера.

[16] *Демин Л.М.* Лисинские очерки. ППО. М., 1994. 76 с.

[17] РГИА. Ф. 387. Лесной департамент Министерства земледелия. Оп. 24. Д. 5343. Об определении на службу по лесному ведомству вольнонаемного старшего межевщика Сергея Кригера.

И.Л. Лейнонен, М.Т. Валиев

РОТЕРМУНДЫ — ЖИЗНЬ НА ДВА ДОМА

Предлагаемая статья основана на материалах неопубликованной рукописи Ганса Ветьена «Две семьи с бременскими традициями в европейском зарубежье». Материалы рукописи дополнены сведениями из отечественных архивов, публикаций, а также из архива профессора Э.Н. Амбургера. Описана история семьи Ротермундов с начала XIX по середину XX в. В центре повествования стоит история санкт-петербургского Торгового дома «А.В. Ротермунд», главными направлениями деятельности которого были торговля колониальными товарами, производство табачных изделий и сахароварение. В начале XX в. Ротермунды получили законное право именоваться «сахарными королями» России, а сама Россия превратилась в значимого игрока на европейских рынках торговли сахаром. На протяжении 90 лет успешная семья коммерсантов и хозяйственников Ротермундов вносила существенный вклад в развитие нашего Отечества, и вполне заслуженно представители этой семьи были записаны в сословие потомственных почетных граждан России. Приведены хронологические таблицы фамильной истории.

Ключевые слова: немецкая диаспора России, генеалогия, фамильная история, Ротермунд, сахароварение, почетное гражданство.

I.L. Leinonen, M.T. Valiev

THE ROTHERMUNDS — THE LIFE FOR TWO HOUSES

The proposed article is based on the materials of an unpublished manuscript by Hans Vieten “Two Families with Bremen traditions in European abroad”. Manuscript materials are supplemented with information from domestic archives, publications and the archive of Professor E.N. Amburger. The story of the Rothermund family from the beginning of the 19th century to the middle of the 20th century is described. At the heat of the narration there is a story of the St. Petersburg Trading House “A.V. Rothermund”, which main activities were the trade of colonial goods, the production of tobacco products and sugar refining. In the early of twentieth century, the Rothermunds had got the legal right to be called the “sugar kings” of the Russia, and the Russia itself became a significant player in the European markets for sugar trading. During 90 years, the successful family of merchants and business executives of Rothermunds made a significant contribution to the development of our Motherland, and quite deservedly the representatives of this family were recorded in the estate of hereditary honorary citizens of Russia. The chronological tables of the Russian citizens family histories of are given.

Keywords: German diaspora of Russia, genealogy, family history, Rothermund, sugar production, honorary citizenship.

Предлагаемая статья основана на материалах хранящейся в Бремене, нигде ранее не опубликованной рукописи «Две семьи с бременскими традициями в европейском зарубежье»[1] потомка родов Ротермундов и Азельмейеров Ганса Ветьена. Материалы рукописи были дополнены сведениями из отечественных архивов и публикаций, архива профессора Э.Н. Амбургера, книг петербургского купечества и адресных книг Санкт-Петербурга.

Санкт-Петербургский торговый дом «А.В. Ротермунд» с 1828 по 1919 г. располагался на 1-й линии Васильевского острова, д. 20, «въ домѣ Лютеранской Церкви Св. Екатерины»[2] (рис. 1), и был обязан своим процветанием четырем братьям Ротермундам: Александру-Вильгельму (Alexander Wilhelm, 22.02.1806–07.08.1885)[3], Адольфу-Эрнсту (Adolf Ernst, 10.11.1817–15.12.1888), Августу-Вильгельму (August Wilhelm, 22.03.1820–11.05.1885), Юлиусу-Людвигу (Julius Ludwig, 16.10.1827–07.08.1890)[4] и их потомкам. Четыре представителя второго и третьего поколений большого семейного клана Ротермундов в разное время учились в гимназии Карла Мая[5] — сын Августа и внуки Адольфа и Александра-Вильгельма Ротермундов.

Предпринимательскую энергию и деловую хватку братья Ротермунды унаследовали от своего отца-фермера, уроженца Бремена Петера-Людвига Ротермунда (Peter Ludwig Rothermundt, 15.04.1780–25.07.1850). 20 августа 1803 г. Петер-Людвиг венчался с Вильгельминой Трефурт (Wilhelmine Trefurt, 04.08.1782–17.04.1842). В 1820 г. в возрасте сорока лет решил сменить род деятельности и перевез семью

Рис. 1. Торговый дом «А.В. Ротермунд»

Рис. 2. Иоганн Пайекен (1768–1846)

в город Нинбург (Nienburg) в Нижней Саксонии, где в течение семи лет содержал трактир. После рождения в 1827 г. последнего, десятого, ребенка, Юлиуса-Людвига, Петер-Людвиг снова вернулся к занятиям сельским хозяйством на подворье Окель (Okel, Нижняя Саксония, в полусотне километров на северо-запад от Нинбурга), параллельно возглавив небольшую компанию по грузовым перевозкам.

В начале 1828 г. старший сын Петера-Людвига и Вильгельмины Ротермундов, Александр-Вильгельм (1806–1885), попросил у бременского коммерсанта и брата своей родной бабушки Иоганна Пайекена (Johann Payeken, 1768–1846; рис. 2) руки его дочери Елены-Анны (Helena Anna Payeken, 13.04.1806–24.10.1880). Дед Александра-Вильгельма Ротермунда, Людвиг Конрад Ротермунд (Ludwig Conrad Rothermundt, 04.04.1741–08.07.1802), был женат на Энгель Ариане, урожд. Пайекен (Engel Ariana Payeken, 22.06.1757–11.10.1815). Но бременский коммерсант посоветовал своему внучатому племяннику сначала создать надежные условия для жизни и уже потом обзаводиться семьей.

К этому времени Александру-Вильгельму было всего 22 года, и хотя он уже завершил коммерческое образование, но деловые перспективы на его родине были далеко не блестящими. Ожидаемый подъем экономики в ганзейском городе Бремене все еще заставлял себя ждать. Поэтому Александр-Вильгельм принял предложение бременского торговца табаком Бокельмана (Bockelmann) организовать торговую связь с С.-Петербургом и в 1828 г. отбыл в малознакомую страну. В том же году он зарегистрировался в Петербурге как торговый агент и основал собственную фирму «А.В. Ротермунд» по продаже импортного табака. «*Именно благодаря верно выбранному направлению он быстро достиг первых успехов — в стране, где была доступна лишь отечественная махорка, заокеанский табак ожидали с большим нетерпением*»[6]. Чуть позднее Александр-Вильгельм сделал второй шаг — организовал

Рис. 3. Александр-Вильгельм Ротермунд (1806–1885)

Рис. 4. Елена-Анна Ротермунд (1806–1880)

производство папирос из получаемой импортной продукции и стал совладельцем табачной фабрики «Жуков и Ротермунд»[7].

Так началась деятельность знаменитого Торгового дома «А.В. Ротермунд» в России. Спустя четыре года Александр-Вильгельм (рис. 3) вернулся в Бремен за невестой Еленой-Анной (рис. 4), и 25 марта 1832 г. в доме Пайекенов состоялась свадьба, после которой молодожены возвратились в Санкт-Петербург и поселились в доме на Васильевском острове, где располагалась контора Торгового дома.

Два брата Александра-Вильгельма, Людвиг (Луис) (Ludwig или Louis, 28.02.1809–?) и Фриц (Fritz или Friedrich Wilhelm, 10.01.1822–?), в молодом возрасте отправились в Бразилию, где их следы затерялись; третий брат, Карл-Фридрих-Теодор (Carl Friedrich Theodor, 26.02.1810–12.01.1882), стал владельцем большого пивоваренного завода в городе Рейдт (Rheydt) в Рейнланде (Rheinland). И наконец три младших брата, Адольф-Эрнст, Август-Вильгельм и Юлиус-Людвиг, последовали за Александром-Вильгельмом в Россию.

Хронология жизни и деятельности трех поколений Ротермундов в России отражена в таблице.

Ротермунды в России

I поколение					
Ф. И. О.	**Годы жизни**	**Линия**	**Место жительства и работы в России**	**Даты жизни и работы в России**	**Место жительства после России**
Александр-Вильгельм	1806–1885	1-я линия	Петербург	1828–1848	Бремен
Адольф-Эрнст	1817–1888	3-я линия	Петербург	1840–1858	Дрезден
Август-Вильгельм	1820–1885	4-я линия	Петербург	1840–1864	Штутгарт
Юлиус-Людвиг	1827–1890	5-я линия	Петербург	1850–1872	Дрезден
II поколение					
Вольдемар Александрович	1840–1914	1-я линия	Петербург Москва	1860–1885 1885–1891	Берлин
Клементий Александрович	1849–1909	1-я линия	Москва Петербург	1870–1887 1887–1906	Дрезден
Адольф Адольфович	1846–1930	3-я линия	Петербург	1870–1895	Дрезден
Юлий Карлович	1849–1890	2-я линия	Москва	1875–1890	Берлин
Август Августович-ст.	1851–1937	4-я линия	Рубежное/ Лебяжье	1874–1904	Штутгарт
Альфред Августович	1854–1923	4-я линия	Головчино/ Дубовое	1877–1895	Штутгарт
Оскар Августович	1859–1887	4-я линия	Рубежное	1882–1887	умер в Рубежном, похор. в Штутгарте

III поколение					
Александр Клементьевич	1888 — после 1945	1-я линия	Москва	1910–1918	Дрезден (?)
Адольф Адольфович	1876–1944	3-я линия	Петербург	1898–1905	Дрезден (?)
Густав Адольфович	1881 — после 1945	3-я линия	Петербург	1905–1916	Дрезден (?)
Август Августович-мл.	1887–1964	4-я линия	Лебяжье	1909–1914 (1920)	Штутгарт
Владимир Клементьевич	1892–1945	1-я линия	Петербург	1914–1918	Торн на Висле

Братья Ротермунды в юности прошли суровую школу жизни, но не ожесточились и всегда помнили об отце, к которому относились с большим уважением, и во время своих поездок в Германию по коммерческим делам не упускали возможность навестить патриарха на подворье Окель, а позднее — в пасторском доме Гебзеров в Бремкерской долине под Гёттингеном, где отец-вдовец жил у дочери Берты (Bertha Ernestine Adolfine Rothermundt, 13.01.1812–20.05.1892) и зятя-священника Эмиля Гебзера (Emil Gebser).

К моменту приезда младших братьев в 1840 г. на берега Невы у Александра-Вильгельма и Елены-Анны Ротермундов уже росли старшая семилетняя дочь Эмма (Betty Emma Charlotte, 16.05.1833–17.01.1906, Неаполь) и названный в честь отца шестилетний сын Александр-Вильгельм-младший Александрович (Alexander Wilhelm, 18.05.1834–02.02.1904, Сан-Ремо).

24 августа 1840 г. в семье основателя Торгового дома родился еще один сын — Владимир (Вольдемар) Александрович (Gustav Woldemar Rothermund, 24.08.1840, С.-Петербург — 12.01.1914, Берлин), позднее ставший купцом I-й гильдии и совладельцем отцовской фирмы «А.В. Ротермунд».

Через полтора года, 17 апреля 1842 г., на подворье Окель в возрасте почти 60 лет умерла мать братьев Ротермундов Вильгельмина (1782–1842).

Уже в 1844 г. в «Адресной книге санкт-петербургского биржевого купечества» старший брат Александр Васильевич Ротермунд был зарегистрирован как «*Купецъ I-й гильдіи, гражданинъ Ловизскій*[8] *и владелец Фирмы "А.В. Ротермундъ"*»[9].

В 1847 г. все три брата Ротермунд приняли подданство Великого княжества Финляндского и писались как жители небольшого портового города Фридрихсгама, расположенного недалеко от Выборга. Законодательство России целенаправленно понуждало проживающих в России иностранных предпринимателей-коммерсантов переходить в российское подданство, но Ротермунды нашли компромиссный вариант: Финляндия, хотя и находилась в составе Российской империи, имела свои собственные законы, не вводила обязательной воинской повинности и старательно защищала свои свободы. Переход в подданство Великого княжества Финляндского позволял Ротермундам избежать всеобщей воинской повинности и вместе с тем пользоваться некоторыми льготами как «финляндским купцам».

Первым из младших братьев Ротермундов женился в Германии пивовар Карл-Фридрих 25 сентября 1844 г. в Эрлингхаузене (Örlinghausen) на уроженке этого города Августе Кроме (Auguste Krome, 13.06.1814–05.08.1887), дочери торгового агента товарами из шелка Георга Кроме (Georg Krome) и Луизы Марии (урожд. Поттгарст, Luise Marie Pottharst). Во время свадебных церемоний брат жениха, Адольф-Эрнст Ротермунд, познакомился с сестрой невесты брата, Лизеттой Кроме (Lisette Krome, 01.03.1824–?), и через полгода, 26 марта 1845 г., братья Ротермунды встретились в местечке Липпе (Lippe) под Эрлингхаузеном уже на свадьбе Адольфа-Эрнста и Лизетты Кроме, после которой молодая чета вернулась в С.-Петербург на 1-ю линию Васильевского острова.

Как говорилось выше, основатель Торгового дома Александр-Вильгельм к 1844 г. уже был купцом I-й гильдии, а к 1852 г., по данным Фонда Амбургера и «Адресной книги санкт-петербургского биржевого купечества»[10], он вместе с братьями стал арендатором нескольких имений на юге России, в Харьковской и Курской губерниях, где были построены сахарные заводы — «Грязное <завод с 1852 г.>, Головчино <завод с 1839 г.>, Рубежное <завод с 1850 г.>»[11]. «*В 1897 г. владельцы фирмы "Ротермунд & Вейссе" арендовали крупное имение Лебяжье в Харьковской губернии с угодиями для выращивания сахарной свеклы площадью примерно в 9000 гектаров, на котором через год заработал еще один сахарный завод*»[12].

Такие большие имения на юге России в то время назывались «экономиями»[13]. Этими «экономиями» вплотную занялись сын основателя Торгового дома Александр-Вильгельм-младший и его дядя, Август-Вильгельм Ротермунд, позже к ним присоединились три сына Августа-Вильгельма — Август (August Emil Alexander, 06.10.1851–18.09.1937), Альфред (Alfred Ludwig Julius, 10.10.1854–27.01.1923) и Оскар (Oskar Eduard Carl, 29.04.1859–04.01.1887). При этом старший из них, Август Августович Ротермунд, провел на юге России три десятилетия своей жизни.

В 1848 г. основатель Торгового дома Александр-Вильгельм возвратился с семьей в Германию, так как хотел дать немецкое образование подраставшим сыновьям и найти достойного жениха для старшей дочери, Эммы Бетти Шарлоты. Оба желания были выполнены — сыновья окончили немецкие школы, а дочь вышла замуж за коммерсанта и генерального консула Германии в Неаполе Юлиуса Эдуарда Азельмейера (Julius Eduard Aselmeyer, 26.06.1823–25.07.1903). Кроме того, в Бремене у Александра-Вильгельма родился еще один сын Клементий (Clemens August, 02.01.1849–23.07.1909).

Александр-Вильгельм вплоть до самой кончины «*продолжал оставаться общепризнанным главой семьи и руководителем Торгового дома — он обеспечивал закупки в Бремене всех видов товаров и часто встречался в С.-Петербурге со своими братьями, а позже и со взрослыми сыновьями*»[14]. В архивном деле младшего сына Александра-Вильгельма, Клементия Александровича Ротермунда, зафиксировано: «Основатель фирмы *“А. В. Ротермунд” Ловизский купец Александр-Вильгельм Ротермунд записан на С.-Петербургской бирже с 1841 г., с 1843 г. выбирает права I-й гильдии, до сего времени остается постоянным членом этой биржи*»[15]. В 1878 г. в архивном деле Торгового дома записано: «*16 сентября исполнилось 50 лет фирме “А.В. Ротермунд”. В знак уважения к почтенной деятельности этой фирмы отправляется поздравительная телеграмма от имени Комитета главе фирмы Александру Ротермунду в Бремен*»[16].

В 1850 г., спустя два года после отъезда старшего брата в Германию, к остававшимся в России Адольфу-Эрнсту и Августу-Вильгельму Ротермундам присоединился их младший брат Юлиус-Людвиг. В том же году, 7 мая 1850 г., после десяти лет деятельности в Петербурге, женился Август-Вильгельм Ротермунд. Его избранницей стала уроженка Штутгарта Мария Эльбен (Marie Elben, 18.05.1833–12.08.1866, Штутгарт), дочь доктора философских и филологических наук Эмиля

Эльбена (Ernest Martin Emil Elben), редактора «Швабского Меркурия» (“Schw bischen Merkur”)[17], и Луизы (урожд. Конради, Louise Leopoldine Auguste Conradi). Молодые познакомились в Германии на свадьбе старшей сестры Марии Эльбен, Луизы Софии Августы Эльбен (Louise Sophie Auguste Elben, 30.04.1824–09.07.1897), с Адольфом Молем (Adolf Mohl, 24.09.1822–11.09.1882), другом Августа-Вильгельма Ротермунда. Венчание Августа-Вильгельма и Марии состоялось в Штутгарте, после чего новобрачные отправились в Россию, где Мария Ротермунд на протяжении двенадцати лет растила детей в доме № 20 на 1-й линии Васильевского острова — из них восемь лет вместе с Лизеттой Ротермунд, женой брата мужа Адольфа-Эрнста, в том же доме.

25 июля 1850 г. в доме своей дочери Берты под Гёттингеном умер отец братьев Ротермундов, Петер-Людвиг Ротермунд...

Адольф-Эрнст Ротермунд (1817–1888) проработал в России 18 лет и только в 1858 г. вместе с женой и тремя родившимися в С.-Петербурге детьми вернулся в Германию и поселился в Дрездене «*в прелестной, расположенной на берегу Эльбы вилле*»[18]. Его старший сын, Адольф Адольфович-старший (Adolf Rothermundt, 16.01.1846–17.12.1930), за год до возвращения семьи в Германию был отдан в Дрездене в учебно-воспитательное заведение (Lehr- und Erziehungsanstalt Dresden[19]). В 1858 г. к нему присоединился младший брат, Густав Адольфович (Gustav, 09.05.1848–?), а в 1860 г. — двоюродный брат Карл Карлович Ротермунд (Carl Georg Ludwig, 28.07.1845–14.04.1905), старший сын их немецкого дяди-пивовара Карла-Фридриха Ротермунда (2-я линия Ротермундов) из Рейдта. Старшей дочери Адольфа-Эрнста и Лизетты Ротермундов, Ольге (Olga Mathilde, 14.09.1849–17.10.1915), было к этому времени 9 лет, а Мария (Marie, 08.06.1859–09.08.1915) родилась через год после переезда семьи в Дрезден.

Рис. 5. Август-Вильгельм Ротермунд (1820–1885)

В семье оставшегося в России Августа-Вильгельма Ротермунда (рис. 5) в Санкт-Петербурге родились пятеро детей: Август Августович-младший (1851–1937), Альфред (1854–1923), Берта (Bertha Marie Luise, в замужестве фон Фортенбах (von Fortenbach), 16.07.1856–07.11.1934), Оскар (1859–1887) и Мария (Marie Wilhelmine Helene, в замуже-

стве Сик (Sick), 24.07.1861–20.01.1940). Осенью 1858 г. Август-Вильгельм привел в первый класс гимназии К. Мая своего старшего сына Августа. Однако уже в конце 1862 г. Август-Вильгельм-старший перевез семью в Штутгарт (хотя сам вплоть до 1864 г. оставался в С.-Петербурге), и Август Августович-младший покинул стены гимназии Карла Мая после окончания третьего класса.

В 1860 г. на помощь Августу-Вильгельму и Юлиусу-Людвигу Ротермундам в Россию из Бремена прибыло молодое пополнение в лице их двадцатилетнего племянника — уроженца С.-Петербурга Владимира Александровича Ротермунда (1840–1914), сына основателя Торгового дома. На протяжении четверти века он будет трудиться сначала в Петербурге, а потом в дочернем отделении фирмы «А.В. Ротермунд» в Москве.

Его старший брат, Александр-Вильгельм-младший (1834–1904) (рис. 6), по решению «семейного совета» начал специализироваться на селекции, выращивании сахарной свеклы и ее машинной обработке — новом и весьма перспективном направлении бизнеса. В сотрудничестве с другим первооткрывателем сахароварения в России г-ном Вейссе, «*Александр Александрович прекрасно справился с этой задачей*»[20] и вернулся в Германию только в 1875 г. после 15 лет успешной работы. В 1882 г. Александр-Вильгельм-младший основал сахарный завод неподалеку от приобретенного имения Шёнзее в Западной Пруссии под городом Торном (Thorn)[21]. Этот завод успешно работал вплоть до конца Первой мировой войны.

Рис. 6. Александр-Вильгельм II (1834–1904) в имении Шёнзее

12 марта 1864 г. в Штутгарте в семье Августа-Вильгельма Ротермунда родился шестой ребенок — Вильгельм Эмиль Отто (Wilhelm Emil Otto, 12.03.1864–27.08.1883). Через

полтора года, 9 августа 1866 г., в семье появилась дочь Елена Мария Матильда (Helene Marie Mathilde, 09.08.1866–07.10.1884). Через три дня семью постигло большое горе — 12 августа 1866 г. умерла в родовой горячке мать семейства, Мария Ротермунд. «*В это время глубокой скорби и траура*»[22] в дом навсегда пришла ее младшая 21-летняя сестра Анна Эльбен (Anna Elben, 13.04.1845–1924), которая взвалила на себя ответственность за дом и своих семерых племянников. Позже Анна писала: «*Это было нелегкой задачей, но вскоре я освоилась в новой для меня роли, чему существенно способствовали любовь детей и доверие со стороны моего зятя <Августа, вдовца покойной сестры>. Самой большой моей радостью была новорожденная Хеленхен <(Helenchen — Леночка)>, развивавшаяся здоровой и крепкой. Зять месяцами отсутствовал в доме, и все заботы о детях, прислуге и хозяйству легли на мои плечи. Таким образом я была вынуждена быстро освоить тонкости управления большим домом*»[23].

К 1865 г. в С.-Петербурге в правлении Торгового дома из старшего поколения остался лишь младший из четверых братьев-«первопроходцев», Юлиус-Людвиг Ротермунд. В 1870 г., по данным Фонда Амбургера[24], он стал соучредителем «Русского Лойда» — «Общества для морского, речного и транспортного страхования», с 1871 г. — коммерции советником и совладельцем ситцевой фабрики «Я. Лютш». В 1870 г. на помощь ему и его племяннику Владимиру Александровичу был прислан из Дрездена сын Адольфа-Эрнста (1817–1888), Адольф Адольфович Ротермунд (1846–1930) — ему предстояло руководить семейным делом на протяжении четверти века — с 1870 по 1895 г. При этом первые 15 лет в союзе со своим кузеном Владимиром Александровичем (1840–1914) (рис. 7), а последние 8 лет — с его родным братом Клементием Александровичем (1849–1909).

Рис. 7. Владимир Александрович Ротермунд (1840–1914)

Летом 1872 г. Юлиус-Людвиг переехал в Дрезден и в том же году женился на Иде Ланге (Ida Lange, 05.03.1843–15.07.1881). Свадьба состоялась в городке Лейсниг (Leisnig), в шестидесяти километрах от Дрездена. Несмотря на переезд в Герма-

нию, Юлиус-Людвиг сохранял коммерческие интересы в России: 26 января 1873 г. он вошел в Товарищество Дитятковской писчебумажной фабрики, 19 ноября 1876 г. — в Товарищество ситценабивной фабрики «Яков Лютш» в С.-Петербурге.

25 апреля 1871 г. Ротермунды со всех концов света собрались в Штутгарте, где «*состоялась свадьба зятя-вдовца Августа-Вильгельма и Анны Эльбен. Все большое семейство Ротермундов приняло участие в этом радостном событии. При этом особенно ясно и четко проявились единодушие и гармония среди членов огромного семейства, что редко наблюдается в больших семьях со столь динамичным образом жизни*»[25]. По приглашению родственников штутгартцы Август-Вильгельм и Анна Ротермунды посетили в 1872 г. свою родню. Везде им был оказан сердечный прием. В своих воспоминаниях Анна писала: «*Сначала во время длительного пребывания в пасторском доме в Пёльде (Pöhlde) в Харце <у старшей сестры Августа-Вильгельма Берты и ее мужа пастора Эмиля Гебзера> я прекрасно поняла, что шурин Гебзер — строгий приверженец лютеранской веры и пылкий ганноверец. Накануне нашего отъезда в Саксонию тихий дом пастора превратился в шумный трактир. Из Рейдта прибыл <брат мужа> пивовар Карл-Фридрих Ротермунд <1810–1882> с женой и дочерьми. На следующий день все вместе мы отправились в дальнейшее путешествие в Лейсниг под Дрезден, где должна была состояться свадьба Юлия-Людвига Ротермунда. Здесь мы тоже наслаждались радушным приемом. Второй раз за короткое время собралось дружное семейство Ротермундов — родственники приехали с севера и юга Германии, из Неаполя, С.-Петербурга и Москвы. После празднования свадьбы Юлия-Людвига мы поехали в Дрезден погостить к еще одному брату мужа — Адольфу-Эрнсту Ротермунду <(1817–1888)>, жившему в прелестной вилле, расположенной на берегу Эльбы. Потом мы направились дальше — в Обернойланд (Oberneuland) под Бременом, в загородное имение моего старшего зятя <и основателя Торгового дома "А.В. Ротермунд"> Александра-Вильгельма <(1806–1885)>. Здесь мой муж загорелся планом пристроить к нашему дому в Штутгарте зимний сад. Нашей последней остановкой в этой поездке был Рейдт в Рейнланде, где Карл-Фридрих, третий брат моего мужа, владел большим пивоваренным заводом. И здесь нам был оказан сердечный прием. После нескольких недель отсутствия мы вернулись домой в Штутгарт, переполненные богатыми и разнообразными впечатлениями*»[26].

Бывший «майский жук» Август Августович Ротермунд после окончания гимназии в Штутгарте до 1872 г. изучал химию в Штутгартском

политехническом институте, после чего на протяжении года осваивал сахарное производство в швабском городе Цюттлинген (Züttlingen), а позднее профессии слесаря и кузнеца на машиностроительном заводе в Брауншвейге, считая, что «*помещик-хозяйственник должен уметь делать всё*». В 1874 г. в возрасте 23 лет он был отправлен отцом на юг России, где на протяжении восьми лет (до 1882 г.) работал под руководством старого господина Вейссе на его заводе в Бобрике. И наконец, в 1882 г. занял положение директора сахарных заводов Рубежное и Головчино. В том же 1882 г. он женился в Штутгарте на уроженке этого города Марте Рейлен (Martha Reilen, 24.01.1862–18.01.1935) и увез молодую жену в Рубежное под Харьков, где они обосновались на долгие 16 лет и где родились их восемь детей.

Младший брат Августа, Альфред Ротермунд (1854–1923), как и его старший брат Август, сначала трудился у господина Вейссе в крупном имении-«экономии» Грязное. Женился он на несколько месяцев раньше своего старшего брата (в 1882 г.) в Штутгарте на Берте Келле (Bertha Kölle, 20.03.1862–03.03.1930) и тоже увез жену на юг России, в Курскую губернию (теперешнюю Белгородчину), где стал управляющим экономией Дубовое (ныне — поселок Горьковский на Белгородчине), а позднее под руководством более опытного старшего брата Августа — сахарным заводом в Головчино, расположенным по соседству.

В середине 1880-х годов к двум старшим братьям присоединился еще один уроженец С.-Петербурга, Оскар (1859–1887), который стал осваивать управление хозяйством в Рубежном, «*но совершенно неожиданно умер от тифа 4 января 1887 г. в возрасте 27-ми лет*»[27]. Гроб с его телом перевезли в Штутгарт, где он нашел место последнего упокоения в семейном склепе рядом с родителями — отец Август-Вильгельм умер за полтора года до этого, 11 мая 1885 г., а мать, Мария Эльбен, намного раньше, 12 августа 1866 г.

«*Крупные имения-экономии Дубовое в Курской губернии и Рубежное в Харьковской губернии были взяты в аренду у дворян, которым они принадлежали, но которые едва ли заботились о своих землях, используя их только для выпаса. По всей видимости, арендные договора предусматривали очень долгий срок, иначе ни один арендатор не рискнул бы вложить свои деньги в сахарные заводы. <…> Очевидцы говорили, что благодаря неустанному труду Ротермунды превратили степной ландшафт в цветущую местность с роскошными зерновыми и корнеплодными полями*»[28]. «*Они относились к числу самых крупных немецких предпринимателей*

на Украине. Их сахарные заводы производили в среднем ежегодной продукции на сумму в размере 1,7 млн руб. с каждого завода»[29].

«*Безусловно, своими коммерческими успехами семья Ротермундов была обязана прежде всего Штутгартской семейной линии <4-я линия>, и более всего Августу-Вильгельму Ротермунду (1820–1885), который на протяжении 24-х лет <с 1840 по 1864 г. вместе с братьями> руководил Торговым домом в С.-Петербурге и благодаря своему коммерческому чутью и таланту совместно со своим племянником Александром Александровичем <(1834–1904)> организовал и развил важнейший сегмент по производству сахара на юге России*»[30].

«*К концу 1860-х фирма "Ротермунд и Вейссе" ("Rothermundt & Weisse") имела статус дочернего предприятия петербургской фирмы "А.В. Ротермунд". Сотрудничество Ротермундов и Вейссе было продуктивным, оно не прерывалось вплоть до начала Первой мировой войны... Вскоре стало понятным, что главный Торговый дом Ротермундов, располагавшийся на расстоянии более чем 1200 км в С.-Петербурге, был почти недосягаем для Украины*»[31]. Москва находилась гораздо ближе — примерно в 500 км от Головчино, где с 1839 г. размещался первый сахарный завод Ротермундов[32], а Харьков и Курск уже с 1855 г. имели с Москвой прямое железнодорожное сообщение. С учетом этого в 1870 г. был создан московский филиал фирмы «А.В. Ротермунд», перед которым была поставлена задача — организовать продажу сахара и поиск средств для финансирования и развития сельскохозяйственного производства на юге России.

Для руководства дочерним отделением Торгового дома Ротермундов в Москву из Германии в 1870 г. был направлен младший сын основателя семейного дела, Клементий Александрович Ротермунд (1849–1909), после того как «*окончил полный курс гимназии в Бремене*»[33]. Через пять лет к нему на помощь приехал его кузен из Рейдта, сын пивовара Юлий Карлович Ротермунд (Julius Rothermundt, 05.11.1849–20.12.1909). На этом посту Клементий Александрович находился почти 17 лет и вернулся в Петербург только в 1887 г.

В 1872 г. его двоюродный брат Адольф Адольфович-старший Ротермунд (1846–1930) женился на дочери санкт-петербургского банкира коммерц-советника Дмитрия Ивановича Мейера, Эмилии Мейер (Emilie Meyer, 10.12.1854–02.01.1928). Семья проживала на Васильевском острове вблизи от конторы Торгового дома — в доме № 13 по Большому проспекту между 3-й и 4-й линиями[34]. С 1874 по 1891 г. в семье Адольфа Адольфовича-старшего родились три дочери и пятеро

сыновей: Ольга Елисавета (звавшаяся в семье Эльзой — Olga Elisabeth, 22.06.1874–25.02.1905), Адольф Вильгельм (Adolf Wilhelm, 31.05.1876 — май 1944), Клара (Klara, 10.02.1878–24.09.1910), Макс Густав Эдуард (Max Gustav Eduard, 20.12.1879–?), Густав Эдуард Адольф (Gustav Eduard Adolf, 10.07.1881–?), Альма (Alma, 1887–1893), Борис Эдуард Адольф (Bernhard Eduard Adolf, 02.07.1887–?) и Альфред Эрнст Адольф (Alfred Ernest Adolf, 25.12.1891–08.12.1921)[35].

Адольф Адольфович-старший активно занимался благотворительной деятельностью — жертвовал средства на содержание Дома призрения и ремесленного образования бедных детей в С.-Петербурге, был награжден золотыми медалями «За заслуги по Дому» для ношения на Анненской ленте (1895), Владимирской ленте (1898) и Александровской ленте (1905), а также орденами Св. Станислава III степени (1908) и Св. Анны III степени (1911)[36].

Впоследствии Адольф Адольфович-старший стал меценатом и известным коллекционером живописи — в основном французского модерна начала XX в. Самый большой след в российской истории Ротермундов оставили его сыновья — Адольф Адольфович-младший (1876–1944), трудившийся в Торговом доме «А.В. Ротермунд» с 1898 по 1905 г., и Густав Адольфович (1881–?), заменивший старшего брата в руководстве Торгового дома с 1905 по 1916 г.

В 1893 г. в возрасте 17 лет Адольф Адольфович-младший поступил в пятый класс Реального училища Карла Мая. К этому времени его семья переехала в угловой дом по адресу: 12-я линия, 7 / Большой пр., 43[37] (в 1896–1917 гг. по этому адресу проживала семья Клементия Александровича Ротермунда[38]). Но, проучившись всего два года, А.А. Ротермунд был вынужден покинуть училище — его семья переехала в 1895 г. в Дрезден. Адольф Адольфович-младший вернулся в Петербург на семейную фирму через три года.

Младший сын основателя Торгового дома Клементий Александрович Ротермунд (1849–1909) (рис. 8) нашел свою невесту, Джульетту (Юлию) Федоровну Пфистер (Giulietta Pfister, 10.09.1863, Неаполь — 1950, Берн), в Неаполе среди родственников зятя своей старшей сестры Берты Азельмейер. Свадьба состоялась в Неаполе, на родине невесты, 19 марта 1885 г., и, следуя уже сложившимся семейным традициям, сразу после венчания молодожены переехали в Россию. В Москве 10 марта 1886 г. у Клементия и Юлии Ротермундов родился первенец Фриц (Fritz), и в 1887 г. супруги перебрались в Санкт-Петербург. К сожалению, судьба Фрица и дата его смерти остались неизвестны.

Съ глубокимъ прискорбіемъ извѣщаемъ о кончинѣ дорогого шефа и ч
нашей фирмы
Клементія Александровича
РОТЕРМУНДЪ
послѣдовавшей послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни 10 (23) іюля въ Ф
бургѣ (Брейсгау). О днѣ похоронъ будетъ объявлено особо.
А 49847
А. В. Ротермунд

Рис. 8. Траурное объявление о кончине
Клементия Александровича Ротермунда[39] (1849–1909)

5 августа 1888 г. в С.-Петербурге у Клементия и Юлии Ротермундов родился еще один сын — будущий «майский жук» Александр-Вильгельм Клементьевич Ротермунд, названный в честь дедушки, основателя Торгового дома. К сожалению, дедушка скончался в своем имении Обернойланд под Бременом за три года до этого события, 7 августа 1885 г.

В 1888 г. «мама Анна» Ротермунд (1845–1924), свояченица и вторая жена Августа-Вильгельма Ротермунда (1820–1885), совершила первое большое путешествие из Штутгарта на юг России и побывала в гостях у своих племянников-пасынков Августа Августовича в Рубежном и Альфреда Августовича в Дубовом.

Из сохранившихся семейных записей Эрны Вальхер, урожд. Сик (Erna Helene Anna Walcher, geb. Sick, 11.11.1885–25.11.1970), внучки Августа-Вильгельма Ротермунда (1820–1885) и родной племянницы штутгартских братьев Ротермундов, можно сделать заключение о постоянных и оживленных контактах «Штутгартской» линии Ротермундов с семьями Августа Августовича в Рубежном и Альфреда Августовича в Дубовом, а также о визитах «мамы Анны» Ротермунд в Россию.

В апреле 1888 г. сам Август Августович прибыл из России в Штутгарт и повез «маму Анну» в Рубежное: «*...после трехдневного путешествия через Вену и Киев они добрались до города Харьков на реке Донец*»[40].

«*Поездка из Харькова через русские степи в Рубежное на повозке, запряженной четырьмя лошадьми, показалась ей великолепной*, — писала позже Эрна Вальхер, — *а там ей был оказан сердечный прием невесткой*

Мартой <урожд. Рейлен>, которая уже шесть лет жила вдали от своей штутгартской родины, и вскоре бабушка почувствовала себя по-домашнему у детей и двоих внуков»[41]. Внучке Марии, или Мане, родившейся 11 января 1885 г., шел четвертый год, а внуку Августу-младшему, родившемуся 27 июля 1887 г., было около года. Когда «мама Анна» свыклась с новой обстановкой, «*Марта воспользовалась присутствием свекрови и отправилась в четырехнедельную поездку в Германию. Бабушке — ей было 43 года — сначала было нелегко в чужой стране, да и в русском языке она была не сильна, но благодаря своей энергии она быстро справилась с трудностями. Поначалу робевшие внуки Маня и Август вскоре прониклись доверием к бабушке, слуги отнеслись к новой хозяйке с уважением. Однако бабушку с нетерпением ждала и семья Альфреда Августовича в Дубовом. После возвращения Марты из Германии огромным наслаждением для "мамы Анны" стало путешествие по широким степям от Рубежного до Дубового <на юге Курской губернии>, где ей и стар, и млад также оказали сердечный прием — здесь тоже росли двое внуков*»[42] — двухлетний Август Конрад Оттокар (27.02.1886–15.11.1920) и младший Альфред Карл Оскар (15.09.1887–?). «*Ежедневно Альфред Августович делал выезды с "мамой Анной", стараясь показать ей хозяйство, размерами которого она была поражена. Осмотр сахарного завода и различных хуторов-фольварков, расположенных друг от друга на расстоянии нескольких часов езды, занимал много времени. Вечерами бабушка радовалась общению с детьми и внуками...*»[43]

На обратном пути «мама Анна» посетила С.-Петербург, где самое большое впечатление на нее произвело посещение Торгового дома «А.В. Ротермунд». «*Благоговейные мысли переполнили меня*, — писала позднее Анна Ротермунд, — *когда я переступила порог <Торгового> дома Ротермундов, из тесных конторок которых выросла одна из ведущих на сегодняшний день фирм России. Квартиры братьев Ротермунд, которые находились в этом же доме, позволяли сделать вывод о скромности и непритязательности их владельцев, несмотря на то что в их распоряжении имелись весьма значительные средства. С другой стороны, и квартиры, и дачи оставили очень элегантное впечатление*»[44].

В конце 1890 г. из Рубежного в Штутгарт начали поступать тревожные сообщения о самочувствии Августа Августовича Ротермунда-старшего. После перенесенного воспаления легких он вынужден был лечиться в Швейцарии, ненадолго вернулся в Россию, снова лечился, но в 1904 г. окончательно покинул Россию и обосновался в Штутгарте. Август Августович провел в России более 30 лет, в том числе 16 лет

в Рубежном и 6 лет в Лебяжьем. За девять лет до этого, в 1895 г., переехал из России в Штутгарт и его младший брат Альфред Августович Ротермунд, который провел в нашем Отечестве более 17 лет (с 1877 по 1895 г.) — он настаивал, чтобы его сыновья учились в немецких школах.

Однако этому правилу следовали не все представители многочисленного семейства... Клементий Александрович Ротермунд отдал двух своих сыновей — Александра-Вильгельма и Владимира — в гимназию Карла Мая, где братья прошли полный курс обучения. Сам Клементий Александрович был «*избран гласным С.-Петербургской биржи на 1894–1897 гг., кандидатом Биржевых старшин на 1898–1901 гг., кандидатом Биржевых старшин на 1901–1904 гг.*» [см. 39], а 6 мая 1902 г. купцу I гильдии и члену петербургского Биржевого комитета Клементию Александровичу Ротермунду было пожаловано звание потомственного почетного гражданина. В 1906 г. Клементий Александрович уехал в Дрезден, но часто приезжал по делам в северную столицу. В Петербурге осталась его жена «Джулиетта Федоровна» с детьми: старший сын Александр-Вильгельм поступил в Политехнический институт, сыну Владимиру предстояло еще три года учиться «у Мая». Кроме них, в семье росли дочери Елена (Helene Christine Giulia, 09.11.1890–?) и Ариана (Engel-Ariane, 10.03.1896–?), а также младшие сыновья — дошкольники Генрих (Heinrich, 03.06.1899–26.09.1924) и Георг (Georg, 25.10.1902–19.12.1924).

Семейству не суждено было воссоединиться в Дрездене — отец Клементий умер 23 июля 1909 г.

В 1898 г. в Петербург на помощь старшим родственникам вернулся из Дрездена выпускник «майской» школы Адольф Адольфович-младший, который состоял в руководстве семейной фирмы вплоть до 1905 г., когда его сменил младший брат Густав Адольфович.

В том же 1898 г. «мама Анна» Ротермунд совершила вторую длительную поездку «в далекую Россию» — на этот раз к своему племяннику Августу Августовичу Ротермунду.

За полтора года до этого, в январе 1897 г., фирма «Ротермунд & Вейссе» приобрела крупное имение-«экономию» Лебяжье в Змиевском уезде Харьковской губернии. В феврале 1898 г. сюда переселилась семья «майского жука» Августа Августовича Ротермунда. В Лебяжьем был построен новый сахарный завод, и сюда собирались все нити управления, поэтому Август Августович избрал Лебяжье местом постоянного проживания. «Бабушке Анне» очень хотелось посетить

новое место обитания семьи Августа, а также увидеть своих внуков, в том числе родившихся в 1894 г. близнецов Лену и Васика. Ее сопровождала 26-летняя внучатая племянница Анна Либ (Anna Lieb, 1872–1943)[45], внучка старшей сестры Луизы Эльбен, в замужестве Моль.

Свои впечатления от дома и сахарного завода в Лебяжьем Анна описала в своем дневнике:

«*Как будто специально созданный для многочисленной семьи, внушительный, хотя и одноэтажный, дом с его многочисленными просторными помещениями, упирающийся в тенистый парк, представляет собою великолепное место жительства. Новое огромное имение площадью в 36 тысяч морг (90 квадратных километров), приобретенное фирмой "Ротермунд & Вейссе", обещает стать великолепным. Немецкий интеллект и немецкое трудолюбие превратили территорию, по которой еще два года назад бродили только стада скота, в цивилизованную местность первого ранга, превратили истощенную и худосочную степь в сочные луга, а бескрайние просторы невозделанной земли — в прекрасные зерновые и корнеплодные поля. Там, где за год до этого кроме господского дома можно было увидеть лишь стоявшие в разрухе и запустении хозяйственные постройки, теперь возведен сахарный завод, окруженный дюжиной чистеньких, сложенных из кирпичей и покрытых железными крышами домов для служащих, с которыми соседствует склад-хранилище для сахара, общежития для рабочих, цеха, лавки по продаже товаров. Проложены новые мосты и дамбы, облегчающие подвоз стройматериалов. И Август — движущаяся сила всего этого большого предприятия. Он оставил за собой главное руководство и в Рубежном, месте своего предыдущего проживания. Частная телефонная линия связывает оба имения и способствует координации деятельности. Часто я просто поражалась его огромной работоспособности, но больше всего меня восхищает в Августе его спокойствие и уравновешенность, с которыми он принимает и отдает все распоряжения. Этим душевным спокойствием он обязан, пожалуй, прежде всего, своей твердой воле, благодаря которой он отказался от таких вредных привычек, как курение и алкоголь. Следует отметить, что при возвращении домой после напряженного трудового дня Август не находится в нервном состоянии, как многие другие мужчины, а наоборот, всегда выказывает интерес и заботу о домашних делах и домочадцах <включая прислугу>. С большой любезностью он устраивал для меня поездки по имению, терпеливо показывал и рассказывал о том, с какой волшебной силой преобразуется этот кусок русской земли*»[46].

Небезынтересно отметить, что «майский жук» Август Августович Ротермунд указан в первом томе «Энциклопедии фамилий Харьковской губернии»: «*Ротермунд Август Августович (1852 г.р.) — имение в с. Лебяжье Змиевского уезда. Жена Марта (1862 г.р.). Дети: Марта (1890), Август (1887). Жена Августа — Эльза (1890)*»[47].

Во время пребывания «бабушки Анны» в Лебяжьем ее внучатая племянница Анна Либ наставляла своих троюродных сестер Маню, Лизу, Марту и Анну по различным предметам, которые прежде изучала сама в школе при Катарининском монастыре. Чтобы подготовить одиннадцатилетнего Августа-младшего к немецкой гимназии, родители в качестве домашнего учителя пригласили вюртембергского теолога, пастора Беца (Betz).

Лето 1904 г. стало поворотным пунктом в жизни всей семьи. После 30-летней деятельности в России уроженец С.-Петербурга Август Августович Ротермунд решил вернуться со своей семьей в Штутгарт и уже оттуда руководить делами на юге России.

Александр-Вильгельм Клементьевич Ротермунд окончил школу в 1906 г. В аттестате зрелости гимназии К. Мая зафиксировано: «*Дан сыну потомственного почетного гражданина Александру-Вильгельму Клементьевичу Ротермунду, реформатского вероисповедания, родившемуся на ст. Удельной по Финляндской ж.д. 23 июня 1888 г., обучавшемуся с сентября 1898 г. по май 1906 г. в С.-Петербургской гимназии К. Мая и бывшего 1 год в VIII Классе. Поведение было — отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков — удовлетворительная, прилежание — удовлетворительное, любознательность — достаточная. Обнаружил следующие познания: Закон Божий — 4, русский язык — 3, логика — 3, латинский язык — 4, греческий язык — 3, математика — 3, физика — 3, математическая география — 3, история — 4, география — 4, немецкий язык — 5*»[48]. После окончания гимназии он поступил в Политехнический институт, однако через год, 13 августа 1907 г., подал прошение на имя ректора Университета: «*Честь имею просить принять меня на экономическое отделение юридического факультета Императорского С.-Петербургского Университета. Адрес проживания: С.-Петербург, Васильевский остров, 1-я линия, д. 25*». На юридическом факультете он проучился только год: 27 октября 1908 г. от отца поступило прошение с просьбой выдать документы его старшего сына. Видимо, это было связано с планировавшимся переездом семьи в Германию. Александр-Вильгельм Клементьевич Ротермунд стал коммерсантом, а после смерти отца с 1910 по 1918 г.

трудился в московском отделении семейной фирмы, позднее перебрался в Дрезден.

Владимир Клементьевич Ротермунд окончил гимназию Мая в 1909 г. со следующим аттестатом: «*Дан сыну потомственного почетного гражданина Владимиру Клементьевичу Ротермунду, евангелическо-лютеранского вероисповедания, родившемуся в С.-Петербурге 30 января 1892 г. в том, что он, поступив в С.-Петербургскую гимназию К. Мая в августе 1901 г., закончил полный восьмиклассный курс, обучался по май 1909 г. при отличном поведении. Обнаружил следующие познания: Закон Божий — 5, русский язык — 3, философская пропедевтика — 3, логика — 3, латинский язык — 3, законоведение — 4, математика — 4, математическая география — 3, физика — 3, история — 3, география — 3, французский язык — 4, немецкий язык — 5*»[49]. Избрав для себя юридические науки, он поступил в Санкт-Петербургский университет, сдал в 1914 г. государственный экзамен на звание юриста и стал адвокатом. По данным на 1913 и 1914 гг. Владимир Клементьевич жил вместе с матерью-вдовой и младшими братьями Генрихом и Георгом на Васильевском острове по адресу: 12-я линия, 7 / Большой пр., 43[50], и в 1914 г. вошел в руководство Торгового дома «А.В. Ротермунд». После того как в 1916 г. Густав Адольфович переехал из России в Финляндию, Владимир Клементьевич возглавил руководство Торговым домом и Товариществом свеклосахарных заводов «Ротермунд и Вейссе». Он стал последним руководителем семейного Торгового дома «А.В. Ротермунд». Кроме того, по данным адресных книг «Весь Петроград», он входил в «Гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената»[51].

Практическое руководство сахарными заводами на Юге России оставалось в руках Августа Августовича Ротермунда-старшего, проживавшего в Штутгарте.

Его сын, уроженец Рубежного Август-младший (1887–1964), после окончания гимназии сначала изучал химию в Штутгартском университете, далее постигал практическое сельское хозяйство и таким образом готовился взять на себя управление делами отца в далекой России. Став дипломированным инженером, Август Ротермунд-младший 4 мая 1912 г. заключил брак с уроженкой Штутгарта Эльзой Вальхер (Else Walcher, 12.01.1890–?), дочерью старшего медицинского советника доктора Густава Адольфа Вальхера из Эльвангена, и с той же самой радостной уверенностью, как когда-то его родители, Август и Марта, молодая чета отправилась на свою «русскую родину»

в Лебяжье. Однако вскоре мирная идиллия была нарушена надвигающейся войной — возвращение в Германию стало невозможным. Августа-младшего арестовали, объявили военнопленным и депортировали вглубь России. Жена с маленькой дочерью последовала за ним. Его отец, Август Августович-старший, приехавший в Лебяжье на ежегодную инспекцию вместе с женой и дочерью за три недели до начала войны, смог вернуться с женой и дочерью в Штутгарт лишь осенью 1914 г.

В октябре 1914 г. в Штутгарт пришло сообщение, что они все вместе (сын с невесткой и дочкой и племянником Сиком) находятся за Уралом, в Троицке Оренбургской губернии, и что все живы-здоровы. Следующее сообщение гласило, что 4 февраля 1915 г. в Троицке в семье Августа-младшего родилась вторая дочь, Эльза. Осенью 1915 г. жена Августа-младшего Эльза Ротермунд с двумя маленькими дочерьми прибыла в Штутгарт через Венгрию. Даже после заключения мира между Россией и Германией в 1918 г. семья еще долго оставалась в неведении относительно судьбы Августа Ротермунда-младшего... И только 15 марта 1920 г. была получена телеграмма о его скором возвращении.

По данным семейной хроники, Торговый дом «А.В. Ротермунд» был ликвидирован большевиками 21 мая 1919 г.[52]

3 мая 1925 г. состоялся первый «семейный день» в Штутгарте, объединивший всех потомков Ротермундов.

Последний руководитель фирмы, выпускник майской школы Владимир Клементьевич Ротермунд, с 1928 по 1934 г. жил и работал в Германии, с 1935 по 1939 г. — в Эстонии в Ревеле/Таллине, в 1939 г. уехал в польский город Торн на Висле[53], где служил адвокатом[54].

Сын Вольдемара и Агнесс Ротермундов Юрий был убит под Ленинградом 27 апреля 1942 г., Андрей пропал под Сталинградом 6 января 1943 г., Вольдемар погиб 8 сентября 1944 г.[55]

Переживший трех сыновей, Владимир Клементьевич Ротермунд был «*убит 19 января 1945 г. в Торне*».

Выпускник школы К. Мая Август Августович Ротермунд-старший умер в возрасте 86 лет в 1937 г. в Мюнхене.

Благосостояние Торгового дома Ротермундов основывалось на «трех китах» — торговле колониальными товарами, производстве табачных изделий и сахароварении (рис. 9).

При этом нельзя сказать, что деятельность известной семьи коммерсантов замыкалась только в этих направлениях. Доказательством

Рис. 9. Развесная ложечка «Торговый дом А.В. Ротермунд». Медь. Начало XX в.

этому может служить участие Ротермундов в банковской деятельности, управлении крупнейшими мануфактурами[56] и в строительстве железных дорог и горном деле. Сейчас мы сказали бы, что Ротермунды успешно воплощали в жизнь идею диверсификации бизнеса. Безусловно, самым успешным из этих направлений стал «сахарный проект». За короткое время Ротермунды получили законное право именоваться «сахарными королями» России[57], а сама Россия из страны — импортера сладкого продукта превратилась в значимого игрока на европейских рынках торговли сахаром[58].

Таким образом, на протяжении 90 лет успешная семья коммерсантов и хозяйственников Ротермундов вносила существенный вклад в развитие нашего Отечества, и вполне заслуженно представители этой семьи были записаны в сословие потомственных почетных граждан России[59].

* * *

[1] *Wätjen Hans.* Aselmeyer — Rothermundt. Zwei Familien mit Bremischer Tradition im europäischen Ausland. Neapel und St. Petersburg im 19. Jahrhundert. Bremen, 1988. (*Ветьен Ганс.* Азельмейер — Ротермунд. Две семьи с бременскими традициями в европейском зарубежье. Неаполь и С.-Петербург в XIX столетии. Бремен, 1988. Неопубликованная рукопись. Далее по тексту — Wätjen...).

[2] Адресная книга санкт-петербургского биржевого купечества, иностранных гостей, биржевых маклеров и браковщиков при Санкт-Петербургском порте. СПб.: тип. И. Глазунова и К°, 1844–1881. 124 с.; от 1844 г. С. 16.

[3] Фонд проф. Э.Н. Амбургера. URL: http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=40319 (дата обращения: 12.05.2018).

[4] Фонд проф. Э.Н. Амбургера. URL: http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=40323 (дата обращения: 12.05.2018).

[5] *Благово Н.В.* Школа на Васильевском острове. СПб.: Наука. 2009. Ч. 2.

[6] Wätjen... S. 94.

[7] Дом и табачная фабрика В.Г. Жукова (1795–1882) находились в С.-Петербурге на набережной Фонтанки, д. 74.

[8] Ловиза — небольшой городок на берегу Финского залива, в 90 км от Хельсинки.

[9] Адресная книга санкт-петербургского биржевого купечества, гг. иностранных гостей, биржевых маклеров и браковщиков при Санкт-Петербургском порте. СПб.: тип. И. Глазунова и К°, 1844–1881. 124 с.; от 1844 г. С. 16.

[10] Адресная книга санкт-петербургского биржевого купечества, иностранных гостей, биржевых маклеров и браковщиков при С.-Петербургском порте. СПб, 1852.

[11] Фонд проф. Э.Н. Амбургера. URL: http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=40319 (дата обращения: 12.05.2018).

[12] Wätjen... S. 118.

[13] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Экономия (дата обращения: 12.05.2018).

[14] Wätjen... S. 96.

[15] ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 4904.

[16] ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 1706.

[17] Меркурий — бог торговли.

[18] Wätjen... S. 100.

[19] Lehr- und Erziehungsanstalt Dresden. Jahresbericht von Dr. Chr. Friedrich Krause (Schuldirektor) 1842–1858 (Учебно-воспитательное заведение (учреждение) Дрездена. Годовые отчеты директора школы доктора Хр. Фридриха Краузе за 1842–1858 гг.). URL: http://ahnen-forscher.de/forum/re_zoeglinge_der_lehr__und_erziehungsanstalt_dresden_1852___1857-16509305-t.html (дата обращения: 12.05.2018).

[20] Wätjen... S. 116–117.

[21] Thorn — ныне Торунь, Польша.

[22] Wätjen... S. 99.

[23] Wätjen... S. 99.

[24] Фонд проф. Э.Н. Амбургера: Юлиус Ротермунд. URL: https://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=40323 (дата обращения: 12.05.2018).

[25] Wätjen... S. 99.

[26] Wätjen... S. 99–100.

[27] Wätjen... S. 120.

[28] Wätjen... S. 118–119.

[29] *Fleischhauer Ingeborg.* Die Deutschen im Zarenreich. Verlag: Area, 2005. (*Флейшгауэр Ингеборг.* Немцы в царской России. Изд. Area. 2005).

[30] Wätjen... S. 119.
[31] Wätjen... S. 117–118.
[32] Головчино. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Головчино_(Белгородская_область) (дата обращения: 12.05.2018).
[33] Wätjen... S. 96.
[34] Адресная книга города С.-Петербурга на 1892 г. / под ред. П.О. Яблонского. СПб., 1892. С. 167.
[35] Wätjen... S. 138.
[36] ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 629.
[37] Весь Петербург на 1894 год. СПб., 1894. С. 201.
[38] Весь Петербург на 1896 год. СПб., 1896. С. 270.
[39] ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 4904.
[40] Wätjen... S. 120.
[41] Wätjen... S. 120–121.
[42] Wätjen... S. 121.
[43] Wätjen... S. 121.
[44] Wätjen... S. 101–102.
[45] URL: http://www.geni.com/people/Anna-Mathilde-Reihlen/6000000029768921466 (дата обращения: 12.05.2018).
[46] Wätjen... S. 123–124.
[47] URL: http://www.academia.edu/13954527/Энциклопедия_фамилий_Харьковской_губернии._Том_1 (дата обращения: 12.05.2018).
[48] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 49634.
[49] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 53658.
[50] Весь Петроград на 1914 год. Пг., 1914. С. 567.
[51] Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. С. 589.
[52] Wätjen... S. 104.
[53] Фонд проф. Э.Н. Амбургера. URL: http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=40326 (дата обращения: 12.05.2018).
[54] Wätjen... S. 136.
[55] URL: http://погибшие.рф/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-rzh-rs.html (дата обращения: 12.05.2018).
[56] *Барышников М.Н.* Создание текстильного треста в Петербурге в начале XX века // Российский журнал менеджмента. 2011. Т. 9, № 2. С. 125–144.
[57] РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 1798.
[58] РГИА. Ф. 40. Оп. 1 Д. 23. Л. 103.
[59] ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 4904. Л. 12.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив БИН РАН — Архив Ботанического института им. В.Л. Комарова Российской академии наук

БМЭ — Большая медицинская энциклопедия

ГАТВО — Государственный архив Тверской области

ГМШ — Генеральный морской штаб

ГРМ — Государственный Русский музей

ДГ — Департамент герольдии

ДДС — Дворянское депутатское собрание

ДРК — Дворянская родословная кинга

ЕИВ — Его Императорское Величество

ИВМА — Императорская Военно-медицинская академия

ИРГО — Императорское Русское географическое общество

МКК — Морской кадетский корпус

НИИГАиК — Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии

ОР ГРМ — Отдел рукописей Государственного Русского музея

ОР ИРЛИ РАН — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГИА — Российский государственный исторический архив

РГО — Русское географическое общество

РМС — Российский медицинский список

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Труды ИИЕТ — Труды Института истории естествознания и техники Российской академии наук

ФЭ — Флотский экипаж

ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архимандрит Августин (Никитин), кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Archimandrite Augustine (Dmitriy Yevgeniyevich Nikitin), Candidate of Theology, Associate Professor at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: arch.avgustin@gmail.com

Биллер Евгений Яковлевич, инженер отдела сертификации продукции ФБУ «Тест–С.-Петербург», участник группы потомков немецких колонистов, живших под Санкт-Петербургом и Великим Новгородом в 1765–1941 гг.

Biller Eugene Ya., is working as engineer in the certification department of the Federal State Institution "Test–St. Petersburg", participates in activity of team for descendants of the first German settlers, lived at Saint Petersburg and in the Novgorod province within the time 1765–1941.

E-mail: biller48@mail.ru

Валиев Мурат Тимурович, руководитель проекта «Общество друзей школы Карла Мая» www.kmay.ru (Санкт-Петербург).

Valiev Murat T., Project Head of "Society of Karl May School Friends" (St. Petersburg).

E-mail: mvaliev@mail.ru

Ганф Татьяна Иннокентьевна, независимый исследователь (Санкт-Петербург).

Ganf Tatiana I., Independent Researcher (St. Petersburg)

E-mail: tganf@yandex.ru

Головнин Петр Андреевич, директор ассоциации «Русско-японский центр по науке и культуре» (Санкт-Петербург).

Golovnin Peter A., Director of Association "Russian-Japanese centre of science and culture" (St. Petersburg).

E-mail: peter-15g@mail.ru

Иванова Наталья Ивановна, руководитель музея «Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях», Немецкой секции Ассоциации исследователей Санкт-Петербурга.

Ivanova Natalia I., Museum Germanys in St. Petersburg, Germanys Sektion of the reseaarches Assotiation (St. Petersburg).

E-mail: naiviv@mail.ru

Иодко Ольга Владимировна, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН).

Iodko Olga V., Senior Researcher, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN).

E-mail: o_akbar@bk.ru

Красникова Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, заведующая сектором картографии отдела фондов и обслуживания Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Krasnikova Olga A., Ph.D., Head of the cartography sector of the Department of Funds and Services of the Library of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

E-mail: okras05@mail.ru

Краснослободцева Ольга Львовна, действительный член Историко-родословного общества Москвы и Обществ потомков участников войны 1812 и 1914 гг.

Krasnoslobodtseva Olga L., She is a full member of the Historical and Genealogical Society of Moscow and the Society of the Descendants of the Participants of the War of 1812 and 1914.

E-mail: bondaryushka53@mail.ru

Кривдина Ольга Алексеевна, кандидат искусствоведения, профессор кафедры русского искусства Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина РАХ, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея, член Союза художников России, Ассоциации искусствоведов (АИС), ИКОМ.

Krivdina Olga A., PhD, art critic, professor at the Russian Art Department of the Repin State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture of St. Petersburg, leading researcher of the Russian Museum, member of

Artists` Union of Russia, member of Art Critics, Art Historians Association (AIS), ICOM.
E-mail: olgakrivdina@yandex.ru

Кузьмина Нина Георгиевна, методист Российского творческого союза работников культуры.
Kuzmina Nina G., methodist, Russian Creative Union of Cultural Workers.
E-mail: yasnova1966@yandex.ru

Лейнонен Ирина Леонидовна, независимый исследователь (Лауша, Германия), волонтер «Общества друзей школы Карла Мая».
Leinonen Irina L., Independent Researcher (Lauscha, Germany), volunteer of "Society of Karl May School Friends".
E-mail: irleinonen@mail.ru

Сафонов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, старший научный сотрудник.
Safonov Mikhail M., PhD (History), senior researcher, St. Petersburg Institute of history of Russian Academy of Sciences.
E-mail: m.safonov@list.ru

Соболева Елена Станиславовна, кандидат исторических наук, отдел этнографии народов Южной и Юго-Западной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
Soboleva Elena S., PhD (History), Department of South and South-West Asia, MAE RAS (Kunstkamera) (St. Petersburg).
E-mail: soboleva@kunstkamera.ru

Удалова Екатерина Георгиевна, независимый исследователь (Санкт-Петербург).
Udalova Ekaterina G., Independent Researcher (St. Petersburg).
E-mail: katuka_udalova@inbox.ru

Уланов Владимир Алексеевич, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ), доцент кафедры высшей математики.
Ulanov Vladimir A., Peter the Great Petersburg Polytechnic University, Associate Professor at the Department of Higher Mathematics.
E-mail: vaulanov@lenta.ru

Уланова Татьяна Александровна, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), доцент кафедры математики.

Ulanova Tatiana A., State Institute of Technology Saint Petersburg (Technical University), Associate Professor at the Department of Mathematics.

E-mail: vaulanov@lenta.ru

Фассман Елена Вадимовна, исследователь (Санкт-Петербург), член Русского генеалогического общества.

Fassman Elena V., researcher (St. Petersburg), member of The Russian genealogical society.

E-mail: efassman@mail.ru

Фафурин Геннадий Александрович, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела редких книг РНБ (Санкт-Петербург).

Fafurin Gennady A., Ph.D., Researcher of Rare Books Department, National Library of Russia (St. Petersburg).

E-mail: fafurin@nlr.ru

Хартанович Маргарита Федоровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

Hartanovich Margarita F., Dr.Sci. (History), MAE RAS (Kunstkamera) (St. Petersburg).

E-mail: mkhart@yandex.ru

Черказьянова Ирина Васильевна, доктор исторических наук (Санкт-Петербург).

Cherkazyanova Irina V., Dr.Sci. (History) (St. Petersburg).

E-mail: cherk@inbox.ru

Шевчук Сергей Валерьевич, ведущий агроном Ботанического сада Ботанического института им. В.Л. Комарова (Санкт-Петербург).

Shevchyk Sergey V., leading agronomist of the Botanical garden of the Botanical Institute. V.L. Komarova (St. Petersburg).

E-mail: shevchuksv62@rambler.ru

Шкаровский Михаил Витальевич, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

Shkarovskiy Mikhail V., Place of work-chief archivist of the Central state archive of St. Petersburg.

E-mail: shkarovs@mail.ru

Шрадер Татьяна Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела европеистики МАЭ РАН (Санкт-Петербург).

Schrader Tatiana A., PhD (History), MAE RAS (Kunstkamera) (St. Petersburg).

E-mail: tatyana.schrader@gmail.com

Щавинская Екатерина Вячеславовна, театровед, заведующая архивом Театра балета Бориса Эйфмана (Санкт-Петербург).

Shchavinskaya Ekaterina V., theatricologist, chief archivist of the Eifman Ballet (St. Petersburg).

E-mail: **schavinskaya.ekaterina@yandex.ru**

Язовская Светлана Викторовна, кандидат искусствоведения, старший методист редакционно-издательского отдела Краевого центра информационно-технической работы (Барнаул).

Yazovskaya Svetlana V., candidate art history, older methodist editorial and publishing department the Regional center information technology work (Barnaul).

E-mail: svmuz@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ (*Т.А. Шрадер*). 3

XVIII век

Н.И. Иванова. ОДНА СЕМЕЙНАЯ ЛЕТОПИСЬ. АВЕНАРИУСЫ 7

О.В. Иодко. ПЕТЕРБУРГСКИЙ СЛЕД ГОТЛИБА (ТЕОФИЛА) ЗИГФРИДА БАЙЕРА (1694–1738) 20

М.М. Сафонов. ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВО ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ «ЗАПИСОК» ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II 35

Архимандрит Августин (Никитин). ИГНАТИЙ ФЕССЛЕР (1756–1839) — ФИЛОЛОГ, ФИЛОСОФ, БОГОСЛОВ 68

XIX век

М.Ф. Хартанович. ИОГАННЕС АЛЬБРЕХТ БЕРНГАРД (БОРИС АНДРЕЕВИЧ) ДОРН И ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК 91

О.В. Иодко. ВКЛАД АКАДЕМИКА КАРЛА ЮЛИЯ ФРИЦШЕ (1808–1871) В РУССКУЮ НАУКУ И ПРАКТИКУ 99

В.А. Уланов. А. ШТЕЙНГАУЗ И ЕГО «КУПЕЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА» 111

Г.А. Фафурин. ПРОФЕССОРСКИЙ ДЕСАНТ ИЗ ГЕРМАНИИ В ПЕТЕРБУРГ 127

В.А. Уланов, Т.А. Уланова. ФОН БЛАУ — ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ДИРЕКТОРОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА 151

Е.Я. Биллер. ХУДОЖНИК ВИЛЛЕВАЛЬДЕ, СЫН НЕМЕЦКОГО КОЛОНИСТА ИЗ ИЖОРЫ 161

О.А. Кривдина. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ СКУЛЬПТОРА И.Н. ШРЕДЕРА (1835–1908) 180

О.А. Красникова. А.Ф. РИТТИХ — КАРТОГРАФ, ПИСАТЕЛЬ, ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ (1831–1917?) 192

Т.И. Ганф. СОУЧЕНИКИ ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВИЧА БОТКИНА ПО ИМПЕРАТОРСКОЙ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ, ИМЕВШИЕ НЕМЕЦКИЕ И ШВЕДСКИЕ КОРНИ 219

Н.Г. Кузьмина. ИСТОРИЯ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ 233

Е.В. Щавинская. ИСТОРИЯ ОСОБНЯКА Ю.К. ДОББЕРТ (Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 14) 246

М.Т. Валиев, И.Л. Лейнонен. СМОЛЕНСКОЕ ЛЮТЕРАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ИСТОРИИ ШКОЛЫ К. МАЯ. 261

Е.С. Соболева. ФЕОФИЛ ЕГОРОВИЧ МЕЙЕНДОРФ — ЧЛЕН ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО СОВЕТА МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ 295

И.В. Черказьянова. РАССКАЗ «ПИТОМЦЫ»: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О «ПИТОМНИЧЕСКОМ ПРОМЫСЛЕ» ПЕТЕРБУРГСКИХ КОЛОНИСТОВ 304

XX век

М.В. Шкаровский. ПЕТЕРГОФСКИЙ ПАСТОР ФЕРДИНАНД БОДУНГЕН 325

Е.Г. Удалова. В.Л. АЛЬБРЕХТ. ПОЕЗДКА ЧЕРЕЗ ФРОНТ В СИБИРЬ. К СТОЛЕТИЮ ПЕТРОГРАДСКОЙ ДЕТСКОЙ ПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ (1918–1921) 330

Е.В. Фассман, С.В. Шевчук. В ТЕНИ ВЕЛИКОГО ОТЦА. ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ФИШЕР (1896–1985) 361

С.В. Язовская. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА АНДРЕЯ БИТТЕРА 372

Немецкие семьи и их родословные

П.А. Головнин. КАПИТАН ФОН ГАГЕМЕЙСТЕР В ВМФ РОССИИ 385

П.А. Головнин. АДМИРАЛ МАКСИМ ГЕННИНГ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ 406

П.А. Головнин. РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ДВОРЯНСКОГО РОДА ФОН РЕЙТЕРН 439

О.Л. Краснослободцева. ОБЕР-ЕГЕРЬ ЛИСИНСКОГО УЧЕБНОГО ЛЕСНИЧЕСТВА И СУДЬБЫ ЕГО ПОТОМКОВ 475

И.Л. Лейнонен, М.Т. Валиев. РОТЕРМУНДЫ — ЖИЗНЬ НА ДВА ДОМА 489

Список сокращений 514

Сведения об авторах 515

CONTENTS

TO THE READER (*T.A. Schrader*) 3

18th century

N.I. Ivanova. ONE FAMILY CHRONICLE. AVENARIUS 7

O.V. Iodko. PETERSBURG TRACK OF GOTTLIEB (THEOPHILUS) SIEGFRIED BAYER (1694–1738) 20

M.M. Safonov. PRESENTATION OF THE IMAGE OF GRAND DUCHESS CATHERINE ALEKSEEVNA IN THE SECOND VERSION OF THE "MEMOIRS" OF EMPRESS CATHERINE II 35

Archimandrite Augustine (Nikitin). IGNATIUS FESSLER (1756–1839) — THE PHILOLOGIST, PHILOSOPHER, THEOLOGIST 68

19th century

M.F. Hartanovich. JOHANNES ALBRECHT BERNHARD (BORIS ANDREEVICH) DORN AND IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES 91

O.V. Iodko. THE CONTRIBUTION OF ACADEMICIAN CARL JULIUS FRITZSCHE (1808–1871) TO RUSSIAN SCIENCE AND PRACTICE 99

V.A. Ulanov. A. SHTEINGAUZ AND ITS "MERCHANT ARITHMETIC" 111

G.A. Fafurin. PROFESSOR'S TRIO FROM GERMANY IN PETERSBURG 127

V.A. Ulanov, T.A. Ulanova. VON BLAU IS ONE OF THE FIRST DIRECTORS OF TECHNOLOGICAL INSTITUTE 151

E.Ja. Biller. PAINTER WILLEWALDE, SON OF THE GERMAN SETTLER FROM IZHORA 161

O.A. Krivdina . MATERIALS TO BIOGRAPHY OF I.N. SCHROEDER (1835–1908) 180

O.A. Krasnikova. A.F. RITTIKH — CARTOGRAPHER, WRITER, LIEUTENANT GENERAL (1831–1917?) 192

T.I. Ganf. PARTICIPATION OF GRADUATES E.E. BOTKIN OF THE MILITARY MEDICAL ACADEMY, ETHNIC GERMANS, IN THE CREATION OF NATIONAL PUBLIC HEALTS 219

N.G. Kuzmina. THE HISTORY OF THE ENGINEERING PLANT ON THE VYBORG SIDE 233

E.V. Shchavinskaya. THE HISTORY OF MANSIONS OWNED BY JULIA DOBBERT (Saint Petersburg, Bolshaya Pushkarskaya st., 14) 246

M.T. Valiev, I.L. Leinonen. SMOLENSK LUTHERAN CEMETERY IN THE HISTORY OF THE K. MAY SCHOOL 261

E.S. Soboleva. THEOPHIL EGOROVICH VON MEYENDORF — MEMBER OF THE BOARD OF TRUSTEES OF THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY 295

I.V. Cherkazyanova. THE STORY "NURSE CHILDREN": THE TRUTH AND FICTION OF THE "NURSERY INDUSTRY" OF THE PETERSBURG COLONISTS 304

20th century

M.V. Shkarovskiy. PETERHOF PASTOR FERDINAND BODUNGEN 325

E.G. Udalova. VALERI L. ALBRECHT. A TRIP ACROSS THE FRONT LINE TO SYBERIA. DEVOTED TO THE CENTINARY OF PETROGRAD CHILDREN'S NUTRITIONAL COLONY (1918–1921)..... 330

E.V. Fassman, S.V. Shevchuk. IN THE SHADOW OF A GREAT FATHER. OLGA FISCHER (1896–1985) 361

S.V. Yazovskaya. THE SOVIET PERIOD IN THE WORK OF THE ARTIST ANDREW BITTER 372

German Families and their Lineage

P.A. Golovnin. CAPTAIN VON GAGEMEISTER IN RUSSIAN NAVY 385

P.A. Golovnin. A FAMILY OF ADMIRAL MAKSIM GENNING 406

P.A. Golovnin. RELATIVE RELATIONS A NOBLE KIN OF REUTERN 439

O.L. Krasnoslobodtseva. OBER CHASSEUR OF THE LISINSKY SCHOOL FORESTRY AND THE FATE OF HIS DESCENDANTS 475

I.L. Leinonen, M.T. Valiev. THE ROTHERMUNDS — THE LIFE FOR TWO HOUSES 489

List of abbreviations 514

Information about authors 515

Научное издание

Немцы в Санкт-Петербурге

Биографический аспект

XVIII–XX вв.

Выпуск 12

Редактор *Т.В. Никифорова*
Корректор *Е.З. Чикадзе*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковской*

Подписано в печать 1.04.2019.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonPS. Усл. печ. л. 33. Уч.-изд. л. 31.
Тираж 200 экз. Заказ № 2835.

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 28
izd_lema@mail.ru

ISBN 978-5-88431-368-2

